БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Шкафъ
Полка
№
Инвентарь
№

РУКОВОДСТВО

КЪ

РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ.

Составилъ П. Знаменскій.

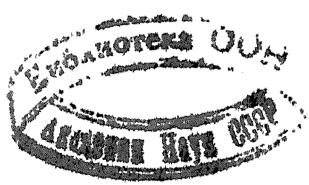
Изданіе третье.

[illegible]

КАЗАНЬ.
Въ Университетской типографіи.
1880.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется 10 февраля 1880 года.

Цензоръ Профессоръ академіи *Н. Бычковъ.*



353
36

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Начало христіанства въ Россіи.

Христіанство въ Россіи до славянъ. Христіанство у славянъ русскихъ Аскольдъ и Диръ. Христіанство при Олегѣ и Игорѣ В. кн. Ольга. Христіанство при Святославѣ и его дѣтяхъ. Владиміръ до крещенія. Посольства о вѣрахъ Крещеніе Владиміра. Крещеніе кіевлянъ. Распространеніе христіанства внѣ Кіева и противодѣйствіе язычества. Первыя церкви и святыни. Духовенство. Связь русской церкви съ греческою и болгарскою. Отношеніе къ латинству Церковное право. Вліяніе церкви на гражданскія дѣла. Вліяніе христіанства на нравы. Остатки язычества . . . . . 1—13.

II. Русская церковь въ удѣльное время до усиленія сѣверо-восточной Руси.

Распространеніе христіанства—въ Ростовѣ свв Леонтій, Исаія, Аврамій. Волхвы. Христіанство въ Муромѣ и у вятичей. У инородцевъ. а) на югѣ, б) на сѣверѣ, в) по Волгѣ, г) на западѣ. Орденъ меченосцевъ Христіанство въ Литвѣ Попытки католичества утвердиться въ Россіи. 17—21.

Устройство іерархіи. Іерархическая связь съ Греціей. Митрополиты греки. Митрополиты изъ русскихъ Споръ о поставленіи митрополита въ Россіи. Епархіи. Вліяніе удѣльной системы на церковное управленіе. Первая попытка къ раздѣленію митрополіи. Значеніе іерархіи въ гражданскихъ дѣлахъ. Вліяніе іерархіи на развитіе государственныхъ понятій. Церковные законы Номоканонъ. Правило м Іоанна. Вопросы Кирика Уставы князей Содержаніе и права духовенства . . . . . 24—33.

Церковная обрядность. Храмы и ихъ общественное значеніе Чествованіе св. иконъ. Св. мощи. Богослуженіе Новые праздники Богослужебныя книги. Пѣніе. Особенности русской церкви въ совершеніи священнодѣйствій. Путешествіе ко св. мѣстамъ. Споры о постахъ въ среду и пятокъ . . . . . 33—40.

Состояніе нравовъ. Грубыя страсти эпохи Проявленія христіанскаго вліянія. Семейная жизнь. Остатки язычества. Примѣры св. жизни. Монашество. Пр. Антоніи. Преп. Ѳеодосіи Ихъ сподвижники до основанія Печерскаго монастыря. Игуменство Ѳеодосія Его общественное значеніе. Его сподвижники. Построеніе печерской церкви. Подвижники послѣ Ѳеодосія. Значеніе кіевской обители и ея средства. Монастыри югозападные. Монастыри сѣверные. . . . . 40—53.

Состояніе народнаго просвѣщенія. Примѣры образованности. Переводная письменность Греческіе писатели въ Россіи. Русскіе писатели. Лука Жидята и м. Иларіонъ Пр. Ѳеодосій. Кириллъ туровскій. Поученія

безъименныя. Поученіе Мономаха. Игум. Даніилъ. Повѣствователи. Пр. Несторъ. Іаковъ. Св. Симонъ. Поликарпъ. Житія святыхъ. 53—60.

III. Русская церковь въ удѣльное время послѣ усиленія сѣверной Руси до раздѣленія митрополіи.

Нашествіе монголовъ. Возвышеніе сѣверной Руси. 60—61.

Іерархія и духовенство. М Кириллъ II Отношеніе къ церкви монголовъ. М. Максимъ. Св Петръ Перенесеніе митрополіи въ Москву. М. Ѳеогностъ Споръ о митрополіи. Св Алексій и Романъ. Участіе св. Алексія въ гражданскихъ дѣлахъ Кипріанъ. Митяй. Пименъ. Правленіе Кипріана. М. Фотій. Григорій Семивлахъ. Замѣшательства послѣ кончины Фотія Исидоръ Св Іона. Раздѣленіе митрополіи . . . 61—76.

Отношенія между церковію и государствомъ. Государственныя заслуги іерарховъ. Юридическіе памятники отношенія государства къ церкви. Епархія митрополита, ея средства и митрополичій дворъ Домъ архіерейскіе Епархіальное дѣленіе. Ослабленіе удѣльнаго вліянія. Новгородскіе владыки. Ихъ избраніе, значеніе, средства и отношенія къ митрополиту. Церковныя отношенія Пскова къ Новгороду . . . . 76—84.

Бѣлое духовенство. Духовенство монашествующее Пр Сергій Значеніе его обители. Монастыри великорусскіе. Монастыри Новгорода и Пскова. Монастыри сѣверные. Устройство монастырей Подвигъ юродства. Недостатки монастырей. Монастырскія вотчины Общественное значеніе монастырей ихъ колонизаціонная, благотворительная и просвѣтительная дѣятельность . . . . . 84—94.

Распространеніе христіанства. Св. Стефанъ пермскій. Христіанство у татаръ. На сѣверозападѣ. Александръ Невскій Довмонтъ псковскій. Борьба съ шведами Борьба съ католичествомъ на югозападѣ. Православіе въ Литвѣ. Успѣхи католичества при Ягеллѣ и послѣ него. 94—100.

Церковная обрядность. Храмы и ихъ общественное значеніе. Братства. Св. иконы Чествованіе святыхъ. Новые праздники. Богослужебныя книги. Особенности богослуженія. Ересь стригольниковъ . . 101—107.

Состояніе нравовъ Причины замѣтнаго упадка нравовъ монгольское иго и переходный характеръ эпохи Проявленіе христіанскихъ понятій. Частная жизнь. Остатки язычества . . 107—110

Религіозное образованіе. Переводная письменность Статья о ложныхъ книгахъ Русская письменность. Поученія XIII и XIV в. Поученія XV в. М Кипріанъ Фотій Григорій Семивлахъ. Св. Іона. Неизвѣстные авторы. Житія святыхъ. Путешествія ко св мѣстамъ . . . 110——118.

IV. Московская митрополія.

Распространеніе христіанства Въ пермскомъ краѣ На сѣверномъ поморьѣ. На балтійскомъ поморьѣ и въ Ливоніи. Завоеваніе Казани Св. Гурій. Свв. Варсонофій и Германъ Христіанство въ Казани въ концѣ XVI в. Христіанство въ Астрахани и на Кавказѣ . . . . 118—125.

Церковное управленіе. Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ. Митрополиты въ малолѣтство и первое время царствованія Грознаго. Сильвестръ. Взглядъ царя на духовенство. Митрополиты во времена опричины. Св. Филиппъ. Митрополиты при ц. Ѳеодорѣ. Учрежденіе патріаршества. Судьба новогородской іерархіи Церковныя отношенія Пскова. Епархіи московской митрополіи Составъ епархіальнаго управленія. Поповскіе старосты Устроиство церковнаго суда . . . . . 125—137.

Состояніе духовенства. Сборы съ духовенства. Содержаніе его Перехожіе и крестцовые попы. Мѣры къ улучшенію нравовъ духовенства. Вдовые попы Земское значеніе духовенства. Монашество Пр. Нилъ сорскій и Іосифъ волоцкій Устроеніе въ монастыряхъ общежитія Юродивые. Управленіе монастырей. Ихъ общественное значеніе Распоряженія о церковныхъ вотчинахъ. Недостатки монастырскои жизни . . 137—149.

Церковное благочиніе и нравы Новые храмы Судьба мѣстныхъ святынь. Соборы о новоявленныхъ чудотворцахъ Св иконы, дѣло Висковатаго. Нестроенія въ богослуженіи Обрядовые споры. Вліяніе религіозности на нравы, обрядовыи характеръ благочестія. Господствующіе пороки. Семейная жизнь Остатки язычества Вѣра въ волшебство, примѣты и проч. Отреченныя книги . . . . . 149—159.

Просвѣтительное движеніе XVI в. Недостатокъ школъ и живои проповѣди. Ересь жидовствующихъ. Просвѣтительная дѣятельность св Геннадія. Изданіе Библіи. Труды Іосифа волоцкаго Просвѣтитель Споръ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ Вассіанъ Патрикѣевъ Споръ о церковныхъ вотчинахъ, вдовыхъ попахъ и казни еретиковъ. . . 159—166.

Максимъ грекъ. Его переводы. Полемическіе труды. Обличеніе суевѣрій. Обличеніе нравовъ. Участіе въ спорѣ противъ іосифлянъ. Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Ропотъ противъ исправленіи. Судьба Максима и его учениковъ. . . . . 166—174.

Стоглавый соборъ Труды м Макарія Житія святыхъ. Домострои. Ереси Бакшина и Косаго Судъ надъ еретиками. Зиновіи и его Истины Іоказаніе. Состояніе просвѣщенія къ концу XVI в. Отношеніе русскихъ къ протестантству и католичеству . . . . . 174—184

V. Кіевская митрополія до половины XVII.

Управленіе. Участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Состояніе православія при Александрѣ и Сигизмундѣ I. Виленскій соборъ 1509 г Состояніе церкви при Сигизмундѣ Августѣ. Распространеніе протестантства Дѣятельность іезуитовъ Развитіе ими мысли объ уніи. Состояніе правосл. общества и іерархіи. Сигизмундъ III Средства православныхъ въ борьбѣ съ католиками. Кн. Курбскій. Кн. Острожскій. Изданіе Библіи. Братства. Пріѣздъ п. Іереміи . . . . . 184—192

Неудовольствіе противъ патріарха архіереевъ. Подготовка уніи. Поѣздка епископовъ въ Римъ и Брестскій соборъ. Гоненія на православіе Противодѣйствіе уніи. Полемика противъ нея и протестантства. Митрополиты Ипатій Поцѣи и Іосифъ Рутскій. Орденъ базиліанъ . . 192—199.

Положеніе православныхъ въ началѣ XVII в. Пріѣздъ Ѳеофана іерусалимскаго. Смерть Іосафата Кунцевича. Измѣна православію Мелетія Смотрицкаго Новыя гоненія. Православіе при Владиславѣ IV. Петръ Могила Образованіе до II Могилы Братскія школы Преобразованіе кіевской школы. Ученые труды II Могилы и его коллегіи. . . 199—208

VI. Московское патріаршество.

Состояніе іерархіи Начало смутнаго времени. Явленіе самозванца. Дѣятельность противъ него и Іова Опасности для православія II Гермогенъ и второй самозванецъ. Дѣятельность іерархіи противъ самозванца Служеніе отечеству монастыреи. Нашествіе Сигизмунда Переговоры объ избраніи на царство Владислава Возстаніе городовъ. Неудача его. Троицкія грамоты, очищеніе русской земли и избраніе Михаила на царство. II Филаретъ. Его значеніе. Патріаршій дворъ. Приказы. Іонасафъ и Іосифъ. Церковный судъ. Церковныя вотчины . . . . 208—222

Уложеніе Алексѣя Михаиловича. Монастырскій приказъ Никонъ до патріаршества Его патріаршество. Власть патріарха. Враги Никона Разрывъ между царемъ и патріархомъ. Удаленіе Никона съ каѳедры. Событія послѣ его удаленія Паисій Лигаридъ. Дѣла Бобарыкина и Сытина Пріѣздъ Никона въ Москву. Пріѣздъ восточныхъ патріарховъ. Судъ надъ Никономъ. Его заточеніе. Соборы 1667 и 1675 гг. Церковный судъ послѣ соборовъ. Вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Епархіальное управленіе. Духовенство бѣлое. Духовенство монашествующее . . . . 222—247

Расширеніе предѣловъ московскаго патріаршества. Вредное вліяніе смутнаго времени на распространеніе христіанства Присоединеніе Малороссіи Вопросъ о подчиненіи западно-русской церкви московскому патріарху Распространеніе христіанства въ Сибири. На Кавказѣ. Внутри Россіи . . . . . 247—254.

Состояніе религіозности, церковныя исправленія и расколъ. Остатки язычества и суевѣрія. Вѣра въ волшебство. Ложные пророки. Развитіе крайне-обрядовой религіозности. Холодность къ вѣрѣ и церкви. Неистовства казаковъ и черни . . . . . 254—259.

Церковныя исправленія. Книжныя исправленія Діонисія троицкаго. Исправленія при Филаретѣ, Іосафѣ и Іосифѣ. Пріѣздъ въ Москву грековъ и малороссійскихъ ученыхъ. Ихъ столкновеніе съ московскими учеными. Исправленія при Никонѣ Недовольство ими и мѣры противъ недовольныхъ Успѣхи старовѣровъ послѣ оставленія Никономъ каѳедры Отдѣленіе раскола отъ церкви. Раскольническія волненія. Распаденіе раскола на толки. Ересь людей Божіихъ. Продолженіе исправленій Усиленіе иноземныхъ вліяній въ XVII в. Отношеніе русскихъ къ иновѣрцамъ и западному образованію. . . . . 259—280.

Религіозное образованіе Образованіе московское до половины XVII в. Состояніе образованія на югозападѣ Характеръ его Переходъ его въ Москву. Епифаній Славенецкій. Юрій Крыжаничъ Симеонъ Полоцкій. Оживленіе просвѣщенія. Противодѣйствіе югозападному вліянію въ Москвѣ.

Начало московской академіи Сильвестръ Медвѣдевъ и Лихуды Торжество православія надъ латинскимъ вліяніемъ. Заслуги кіевскихъ и московскихъ ученыхъ. Св Димитрій Туптало. Дѣло Кульмана. Просвѣщеніе при и Адріанѣ. . . . . 280—295.

VII. Состояніе церкви во время реформы.

Отношеніе Петра къ древнему религіозному быту Отношенія его къ патріархамъ. Къ великорусскому духовенству. Стефанъ Яворскій и архіереи малороссы. Дѣло царевича Алексѣя. Дѣло царицы Евдокіи. Вопросъ о патріаршествѣ Ѳеодосій Яновскій Ѳеофанъ Прокоповичъ 295—306

Открытіе св. Синода Его составъ. Его положеніе въ составѣ администраціи. Судебное вѣдомство церкви. Церковныя имущества. Монастырскій приказъ. Неудовольствіе противъ него духовенства. Возвращеніе церковныхъ вотчинъ въ духовное вѣдомство. Епархіальное управленіе Его органы Монашествующее духовенство Бѣлое духовенство . 306—320

Распространеніе христіанства Обращеніе инородцевъ казанскаго края. Христіанство между калмыками Въ Сибири. Пекинская миссія Возстановленіе православія на берегахъ Балтійскаго моря. Состояніе православія въ Польшѣ Отношеніе русской церкви къ католичеству и протестантству . . . . . 320—328.

Вліяніе иностранцевъ на русскихъ Московскіе еретики. Недовольство реформами. Усиленіе раскола. Отношеніе Петра къ расколу. Духовныя мѣры противъ раскола. Хлысты. Борьба реформы съ суевѣріями Новыя понятія о религіозности . . . . . 228—338.

Заведеніе духовныхъ школъ. Ихъ устройство и препятствія къ ихъ распространенію Продолженіе споровъ между малороссійскими и великорусскими учеными. Лихуды. Исправленіе Библіи. Димитрій ростовскій. Литературные труды Стефана Яворскаго и его сторонниковъ. Труды Ѳеофана и единомышленныхъ съ нимъ ученыхъ. Смерть Петра . 338—348.

VIII. Состояніе церкви при преемникахъ Петра.

Восшествіе на престолъ Екатерины I. Судьба Ѳеодосія. Новый составъ св Синода. Доносъ Маркелла Родышевскаго на Ѳеофана. Правленіе Петра II Усиленіе іерарховъ великороссовъ. Борьба Ѳеофана съ Георгіемъ Дашковымъ Воцареніе Анны Іоанновны Перемѣны въ Синодѣ и опалы на іерарховъ Дѣло Родышевскаго. Рѣшиловскій розыскъ. Арестъ Ѳеофилакта. Полемика и розыски изъ-за Камня-вѣры. Смерть Ѳеофана и его значеніе. Окончаніе розысковъ. Состояніе монашества. Церковныя вотчины Бѣлое духовенство Конецъ Бироновщины Имп. Елизавета. Св. Синодъ при ней. Епархіальное управленіе. Монашество. Бѣлое духовенство 349—373.

Распространеніе христіанства въ области средней Волги. У калмыковъ. Отношенія къ Грузіи. Христіанство въ Сибири. Китайская миссія Состояніе православія въ Польшѣ . . . . . 373—380

Расколъ. Хлысты. Начало ереси духоборцевъ. Развитіе вольнодумства до имп. Елизаветы. Татищевъ. Заботы о возстановленіи благочес-

тія при Елизаветѣ. Начало французскаго вліянія на русскую религіозность . . . . . 381—389

Усиленіе средствъ къ религіозному образованію. Изданіе Библіи. Проповѣдничество. Сочиненія церковно-историческія. Путешествія. Духовныя школы до импер. Елизаветы и при Елизаветѣ. Лучшія семинаріи Академіи . . . . . 389—397.

IX. Состояніе церкви при Екатеринѣ и Павлѣ I.

Екатерина II Ея отношеніе къ французской философіи. Отношеніе къ церкви. Возвышеніе новыхъ лицъ въ іерархіи. Гавріилъ и Платонъ. Дѣло о церковныхъ вотчинахъ. Дѣло Арсенія Маціевича. Павелъ Конюскевичъ тоболскій. Комиссія о оставленіи Уложенія Амвросіи московскій и его убіеніе во время чумы. Пугачевщина Служеніе Платона на московской каѳедрѣ. Отношенія государственной власти къ Синоду. Ослабленіе благоволенія императрицы къ Платону. М Гавріилъ. Императоръ Павелъ I. Отношенія государя къ Гаврилу и Платону и возвышеніе Амвросія Подобѣдова . . . . . 397—418

Епархіальное управленіе. Новыя епархіи. Архіерейскіе домы. Уничтоженіе церковнаго тягла Смягченіе административныхъ нравовъ Перемѣны въ епархіальныхъ учрежденіяхъ. Состояніе монашества. Заслуги монашеству св. Тихона. Попеченія о монашествѣ м. Гавріила и болѣе замѣчательные подвижники. Бѣлое духовенство. . . . 418—429.

Отношенія правительства къ вѣроисповѣданіямъ. Обращеніе инородцевъ восточнаго края. Судьба миссіонерскаго дѣла въ Сибири. Распространеніе христіанства у калмыковъ. Христіанство за Кавказомъ Состояніе православія въ Польшѣ. Вопросъ о диссидентахъ. Гоненіе на православныхъ Конфедераціи и гайдамачина. Раздѣлъ Польши Состояніе православія въ Бѣлоруссіи. Устроиство католической церкви въ Россіи. Орденъ іезуитовъ Учрежденіе православной епископіи въ Польшѣ. Пинская конгрегація. Новые раздѣлы Польши Возсоединеніе уніатовъ, Отношенія къ католичеству при Павлѣ I. Дѣло о возсоединеніи уніатовъ . 429—444

Мѣры противъ раскола Раздѣленіе между раскольническими толками. Начало единовѣрія. Духоборцы и молокане Хлысты и скопцы. Народныя суевѣрія. Распространеніе идеи французской философіи. Современное воспитаніе Путешествія за границу. Литтература Труды Щербатова и Болтина. Проявленія вольнодумства въ жизни общества. Реакція вольнодумству со стороны общества. Масонство Реакція со стороны духовенства. Реакція правительственная . . . . . 444—463

Усиленіе средствъ къ народному образованію Катихизическія и другія назидательныя произведенія дух. письменности. Толкованія на св. Писаніе. Проповѣдничество. Богословскія системы Труды церковно-историческіе. Духовныя школы при Екатеринѣ. Число школъ и учениковъ. Содержаніе ихъ. Приготовленіе учителей Перемѣны въ учебномъ курсѣ. Перемѣны въ семинарской педагогикѣ. Духовныя школы при Павлѣ I. 463—478.

1. НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Христіанство въ Россіи до славянъ. Древнее преданіе, запесенное въ лѣтопись пр. *Нестора*, говоритъ, что начало христіанства въ Россіи положено еще св апостоломъ *Андреемъ Первозваннымъ*. Проходя съ своею проповѣдью *Ѳракію*, *Скиѳію* и *Сарматію*, онъ доходилъ до днѣпровскихъ горъ, гдѣ послѣ возникъ *Кіевъ*, благословилъ ихъ и предрекъ, что на нихъ возсіяетъ благодать Божія. Но послѣ этого среди дикихъ ордъ, двигавшихся одна за другой по русской равнинѣ изъ Азіи, мы долго не видимъ никакихъ признаковъ христіанства. Только въ самыхъ южныхъ предѣлахъ страны, въ *греческихъ* черноморскихъ *колоніяхъ*, находимъ очень древніе его слѣды, начало которыхъ, можетъ быть, дѣйствительно относится ко временамъ св. ап. Андрея. Въ III вѣкѣ на устьяхъ Дуная была цѣлая епархія *скиѳская* или *томитанская*. Въ *Крыму* христіане были еще во дни св. *Климента римскаго*, который былъ сосланъ сюда въ 94 году, въ IV в упоминаются здѣсь епархіи *херсонская* и *босфорская*, въ VII и VIII *сурожская* и *фульская*. Въ IV вѣкѣ была епархія у *готѳовъ*, жившихъ между Дономъ и Днѣстромъ. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сѣмена христіанства могли удобно заноситься и въ Россію, но едва ли могли прививаться здѣсь, потому что падали при пути, на большой дорогѣ, по которой двигались азіатскія орды гунновъ, аваръ, болгаръ и пр.

Христіанство у славянъ русскихъ. Со времени поселенія въ Россіи славянскихъ племенъ настало болѣе благопріятное время для успѣховъ евангельской проповѣди; ея вліяніе среди осѣдлаго народонаселенія могло быть прочнѣе и плодотворнѣе. Славяне были близко знакомы съ Греціей, куда они ѣздили вмѣстѣ съ варягами для грабежа,

торговли и для службы въ войскѣ императоровъ. Есть извѣстія и о результатахъ этого знакомства съ христіанской имперіей, о случаяхъ принятія ими христіанства. Таково извѣстіе житія *св. Стефана сурожскаго* († 787 г.) о князѣ новогородскомъ *Бравалинѣ*, который вскорѣ послѣ смерти святаго напалъ съ дружиной на Сурожъ, разграбилъ его, хотѣлъ ограбить и мощи Стефана, но былъ пораженъ чудесною силой и крестился Точно такой же разсказъ о крещеніи россовъ, напавшихъ на Амастриду (въ Пафлагоніи), передается въ житіи *св. Георгія амастридскаго*.—Въ половинѣ IX вѣка Болгарія, Моравія и Паннопія услышали евангельскую проповѣдь на славянскомъ языкѣ отъ святыхъ братьевъ *Кирилла* и *Меѳодія*, которые изобрѣли славянскія письмена и переложили на славянскую рѣчь св. Писаніе и богослужебныя книги. Около этого же времени призваніемъ князя *Рюрика* въ Новгородѣ было положено начало русскаго государства, которое должно было воспользоваться трудами Кирилла и Меѳодія болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ странъ; княжеская власть стала соединять разрозненныя славяно-русскія племена въ одно цѣлое, и вмѣсто прежнихъ частныхъ случаевъ крещенія между русскими славянами пролагался путь къ будущему всенародному крещенію Руси.

Аскольдъ и Диръ, кіевскіе князья, первые подпали подъ вліяніе православной Византіи и подготовили ему путь въ Россію. Въ 866 г. они сдѣлали набѣгъ на Царьградъ и сильно напугали грековъ. Послѣ усердной молитвы императоръ *Михаилъ III* и патріархъ *Фотій* съ крестнымъ ходомъ изнесли на берегъ Босфора чудотворную ризу Богоматери и погрузили ее въ воду. Поднялась буря и стала топить суда руссовъ; только не многіе изъ варваровъ воротились домой. Пораженные чудомъ, князья просили себѣ крещенія. Посланный къ нимъ епископъ произвелъ на народъ большое впечатлѣніе какъ своею проповѣдью, такъ особенно чудомъ, бросивъ въ огонь Евангеліе и потомъ вынувъ его невредимымъ. Многіе руссы тогда же крестились. Вѣроятно крестились и князья, по крайней мѣрѣ извѣстно, что кіевскіе христіане на могилѣ Аскольда послѣ имѣли церковь св. Николая.

Послѣ смерти Аскольда и Дира княземъ въ Кіевѣ сталъ *Олегъ*, переѣхавшій сюда изъ Новгорода. Греки уже имѣли при немъ въ Кіевѣ митрополію. Олегъ не намѣрен-

но самъ знакомилъ руссовъ съ христіанствомъ. Когда его послы были въ Греціи для заключенія договора съ греками, ихъ по приказанію императора водили по церквамъ, показывали имъ разныя святыни и давали наставленія въ вѣрѣ. Послѣ заключенія договора русскіе чаще стали ходить въ Византію для торговли, жили тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ при монастырѣ св. Маммы и знакомились съ православіемъ; другіе поступали на службу къ императору. Въ 946 г. преемникъ Олега *Игорь* тоже заключилъ договоръ съ греками; въ этомъ договорѣ Русь раздѣляется уже на крещеную и некрещеную; первая клялась въ соблюденіи договора при кіевской церкви св. Иліи.

В. к. Ольга. Супруга Игоря *Ольга*, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, какъ ее называетъ лѣтопись, убѣдившись въ превосходствѣ христіанской вѣры предъ языческою, сама пожелала креститься. Въ 957 году шестидесяти-семилѣтняя княгиня поѣхала въ Царьградъ. По всей вѣроятности она уже была оглашена евангельскимъ ученіемъ отъ православныхъ пастырей Кіева; одного изъ нихъ *Григорія* мы видимъ въ числѣ ея спутниковъ. Крещеніе ея совершено было самимъ *и Поліевктомъ* въ собраніи всего греческаго двора и множества народа. Воспріемникомъ ея былъ императоръ *Константинъ Багрянородный.* Съ княгиней въ Царьградѣ были ея племянникъ, многія знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики; многіе изъ нихъ тоже крестились. По возвращеніи въ Россію Ольга, — въ крещеніи *Елена*, — до самой кончины своей сіяла благочестивою жизнію, „аки луна въ нощи“, среди язычниковъ. Она уговаривала къ принятію христіанства и сына своего *Святослава*, но онъ не хотѣлъ и слышать о крещеніи. Новая вѣра была совершенно не по характеру этаго дико-воинственнаго князя и его дружины; надъ тѣми, кто принималъ крещеніе, дружина и князь смѣялись. Изъ Кіева Ольга поѣхала по городамъ и весямъ земли русской, вездѣ проповѣдуя христіанство: весьма важно было то обстоятельство, что во время постояннаго отсутствія Святослава изъ Кіева она была воспитательницею его сыновей.—Блаженная княгиня скончалась въ 969 году и была погребена по ея завѣщанію безъ языческой тризны. Сравнивая ея значеніе съ значеніемъ св. Владиміра, лѣтописецъ называетъ ее „зарей утренней, предваряющею солнце“. Церковь наименовала ее равноапостольною и причла къ лику святыхъ.

Послѣ смерти Ольги Святославъ воздвигъ на христіанъ гоненіе, — знакъ того, что новая вѣра обратила серьезное вниманіе языческой партіи. При его дѣтяхъ *Ярополкѣ* и *Олегѣ*, помнившихъ наставленія своей бабки, участь христіанъ опять облегчилась; надобно замѣтить при этомъ, что у Ярополка и жена была христіанка, какая-то плѣнная гречанка монахиня Въ 1044 году в. кн. *Ярославъ* крестилъ кости Ярополка и Олега; этотъ странный фактъ объясняютъ именно тѣмъ, что Ярославъ слышалъ о расположеніи своихъ дядей къ христіанству. Оба князя погибли въ усобицѣ. Ихъ младшій братъ *Владиміръ*, сѣвшій послѣ нихъ въ Кіевѣ, былъ еще ребенкомъ, когда умерла Ольга, и меньше другихъ братьевъ подпалъ подъ ея вліяніе; потомъ онъ, тоже еще въ дѣтствѣ, увезенъ былъ въ Новгородъ, гдѣ христіанство было менѣе извѣстно, чѣмъ въ Кіевѣ, и выросъ тамъ подъ вліяніями старой вѣры. Отъ этого занятіе имъ кіевскаго стола было вмѣстѣ и торжествомъ языческой стороны въ Кіевѣ надъ христіанскою.

Владиміръ до крещенія. Новый князь съ своимъ дядей *Добрыней* показали большую ревность къ язычеству, стали ставить и украшать въ Кіевѣ и Новгородѣ кумиры. На холмѣ предъ своимъ дворомъ въ Кіевѣ князь поставилъ Перуна деревяннаго, а голова серебряная, усъ золотой, Хорса-Дажбога, Стрибога, Волоса, Симаргла, Мокоша. По словамъ лѣтописи никогда еще въ русской землѣ не было такого гнуснаго идолослуженія; приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бѣсамъ; осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ. Въ 983 г. послѣ счастливаго похода на *ятвяговъ* рѣшено было принести богамъ человѣческую жертву. Жребій палъ на одного христіанскаго юношу *Іоанна* сына варяга *Ѳеодора*. Отецъ не хотѣлъ выдать сына и оскорбилъ язычниковъ обличеніемъ ихъ безумія. Яростная толпа убила обоихъ. Судя по немногимъ извѣстіямъ лѣтописи, в. князь обладалъ широкою натурою, способною ко всякимъ излишествамъ. Былины народныя помнятъ о его разгульныхъ пирахъ съ дружиною. У него было 5 женъ и 800 наложницъ, кромѣ того онъ приводилъ къ себѣ и другихъ женъ и дѣвицъ на растлѣніе и, по выраженію лѣтописи, былъ несытъ блуда, какъ Соломонъ. Но эта же самая широта натуры дѣлала его способнымъ и къ коренному нравственному перевороту.

Славяно-русское язычество, не смотря на свое торжество, было не въ состояніи бороться ни съ одной изъ окружавшихъ его религій, ни съ магометанствомъ болгаръ, ни съ іудействомъ хозаръ, ни съ католичествомъ запада, ни тѣмъ болѣе съ православіемъ грековъ. А всѣ эти религіи дѣлали на него сильный напоръ, какъ это ясно видно изъ преданія о посольствахъ къ Владиміру изъ разныхъ странъ съ предложеніемъ вѣръ. Самая ревность князя къ языческой вѣрѣ должна была повести только къ большему обнаруженію ея несостоятельности и ускорить переворотъ въ убѣжденіяхъ князя и лучшихъ людей. Начался выборъ новой вѣры. Этотъ выборъ выразился въ сказаніи о бесѣдѣ Владиміра съ миссіонерами разныхъ религій. Магометанство, льстившее чувственности князя, не понравилось ему своимъ обрѣзаніемъ и запрещеніемъ пить вино. Католичество не имѣло для себя исторической подготовки въ Россіи. „Отцы наши не приняли этого ученія“, сказалъ Владиміръ послу папы. Еврейскимъ миссіонерамъ онъ отвѣчалъ: „если бы Богъ любилъ васъ, вы не были бы разсточены по разнымъ странамъ; неужели и намъ того хотите?“ Но посолъ греческій сильно подѣйствовалъ на него своимъ ученіемъ объ искупленіи и будущей жизни, особенно иконою страшнаго суда, которую показалъ князю. По уходѣ его князь созвалъ для совѣщанія дружину и градскихъ старцевъ. По рѣшенію всѣхъ были посланы десять разумнѣйшихъ мужей въ разныя страны для испытанія вѣры. Греческое богослуженіе въ храмѣ св. Софіи, совершенное самимъ патріархомъ, особенно плѣнило пословъ. Воротясь въ Кіевъ, они разсказывали, что въ греческомъ храмѣ они не знали, гдѣ стояли, на небѣ или на землѣ. Въ Кіевѣ нашлось и другое доказательство въ пользу православія: „если бы дуренъ былъ законъ греческій, говорили нѣкоторые Владиміру, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣе всѣхъ человѣкъ“. Рѣшено было креститься, ждали только удобнаго случая къ этому: „пожду еще немного“, говорилъ князь. Случай скоро представился въ войнѣ съ греками (988 года).

Крещеніе Владиміра. Войско Владиміра осадило Корсунь. Подобно другимъ языческимъ вождямъ, Владиміръ далъ обѣтъ креститься въ случаѣ побѣды. Взявъ городъ, онъ потребовалъ у тогдашнихъ императоровъ *Василія* и *Константина* руки ихъ сестры *Анны* и обѣщалъ принять

ихъ вѣру. Императоры согласились, уговорили согласиться и сестру. Въ ожиданіи невѣсты князь разболѣлся глазами. Прибывшая въ Корсунь царевна убѣдила его ускорить крещеніемъ, если онъ хочетъ избавиться отъ болѣзни. Корсунскій епископъ, огласивъ, крестилъ Владиміра и князь прозрѣлъ. „Теперь только узрѣлъ я Бога истиннаго“, сказалъ онъ, дивясь своему изцѣленію. Дружина его тоже крестилась. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ его съ Анною. Въ память всего этого онъ создалъ въ Корсунѣ церковь, городъ возвратилъ царямъ и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою поповъ корсунскихъ и царицыныхъ, мощи св. Климента и ученика его Ѳива, церковные сосуды, кресты, иконы и всякую церковную утварь.

Крещеніе народа въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ князь крестилъ своихъ 12 сыновей и многихъ бояръ; потомъ велѣлъ истреблять идоловъ; Перуна привязали къ конскому хвосту и потащили въ Днѣпръ, по дорогѣ били его палками Народъ собрался на берегъ и съ плачемъ вопилъ вслѣдъ уплывающему богу: „выдыбай, боже“! По истребленіи идоловъ духовенство и князь ходили по городу съ проповѣдью. Многіе крестились съ радостію; другіе не хотѣли и слушать проповѣди; третьи колебались, какъ колебался прежде и князь. Тогда Владиміръ выдалъ повелѣніе, чтобы на другой же день всѣ некрещеные явились къ рѣкѣ, а кто не явится, будетъ противникомъ князю. Это рѣшило недоумѣніе тѣхъ, которые колебались. „Еслибы новая вѣра была не хороша, думали они, то князь и бояре не приняли бы ее“, и пошли креститься; другіе явились на рѣку изъ страха. Упорные язычники бѣжали отъ княжескаго гнѣва въ степи и лѣса. На другой день послѣ княжескаго повелѣнія на Днѣпрѣ произошло общее крещеніе народа. Тогда, по слову благочестиваго лѣтописца, земля и небо ликовали, видя множество спасаемыхъ.

Распространеніе христіанства внѣ Кіева. Послѣ крещенія кіевлянъ христіанство стало распространяться по всей Россіи. Крестивъ народъ по городамъ и селамъ около Кіева, митрополитъ *Михаилъ* съ шестью епископами и Добрынею ходили въ *Новгородъ*, гдѣ произошло такое же низверженіе Перуна въ Волховъ, какъ въ Кіевѣ, и крещеніе народа. Изъ Новгорода проповѣдники отправились на востокъ по Волгѣ и крестили много народа въ *Ростовѣ* и *ростовской землѣ*. Самъ Владиміръ посѣщалъ съ пропо-

вѣдью вѣры страну *суздальскую*, потомъ *волынскую*, крестилъ въ Кіевѣ даже нѣсколько князей *болгарскихъ* и *печенѣжскихъ*. Дѣти в. князя, разосланные имъ по удѣламъ, тоже заботились о распространеніи вѣры между подвластнымъ народомъ. Такъ распространилось христіанство въ главныхъ удѣльныхъ городахъ, кромѣ Новгорода и Ростова, еще въ *Муромѣ*, *Полоцкѣ*, землѣ *древлянской*, *Владимірѣ волынскомъ*, *Смоленскѣ*, *Псковѣ*, *Луцкѣ*, *Тмуторокани*. Въ 992 году учреждены были первыя русскія *епархіи:* новогородская, черниговская, ростовская, владиміро-волынская и бѣлогородская. Главные города этихъ епархій вѣроятно были главными центрами христіанства Вообще новая вѣра распространялась преимущественно около Кіева и по великому водному пути отъ Кіева до Новгорода: вправо и влѣво отъ этой линіи. гдѣ жили племена, еще мало подчиненныя кіевскому князю. новая вѣра распространялась слабо; чѣмъ дальше отъ Кіева, тѣмъ христіанство было слабѣе. Даже въ Новгородѣ послѣ первой проповѣди (при м. Михаилѣ) язычество было еще сильнѣе христіанства и встрѣтило вторую проповѣдь, съ которой явился туда первый новгородскій епископъ *Іоакимъ*, очень опаснымъ сопротивленіемъ

Противодѣйствіе язычества. Іоакимъ долженъ былъ опять начать въ Новгородѣ съ уничтоженія идоловъ: Перуна опять бросили въ Волховъ. Шелъ одинъ *пидблянинъ* (изъ мѣст. Пидблы) рано на рѣку и оттолкнулъ идолъ отъ берега, говоря: „ты, Перунище, досыта уже ѣлъ и пилъ, а теперь плыви прочь“. Но немногіе могли такъ иронически отнестись къ старымъ богамъ. Когда Іоакимъ еще только пришелъ къ Новгороду, горожане, возбуждаемые волхвомъ *Богомиломъ* и тысяцкимъ *Угоняемъ*, затворились отъ него въ городѣ и порѣшили умереть, а не давать боговъ на поруганіе. Городъ былъ взятъ *Добрыней* и тысяцкимъ князя *Путятой* послѣ злой сѣчи и пожара. Народъ силой согнали въ Волховъ креститься. Многіе отбывали отъ крещенія, говоря, что уже крещены Для отличія крещеныхъ отъ некрещеныхъ Іоакимъ велѣлъ первымъ носить кресты. Составилась про новогородцевъ пословица: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Въ Ростовѣ народъ выгналъ первыхъ епископовъ *Ѳеодора* и *Иларіона*. Въ Муромѣ противодѣйствіе христіанству дошло до того, что заставило удалиться изъ города самого князя *Глѣба*. Нужно замѣтить,

что наибольшее сопротивленіе христіанство встрѣтило на сѣверѣ по близости финнскихъ племенъ и между самими финнами — *мерей и муромой*. Славянскія племена легче поддавались евангельской проповѣди, частію по большей подготовкѣ и склонности къ принятію ея, частію по большему развитію между ними княжеской власти, которая стояла за новую вѣру.

Первыя церкви и святыни. Вездѣ, гдѣ распространялось христіанство, на мѣстахъ древнихъ капищъ и кумировъ возникали христіанскіе храмы. Первый храмъ былъ выстроенъ въ Кіевѣ во имя св. Василія (ангела в. князя) на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Другую церковь Владиміръ построилъ во имя Богоматери на мѣстѣ убіенія заряговъ Ѳеодора и Іоанна; греческіе мастера строили ее цѣлыхъ 7 лѣтъ; в. князь „удивилъ“ ее серебромъ и золотомъ и назначилъ на ея содержаніе десятину отъ своего имѣнія и своихъ городовъ, отъ чего эта церковь и названа *десятинною*. По случаю освященія новыхъ церквей Владиміръ задавалъ большіе пиры дружинѣ, духовенству и народу, продолжавшіеся по нѣскольку дней. Кромѣ Кіева Владиміръ строилъ церкви въ другихъ городахъ и въ селахъ. Святыни храмовъ, иконы, мощи и церковная утварь привозились изъ Греціи. Въ 1007 году вел. князь открылъ первыя русскія мощи в. кн. Ольги; ихъ торжественно перенесли въ десятинную церковь.

Духовенство большею частію было пришлое, потому что, если и были въ Кіевѣ священники до Владиміра, то ихъ едвали было много. Первые митрополиты—*Михаилъ* († 991 г.) и *Леонтій* и первые епископы не только поставлялись, но и избирались въ Греціи. Священники явились съ Владиміромъ изъ Корсуня и съ царевной Анной изъ Царьграда; есть извѣстіе, что много прислано было ихъ изъ Болгаріи, что даже первые епископы и митрополитъ были болгаре и могли учить народъ на славянскомъ языкѣ Такъ опредѣлилась тѣсная связь русской церкви съ греческою и болгарскою. Западная церковь тоже было сдѣлала попытку распространить свое вліяніе въ Россіи, какъ она распространяла его среди западныхъ славянъ; но эта попытка ей не удалась. Между греческой и римской церковью въ это время былъ уже полный разрывъ и шла сильная полемика. И философъ, проповѣдывавшій Владиміру, и греческіе пастыри, крестившіе князя, прежде

всего старались предостеречь его отъ ученія латинянъ. Въ 991 году по случаю прихода въ Россію пословъ папы самъ патріархъ прислалъ посланіе къ в. князю съ увѣщаніемъ не сообщаться съ зловѣрными латинами. Второй русскій митрополитъ Леонтій написалъ противъ католичества сочиненіе объ опрѣснокахъ. По случаю брака сына Владиміра *Святополка* съ дочерью *Болеслава* польскаго съ послѣдней прибылъ въ Россію колбергскій бискупъ *Рейнбергъ* и пріобрѣлъ сильное вліяніе на Святополка; черезъ этого князя онъ разсчитывалъ отклонить русскую церковь отъ востока къ западу и подъучилъ его возстать противъ отца. Владиміръ заключилъ своего сына вмѣстѣ съ Рейнбергомъ въ тюрьму, гдѣ Рейнбергъ и умеръ.

Церковное право Вліяніе Византіи преимущественно обнаружилось въ юридической области церковной жизни. Вмѣстѣ съ іерархіей необходимо явился въ Россіи греческій *Номоканонъ*, можетъ быть даже въ славянскомъ болгарскомъ переводѣ, и сталъ прилагаться къ русской жизни; первый опытъ такого приложенія его видимъ въ первомъ на Руси, *церковномъ уставѣ* святаго Владиміра. Къ вѣдомству церковнаго суда въ немъ отнесены: 1) дѣла противъ церкви: еретичество, волшебство, языческіе обряды (моленіе подъ овиномъ или въ лѣсу), святотатство, поврежденіе могилъ и церковныхъ стѣнъ, неуваженіе къ храмамъ; 2) дѣла семейныя: умыканіе, вступленіе въ бракъ въ родствѣ и свойствѣ, споры между супругами объ имѣніи, прелюбодѣяніе, разводъ, побои дѣтей родителямъ, дѣла о наслѣдствѣ, словесное оскорбленіе чести и проч. Въ греческомъ законодательствѣ нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ (о нарушеніи родительской власти, споры о наслѣдствѣ, споры супруговъ объ имѣніи) подлежали гражданскому суду; у насъ признано лучшимъ всѣ семейныя дѣла передать въ вѣдомство церкви, чтобы она успѣшнѣе могла дѣйствовать на нравственное перерожденіе общества. Разширено въ сравненіи съ греческимъ законодательствомъ вѣдомство церкви и относительно лицъ подсудныхъ ему; кромѣ духовенства суду церкви подчинены: просвирня, паломникъ, прощеникъ, люди, которыхъ церковь призрѣвала въ своихъ больницахъ, гостинницахъ и богадѣльняхъ.

Вліяніе церкви на гражданскія дѣла. Вліяніе церковной іерархіи простиралось и на гражданскіе уставы юнаго общества, для котораго пришельцы изъ образованной импе-

ріи естественно были авторитетами юридической мудрости. Владиміръ совѣтовался съ епископами не только о церковныхъ дѣлахъ, но и о строѣ землянемъ. По ихъ совѣту онъ отмѣнилъ наприм. старинную виру (штрафъ) за разбой и согласно съ греческими законами назначилъ разбойникамъ смертную казнь; потомъ вслѣдствіе большой нужды въ деньгахъ на войну онъ опять съ ихъ же согласія возстановилъ виру. Духовенство принесло съ собой еще не бывалыя на Руси понятія о верховной власти. Князю—вождю удалой дружины епископы говорили: „князь, ты *поставленъ отъ Бога* на казнь злымъ и добрымъ на помилованіе“. Такъ съ самаго начала опредѣлилась важная задача духовенства въ нашей исторіи—содѣйствовать развитію княжеской власти.

Съ христіанствомъ явилось и *религіозное образованіе народа*. Немедленно послѣ крещенія народа Владиміръ сталъ заводить училища, отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ ученье книжное; матери, разсказываетъ лѣтопись, плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ. Такъ было не только въ Кіевѣ, но и по другимъ городамъ и селамъ. Учителями были священники. Въ религіозномъ просвѣщеніи народа обнаружилось преимущественно вліяніе Болгаріи; оттуда явились къ намъ и первые учители и первыя книги и самая славянская грамота, которой училось молодое поколѣніе русскихъ христіанъ. Греческое вліяніе въ дѣлѣ образованія шло къ намъ чрезъ Болгарію же, а не непосредственно. Греческіе учители, воспитанные въ духѣ тогдашняго византійскаго риторства и діалектики, совершенно погрузившіеся въ полемику съ латинянами о разныхъ догматическихъ и обрядовыхъ тонкостяхъ, не годились въ Россіи, гдѣ общество нуждалось пока въ самомъ простомъ катихизическомъ ученіи. Но вліяніе Болгаріи не обошлось и безъ вреда. Православіе болгаръ много страдало тогда отъ примѣси къ нему остатковъ язычества и сильно распространенной по всей Болгаріи ереси *павликіанъ* — отрасли гностицизма. Въ X в. попъ *Богомилъ* выработалъ изъ этой ереси особый болгарскій (*богомильскій*) толкъ, проповѣдывавшій гностическій дуализмъ и отвергавшій іерархію и обряды и отличавшійся крайнимъ аскетизмомъ. Богомильство усвоило себѣ множество христіанскихъ и еврейскихъ *апокрифовъ* или *отреченныхъ сказаній*, всегда имѣвшихъ большой успѣхъ въ

массѣ народа: собраніемъ этихъ апокрифовъ и разныхъ лживыхъ молитвъ извѣстенъ другой болгарскій попъ *Іеремія*. Изъ Болгаріи, какъ увидимъ, отреченныя книги явились и въ Россію. Начало богомильскаго вліянія открылось еще при Владимірѣ. Въ 1014 г. въ Кіевѣ училъ еретикъ *Адріанъ*, монахъ и скопецъ, хулившій уставы и іерархію церкви. М. Леонтій заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ скоро раскаялся.

Вліяніе христіанства на нравы. Первый примѣръ нравственнаго перерожденія подъ вліяніемъ православія представляетъ намъ самъ Владиміръ. Изъ удалаго вождя дружины, чуждаго землѣ, какими были и опъ и всѣ прежніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ—нарядникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами о строѣ землянемъ, который и воевалъ уже не изъ одной беззавѣтной богатырской удали, а для защиты своей страны, сталъ „краснымъ солнышкомъ“ народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись и старыя былины. Это былъ ласковый князь, у котораго всѣмъ былъ радушный пріемъ и привѣтъ, добрый кормилецъ нищихъ, покровитель слабыхъ. Бѣднякъ смѣло шелъ на его княжескій дворъ и бралъ кушанье, питье и деньги. Этого мало: „дряхлые и больные, сказалъ князь, не могутъ доходить до моего двора“, и велѣлъ всякіе припасы развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, которые не могутъ ходить“, и такимъ раздавать все нужное. Въ праздники онъ ставилъ трапезы себѣ съ дружиной, духовенству и нищимъ. Въ своемъ церковномъ уставѣ, какъ мы видѣли, онъ тоже позаботился о богадѣльняхъ и больницахъ. 15 іюля 1015 года умеръ добрый князь и плакали по немъ всѣ, знатные и убогіе. Мощи его положены въ десятинной церкви. Владиміръ былъ неграмотенъ; дѣти его являются уже представителями новаго грамотнаго поколѣнія; таковы: *Ярославъ*, *Мстиславъ*, *Изяславъ*, *Борисъ* и *Глѣбъ*. Послѣдніе двое особенно процвѣтали благочестіемъ; они и умерли мучениками за новыя нравственныя понятія въ борьбѣ съ старымъ языческимъ обществомъ, представителемъ котораго явился братъ ихъ Святополкъ. Христіанство не замедлило выставить образцы высшаго совершенства въ монастыряхъ, которые были основаны при

Владимірѣ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Понятно, что дѣйствіе христіанства могло обнаружиться въ жизни пока только не многихъ лучшихъ людей. Восходящее солнце озарило еще только вершины; низменности оставались въ прежнемъ мракѣ.

Остатки язычества. Народъ крестился большею частію, повинуясь властямъ или же привлекаясь къ новой вѣрѣ ея внѣшнимъ блескомъ, обрядностію. Къ нравственному перевоспитанію этого множества крещеныхъ людей церковь не имѣла ни времени, ни средствъ. Отъ того послѣ крещенія Руси мы встрѣчаемъ въ церковной исторіи длинный періодъ грубаго двоевѣрія, въ которомъ сначала язычество даже преобладаетъ надъ христіанствомъ. Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ двоевѣръ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, студенцу, старому дубу, подъ овинъ, гдѣ жили его старые боги, и творилъ тутъ другую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ; на ряду съ священниками и даже болѣе ихъ почиталъ своихъ прежнихъ волхвовъ. Христіанскій пастырь, преслѣдовавшій суевѣріе, тѣснившій волхва, былъ даже зломъ для полувѣра; бѣжалъ отъ него этотъ полувѣръ, какъ отъ врага своей старины, и самую встрѣчу съ нимъ считалъ зловѣщею. При недостаткѣ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ мѣръ церковь могла бороться съ язычествомъ только внѣшними мѣрами, истребленіемъ языческихъ святынь, запрещеніемъ языческихъ обрядовъ Но если гдѣ, то именно у русскихъ славянъ, эти внѣшнія мѣры не вели ни къ какимъ важнымъ результатамъ. Славяно-русское язычество было религіей преимущественно домашней съ слабыми только начатками общественнаго богослуженія въ игрищахъ между селами и обрядахъ на священныхъ урочищахъ, безъ храмовъ и жрецовъ. Храмомъ ея была изба, жрецомъ—глава семьи да еще знахарь, волхвъ, къ которому прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ казались недостаточными домашнія религіозныя средства. Отъ того христіанскій храмъ строился у насъ не на развалинахъ языческаго, а на пустомъ мѣстѣ, особо, христіанскій священникъ не долженъ былъ отнимать себѣ общественное положеніе у жреца, а тоже явился на пустое мѣсто. Отъ того христіанство распространялось у насъ необыкновенно мирно и сразу заняло свое господствующее общественное положеніе. Но этого было мало для его торжества. Ниспро-

вергая кумиры, разгоняя рѣдкія языческія собранія, оно задѣвало несущественныя стороны славяно-русскаго язычества; для полной побѣды надъ старою вѣрою ему нужно было проникнуть въ самое святилище ея, въ темный уголъ семейнаго быта, а для этого внѣшнія мѣры были недостаточны, нужна была борьба нравственными средствами, нужно было произвести замѣну однихъ вѣрованій другими чрезъ воспитаніе народа. Такой нравственной борьбы церковь долго не въ состояніи была предпринять и послѣ крещенія народа, такъ что язычество имѣло возможность не только цѣликомъ сохраниться въ семейномъ быту, но даже оказать значительное вліяніе на самыя христіанскія вѣрованія народа, внести въ нихъ замѣтную долю нечистой примѣси изъ области своихъ вѣрованій. По своей неразвитости оно не успѣло выяснить миѳовъ о высшихъ божествахъ Сварогѣ, Перунѣ, Дажбогѣ, Волосѣ и создало только слабые образы ихъ: эти боги скоро были забыты или слились съ христіанскими святыми,—Перунъ съ прор. Иліею, Волосъ съ св. Власіемъ и т п. Но зато въ народныхъ вѣрованіяхъ цѣликомъ остались образы низшихъ божествъ, бывшихъ и прежде главными предметами поклоненія, божествъ, жившихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, въ его избѣ, на его очагѣ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ себѣ рыбу, въ лѣсу, куда онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой, божествъ съ рѣзко очерченными характерами, домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Цѣликомъ остался и языческій взглядъ на природу съ его примѣтами, повѣрьями, кудесами, чародѣйными средствами, обрядами, которыми обставлены были каждый шагъ славянина, каждый предметъ его домашняго обихода.

II. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДО УСИЛЕНІЯ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

Распространеніе христіанства.

Послѣ Владиміра Кіевъ остался главнымъ средоточіемъ церковной жизни до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ въ области средней Волги не завязался новый узелъ государственной жизни, пока съ ослабленіемъ южной Руси послѣ монгольскаго нашествія вся русская жизнь не оглила на

сѣверъ, изъ предѣловъ Малороссіи въ предѣлы великорусскаго племени. Во все это время (до половины XIII вѣка) христіанство продолжало распространяться по всѣмъ мѣстамъ, которыхъ прежде не коснулось или коснулось слабо. Распространенію его много помогало самое раздробленіе Руси на удѣлы, потому что теперь каждый князь заботился о распространеніи вѣры въ своемъ удѣлѣ и дѣлалъ тоже, что прежде дѣлалъ одинъ вел. князь для всей Руси; каждый стольный городъ сталъ для своего удѣла центромъ христіанства, какимъ прежде былъ одинъ Кіевъ тоже для всей Руси.

Въ Ростовѣ все еще продолжалась борьба съ язычествомъ. Первые епископы греки бѣжали отъ ярости язычниковъ въ Грецію. Третій епископъ, родомъ русскій, *св. Леонтій* не бѣжалъ отъ ввѣреннаго ему стада, хотя язычники и его выгнали изъ города. Оставивъ старое поколѣніе, закоренѣвшее въ язычествѣ, онъ обратился къ молодому; поселившись за городомъ, ласками привлекалъ къ себѣ дѣтей и училъ ихъ. Язычники взволновались противъ него и большой толпой пошли убить святаго, но когда онъ вышелъ къ нимъ въ своемъ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный клиромъ, они не имѣли духа исполнить своего намѣренія. Сильное наставленіе святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Послѣ этого Леонтій сталъ дѣйствовать успѣшнѣе не только въ Ростовѣ, но и въ окрестностяхъ. Подвиги его однако кончились мученическою смертію (около 1070 г.). Преемникъ его (съ 1078 г.) *св. Исаія*, кіевскій урожденецъ и постриженникъ Печерскаго монастыря, ходилъ по всей ростовской и суздальской землѣ съ проповѣдью вѣры, вездѣ крестилъ народъ, ниспровергалъ идоловъ и строилъ церкви († 1090 г.). Въ концѣ XI же вѣка прибылъ въ Ростовъ русскій инокъ препод. *Авраамій* и поселился въ хижинѣ на берегу оз. Неро. Въ Ростовѣ еще весь чудскій конецъ поклонялся идолу Волоса. Святой долго училъ народъ и молился о его обращеніи. Св. Іоаннъ Богословъ, явившись ему въ видѣніи, далъ ему жезлъ на сокрушеніе идола. На мѣстѣ сверженнаго истукана Авраамій основалъ свой *Богоявленскій* монастырь, въ которомъ сдѣлался первымъ архимандритомъ. Въ XII вѣкѣ, благодаря трудамъ святыхъ Леон-

тія, Исаіи и Авраамія, Ростовъ былъ уже весь христіанскимъ городомъ.

Волхвы. Новые христіане ростовско-суздальской земли были еще впрочемъ очень нетверды въ вѣрѣ. Старыя суевѣрія постоянно выплывали наружу, особенно во время народныхъ бѣдствій, которыя народъ приписывалъ гнѣву покинутыхъ боговъ. Среди общаго суевѣрнаго смущенія открывался обширный просторъ для дѣятельности представителей язычества—волхвовъ. Въ 1024 году по случаю голода встали волхвы въ Суздалѣ и стали избивать старыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они удерживаютъ плодородіе. Великій князь *Ярославъ* самъ пріѣхалъ въ Суздаль и казнилъ волхвовъ. Нѣсколько времени спустя (около 1071 года), насталъ голодъ въ Ростовѣ. По этому случаю изъ Ярославля пришли два волхва и пошли по Волгѣ, избивая лучшихъ пожилыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ; волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами и показывали видъ, что вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ или рыбу; имѣнье у богатыхъ женщинъ забирали себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, около нихъ было уже до 300 послѣдователей. Здѣсь встрѣтилъ ихъ *Янъ* бояринъ кн. Святослава черниговскаго. Произошла схватка, въ которой былъ убитъ священникъ Яна. Бѣлозерцы едва согласились выдать волхвовъ. На вопросы Яна волхвы изложили ему свое ученіе о двухъ богахъ небесномъ и подземномъ, о созданіи тѣла дьяволомъ, а души Богомъ. Янъ велѣлъ бить ихъ, выдергать у нихъ бороды и, привязавъ къ лодкѣ, поволокъ ихъ съ собой по Шекснѣ. На устьѣ этой рѣки онъ выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ ими женщинъ; оба волхва были повѣшены на дубѣ. Въ 1091 году опять было явился какой-то волхвъ въ Ростовѣ, но уже не имѣлъ успѣха и скоро погибъ.—Въ Новгородѣ тоже была сильна вѣра въ волхвовъ. Новгородцы ходили гадать къ финскимъ кудесникамъ. Въ 1071 году одинъ волхвъ хулилъ христіанскую вѣру и вызывался перейти Волховъ, какъ по суху. Народъ взволновался и хотѣлъ убить епископа *Ѳеодора*. Епископъ явился съ крестомъ на вѣче и звалъ къ себѣ всѣхъ вѣрныхъ; на его сторону всталъ только кн. *Глѣбъ* съ дружиною, а весь простой народъ остался на сторонѣ волхва. Глѣбъ убилъ волхва и волненіе утихло. Въ концѣ описываемаго времени (1227 г.) уже само вѣче казнило четве-

рыхъ волхвовъ. — Въ 1071 году явился одинъ волхвъ въ самомъ Кіевѣ; онъ утверждалъ, что ему явилось пять боговъ, и что по ихъ откровенію черезъ 5 лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, русская земля станетъ на мѣстѣ греческой, а эта на мѣстѣ русской. И въ Кіевѣ нашлись невѣгласы, которые ему вѣрили; другіе смѣялись надъ нимъ, говоря. „бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ“. Въ одну ночь волхвъ этотъ пропалъ безъ вѣсти.

Въ Муромѣ сопротивленіе язычниковъ утвержденію христіанства было еще серьезнѣе. Язычество поддерживалось здѣсь самою глушью этого края, сплошь населеннаго дикой муромой и мордвой съ весьма слабыми начатками славянскаго населенія. Послѣ святаго Глѣба здѣсь не было и особаго князя до конца XI в., когда на муромско-рязанское княжество пріѣхалъ сынъ Святослава черниговскаго *Ярославъ-Константинъ*, родоначальникъ рязанскихъ князей и просвѣтитель этого края. Онъ прибылъ въ Муромъ съ дѣтьми *Михаиломъ* и *Феодоромъ*, съ духовенствомъ и цѣлой колоніей христіанъ. Язычники встрѣтили его съ оружіемъ и даже убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Усердіе его къ обращенію жителей въ христіанство долгое время только усиливало упорство ихъ въ язычествѣ. Однажды раздраженная ревностью князя толпа язычниковъ собралась ко двору его съ намѣреніемъ убить его. Св. князь неустрашимо вышелъ къ ней одинъ съ иконою въ рукахъ. Мятежники были поражены чудеснымъ ужасомъ и просили крещенія. Въ назначенный день на Окѣ произошло такое же крещеніе, какъ въ Кіевѣ при св. Владимірѣ. Послѣ этого труды Ярослава въ пользу св. вѣры сдѣлались успѣшнѣе. До самой смерти (+ 1129 г.) онъ занимался обращеніемъ язычниковъ, строеніемъ по всему княжеству церквей и монастырей, въ 1095 году около церкви св. Николы заложилъ Переяславль рязанскій (Рязань), гдѣ потомъ утвердилась и епископія, учрежденная сначала въ Муромѣ въ 1198 г.

Долѣе всѣхъ славянскихъ племенъ оставалось въ язычествѣ племя *вятичей*. Просвѣтителемъ ихъ былъ въ XII вѣкѣ пр. *Кукша*, инокъ печерской обители, принявшій у нихъ мученическую смерть

Христіанство у инородцевъ а) *на югѣ*. Христіанство проникало и на окраины Руси къ сосѣднимъ инородцамъ.

Самое характеристическое явленіе въ исторіи русскихъ славянъ—это ихъ колонизаціонное движеніе въ среду инородческихъ поселеній и славянизаціи послѣднихъ, для которой самымъ могущественнымъ средствомъ было крещеніе инородцевъ въ православную вѣру. Менѣе всѣхъ славянскихъ племенъ отличались вліяніемъ на инородцевъ южно-русскія племена. Среди своей воинственной, полукозацкой жизни они мало заботились о прочномъ, нравственномъ подчиненіи себѣ чуждыхъ народностей и отличались терпимостью ко всякимъ вѣрамъ. Въ южной Руси встрѣчаемъ всякія народности и вѣры, и евреевъ, и латинянъ, и армянъ, и магометанъ, и язычниковъ, разныхъ коуевъ, торковъ, берендеевъ, турпѣевъ, печенѣговъ и половцевъ, которыхъ никто и не думалъ обращать въ православіе. Но и изъ южной Руси св. вѣра успѣвала иногда проникать въ степныя вежи инородцевъ. Есть извѣстія о крещеніи нѣкоторыхъ половецкихъ князей, крестились половецкія княжны, на которыхъ нерѣдко женились русскіе князья, плѣнники изъ степей и разные люди, поступавшіе на службу къ русскимъ князьямъ. Съ другой стороны и русскіе плѣнники, попадавшіе въ степи, иногда бывали тамъ просвѣтителями для своихъ порабощителей. Въ концѣ XI вѣка крестился со всѣмъ семействомъ одинъ знатный половчинъ, пораженный чудеснымъ освобожденіемъ своего плѣнника, печерскаго инока пр. *Никона Сухаго*, котораго онъ три года томилъ въ заключеніи и которому въ предупрежденіе бѣгства изъ плѣна подрѣзалъ на ногахъ жилы. Другой печерскій инокъ пр. *Евстратій* попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 50 другими христіанами къ крымскимъ жидамъ. Всѣхъ его товарищей евреи поморили голодомъ, а его распяли на крестѣ. Но по его предсказанію всѣхъ евреевъ въ Крыму въ скоромъ времени постигла казнь отъ грековъ. Пораженные исполненіемъ пророчества и чудесами отъ мощей пр. Евстратія, многіе евреи приняли крещеніе.

б) *На сѣверѣ.* Самымъ сильнымъ вліяніемъ на инородцевъ отличались сѣверныя племена, которыя, селясь между финнскими племенами, вездѣ распространяли свою христіанскую образованность и претворяли инородческій элементъ населенія въ свою плоть и кровь. Начало такого вліянія на инородцевъ принадлежитъ Новгороду, который раскинулъ свои колоніи по всему русскому сѣверу. Ближайшіе къ Новгороду финны стали креститься еще со временъ св.

Владиміра, напр. *ижора* и *корела*. Въ 1227 году новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ посылалъ къ кореламъ миссію и они всѣ безпрекословно крестились. Отдаленные отъ Новгорода и менѣе воспріимчивые инородцы, какъ напр. *водь*, хранили язычество даже еще въ XVI в. Просвѣтителемъ *вологодскаго* края былъ пр. *Герасимъ* изъ Печерской обители; въ 1147 г. онъ поселился около небольшаго новгородскаго торжка Вологды, основалъ монастырь св. Троицы и 30 лѣтъ проповѣдывалъ Евангеліе обитателямъ этой дикой лѣсной страны. Среди *Чуди заволоцкой* на сѣверной Двинѣ христіанство явилось еще во времена св. Владиміра. Въ новгородскихъ колоніяхъ этого края были церкви и монастыри. При сліяніи Сухоны и Юга уже въ предѣлахъ древней *Биарміи* еще до XII в. стоялъ старый городъ Устюгъ, выстроившійся около Троицкаго *Гледенскаго* монастыря. Сѣмена св. вѣры разносили по сѣверу и новгородскіе повольники, хотя вовсе не для ея интересовъ совершали свои удалые разъѣзды. Въ 1174 г. двѣ партіи новгородскихъ повольниковъ проникли въ область р. *Камы*, въ страну черемисъ и вотяковъ, и заняли ихъ города Болванскій, названный Никулицынымъ, и Кашаровъ, названный Котельничимъ. Нѣсколько времени спустя, построенъ былъ на р. Вяткѣ г. Хлыновъ, нынѣшн. *Вятка*. Во всѣхъ этихъ городахъ явились русскіе храмы и утвердилось христіанство. Инородцы впрочемъ упорно отказывались отъ христіанскаго просвѣщенія и долго съ ожесточеніемъ нападали на русскія колоніи, возникшія въ ихъ странѣ.

в) *По Волгѣ*. Въ приволжскомъ краѣ изъ смѣси русскаго и инородческаго народонаселенія еще въ XII в. успѣло сформироваться крѣпкое великорусское племя, которое болѣе всѣхъ другихъ племенъ заявило себя вліяніемъ на обрусеніе инородцевъ. Въ половинѣ XIII вѣка мы уже вовсе не слышимъ здѣсь о существованіи стараго племени *мери*; все поволжье до самыхъ селеній *мордвы* было уже чисто русское и православное, кромѣ развѣ какихъ нибудь лѣсныхъ захолустьевъ. Въ 1221 г. русская колонизація по Волгѣ остановилась въ Нижнемъ. Въ предѣлахъ этого города русскіе вступили въ долгую борьбу съ воинственной мордвой, въ резервѣ у которой стояли сильное черемисское племя и Болгарія. За Нижнимъ встрѣчаемъ только частные примѣры обращенія инородцевъ. Напр. князь *Андрей Бого-*

любскій много крестилъ у себя во Владимірѣ болгаръ, язычниковъ восточнаго края и жидовъ. Слуга его Кузьма плакался надъ его тѣломъ: „бывало придетъ гость изъ какой нибудь страны, латинянинъ или язычникъ, — ты приказываешь: ведите его въ церковь и ризницу, пусть смотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало; много крестилось". Между болгарами встрѣчаемъ мученика *Авраамія*, богатаго купца, замученнаго въ Болгаріи за вѣру въ 1229 г. Мощи его въ 1230 году перенесены были во Владиміръ.

г) *На западѣ* русское вліяніе должно было остановиться на своемъ пути очень близко отъ своихъ исходныхъ пунктовъ—Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска, потому что столкнулось съ другимъ сильнымъ вліяніемъ, которое шло съ запада отъ латинской церкви. Въ Финляндіи просвѣтительная дѣятельность Новгорода ограничилась племенами *ижоры* и *корелы*. Жившее далѣе на западъ племя *ямь* было крещено уже латинскими миссіонерами изъ Швеціи (въ XII в.). На югъ отъ Финскаго залива русскіе князья распространяли христіанство среди *чуди*. Въ 1030 г. Ярославъ построилъ здѣсь городъ Юрьевъ (Дерптъ) съ церквами. Преемники Ярослава старались поддержать и распространить начатки христіанства, посылая къ чуди и къ сѣвернымъ *латышамъ* священниковъ. Успѣхи св. вѣры были впрочемъ очень слабые. А между тѣмъ въ XI вѣкѣ началась здѣсь дѣятельность латинскихъ миссіонеровъ; въ 1070 годахъ Эстоніей завладѣли датчане, построили городъ Ревель и нѣсколько монастырей и остановили успѣхи православія. Въ Ливоніи въ концѣ XII вѣка основался орденъ меченосцевъ.

Орденъ меченосцевъ. До основанія ордена въ Ливоніи съ половины XII в. проповѣдывали латинскіе монахи, пріѣзжавшіе съ бременскими купцами; во главѣ ихъ стоялъ монахъ *Мейнгардъ*, бывшій потомъ ливонскимъ епископомъ. Латинская миссія, подкрѣпляемая военными дружинами и не гнушавшаяся насильственныхъ мѣръ, скоро произвела цѣлый рядъ возстаній со стороны ливовъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые крестились, снова возвращались къ язычеству и бросались въ Двину, чтобы смыть съ себя принятое крещеніе и отослать его назадъ къ нѣмцамъ. Тогда епископъ *Альбрехтъ* съ согласія папы учредилъ для распространенія христіанства между упорными дикарями духовный ры-

царскій орденъ меченосцевъ, главной резиденціей котораго сталъ городъ Рига, выстроенный въ 1200 г. Возстанія туземцевъ были укрощены жестокими мѣрами. По всей странѣ нѣмцы настроили замковъ и крѣпко утвердили свое суровое фанатическое владычество надъ ливонцами. Вскорѣ они проникли и въ Эстопію, завоевали у русскихъ Юрьевъ, отъ датчанъ получили Ревель. Въ той и другой странѣ вліяніе русскихъ было устранено на долгое время.

Начало христіанства въ Литвѣ. Орденъ стремился къ подчиненію и литовскихъ племенъ по р. Нѣману, но литва мужественно встрѣтила его напоръ и остановила распространеніе его владычества. Литовцы находились въ самомъ упорномъ язычествѣ, но и сюда уже проникали слабые лучи христіанства изъ Россіи. Въ концѣ XII столѣтія между ними извѣстны четыре православныхъ князя. Самое сильное вліяніе на Литву имѣло княжество галицко-волынское, особенно въ правленіе *Романа Мстиславича*, грознаго побѣдителя и цивилизатора литовцевъ.

Попытки католичества утвердиться въ Россіи. Латинская пропаганда стремилась проникнуть и въ коренныя русскія княжества. Первая попытка къ этому была сдѣлана при *Изяславѣ* Ярославичѣ, когда онъ, выгнанный братьями изъ Кіева, искалъ себѣ помощи на западѣ, между прочимъ у папы *Григорія VII.* Папа присылалъ къ нему по этому случаю посланіе и пословъ. Но в. князь возвратилъ себѣ Кіевъ и безъ помощи папы. Послѣ этого папскіе послы не разъ приходили на Русь, но всякій разъ безъ успѣха.—Только самая западная часть южной Руси—Галиція подверглась серьезной опасности отъ латинства. Въ концѣ XII в. она покорена была венграми и подверглась отъ нихъ гоненію за православіе. Мужественный *Романъ Мстиславичъ* избавилъ несчастную страну отъ насилій и присоединилъ ее къ своему волынскому княжеству. Сильный князь обратилъ на себя вниманіе папы *Иннокентія III.* Это было во время самаго широкаго развитія папской власти, когда папа раздавалъ королевскія короны, когда самый Царьградъ былъ въ рукахъ крестоносцевъ. Легатъ папы обѣщалъ королевскую корону и Роману, если онъ покорится св. престолу, увѣрялъ его въ содѣйствіи папскаго меча. „А такой ли мечъ у папы“? спросилъ князь, ударяя по своему мечу. Но вскорѣ послѣ этого гордаго пріема папскаго посла при малолѣтнихъ сыновьяхъ Рома-

на, *Данiилъ* и *Василькъ*, Галичъ снова сдѣлался жертвой венгровъ, которые посадили въ немъ своего королевича Коломана. Явились латинскіе священники и монахи, выгнали изъ города православное духовенство, изъ церквей подѣлали костелы, а народъ стали принуждать къ латинству. Въ 1220 г. Мстиславъ Удалой снова избавилъ Галичъ отъ венгровъ, но самъ испортилъ свое благое дѣло, выдавъ свою дочь за мужъ за брата Коломана и отдавъ за ней въ приданое галицкую волость. Послѣ его смерти (1228 г.). здѣсь опять началось распространеніе латинства, а черезъ два года папа учредилъ уже особую галицкую архіепископію. — Въ одно почти время съ посольствомъ къ Роману (1207 г.). папа писалъ посланіе ко всѣмъ русскимъ князьямъ, духовенству и народу, въ которомъ говорилъ, что хотя они и давно удалены отъ сосцевъ своей матери (т. е. римской церкви), но что онъ не можетъ подавить въ себѣ отеческихъ чувствъ къ заблудшимъ дѣтямъ и зоветъ ихъ: пусть Ефремъ обратится къ Іудѣ, Самарія къ Іерусалиму; вся греческая церковь признала власть апостольскаго сѣдалища, — ужели часть (русская церковь) не послѣдуетъ за цѣлымъ?... Но греческая церковь не думала кланяться апостольскому сѣдалищу и часть ея всегда была въ тѣсной связи съ цѣлымъ.

Устройство іерархіи.

Іерархическая связь Руси съ Грецiей. Русскіе митрополиты попреимуществу избирались и посвящались въ Греціи. По характеру своего внутренняго управленія русская митрополія пользовалась правами патріаршаго экзархата, даже болѣе, чѣмъ другіе экзархаты Греціи. Вслѣдствіе независимости Руси отъ имперіи и самой ея отдаленности отъ Византіи русская церковь была свободна отъ всякаго вмѣшательства патріарха въ ея внутреннія дѣла; митрополитъ рѣшалъ эти дѣла безъ утвержденія патріарха и рѣшеніе его признавалось за окончательное. Съ этой стороны зависимость русской митрополіи отъ грековъ пока еще не могла тяготить русскихъ людей; но она скоро сдѣлась тягостною съ другой стороны. Митрополиты, присылаемые изъ Греціи, были люди чужіе на Руси и по происхожденію, и по языку, и по симпатіямъ. Поставленный съ согласія чужаго государя, зависимый отъ послѣдняго, митрополитъ

грекъ не могъ возбуждать полнаго довѣрія къ себѣ ни въ князьяхъ, ни въ народѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду и дурную репутацію, какой греки изстари пользовались на Руси и которая выразилась въ замѣткѣ лѣтописца: „суть бо греци льстивы и до сего дне“. При томъ же на русскую митрополію присылались даже не лучшіе люди изъ грековъ. Изъ 25 митрополитовъ грековъ въ первые 4 съ половиной вѣка существованія русской церкви неболѣе 4 6 человѣкъ заявили себя просвѣщеніемъ и благочестіемъ. Таковы въ описываемое время были: *Георгій* (съ 1062 г.) человѣкъ образованный, но, какъ чуждый пастырь, покинувшій свою паству во время междоусобія дѣтей Ярослава; преемникъ его *Іоаннъ II* (съ 1080 г.), по свидѣтельству лѣтописи, хитрый книгамъ и ученію, ласковый ко всѣмъ, смиренный, молчаливый и вмѣстѣ рѣчистый, когда нужно было книгами святыми утѣшать печальныхъ;—*Никифоръ I*, извѣстный своими посланіями къ Мономаху. Другіе только вскользь упоминаются въ лѣтописяхъ, а объ одномъ *Іоаннѣ III* (съ 1089 г.) даже прямо замѣчено, что онъ былъ не книженъ и простъ умомъ. Между тѣмъ митрополиты изъ русскихъ людей всѣ оставили послѣ себя самую хорошую память по своему образованію, благочестію и благотворному дѣйствію на свою родную паству (1).

Митрополиты изъ русскихъ. Мысль объ избраніи митрополитовъ изъ русскихъ явилась очень рано. Послѣ смерти м. *Ѳеопемпта* 3 года не присылали изъ Греціи новаго митрополита. Въ это время только что кончилась война Ярослава съ греками, въ которой греки варварски ослѣпили 800 русскихъ плѣнниковъ. И вотъ въ 1051 г. „Богъ князю вложи въ сердце“ поставить митрополита русскаго и соборомъ русскихъ же епископовъ, поставленъ *Иларіонъ*, священникъ княжескаго села Берестова. Новый святитель впрочемъ въ томъ же году испросилъ себѣ благословеніе

(1) Порядокъ митрополитовъ былъ слѣдующій: 3, *Іоаннъ* (съ 1015 г.) 4 *Ѳеопемптъ* (1037), 5, *св. Иларіонъ* (1051), 6, *Георгій* (1062), 7, *св. Іоаннъ II* (1080), 8, *Іоаннъ III* (1089), 9, *св Ефремъ* (1089), 10, *Николай* (1097), 11, *Никифоръ* (1104), 12, *Никита* (1122), 13, *Михаилъ* (1130), 14, *Климентъ Смолятичъ*, 15, *св. Константинъ* (1156), 16, *Ѳеодоръ* (1160), 17, *Іоаннъ IV* (1164), 18, *Константинъ II* (1167), 19, *Никифоръ II* (1115), 20, *Матѳей* (1205), 21, *Кириллъ* (1205), 22, *Кириллъ II* (1240).

патріарха. Онъ былъ мужъ благочестивый и аскетъ, часто уединялся для молитвы въ пещеру, которую выкопалъ въ горѣ недалеко отъ своего села, и кромѣ того былъ извѣстенъ своимъ просвѣщеніемъ. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ XI в., видимъ еще митрополита изъ русскихъ *св. Ефрема*, бывшаго прежде придворнымъ в к. Изяслава, потомъ епископомъ переяславскимъ. И онъ былъ извѣстенъ, какъ святой мужъ и чудотворецъ; свое управленіе и переяславской епископіей и митрополіей онъ ознаменовалъ строеніемъ многихъ церквей, больницъ и странноприимницъ. Поставленіе свое на митрополію онъ впрочемъ получилъ не въ Россіи, а въ Греціи.

Споръ о независимомъ поставленіи митрополита въ Россіи. Послѣ Иларіона другой примѣръ независимаго поставленія митрополита изъ русскихъ видимъ въ 1147 г. при *Изяславѣ Мстиславичѣ*. Вслѣдствіе неудовольствія на митрополита *Михаила*, который покинулъ свою паству во время княжескихъ смутъ и ушелъ въ Грецію, а также вслѣдствіе смутъ изъ-за патріаршаго престола въ самой Греціи, в. князь собралъ въ Кіевѣ соборъ для поставленія митрополита изъ русскихъ. Выборъ палъ на *Климента Смолятича*, схимника и затворника и вмѣстѣ съ тѣмъ книжнаго философа, какого на Руси и не бывало. О личности его не было спора, но возникъ важный вопросъ, можно ли посвящать митрополита въ Россіи однимъ епископамъ безъ патріарха. Три епископа—новгородскій *Нифонтъ*, смоленскій *Мануилъ* и полоцкій *Косьма*, рѣшали этотъ вопросъ въ интересахъ греческаго патріарха отрицательно. Напротивъ 6 епископовъ изъ русскихъ доказывали, что по церковнымъ канонамъ соборъ епископовъ всегда можетъ поставить себѣ митрополита; имъ легко было бы опровергнуть крайнее мнѣніе греческой партіи, еслибы они сами не впали въ крайность, настаивая на правѣ епископовъ ставить митрополита *безъ благословенія* патріарха. Греческая партія опершись на эту ошибку противниковъ и заставила ихъ прибѣгать къ страннымъ уловкамъ. *Онуфрій* черниговскій предложилъ замѣнить благословеніе патріарха поставленіемъ митрополита посредствомъ главы Климента римскаго; греки ставятъ же, утверждалъ онъ несправедливо, рукою Іоанна Предтечи. Споръ не кончился ничѣмъ опредѣленнымъ; Климентъ былъ поставленъ, но греческая партія не признала его митрополитомъ и была

имъ за это преслѣдуема. Нифонтъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Кіевѣ, Мануилъ спасся отъ тюрьмы бѣгствомъ. Но и положеніе Климента было очень не прочно; его не признавалъ соперникъ Изяслава сильный князь *Юрій Долгорукій*. Сдѣлавшись в. княземъ послѣ смерти Изяслава (1155), онъ изгналъ Климента и выпросилъ у патріарха другаго митрополита *Константина*. Нифонтъ, уже выпущенный изъ тюрьмы, съ радостію ѣхалъ изъ Новгорода на встрѣчу новому святителю греку, но не дождался его и умеръ въ Кіевѣ. Греческая партія торжествовала; по совѣту Мануила смоленскаго митрополитъ запретилъ служеніе всѣмъ поставленникамъ Климента и проклялъ умершаго Изяслава. Ему пришлось потомъ горько поплатиться за это проклятіе, когда по смерти Юрія (1158 г.) Кіевомъ овладѣли дѣти Изяслава и посадили в. княземъ своего дядю *Ростислава* смоленскаго. Митрополитъ долженъ былъ оставить каѳедру, но ее не могъ занять и Климентъ, котораго не хотѣлъ Ростиславъ по внушеніямъ греческой партіи. Поэтому выписали изъ Греціи третьяго митрополита *Ѳеодора*. Константинъ скоро умеръ въ Черниговѣ, гдѣ поселился у епископа *Антонія*. Онъ оставилъ послѣ себя завѣщаніе не хоронить его, а вытащить изъ города за ноги и бросить псамъ. Антоній исполнилъ это завѣщаніе, но черезъ 3 дня торжественно похоронилъ мощи святителя въ черниговскомъ соборѣ. Уже послѣ смерти м. Ѳеодора (1163 г.) Ростиславъ рѣшился возвратить каѳедру Клименту Смолятичу, но въ это время изъ Греціи прислали новаго митрополита *Іоанна*, безъ согласія в. князя. Это такъ разсердило Ростислава, что императоръ и патріархъ едва уговорили его принять митрополита. „Если патріархъ, сказалъ в. князь, еще поставитъ митрополита безъ нашего вѣдома, то не только не приму его, но и закопъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и ставить митрополита изъ русскихъ съ повелѣнія в. князей“. Съ этого времени при избраніи новаго митрополита для русской церкви въ Греціи всегда соображались съ волей в. князя.

Епархіи. Епархіальное дѣленіе русской церкви большею частію совпадало съ удѣльнымъ дѣленіемъ Руси. Всѣхъ епархій къ половинѣ XIII в. было 15. (Новгородская, ростовская, владимірская на Волыни, бѣлогородская, черниговская, юрьевская, переяславская, хельмская, полоцкая, туровская, смоленская, перемышльская, галицкая, рязан-

ская, владимірская на Клязьмѣ и кромѣ того митрополичья кіевская). Вслѣдствіе религіознаго строя древняго общества, всякій общественный союзъ сосредоточивался обыкновенно около какой нибудь святыни, храма, и являлся, по величинѣ, въ формѣ прихода или епархіи. Новый удѣлъ, выдѣлившись изъ стараго, стремился сдѣлаться самостоятельнымъ и въ церковномъ отношеніи, завести у себя особую епархію, потому что гражданская самостоятельность безъ церковной была неполна. Такъ въ XII в. послѣ выдѣленія новыхъ удѣльныхъ княжествъ изъ старыхъ, изъ переяславскаго удѣла — смоленскаго, изъ волыни — галицкаго, изъ черниговскаго—рязанскаго, явились и новыя епархіи: смоленская—въ 1137 году, галицкая—въ 1157, рязанская—въ 1189. Съ паденіемъ удѣла уничтожалась и епархія; напр. въ концѣ XI в. послѣ разоренія половцами Тьмуторокани пала и тамошняя епархія. Возвышеніе земли возвышало и ея епархію; въ 1165 г. богатый Новгородъ выхлопоталъ своему владыкѣ Іоанну титулъ архіепископа — тогда еще первый и единственный на Руси.

Вліяніе удѣльной системы на церковное управленіе. Среди удѣльной розни церковь старалась сохранить свое единство и была могущественною силою къ объединенію самой земли. Каѳедра митрополита была центромъ церковнаго управленія для всѣхъ концовъ Руси; для рѣшенія церковныхъ вопросовъ при ней весьма часто собирались соборы епископовъ. Всѣ концы Руси по церковному суду судились на основаніи одной и той же Кормчей. Вездѣ слышалась одна и таже церковная проповѣдь. Но въ тоже время удѣльные порядки не могли въ свою очередь не отразиться на церковномъ строѣ. Власть митрополитовъ въ епархіяхъ не рѣдко была стѣсняема обычнымъ тогда стремленіемъ каждаго удѣла къ автономіи, къ меньшей зависимости отъ Кіева, къ жизни особнякомъ.

Какъ в. князья стремились къ ограниченію власти патріарха въ избраніи митрополитовъ, такъ въ свою очередь удѣльные князья и жители удѣловъ стремились ограничить власть митрополита въ назначеніи епархіальныхъ епископовъ. Въ XII в. вошло уже въ общій обычай ставить епископовъ не иначе, какъ по избранію удѣльныхъ князей и народа. Въ 1183 г. Всеволодъ III не принялъ назначеннаго въ Ростовъ епископа *Никогая* грека, потому что м. *Никифоръ* при назначеніи его не испросилъ согласія князя и народа. Лѣто-

писецъ выразительно замѣчаетъ по этому поводу: „нѣсть бо достойно наскакати на святительскій санъ, но егоже Богъ позоветъ, князь восхощетъ и людіе“. Въ княжескихъ удѣлахъ главный голосъ при избраніи епископа принадлежалъ князьямъ. Въ Новгородѣ, гдѣ вѣче было сильнѣе князя, съ XII в. видимъ народное избраніе владыкъ. Извѣстный намъ Нифонтъ былъ послѣднимъ владыкою, присланнымъ изъ Кіева; его преемникъ *Аркадій* былъ избранъ на вѣчѣ. Въ этихъ выборахъ обыкновенно участвовали— князь, духовенство, софіяне (лица принадлежавшія къ вѣдомству Софійскаго собора и каѳедры) и народъ. Вслучаѣ несогласія избирателей на престолѣ Софіи клали жребіи избираемыхъ и посылали брать ихъ слѣпца или малолѣтняго. Избраннаго владыку посылали къ Кіевъ для посвященія. Въ исправленіе должности онъ вводился впрочемъ и до посвященія и въ качествѣ нарѣченнаго владыки управлялъ дѣлами епархіи года по два и больше. Выборъ во владыки падалъ всегда на своего, новогородца, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ князья принимали къ себѣ въ епископы и чужихъ людей, которыхъ почему нибудь успѣвали запримѣтить во время своихъ переходовъ по удѣламъ. Къ особенностямъ Новгорода относится и то, что владыкъ выбирали здѣсь не изъ однихъ иноковъ, но и изъ бѣлаго духовенства.

Воля князя или народа могла быть причиною и изгнанія епископовъ, причемъ дѣло обходилось иногда безъ церковнаго суда. Въ 1157 году Андрей Боголюбскій выгналъ изъ Ростова еп. *Нестора* за то, что онъ не разрѣшалъ постовъ въ господскіе праздники. Въ 1159 году ростовцы выгнали еп. *Леона* за то, что онъ грабилъ поповъ. Въ 1168 г. Святославъ черниговскій изгналъ еп. *Антонія*. Въ Новгородѣ владыкъ изгоняло вѣче. Особенно не прочно сидѣли здѣсь на каѳедрѣ владыки, выбранные по вліянію одного князя безъ согласія вѣча. Въ 1212 г. новгородцы свергнули *Митрофана*, избраннаго кн. Всеволодомъ владимірскимъ и его партіей, а на его мѣсто съ согласія кн. Мстислава Удалаго выбрали хутынскаго монаха *Антонія*. Но по уходѣ Мстислава опять усилилась владимірская партія и провозгласила владыкою опять Митрофана. Антоній не уступалъ своего мѣста, и теперь только вспомнили о судѣ митрополита, которому и предоставили сдѣлать выборъ между двоими владыками. Митрополитъ, разумѣется,

оставилъ въ Новгородѣ перваго по времени Митрофана, а Антонію далъ перемышльскую епархію. Въ 1228 г. во время святительства владыки *Арсенія*, по случаю долгой дождливой осени (отъ Успенія до Николина дня), вѣче рѣшило: „это изъ-за Арсенія стоитъ у насъ такъ долго тепло“, и вытолкало владыку изъ города въ шею, какъ злодѣя.

Низшее духовенство, непосредственно связанное съ приходскими общинами, также было выборное. Въ 1128 г. патріархъ *Германъ* писалъ грамоту м *Кириллу I*, изъ которой видно что вліяніе свѣтскихъ лицъ на избраніе членовъ клира доходило до большихъ злоупотребленій; нѣкоторые господа обучали грамотѣ своихъ рабовъ, потомъ принуждали ихъ къ архіереямъ для поставленія во священство, не освободивъ отъ рабства, и послѣ поставленія спекулировали ихъ саномъ. Въ монастыряхъ, разумѣется, болѣе видныхъ, при избраніи игуменовъ требовалось согласіе не только мѣстнаго епископа, но и князя, а въ Новгородѣ — вѣча.

Первая попытка къ размѣненію русской митрополіи. До чего могло дойти вліяніе удѣльной розни на іерархію, показываетъ знаменательная попытка сѣверной Руси отдѣлиться отъ церковнаго вліянія южной. Это было въ половинѣ XII в. при в. к. *Андреѣ Боголюбскомъ*, когда сѣверо-восточная Русь усилилась, пріобрѣла вліяніе на Кіевъ и стала заводить у себя новые самодержавные порядки. Владимірскій князь былъ сильнѣе кіевскаго, но въ Кіевѣ былъ митрополитъ, а во владимірскомъ княжествѣ только ростовскій епископъ. И вотъ в. к. Андрей отправилъ посла къ п. *Лукѣ Хрисовергу* съ просьбой поставить ему во Владиміръ особаго митрополита; у него былъ уже готовъ и кандидатъ на новую митрополію, его любимецъ *Ѳеодоръ*. Патріархъ отказалъ, ссылаясь на то, что разрывать единство русской митрополіи будетъ противно канонамъ; въ угоду князю онъ посвятилъ Ѳеодора только въ епископы на ростовскую каѳедру и дозволилъ перенести эту каѳедру во Владиміръ. В. князь отказался отъ своего желанія, но гордый Ѳеодоръ, разочаровавшись въ надеждѣ сдѣлаться митрополитомъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ освободиться отъ подчиненія кіевскому митрополиту (Константину); ссылаясь на то, что получилъ посвященіе отъ самого патріарха, онъ не хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ за благословеніемъ митрополита. Митрополитъ послалъ во Владиміръ грамоту съ увѣщаніемъ не признавать Ѳеодора епископомъ. Многіе по-

слушались этой грамоты. Ѳеодоръ пришелъ въ такое раздраженіе противъ нихъ, что совершенно обезумѣлъ, затворилъ во Владимірѣ церкви, такъ что не было ни звона, ни пѣнія по всему городу, и принялся казнить ослушниковъ. „Одни, разсказываетъ лѣтопись, лишились селъ, оружія, коней, другіе обращены были въ рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, іереи. Немилостивый былъ мучитель; однимъ головы рубилъ, бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть у нихъ имѣніе: до имѣнія былъ жаденъ, какъ адъ“. Князь наконецъ послалъ его къ митрополиту, а м. Константинъ „обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвезти на Песій островъ, гдѣ ему урѣзали языкъ, руку правую отсѣкли и глаза выкололи“.

Значеніе іерархіи въ гражданскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ церковь выдержала напоръ удѣльнаго вліянія безъ погери своего единства. Самое вліяніе общества на ея іерархію обратилось въ ея же пользу, не смотря на нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ страдалъ ея канонический порядокъ. Іерархія вслѣдствіе своего выборнаго значенія получила народный характеръ, сдѣлалась своею для общества и сама пріобрѣла на него сильное вліяніе. На княжескихъ совѣтахъ и съѣздахъ на первомъ мѣстѣ видимъ духовенство. Единство русской церкви было самою благотворною силою среди удѣльной розни; іерархи вступались почти въ каждую усобицу князей, какъ общіе миротворцы, какъ ходатаи за общее благо народа; не многіе только митрополиты греки покидали свою паству среди усобицъ и уходили въ Грецію. М. *Николай* удержалъ князей отъ усобицы по случаю ослѣпленія *Василька* волынскаго: „если станете воевать другъ съ другомъ, говорилъ онъ, то поганые возьмутъ землю русскую, которую пріобрѣли отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростію побарали по русской землѣ и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить землю русскую“. М. *Никифоръ* говорилъ князю кіевскому Рюрику: „князь! мы поставлены отъ Бога въ русской землѣ, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія, да не проливается кровь христіанская въ русской землѣ“. М. *Кириллъ I*, бывшій предъ самымъ нашествіемъ монголовъ, въ теченіе всего своего святительства ѣздилъ изъ конца въ конецъ по Россіи и вездѣ ми

рилъ враждовавшихъ князей. Гдѣ не дѣйствовали увѣщанія, іерархи удерживали князей отъ усобицъ грозой своей святительской клятвы. Во время княжескихъ переговоровъ послами между враждебными сторонами постоянно видимъ тѣхъ же всеобщихъ миротворцевъ—духовныхъ лицъ; ихъ слово было авторитетнѣе, чѣмъ слово мірскихъ пословъ, притомъ же своимъ саномъ они были ограждены отъ обидъ, отъ которыхъ тогда не спасало и званіе посла.

Въ предѣлахъ своей епархіи каждый епископъ былъ первымъ и самымъ вліятельнымъ человѣкомъ во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, былъ также нуженъ для удѣльной области, какъ князь. Новгородцы не могли себя и представить безъ владыки. Съ благословенія мѣстнаго святителя дѣлались всѣ дѣла, такъ что онъ невольно втягивалъ ся во всѣ мѣстные земскіе интересы. Мы видимъ его въ челѣ посольства отъ удѣльнаго земства къ какому нибудь князю съ приглашеніемъ на княжескій столъ; онъ принималъ вновь пріѣхавшаго на удѣлъ князя и совершалъ обрядъ посаженія или введенія князя въ управленіе; въ княжеской думѣ святитель былъ первымъ совѣтникомъ, внушалъ князю миролюбивыя отношенія къ родичамъ и предстательствовалъ предъ нимъ за благо удѣльнаго народонаселенія. Особенно отличались своимъ земскимъ значеніемъ новогородскіе владыки, бывшіе всегда природными новогородцами. Городское вѣче и собиралось большею частію около св. Софіи и владычняго двора. Даже печальная судьба нѣкоторыхъ владыкъ показываетъ, какъ тѣсно была связана жизнь новгородской іерархіи съ перемѣнами въ мѣстной гражданской жизни.

Вліяніе іерархіи на развитіе государственныхъ понятій. Сильное вліяніе духовенства на гражданскія дѣла было между прочимъ слѣдствіемъ его высшаго гражданскаго образованія. Для младенчествующаго государства еще нужны были пѣстуны, и оно съ самаго начала христіанства добровольно поступило подъ опеку церкви. Понятно, по какому образцу духовенство должно было воспитывать юную княжескую власть. Идеаломъ государства у него была византійская имперія, съ которой одни іерархи, греки, были знакомы непосредственно, а другіе, русскіе, черезъ Кормчую, источникъ ихъ юридической мудрости. И сами князья смотрѣли на имперію съ благоговѣніемъ, какъ прежде смотрѣли на нее дикіе конунги германцевъ, гро-

мившіе ее со всѣхъ концовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордившіеся титуломъ римскихъ патриціевъ. Князья, связанные какимъ нибудь родствомъ съ императорами, пользовались особеннымъ почетомъ, наприм. Борисъ и Глѣбъ, Владиміръ Мономахъ, потому что они „свѣтились царски". М. Никифоръ, восхваляя Мономаха, говорилъ, что его Богъ „изъ утробы помаза, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ". Въ знакъ уваженія князей часто титуловали „царями", титуломъ, который у насъ обыкновенно прилагался къ императору. О Мономахѣ составилось преданіе, по которому имперія въ лицѣ императора Алексѣя Комнена передала русскому князю знаки царскаго сана—вѣнецъ и бармы—и греческій митрополитъ *Леофитъ* совершилъ надъ нимъ обрядъ царскаго помазанія. Это преданіе имѣло потомъ большой вѣсъ на Руси, указывая на преемственность русскаго самодержавія отъ греческаго. Образецъ царской власти былъ знакомъ, но еще много требовалось времени, чтобы онъ нашелъ себѣ приложеніе въ самой жизни русскаго государства. Среди удѣльныхъ порядковъ сама іерархія могла пока говорить только о единствѣ и мирѣ земли и о повиновеніи младшихъ князей старшему, какъ отцу. Съ наибольшей ясностью мысль о верховной власти усвоена была только въ сѣверной Руси, гдѣ впервые явились князья самовластцы, Андрей и Всеволодъ. Сѣверная лѣтопись говоритъ о своихъ князьяхъ съ благоговѣніемъ и этимъ рѣзко отличается отъ новогородскихъ и южныхъ лѣтописей. Разсказавъ напр. объ убіеніи в. кн. Андрея, она предаетъ убійцъ проклятію и долго распространяется о святости княжеской власти, сравниваетъ князя по власти съ Богомъ, доказываетъ, что противникъ власти противится Богу, проповѣдуетъ прирожденное и самодержавное значеніе князя и осуждаетъ старый порядокъ съ его вѣчами, выборами князей и проч.

Церковные законы. Основаніемъ для внутренняго церковнаго управленія служилъ Номоканонъ, несомнѣнно существовавшій у насъ въ славянскомъ переводѣ, потому что изъ него дѣлали заимствованія въ свои уставы наши князья, правила его цитовали въ своихъ сочиненіяхъ чисто русскіе авторы, напр. Ѳеодосій печерскій и Кирикъ. Инокъ XVI в. Зиновій отенскій самъ видѣлъ въ свое время два перевода Кормчей отъ временъ кн. Ярослава и Изяслава сына Ярославова, переводы „первыхъ преводниковъ", по всей

вѣроятности болгарскіе. Кромѣ болгарскаго перевода древнѣйшей редакціи Номоканона *Іоанна Схоластика* (VI в.) у насъ еще употреблялись списки Кормчей, содержавшіе знаменитый Номоканонъ въ *XIV титулахъ*, извѣстный послѣ подъ именемъ *Фотіева*, но еще въ неполной до-Фотіевской редакціи и безъ толкованій.

Русскіе пастыри въ своихъ постановленіяхъ дѣлали примѣненія Кормчей къ потребностямъ русской жизни. Такъ явилось *церковное правило м. Іоанна II* въ отвѣтъ на вопросы *Іакова черноризца*, съ XIII вѣка постоянно вносившееся въ наши Кормчія и представляющее въ своемъ содержаніи богатый матеріалъ для церковной исторіи. Въ немъ содержатся постановленія: а) относительно вѣры—противъ остатковъ язычества, общенія съ иновѣрцами въ пищѣ и посредствомъ браковъ, противъ продажи христіанъ въ рабство невѣрнымъ, отступленія отъ церкви; б) относительно семейной жизни—противъ сожитія съ женою безъ благословенія церкви и незаконныхъ браковъ; в) касательно церковнаго благочинія—о почитаніи святынь, соблюденіи постовъ, неяденіи удавленины и мертвечины, о бѣсовскихъ пѣсняхъ, пирахъ по монастырямъ; г) касательно іерархіи—объ отношеніи епископовъ къ митрополиту, епархіальномъ управленіи, противъ пьянства и неблагочинія іереевъ и монаховъ.—Вмѣстѣ съ правиломъ Іоанна въ русскія Кормчія съ XIII в. постоянно вносилось другое весьма важное въ церковно-историческомъ отношеніи сочиненіе: *Вопросы Кирика* (новогородскаго іеродіакона) и отвѣты на нихъ разныхъ епископовъ и др. духовныхъ лицъ; они живо изображаютъ духъ своего времени, церковные обычаи, остатки язычества, характеръ современной религіозности и состояніе нравовъ въ духовенствѣ и народѣ.

Уставы князей. Изъ постановленій князей касательно церкви общерусское значеніе имѣлъ *церковный уставъ в. к. Ярослава*, содержавшій въ себѣ подтвержденіе и раскрытіе устава св. Владиміра. Въ немъ видимъ нѣкоторыя новыя опредѣленія; такъ, къ церковному суду примѣнена тогдашняя система денежныхъ штрафовъ за преступленія и указаны случаи участія въ немъ князя. Совмѣстному суду церкви и князя подсудны были: а) оскорбленія, насилія и побои дѣвицамъ и чужимъ женамъ, поджоги, остриженіе головы и бороды, б) семейная кража и убійство. За первыя преступленія пеня шла епископу, а князь только

казнилъ, за вторыя пеня дѣлилась между княземъ и епископомъ „на полы“. Удѣльные князья примѣняли общіе уставы Владиміра и Ярослава къ своимъ удѣламъ. Такъ, *Всеволодъ Мстиславичъ* новгородскій (1127—1132) на основаніи этихъ уставовъ далъ *грамоту св. Софіи* новгородской. Въ перечисленіи церковныхъ людей (подчиненныхъ вѣдомству церкви) противъ уставовъ прибавлены у него *изгои*, люди непринадлежавшіе ни къ какому вѣдомству и поступавшіе подъ покровительство церкви, каковы. „поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, и аще князь осиротѣетъ“. *Грамота Ростислава смоленской епископіи* (1150 г.), кромѣ церковнаго суда, опредѣляетъ еще источники содержанія для новой епископіи. Грамоты Всеволода новгородскаго выстроенной имъ церкви *Іоанна Предтечи на Опокахъ* и Святослава Ольговича *св. Софіи* (1137 г.) исключительно занимаются опредѣленіемъ матеріальныхъ средствъ для этихъ церквей.

Содержаніе и права духовенства. Источниками содержанія для митрополита и епископовъ служили: 1) *десятина* изъ княжескихъ доходовъ и имѣнія, какую давали напр. Всеволодъ св. Софіи, Андрей Боголюбскій владимірскому собору, Ростиславъ—смоленской епископіи; иногда десятина замѣнялась деньгами, какъ напр. въ грамотѣ Святослава св. Софіи; 2) *вѣсчія* пошлины съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, наблюденіе за которыми уставомъ Владиміра дано святителямъ; 3) *судныя* — съ церковнаго суда; 4) *ставленыя*—за поставленіе въ клиръ съ ставленниковъ; 5) *недвижимыя имѣнія.* Митрополитъ напр. имѣлъ во владѣніи нѣсколько городовъ съ волостями и селами. Во владѣніи десятинной церкви былъ тоже цѣлый городъ Полонный. Ростиславъ своей смоленской епископіи пожертвовалъ озера, сѣнокосы, огороды и села съ данями и продажами. Андрей Боголюбскій далъ владимірскому Богородицкому собору нѣсколько слободъ, селъ и городъ Гороховецъ.— *Низшее духовенство* содержалось главнымъ образомъ доходами съ требоисправленій. Церкви княжеской постройки, особенно соборы, получали опредѣленное содержаніе отъ князей. Такъ Ярославъ, строя церкви, давалъ имъ отъ своего имѣнія урокъ. Церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ кн. Всеволодъ (на содержаніе причта и церкви) далъ отъ имѣнія своего вѣсь вощаной въ Новгородѣ да въ Торжкѣ пополамъ съ торжковскимъ соборомъ Спаса; при церкви

была устроена торговая община, для вступленія въ которую требовалось 50 гривенъ вклада; дѣлами ея поставлены управлять старосты, они же наблюдали за вѣсомъ въ притворѣ церкви и заботились о содержаніи ея и ея причта.

Уставы князей замѣчательны еще тѣмъ, что утверждали за духовенствомъ разныя *права*, свободу отъ мірскаго суда, службы и податей. Но мы уже видѣли, какъ эти права нарушала практика удѣльно-вѣчеваго уклада. Князья и вѣча судили и даже низвергали епископовъ иногда безъ всякаго церковнаго суда. Относительно повинностей встрѣчаемъ извѣстіе, которое показываетъ, что вѣче могло притягивать церковныхъ людей (впрочемъ еще не поставленныхъ въ св. санъ) даже къ личному участію въ военной повинности; въ 1148 г., собираясь на войну противъ владимірцевъ, новгородцы говорили кн Изяславу: „пойдетъ (на войну) всяка душа, аче дьякъ и гуменце ему постриженно, а не поставленъ будетъ, и тотъ пойдетъ, а кто поставленъ, ать Бога молитъ“. Самъ владыка съ корпораціей своихъ софіянъ несъ городовую повинность на ряду съ другими новгородскими общинами; онъ мостилъ крѣпость и всю дорогу по волховскому мосту до торговой стороны. Помимо земскихъ повинностей казна архіереевъ, монастырей и церквей имѣла важное общественное значеніе. Около соборовъ, церквей и монастырей сосредоточивалась общественная благотворительность, содержались больницы, богадѣльни, странноприимицы и школы.

Церковная обрядность.

Храмы и ихъ общественное значеніе. Понятно, какое высокое общественное значеніе долженъ былъ имѣть христіанскій храмъ, когда около него сосредоточивалась вся общинная жизнь не только религіозная, но и гражданская. На погостѣ около него собирались общинные сходы, рѣшались общинныя дѣла, завязывались разныя сдѣлки и торги; тутъ же стояла приходская школа, въ которой учили члены клира, и приходская богадѣльня, въ которой чрезъ посредство тѣхъ же членовъ клира совершалось дѣло общественной благотворительности. Отъ этого напа древняя община носила всегда не столько юридическій, договорный характеръ, сколько религіозно-братскій. Лучшимъ выраженіемъ этого религіознаго братства служатъ древнія при-

ходскія *братчины*. Все приходское братство изъ сборнаго солода и крупъ готовило общее братское пиво и кашу и сообща праздновало свой приходскій праздникъ. О важности этихъ праздниковъ для развитія общественности говоритъ старая пословица, замѣчающая о неуживчивомъ человѣкѣ: „съ нимъ пива (или каши) не сваришь“. Съ теченіемъ времени такія временныя братскія собранія отъ частаго повторенія ихъ обращались въ постоянные союзы, въ *братства*, которыя принимали на себя заботу о всѣхъ приходскихъ дѣлахъ, содержаніи церкви и причта, богадѣльнѣ и приходской школѣ. Такое именно братство мы и видимъ въ Иванскомъ купечествѣ около церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ.

Чѣмъ былъ приходскій храмъ для приходской общины, тѣмъ же былъ *соборъ* для города и для цѣлаго удѣла. Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жили владыка и князь, собиралось вѣче по звону соборнаго колокола. Самый городъ считался какъ-бы принадлежностію собора. Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ—св. Троицы, Владиміръ — Богородицы и т. д. Всѣ волости и пригороды тоже были волостями и пригородами Софіи, Спаса, Богородицы и т. д. Все городское благосостояніе ставилось подъ покровительство мѣстной святыни. О построеніи новгородскаго собора сохранилось въ этомъ отношеніи выразительное преданіе. На куполѣ собора иконописцы изобразили Спаса съ благословляющей рукою, но на другой день рука Его оказалась сжатою; два раза поправляли и оба раза рука опять сжималась; въ третій разъ услышали голосъ отъ образа: „писари, писари! не пишите Меня съ благословляющей рукою, а пишите со сжатою; въ этой рукѣ Я держу весь Новгородъ; когда она раскроется, будетъ скончаніе граду“. Вслѣдствіе такихъ понятій соборы были предметомъ живѣйшихъ попеченій князей и народа. Строили ихъ главнымъ образомъ князья. Такъ, Ярославъ построилъ кіевскую Софію по подобію цареградской и еще церковь Благовѣщенія на Златыхъ вратахъ Кіева, „да радость будетъ граду тому всегда св. Благовѣщеніемъ“; сынъ Ярослава *Владиміръ* построилъ другую Софію въ Новгородѣ; братъ Ярослава *Мстиславъ*—соборъ Спаса въ Черниговѣ; Владиміръ Мономахъ построилъ соборы по своимъ городамъ, въ Ростовѣ и Смоленскѣ; сынъ его Юрій Долгорукій—въ Суздалѣ, Андрей Боголюбскій—Успенскій со-

боръ во Владимірѣ. Лѣтописцы съ живѣйшимъ интересомъ описываютъ великолѣпіе разныхъ соборовъ и ставятъ ихъ украшеніе въ большую похвалу благочестивымъ князьямъ Кромѣ общинныхъ церквей и соборовъ во всѣхъ городахъ было множество другихъ церквей частной постройки, построенныхъ князьями, пастырями церкви и частными лицами, и содержавшихся большею частію на счетъ своихъ строителей Мастерами были греки или нѣмцы; лѣтопись разсказываетъ, какъ чудо, что для возобновленія суздальскаго собора (въ 1193 г.) епископъ *Іоаннъ* не искалъ мастеровъ отъ нѣмцевъ, а удовольствовался своими русскими.

Чествованіе св. иконъ. Иконы тоже большею частію были не русскаго мастерства, а добывались изъ Греціи. Изъ Греціи иногда нарочно вызывали иконописцевъ для разныхъ работъ, напр. для расписыванія кіевскаго, новогородскаго и владимірскаго соборовъ, кіевопечерской церкви и др. Греческіе мастера, расписывавшіе печерскую церковь и лѣпившіе въ ней мозаики, оставили послѣ себя греческіе *подлинники* (свитки для руководства иконописцамъ), которые были цѣлы еще въ XVII в Они же образовали перваго, извѣстнаго по имени, русскаго иконописца печерскаго инока *пр. Алипія*, который изъ безмезднаго писанія иконъ для церквей и частныхъ лицъ сдѣлалъ для себя христіанскій подвигъ. Житіе его разсказываетъ, что ангелъ писалъ за него иконы, когда онъ былъ боленъ, что иконы его оставались цѣлыми во время пожара украшенныхъ ими церквей. Издревлѣ существовалъ обычай украшать иконы богатыми ризами; особенное удивленіе даже въ грекахъ возбуждали ризы на иконахъ печерской церкви, соборовъ владимірскаго. смоленскаго и ростовскаго.

Особенно украшались и чествовались иконы *чудотворныя.* Самыми замѣчательными изъ нихъ были: 1) икона Богоматери *Печерская*, принесенная изъ Царяграда упомянутыми греческими мастерами; 2) икона Богоматери *Смоленская* (*Одигитрія*), присланная изъ Царяграда къ Всеволоду черниговскому, потомъ (въ 1111 г.) перенесенная въ Смоленскъ Владиміромъ Мономахомъ; 3) *Владимірская*, бывшая прежде въ Вышгородѣ, потомъ перенесенная во Владиміръ кн. Андреемъ Боголюбскимъ; 4) икона *Знаменія* Божіей Матери въ Новгородѣ; 5) святителя *Николая зарайскаго*, въ 1224 г. принесенная изъ Корсуня въ Зарайскъ корсунянином *Евстафіемъ*, которому трижды яв-

лялся святитель, повелѣвая нести свою икону въ рязанскую землю. Много было и другихъ чтимыхъ иконъ; почти каждый городъ имѣлъ свою чудотворную икону, которую считалъ своею славою и утвержденіемъ. На чествованіи св. иконъ, какъ и на чествованіи храмовъ Божіихъ, отразилось большое вліяніе удѣльнаго духа. Святыня являлась мѣстною, покровительствующею своему краю исключительно. Съ такой мѣстной точки зрѣнія разсказывались и чудесныя дѣйствія отъ мѣстной святыни. О владимірской иконѣ лѣтопись разсказываетъ, что когда вышегородскіе клирики разсказали кн. Андрею, какъ икона нѣсколько разъ оставляла свое мѣсто въ храмѣ, князь убѣдился, что ей угодно перейти въ ростовскую землю, и тайно унесъ ее съ собою. На пути въ Ростовъ сама Богоматерь повелѣла ему нести свою икону не въ Ростовъ, а во Владиміръ, который Андрей хотѣлъ сдѣлать своимъ стольнымъ городомъ вмѣсто Ростова. Поставленная во владимірскомъ соборѣ, св. икона сдѣлалась мѣстною святынею города. Каждое замѣчательное событіе края въ мѣстной лѣтописи разсказывается, какъ чудо Богородицы. Возникла наприм. борьба между Ростовомъ и Владиміромъ о первенствѣ, кончилась въ пользу Владиміра,—и лѣтописецъ объясняетъ, что въ этомъ спорѣ городовъ ростовцы были правы, но они хотѣли поставить *свою* правду, а забыли о правдѣ Божіей, воспротивились Богородицѣ, которая избрала не Ростовъ, а Владиміръ.—Въ 1170 году Андрей Боголюбскій послалъ на Новгородъ войско въ наказаніе за нарушеніе крестнаго цѣлованія; владыка *Іоаннъ* вынесъ на стѣны мѣстную святыню Новгорода — икону Знаменія Богоматери. Осаждавшіе не переставали стрѣлять и одна стрѣла попала въ чудотворный образъ; онъ самъ собою обратился ликомъ къ городу и испустилъ слезы. И вотъ тьма покрыла полки Боголюбскаго, какъ нѣкогда полки Фараона, и они потерпѣли страшное пораженіе. Такъ разсказываетъ новгородская лѣтопись; но владимірскій лѣтописецъ, разумѣется, не считаетъ своего св. князя за Фараона, разсказываетъ, что войска его съ помощію владимірской Богоматери достаточно наказали клятвопреступниковъ новгородцевъ; бѣдственное возвращеніе Андреевыхъ полковъ приписываетъ только трудности пути и голоду. — Разобщенность удѣльныхъ интересовъ, поставленныхъ подъ покровъ религіи выражалась иногда въ очень грубыхъ чертахъ. Съ чужой свя-

тыней обращались неуважительно. Въ 1169 году полки того же кн. Андрея и другихъ князей его союзниковъ взяли Кіевъ и разграбили софійскій, десятинный и др. храмы и монастыри, взяли съ собой ризы, колокола, иконы и всякую утварь, вѣроятно для украшенія своихъ церквей; нѣкоторыя церкви даже сожгли.

Св. мощи. Другою чтимою святынею были св. мощи. Ихъ доставлялъ въ Россію Царьградъ, бывшій тогда хранилищемъ мощей изъ разныхъ мѣстъ востока, захваченныхъ магометанами. Открывались и мощи св. угодниковъ русскихъ. Въ 1020 г. при Ярославѣ открыты нетлѣнныя мощи *св. Бориса и Глѣба.* Въ 1091 г. послѣдовало торжественное открытіе мощей пр. *Ѳеодосія* печерскаго. Въ 1164 г. обрѣтены мощи св. *Леонтія* и *Исаіи* ростовскихъ, потомъ *Авраамія* ростовскаго. Во Псковѣ въ 1192 г. прославились мощи кн. *Всеволода*, перваго псковскаго князя, строителя мѣстнаго Троицкаго собора Удѣльный духъ проявлялся и въ чествованіи св. мощей. Когда открыты были мощи св. Леонтія, Андрей Боголюбскій благодарилъ за нихъ Бога и говорилъ „теперь я уже ничѣмъ не охужденъ“ предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Въ сказаніи объ открытіи мощей кн. Всеволода въ укоризну Новгороду говорится, что новгородцы выгнали отъ себя этого князя при его жизни, а теперь прислали протопопа во Псковъ за его мощами, но что святой самъ не восхотѣлъ идти къ нимъ (рака съ мощами не сдвигалась съ мѣста) и только въ знакъ примиренія своего съ Новгородомъ спустилъ на благословеніе этому граду ноготь съ своей руки.

Богослуженіе. Обрѣтеніе мощей русскихъ угодниковъ Божіихъ, строеніе знаменитыхъ храмовъ, чудеса, наприм. чудо Знаменія Богородицы во время новгородской осады, чудо Спасителя, Богоматери и честнаго креста въ побѣдѣ Боголюбскаго надъ болгарами (1164 г.) и другія событія дѣлались поводомъ къ установленію новыхъ *праздниковъ.* Къ концу XI или въ началѣ XII вѣка явился новый праздникъ перенесенія мощей святителя Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ городъ Баръ. (оно происходило въ 1087 г. по случаю занятія Ликіи турками), праздникъ, котораго греки не праздновали.—*Богослужебныя книги* употреблялись у насъ сначала въ болгарскомъ переводѣ; въ самой Россіи стали переводить ихъ со времени Ярослава. Изъ полнаго круга богослужебныхъ книгъ не видимъ пока употребленія однихъ мѣ-

сячныхъ Миней. Въ концѣ XI в. былъ извѣстенъ и русскій пѣснопѣвецъ *Григорій*, творецъ каноновъ, печерскій инокъ, которому вѣроятно принадлежатъ службы пр. Ѳеодосію, муч. Борису и Глѣбу и вмч. Георгію. *М. Иларіонъ* писалъ „молитвы за князя и все православье“. *Кириллъ Туровскій* составилъ молитвы и канонъ молебный. При Ярославѣ богослуженіе русское получило особенное благолѣпіе отъ введенія въ него „изряднаго осмогласія“ (по 8 гласамъ Октоиха), которое принесли въ Россію въ 1053 г. три греческихъ пѣвца, и самого демественнаго пѣнія, т. е. по мелодіямъ императорскихъ и патріаршихъ доместиковъ (регентовъ).

Изъ вопросовъ Кирика, церковнаго правила м. Іоанна и другихъ памятниковъ описываемаго времени узнаемъ разныя *особенности русской церкви въ совершеніи священнодѣйствій* и обычаи, при томъ наблюдавшіеся. *Крещеніе* младенца совершалось въ 8 и 40 день по рожденіи или даже на третьемъ году. Послѣ нареченія христіанскаго имени всегда оставалось въ употребленіи другое *мірское* славянское имя. При крещеніи взрослыхъ принято было оглашать инородцевъ въ теченіи 40, а славянина въ теченіи только 8 дней, какъ лучше подготовленнаго къ принятію вѣры. Въ 8 день послѣ крещенія совершался обрядъ разрѣшенія, состоявшій вѣроятно въ снятіи съ крещеннаго бѣлой одежды и омовеніи знаковъ муропомазанія. Латинянъ, а равно отпадшихъ отъ православія въ плѣну, присоединяли къ церкви чрезъ одно муропомазаніе. Касательно *литургіи* извѣстно, что ее можно было совершать даже на одной просфорѣ, вообще число просфоръ было неопредѣленно. Таинство *евхаристіи* было окружено высокимъ благоговѣніемъ, которое возбуждало въ Кирикѣ иногда простодушные вопросы; наприм.: можно ли попу служить, если онъ, поужинавъ, промолится всю ночь и не соснетъ? можно ли давать причастіе человѣку, у котораго гной идетъ изъ устъ? Владыка Нифонтъ отвѣчалъ ему, что можно. Можно ли давать причастіе тому, кто до обѣдни въ Пасху постучитъ въ зубы яйцомъ? Отвѣтъ: постучать одинъ разъ можно, но много разъ возбраняй. Смущало также Кирика недоумѣніе, можно ли причащать женщину, умирающую тотчасъ послѣ родовъ; велѣно вынести ее въ другую избу, обмыть и потомъ причастить.—Обрядовый, внѣшній взглядъ на *покаяніе* выразился между прочимъ въ дозволеніи супругамъ нести епитиміи другъ за друга. Было еще вѣрованіе,

что 10 литургій могутъ избавить отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—за 8 мѣсяцевъ, 30—за цѣлый годъ. Владыка Нифонтъ отвергалъ это вѣрованіе, говоря, что богатый могъ бы при этомъ грѣшить безпрепятственно, только расплачиваясь за литургіи.— *Погребать* умершихъ было принято до захожденія солнца: „то бо есть послѣднее видитъ солнце до будущаго воскресенія“, объяснилъ Нифонтъ. Святители находили нужнымъ запрещать совершеніе сорокоустовъ заживо.

Путешествія ко св. мѣстамъ. Нельзя не замѣчать въ нашемъ христіанскомъ обществѣ слабаго знакомства съ духомъ православія и преобладанія обрядоваго направленія. Церковные пастыри должны были даже возставать противъ чрезмѣрнаго упованія на обряды, въ которыхъ простота видѣла доступные ей и легкіе способы ко спасенію безъ религіознаго развитія. Такъ, въ XII в. стало нужно запрещать путешествія ко св. мѣстамъ, которыя очень рано вошли у насъ въ благочестивый обычай *Игуменъ Даніилъ* въ своемъ „Паломникѣ“ замѣчалъ, что многіе добрые, сидя дома, пріобрѣтаютъ большую мзду, чѣмъ тѣ, которые доходили до св. мѣстъ, но погубляютъ мзду свою гордостію, вознесшись умомъ, какъ будто нѣчто доброе совершили. Нифонтъ новогородскій совѣтовалъ разрѣшать путешествія только немногимъ съ разборомъ, а его преемникъ св. Іоаннъ за обѣты идти ко св. мѣстамъ велѣлъ даже налагать епитиміи.

Споръ о постахъ въ среду и пятокъ, долго занимавшій русское общество, тоже принадлежитъ къ характеристическимъ явленіямъ времени. Въ 1157 году ростовцы выгнали отъ себя благочестиваго епископа *Нестора* за то, что онъ, на основаніи дѣйствовавшихъ въ Греціи постановленій XI вѣка, не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ по случаю праздниковъ, кромѣ Пасхи, Пятидесятницы, Рождества и Богоявленія Господня. Противникомъ его былъ нѣкто *Ѳеодоръ*, племянникъ смоленскаго епископа *Мануила*, который, на основаніи Студійскаго устава (X в.), считалъ дозволеннымъ разрѣшать постъ не только для господскихъ праздниковъ, но и для памяти великихъ святыхъ. М. Ѳеодоръ и патріархъ оправдали ученіе Нестора. Но преемникъ Нестора *Леонтій* былъ еще строже его: основываясь на древнихъ правилахъ, въ X и XI в. уже отмѣненныхъ, онъ не хотѣлъ разрѣшать поста ни для какихъ праздниковъ, и явилась по выраженію лѣтописца, *ересь* леонтиніанская.

Въ Россіи его оспорили; онъ отправился для рѣшенія дѣла въ Грецію, но и тамъ тоже былъ осужденъ. Въ 1168 г. споръ о постѣ, затихшій было на сѣверѣ, съ новою силой возгорѣлся на югѣ. Печерскій игуменъ *Поликарпъ* съ братіей держались относительно постовъ Студійскаго устава. Но тогдашній митрополитъ Константинъ раздѣлялъ напротивъ мнѣніе Нестора. По предложенію в. кн. Мстислава въ Кіевѣ собрался соборъ На соборѣ мнѣнія тоже раздѣлились; одни съ в княземъ стали на сторону митрополита, другіе, не желая досаждать ни митрополиту, ни в князю, предоставляли распоряженіе о соблюденіи того или другаго устава волѣ архіереевъ и игуменовъ по монастырямъ; третьи думали, что дѣло нужно перенести на судъ патріарха. Кн Мстиславъ закрылъ соборъ безъ рѣшенія, но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ разъѣхались, Поликарпъ былъ осужденъ на заточеніе. Этотъ поступокъ митрополита сильно встревожилъ противную партію, которая благоговѣла предъ печерскимъ игуменомъ за его святость. Святославъ черниговскій даже прогналъ своего епископа *Антонія*, который дѣйствовалъ заодно съ митрополитомъ. Послѣдовавшее вскорѣ взятіе Кіева войсками Боголюбскаго народъ объяснялъ гнѣвомъ Божіимъ за Поликарпа.

Состояніе нравовъ

Понятно, что обрядовое благочестіе не могло представлять сильныхъ сдержекъ проявленію *грубыхъ страстей эпохи.* Это было тяжелое время усобицъ; опустошительныя войны шли изъ года въ годъ то тамъ, то здѣсь. Князь, строившій въ своемъ городѣ церкви и монастыри, подававшій милостыню, прославляемый лѣтописцемъ, какъ князь благочестивый, грабилъ и жегъ церкви и монастыри въ чужомъ удѣлѣ, истреблялъ чужихъ смердовъ и ихъ животы, и потомъ на счетъ чужаго добра и чужихъ православныхъ же святынь украшалъ свои святыни. Тоже самое дѣлали жители одного края съ жителями другаго. Множество жестокостей, въ родѣ ослѣпленія Василька, братоубійства между князьями рязанскими, убіенія Игоря кіевлянами, Андрея Боголюбскаго его дружинниками, ослѣпленія Ростиславичей владимірцами, весьма мало говорятъ о торжествѣ христіанскаго духа надъ духомъ удѣльнаго времени. Въ религіи, въ крестномъ цѣлованіи было единственное ручатель-

ство мира и безопасности, но подъ вліяніемъ страстей и это ручательство оказывалось не крѣпкимъ. Видимъ примѣры грубаго презрѣнія къ клятвѣ. Нарушивъ клятву, данную в. князю Изяславу II, *Владимірко* галицкій съ насмѣшкой сказалъ его посламъ, указывая на крестъ, который цѣловалъ: „что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ? и послѣ этого спокойно отправился къ вечернѣ. Видимъ большое уваженіе къ духовенству, но и это уваженіе было тоже не прочно. Не безопасны были даже послы изъ духовныхъ лицъ. Ростиславъ, братъ Мономаха, убилъ св. инока *Григорія* за обличеніе. В. кн. Святополкъ тоже за обличеніе мучилъ печерскаго игумена *Іоанна*, а между тѣмъ этотъ князь славился своимъ уваженіемъ къ печерскому монастырю. Сынъ его Мстиславъ замучилъ иноковъ тогоже монастыря *Ѳеодора* и *Василія*, услышавъ, что они нашли кладъ и не хотятъ отдать ему своей находки.

При всемъ томъ нельзя не видѣть въ жизни общества и *христіанскаго вліянія*. И древнія лѣтописи, и проповѣди, и рѣчи князей—всѣ говорятъ о мирѣ, о соединеньи, осуждаютъ современную рознь и безурядицу во имя высшихъ нравственныхъ началъ. Толки не переходятъ въ дѣло, но важно, что и они существуютъ; видно, что общество все-таки христіанское. Пастырямъ церкви нерѣдко и на самомъ дѣлѣ удавалось останавливать кровопролитіе. Подъ вліяніемъ церкви является между князьями нѣчто похожее на миръ Божій, который видимъ въ это же время среди усобицъ западнаго феодализма: по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ; Мономахъ прекращалъ войну предъ великимъ постомъ. Вмѣсто древняго долга мстить за свою обиду и богатырскаго стремленія вездѣ честь свою взять, нѣкоторые князья усвоиваютъ себѣ другія высшія правила—прощать обиды, смиряться предъ соперникомъ, чтобы не проливать кровь христіанскую. Мономахъ уступаетъ великокняжескій престолъ другому, чтобы избѣжать кровопролитія, всю жизнь свою разбираетъ ссоры князей и миритъ ихъ. Сынъ его *Мстиславъ* не хочетъ воевать съ *Олегомъ* рязанскимъ, даже хлопочетъ за него предъ отцемъ своимъ, а этотъ Олегъ убилъ его брата, хотѣлъ отнять удѣлъ у него самого. Поэтому случаю Мономахъ написалъ замѣчательное по своему теплому христіанскому чувству посланіе къ Олегу, вызывая его на миръ и прощая ему все.

Въ *семейной жизни* церковь старалась проводить правильныя понятія о бракѣ, ослаблять старую языческую невоздержность. Изъ правила Іоанна узнаемъ, что въ народѣ думали, будто брачный обрядъ существуетъ только для князей и бояръ, а не для простолюдиновъ. Уставъ Ярослава назначилъ пеню съ двоеженца. Изъ вопросовъ Кирика видимъ, что языческая невоздержность, сожительство съ женами безъ благословенія церковнаго не пропали и въ высшихъ классахъ. Церковь старалась ограничить свободу разводовъ по смыслу каноническихъ постановленій, допуская послабленіе только въ томъ случаѣ, когда мужъ оставлялъ жену или жена мужа для постриженія въ монашество; остающейся въ міру половинѣ дозволялось даже вступать въ новый бракъ.—Въ отношеніяхъ половъ господствовала чувственная грубость и отсутствіе стыдѣнія, что унижало даже самый бракъ и вызывало противоположную себѣ крайность, развитіе крайне-аскетическихъ воззрѣній на бракъ и на женщину. Второй бракъ допускался только изъ снисхожденія къ немощамъ природы, а третій считался уже блудомъ; священнику, благословившему такой бракъ, правило м. Іоанна назначило изверженіе изъ сана. Женщина трактовалась, какъ причина соблазна и существо нечистое. Благочестивый Кирикъ сомнѣвался, можно ли причащать женщину, умирающую отъ родовъ, спрашивалъ святителей, можно ли служить въ ризахъ, въ которыя вшита заплата отъ женской одежды. Въ грамотномъ обществѣ ходили замѣтки о женской злобѣ, которыя потомъ разрослись въ огромныя статьи.

Остатки язычества. Вооружаясь противъ нравственныхъ нестроеній общества, церковь должна была въ тоже время бороться противъ остатковъ язычества. Многіе по старой памяти ходили молиться подъ овины, къ священнымъ деревамъ, кладязямъ, болотамъ, не причащались, не соблюдали постовъ, сходились на языческія игрища и проч. Не забыты были еще и древніе миѳы; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится и о вѣтрахъ Стрибожихъ внукахъ, и о Дажбогѣ, и о Хорсѣ, которому прерыскивалъ путь волкодлакъ Всеславъ полоцкій, и о Боянѣ—внукѣ Волоса, и о миѳической силѣ стихій, къ которымъ плачущая Ярославна супруга Игоря обращается, какъ къ божествамъ, съ воззваніемъ: „почто, господине“?... Мы видѣли, какъ сильны еще были волхвы,—представители язычества. Самъ лѣтописецъ раздѣляетъ народную вѣру въ ихъ силу, только сообразно съ

новыми понятіями приписываетъ эту силу дьяволу. О *Всеславѣ* полоцкомъ онъ разсказываетъ, что мать „родила его отъ волхвованія съ язвой на головѣ и волхвы сказали: навяжи на эту язву наузъ, который пусть носитъ онъ до смерти; Всеславъ точно носитъ его до сихъ поръ, отъ того онъ такъ и кровожаденъ“ Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ увѣряетъ, что волхвованія особенно бываютъ отъ женщинъ, повторяя языческое понятіе о вѣдьмахъ. Церковь преслѣдовала народныя игрища и волхвовъ, но ея мѣры не могли проникнуть въ недоступныя нѣдра семьи, гдѣ главнымъ образомъ и хранилась языческая старина. Тутъ по старому краяли хлѣбъ, сыръ и медъ Роду и Рожаницамъ, молились домашнему очагу, призывали волхвовъ, употребляли разные заговоры и чародѣйныя средства; примѣты, обряды и повѣрья окружали всю домашнюю жизнь, такъ что проповѣдники прямо обличали народъ въ язычествѣ. И сами грамотники не были свободны отъ народной вѣры въ примѣты и знаменія. Лѣтописецъ постоянно разсказываетъ о разныхъ небесныхъ явленіяхъ, затменіяхъ, звѣздахъ хвостатыхъ и т. п., постоянно приписываетъ силамъ природы таинственное значеніе.

Примѣры святой жизни. При слабомъ усвоеніи христіанства въ народной массѣ неудивительно, что примѣры истинно-христіанской жизни извѣстны намъ только между князьями, пастырями церкви и иноками Изъ русскихъ митрополитовъ причислены церковію къ лику святыхъ: *Иларіонъ*, *Іоаннъ II*, *Ефремъ* и *Константинъ*; изъ епископовъ: ростовскіе—*Ѳеодоръ*, *Леонтій*, *Исаія*, владимірскій *Симонъ*, туровскій *Кириллъ*. Особенно много видимъ въ ликѣ святыхъ новогородскихъ владыкъ, таковы: епископъ *Іоакимъ*, *Лука Жидята*, *Никита* чудотворецъ; извѣстные намъ *Нифонтъ* и *Аркадій*, *Іоаннъ*, участвовавшій въ чудѣ Знаменія Богородицы; какъ и Аркадій, онъ подвергался изгнанію изъ Новгорода по подозрѣнію въ нечистой жизни, но былъ оправданъ чудомъ и возвращенъ; слава о его святости и чудесахъ надъ бѣсами послужила поводомъ къ составленію сказанія о поѣздкѣ его въ Іерусалимъ на бѣсѣ. Изъ князей прославлены, какъ святые: сынъ Ярослава *Владиміръ* новогородскій, строитель новогородской Софіи, просвѣтитель Мурома *Константинъ* съ чадами, сынъ Мономаха *Мстиславъ*, сынъ Мстислава *Всеволодъ* псковскій, черниговскіе *Игорь* Ольговичъ и *Святославъ* Давыдовичъ, въ иночествѣ *Николай Святоша*, *Ростиславъ* смоленскій, *Андрей Боголюбскій*, *Петръ*

и *Ѳевронія* муромскіе и друг. Между княгинями, кромѣ Ѳеврошіи, прославились святостію. супруга Ярослава *Ирина*, въ иночествѣ Анна, другая *Анна* сестра Мономаха, подвизавшаяся въ кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, и *Евфросинія*, дочь Святослава полоцкаго, основавшая монастырь въ Полоцкѣ, подъ старость путешествовавшая въ Іерусалимъ и тамъ скончавшаяся (1173 г.). Было много и другихъ князей, о благочестіи которыхъ лѣтописцы отзываются съ великой похвалой: особенно хвалятъ любимый народомъ родъ Мономаха и самого Мономаха.

Монашество. Главнымъ средоточіемъ святой жизни были монастыри. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный просторъ; въ монастырѣ былъ совершенно другой міръ, гдѣ духъ господствовалъ надъ плотію, міръ дивныхъ сказаній объ иноческихъ подвигахъ, видѣніяхъ, чудесахъ, сверхъ естественной помощи въ борьбѣ съ бѣсовскою силою. Подвиги монаховъ—богатырей духа—были поразительнѣе всѣхъ прежнихъ подвиговъ богатырей физической силы, сіяли, какъ выражался св. Кириллъ туровскій, выше мірской власти. Этимъ объясняется стремленіе въ монастырь всѣхъ лучшихъ людей времени, стремленіе по крайней мѣрѣ хоть передъ смертью облечься въ иноческій образъ, стремленіе до того сильное, что церковь должна была сдерживать его. Игуменъ Поликарпъ съ трудомъ уговорилъ отказаться отъ постриженія в. кн. Ростислава, представляя ему, что князьямъ Богъ повелѣлъ жить въ мірѣ, творить судъ и правду и соблюдать данную присягу. Умирая безъ постриженія, Ростиславъ горько жаловался на то, что его удержали отъ монашества. Нѣкоторыя поученія старались внушать, что не спасутъ человѣка одинъ постъ и черныя ризы, когда онъ злобу имѣетъ и неправду дѣетъ. Монастыри стали являться у насъ съ самаго начала христіанства. „Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ“. Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для юнаго христіанскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава явился монастырь Кіевопечерскій, основанный пр. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

Пр. Антоній былъ родомъ изъ Любеча. Постриженіе свое онъ получилъ на Аѳонѣ, куда отправился для удовлетворенія своего стремленія къ высшему совершенству. Игуменъ монастыря, въ которомъ онъ подвизался, понялъ, ка-

кую пользу его подвиги могутъ принести въ Россіи, и сказалъ ему: „иди опять на Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе св. горы, ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы“. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ монастыри, но ни въ одномъ не нашелъ строгой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ, и поселился одинъ въ пещерѣ недалеко отъ города. Скоро узнали о подвижникѣ люди, стали приходить за благословеніемъ, а нѣкоторые просились къ нему на сожительство. Первый поселился въ его пещерѣ пресвитеръ *Никонъ*, постригавшій всѣхъ, кого потомъ принималъ Антоній. За нимъ пришелъ *Ѳеодосій*.

Пр. Ѳеодосій былъ родомъ изъ Василева, но всю молодость провелъ въ Курскѣ, куда переселился съ родителями. Еще 14 лѣтъ онъ лишился отца и попалъ въ руки матери, одной изъ тѣхъ матерей, которыя любятъ деспотически. Мальчикъ рано выучился грамотѣ, сталъ читать книги, увлекся мыслями въ иной міръ и предался аскетическимъ подвигамъ. Домашняя жизнь не представляла удобствъ для этихъ подвиговъ, противъ которыхъ сильно протестовала любовь матери, и Ѳеодосій однажды бѣжалъ изъ дома съ прохожими паломниками, увлеченный ихъ разсказами о св. мѣстахъ. Мать воротила его съ дороги, прибила его и долго послѣ этого держала въ оковахъ. Чрезъ нѣсколько времени Ѳеодосій снова бѣжалъ отъ нея въ сосѣдній городъ, гдѣ пріютился у священника и пекъ просфоры для церкви; но мать опять воротила его домой. Она бранила его за то, что онъ отдавалъ свое платье нищимъ и хотѣлъ ходить въ рубищѣ; однажды увидала на немъ вериги, которыя рѣзали его тѣло до крови, съ сердцемъ сорвала ихъ и больно его прибила. Препятствія только усиливали аскетическую настроенность юноши; у него не выходили изъ ума слова Спасителя. „иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“. Онъ третій разъ бѣжалъ изъ дома и явился въ Кіевъ, чтобы поступить въ одинъ изъ монастырей. Нигдѣ не приняли нищаго скитальца, который не могъ дать за себя вклада. Наконецъ онъ нашелъ себѣ убѣжище по сердцу, пещеру Антонія. „Сынъ! говорилъ ему старецъ, трудно тебѣ будетъ въ этой тѣсной пещерѣ: юнъ еще ты“. Но въ лицѣ этого ненадежнаго юноши предъ Антоніемъ стоялъ мужъ, уже окрѣпшій въ подвигахъ, котораго не пугали лишенія пещеры. Антоній (въ 1032 г.) велѣлъ Никону постричь его. Черезъ 4 года мать и здѣсь нашла

Θеодосія. Онъ едва согласился дать ей свиданіе, но остался глухъ къ ея мольбамъ о возвращеніи. Желая умереть вблизи сына, она сама постриглась въ женской обители св. Николая на Аскольдовой могилѣ. Братія Антоніевой пещеры подвизались въ строгомъ постѣ и трудахъ. Θеодосій трудился даже за другихъ, дѣлая часть ихъ работы; въ знойныя ночи онъ выходилъ обнаженный на болото; комары миріадами впивались въ его тѣло, а онъ спокойно прялъ волну и цѣлую ночь пѣлъ Псалтирь.

Сподвижники Антонія и Θеодосія до основанія монастыря. Однимъ изъ раннихъ пришельцевъ въ пещеру Антонія былъ *Моисей Угринъ*, нѣкогда слуга св. кн Бориса, уцѣлѣвшій послѣ рѣзни на р. Альтѣ. Во время нашествія Болеслава на Русь онъ попался въ плѣнъ къ полякамъ и достался одной паннѣ, которая 6 лѣтъ мучила его, склоняя на любовь. Онъ тайно отъ нея успѣлъ постричься отъ одного странствующаго инока. Во время мятежа въ Польшѣ, по смерти Болеслава, ему удалось получить свободу; измученный изтязаніями, оскопленный злою полькой, онъ провелъ остатокъ жизни въ пещерѣ Антонія. —При в. кн. Изяславѣ явились къ Антонію одинъ знатный дружинникъ князя скопецъ *Ефремъ* и сынъ другаго знатнаго дружинника юноша *Варлаамъ* Скоро въ пещерной общинѣ произошли важныя перемѣны. Никонъ удалился въ Тьмуторокань, гдѣ основалъ новую обитель. Ефремъ уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ жилъ въ одномъ изъ монастырей, занимаясь списываніемъ книгъ для Россіи. Потомъ и самъ Антоній удалился въ затворъ на сосѣднюю гору, поставивъ игуменомъ Варлаама. Въ игуменство Варлаама братія выпросили у кн. Изяслава всю гору надъ пещерою, выстроили на ней вмѣсто прежней пещерной церкви новую деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, поставили келліи, оградили все тыномъ и такимъ образомъ съ 1062 года открылъ Печерскій монастырь, пошедшій, по замѣчанію лѣтописца, отъ благословенія св. горы. Послѣ Варлаама игуменомъ (въ томъ же году) сдѣлался пр. Θеодосій.

Съ самаго же начала своего игуменства онъ принялся за устроеніе монастыря. Число братіи возросло до 100 и онъ озаботился введеніемъ между ними общежитія. По его просьбѣ Ефремъ прислалъ изъ Царяграда уставъ Студійскаго монастыря, который и былъ положенъ въ основаніе жизни въ Печерскомъ монастырѣ. Св. игуменъ бралъ жи-

вѣйшее участіе въ спасеніи каждаго брата, давалъ каждому спасительные совѣты, часто поучалъ братію въ церкви; свои поученія говорилъ онъ тихо, съ мольбою; во время обличительной рѣчи изъ глазъ его текли слезы. Онъ часто обходилъ келліи, чтобы узнать, нѣтъ ли у кого, сверхъ общихъ, своихъ вещей, пищи или одежды, и все подобное предавалъ огню. Даже ночью неусыпный игуменъ, ходя по монастырю, слушалъ у дверей келлій, что дѣлаетъ каждый братъ, и если слышалъ бесѣду двоихъ или троихъ монаховъ, сошедшихся вмѣстѣ, то ударялъ въ дверь жезломъ, а наутро обличалъ виновныхъ. Въ положенное время ворота обители запирали и никого не пускали ни въ монастырь, ни изъ монастыря. Вратарь однажды не пустилъ въ монастырь самого в. князя Первыми добродѣтелями иноческой дисциплины были послушаніе и смиреніе Вся жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжкихъ трудахъ. Пища была скудная и малопитательная, да и ее многіе вкушали въ самомъ маломъ количествѣ и черезъ день. О матеріальномъ обезпеченіи монастыря не заботились ни игуменъ, ни братія, твердо вѣруя, что Питающій птицъ небесныхъ, пропитаетъ и своихъ рабовъ. Случалось, что съ вечера не знали, чѣмъ будутъ питаться завтра; при всемъ томъ монастырь на послѣднія средства помогалъ нищимъ. Когда обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій отчислилъ на бѣдныхъ десятую часть ея доходовъ и устроилъ особый дворъ, гдѣ жили нищіе, калѣки и больные; кромѣ того каждую субботу изъ монастыря отсылался возъ хлѣбовъ по тюрьмамъ. У себя въ кельѣ онъ держалъ разслабленнаго старца и ходилъ за нимъ.

Ѳеодосій во всемъ былъ примѣромъ братіи. Никогда не видали его праздным; онъ носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ въ пекарнѣ; ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ и щи безъ масла; лежа не спалъ, а обыкновенно дремалъ не много сидя и, очнувшись, спѣшилъ продолжать свою непрестанную молитву; тѣла никогда не мылъ, кромѣ лица и рукъ; одежду носилъ въ заплатахъ, такъ что никакъ нельзя было узнать въ этомъ нищемъ старцѣ знаменитаго игумена, котораго уважалъ самъ в. князь. Разъ онъ возвращался ночью отъ Изяслава. Возница не зналъ его и сказалъ грубо: „ты, монахъ, всегда празденъ, а я постоянно въ трудахъ; ступай на лошадь, а меня пусти въ колесницу“. Ѳеодосій смиренно послушался и цѣлую ночь везъ слугу. Только утромъ

слуга со страхомъ узналъ свою ошибку, когда, увидалъ, какъ Ѳеодосію кланялись, слѣзая съ коней, встрѣчные боярe. Ѳеодосій успокоилъ его и накормилъ въ монастырѣ. Онъ часто ходилъ съ наставленіями въ домы мірянъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ; по ночамъ иногда ходилъ въ жидовскую часть Кіева спорить съ евреями, желая или обратить ихъ ко Христу, или потерпѣть отъ нихъ мученіе Бѣдные, угнетенные въ судахъ, находили въ немъ заступника и судьи перерѣшали дѣла по просьбѣ уважаемаго игумена. Ѳеодосій имѣлъ большой вѣсъ у кн. Изяслава. Только однажды князь сильно озлобился на Печерскій монастырь за то, что Антоній во время возстанія кіевлянъ противъ в. князя въ пользу Всеслава полоцкаго принялъ сторону послѣдняго; Антоній долженъ былъ тогда даже удалиться изъ Кіева въ Черниговъ. Умеръ онъ впрочемъ въ Кіевѣ послѣ сорокалѣтняго пещернаго затвора (1074 г.). Когда Святославъ отнялъ престолъ у Изяслава, одинъ Печерскій монастырь оставался вѣренъ изгнанному в. князю. Святославъ однако терпѣливо выслушивалъ обличенія въ неправдѣ отъ пр. Ѳеодосія и не смѣлъ гнѣваться на него. Однажды Ѳеодосій, придя къ князю, засталъ у него музыку, пѣсни и пляски скомороховъ. Святой сѣлъ поодаль и со слезами замѣтилъ Святославу: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?“ В. князь велѣлъ прекратить игры и съ тѣхъ поръ онѣ всегда умолкали, когда докладывали о приходѣ Ѳеодосія. Святославъ такъ уважалъ св. мужа, что говаривалъ ему: „если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не обрадовался бы ему, какъ твоему приходу“. Также относились къ Ѳеодосію многіе бояре. Между ними замѣчателенъ варягъ *Шимонъ*, обращенный Ѳеодосіемъ изъ латинства, извѣстный по своему участію въ строеніи печерской церкви. Въ 1074 г. мая 3 преставился великій игуменъ, назначивъ преемникомъ себѣ по желанію братіи *Стефана*. Предъ кончиной онъ обѣщалъ братіи молиться за свой монастырь и быть непрестанно духомъ съ братіею. Печерское преданіе приписываетъ ему и другое обѣтованіе, что всякій, положенный въ стѣнахъ обители, будетъ помилованъ отъ Бога; преданіе это въ старину было предметомъ общаго народнаго вѣрованія.

Подъ руководствомъ мудраго подвижника воспиталось много достойныхъ его учениковъ; таковы: *св. Исаія* ростовскій, *св. Стефанъ* игуменъ, потомъ епископъ волынскій, провидѣцъ *Іеремія*, помнившій еще крещеніе русской земли,

нестяжательный *Григорій*, утопленный в. кн. Ростиславомъ за обличенія, безмездный врачъ *Агапитъ* и др. Особеннымъ уваженіемъ пользовался подвигъ затворничества. Кромѣ пр. Антонія и Моисея угрина этимъ подвигомъ прославился пр. *Исаакій*. Семь лѣтъ провелъ онъ въ пещерѣ въ тяжкихъ подвигахъ и борьбѣ съ бѣсами и однажды подвергся такому сильному бѣсовскому искушенію, что дошелъ до потери сознанія и тѣлесныхъ силъ; нужны были многіе годы, чтобы св. подвижникъ оправился отъ болѣзни, но выздоровѣвши, онъ опять ушелъ въ затворъ, гдѣ и подвизался до смерти.

Построеніе печерской церкви. При игуменахъ *Стефанѣ*, *Никонѣ* и *Іоаннѣ* въ теченіе 15 лѣтъ производилось строеніе великой церкви во имя Успенія Богоматери, начатое еще при Антоніѣ и Ѳеодосіѣ въ 1073 г. и оконченное освященіемъ въ 1089. Необычайныя знаменія окружали и строеніе и освященіе этой главной святыни Кіева. Варягъ *Шимонъ* два раза видѣлъ въ видѣніи изображеніе будущей церкви и, явившись къ Ѳеодосію, далъ ему откровенную свыше мѣру ея и богатый вкладъ на построеніе. Сама Богоматерь послала мастеровъ изъ Царяграда и, заплативъ имъ за труды впередъ, дала имъ для храма свою икону небеснаго написанія и мощи семи мучениковъ. Небесная роса указала мѣсто для храма, а небесный огнь очистилъ это мѣсто отъ зарослей. Сами пришли иконописцы изъ Царяграда, нанятые тамъ пр. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, спустя 10 лѣтъ послѣ смерти этихъ святыхъ. Въ 1091 г. въ великую церковь перенесены изъ пещеры мощи пр. Ѳеодосія.

Знаменитые подвижники послѣ пр. Ѳеодосія. Прославлялась обитель и св. иноками. Таковы были послѣ сподвижниковъ пр. Ѳеодосія извѣстные намъ *Евстратій*, *Имень Сухой*, *Кукша*, иконописецъ *Алипій*, игумены *Стефанъ*, *Никонъ* и *Поликарпъ*. Изъ затворниковъ извѣстны особенно: *Ѳеофилъ*, 12 лѣтъ не видавшій солнца въ пещерѣ, плакавшій день и ночь;—онъ скопилъ цѣлый сосудъ своихъ слезъ, а ангелъ предъ его кончиной показалъ ему еще другой сосудъ слезъ, которыя онъ ронялъ на полъ и которыя превратились въ благовонное муро; *Никита*, бывшій послѣ епископомъ въ Новгородѣ;—черезъ годъ своего затвора онъ подвергнулся искушенію человѣческой славы, по внушенію бѣса, явившагося ему въ видѣ ангела, пересталъ молиться, сталъ только читать книги и сдѣлался изумительнымъ учителемъ, но опытные иноки, замѣтивъ, что онъ зналъ на-

изусть весь Ветхій Завѣтъ, а Новаго не читалъ, поняли его состояніе и молитвою отогнали отъ него бѣса; послѣ этого нужно было снова учить его грамотѣ, потому что онъ все забылъ, что зналъ. Третій затворникъ *Іоаннъ* (многострадальный) замѣчателенъ своею борьбою противъ плотской страсти; 3 года онъ не вкушалъ пищи по 3—7 дней и носилъ вериги, потомъ 30 лѣтъ провелъ въ пещерѣ, наконецъ закопалъ себя въ землю по перси и пробылъ такъ весь великій постъ, претерпѣвая величайшія мученія отъ внутренняго жара и судорожныхъ корчей въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ; огненный змѣй палилъ его пламенемъ и грозилъ пожрать; въ самый день Пасхи молнія ударила въ змія, онъ изчезъ и страсть навсегда потухла въ подвижникѣ. Отъ тяжелаго затворническаго подвижничества въ монастырѣ старались отговаривать неопытныхъ иноковъ и требовали отъ нихъ общаго житія въ послушаніи игумену и смиреніи. Подвигомъ послушанія и смиренія особенно прославился кн. *Николай Святоша*, проведшій 6 лѣтъ искуса въ унизительной для князя службѣ на монастырской поварнѣ и привратникомъ, не смотря на то, что противъ этого сильно возставали его братья князья черниговскіе. Достопамятны многіе другіе иноки: знаменитый отецъ русской исторіи лѣтописецъ *Несторъ*, *Маркъ* гробокопатель, *Прохоръ* лободникъ, чудесно производившій во время голода хлѣбъ изъ лободы и соль изъ золы, подвергшійся за это корыстолюбивой зависти в. кн. Святополка, *Ѳеодоръ* и *Василій*, убитые сыномъ Святополка Мстиславомъ. Бѣсъ въ образѣ Василія сказалъ князю, что Ѳеодоръ нашелъ кладъ въ своей пещерѣ; князь потребовалъ этого клада себѣ, но Ѳеодоръ послѣ долгой борьбы съ корыстолюбіемъ дошелъ до того, что забылъ самое мѣсто клада; гнѣвъ князя поразилъ обоихъ подвижниковъ.

Значеніе кіевской обители и ея средства. Печерскій монастырь мало по малу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на всю русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическая настроенность распространялась и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ проявлялось оно здѣсь. По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII вѣкѣ игуменъ Поликарпъ первый на Руси получилъ званіе архимандрита; по всей вѣроятности въ описываемое же время обитель получила наименованіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея бра-

ли игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человѣкъ ея иноковъ занимали епископскіе каѳедры; выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ Іакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ея постриженникъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея св. стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ Владимірскій называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются въ священной печерской перстн. Въ письмѣ къ иноку печерскому Поликарпу онъ пишетъ: „кто не знаетъ красоты церкви соборной владимірской и другой суздальской, которую я выстроилъ? Сколько городовъ и селъ принадлежатъ имъ! По всей землѣ той сбираютъ десятину, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ, всю эту славу и власть вмѣнилъ бы въ прахъ, еслибы мнѣ привелъ Богъ хоть хворостиною торчать за вратами или соромъ валяться въ монастырѣ Печерскомъ и быть попираему людьми.“ — По мѣрѣ распространенія славы своей Печерская обитель обогащалась пожертвованіями князей и благочестивыхъ людей и стала богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Кн. Ярополкъ Изяславичъ далъ ей три волости, дочь его—5 селъ съ челядью, Ефремъ епископъ суздальскій—дворъ въ Суздалѣ съ церковію и селами.—Монастырь получилъ возможность предпринимать богатыя постройки и украшенія своихъ церквей и совершать дѣла монастырской благотворительности въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Монастыри югозападные. Вслѣдъ за кіевопечерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ русскихъ городахъ, преимущественно со второй половины XII вѣка. Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17; въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ по житію *св. Евфросиніи* значится тоже 3, кромѣ ея Спасскаго монастыря, а въ Смоленскѣ по житію св. Авраамія смоленскаго и по лѣтописи—5 монастырей. Пр. *Авраамій* подвизался къ концу XII и въ началѣ XIII в. Раздавъ свое богатство, полученное отъ родителей, нищимъ, онъ нѣсколько времени юродствовалъ по улицамъ, потомъ поступилъ въ монастырь. Здѣсь, постоянно занимаясь книгами, онъ дошелъ до такой мудрости, что сдѣлался любимымъ учителемъ и священникомъ всего города. Изъ зависти къ его славѣ противъ него возстало все городское ду-

ховенство и обвинило его предъ епископомъ въ ереси, въ томъ, что онъ читаетъ *Голубиныя* книги; но онъ скоро былъ оправданъ своимъ благочестіемъ и чудесами и былъ поставленъ игуменомъ Ризположенскаго монастыря, который въ теченіи 50 лѣтъ своего управленія довелъ до такого совершенства, что только 17 иноковъ оказались способными жить въ немъ. — Въ югозападной Руси возникновеніе обителей сильно стѣснялось набѣгами половцевъ и усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для основанія монастырей особенно на сѣверъ, гдѣ было болѣе покоя и гдѣ кромѣ того сама природа среди своихъ лѣсовъ представляла прекрасныя мѣста для монашескихъ подвиговъ.

Сѣверные монастыри. Въ одномъ Новгородѣ было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородскихъ владѣній ихъ было болѣе 30. Первое мѣсто между новгородскими монастырями занималъ, основанный Ярославомъ, *Юрьевъ* монастырь, настоятель котораго носилъ титулъ архимандрита. За нимъ болѣе другихъ пользовались уваженіемъ *Антоніевъ* и *Хутынскій*. Первый основанъ въ началѣ XI в. пр. *Антоніемъ римлянином*ъ, который, удалившись отъ гоненія, воздвигнутаго въ Римѣ на православныхъ, приплылъ на камнѣ въ Новгородъ и спасался здѣсь въ своемъ монастырѣ 40 лѣтъ; второй основанъ въ концѣ XII вѣка пр. *Варлаамомъ* на пустынномъ мѣстѣ въ 10 верстахъ отъ Новгорода.—Въ ростовской землѣ также было довольно монастырей, въ Ростовѣ было ихъ 2, въ Суздалѣ 4, во Владимірѣ 5, въ Переяславлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Ярославлѣ по 1. Первымъ монастыремъ съ архимандричьимъ настоятельствомъ былъ здѣсь *Рождественскій* владимірскій, основанный Всеволодомъ III въ 1192 г. Богатствомъ своимъ славился монастырь *Боголюбовъ*, основанный въ 1158 г. Андреемъ Боголюбскимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ему явилась Богоматерь и велѣла нести свою икону во Владиміръ. Въ началѣ XIII в. супруга Всеволода III *Марія* создала владимірскій *Успенскій* монастырь, въ которомъ и почила вскорѣ послѣ своего постриженія. Въ *Ризположенском*ъ суздальскомъ монастырѣ спасалась другая княгиня *Евфросинія*, дочь Михаила черниговскаго, прибывшая въ Суздаль невѣстою суздальскаго князя, но не заставшая его въ живыхъ († 1250 г.).

Многіе изъ упомянутыхъ монастырей, какъ и Кіевопечерская лавра, владѣли *недвижимою собственностію* и рабами. Такъ, до насъ дошли: грамоты в. кн. Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село съ данью, вирами и продажами; грамота Варлаама Хутынскому монастырю на земли, огороды, ловища, пожни, челядь и село; купчая и духовная грамоты Антонія Римлянина его монастырю на земли и рабовъ и др. Имущества монастырей, кромѣ содержанія обителей, вездѣ назначались еще на дѣла благотворительности, которыя давали монастырямъ высокое общественное значеніе.

Состояніе христіанскаго просвѣщенія.

Кромѣ благотворительнаго значенія монастыри имѣли для общества еще значеніе просвѣтительное, были разсадниками церковныхъ учителей, распространителями книгъ. На чтеніе и списываніе книгъ монахи смотрѣли, какъ на богоугодный подвигъ; при монастыряхъ заводились значительныя библіотеки, наприм. при Печерскомъ монастырѣ. При Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ *Янка*, дочь Всеволода, завела училище для обученія грамотѣ дѣвицъ. Въ Галиціи кн. *Ярославъ Осмомыслъ* распорядился, чтобы монастыри на свой счетъ содержали школы и учителей. Кромѣ монастырей школы заводились при церквахъ. Начало этихъ приходскихъ школъ видимъ еще при Владимірѣ. Ярославъ, строя церкви по городамъ и селамъ, велѣлъ священникамъ обучать народъ. Чтобы имѣть больше грамотныхъ людей, онъ велѣлъ въ Новгородѣ у старостъ и у священниковъ собрать до 300 дѣтей и учить ихъ книгамъ Самъ князь читалъ книги день и ночь, по отзыву лѣтописца, собралъ много писцовъ, которые по его повелѣнію переписали много книгъ, а иныя книги переводили съ греческаго на славянскій языкъ „Владиміръ, говоритъ лѣтопись, распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ, а Ярославъ насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе“. Неизвѣстно, много ли было такихъ школъ; упоминаются школы въ Новгородѣ, Курскѣ, Смоленскѣ и Владимірѣ волынскомъ.—При преемникахъ Ярослава средства къ образованію еще болѣе умножились. Сынъ Ярослава Святославъ черниговскій имѣлъ у себя полны клѣти книгъ, изъ которыхъ до насъ дошли два сборника, извѣстныхъ по его име-

пи, одинъ переведенный съ греческаго языка въ Болгаріи для болгарскаго царя Симеона и переписанный для Святослава въ 1073 г., другой составленный въ 1076 г. Любовью къ образованію извѣстны также Всеволодъ переяславскій, говорившій на 5 языкахъ, и сынъ его Мономахъ. Романъ смоленскій, строя училища, держалъ при нихъ учителей греческихъ и латинскихъ и истратилъ на нихъ все свое имѣніе. Ярославъ галицкій, говорившій на 8 языкахъ, много побуждалъ къ учительству свое духовенство. Константинъ Всеволодовичъ ростовскій постоянно держалъ при себѣ ученыхъ людей, покупалъ греческія книги и составилъ библіотеку, заключавшую въ себѣ до 1000 книгъ. Главнымъ средоточіемъ образованія, разумѣется, было духовенство, какъ это видно изъ отзывовъ лѣтописца о многихъ духовныхъ лицахъ, „хитрыхъ книгамъ и ученью“, и изъ сохранившихся до насъ письменныхъ памятниковъ тогдашняго образованія

Переводная письменность. Въ письменности XI—XIII в. преобладали переводы съ греческаго, совершенныя отчасти въ Россіи, но большею частію еще въ Болгаріи. Книги св. Писанія употреблялись въ болгарскомъ переводѣ св. Кирилла и Меѳодія. Впрочемъ полнаго состава Библіи не было; изъ нея употреблялись только отдѣльныя книги, и то однѣ каноническія, потому что апокрифическія книги не были переведены славянскими первоучителями. Изъ сличенія сохранившихся списковъ библейскихъ книгъ видно, что древній переводъ старались исправлять чрезъ сличеніе съ греческою Библіей и подновлять, вставляя болѣе понятныя слова вмѣсто непонятныхъ. Послѣ книгъ св. Писанія въ переводахъ распространялись творенія отцевъ, житія, хронографы, палеи, сборники въ родѣ сборниковъ Святослава, Пчелы и проч.—Въ описываемое время находимъ уже ясные слѣды переходившей къ намъ изъ Византіи и Болгаріи апокрифической литтературы. Несторъ пользовался въ лѣтописи Палеей, въ которой на ряду съ библейскими разсказами помѣщены разсказы апокрифическаго характера; видимъ у него ссылку на апокрифическое слово о послѣднихъ временахъ Меѳодія патарскаго. Авраамія смоленскаго, какъ мы видѣли, обвиняли въ чтеніи Голубиныхъ книгъ. Изъ Болгаріи переходили и богомильскія ученія; послѣ Адріана въ 1123 году явился другой еретикъ *Дмитръ*, котораго *м. Никита* посадилъ подъ стражу.

Греческіе писатели въ Россіи. За переводами слѣдуютъ сочиненія нашихъ митрополитовъ грековъ, написанныя на греческомъ языкѣ и дѣлавшіяся извѣстными русскимъ грамотникамъ тоже въ переводахъ. Греки и въ Россіи писали о такихъ предметахъ, о которыхъ прилично было писать въ Греціи; ихъ занимало не катехизическое поученіе новообращеннаго народа, а тогдашніе счеты грековъ съ латинами. М. *Леонтій* писалъ „объ опрѣснокахъ“, *Георгій*— „Стязаніе съ латиною“, *Іоаннъ* II—полемическое посланіе къ папѣ Клименту III, *Никифоръ* три посланія къ русскимъ князьямъ о латинахъ. Впрочемъ послѣдніе два митрополита, мудрые греки, близко коснулись и русской жизни, Іоаннъ—въ своемъ церковномъ правилѣ, а Никифоръ въ „посланіи къ Мономаху о постѣ“ и въ „поученіи къ народу въ недѣлю сыропустную“. Въ посланіи о постѣ доказывается важность поста и содержится замѣчательная въ историческомъ отношеніи похвала Владиміру Мономаху, простотѣ его жизни, ласковости, щедрости и другимъ качествамъ. „Поученіе къ народу“ вооружается противъ господствовавшаго зла русской жизни — большихъ ростовъ и пьянства Замѣчательно начало, изъ котораго видно, что митрополитъ не говорилъ поученія самъ по незнанію языка, а поручалъ читать его другимъ.

Русскіе писатели въ своихъ сочиненіяхъ подражали греческимъ образцамъ и подвергались большой опасности усвоить тѣже недостатки, какими страдала тогдашняя греческая литература,—хитросплетенія діалектики, пышное и многословное риторство, скудное живой практической мыслью. Ихъ выручали изъ этой опасности благой обычай подражать не столько новымъ греческимъ авторамъ, сколько древнимъ отцамъ церкви, а также самая новость образованія въ Россіи, еще не успѣвшаго войти во вкусъ діалектики и риторства, живое религіозное чувство которое свойственно юнымъ христіанамъ и которое само собой оживляло бездушную форму риторской рѣчи, если и успѣвало облекаться въ нее, наконецъ много важнаго дѣла въ современной обстановкѣ, дѣла, которое одушевляло древнее русское поученіе и давало ему современное и практическое значеніе.

Лука Жидята и м. Иларіонъ. Первое мѣсто по времени между русскими произведеніями занимаетъ поученіе новгородскаго епископа *Луки Жидяты* (1036 — 1060 г.),

въ безъискуственномъ перечнѣ излагающее главныя обязанности христіанина; оно вполнѣ соотвѣтствовало состоянію паствы, къ которой было обращено, и вполнѣ ее обрисовываетъ. *М. Иларіонъ* еще въ санѣ пресвитера написалъ замѣчательное слово, содержаніе котораго опредѣляется заглавіемъ: „О законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшихъ, и како законъ отыде, благодать же и истина всю землю исполнили и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ и молитва къ Богу отъ всея земли нашея". По словамъ витіи, слово его было обращено не къ невѣдущимъ, а уже къ насытившимся сладости книжныя; отсюда отсутствіе въ немъ простоты, витійственный слогъ, такъ что съ перваго разу видно, что оно, если не переводъ съ греческаго, то по крайней мѣрѣ составлено подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ. Особеннымъ одушевленіемъ проникнуто изображеніе плодовъ крещенія на Руси и похвала Владиміру. Эта похвала очень нравилась въ старину, такъ что лѣтописцы часто цѣликомъ заимствовали изъ нея разныя черты и прилагали ихъ къ другимъ князьямъ, которыхъ думали похвалить. Заключительная молитва къ Богу отъ лица новопросвѣщеннаго народа была принята даже въ церковное употребленіе. — Послѣ Иларіона осталось еще „Исповѣданіе вѣры", образецъ православнаго изложенія главныхъ догматовъ, написанное имъ вѣроятно при возведеніи въ санъ митрополита.

Пр. Ѳеодосій, извѣстный своею учительностію не только среди своей братіи, но и за стѣнами Печерскаго монастыря, оставилъ нѣсколько поученій инокамъ и мірянамъ. Изъ поученій къ инокамъ узнаемъ темныя стороны тогдашней монастырской жизни, о которыхъ не говорятъ ни Несторъ, ни печерскій патерикъ, занимавшіеся исключительно прославленіемъ знаменитой лавры. Ѳеодосій обличаетъ иноковъ за лѣность къ богослуженію, несоблюденіе правилъ воздержанія, собираніе имѣнія въ келліи, недовольство общей одеждой и пищей, ропотъ на игумена за то, что онъ на монастырскія средства содержалъ странныхъ и бѣдныхъ. Два поученія Ѳеодосія обращены ко всему народу, одно „о казняхъ Божіихъ" за грѣхи, замѣчательное изображеніемъ остатковъ язычества въ народѣ и господствующихъ пороковъ времени, грабежей, своекорыстія, мздоимства и

особенно пьянства; другое направлено противъ пьянства, кромѣ того содержитъ краткія наставленія не пѣть на пирахъ тропарей за чашею, не считать кутью яствомъ во оставленіе грѣховъ, не прикладывать къ ней по языческому обычаю воды и яицъ, не вносить въ церковь пищи и питья въ видѣ приношеній. Два посланія къ в. кн. Изяславу отвѣчаютъ на современные вопросы,—одно о постѣ въ среду и пятокъ, согласно съ Студійскимъ уставомъ, другое — о вѣрѣ варяжской или латинской, гдѣ исчисляются отступленія отъ православія и обычаи латинянъ, запрещается всякое съ ними общеніе въ пищѣ, питьѣ и бракахъ. „Кто скажетъ: и ту и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двувѣрный? Развѣ не слыхалъ, что написано: едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ“?

Кириллъ туровскій. Во второй половинѣ XII в. у насъ явился проповѣдникъ, который прославился, какъ второй Златоустъ; это св. Кириллъ туровскій, отъ котораго остались слова на разные праздники, 3 посланія къ инокамъ, 20 молитвъ и молебный канонъ. Названіе Златоуста къ нему впрочемъ мало идетъ; онъ даже не столько проповѣдникъ, сколько религіозный поэтъ. Въ его словахъ менѣе всего учительности и народности; это совершенно отвлеченныя отъ дѣйствительности, восторженныя размышленія о предметѣ того или другаго праздника, даже безъ обычныхъ обращеній къ слушателямъ. Только въ одномъ словѣ (въ пятую недѣлю по Пасхѣ) онъ жалуется, что его лѣниво приходятъ слушать. Едва ли и въ состояніи былъ кто нибудь его слушать, кромѣ тѣхъ, которые подобно ему воспитались на византійскомъ витійствѣ. Форма представленій у оратора большею частію символическая и аллегорическая, вдающаяся иногда въ непужное скопленіе образовъ, только затемняющее мысль, или въ произвольныя, искуственныя сближенія вовсе несродныхъ предметовъ; аллегорически объясняются даже простыя евангельскія повѣствованія. Только сильный поэтическій талантъ, необыкновенное одушевленіе и симпатичный характеръ спасали витію отъ крайностей такого направленія. За то св. Кириллъ по характеру своего таланта является безусловно хорошъ въ своихъ церковныхъ молитвахъ и канонѣ.—Его аскетическія произведенія, „Сказаніе о черноризческомъ чинѣ“ и посланіе къ печерскому игумену Василію изображаютъ правила монашеской жизни; наприм: „будь, какъ одежда, не заботься,

если разорвутъ тебя и на тряпки; имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; принимай, какъ манну, хлѣбъ, надъ которымъ ты не трудился, отъ руки келаря" и проч. Въ послѣднемъ посланіи авторъ мимоходомъ касается непостоянныхъ иноковъ, которые рады всякому случаю ослабить строгость жизни ради праздника, ради друга и т. п. Объясняя значеніе монашескихъ одеждъ и обѣтовъ, святитель и здѣсь впадаетъ въ любимую аллегорическую форму представленій. Третье посланіе „О бѣлоризцѣ человѣцѣ" все состоитъ изъ аллегоріи и называется притчею.

Отъ описываемаго времени до насъ дошло нѣсколько *поученій безызменныхъ авторовъ*. Особенно замѣчательны поученія противъ остатковъ язычества. Таково „Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ" (въ сборникѣ Златая Цѣпь). Ревнитель, какъ Илія Ѳесвитянинъ, вооружается противъ христіанъ, двоевѣрно живущихъ, вѣрующихъ въ Перуна, Хорса, Мокошь, Сима и Регла и въ Вилъ; требы имъ кладутъ невѣгласы и куръ имъ рѣжутъ; молятся огню, зовутъ его Сварожичемъ, и чеснокъ богомъ творятъ. Такъ поступали, по слову христолюбца, даже попы и книжники, по крайней мѣрѣ соизволяли творящимъ такъ и не хотѣли ихъ поучить. Не подобаютъ христіанамъ игры бѣсовскія, плясанье, гудьба, пѣсни, жертвы идольскія; не подобаетъ молиться подъ овиномъ, молиться огню, Виламъ, Мокоши, Перуну, Волосу-скотью богу, Роду и Рожаницамъ.

Къ разряду поучительныхъ произведеній относится *Поученіе кн. Владиміра Мономаха дѣтямъ*. Оно обнимаетъ собою разныя обязанности князя и человѣка, говоритъ о домашнемъ поведеніи, семейныхъ обязанностяхъ, о молитвѣ, почитаніи духовенства, дѣлахъ милосердія, правдѣ на судѣ, общественномъ обхожденіи, гостепріимствѣ и проч. Мономахъ вездѣ ставитъ дѣтямъ въ образецъ себя и для этого изображаетъ имъ свою дѣятельную, подвижную жизнь, свои походы, охоту за звѣрями и домашнюю дѣятельность. Поученіе это очень важно для характеристики жизни древнихъ князей и вообще лучшихъ людей древняго общества.

Игуменъ Даніилъ. Кромѣ поученій до насъ дошли назидательныя творенія и въ другихъ родахъ. Игуменъ Даніилъ, ходившій въ Іерусалимъ, составилъ для любителей св. мѣстъ любопытное описаніе своего паломничества, бывшее самымъ употребительнымъ чтеніемъ благочестивыхъ

людей и распространенное во множествѣ списковъ. Послѣдующіе путешественники ко св. мѣстамъ заимствовали у него цѣлыя мѣста для своихъ путевыхъ записокъ. Даніилъ былъ въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, былъ обласканъ королемъ *Балдуиномъ*, видѣлъ тамъ много русскихъ путешественниковъ изъ Кіева и Новгорода, въ теченіе 16 мѣсяцевъ осмотрѣлъ всѣ св. мѣста, видѣлъ чудесное схожденіе огня ко гробу Господню, молился о русскихъ князьяхъ, боярахъ и своихъ духовныхъ дѣтяхъ, записалъ ихъ имена при гробѣ Господнемъ и повѣсилъ лампаду отъ всей русской земли.

Писатели въ повѣствовательномъ родѣ. Изъ повѣствователей древнѣйшій *Іаковъ мних*ъ, отъ котораго остались: житіе св. Владиміра, житіе св. Бориса и Глѣба и нравственное посланіе къ в. кн. Изяславу противъ гордости, пьянства и блуда.—Въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Печерскій монастырь воспиталъ знаменитаго лѣтописца—отца русской исторіи—*пр. Нестора*; 17 лѣтъ пришелъ онъ (1073 г.) къ пр. Ѳеодосію, при игуменѣ Стефанѣ былъ постриженъ и поставленъ діакономъ, скончался послѣ 1113 года, который еще внесенъ въ его лѣтопись. Лѣтописи древней Руси, кромѣ своего историческаго значенія, всегда имѣли еще значеніе религіозно-поучительное. Лѣтописецъ искалъ въ событіяхъ нравственнаго смысла, предлагалъ свой трудъ, именно какъ поученіе. Отъ того разсказъ его постоянно прерывается назидательными размышленіями, въ которыхъ проводятся обычныя мысли современной ему морали. Такова лѣтопись пр. Нестора; таковы же труды и другихъ лѣтописцевъ какъ этого времени, такъ и позднѣйшихъ Еще раньше лѣтописи пр. Несторъ написалъ сочиненіе о св. Борисѣ и Глѣбѣ и житіе пр. Ѳеодосія.

Послѣ Іакова и Нестора, какъ жизнеописатель, извѣстенъ *св. Симонъ владимірскій* (1215 — 1226 г.). Онъ написалъ обширное посланіе къ *Поликарпу*, печерскому иноку, который былъ обладаемъ страстью почестей, два раза уже уходилъ изъ монастыря для занятія игуменскихъ мѣстъ и домогался даже епископскаго сана. Въ своемъ посланіи Симонъ увѣщевалъ его твердо стоять въ монашескихъ обѣтахъ послушанія и смиренія, не искать высшихъ сановъ, а главное не оставлять своего монастыря. Симонъ описываетъ славу Печерской обители, выражаетъ горячую любовь и благоговѣніе къ ней и, чтобы сильнѣе подѣйствовать

на Поликарпа, представляетъ цѣлые разсказы о св. подвижникахъ лавры и о нѣкоторыхъ инокахъ, погубившихъ души свои страстями; наконецъ подробно передаетъ исторію созданія кіевопечерской церкви. Увѣщанія Симона подѣйствовали на Поликарпа и онъ остался въ Печерскомъ монастырѣ простымъ инокомъ.

Поликарпъ продолжалъ трудъ Симона въ своемъ *посланіи* къ печерскому архимандриту *Акиндину*, который просилъ его разсказать о печерскихъ угодникахъ. Ссылаясь на устные разсказы Симона. Поликарпъ написалъ 12 разсказовъ о печерскихъ святыхъ, о которыхъ не сказано было въ посланіи Симона —Изъ этихъ посланій Симона и Поликарпа, съ прибавленіемъ къ нимъ извѣстій объ Антоніѣ, Ѳеодосіѣ и нѣкоторыхъ другихъ печерскихъ подвижникахъ изъ сочиненій Нестора, составился извѣстный печерскій *Патерикъ*.

Изъ *житій русскихъ святыхъ* къ описываемому времени принадлежатъ еще: житіе Антонія римлянина, написанное ученикомъ и преемникомъ святаго по игуменству *Андреемъ*, житіе Авраамія смоленскаго, написанное ученикомъ его *Ефремомъ*, житія Леонтія и Исаіи ростовскихъ.

III. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОСЛѢ УСИЛЕНІЯ СѢВЕРНОЙ РУСИ ДО РАЗДѢЛЕНІЯ МИТРОПОЛІИ.

Нашествіе монголовъ. Въ 1237—40 годахъ Россію постигло нашествіе монголовъ. Сначала опустошены были рязанское и владимірское княжества; народонаселеніе ихъ вырѣзано; церкви и монастыри разрушены или осквернены. Во Владимірѣ погибли епископъ *Митрофанъ* и все семейство в. князя *Юрія Всеволодовича*. Самъ Юрій палъ за вѣру и отечество на берегахъ Сити. Его племянникъ *Василій Константиновичъ* ростовскій попался въ плѣнъ къ варварамъ и погибъ мученическою смертью за то, что не хотѣлъ отречься отъ православія. Потомъ въ южной Руси разрушены Переяславль, Черниговъ, Кіевъ, города волынскіе и галицкіе. Въ Кіевѣ погибли его главныя святыни—Софійскій и Десятинный храмы; Печерская лавра разрушена, монахи ея разбѣжались по лѣснымъ дебрямъ и пещерамъ. Краса русской земли, стольный городъ в. князя и митро-

полита обратился въ ничтожное мѣстечко, въ которомъ насчитывалось всего около 200 домовъ.

Возвышеніе сѣверовосточной Руси. Общее бѣдствіе однако обрушилось не съ одинаковой тяжестью надъ той и другой половиной Руси. Сѣверо-восточная Русь была опустошена менѣе; когда страшная буря пронеслась, она снова поправилась, благодаря умной дѣятельности своихъ князей. Южная Русь обращена была въ сплошную пустыню; кромѣ того монголы и послѣ ея опустошенія продолжали кочевать по ея степнымъ украйнамъ и были постоянной грозой для ея народонаселенія. Вслѣдствіе этого все земледѣльческое и промышленное населеніе ея густыми массами потянулось на сѣверъ, потомъ она вскорѣ подпала подъ владычество Литвы. Русская историческая жизнь отлила въ область Волги, завязала для себя новый центръ, вмѣсто южнаго Кіева, въ Москвѣ, и стала развиваться здѣсь уже въ новомъ направленіи. Туда же передвинулось и средоточіе церковной жизни—русская митрополія. Главнымъ поприщемъ церковно-исторической жизни сдѣлалась Великороссія, что не могло не имѣть сильнаго вліянія на весь ходъ церковной исторіи, какъ вслѣдствіе новыхъ особенностей государственной исторіи на новомъ мѣстѣ, такъ и особенностей самого великорусскаго народонаселенія.

Іерархія и духовенство.

М. Кириллъ II. Во время раззоренія Кіева пропалъ безъ вѣсти м. *Іосифъ*, не задолго до этого присланный изъ Греціи; на мѣсто его избранъ новый митрополитъ изъ русскихъ *Кириллъ II*. Воротясь изъ Греціи, куда онъ ѣздилъ посвящаться, онъ не нашелъ себѣ пріюта въ раззоренномъ Кіевѣ и долженъ былъ выбирать для своего пребыванія другой городъ,—или Галичъ, столицу южнаго в. князя, или Владиміръ, столицу сѣвернаго в. князя. Рѣшительнаго выбора митрополитъ не могъ еще сдѣлать и, не имѣя такимъ образомъ пребывающаго града, все время своего святительства провелъ въ разъѣздахъ по своей митрополіи съ мѣста на мѣсто. Но и теперь уже было видно, что Владиміръ со временемъ будетъ предпочтенъ Галичу; большую часть времени своего управленія Кириллъ провелъ на сѣверѣ, даже долгое время не рукополагалъ во Владиміръ особаго епископа; онъ рукоположилъ туда *Серапіона* уже

въ 1274 году. Во время своихъ разъѣздовъ Кириллъ много видѣлъ безпорядковъ по всѣмъ мѣстамъ какъ въ церковномъ управленіи, такъ и въ жизни народа. Это было поводомъ къ замѣчательнымъ постановленіямъ собора, созваннаго имъ во Владимірѣ въ 1274 году, которыя мы еще увидимъ. Въ правленіе этого же митрополита въ первый разъ опредѣлились отношенія къ церкви монголовъ.

Отношенія къ церкви монголовъ. При завоеваніи Руси монголы были язычниками, признавали единаго Бога, но покланялись и многимъ другимъ богамъ, идоламъ, солнцу, лунѣ, водѣ, огню, тѣнямъ умершихъ хановъ, вѣрили въ силу молніи надъ бѣсами, очистительное значеніе огня, въ колдовство и держали у себя цѣлые толпы шамановъ, ламъ и заклинателей. Въ Ордѣ едва ли даже была одна религія,—по всей вѣроятности тамъ господствовала смѣсь всякихъ вѣрованій средней Азіи. Отсюда объясняется религіозный индефферентизмъ монголовъ. Въ своей Ясѣ (книгѣ запретовъ) *Чингисъ-ханъ* велѣлъ уважать и бояться всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были. Въ Ордѣ свободно отправлялись всякія богослуженія, и ханы сами участвовали при совершеніи и христіанскихъ, и магометанскихъ, и буддійскихъ обрядовъ, уважали и духовенство всѣхъ вѣръ. Разореніе русскихъ святынь, жестокости противъ христіанъ во время нашествія на Русь ни мало не противорѣчили этой вѣротерпимости, проистекая изъ обычной азіатской манеры вести войну. Мученики за вѣру изъ русскихъ, кромѣ к. Василька ростовскаго, какъ то: в. кн. Юрій и *Меркурій смоленскій* (погибъ во время нашествія монголовъ на Смоленскъ въ 1238 г.), гибнутъ на войнѣ. Во время самаго нашествія монголовъ видимъ уже ихъ обычай щадить духовенство; изъ погибшихъ въ это время духовныхъ лицъ извѣстны только Митрофанъ епископъ владимірскій, *Симеонъ* переяславскій и нѣсколько печерскихъ иноковъ. Въ 1264 г. встрѣчаемъ первыхъ мучениковъ въ самой Ордѣ, кн. *Михаила Всеволодовича* черниговскаго съ боярином *Ѳеодоромъ*. Въ 1270 г. замученъ въ Ордѣ кн. *Романъ Ольговичъ* рязанскій за то, что не хотѣлъ оказать знаковъ уваженія къ вѣрѣ хана. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ монголы не отступали отъ Ясы Чингиса; они не касались самого христіанства, а требовали только отъ князей исполненія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ предъ аудіенціей у хана, прохожденія чрезъ очистительный огонь, поклоне-

нія изображеніямъ умершихъ хановъ, солнцу и кусту, уваженія къ вѣрѣ хана, какое сами привыкли оказывать всѣмъ вѣрамъ.

Пользуясь вѣротерпимостью монголовъ, Кириллъ въ самой столицѣ хановъ—Сараѣ учредилъ православную епископію, поставивъ на нее епископомъ (въ 1261 г.) *Митрофана*. У Хана *Менгу-Темира* онъ выпросилъ *ярлыкъ* духовенству. Еще при первомъ обложеніи Руси данью духовенство было освобождено отъ ея платежа. Ханъ Менгу въ своемъ ярлыкѣ также освобождаетъ все бѣлое и черное духовенство отъ дани и пошлинъ,—пусть безпечально молятся за него и за все его, хапово, племя. Отъ даней и пошлинъ освобождались также братья и дѣти поповъ, живущіе съ ними не въ раздѣлѣ. Церковныя земли и угодья, церковные люди, вещи, книги, иконы и проч. объявлены неприкосновенными; запрещено подъ страхомъ злой смерти хулить православную вѣру. Скончался Кириллъ въ 1280 г. и погребенъ въ Кіевѣ.

М. Максимъ. Преемникъ Кирилла *блаж. Максимъ* прибылъ изъ Греціи въ 1283 г. и тогда же отправился въ Орду за утвержденіемъ въ своемъ санѣ отъ хана И онъ долженъ былъ вести странническую жизнь подобно предшественнику, пока въ 1299 году не поселился во Владимірѣ. Житіе его повѣствуетъ, что по прибытіи въ этотъ городъ сама Богоматерь явилась ему во снѣ, одобрила его намѣреніе поселиться въ ея градѣ и дала ему омофоръ, который чудесно остался у него въ рукахъ и по пробужденіи. Такъ сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ перенесенію митрополіи на сѣверъ. На югѣ, въ Галичѣ, должны были дурно отнестись къ этому переселенію митрополита. И дѣйствительно, непосредственно послѣ смерти Максима (1305 г.) между югомъ и сѣверомъ видимъ слѣды соперничества изъ-за митрополіи, которое съ теченіемъ времени все разрастается и ведетъ къ раздѣленію русской церкви на двѣ половины. Вел. кн. *Юрій Львовичъ*, управлявшій Волынью и Галичемъ, внукъ Даніила, „восхотѣ галичскую епископію въ митрополію претворити“ и отправилъ въ Царьградъ своего кандидата на митрополію, *св. Петра*. Но п. Аѳанасій (въ 1308 г.) поставилъ Петра митрополитомъ *всея Россіи*.

Св. Петръ, родомъ изъ Волыни, съ 12 лѣтъ поступилъ въ монастырь и удивлялъ братію своимъ послушаніемъ и

подвигами; послѣ многолѣтнихъ подвиговъ онъ ушелъ въ уединеніе на р. Рату и основалъ свой монастырь Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ. Въ сѣверной Руси при немъ шла сильная борьба между *Михаиломъ* тверскимъ и *Юріемъ* московскимъ изъ за велико-княжескаго достоинства. Ставъ на сторонѣ московскаго князя, митрополитъ возбудилъ противъ себя вражду въ Твери. Тверской епископъ *Андрей* оклеветалъ святителя предъ патр архомъ, вслѣдствіе чего для суда надъ нимъ въ 1311 году былъ созванъ соборъ въ Переяславлѣ. Клевета однако скоро обнаружилась, но смиренный святитель простилъ ея виновника Андрея. сказавъ ему: „миръ тебѣ, чадо; не ты сотворилъ это, а дьяволъ“. Замѣчательно, что св Петръ не жилъ въ Твери, городѣ в. князя Михаила, а болѣе всего проживалъ въ Москвѣ у своего любимаго князя, брата Юрія, *Іоанна Даниловича*.

Между тѣмъ въ Ордѣ произошла важная перемѣна, которая должна была обратить особенное вниманіе митрополита на *ордынскія отношенія*; въ 1313 г. тамъ сдѣлался ханомъ *Узбекъ* и первый изъ хановъ принялъ магометанство. Съ объявленіемъ магометанства, извѣстнаго своимъ фанатизмомъ, господствующею вѣрою въ Ордѣ нельзя было разсчитывать на продолженіе прежнихъ отношеній хановъ къ православію. Св. Петръ счелъ нужнымъ отправиться въ Орду. Къ счастію старая языческая терпимость не вдругъ пропала между новыми исповѣдниками Магомета; митрополита приняли по старому съ честью и отпустили съ новымъ ярлыкомъ въ пользу духовенства. Кромѣ прежнихъ льготъ, изображенныхъ въ ярлыкѣ Менгу-Темира, въ новомъ ярлыкѣ прибавлены новыя льготы относительно церковнаго суда; всѣ церковные люди подчинены суду митрополита по всѣмъ дѣламъ, не исключая и уголовныхъ.

На Руси усобица сѣверныхъ князей все усиливалась. Въ 1319 г. Михаилъ тверской былъ замученъ въ Ордѣ по клеветѣ Юрія. Потомъ въ 1325 г. послѣдовало убіеніе въ Ордѣ самого Юрія сыномъ Михаила *Димитріемъ*, казнь Димитрія отъ Узбека за самоуправство и новая борьба между братомъ Димитрія *Александромъ* тверскимъ и братомъ Юрія *Іоанномъ Даниловичемъ* московскимъ. Узбекъ утвердилъ в. княземъ Александра, но Іоаннъ нашелъ сильное средство удержать первенство за Москвой въ расположе-

нiи къ нему м. Петра. Престарѣлый святитель теперь совсѣмъ поселился въ Москвѣ у любимаго князя и просилъ его устроить здѣсь свой каѳедральный соборъ. „Если послушаешь меня, сынъ мой“, говорилъ онъ, „храмъ преч. Богородицы построишь и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей и городъ этотъ славенъ будетъ, святители въ немъ станутъ жить, и покоритъ онъ всѣ другіе города“. Іоаннъ Калита дѣйствительно основалъ каменный соборъ Успенія Богоматери. Св. Петръ скончался 21 декабря 1326 года, не дождавшись окончанія желанной постройки. Гробъ его, поставленный въ Успенскомъ соборѣ, сталъ краеугольнымъ камнемъ величія Москвы. Новое мѣсто для каѳедры митрополитовъ было наконецъ найдено, хотя митрополія все еще продолжала именоваться не московскою, а кіевскою. Пребываніе всероссійскаго митрополита въ Москвѣ давало этому городу значеніе главнаго города всей земли, потому что князей было много, а митрополитъ былъ одинъ; кромѣ того каѳедра митрополичья способствовала возрастанію и обогащенію Москвы, привлекая къ себѣ со всѣхъ сторонъ всякихъ людей, имѣвшихъ нужду до верховнаго святителя, наконецъ митрополитъ естественно долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго жилъ.—Между тѣмъ южная Русь подпала подъ владычество Литвы и окончательно потеряла свое первенствующее значеніе въ церковной жизни. Съ 1315 г. литовскимъ княземъ сдѣлался знаменитый *Гедиминъ* и еще при жизни св. Петра (въ 1321 г.) овладѣлъ всей Волынью и Кіевомъ. Съ этого времени къ заботамъ объ отношеніи къ монголамъ у митрополитовъ присоединяются еще новыя заботы объ *отношеніяхъ къ Литвѣ*

М. Ѳеогностъ. Преемникъ св. Петра, грекъ *Ѳеогностъ*, посвященный въ 1328 г., уже прямо отправился на жительство къ гробу чудотворца въ Москву, тѣмъ болѣе, что московскій князь въ томъ же году сдѣлался в. княземъ. *Александръ Михайловичъ* тверской, произведя въ Твери извѣстное возстаніе противъ ханскаго посла *Щелкана* и избіеніе татаръ его свиты, навлекъ на себя опалу Узбека и бѣжалъ во Псковъ. Іоаннъ Калита долженъ былъ взять его у псковичей и представить въ Орду. При этомъ вполнѣ открылось, какого важнаго союзника имѣла Москва въ митрополитѣ. Ѳеогностъ за пріемъ опальнаго князя объ-

явилъ псковичамъ свою анаѳему. Послѣ этого Александръ долженъ былъ оставить полюбившій его городъ и уѣхалъ въ Литву. Скоро впрочемъ онъ снова воротился и сталъ княжить въ Псковѣ. Понятно, что старое стремленіе Пскова получить церковную самостоятельность теперь особенно должно было усилиться; псковичи выбрали себѣ въ епископы нѣкоего *Арсенія* и послали его для посвященія къ митрополиту. Ѳеогностъ отказалъ имъ, хотя особый епископъ дѣйствительно былъ нуженъ во Псковѣ для церковныхъ интересовъ, — для устроенія псковской церкви и распространенія вѣры въ Литвѣ. Удѣльные князья были очень недовольны постоянною связью митрополита съ Москвой, но помѣшать этой связи не имѣли силы. Болѣе сильнаго противодѣйствія можно было ожидать только отъ Литвы и Польши, владѣвшихъ русскими землями. Дѣйствительно, по происканъ съ этой стороны и честолюбію разныхъ духовныхъ лицъ югозападной Руси, въ Константинополѣ порѣшили было открыть *особую митрополію въ Галичѣ* съ подчиненіемъ ей всѣхъ епископій Волыни, — владимірской, хельмской, перемышльской, луцкой и туровской: были уже тамъ и митрополиты, одинъ за другимъ покупавшіе себѣ санъ у грековъ, *Ѳеодора* и *Ѳеодорита*. Въ Орду Ѳеогностъ долженъ былъ ѣздить два раза. Во вторую поѣздку (1342 г.) его встрѣтили тамъ большія непріятности. Кто-то изъ русскихъ сказалъ хану *Чанибеку*, что митрополитъ собираетъ большіе доходы съ духовенства и что у него много денегъ. Ханъ потребовалъ у него платежа со всего духовенства. Ѳеогностъ перенесъ всякія истязанія, настаивая на льготахъ духовенства по прежнимъ ярлыкамъ, раздарилъ до 600 рублей разнымъ сильнымъ людямъ и воротился домой съ новымъ ярлыкомъ, утверждавшимъ за церковію прежнія льготы. Онъ умеръ въ 1353 году вмѣстѣ съ в. кн. *Симеономъ* отъ моровой язвы.

Споръ о митрополіи. Св. Алексѣй и Романъ. Избранный еще при жизни Ѳеогноста его преемникъ *св. Алексѣй* былъ изъ боярскаго рода Плещеевыхъ, родился въ 1300 г. и имѣлъ своимъ воспріемникомъ Калиту. Лѣтъ 20-ти онъ постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Здѣсь замѣтилъ его м. Ѳеогностъ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ, а потомъ епископомъ владимірскимъ. По смерти Ѳеогноста св. Алексѣй поѣхалъ въ Грецію и былъ посвященъ въ митрополиты (1354 г.). Какъ видится неоднократное по-

ставленіе на митрополію русскихъ людей стало обращать на себя безпокойное вниманіе грековъ; соборъ по случаю его поставленія сдѣлалъ оговорку, что Алексѣй поставляется митрополитомъ, какъ исключеніе, вслѣдствіе личныхъ своихъ достоинствъ, но что впредь митрополиты должны посылаться на Русь непремѣнно изъ грековъ. Въ тоже время положено не раздѣлять русской митрополіи, потому что, хотя митрополитъ и живетъ въ Москвѣ, но Кіевъ все-таки остается его престольнымъ мѣстомъ. Но еще не выѣхалъ Алексѣй изъ Царяграда, какъ пріѣхалъ сюда новый кандидатъ на митрополію *Романъ*, присланный отъ князя *Ольгерда*, который никакъ не хотѣлъ допустить церковнаго подчиненія своей страны московскому митрополиту, а хотѣлъ имѣть своего митрополита. Опасеніе, какъ бы Ольгердъ не сдѣлалъ вреда православію въ случаѣ отказа, и богатые дары заставили патріарха посвятить и Романа. Оба митрополита явились на Русь и сотворился, по разсказу лѣтописца, мятежъ во святительствѣ. Алексѣй былъ принятъ въ Москвѣ, а Романъ въ Литвѣ и на Волыни; но ни тотъ, ни другой не довольствовались своими предѣлами, отъ обоихъ являлись въ епископіяхъ послы и была вездѣ тяжесть священному чину. Св. Алексѣй не уступалъ Роману Кіева, требовалъ тамъ себѣ подчиненія; Романъ точно также дѣлалъ распоряженія въ Твери, пользуясь тѣмъ, что *Михаилъ Александровичъ* тверской былъ родственникъ и союзникъ Ольгерда. Церковная смута прекратилась уже въ 1362 г. смертью Романа. И. Филоѳей опять сдѣлалъ опредѣленіе, чтобы Литва не отдѣлялась отъ всероссійскаго митрополита. Но св. Алексѣй былъ вовсе не такой первосвятитель, которымъ могли бы быть довольны въ княжествахъ, не ладившихъ съ Москвой.

Участіе св. Алексѣя въ гражданскихъ дѣлахъ. Еще в. кн. Симеонъ завѣщалъ братьямъ слушаться владыки Алексѣя и старыхъ бояръ, которые имъ добра хотѣли. Дѣятельность Алексѣя въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ хорошо показала, какъ онъ хотѣлъ добра дѣтямъ и внукамъ Калиты. Въ правленіе *Іоанна II* онъ былъ главнымъ совѣтникомъ в. князя и во всемъ ему содѣйствовалъ, а его содѣйствіе было очень важно по благоволенію къ нему хановъ. Въ Ордѣ очень уважали митрополита. Въ 1357 г., по случаю глазной болѣзни ханши *Тайдулы*, которой никакъ не могли вылечить волхвы татарскіе, ханъ Чанибекъ

писалъ къ князю: „мы слышали, что Богъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего, отпустите его къ намъ, да исцѣлѣетъ его молитвами царица моя; а то пойду опустошать землю вашу". Святитель поѣхалъ и исцѣлилъ Тайдулу. Послѣ этого его еще болѣе стали уважать въ Ордѣ. Въ томъ же году Чанибекъ умеръ, его сынъ, свирѣпый *Бердибекъ* потребовалъ отъ русскихъ князей новой дани. Алексѣй снова поѣхалъ въ Орду ходатайствовать за русскую землю. При содѣйствіи Тайдулы онъ укротилъ хана и воротился съ ярлыкомъ отъ него. При малолѣтнемъ *Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ* митрополитъ былъ настоящимъ правителемъ государства и выручилъ Москву изъ довольно опасныхъ обстоятельствъ. Онъ помогъ Димитрію удержать великокняжеское достоинство, не смотря на соперничество старшаго родича *Димитрія* суздальскаго. Нѣсколько времени спустя, митрополитъ вступился въ ссору суздальскихъ князей *Димитрія* и *Бориса* изъ-за Нижняго и звалъ ихъ судиться въ Москву. Борисъ отказался, не желая признавать власти московскаго князя. Св. Алексѣй послалъ къ нему въ Нижній пр. *Сергія радонежскаго* съ повелѣніемъ затворить всѣ церкви въ городѣ и этой сильной мѣрой смирилъ Бориса, заставилъ его уступить Нижній брату. При посредствѣ митрополита заключались княжескіе договоры; онъ употреблялъ свою духовную силу и для того, чтобы заставить князей соблюдать эти договоры, предавалъ отлученію тѣхъ изъ нихъ, которые вступали противъ Москвы въ связь съ Литвой.

М. Кипріанъ. Постоянная связь митрополита съ Москвой должна была возбуждать къ нему сильную непріязнь въ Литвѣ и Польшѣ. Въ 1371 г. не смотря на прежнія опредѣленія о единствѣ митрополіи, п. Филоѳей уступилъ настояніямъ польскаго короля *Казиміра* и далъ Галичу особаго митрополита *Антонія*. Въ тоже время Ольгердъ написалъ патріарху, что никогда не бывало такого тяжелаго митрополита на Руси, какъ св. Алексѣй, не посѣщаетъ Кіева и Литвы, не любитъ князей, кромѣ одного московскаго; съ благословенія его Москва обидѣла его Ольгердова шурина Михаила тверскаго и зятя Бориса нижегородскаго, съ перебѣжчиковъ на московскую сторону митрополитъ снимаетъ крестное цѣлованіе и проч.; въ заключеніе просилъ поставить особаго митрополита въ Кіевъ, Малую Россію, Литву, Смоленскъ, Тверь и Нижній,

т. е. во всѣ города, враждовавшіе съ Москвой. Филоѳей уступилъ и этой просьбѣ и въ 1376 г. поставилъ митрополитомъ кіевскимъ серба *Кипріана*. Въ Россіи стало разомъ три митрополита. Для поддержанія единства митрополіи, о которомъ прежде такъ много толковали въ Греціи, патріархъ только опредѣлилъ, чтобы *Кипріанъ* снова соединилъ Русь подъ своей властью послѣ смерти Алексѣя.

Архимандритъ Митяй. Понятно, что въ Москвѣ были очень недовольны поставленіемъ Кипріана и назначеніемъ его въ преемники св. Алексѣю безъ согласія в. князя. Престарѣлый святитель хотѣлъ назначить себѣ преемникомъ пр. Сергія, но смиренный подвижникъ рѣшительно отказался отъ этой чести. Тогда в. князь намѣтилъ на митрополію своего духовника и любимца священника *Митяя* (Михаила). Это былъ человѣкъ видной наружности, съ громкой и чистой рѣчью, хорошо толковавшій силу книжную, знавшій всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи, разсуждавшій краснорѣчиво въ судахъ и дѣлахъ. В. князь уговорилъ его постричься и въ самый день постриженія велѣлъ его сдѣлать архимандритомъ московскаго Спасскаго монастыря. Не смотря на то, что Алексѣй никакъ не соглашался признать Митяя своимъ преемникомъ, едва только святитель скончался (въ 1378 г.), какъ Митяй вошелъ на митрополичій дворъ, облекся въ святительское одѣяніе; началъ всѣмъ распоряжаться и собирать митрополичью дань. Много явилось людей, которые не желали его имѣть митрополитомъ. Больше другихъ говорилъ противъ него епископъ суздальскій *св. Діонисій*. Митяй разсердился, запальчиво потребовалъ отъ него отвѣта, почему не являлся къ нему на поклонъ. „Ты долженъ мнѣ поклониться, отвѣчалъ Діонисій, потому что я епископъ, а ты попъ“.—Я тебя и попомъ не оставлю, закричалъ Митяй. Своими руками спорю твои скрижали. — Узнавъ, что Діонисій самъ намѣренъ отправиться въ Грецію за саномъ митрополита, Митяй съ в. княземъ посадили его подъ стражу. Пр. Сергій выпросилъ его себѣ на поруки, при чемъ Діонисій далъ слово не ѣздить въ Грецію. Но онъ не сдержалъ этого слова и уѣхалъ не болѣе, какъ чрезъ недѣлю послѣ освобожденія. Митяй страшно разсердился на него и на Сергія; Сергій даже боялся, какъ бы не разорили его обители. Между тѣмъ изъ Кіева ѣхалъ м. Кипріанъ, который долженъ былъ занять теперь всю митро-

полію въ силу соборнаго опредѣленія 1376 г. Пр. Сергій послалъ отъ себя пословъ встрѣчать его. Но в. князь видѣлъ въ Кипріанѣ избранника Ольгерда и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. Послѣ всего этого Митяй двинулся въ Грецію съ огромной свитой, съ дарами и съ нѣсколькими бланками, скрѣпленными печатью в. князя, для написанія въ случаѣ недостачи денегъ кабалы или векселя, но при самомъ концѣ дороги, уже въ виду Константинополя, внезапно умеръ въ 1379 году.

Споръ о митрополіи между Пименомъ и Кипріаномъ. Послѣ смерти Митяя одинъ архимандритъ изъ его свиты *Пименъ* склонилъ своихъ спутниковъ хлопотать о посвященіи его вмѣсто Митяя. На бланкѣ за в. княжеской печатью написали прошеніе отъ имени в. князя о поставленіи Пимена. П. *Нилъ* и императоръ сначала отказали въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что въ Россію уже давно посвященъ на митрополію Кипріанъ. Но послы, воспользовавшись другой бланкой, заняли денегъ у венеціанъ, раздарили до 20,000 рублей и достигли цѣли. В. князь, узнавъ объ обманѣ Пимена, пригласилъ Кипріана, а Пимена по его возвращеніи велѣлъ заточить. Но чрезъ нѣсколько времени оказалось, что онъ сдѣлалъ это единственно подъ вліяніемъ гнѣва на Пимена; къ самому Кипріану, какъ избраннику литовскаго князя, онъ вовсе не имѣлъ довѣрія. Во время нашествія *Тохтамыша* и Кипріанъ удалился изъ Москвы въ Тверь, какъ извѣстно, союзную съ Литвой. Послѣ этого в. князь велѣлъ ему опять отправиться въ Кіевъ, а на московскую митрополію пригласилъ Пимена. Но такъ какъ и этотъ митрополитъ былъ ему неугоденъ, то онъ въ тоже время отправилъ въ Грецію для поставленія Діонисія. Діонисій дѣйствительно былъ поставленъ, но на обратномъ пути былъ задержанъ въ Литвѣ, гдѣ и умеръ въ 1385 г. въ тюрьмѣ.—Между тѣмъ и Кипріанъ съ Пименомъ ѣздили въ Грецію тягаться о митрополіи предъ патріархомъ. Дѣло рѣшено въ пользу Кипріана. Всѣ обстоятельства теперь повернулись въ его пользу: въ 1389 году умеръ недоброжелательный къ нему Димитрій; умеръ и низложенный Пименъ. „И преста, говоритъ лѣтописецъ, мятежъ въ митрополіи и бысть едина митрополія, Кіевъ и Галичъ и всея Руси". Извѣстіе это впрочемъ невполнѣ справедливо; въ Галичѣ остался особый митрополитъ Антоній.

М. Кипріанъ. Правленіе Кипріана все прошло въ мирѣ. Согласіе его съ в. княземъ *Василіемъ Димитріевичемъ* не прерывалось ни разу, а такъ какъ в. князь былъ въ постоянномъ мирѣ съ литовскимъ княземъ *Витовтомъ* (его тестемъ), то и въ Литвѣ перестали хлопотать объ особомъ митрополитѣ. Въ Орду не было уже надобности ѣздить, потому что послѣ Донскаго она перестала быть страшною для Руси, хотя и старалась подновить этотъ страхъ нашествіями *Тохтамыша, Тамерлана* и *Эдигея*. Ярлыкъ хана, данный Митяю въ 1379 году, былъ послѣднимъ. Съ этого времени наши митрополиты обращаются за льготами и покровительствомъ къ своимъ в. князьямъ. Кипріанъ умеръ въ 1406 г. и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ послѣ св Петра погребались всѣ русскіе митрополиты.

М. Фотій. Непосредственно послѣ его смерти снова начинается раздѣленіе въ русской церкви, потому что Москва была тогда опять въ разрывѣ съ Литвой. По просьбѣ Василія изъ Греціи прислали въ митрополиты на Русь строгаго инока *Фотія*. Витовтъ сначала не хотѣлъ его принимать, но потомъ принялъ съ условіемъ, чтобы онъ жилъ непремѣнно въ Кіевѣ. Фотій дѣйствительно прожилъ въ Кіевѣ больше полгода, но потомъ въ 1410 г. все-таки уѣхалъ въ Москву. Новый первосвятитель былъ строгій ревнитель церковныхъ правъ, отличался практическимъ, хозяйственнымъ духомъ. Послѣ четырехлѣтняго отсутствія митрополита въ Москвѣ и послѣ недавняго Эдигеевскаго нашествія, Фотій нашелъ въ ней много безпорядковъ. Домъ митрополичій былъ опустошенъ; владѣнія его были расхищены разными сильными лицами; много попало и въ в. княжескую казну. Фотій началъ собирать расхищенное, обидѣлъ этимъ многихъ бояръ и самого в. князя. Между тѣмъ и Витовтъ разсердился на него за отъѣздъ изъ Кіева. Въ 1411 году Фотій посѣтилъ Литву, но только еще болѣе повредилъ себѣ тамъ, вооруживъ противъ себя много людей, вѣроятно такими же хозяйственными распоряженіями, какія произвели противъ него негодованіе въ Москвѣ.

Григорій Семивлахъ. Въ 1414 г. Витовтъ собралъ соборъ изъ литовскихъ епископовъ и настоялъ на избраніи новаго митрополита для Литвы. Избранъ *Григорій Цамблакъ* или *Семивлахъ*; онъ былъ родомъ сербъ, племянникъ м. Кипріана, жилъ сначала при разныхъ духовныхъ долж-

ностяхъ въ Болгаріи, Сербіи, Молдовлахіи, потомъ отправился въ Москву къ дядѣ, но, не заставъ его въ живыхъ, поселился въ южной Россіи, гдѣ пріобрѣлъ большую славу своею ученостью и краснорѣчіемъ. Въ Греціи не желали разрыва съ митрополитомъ грекомъ и в. княземъ московскимъ, который былъ теперь очень нуженъ для бѣдствующей Греціи и кромѣ того только что породнился съ импер. *Мануиломъ* (чрезъ бракъ своей дочери съ сыномъ Мануила), и отказали Витовту. Витовтъ снова собралъ соборъ, говорилъ на немъ о раззореніи церкви отъ московскаго митрополита, жаловался на корыстолюбіе грековъ, которые ставятъ митрополита по накупу, кто больше дастъ денегъ, и требовалъ, чтобы епископы сами поставили себѣ митрополита. Фотій спѣшилъ въ Литву уладить дѣло; но Витовтъ не хотѣлъ его и видѣть, а на возвратномъ пути велѣлъ отнять у него всю церковную дань, которую митрополитъ собралъ проѣздомъ въ Литвѣ. Послѣ вторичнаго отказа въ Греціи соборъ литовскихъ епископовъ посвятилъ Григорія безъ согласія патріарха. Стараясь оправдать свой поступокъ, соборъ выдалъ окружную грамоту, въ которой указывалъ на то, что Фотій пренебрегалъ кіевской половиной своей митрополіи, заботясь только о собираніи здѣсь своей дани, что они, западные епископы, поставили себѣ митрополита по примѣру болгаръ, сербовъ и самихъ русскихъ (при Изяславѣ) и по уставу апостольскому, что не думали этимъ разрывать связи съ церковію греческою, а только хотѣли избѣжать безпорядковъ и насилія отъ греческаго царя, отъ котораго зависитъ поставленіе митрополита въ Греціи, напоминали о томъ, какія смуты для всей церкви русской греки произвели поставленіемъ Кипріана, Пимена и Діонисія. Витовтъ также выдалъ окружную грамоту, въ которой бранилъ грековъ и Фотія. Фотій съ своей стороны разослалъ окружныя посланія, въ которыхъ защищалъ грековъ, порицалъ поставленіе Григорія и требовалъ, чтобы православные не имѣли съ нимъ общенія. Григорій все-таки остался митрополитомъ до самой смерти († 1419 г.). Послѣ смерти его Витовтъ помирился съ Фотіемъ и обѣ половины русской церкви опять соединились подъ властью одного митрополита. Судя по сочиненіямъ Григорія, онъ былъ пастырь православный и ревнитель православія. Объ немъ извѣстно еще, что въ 1414 г. по желанію Витовта онъ былъ на констанцскомъ соборѣ,

который между прочимъ имѣлъ цѣлью обсудить вопросъ о соединеніи церквей, но разошелся, даже не начавъ этого обсужденія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Фотій оказалъ большое вліяніе на гражданскія дѣла. Въ 1425 году в. кн. Василій умеръ, оставивъ малолѣтняго сына *Василія*. Братъ покойнаго *Юрій* звенигородскій предъявилъ свои права на в. княженіе. Фотій крѣпко сталъ за Василія, утверждая новый московскій порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи, а не по старшинству, какъ въ старое время. Своей духовной властью онъ успѣлъ удержать Юрія отъ усобицы на все время своего святительства. Едва онъ умеръ (1430 г.), какъ эта усобица вспыхнула съ небывалой силой. Она много поддерживалась тѣмъ, что долгое время послѣ Фотія не было новаго митрополита, который бы сталъ за в. князя и могъ дать ручательство въ безопасности удѣльнымъ князьямъ. Недаромъ побѣжденные князья, заключая миръ съ в. княземъ, выговаривали себѣ условіе не ѣздить къ нему въ Москву, пока тамъ не будетъ митрополита.

Новыя замышательства въ церкви. М Исидоръ. Въ 1433 г. в. князь и соборъ епископовъ нарекли митрополитомъ *св Іону* епископа рязанскаго Въ Литвѣ выбрали было своего кандидата на митрополію, смоленскаго епископа *Герасима*: но въ слѣдующемъ же году литовскій князь *Свитригайло*, преемникъ Витовта, сожегъ его въ Витебскѣ по подозрѣнію въ измѣнѣ. Іона отправился въ Грецію за посвященіемъ уже послѣ его смерти, но когда прибылъ туда, импер. *Палеологъ* и п. *Іосифъ* встрѣтили его сожалѣніемъ, что онъ опоздалъ, что въ Россію уже уѣхалъ м. *Исидоръ*, и обѣщали ему митрополію только послѣ Исидора. Новый митрополитъ былъ орудіемъ императора и патріарха, замышлявшихъ *флорентійскую унію*; едва явился въ Россію, какъ началъ собираться на флорентійскій соборъ. В князь долго не пускалъ его, потомъ отпустилъ съ строгимъ наказомъ не приносить съ этого, якобы VIII Вселенскаго собора, ничего новаго и чужаго. На соборѣ Исидоръ выступилъ ревностнымъ борцомъ за папу и унію. Папа сдѣлалъ его за это „легатомъ отъ ребра апостольскаго въ земляхъ лифляндскихъ, литовскихъ и русскихъ“. На возвратномъ пути Исидоръ еще съ дороги разослалъ по Россіи окружное посланіе объ уніи, призы-

вая христіанъ обоихъ исповѣданій безразлично ходить въ православные и латинскіе храмы и пріобщаться одинаково въ тѣхъ и другихъ. На первой же литургіи въ Москвѣ онъ явился съ преднесеніемъ латинскаго креста, поминалъ папу вмѣсто патріарховъ, а послѣ литургіи велѣлъ читать актъ уніи, изъ котораго узнали, что Духъ св. исходитъ „и отъ Сына“, что хлѣбъ квасный и опрѣсноки въ евхаристіи все равно и проч. В. князь тутъ же въ соборѣ назвалъ его латинскимъ прелестникомъ, волкомъ, и велѣлъ посадить подъ стражу. Въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ; но бѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ. Это былъ послѣдній митрополитъ грекъ въ Россіи. Произведенный имъ соблазнъ, смуты въ самой Греціи изъ-за уніи, потомъ разрушеніе имперіи турками, а съ другой стороны усиленіе Россіи необходимо должны были повести къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ русской церкви къ греческой.

Св. Іона. Послѣ сверженія Исидора в. князь послалъ въ Греціюословъ съ прошеніемъ о поставленіи митрополита, но, узнавъ, что императоръ съ патріархомъ приняли унію, воротилъ свое посольство назадъ. Дѣло о поставленіи Іоны затянулось и потому, что въ Россіи шла сильная усобица между в. княземъ и его двоюродными братьями, дѣтьми Юрія, сопровождавшаяся большими жестокостями, плѣномъ и ослѣпленіемъ Василія отъ одного изъ братьевъ, *Дмитрія Шемяки.* Во время всей этой усобицы духовенство крѣпко стояло за в. князя, всѣми силами содѣйствуя побѣдѣ Москвы и самодержавія надъ старымъ удѣльнымъ порядкомъ. Св. Іона неизмѣнно дѣйствовалъ въ пользу Василія, не смотря на то, что Шемяка усердно старался привлечь его къ себѣ, много честилъ и, завладѣвъ Москвой, ввелъ его въ полное управленіе дѣлами митрополіи. Заточивъ в. князя въ Угличъ, Шемяка хотѣлъ овладѣть и великокняжескими дѣтьми, обманулъ Іону обѣщаніемъ для нихъ безопасности, уговорилъ его принять ихъ отъ родныхъ и приверженцевъ на святительскую епитрахиль и привезти въ Москву для пожалованія удѣлами, но потомъ заточилъ ихъ вмѣстѣ съ отцемъ въ Угличъ. Между тѣмъ около Василія собрались его приверженцы и уговорили его идти противъ Шемяки. Кирилловскій игуменъ *Трифонъ* разрѣшилъ в. князя отъ присяги, данной Шемякѣ. Послѣдній долженъ былъ уступить и обязался не

домогаться великокняжескаго престола, но не исполнилъ своего обязательства и продолжалъ свою вражду съ Василіемъ. Тогда соборъ архипастырей послалъ къ нему грозное посланіе о повиновеніи в. князю; въ этомъ посланіи осуждался весь удѣльный порядокъ вещей, осуждалось поведеніе Юрія, Шемяка сравнивался съ Каиномъ и Святополкомъ, въ заключеніе, если онъ не покорится в. князю, ему объявлялось отлученіе отъ церкви. Въ 1448 г. Іона былъ наконецъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ пастырей. Въ Грецію послана грамота, въ которой объяснялось, что русская церковь не разрываетъ союза съ греческою, что поставленіе митрополита совершено въ Россіи по великой нуждѣ отъ турковъ, неудобству сношеній, да и потому, что въ Россіи неизвѣстно даже, есть ли патріархъ въ Царѣградѣ. Въ 1453 г. Царьградъ былъ взятъ турками. Іона утѣшилъ п. *Геннадія* посылкой даровъ и просилъ у него благословенія. Вѣроятно, въ это время русской церкви дано было право поставлять митрополита независимо отъ греческой церкви; русская митрополія сдѣлалась самостоятельной и поставлена была по степени первою послѣ іерусалимскаго патріарха. Въ званіи митрополита Іона продолжалъ свою дѣятельность въ пользу в. князя. Въ окружной грамотѣ о своемъ поставленіи онъ обличалъ клятвопреступленіе Шемяки, увѣщевалъ всѣхъ быть вѣрными в. князю, а непокорнымъ угрожалъ своей святительской клятвой; потомъ съ соборомъ епископовъ лично ходилъ увѣщевать Шемяку. Когда послѣдній бѣжалъ въ Новгородъ, митрополитъ и туда посылалъ свои грамоты къ нему и къ гражданамъ. Смута кончилась только смертью Шемяки въ 1453 году.

Раздѣленіе митрополіи. Другой заботой св. Іоны были дѣла литовскія. Въ Литвѣ, подъ властью князя католика, унія не прошла безслѣдно, какъ въ московской Руси. Въ 1458 г. патріархъ *Григорій*, отъѣхавшій изъ Греціи въ Римъ, посвятилъ въ митрополиты на Русь ученика Исидорова *Григорія*. Въ Москвѣ этимъ сильно обезпокоились; в. князь и митрополитъ писали къ королю и народу грамоты, умоляя не раздѣлять церкви русской. Соборъ великорусскихъ епископовъ, собравшись въ Москвѣ, клялся не отступать отъ св. *московской* церкви и опредѣлилъ на будущее время избирать митрополитовъ въ Москвѣ, по повелѣнію в. князя и безъ сношенія съ греками. Здѣсь въ

первый разъ упоминается о московской церкви въ отличіе отъ кіевской. Послѣдовало окончательное раздѣленіе митрополіи; митрополиты стали титуловаться по главнымъ городамъ своихъ областей, московскимъ и кіевскимъ. М. Іона умеръ въ 1461 году. Въ слѣдующемъ году умеръ и в. князь, оставивъ престолъ сыну своему *Іоанну III*.

Отношенія между церковію и государствомъ Во все описываемое время митрополиты большею частію были изъ русскихъ и отличались обширною патріотическою дѣятельностію, какой не видимъ прежде во время господства іерарховъ грековъ; самое видное мѣсто между ними занимаютъ святые Петръ, Алексѣй и Іона. Русское духовенство, имѣя во главѣ такихъ людей, выручило Москву изъ всѣхъ опасностей со стороны удѣловъ. Іерархія постоянно была связующимъ средоточіемъ русскихъ земель, до послѣдняго времени поддерживала связь съ Россіей даже ея западной половины, отторгнутой владычествомъ чуждыхъ князей, пока наконецъ гражданское раздѣленіе не повлекло за собой раздѣленія самой церкви. Замѣчательно при этомъ, что, храня и укрѣпляя юное государство, іерархія вовсе не старалась изъ своего сильнаго вліянія на князей извлечь для себя независимости отъ свѣтской власти и самостоятельной постановки въ государствѣ, какъ этого добивались средневѣковые іерархи римской церкви. Оставивъ отдаленный отъ сильныхъ князей Кіевъ, митрополиты сами стремятся подъ покровъ мірской власти во Владиміръ, потомъ въ Москву и неуклонно стараются объ утвержденіи общаго мира и общаго подчиненія всѣхъ единому в. князю. В. князья понимали, что для нихъ значили митрополиты, и оказывали имъ высокое уваженіе и полное довѣріе. Они звали митрополита отцемъ, во всемъ съ нимъ совѣтовались, всѣ дѣла дѣлали съ его благословенія. Всѣ княжескія грамоты начинаются словами: „по благословенію отца нашего митрополита“, скрѣпляются митрополичей подписью и печатью; предъ митрополитомъ князья давали свое крестное цѣлованіе другъ другу и разбирали споры; въ договорныхъ грамотахъ писалось. „а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ, а кого онъ обвинитъ, ино обидное отдати“. Понятно, что верховная власть, воспитывавшаяся подъ руководствомъ іерархіи, пріучалась дѣйствовать на основаніи не столько юридическихъ, сколько нравственныхъ началъ, считала своимъ долгомъ про-

стирать свое вліяніе не только на гражданскія отношенія подвластныхъ ей, но и на ихъ религіозно-нравственную жизнь, а чрезъ это получила обширное вліяніе и на церковныя дѣла. Съ теченіемъ времени власть в. князя окрѣпла, стала меньше нуждаться въ подпорѣ и руководствѣ церковной власти. Въ одно время видимъ даже перемѣну положеній между ними; если прежде князей было много, а митрополитъ былъ одинъ, то въ XIV в. наоборотъ сильный князь былъ одинъ, а митрополитовъ 2—3; представилась возможность выбора между ними, значеніе митрополита отъ этого ослабѣло, а власть в. князя усилилась. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что прежнее участіе верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ, подъ руководствомъ іерархіи, участіе вспомогательное и служебное, обращалось въ независимое отъ іерархіи, самостоятельное. Воспитывая верховную власть въ религіозномъ духѣ, іерархія такимъ образомъ сама подготовляла свою зависимость отъ нея. Избраніе Митяя, поступки Донскаго съ Пименомъ и Кипріаномъ, удаленіе ихъ съ каѳедры безъ церковнаго суда были уже выразительнымъ знаменіемъ новаго порядка вещей, который развился потомъ въ московскомъ государствѣ. Развитію его много способствовало и то, что со времени Іоны митрополитъ пересталъ подчиняться посторонней греческой власти, поставлялся дома своими епископами и самъ вполнѣ сдѣлался своимъ.

Изъ *юридическихъ памятниковъ*, опредѣлявшихъ *значеніе церковной власти*, первое мѣсто занимаютъ уставы прежнихъ князей о церковномъ судѣ, которые въ XIII вѣкѣ были уже внесены въ Кормчія. За ними идетъ рядъ ханскихъ ярлыковъ, содержаніе которыхъ уже извѣстно. Съ ослабленіемъ монгольской власти, митрополиты начали выпрашивать грамоты у в. князей. Замѣчательно, что княжескія грамоты содержатъ въ себѣ уже ограниченія прежнихъ правъ и льготъ церкви какъ въ сравненіи съ древними уставами, такъ и съ ярлыками. Первая такая грамота дана м. Кипріану въ 1404 г. Василіемъ Димитріевичемъ. Люди, живущіе во владѣніяхъ митрополита, по прежнему освобождаются здѣсь отъ податей и повинностей и отъ суда княжескихъ судей, но съ нѣкоторыми исключеніями въ томъ и другомъ случаѣ; они должны платить ордынскій выходъ, ставить лошадей на ямы, платить тамгу съ торга, кромѣ торга своими произведеніями, участвовать

въ повинности военной; на войну митрополитъ долженъ ставить свой полкъ съ воеводою подъ стягъ (знамя) в. князя. По суду церковные люди подчинены митрополиту, но если дѣло коснется княжаго и митрополичьяго человѣка вмѣстѣ, то и судъ общій, митрополита и в. князя; по челобитьямъ на митрополичья намѣстника, десятинника или волостеля князь судитъ самъ. Ограниченъ и объемъ церковнаго вѣдомства: митрополитъ не можетъ ставить въ попы и дьяконы служилыхъ и тяглыхъ людей в. князя,—это было между прочимъ причиной, почему на церковныя мѣста поступали большею частію дѣти духовенства. Поповичъ, отдѣлившійся отъ отца, выходилъ изъ церковнаго вѣдомства, становился человѣкомъ в. князя.

Митрополичій домъ. Церковная власть митрополита простиралась на всю русскую церковь; кромѣ того у него была особая собственная *епархія*, очень обширная. Она раздѣлялась на двѣ части московскую и кіевскую. Въ той и другой митрополитъ имѣлъ много *вотчинныхъ* земель отъ прежней кіевской каѳедры и отъ богатой владимірской епископіи, деревни, села, слободы и даже города. Кромѣ вотчинныхъ доходовъ митрополиты получали значительные *церковные доходы*. Отъ поставленія епископовъ имъ шли *ставленыя* пошлины и кромѣ того дары какъ отъ поставленнаго, такъ и отъ епархіи. Во время своихъ поѣздокъ по митрополіи митрополитъ получалъ много даровъ, а духовенство кромѣ того вездѣ платило ему *подъѣздъ* на содержаніе его со свитой и ставило подводы. Важную статью его дохода составляли *судныя* пошлины съ духовенства и мірянъ за церковный судъ. Въ своей епархіи митрополиты, какъ и всѣ архіереи, получали со всѣхъ церквей *дань*, петровскіе и рождественскіе *сборы*, *подъѣздъ*, *ставленыя*, сборъ на *десятильниковъ* и др. служилыхъ и домовыхъ *людей*. При такихъ средствахъ каѳедра русскаго митрополита по богатству занимала первое мѣсто въ константинопольскомъ патріархатѣ. Патріархи и императоры смотрѣли на нее, какъ на весьма важный источникъ своихъ доходовъ, и сильно старались о продолженіи ея зависимости отъ Греціи и замѣщеніи ея своими кандидатами, потому что митрополиты греки пересылали изъ Россіи въ Грецію большія суммы. На свои богатыя средства первосвятители, особенно изъ русскихъ, строили многія церкви и монастыри и совершали дѣла благотворительности. *Дворъ митро-*

поличій былъ устроенъ, какъ дворъ удѣльнаго князя, имѣлъ своихъ бояръ, отроковъ, слугъ, стольниковъ, конюшихъ и др. чины; у митрополита былъ свой полкъ съ особымъ воеводой. Для управленія митрополіею были особые духовные и свѣтскіе органы митрополичьей власти. Въ Кіевѣ всѣми дѣлами завѣдывали *намѣстники* митрополита изъ духовныхъ лицъ. Разныя судныя и административныя дѣла поручались протопопамъ и архимандритамъ. Для церковнаго суда и сборовъ съ духовенства были назначены изъ мірскихъ людей *десятильники*, поставлявшіеся надъ округами изъ нѣсколькихъ приходовъ (десятинами), а для управленія вотчинными волостями—*волостели*.

Архіерейскіе домы. По этому образцу было устроено управленіе и въ другихъ епархіяхъ. Въ нихъ были тѣже десятинники, волостели и др чины, даже намѣстники у престарѣлыхъ владыкъ У всѣхъ архіерейскихъ каѳедръ были тѣже доходы, какъ у каѳедры митрополита. Всѣхъ богаче былъ обставленъ владыка новогородскій; у него были большія вотчинныя владѣнія; жилъ онъ въ богатыхъ палатахъ, имѣлъ своихъ бояръ, стольниковъ. казначея, волостелей, множество слугъ и особый полкъ. Между другими владыками онъ занималъ первое мѣсто и носилъ титулъ архіепископа, который имѣли еще только епископы суздальскіе послѣ св. Діонисія, и то не всѣ, и ростовскіе. Нѣкоторые іерархи другихъ епархій удостоивались этого титула только лично.

Епархіальное дѣленіе Руси. Послѣ нашествія монголовъ и перенесенія митрополіи на сѣверъ нѣкоторыя епархіи были упразднены, какъ-то: черниговская, переяславльская, бѣлогородская и юрьевская; владимірская вошла въ составъ епархіи митрополита. Другія,—брянская, коломенская, луцкая, звенигородская, сарайская,—открылись вновь; съ возвышеніемъ княжества тверскаго и суздальскаго въ нихъ явились отдѣльныя епархіи,—въ Твери около 1271 г., въ Суздалѣ около 1347; по случаю распространенія христіанства на сѣверѣ открыта епархія въ Перми (1383 г.). Всѣхъ епархій было 18,—9 на сѣверѣ и 9 на югѣ. Предѣлы ихъ, какъ и прежде, большею частію совпадали съ предѣлами княжествъ.

Ослабленіе удѣльнаго вліянія на церковное управленіе. Послѣ ослабленія власти удѣльныхъ князей епископовъ все чаще и чаще стали назначать прямо изъ Москвы. При

Василій Темномъ такой порядокъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ по распоряженію митрополита и безъ избранія мѣстнаго князя и народа получилъ законное утвержденіе на соборѣ. Централизація государственная такимъ образомъ повела за собой и церковную. Епископы по прежнему стояли во главѣ удѣльныхъ событій, но, потерявъ выборное значеніе, стали постепенно терять свои мѣстныя симпатіи, тянуть къ одному общему центру Руси, гдѣ стоялъ столъ в. князя и каѳедра ихъ общаго отца митрополита.—Вслѣдствіе той же московской централизаціи ослабѣло вліяніе на владыкъ князей и народа. Примѣры произвольнаго суда надъ іерархами встрѣчаемъ только въ началѣ описываемаго времени или въ мѣстностяхъ, гдѣ еще уцѣлѣлъ старый вѣчевой укладъ. Въ 1388 г. Ростовцы выгнали отъ себя *св. Іакова* по подозрѣнію въ нечистой жизни. Въ Муромѣ народъ возсталъ на своего епископа *св. Василія* по такому же подозрѣнію и заставилъ его удалиться въ Рязань; съ этого времени (конца XIII в.) муромская епископія утвердилась въ Рязани. Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ выразилась сила удѣльнаго уклада, судъ надъ епископами принадлежалъ власти митрополита и собора епископовъ. Со времени усиленія Москвы князья, желая освободиться отъ нелюбимаго епископа, считали нужнымъ обращаться съ жалобой на него къ митрополиту. Въ своихъ настольныхъ грамотахъ епископы обязывались во всемъ повиноваться первосвятителю, наблюдать его пошлины въ своемъ предѣлѣ и являться къ нему по первому зову для суда или на соборъ. Всѣ они величали его „отцемъ“, а за названіе „братомъ“ подвергались выговору.

Новгородскіе владыки. Только Новгородъ и Псковъ продолжали развивать у себя старыя начала мѣстной особности и земскаго вліянія на іерархію. Церковныя отношенія ихъ къ Москвѣ вполнѣ отражали на себѣ государственныя отношенія къ власти в. князя. *Избраніе* новгородскихъ владыкъ попрежнему совершалось на вѣчѣ независимо отъ митрополита и только для посвященія они ѣздили въ Москву. Но нѣкоторые владыки управляли епархіею и до посвященія года по 2—3, владыка *Евѳимій II* даже болѣе 5 лѣтъ, да и посвященіе принялъ не въ Москвѣ, а въ Смоленскѣ отъ западнаго митрополита Герасима (въ 1431 г.), послѣ чего считалъ себя независимымъ отъ московской каѳедры.

Для того, чтобы избавиться отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, новгородцы думали воспользоваться раздѣленіемъ русской церкви, съ которымъ открывалась для нихъ возможность выбора между двумя митрополитами. Но послѣ м. Исидора, когда въ Литвѣ на митрополію сѣлъ его ученикъ Григорій, извѣстный по своей наклонности къ латинству, Новгородъ снова призналъ права московскаго митрополита. При избраніи владыки выборъ падалъ всегда на своего, новгородца. Въ 1423 г. новгородцы лишили каѳедры *Ѳеодосія*, потому что онъ былъ „шестникъ“ (пришлецъ, чужой).

Значеніе владыки развилось еще болѣе прежняго. Съ его благословенія вѣче начинало войну, заключало миръ, рѣшало дѣла; въ новогородскихъ граматахъ имя его ставилось выше имени не только посадника, но и князя. Во внутреннихъ дѣлахъ города владыка былъ средоточіемъ, около котораго стягивались и примирялись всѣ разрозненные взаимными распрями концы и улицы города. Не имѣя возможности сами уладиться между собою на вѣчѣ, они отдавали свои споры на судъ владыкѣ, какъ человѣку болѣе довѣренному и вліятельному, чѣмъ всѣ выборныя власти города и самъ князь. Отъ того владыка былъ всегдашнимъ миротворцемъ въ вѣчевыхъ раздорахъ. — Владычная *казна* имѣла важное общественное значеніе. Владыка на ея средства выставлялъ свой полкъ въ новогородское войско, несъ городовыя повинности, — мостилъ мостъ въ кремлѣ, строилъ стѣны какъ въ Новгородѣ, такъ и въ его пригородахъ, напр. въ Псковѣ, Орѣшкѣ,—наконецъ дѣлалъ пожертвованія деньгами въ разныхъ особыхъ случаяхъ. Въ 1428 г. пять концовъ Новгорода дали по 1000 рублей на выкупъ плѣнныхъ у Витовта; владыка Евфимій далъ еще 1000 отъ себя. Въ 1384 г. Димитрій Донской взялъ съ Новгорода 8000 серебра; 3000 при этомъ дала софійская казна. Во время голода или пожаровъ софійская казна давала помощь бѣднымъ и раззореннымъ. Имена лучшихъ владыкъ съ благоговѣніемъ передавались изъ рода въ родъ; многіе чтились, какъ святые покровители роднаго города; таковы святые владыки *Василій*, *Моисей*, *Евфимій II*, *Іона*.—Мы видѣли, что по своему видному положенію между русскими святителями новгородскіе владыки носили титулъ архіепископовъ. Въ 1346 году м. Ѳеогностъ далъ владыкѣ Василію новое отличіе — *крестчатыя ризы*; потомъ

Патріархъ прислалъ ему *бѣлый клобукъ*. Въ Новгородѣ составилась цѣлая легенда объ этомъ клобукѣ въ доказательство мѣстныхъ притязаній на независимость владыкъ отъ митрополита: будто бы этотъ клобукъ данъ былъ Константиномъ великимъ папѣ Сильвестру, потомъ, когда папы стали нечестивыми, послѣ разныхъ чудесъ былъ отосланъ въ Царьградъ къ п. Филоѳею, наконецъ, когда и Царюграду суждено было погибнуть, явился въ Богомъ любимую страну, Россію, и именно въ Новгородъ, а не въ Москву, какъ бы слѣдовало ожидать.

Отношенія владыкъ къ митрополиту мѣнялись, смотря по тому, въ мирѣ былъ Новгородъ съ в. княземъ или нѣтъ. Дурныя отношенія между владыкой и митрополитомъ въ первый разъ обнаружились при Симеонѣ Гордомъ, который сильно стѣснилъ новгородцевъ. Владыка *Моисей* обидѣлся, что митрополитъ Ѳеогностъ не далъ ему, какъ его предшественнику Василію, крестчатыхъ ризъ, и послалъ къ патріарху жалобу „о непотребныхъ вещахъ, происходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита". Патріархъ и ему далъ крестчатую ризу, но при этомъ строго увѣщевалъ его покаряться митрополиту, какъ велятъ каноны. На преемника Моисеева *Алексѣя* митрополитъ жаловался патріарху, что владыка самовольно надѣлъ на себя крестчатую ризу, не повинуется ни митрополиту, ни в. князю. Патріархъ (1370 г.) велѣлъ Алексѣю снять крестчатую ризу, объяснивъ, что это отличіе не принадлежитъ каѳедрѣ, а есть личное. Послѣ войны съ Димитріемъ Донскимъ во время смуты изъ—за митрополіи новгородцы положили судиться не у митрополита, а только у своего владыки. М. Кипріанъ, пріѣхавъ въ Новгородъ (въ 1391 г.), потребовалъ своего суда. Новгородцы отказали ему, говоря, что они уже крестъ цѣловали, что не будутъ у него судиться, грамоту въ томъ написали и запечатали, и души свои попечатали. Митрополитъ уѣхалъ, не получивъ ничего. Не помогли ни его неблагословеніе строптивому городу, ни увѣщанія патріарха, который всталъ за митрополита. Наконецъ въ это дѣло вступился в. князь и принудилъ Новгородъ къ покорности силою. При Василіѣ Димитріевичѣ владыка *Іоаннъ* (въ 1398 г.) благословилъ дѣтей своихъ новгородцевъ на войну съ в. княземъ за двинскія волости, отнятыя Москвой. По окончаніи войны его вызвали въ Москву и продержали болѣе трехъ лѣтъ въ заключеніи. Послѣ этого Іоаннъ ѣздилъ въ

Москву для совѣта съ митрополитомъ о духовныхъ дѣлахъ, чего, по замѣчанію лѣтописца, никогда не бывало съ владыками. Подъ конецъ описываемаго времени и въ Новгородѣ власть митрополита стала сильнѣе. Преемникъ Евфимія, единственнаго владыки, посвященнаго не въ Москвѣ, *Іона* былъ уже въ постоянной связи съ Москвою. Когда Василій Темный сталъ угрожать Новгороду серьезною опасностію, св. Іона, уже дряхлый старецъ, самъ ѣздилъ въ Москву хлопотать о своемъ городѣ и умолилъ в. князя пощадить новгородскую свободу, именемъ Божіимъ обѣщая за это свободу отъ Орды самой Москвѣ.

Церковныя отношенія Пскова къ Новгороду. Какъ Новгородъ стремился обособиться отъ Москвы, такъ его бывшій пригородъ Псковъ стремился отдѣлиться отъ него самого. Въ 1331 г., какъ мы видѣли, псковичи просили себѣ особаго епископа и получили отказъ. Послѣ этого они старались по крайней мѣрѣ, чтобы владыка назначалъ во Псковъ намѣстника изъ псковичей, а не изъ новгородцевъ, что и было утверждено особымъ договоромъ съ Новгородомъ въ 1348 г. Другой обычай, за соблюденіемъ котораго наблюдали псковичи, состоялъ въ томъ, что владыка имѣлъ во Псковѣ одинъ мѣсяцъ своего суда, для чего долженъ былъ пріѣзжать во Псковъ черезъ три года. И тотъ и другой обычай былъ предметомъ постоянныхъ ссоръ ихъ съ владыкой; замѣчали, въ свой ли подъѣздъ наѣзжалъ владыка, самъ ли собиралъ деньги съ поповъ, не больше ли мѣсяца жилъ и т. п. Не разъ владыки уѣзжали изъ Пскова, объявивъ свое неблагословеніе. Весьма часто помимо владыки псковичи по духовнымъ дѣламъ, даже для поставленія священниковъ, обращались прямо къ митрополиту. Митрополиты поощряли это, какъ в. князья поощряли такія же непосредственныя отношенія Пскова къ Москвѣ въ гражданскихъ дѣлахъ, находя въ этомъ средство къ развитію своей власти въ вѣчевыхъ городахъ.

Въ Новгородѣ земство развило свое вліяніе на владыку; въ Псковѣ его вліяніе простерлось на приходское духовенство, которое имѣло здѣсь такое же значеніе, какъ владыка въ Новгородѣ; во главѣ земскихъ дѣлъ стоялъ соборъ священниковъ. Вѣче присвоило себѣ право судить духовенство и распоряжаться церковными имуществами. М. Кипріанъ и Фотій писали во Псковъ грамоты, въ которыхъ обличали такой противоканоническій порядокъ. Земскій строй отразился

и на организаціи псковскаго духовенства; какъ и земство, оно раздѣлялось на общины,—купы, изъ которыхъ каждая, состоя изъ нѣсколькихъ приходовъ, была приписана къ одному изъ соборовъ и управлялась *старостою поповскимъ*. Какъ села тянули къ городу, такъ и сельскіе приходы тянули къ городскимъ соборнымъ купамъ.

Бѣлое духовенство Какъ организовано было бѣлое духовенство въ другихъ мѣстахъ, неизвѣстно. Въ Москвѣ, Новгородѣ, вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ при соборахъ были протопопы, которымъ давались разныя порученія относительно приходскихъ причтовъ. Въ отношеніи къ архіереямъ бѣлое духовенство было „тяглымъ“ классомъ, было обложено разными сборами и повинностями и вѣдалось архіерейскими десятинниками. Для облегченія отъ тяжести соборовъ и отъ притѣсненій десятинниковъ тяглые попы выпрашивали себѣ у архіереевъ и князей *жалованныя грамоты*, иногда даже силой отбивались отъ архіерейскихъ сборщиковъ, въ чемъ имъ помогали и прихожане Въ 1435 г. во Псковѣ духовенство вмѣстѣ съ народомъ сильно поколотили владычнихъ людей. Тоже случилось въ Вышгородѣ; горожане прибили и изувѣчили десятинника и людей м. Іоны. Поставленіе въ члены клира по выбору приходской общины было уже повсюдное; приходская же община пеклась и о содержаніи причта, давала ему *землю*, извѣстное количество *руги* и *соборовъ*. Нѣкоторыя, преимущественно соборныя, церкви были подъ покровительствомъ князей, которые давали имъ свои земли и ругу. Немногія только церкви, тоже преимущественно соборныя, имѣли у себя *вотчины*. Владимірскій соборъ 1274 г. постановилъ правила касательно поставленія во священство, запретилъ ставить поповъ за мзду, посылать ставленниковъ на жатву и сѣнокосъ для заработковъ, если имъ нечѣмъ было заплатить за поставленье, предписывалъ строгое испытаніе ихъ жизни и грамотности чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Исходя изъ простаго народа, плохо обезпеченное, едва грамотное, духовенство мало отличалось отъ своей паствы, страдало тѣми же пороками, какъ и простонародье. Поученія къ попамъ обличаютъ ихъ въ небреженіи къ святынѣ, въ пьянствѣ, мздоимствѣ и проч. М. Петръ и м. Фотій нашли нужнымъ запретить священнослуженіе всѣмъ *вдовымъ* попамъ и дьяконамъ особыми правилами.

Монашествующее духовенство находилось въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Съ XIV в. начинается у насъ лучшее время для монашества, когда оно въ полтора вѣка успѣло передвигнуть до 200 новыхъ обителей, выставило изъ своей среды цѣлый сонмъ высокихъ подвижниковъ и проявило необыкновенную общественную дѣятельность. Причинами такого сильнаго развитія монашеской жизни были съ одной стороны большее усвоеніе лучшимъ обществомъ христіанства, съ другой тяжкія обстоятельства времени, которыя естественно возбуждали въ народѣ набожность и заставляли прибѣгать за утѣшеніемъ къ религіи. Не нужно забывать и того, что монашество расширялось и строило свои новыя обители преимущественно въ лѣсахъ сѣвера, гдѣ въ это время господствующимъ явленіемъ была колонизація новыхъ земель; колонизація земская и колонизація монастырская развиваются совершенно параллельно. Мы видѣли, какъ послѣ монгольскаго погрома всѣ лучшія силы Руси отлили съ юга на сѣверъ; сюда же переносится и центръ монашества. Кіевская лавра была въ развалинахъ и стала поправляться только съ 1420-хъ годовъ. Ея прежнее значеніе наслѣдовала новая *обитель пр. Сергія*, который сталъ тѣмъ же для сѣвера, чѣмъ были Антоній и Ѳеодосій для юга.

Пр. Сергій, въ мірѣ Варѳоломей, былъ сынъ ростовскаго боярина *Кирилла*, при Калитѣ переселившагося изъ Ростова въ московскій городъ Радонежъ, родился въ 1313 г. По смерти родителей онъ отдалъ все имѣніе ихъ младшему брату, а самъ съ другимъ (старшимъ) братомъ *Стефаномъ* удалился въ пустыню верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ пр. Сергій всею душею предался пустыннымъ подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, искушенія отъ демоновъ. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи и храма поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Св. Сергій трудился на братію, какъ купленный рабъ, строилъ келліи, рубилъ дрова, мололъ жито въ жерновахъ, пекъ хлѣбы, шилъ одежды, носилъ воду, а ночь проводилъ безъ сна въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой. Въ 1354 г. братія почти силой заставили его

принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ пр. Ѳеодосія; таже строгость въ жизни, неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, обходъ братскихъ келлій, обличенія праздныхъ, тихія, кроткія рѣчи, растворенныя слезами братской любви и религіозной ревности Новая обитель была очень бѣдна; не доставало ладона и вина для богослуженія, въ церкви служили съ лучиной; книги писали на берестѣ; братія голодали по 2—3 дня безъ хлѣба; однажды для утоленія голода самъ игуменъ нанялся построить сѣни къ кельѣ одного брата за куски гнилаго, негоднаго къ употребленію хлѣба. П. Филоѳей, узнавъ о пр. Сергіѣ, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и м. Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно показалось тяжкимъ и возбудило такой ропотъ, что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на *Киржачъ*, гдѣ основалъ новый монастырь. Опъ воротился по повелѣнію м. Алексія и по просьбѣ всей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ открылись большіе безпорядки. Между тѣмъ средства обители значительно увеличились, такъ что она уже въ состояніи была совершать дѣла благотворительности. Возрасла и слава пр. Сергія. М. Алексѣй пользовался его совѣтами, хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Неразъ посѣщалъ обитель Димитрій Донской; преп. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Онъ ѣздилъ отъ в. князя и митрополита посломъ въ Нижній мирить суздальскихъ князей. Послѣ Куликовской битвы своими тихими рѣчами онъ склонилъ къ миру съ в. княземъ *Олега* рязанскаго. Уважаемый старецъ крестилъ дѣтей Донскаго и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Еще заживо прославляли въ Сергіѣ даръ чудесъ, его прозорливость и силу молитвы. Одинъ инокъ видѣлъ небесный огнь на престолѣ, на которомъ Сергій совершалъ литургію; другой видѣлъ сослужащаго съ нимъ ангела. Не задолго до кончины Сергій въ присутствіи своего ученика *Михея* былъ посѣщенъ Богоматерью, которая сказала ему: „не бойся, избранниче Мой! Молитва твоя о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя не отступна буду отъ обители твоей“. 25 сентября 1391 г. почилъ великій святой на 78 году своей жизни, предавъ послѣ себя игуменство ученику своему *Никону*. Вмѣстѣ съ Петромъ, Алексіемъ и Іоною онъ сталъ по смерти небеснымъ покровителемъ Москвы.

Значеніе Сергіевой лавры. Обитель св. Сергія сдѣлалась первой святыней Москвы и образцомъ для всѣхъ монастырей; при жизни Сергія и послѣ его кончины чрезъ его учениковъ она распространила отъ себя во всѣ стороны множество новыхъ обителей—своихъ колоній и цѣлою сѣтью ихъ охватила всю сѣверную Русь, стягивая ее къ одному центру—Москвѣ. Еще при жизни Сергія явилось нѣсколько монастырей, *Киржачскій* и *Голутвинъ*, основанные имъ самимъ, Симоновъ въ Москвѣ, основанный племянникомъ его *св. Ѳеодоромъ*, *Борисоглѣбскій* въ Ростовѣ, *Дубенскій*, основанный съ благословенія Сергія Димитріемъ Донскимъ въ память Куликовской битвы и друг. Вездѣ первыми игуменами были ученики Сергія. М. Алексій, строитель 5 монастырей (въ Москвѣ, Серпуховѣ, и Нижнемъ), для своихъ московскихъ монастырей, *Чудова* и *Андроникова*, выпросилъ игуменовъ тоже изъ учениковъ преподобнаго.

Монастыри Великороссіи. Съ половины XIV в., послѣ прославленія Сергіевой пустыни, особенно много является новыхъ монастырей по всѣмъ краямъ Великороссіи. Москва была опоясана цѣлой линіей ихъ, какъ духовной оградой. Усердными строителями ихъ были м. Алексій, Василій Дмитріевичъ и др. лица. Супруга Донскаго *Евфросинія* (въ мірѣ Евдокія) по смерти супруга основала въ Москвѣ монастырь Вознесенскій, въ которомъ сама постриглась и была погребена и который съ тѣхъ поръ сдѣлался постоянною усыпальницею московскихъ княгинь и царицъ. Въ Твери было основано 11 монастырей, въ Нижнемъ—4. Изъ Нижняго возсіялъ святостію извѣстный *Діонисій* суздальскій. Онъ подвизался здѣсь въ пещерѣ на берегу Волги, гдѣ и устроился потомъ *Печерскій* монастырь. Учениками его были пр. *Евѳимій суздальскій*, основатель *Спасо-Евѳиміева* монастыря, и *пр. Макарій Унженскій*, съ 12 лѣтъ подвизавшійся въ монастырѣ св Діонисія; послѣдній, желая подвиговъ уединенія, удалился на р. *Лухъ*, потомъ послѣ образованія здѣсь *Луховскаго* монастыря—на *Желтыя воды*, гдѣ тоже основалъ монастырь; въ 1439 г. попался въ плѣнъ къ татарамъ, а по возвращеніи изъ плѣна поселился на р. *Унжѣ* и основалъ монастырь *Унженскій*. Такъ отъ одного подвижника возникло три монастыря въ костромскихъ предѣлахъ. Другой костромской подвижникъ, ученикъ пр. Сергія, *Авраамій галичскій* († 1375) основалъ такимъ же образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, 4 монастыря. Въ

боровскомъ княжествѣ прославился пр. *Пафнутій боровскій*, подвизавшійся сначала въ *Высоцкомъ* монастырѣ ученика Сергія *Никиты*, потомъ основавшій (1444 г.) свой монастырь. Подъ его руководствомъ началъ свои подвиги знаменитый послѣ пр. *Іосифъ волоцкій*.

Монастыри въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Новгородѣ попрежнему являлось болѣе монастырей, чѣмъ гдѣ нибудь; ихъ строили владыки (напр. Моисей основалъ 5 монастырей), иноки и простые люди (1) Какъ много было ихъ около Новгорода, видно изъ того, что (въ 1386 г.) новгородцы, собираясь защищать свой городъ отъ Донскаго, сожгли кругомъ города 24 монастыря. Особенно извѣстны были по святости подвижниковъ монастыри: *Вишерскій*, основанный (1418 г.) пр. *Саввою вишерскимъ*, вѣликимъ подвижникомъ и столпникомъ, и *Клопскій*, прославленный подвигами *Михаила клопскаго* изъ рода князей московскихъ; онъ пришелъ въ монастырь никѣмъ незнаемымъ юродивымъ инокомъ и 44 года не оставлялъ тяжелаго подвига юродства. Въ часъ рожденія Іоанна III онъ предсказалъ паденіе новгородской вольности († 1452 г.).—Около Пскова возникло до 12 новыхъ обителей. Изъ нихъ замѣчателенъ монастырь пр. *Евфросина псковскаго*. Жизнь этого монастыря отличалась такою строгостію, трудами и длинными бдѣніями, что одинъ Новгородскій священникъ, приходившій въ обитель для повѣрки слуховъ о ея святости, послѣ отзывался объ игуменѣ съ братіею: „это желѣзный съ желѣзными“. Кончина святаго относится къ 1481 г.

Сѣверные монастыри. Свв. отшельники особенно любили подвизаться въ пустыняхъ сѣвера. Въ олонецкомъ краѣ въ XIII в. извѣстна каргопольская обитель *пр. Вассіана*.

---

(1) Составилось характеристичное для нравовъ времени сказаніе о построеніи (въ 1310 г.) *Шилова* монастыря. Посадникъ *Шилъ* на свое богатство, нажитое неправедно, построилъ монастырь. Владыка усомнился, угодно ли это будетъ Богу, и велѣлъ Шилу лечь во гробъ въ неосвященной еще церкви новаго монастыря, а священникамъ совершить надъ нимъ погребеніе заживо. Во время обряда гробъ со Шиломъ провалился и на мѣстѣ его открылась бездонная пропасть. Сынъ Шила, по совѣту владыки, сталъ служить сорокоусты по отцѣ, гробъ все поднимался выше и выше изъ пропасти съ каждымъ сорокоустомъ, наконецъ вышелъ совсѣмъ. Шила похоронили и монастырь освятили. Сказаніе это помѣщалось во всѣхъ древнихъ синодикахъ.

Недалеко отъ Каргополя въ концѣ XIII в. на горѣ Челмѣ поселился *пр. Кириллъ* и основалъ монастырь *Челмогорскій*. Въ теченіи 52 лѣтъ своей подвижнической жизни онъ просвѣтилъ христіанствомъ всю окрестную чудь. Въ 1329 г. на Ладожскомъ озерѣ на островѣ *Валаамъ* поселился старецъ *Сергій*, съ нимъ соединился другой инокъ пр. *Германъ*; трудами ихъ основался знаменитый *Валаамскій* монастырь, имѣвшій большое вліяніе на просвѣщеніе вѣрою окрестныхъ кореловъ. Въ концѣ XIV в. инокъ Валаамскаго монастыря *Арсеній* поселился на сосѣднемъ съ Валаамомъ островѣ *Коневскомъ*, гдѣ чудскіе язычники приносили коней въ жертву одному св. камню, крестилъ язычниковъ и основалъ *Коневскій* монастырь. На Онѣжскомъ озерѣ въ XIV в. *пр. Лазаремъ* основанъ монастырь *Мурманскій*. Дикіе лопари много притѣсняли святаго, но исцѣливши слѣпаго сына ихъ старшины, Лазарь пріобрѣлъ полное ихъ довѣріе и многихъ крестилъ. Онъ и его ученики были просвѣтителями лопарей по обѣимъ сторонамъ р. Онѣги. Просвѣтительною дѣятельностію извѣстенъ еще *Спасокаменный* монастырь на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, въ первый разъ открытый въ 1279 г. кн. *Глѣбомъ* бѣлозерскимъ, котораго занесла къ острову буря; доселѣ иноки, числомъ 23, безвѣстно подвизались въ проповѣди чудскимъ племенамъ, претерпѣвая отъ нихъ побои и гоненія. Изъ этого монастыря въ началѣ XV в. вышелъ на р. Глушицу пр. *Дионисій глушицкій*; переходя съ мѣста на мѣсто ради уединенія, онъ основалъ 6 монастырей въ вологодскихъ предѣлахъ. Дикіе вологодскіе лѣса привлекали къ себѣ отшельниковъ и изъ московскихъ предѣловъ Такъ въ концѣ XIV в. на р. *Нурмѣ* основалъ монастырь ученикъ Сергія — *Сергій нуромскій*. Другой ученикъ Сергія *Павелъ обнорскій* поселился въ дуплѣ стараго дерева въ Комельскомъ лѣсу, прожилъ тамъ 3 года одинъ, потомъ привлекъ къ себѣ учениковъ и основалъ другой монастырь на Нурмѣ († 1429) Въ концѣ XIV в. въ вологодскихъ лѣсахъ жилъ и еще другъ Сергія *Димитрій прилуцкій*, монастырь котораго въ окрестностяхъ Вологды былъ извѣстенъ своею благотворительностію. Въ 1389 г. въ бѣлозерской пустынѣ поселился симоновскій постриженникъ *пр. Кириллъ*. Отецъ иноковъ Сергій, посѣщая въ Симоновѣ монастырѣ племянника своего Ѳеодора, болѣе всѣхъ иноковъ отличалъ Кирилла. Послѣ Ѳеодора пр. Кириллъ сдѣлался симоновскимъ архимандритомъ. По

онъ скоро оставилъ богатый московскій монастырь ради пустыни и сдѣлался основателемъ *Кирилло-Бѣлозерскаго* монастыря, одного изъ знаменитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ монастырей древней Руси. Недалеко отъ него и въ одно время *пр. Ѳерапонтъ*, тоже симоновскій инокъ, основалъ *Ѳерапонтовъ* монастырь. Такъ развивалось въ сѣверныхъ пустыняхъ вліяніе Сергіевой лавры. Пустыннолюбивые иноки достигали даже до Бѣлаго моря. Въ концѣ описываемаго времени пр. *Савватій*, *Германъ* и *Зосима*, спасавшіеся на Соловецкомъ островѣ, положили основаніе знаменитой *Соловецкой* обители, имѣвшей огромное вліяніе на христіанское просвѣщеніе и гражданственность всего сѣвернаго края.

Устройство монастырей. Число братіи въ монастыряхъ было различно, въ однихъ было 100—300 братій, въ другихъ 6—2. Различны были и права ихъ; тогда какъ большая часть малыхъ монастырей были даже не самостоятельны, управлялись настоятелями большихъ, нѣкоторые большіе монастыри были напротивъ независимы даже отъ епархіальной власти; таковы: монастырь Симоновъ, считавшійся ставропигіей патріарха, монастыри, находившіеся подъ покровительствомъ князей, и монастыри митрополичьи по епархіямъ, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ ставропигій митрополита. Во всѣхъ такихъ монастыряхъ монастырская экономія, перемѣна властей, судъ надъ игуменомъ, иногда и надъ братіей подлежали вѣденію покровителей ихъ. М. Фотій въ одномъ посланіи къ новгородцамъ велитъ раздѣлять общіе монастыри, въ которыхъ жили вмѣстѣ чернецы и черницы; должно быть, такія странныя обители были; по крайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторые женскіе монастыри были управляемы игуменами или приписывались къ мужскимъ монастырямъ. Кромѣ общежительныхъ монастырей, было много скитскихъ обителей, гдѣ монахи имѣли каждый свое хозяйство, особо держали келейное правило и сходились вмѣстѣ только для богослуженія. Такова была большая часть небольшихъ сѣверныхъ монастырей, имѣвшихъ обыкновенно 2—10 братій —При устройствѣ общежитія монастыри руководствовались правилами соборовъ, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студита и др. Свѣденія о монастырскихъ правилахъ описываемаго времени можно получить изъ уставной грамоты св. Діонисія суздальскаго Снѣтогорскому (псковскому) монастырю, житія Кирилла бѣлозерскаго, гдѣ излагается содер-

жаніе устава, введеннаго въ монастырѣ этого святаго, изъ поученій и посланій объ иноческой жизни, между которыми замѣчательны посланія м. Фотія. Отреченіе отъ міра у нѣкоторыхъ подвижниковъ простиралось до того, что они разрывали самыя крѣпкія на Руси узы, узы родства, и не хотѣли даже видѣться съ посѣщавшими ихъ родными. *Пр. Савва* крыпецкій только послѣ усиленныхъ просьбъ сошелъ съ своего столба, чтобы благословить брата. Макарій унженскій черезъ 3 года послѣ бѣгства изъ родительскаго дома, будучи только 15 лѣтъ, не хотѣлъ видѣться съ своимъ отцемъ и согласился только высунуть ему изъ окна келліи руку, которую тотъ покрылъ поцѣлуями и слезами. Іосифъ волоцкій точно также отказывался отъ свиданія съ своею матерью.

Юродивые. Особеннаго рода подвигомъ является подвигъ *юродства*, которому предавались нѣкоторые подвижники въ монастыряхъ, напр. Михаилъ клопскій. Но преимущественно юродивые любили жить въ міру, въ большихъ городахъ, гдѣ имъ чаще приходилось терпѣть поруганія. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. въ Устюгѣ подвизался въ юродствѣ *св. Прокопій*, латинянинъ купецъ съ запада, въ Новгородѣ обратившійся къ православію. Изъ чудесъ, прославившихъ его еще при жизни, извѣстно, какъ онъ однажды спасъ Устюгъ молитвою отъ страшной каменной тучи. Въ XV в. въ Ростовѣ жилъ юродивый *Исидоръ Твердисловъ*, тоже латинскій купецъ съ запада. Въ Новгородѣ въ XIV в. жили юродивые *Николай* и *Ѳеодоръ*. Одинъ жилъ на софійской сторонѣ, другой на торговой; представляясь непримиримыми врагами, они постоянно стерегли другъ друга на волховскомъ мосту, не пуская другъ друга на свою сторону. Этимъ они пародировали новгородскія усобицы. Люди видѣли, какъ Николай бросалъ въ своего противника кочанами капусты, стоя на Волховѣ, какъ на сушѣ, и прозвали его Никола Кочановъ.

Недостатки монастырской жизни. Среди высокихъ подвиговъ, которыми отличалась жизнь монастырей, еще рѣзче, чѣмъ въ міру, выдавались слабости нѣкоторыхъ непризванныхъ иноковъ, которые шли въ монастыри, слѣдуя лишь общему влеченію къ монашеской жизни, или просто для матеріальнаго обезпеченія. Такіе иноки вносили въ монастыри духъ міра и часто разстраивали монастырскіе порядки. Святымъ игуменамъ приходилось прибѣгать къ

самымъ строгимъ мѣрамъ для поддержанія устава своихъ монастырей, къ наказаніямъ поклонами, сухоядѣніемъ, тюрьмою, даже побоями. По смерти св. игуменовъ ихъ уставы нерѣдко ослабѣвали в монастыряхъ; такъ было въ Симоновѣ монастырѣ послѣ св. Ѳеодора и св. Кирилла, въ Кирилловомъ монастырѣ по смерти св. Кирилла и его учениковъ *Иннокентія* и *Христофора*, въ Махрищскомъ—послѣ *св. Стефана*. Иноки старожилы возставали въ защиту старыхъ уставовъ противъ самихъ настоятелей и за свои обличенія много терпѣли отъ послѣднихъ. Въ житіи пр. Варлаама Хутынскаго разсказывается, какъ святой и послѣ своей смерти ревновалъ по своемъ уставѣ, являясь безпечнымъ игуменамъ и казначеямъ въ видѣніи и наказывая ихъ своимъ настоятельскимъ жезломъ. Нарушеніе стараго устава большею частію бывало тогда, когда въ монастырѣ являлся игуменъ изъ чужаго монастыря; отъ того на игуменскія вакансіи монастыри старались выбирать своихъ же иноковъ.—Развившееся у монаховъ стремленіе къ отшельничеству тоже иногда вело къ безпорядкамъ, оставленію монастыря безъ благословенія игумена и шатанію изъ одного монастыря въ другой. М. Кипріанъ въ посланіи къ игумену Высоцкаго монастыря *Аѳанасію* не велѣлъ такихъ монаховъ допускать до св. причастія. Вотчинныя владѣнія втягивали иноковъ въ мірскія попеченія о хозяйствѣ, судѣ и управѣ надъ крестьянами, въ тяжбы съ сосѣдями и проч. Въ описываемое время уже возникалъ вопросъ о томъ, нужно ли монастырямъ владѣть селами. Въ посланіи къ игум. Аѳанасію м. Кипріанъ говоритъ, что отцами не предано владѣть инокамъ селами, отрекшись отъ міра, снова связывать себя мірскими дѣлами, и совѣтуетъ жертвуемое въ монастырь село брать, но для управленія отдавать его какому нибудь богобоязненному мірянину, который бы доставлялъ инокамъ все готовое припасами.

Монастырскія вотчины, не смотря на такія частныя мнѣнія немногихъ лицъ, быстро увеличивались чрезъ покупку, пожертвованія и главнымъ образомъ чрезъ заселеніе монастырями пустыхъ мѣстъ. Жалованныя грамоты снабжали ихъ разными льготами. Крестьяне ихъ освобождались отъ княжеской дани, яма, мыта, тамги, городоваго дѣла, строенія княжаго двора, кормленія княжихъ коней, княжаго сѣнокоса и другихъ пошлинъ,—всѣхъ или нѣкоторыхъ, и притомъ безсрочно, или на извѣстный срокъ.

отъ 2 до 10 лѣтъ. Служилые люди князя къ монастырскимъ крестьянамъ не въѣзжали, сборовъ своихъ съ нихъ не брали и не судили ихъ; судилъ игуменъ съ братіею, и притомъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы, а по нѣкоторымъ грамотамъ и безъ этого исключенія. Въ случаѣ смѣснаго суда игуменъ судилъ съ княжимъ судьей вмѣстѣ.—Богатство монастырскихъ вотчинъ, меньшее тягло, льготы, заступленіе сильныхъ монастырскихъ властей привлекали на монастырскія земли густое населеніе. Но это стремленіе тяглаго люда селиться въ монастырскихъ вотчинахъ уже и тогда начало задѣвать интересы княжеской казны. Въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ дозволялось перезывать къ себѣ крестьянъ только изъ чужихъ княжествъ, а не съ тяглыхъ земель князя, дающаго грамоту.

Общественное значеніе монастырей. Расширеніе самихъ вотчинъ монастырскихъ даже поощрялось правительствомъ, потому что оно происходило главнымъ образомъ чрезъ *заселеніе монастырями пустынныхъ пространствъ*, которое было очень важнымъ интересомъ этого времени. Придетъ инокъ въ дикую пустыню, гдѣ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ никто еще не смѣлъ селиться, выкопаетъ землянку или поселится въ дуплѣ стараго дерева, „яко вранъ на нырищи, по сравненію житій, или птица, особящался на здѣ“, и мало по малу его жилище сдѣлается починкомъ большой монастырской колоніи. Онъ первый побѣдитъ дѣвственную природу своимъ трудомъ, а пустынные страхи своею святою молитвою, и пустыня послѣ этого привлечетъ къ себѣ густое народонаселеніе, станетъ градомъ обительнымъ. Около монастырей колонизовались такимъ образомъ цѣлыя волости и даже города, наприм. Устюгъ около Гледенскаго монастыря, Ветлуга—около Варнавинскаго, Кашинъ — около Колязинскаго и т. д.—Весьма много населенія привлекала на монастырскія земли *благотворительность* монастырей, которая снабжала крестьянина всѣмъ нужнымъ и во всемъ ему помогала. Въ голодные годы монастыри кормили изъ своихъ житницъ цѣлыя сотни обнищавшаго люда. Въ одинъ голодный годъ Кирилловъ монастырь кормилъ ежедневно 600 нищихъ. Около обителей были устроены богадѣльни, больницы и гостинницы.

Просвѣтительная дѣятельность монастырей давала имъ еще болѣе важное общественное значеніе. Вступая въ монастырь, человѣкъ чувствовалъ себя въ особомъ мірѣ,

мірѣ книжномъ, гдѣ почитаніе книжное было спеціальностью и вмѣстѣ подвигомъ, гдѣ всѣ говорили отъ Писанія, и на трапезѣ и въ церкви и въ кельяхъ предлагались благочестивыя чтенія, гдѣ наконецъ въ обширныхъ размѣрахъ производилась переписка всякаго рода книгъ. Кто хотѣлъ учиться, могъ найти въ монастырѣ и лучшихъ учителей и богатую библіотеку. Всѣ замѣчательные дѣятели на поприщѣ письменности и народнаго учительства были воспитанники монастырей. Въ монастыри шли и князья и простые люди для духовной бесѣды, для утвержденія въ благочестіи. Кромѣ устныхъ наставленій, оттуда выходили учительныя посланія къ разнымъ лицамъ, которыя передавались изъ рукъ въ руки и распространялись во множествѣ списковъ. Вліяніе монастырей на народную нравственность всего яснѣе видно изъ того аскетическаго оттѣнка, который замѣчается во всѣхъ проявленіяхъ древняго благочестія. Наконецъ монастыри распространяли, какъ мы видѣли, свѣтъ истинной вѣры среди инородцевъ сѣвера.

Распространеніе христіанства.

Св. Стефанъ пермскій. Къ именамъ Арсенія коневскаго, Кирилла челмогорскаго, Лазаря, иноковъ Валаамскаго и Каменскаго монастырей въ исторіи христіанской миссіи нужно присоединить славное имя *св. Стефана пермскаго*, просвѣтителя пермскаго края. Онъ былъ сынъ соборнаго причетника въ Устюгѣ, рано выучился грамотѣ и получилъ страсть къ книжному ученью. Чтобы удовлетворить ей, онъ вступилъ (въ 1365 г.) въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, гдѣ было много книгъ. Давно уже у него возникла мысль сдѣлаться апостоломъ дикихъ *зырянъ* Перми, съ языкомъ и жизнію которыхъ онъ хорошо былъ знакомъ еще на своей родинѣ. Въ теченіи 13 лѣтъ своей монастырской жизни онъ постоянно готовился къ замышленному подвигу, изучалъ греческій языкъ для перевода св. книгъ на зырянскій языкъ, составилъ зырянскую азбуку и переводилъ позырянски наиболѣе нужныя библейскія и богослужебныя книги. Приготовивъ себя такимъ образомъ и посвященный въ санъ іеромонаха, онъ отправился къ зырянамъ. Мѣстомъ своей дѣятельности онъ выбралъ селеніе при устьѣ *Выми*, гдѣ устроилъ небольшую церковь. Отсюда онъ ѣздилъ во всѣ стороны для пропо-

ѣди св. вѣры, всюду разрушалъ и жегъ капища и идоловъ. Язычники съ удивленіемъ замѣчали, что онъ ничего не бралъ себѣ изъ богатыхъ приношеній, которыя находились на ихъ свящ. мѣстахъ, невольно признавали его превосходство предъ своими жрецами и крестились. Успѣхи св. Стефана встревожили языческихъ кудесниковъ. Они возмущали противъ него народъ, пользуясь при этомъ мѣстною ненавистью къ Москвѣ. „Что, говорили они, слушать пришельца изъ Москвы, которая насъ угнетаетъ податями?“ Св. Стефанъ вступалъ съ ними въ споры и побѣдою надъ ними привлекалъ къ церкви новыхъ чадъ. Особенно важна была для успѣховъ вѣры его побѣда надъ главнымъ волхвомъ *Памою*, который пользовался большимъ авторитетомъ даже между крещеными. Знаменитый кудесникъ самъ вызвался пройти вмѣстѣ съ Стефаномъ сквозь огонь и воду, покрытую льдомъ, чтобы испытать, чья вѣра сильнѣе, думая, что Стефанъ не согласится на это. Но когда сверхъ чаянія его святой согласился, онъ самъ отказался отъ этого испытанія Огромная толпа, собравшаяся смотрѣть на чудо, едва не растерзала *Паму* и за тѣмъ перешла на сторону Стефана. Успѣхи Стефана весьма много зависѣли отъ того, что онъ обращался къ зырянамъ на ихъ родномъ языкѣ, на немъ же совершалъ богослуженіе для новообращенныхъ. Онъ и теперь неутомимо продолжалъ свой зырянскій переводъ церковныхъ книгъ и трудился въ ихъ перепискѣ; кромѣ того училъ зырянъ грамотѣ по своей азбукѣ, для чего устроивалъ при церквахъ школы. Изъ лучшихъ учениковъ, годныхъ на священническія мѣста, онъ посылалъ въ сосѣднія епархіи для поставленія къ зырянскимъ церквамъ, а въ 1383 году ѣздилъ въ Москву ходатайствовать о поставленіи уже особаго епископа для Перми. М. Пименъ посвятилъ въ епископы его самого. Съ основаніемъ епархіи (въ Усть-Выми) пермская страна стала удобно получать священниковъ изъ природныхъ зырянъ и дѣло просвѣщенія пошло успѣшнѣе. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для привлеченія зырянъ къ вѣрѣ была благотворительная дѣятельность св. Стефана. Въ голодные годы онъ привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга, раздавалъ его бѣдному народу, дѣлалъ большія ссуды и милостыни изъ архіерейской казны, испрашивалъ у в. князя прощеніе недоимокъ. Въ 1386 г. онъ ѣздилъ въ Новгородъ съ просьбой, чтобы вѣче обуздало грабежи новгородской

вольницы по Вычегдѣ, и получилъ отъ вѣча даже вознагражденіе за убытки; потомъ ѣздилъ въ Москву просить в. князя объ обузданіи насилій и поборовъ княжескихъ чиновниковъ; онъ и умеръ въ Москвѣ во время поѣздки туда въ 1396 году. Въ 18 лѣтъ своего апостольства св. Стефанъ обратилъ къ христіанству всю малую Пермь по Вычегдѣ и Выми; великая Пермь оставалась еще въ язычествѣ. Преемники Стефана *Исаакъ* и *Герасимъ* старались и ее обратить ко Христу. Въ 1442 г. Герасимъ претерпѣлъ даже мученическую смерть отъ одного вогула, который задавилъ его омофоромъ. Послѣ него въ 1455 г. погибъ и другой пермскій епископъ *Питиримъ* въ плѣну у вогуловъ. Св. вѣра начала распространяться у вогуловъ уже при преемникѣ Питирима *Іонѣ*, который въ 1462 году крестилъ самого князя пермскаго и множество народа.

Христіанство у татаръ. На сѣверо-востокъ былъ большой просторъ для распространенія русской гражданственности и св. вѣры; внизъ по Волгѣ и на юго-востокѣ русское вліяніе было стѣснено Ордой. Но тяготѣя надъ Россіей своей матеріальной силой, Орда сама подпала нравственному христіанскому вліянію покоренной страны, хотя и весьма слабому. Въ 1301 году сарайскій епископъ *Θеогностъ* на константинопольскомъ соборѣ предлагалъ вопросы о татарахъ, желавшихъ креститься. Извѣстны самые случаи обращенія татаръ даже изъ ханскаго рода. Племянникъ хана *Берге*, тронутый рѣчами ростовскаго епископа *Кирилла*, бывшаго въ Ордѣ, тайно отъ родныхъ уѣхалъ въ Ростовъ, крестился и названъ *Петромъ*. Памятникомъ его благочестія остался въ Ростовѣ монастырь во имя Петра и Павла. Онъ умеръ около 1290 г., принявши постриженіе. Крестились и другіе знатные татары, мурза *Четъ*, построившій при Калитѣ костромской *Ипатьевскій* монастырь, родоначальникъ Годуновыхъ; внукъ Мамая *Олекса* въ Кіевѣ при Витовтѣ, родоначальникъ Глинскихъ, и многіе другіе. Родственницы хановъ, выходя за мужъ за князей, тоже всегда принимали христіанство. Особенно много крестилось татаръ при св. Алексіѣ. Чаще всего крестились татары, поступавшіе на службу в. князя.

Христіанство на сѣверо-западѣ. Александръ Невскій. На сѣверо-западной окраинѣ Руси шла прежняя борьба между католической и православной миссіей среди финляндскаго народонаселенія. Изъ Швеціи и Лифляндіи про-

тивъ русскихъ поднимались цѣлые крестовые походы. Шведскій владѣтель *Биргеръ*, возбужденный посланіями папы, отправился крестовымъ походомъ на Россію обращать православныхъ въ католичество. На Невѣ въ 1240 г. встрѣтилъ шведовъ новгородскій князь *Александръ Невскій* и нанесъ имъ страшное пораженіе Эта религіозная борьба ознаменовалась чудесами. Одинъ ижорянинъ *Пелгуй* передъ началомъ битвы видѣлъ ночью свв. Бориса и Глѣба, плывшихъ въ лодкѣ по Невѣ. „Поможемъ родичу нашему Александру", говорили они другъ другу. — Въ тоже время ливонскій орденъ нападалъ на Изборскъ и Псковъ. Его военная пропаганда латинства была надолго остановлена тѣмъ же Александромъ послѣ страшнаго пораженія „нѣмцевъ въ *Ледовомъ* побоищѣ на льду Чудскаго озера (1242 г.). Послѣ этихъ подвиговъ невскаго героя папа завязалъ съ нимъ мирныя сношенія и въ 1248 г. прислалъ къ нему двоихъ легатовъ съ увѣщаніемъ покориться римской церкви. Невскій отпустилъ легатовъ съ рѣшительнымъ отказомъ.

Св. Довмонтъ. Въ 1265 году пришелъ во Псковъ другой св. князь, герой и защитникъ православія, литовецъ *Довмонтъ*, бѣжавшій изъ Литвы отъ мщенія родичей убитаго имъ кн. *Миндовга*. Сдѣлавшись псковскимъ княземъ, онъ прославился защитою псковскихъ земель отъ Литвы и ливонцевъ, которые снова принялись за распространеніе латинства вооруженною силою. Въ 1268 г. онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ русскихъ князей противъ нѣмцевъ и датчанъ; въ слѣдующемъ году спасъ отъ нѣмцевъ самый Псковъ. Послѣ своей смерти онъ сталъ небеснымъ покровителемъ Пскова вмѣстѣ съ св. Всеволодомъ.—Не смотря на подвиги Невскаго и Довмонта, владычество ордена твердо укрѣпилось на балтійскомъ поморьѣ; ливы, латыши и чудь были обращены имъ въ католичество и слабые начатки православія вытѣснены были изъ всего края.

Борьба съ шведами. Между тѣмъ въ Швеціи отъ времени до времени являлись папскія буллы, подвигавшія шведовъ къ религіозной войнѣ съ Россіей. Недовольствуясь одними набѣгами на новгородскія земли, шведы выдвинули къ русскимъ границамъ свои колоніи—Тавастгусъ, Кексгольмъ и Выборгъ. Новгородцы съ своей стороны на устьѣ Невы построили Орѣшекъ. Орѣховскій миръ съ шведами 1323 года сопровождался уступкою Швеціи части корельской зем-

ли, гдѣ были исповѣдники православія еще съ 1227 года. Едва прошло 20 лѣтъ послѣ Орѣховскаго мира, какъ въ 1347 году шведскій король *Магнусъ* открылъ большой религіозный походъ на новгородскія земли. Предварительно онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, прося назначить мѣсто и время для пренія о вѣрѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ приняли ту вѣру, которая одержитъ верхъ. Владыка *Василій* добродушно отвѣчалъ, что новгородцамъ нечего спорить о вѣрѣ, приняли они ее отъ грековъ, а потому, если король желаетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ съ этимъ пословъ къ патріарху. Послѣ этого король опустошилъ всю корельскую и ижорскую землю и повсюду крестилъ народъ въ латинство. Но по удаленіи его въ Швецію, завоеванныя мѣста снова отложились отъ шведовъ, а жители возвратились въ православіе.

Борьба съ католичествомъ на юго-западѣ. Тотъ же папа Иннокентій IV, который сносился съ Невскимъ, завязалъ сношенія съ другимъ знаменитымъ княземъ *Даніиломъ Романовичемъ* галицко-волынскимъ. Тяготясь татарскимъ владычествомъ болѣе всѣхъ русскихъ князей, Даніилъ посылалъ къ папѣ пословъ съ обѣщаніемъ соединиться съ римской церковію, если папа будетъ помогать ему противъ татаръ. Буллы одна за другой посыпались въ Галичъ. Папа разрѣшалъ соблюдать греческіе обряды, оставлялъ квасный хлѣбъ въ евхаристіи, обѣщалъ проповѣдниковъ и епископа, далъ Даніилу право отнимать земли у князей, не исповѣдующихъ латинства, далъ королевскій вѣнецъ, но помощи не далъ; на проповѣдь его о крестовомъ походѣ противъ татаръ никто не откликнулся въ Европѣ, и Даніилъ прекратилъ всѣ сношенія съ Римомъ.—Православіе осталось господствующимъ на юго-западѣ до самаго пресѣченія рода галицкихъ князей. Съ 1340 года въ Галиціи водворилось польское владычество, а Волынь соединилась съ Литвой. У православныхъ жителей Галиціи католики стали отнимать церкви и обращать въ костелы. Съ 1376 года латинство уже имѣло въ Галиціи митрополію и 4 епископіи. Потомъ пришли сюда братья доминиканы и завели (1381 г.) свою инквизицію.

Православіе въ Литвѣ. Въ Литву христіанство переходило изъ Россіи и изъ сосѣднихъ католическихъ странъ—Польши и Ливоніи, а потому и здѣсь съ самаго же начала видимъ борьбу православія съ католичествомъ. Въ 1246 г.

принялъ православіе кн. *Миндовгъ*, но только наружно и съ корыстною цѣлію сблизиться чрезъ то съ русскими князьями для борьбы съ ливонскимъ орденомъ. Потомъ онъ также легко принялъ католичество, чтобы помириться съ рыцарями. Папа далъ ему королевскій титулъ. Но, обманувъ и папу и рыцарей, онъ продолжалъ приносить жертвы старымъ литовскимъ божествамъ. У него былъ жестокій сынъ *Воишелгъ*, каждый день убивавшій по 3—4 человѣка; и онъ тоже принялъ православіе, даже постригся въ монахи. Убіеніе его отца снова обнаружило его кровожадные инстинкты, пробудивъ въ немъ языческую жажду мести. Сбросивъ съ себя монашескую рясу, онъ объявилъ себя княземъ Литвы и перебилъ множество своихъ враговъ. Насытившись местью, онъ отдалъ всѣ свои владѣнія сыну Даніила галицкаго—*Шварну* и опять ушелъ въ монастырь. Правленіе его однако было очень полезно для православія въ Литвѣ, потому что для просвѣщенія своей страны онъ нарочно вызывалъ священниковъ изъ Новгорода и Пскова. Большинство литовскихъ князей уже исповѣдывало православіе.

Основатель единаго литовскаго княжества *Гедиминъ* (1315—1315) былъ язычникъ, но, не желая раздражать многочисленныхъ православныхъ жителей подвластныхъ ему русскихъ княжествъ, оказывалъ полную терпимость къ православію, дозволялъ своимъ сыновьямъ принимать крещеніе, дочерей своихъ повыдалъ за русскихъ князей и самъ вторымъ и третьимъ бракомъ былъ женатъ на русскихъ княжнахъ.—Сынъ его *Ольгердъ* послѣ вступленія своего на престолъ вздумалъ было опереться на языческую партію, по настоянію жрецовъ даже замучилъ за православіе троихъ своихъ придворныхъ—*Антонія*, *Іоанна* и *Евстафія*, но сами литовцы оказали этимъ мученикамъ такое сочувствіе и въ такомъ множествѣ стали обращаться въ христіанство, что Ольгердъ скоро оставилъ свою языческую ревность и по примѣру отца сталъ покровительствовать православнымъ. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ (витебской и тверской), позволилъ крестить въ православіе 12 своихъ сыновей, а подъ конецъ жизни и самъ сдѣлался православнымъ.—Католическое вліяніе тоже проникало въ Литву, но при постоянныхъ связяхъ Литвы съ русскими не могло осилить вліянія православнаго; притомъ же оно имѣло тогда очень дурныхъ представителей въ сосѣднихъ орденахъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей,

которые проявляли свою католическую ревность потоками крови и были крайне ненавидимы по всей Литвѣ.

Успѣхи католичества при Ягелло. Обстоятельства измѣнились при преемникѣ Ольгерда *Ягелло*. Послѣ его брака съ польской королевой *Ядвигой* послѣдовало вредное для православія соединеніе Литвы съ католической Польшей. Ягелло принялъ въ Польшѣ (1386 г.) католичество и обязался ввести его и между литовцами. Онъ воротился въ Литву съ ксендзами и началъ насильно крестить язычниковъ. Погасили древній огонь Перкуна въ виленскомъ замкѣ, разрушили свящ. башни, истребили свящ. рощи и свящ. змѣй, разогнали вайделотовъ и вайделотокъ. При этомъ къ католичеству принуждали и тѣхъ литвиновъ, которые были уже православными. Католичество приняли братья Ягелло и нѣсколько литовскихъ князей. Двое православныхъ литовскихъ вельможъ за отказъ послѣдовать примѣру в. князя были казнены. Латинская пропаганда коснулась и русскихъ областей, соединенныхъ съ Литвою. Всѣ православные были объявлены лишенными права гербовъ, шляхетства и чиновной службы. Русскіе и литовцы сильно вознегодовали на Ягелло, который притомъ же совсѣмъ отдался полякамъ и жилъ даже не въ Литвѣ, а въ Польшѣ. Соединившись вмѣстѣ, они провозгласили своимъ княземъ его двоюроднаго брата *Витовта*. Витовтъ тоже былъ католикъ, но онъ лучше брата понималъ, какъ неумѣстно въ Литвѣ заявлять свою преданность папѣ насиліемъ, и отличался терпимостію. Католичество все-таки было объявлено господствующею религіей во всемъ княжествѣ; въ Вильнѣ и Кіевѣ учреждены латинскія епископіи Многіе изъ православныхъ ради житейскихъ выгодъ стали переходить въ католичество. — Преемникъ Витовта *Свитригайло* явился ревнителемъ православія, выгналъ латинскихъ монаховъ, ксендзовъ и бискуповъ и пережегъ костелы по Литвѣ. Но когда поляки посадили на его мѣсто *Сигизмунда*, ревностнаго католика, православіе дорого поплатилось за свое короткое торжество; большая часть его церквей была разорена. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала флорентійская унія. Католическая церковь, видя невозможность распространить въ западной Россіи и Литвѣ чистое латинство, ухватилась теперь за эту унію.

Церковная обрядность.

Прав. храмы. Тяжкія бѣдствія русской земли сопровождались сильнымъ возбужденіемъ народнаго благочестія. Оно прежде всего выразилось строеніемъ множества церквей и монастырей. Особенно много строилось церквей во время голода, мора и др. народныхъ бѣдствій; это такъ называемыя церкви *обѣтныя* и *обыденныя*, которыя строились по обѣту и обыкновенно въ одинъ день, и тутъ же освящались. Сговорившись на сходѣ, жители города или селенія шли въ лѣсъ, рубили бревна, свозили, а иногда изъ усердія сами сносили ихъ на мѣсто и всѣмъ міромъ выстраивали церковь во имя дневнаго святаго; если бѣдствіе не прекращалось, точно также въ одинъ день строили другую церковь. Во всѣхъ городахъ церквей было даже больше, чѣмъ слѣдовало, такъ что ихъ нечѣмъ было содержать. Особенно большимъ количествомъ церквей и богатымъ украшеніемъ ихъ отличались Новгородъ и Псковъ, а подъ конецъ описываемаго времени Москва. Лучшіе русскіе мастера для строенія и украшенія церквей тоже были въ Новгородѣ и Псковѣ; удобнѣе всего было достать здѣсь и нѣмецкихъ мастеровъ.

Сохранилось вполнѣ прежнее *общественное значеніе храмовъ*. Какъ Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ—св. Троицы и т. д., такъ и сама Москва съ своимъ домомъ Богородицы—Успенскимъ соборомъ—была землею Богородицы; пограничная съ Литвой рѣчка Угра называлась поясомъ Богородицы. Встрѣчаемъ обычное въ удѣльномъ бытѣ неуваженіе къ чужимъ храмамъ. Въ 1393 и 1398 годахъ новгородцы брали Устюгъ и оба раза грабили его соборъ. Михаилъ тверской разграбилъ церкви и монастыри въ Торжкѣ, тоже сдѣлалъ Василій Темный въ Галичѣ Находимъ ясныя указанія относительно важнаго значенія храма для приходской общины. Одно изъ выразительнѣйшихъ проявленій приходской жизни—*братчина*—составляла повсемѣстное явленіе. Грамоты князей давали братчинамъ разныя льготы и права—варить на праздникъ свое пиво и медъ, безпенно для общины высылать незванныхъ гостей—волостелей, доводчиковъ, и др. чиновниковъ, наконецъ самимъ разбирать произшедшія на братскомъ пиру ссоры; братчина судила, какъ судья, и передавала княжескому суду только дѣла уголовныя и такія, которыхъ не

могла разбирать сама. Въ такомъ видѣ временной, праздничной сходки братчина является и послѣ до XVII в. по всей Великороссіи. Въ западной Россіи она развилась до формы постояннаго союза, превращалась въ постоянное *братство*. Магдебургское право городовъ и ихъ цѣховое устройство въ связи съ обычнымъ патронатомъ общинъ надъ церквами были главными элементами, изъ которыхъ организовались юго-западныя братства. Раньше другихъ становятся извѣстными братства во *Львовѣ* (1439 г.) и въ *Вильнѣ* (1458 г.).

Св. иконы. Украшая храмы, любили расписывать ихъ иконами. Писаніе иконъ считалось неприличнымъ поручать нѣмцамъ, оно производилось или греческими или русскими мастерами. На иконописное художество былъ большой запросъ, а потому иконописцевъ было много; они соединялись въ артели или дружины подъ управленіемъ старостъ; были особыя дружины в. князя и митрополита, состоявшія на ихъ содержаніи. Лучшими иконописцами въ XV в. были *Ѳеофанъ* грекъ, *Даніилъ* и *Андрей Рублевъ*. Иконописаніемъ занимались нѣкоторые изъ замѣчательныхъ духовныхъ лицъ, наприм. *Діонисій глушицкій*, *св. Петръ* митрополитъ, новгородскій владыка *Василій* и др.

Вѣра въ *чудотворную* силу нѣкоторыхъ св. иконъ находила себѣ неоднократное оправданіе въ жизни. Во время Куликовской битвы прославилась *Донская* икона Богоматери, находившаяся въ войскѣ в. князя; послѣ битвы плѣнные татары объясняли свое пораженіе видѣніемъ молніеноснаго полка, который шелъ на войско Мамая подъ водительствомъ грозной небесной Воительницы. Въ новый стольный городъ в. князя изъ Владиміра перенесена икона *Владимірской* Богоматери Во время нашествія *Тамерлана* (1395 г.) ее торжественно встрѣтили въ Москвѣ и поставили въ Успенскомъ соборѣ. Въ самый день и часъ ея встрѣчи Тамерланъ бѣжалъ изъ Россіи, устрашенный видѣніемъ грозной свѣтоносной Жены.—Въ разныхъ мѣстахъ явились новыя чудотворныя иконы. въ XIII в. *Ѳеодоровская* въ Ярославлѣ, *Шутивльская*. *Устюжская*, *Муромская*, *Курская-Коренная*, въ XIV в. *Тихвинская*, *Толгская* и др. Большею частію чудотворныя иконы попрежнему чтились только мѣстно. Въ 1398 г. новгородцы разграбили Устюгъ и похитили икону *Одигитріи*—мѣстную святыню города. За это они были наказаны тяжкою болѣзнью. Владыка велѣлъ

имъ воротить святыню на мѣсто; они послушались и исцѣлѣли. Перенесеніемъ Владимірской иконы въ Москву началось важное дѣло собиранія мѣстныхъ святынь въ одно центральное мѣсто; въ Москвѣ эти святыни должны были потомъ получить общерусское значеніе.

Чествованіе святыхъ. Кромѣ явленія чудотворныхъ иконъ русское благочестіе утѣшалось открытіемъ мощей русскихъ угодниковъ — святителя Петра, св. Александра Невскаго, пр. Сергія и др. святыхъ. И святые тоже большею частію чтились мѣстно, наприм. Георгій II владимірскій, Василько ростовскій, Михаилъ черниговскій. Довмонтъ псковскій, Михаилъ тверской и др. Въ Новгородѣ въ послѣднее время его самостоятельности видимъ какое-то соревнованіе святынями съ Москвой. Послѣдніе владыки старались собрать и увѣковѣчить въ письмени все, что было славнаго въ его старинѣ. Владыка *Евфимій* (1430—1458) открылъ мощи владыки Іоанна, послужившаго чуду Знаменія Богородицы, и Варлаама хутынскаго, святыхъ наиболѣе славныхъ въ новгородскихъ преданіяхъ, и установилъ 4 октября память всѣхъ князей и владыкъ, положенныхъ во св. Софіи. Преемникъ его *Іона* заставилъ славнаго тогда ритора *Пахомія серба* писать житія новгородскихъ святыхъ и не щадилъ для него ни даровъ, ни почестей. Замѣчательно, что только въ послѣднее время при этомъ Іонѣ Новгородъ сталъ почитать великаго покровителя Москвы пр Сергія и создалъ въ честь его первый храмъ. Въ Москвѣ новгородскихъ святыхъ не чтили долго спустя и послѣ этого. „Каждая страна, по словамъ житія св. Прокопія устюжскаго, своихъ святыхъ блажила. Новгородъ славитъ архіепископовъ своихъ Іоанна, Евфимія, Никиту, Іону и препод. Варлаама, Савву и Михаила клопскаго; Псковъ блажитъ Всеволода, Авраамія и Савву; Москва величаетъ Петра, Алексія и Іону; Ростовъ блажитъ Леонтія, Исаію и Игнатія, пр. Авраамія и Исидора; Вологда блажитъ Димитрія, Корнилія, Павла и Сергія на Нурмѣ. Мы же тебя, Прокопіе, имѣемъ стражемъ и заступникомъ граду Устюгу“. Въ „Плачѣ земли пермской“ (при житіи св. Стефана) можно видѣть, какъ сильно чувствовала земля потерю мощей своего святаго: „если бы гробъ твой находился въ землѣ нашей, какъ къ живому мы приходили бы къ тебѣ... За что обидѣла насъ Москва? Она имѣетъ у

себя и митрополитовъ и святителей; а у насъ былъ одинъ епископъ, - и того къ себѣ взяла".

Въ честь новоявленныхъ иконъ и святыхъ установлялись *новые праздники*. Праздновали также дни особенныхъ благодѣяній Божіихъ, напр. день срѣтенія Владимірской иконы и бѣгства Тамерлана (26 авг.). Послѣ Куликовской битвы установлена (предъ 26 октября) *Димитріевская* суббота для поминовенія павшихъ за православіе воиновъ. Составлялись и новыя службы, напр. святителю Петру—*Прохоромъ* епископомъ ростовскимъ, св. Алексію—*Питиримомъ* пермскимъ, тропари и кондаки Сергію Радонежскому и Михаилу черниговскому. Особенность русскихъ службъ этого времени составляютъ молитвы объ избавленіи отъ агарянъ.

Богослужебныя книги существовали уже въ полномъ составѣ. Всякаго чина люди, особенно духовные, усердно занимались ихъ перепиской. Много писали ихъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ русскіе путешественники и русскіе иноки, подвизавшіеся въ тамошнихъ монастыряхъ. Все таки ихъ оказывалось очень мало; многія церкви не могли покупать ихъ по ихъ необычайной дороговизнѣ. Весьма вреднымъ явленіемъ въ исторіи богослужебныхъ книгъ была порча ихъ вслѣдствіе невѣжества и небрежности переписчиковъ. Ошибки явились даже въ спискахъ самыхъ употребительныхъ книгъ, Евангелія, Апостола, Псалтири. Св. Алексій почелъ нужнымъ самъ переводить и исправлять съ греческаго текста весь Новый Завѣтъ. М. Кипріанъ нашелъ въ богослуженіи большія неисправности. Изъ Пскова ему писали, что тамъ во всемъ городѣ не было церковнаго Устава: онъ послалъ туда уставъ службы Іоанна Златоуста и Василія великаго, чины крещенія, вѣнчанія, освященія воды и послѣдованіе въ недѣлю Православія. Митрополитъ заботился объ исправленіи книгъ; но, исправляя нѣкоторыя разности и ошибки, вводилъ вмѣсто нихъ не мало новыхъ, бывшихъ слѣдствіемъ сербскихъ особенностей его рѣчи. Послѣ него объ исправленіи богослуженія заботился м. Фотій. Изъ посланій его во Псковъ узнаемъ, что псковское духовенство не знало, когда совершать литургію Златоустаго, какъ приготовлять агнецъ для литургіи преждеосвященныхъ даровъ и между прочимъ какъ пѣть „аллилуія", дважды или трижды.

Особенности богослуженія. Самыя замѣчательныя опредѣленія касательно богослуженія заключаются въ прави-

лахъ владимірскаго собора 1274 г., въ отвѣтахъ константинопольскаго собора 1301 г. на вопросы Ѳеогноста и въ посланіяхъ м. Фотія и Кипріана. Тутъ же можно видѣть нѣкоторыя особенности русскаго богослуженія. Посланія Кипріана и Фотія во Псковъ вооружаются противъ обливательнаго крещенія, которое проникло туда съ запада, и противъ употребленія латинскаго мура. Младенцевъ принято было крестить какъ можно скорѣе. — Относительно литургіи возникъ вопросъ: какъ служить ее, когда поповъ нѣсколько, а дьякона нѣтъ? На константинопольскомъ соборѣ рѣшили, что младшій попъ долженъ говорить за дьякона ектеніи въ алтарѣ. Но м. Кипріанъ утверждалъ, что это незаконно, потому что попъ есть попъ, а дьяконъ— дьяконъ, и если іерей дьякончествуетъ, то онъ выходитъ ни попъ, ни дьяконъ. Владимірскій соборъ осудилъ псковскій обычай просфоромисать дьякону, притомъ прежде священника. Антиминсъ былъ необходимой принадлежностію для литургіи. Поэтому во Псковѣ за недостачей антиминсовъ рѣзали ихъ на части; Кипріанъ строго запретилъ это и послалъ во Псковъ 60 антиминсовъ Константинопольскимъ соборомъ дозволено служить нѣсколькимъ священникамъ на нѣсколькихъ агнцахъ вмѣстѣ, но возносить только одинъ изъ нихъ. Безъ вина служить не дозволялось, но вѣроятно случаи были. Ѳеогностъ спрашивалъ, нельзя ли служить на виноградной сухой вѣтви; отвѣчено,—нельзя. Татямъ, душегубцамъ, сквернословамъ, живущимъ съ женами безъ благословенія и четвероженцамъ Фотій и Кипріанъ запрещали давать причастіе; троеженцы тоже отлучались отъ причастія на 5 лѣтъ. Монахамъ не дозволялось совершать вѣнчанія, равно какъ священнику считалось неприличнымъ совершать постриженіе. Постриженіе передъ смертію считалось необходимымъ и Ѳеогностъ высказалъ недоумѣніе, какъ быть, когда умирающій не желаетъ постричься. Константинопольскій соборъ запретилъ его принуждать въ этомъ случаѣ. Въ опредѣленіяхъ того же собора находимъ запрещеніе при погребеніи епископа давать ему въ руки тѣло Христово. Посланіе Фотія въ Новгородъ заключаетъ въ себѣ замѣчательное опредѣленіе противъ господствовавшаго въ судебной практикѣ *поля* или судебнаго поединка: выходящему на поле не давать причастія, убитаго не хоронить, а убившаго отлучать отъ церкви на 18 лѣтъ. Церковь признавала судъ Божій, лежавшій на основѣ судеб-

ныхъ поединковъ, только въ формѣ крестнаго цѣлованія. Въ 1410 году въ новгородскомъ соборѣ сотворилось чудо отъ иконы муч. Гурія, Самона и Авива, открывшее похитителей церковныхъ сосудовъ. Послѣ этого владыка Іоаннъ судящимся въ кражѣ велѣлъ ходить не ко кресту, а къ иконѣ мучениковъ. На литургіи нарочно вынимались частицы просфоры съ молитвой къ мученикамъ; эту просфору потомъ давали вкушать подсудимымъ для указанія виновныхъ.

Ересь стригольниковъ. Крайнее развитіе обрядоваго благочестія вызывало обличенія церковныхъ учителей, но этими обличеніями дѣло не ограничилось; крайность обрядоваго направленія вызвала другую крайность—отрицанія обрядовъ, обнаружившуюся во Псковѣ. Мы уже видѣли постоянныя столкновенія псковичей съ новгородскими владыками. Оппозиція противъ іерархическаго подчиненія Новгороду ухватилась за обычай всѣмъ ставленикамъ платить ставленыя пошлины и отсюда, какъ изъ исходнаго пункта, развила цѣлую ересь *стригольниковъ*. Вождями этой ереси въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія явились дьяконъ *Никита* и нѣкто *Карпъ*, называемый стригольникомъ (по одному объясненію онъ былъ разстрига—дьяконъ, по другому—ремесломъ стригольникъ). Еретики отрицались отъ пастырей церкви, какъ отъ незаконныхъ, поставленныхъ на мздѣ; затѣмъ переходили къ разбору ихъ жизни, находили, что архіереи и монахи собираютъ себѣ много имѣнія, все духовенство укоряли въ томъ, что оно беретъ поборы съ живыхъ и мертвыхъ и дурно живетъ; отсюда выводили, что не нужно слушать ученія такихъ пастырей, что всѣ священнодѣйствія ихъ недѣйствительны, не нужно принимать отъ нихъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи, не нужно пѣть надъ умершими, ни приносовъ за нихъ приносить. Отвергнувъ іерархію, еретики естественно должны были право учительства усвоить мірянамъ, а священнодѣйствія по возможности вовсе устранить; каяться, говорили они, можно и безъ священника, припадая къ землѣ; евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ; другія таинства и обряды вовсе ненужны. Нѣкоторые изъ еретиковъ доходили до отрицанія соборовъ, даже евангельскихъ и апостольскихъ писаній, другіе отвергали еще воскресеніе мертвыхъ. Въ морали они всѣ одинаково придерживались идей аскетическихъ, отличались строгой жизнью и постничествомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, такая раціоналистическая ересь глав-

нымъ образомъ распространялась между людьми образованными, книжниками. Изъ Пскова она перешла въ Новгородъ, гдѣ тоже нашла себѣ удобную почву; перешли сюда и сами Карпъ съ Никитой. Въ 1375 г. владыка отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ схватилъ ихъ и бросилъ въ Волховъ. Смерть ихъ однако не ослабила ереси. Въ 1381 г. услыхалъ объ ней патріархъ *Нилъ* и послалъ въ Новгородъ и Псковъ увѣщательное посланіе. Его преемникъ *Антоній* прислалъ еще два посланія съ подробнымъ опроверженіемъ ереси. М. Фотій тоже писалъ три посланія противъ еретиковъ. Псковичи возревновали о православіи, перехватали еретиковъ въ тюрьму, нѣкоторыхъ казнили. Похваляя ихъ ревность, Фотій однако укорялъ ихъ за смертныя казни еретикамъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, о стригольникахъ больше не слышно, но движеніе, возбужденное ими, не исчезло и, какъ увидимъ, снова вскрылось въ другой опасной ереси жидовствующихъ.

Состояніе нравовъ.

Обрядовое благочестіе не могло много содѣйствовать развитію нравственной жизни. Изъ среды православныхъ выдвигались свѣтлыя личности, представлявшія собою образецъ истиннаго благочестія, каковы: святители Петръ, Алексій, Іона, Игнатій ростовскій, Стефанъ пермскій, князья Александръ Невскій, Довмонтъ, Михаилъ тверской и др., также многочисленный сонмъ подвижниковъ сѣвера съ своимъ главою Сергіемъ. Но общее впечатлѣніе, какое выносится изъ изученія нравовъ описываемаго времени, очень грустное. Большая часть изслѣдователей народной жизни видятъ здѣсь начало всего дурнаго въ русскомъ народномъ характерѣ. Трудно судить о томъ, лучше или хуже стала народная нравственность сравнительно съ прежнимъ временемъ, но дѣйствительно было много обстоятельствъ, которыя не благопріятно дѣйствовали на нравы и мѣшали преуспѣянію христіанской жизни.

Первымъ обстоятельствомъ такого рода было *монгольское иго*, поставившее Россію подъ огрубляющее вліяніе дикаго народа, унижавшее и портившее народъ восточнымъ рабствомъ. Сами князья должны были ѣздить въ Орду съ заявленіемъ рабской покорности и постоянно трепетать передъ силой ордынскаго деспота, предъ многочисленными

доносами шпіоновъ, даже изъ своихъ же братій князей. Каждый разъ предъ поѣздкой въ Орду они исповѣдывались и причащались, какъ предъ смертью, а по возвращеніи служили благодарственные молебны. Для народа эта школа рабства была еще тяжелѣе; нужно было клапяться всякому заѣзжему татарину, исполнять все, чего онъ потребуетъ, отдѣлываться обманами и поклонами, когда онъ расходится. Одинъ сильный человѣкъ не вытерпитъ и убьетъ татарина; другой сильный человѣкъ убьетъ за это его самого, спасая русскую землю отъ татарской мести; а лѣтописецъ похвалитъ послѣдняго и осудитъ перваго за недостатокъ смиренія. Двоедушіе хитрость, низкопоклонничество, низкія проявленія инстинкта самосохраненія дѣлаются добродѣтелями времени, которыя проповѣдуетъ и лѣтописная мораль.

Съ другой стороны внутри самой Россіи совершался тяжелый *переходъ отъ удѣльно-вѣчеваго уклада къ единодержавному*, который тоже дурно дѣйствовалъ на нравы. При усиленіи одного княжества на счетъ другаго употреблялись всякія средства безъ разбора, — клевета въ Ордѣ одного князя на другаго, насилія, хитрость, коварства, небывалыя жестокости усобицъ. Въ администраціи, при подавленіи старыхъ вѣчевыхъ началъ, видимъ крайнія проявленія торжества новыхъ началъ, жестокость казней, насилія властей, поборы, неправды. Полоцкій князь, спрашивалъ епископа тверскаго Симеона: „гдѣ быть на томъ свѣтѣ тіунамъ?“— Гдѣ и князьямъ, отвѣчалъ Симеонъ. „Но тіунъ неправо судитъ, дѣлаетъ зло, беретъ взятки, а я что дѣлаю?“—Если князь безъ страха Божія, не милуетъ христіанъ, тіуна ставитъ злаго, неправеднаго, лишь бы давалъ ему куны, пускаетъ его, какъ пса на падаль, губить людей: то и князь будетъ въ аду и тіунъ его тамъ же.—Насилія сильныхъ, коварство слабыхъ, общее недовѣріе другъ къ другу ослабляли всѣ общественныя узы. Лѣтописи и житія святыхъ постоянно говорятъ о разбояхъ, поджогахъ, грабежахъ и убійствахъ.

Но и среди такихъ обстоятельствъ нельзя не замѣчать въ обществѣ того времени *проявленія христіанскихъ понятій*. Это общество выставило изъ среды своей много праведниковъ и пророковъ, проповѣдывавшихъ лучшіе нравы и обличавшихъ современныя нестроенія. Тяжкія бѣды были исправительнымъ бичемъ Божіимъ; съ теченіемъ времени и поученія и лѣтописная публицистика все чаще и чаще

призывают всѣхъ къ христіанской любви и соединенью. Голодъ нападеніе татаръ, знаменіе на небѣ—все служитъ для лѣтописца поводомъ къ проповѣди о покаяніи. Подъ вліяніемъ тяжкихъ обстоятельствъ, къ которымъ присоединялись еще слухи о бѣдствіяхъ востока, сильно распространилась мысль о приближеніи кончины міра, временемъ которой назначали конецъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Эту мысль встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, у м. Кипріана, м. Фотія и другихъ учителей О переводныхъ трудахъ св. Стефана въ Москвѣ говорили: „прежде не было грамоты въ Перми; за чѣмъ замышлять ее въ исходѣ 7000 лѣтъ за 120 лѣтъ до кончины?“ Въ Софійской лѣтописи подъ 1459 г. написано: „здѣ страхъ, здѣ скорбь велика· якоже въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть 23, луны 13, сіе лѣто на концы явися, въ оньже чаемъ всемірное пришествіе Христово. О Владыко! умножишася беззаконія наша на земли: пощади, Владыко!“ Пасхаліи не доводили дальше 7000 (1492) года; за этимъ годомъ ставили кружокъ и приписывали: „горе достигшимъ до конца временъ“.

Обществу приходилось каяться во многихъ грѣхахъ. Кромѣ общественной неурядицы важными пороками страдала и *частная жизнь*. Слышимъ жалобу на грубые пороки пьянства, сквернословія, чувственности. Женщина окончательно запирается въ теремѣ, который общество признало необходимымъ и единственнымъ средствомъ для сохраненія семейной чистоты. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ нравы грубѣе. М. Іона въ своемъ посланіи въ Вятку обличаетъ жителей за то, что нѣкоторые изъ нихъ брали женъ по 5, 7 и даже 10, а попы ихъ благословляли; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія. Но и внутри Россіи въ 1406 г. встрѣчаемъ звѣрское убійство княгини вяземской *св. Гуліаніи* послѣднимъ княземъ смоленскимъ *Юріемъ* за то, что она не хотѣла удовлетворить его плотской страсти.

Остатки язычества были еще очень сильны. Вѣра въ волхвовъ и вѣдьмъ, въ ихъ заговоры, зелья и другія чародѣйныя средства была господствующею вездѣ. Во Псковѣ однажды по случаю язвы сожгли 12 вѣдьмъ; во Владимірѣ во время бездождія выкапывали изъ земли утопленниковъ. Во всѣхъ классахъ народа распространена была вѣра въ сонъ, встрѣчу, полазъ, птичій грай и др. примѣты. Продолжались жертвы разнымъ домовымъ, лѣшимъ, водянымъ и др. божествамъ страны. Народное веселье сопровождалось

языческими обрядами даже во время церковныхъ праздниковъ, если послѣдніе совпадали по времени съ прежними языческими. Но съ другой стороны видно, что въ языческой памяти многое успѣло уже затемниться; поученія противъ язычества еще помнятъ имена старыхъ боговъ, но уже неясно понимаютъ ихъ миѳологическое значеніе, перепутываютъ ихъ между собою и неловко сопоставляютъ съ божествами греческой миѳологіи. Главное вниманіе обличителей язычества обращается на остатки стараго культа, который хранился въ большей свѣжести; но и здѣсь наряду съ дѣйствительными остатками язычества ставятся проявленія обыкновеннаго народнаго веселья, пляски, пѣсни и музыка. Такимъ образомъ языческія преданія видимо теряли свою свѣжесть. Это былъ важный шагъ впередъ. Вмѣсто прежняго грубаго двоевѣрія, механическаго соединенія двухъ вѣръ почти безъ измѣненія той и другой, является двоевѣріе болѣе тонкое, состоящее изъ органическаго соединенія старой и новой вѣры, при которомъ и та и другая терпятъ значительныя перемѣны; языческія понятія уступаютъ христіанскимъ, но за то и послѣднія теряютъ свою возвышенность и низводятся до степени наивнаго, полуязыческаго смысла народа. Это было начало господства всякаго рода суевѣрій и апокрифовъ, въ которыхъ впрочемъ впервые выразилось самодѣятельное отношеніе народа къ христіанству вмѣсто прежняго пассивнаго, дѣйствительное усвоеніе его народнымъ умомъ и чувствомъ, а не механическое уже, неосмысленное заучиваніе его формулъ. Болѣе совершенное усвоеніе православія могло явиться только съ очищеніемъ самого народнаго смысла, при большемъ развитіи религіознаго образованія.

Религіозное образованіе.

Религіозное образованіе описываемаго времени развивалось подъ самыми неблагопріятными условіями. Татарскія нашествія разрушали и школы и монастыри съ ихъ библіотеками. Съ другой стороны среди постоянныхъ удѣльныхъ дракъ все вниманіе лучшихъ людей было отвлечено отъ книги къ мечу. Москва до самаго Іоанна III была чѣмъ-то въ родѣ военнаго лагеря, гдѣ мало думали о почитаніи книжномъ, а между тѣмъ она была средоточіемъ исторической жизни. Одинъ Новгородъ проявлялъ нѣкоторую обра-

зованность вслѣдствіе своихъ сношеній съ западомъ. Школы, заведеніе которыхъ прежде такъ поощрялось князьями, закрывались. Само духовенство плохо удовлетворяло своему просвѣтительному призванію. М Исидоръ на флорентинскомъ соборѣ говорилъ, что на Руси сами епископы люди некнижные. Низшее духовенство м. Кипріанъ прямо обвинялъ въ невѣжествѣ и указывалъ на толстые сельскіе сборники, которые попы наполняли молитвами о трясавицахъ и нежитяхъ и разными суевѣрными сказаніями. Среди этой скудости образованія въ церковной письменности находимъ очень мало оригинальныхъ произведеній; главнымъ источникомъ образованія были переводы съ греческаго.

Переводная письменность вслѣдствіе этого видимо усилилась. Русскіе нарочно ѣздили на востокъ за книгами. Изъ путешествія Стефана новгородца узнаемъ, что въ Студійскомъ монастырѣ при немъ жили новгородцы *Иванъ* да *Добри́ло* для списыванія книгъ. Съ тою же цѣлію игуменъ *Аѳанасій* высоцкій прожилъ въ Царѣградѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ. Не пересчитывая множества переводовъ библейскихъ книгъ, твореній св. отцевъ, житій, прологовъ, патериковъ, укажемъ на болѣе важные переводные труды. О м. Кириллѣ II извѣстно, что онъ выписалъ изъ Болгаріи *переводъ Номоканона* въ полномъ его видѣ съ прибавленіемъ новыхъ постановленій до XIII в. и толкованій, которыхъ въ нашихъ прежнихъ Кормчихъ не было. Извѣщая объ этомъ соборъ 1274 г., онъ говорилъ, что доселѣ церковныя правила „помрачены бяху облакомъ мудрости еллинскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатію Божіею ясно сіяютъ, невѣденія тьму отгоняюще“. Отъ XIII вѣка сохранились два списка Кормчей (софійскій и рязанскій), бывшіе прототипами всѣхъ ея позднѣйшихъ редакцій на Руси. — Для религіознаго просвѣщенія древней Руси имѣли большое значеніе переводные *сборники*, каковы наприм. сборникъ писателя XI в. *Никона черногорца* изъ статей догматическаго, нравственнаго, литургическаго и каноническаго содержанія; книга *Пчела*, въ которой помѣщались изрѣченія и притчи св. Писанія, отцевъ церкви, философовъ, поэтовъ и историковъ о разныхъ предметахъ; *Златая Цѣпь*, русскій сборникъ изъ поученій св. отцовъ и русскихъ статей; *Паисіевскій сборникъ* съ многими русскими статьями и передѣлками греческихъ переводовъ на русскіе нравы и многіе другіе.

Статья объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ. Вслѣдствіе умноженія переводовъ особенную важность получило опредѣленіе о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, потому что наряду съ истинными книгами изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи, къ намъ перешло множество апокрифовъ Это опредѣленіе въ краткой его редакціи занесено къ намъ изъ Греціи довольно рано и помѣщено еще въ сборникѣ Святослава. Въ болѣе полномъ видѣ статья о книгахъ находится въ Паисіевскомъ сборникѣ и молитвенникѣ м. Кипріана; потомъ она распространилась во множествѣ списковъ съ разными варіантами и дополненіями изъ русскихъ суевѣрій. Изъ апокрифовъ, которые въ ней запрещаются, одни относятся къ библейской исторіи, наприм. Адамовъ завѣтъ, Сиѳова молитва, Енохъ, Завѣтъ 12 патріарховъ. О древѣ крестномъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Дѣяніе Павла, Посланіе Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы и другое отъ Варнавы и т. п., другіе содержатъ въ себѣ разныя народныя понятія о явленіяхъ природы и суевѣрія, наприм. Остронумія, Чаровникъ, Громникъ, Сносудецъ, Волховникъ съ примѣтами: храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороногрій, куроклик, песъ воетъ, сонъ страшенъ, кошка мяукаетъ, стѣнощелкъ и пр., Путникъ (о встѣчахъ), Зелейникъ и т. д. О нѣкоторыхъ апокрифахъ прямо замѣчено, что они произошли отъ болгарскихъ поповъ Богомила и Іереміи.—Апокрифы быстро распространялись, потому что народная масса нашла въ нихъ сродныя себѣ понятія, болѣе для нея ясныя, чѣмъ чистое христіанское ученіе, и обильную пищу для своей наивной пытливости. Православіе въ нихъ было понижено до степени народнаго міросозерцанія, искажено примѣсью легендъ и суевѣрій, но зато въ такомъ видѣ легче дѣлалось достояніемъ народнаго сознанія. Даже лучшіе церковные писатели пользовались апокрифами съ полнымъ довѣріемъ; сами составители списка книгъ въ числѣ истинныхъ помѣщали и ложныя, а о нѣкоторыхъ книгахъ отзываются, что нужно объ нихъ „вопросить вѣдущаго, аще истинна суть“.

Русская письменность. Любимымъ родомъ оригинальной письменности были поученія и посланія. Характеръ ея преимущественно обличительный. Съ умноженіемъ разныхъ вопросовъ у писателей начинаетъ уже пропадать прежняя простота и непосредственность, являются, особенно въ XV в., многоглаголивость, риторскія замашки, хитросплетенія

рѣчи, бывшія слѣдствіемъ не одного только подражанія византійскому риторству, какъ наприм. въ прежнее время у Кирилла туровскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилившейся работы разсудка, прилива многихъ мыслей и вопросовъ, въ которыхъ тогдашній умъ еще не умѣлъ разобраться и въ которыхъ неопытное перо путалось.

Поученія XIII вѣка. Съ самаго начала монгольскаго времени являются знаменитые въ свое время дѣятели на поприщѣ церковной проповѣди: *м. Кириллъ II*, епископы *Кириллъ* ростовскій, *Симеонъ* тверской и *Серапіонъ* владимірскій. Правило м. Кирилла (на соборѣ 1274 г.), обличающее современныя ему нестроенія, указывающее на современныя бѣдствія, какъ наказаніе Божіе за грѣхи, начинаетъ собою цѣлый рядъ обличительныхъ поученій; „Поученіе къ попамъ“, которымъ оно оканчивается, было долгое время любимою статьею русскихъ сборниковъ и разсылалось епископами по епархіямъ.—Семь извѣстныхъ словъ Серапіона ярко характеризуютъ темныя стороны удѣльнаго времени: междоусобія, насилія, разбои, порабощеніе слабыхъ сильными, мздоимство, немилосердіе къ бѣднымъ и сирымъ, слабость семейныхъ узъ, пьянство и проч. Особенно замѣчательны обличенія остатковъ язычества, вѣры въ волшебство, обычаевъ во время народныхъ бѣдствій жечь колдуновъ или дѣлать имъ испытанія водой, для отвращенія голода или засухи выкапывать изъ земли утопленниковъ и удавленниковъ.

Поученія XIV вѣка. Отъ XIV в. дошли до насъ: „Поученіе игуменомъ, попомъ и дьякономъ“ *м. Петра*, очень сходное съ поученіемъ м. Кирилла, Поученіе *м. Алексія* ко всей паствѣ, Посланіе владыки новгородскаго *Василія* къ тверскому епископу *Ѳеодору* о раѣ, замѣчательное по сильному вліянію на него апокрифовъ. Василій доказываетъ, что земной рай досель существуетъ на землѣ, что до него доходилъ Макарій египетскій, что въ немъ доселѣ живутъ Енохъ и Илія; къ этому прибавляетъ и русскій разсказъ, какъ до рая доходилъ на суднѣ новгородецъ Моиславъ съ товарищами, — видѣли гору, облитую свѣтомъ, а за ней слышали ликованія; одинъ новгородецъ побѣжалъ посмотрѣть и не вернулся, другой тоже, третьяго привязали веревкой за ногу и насильно стащили съ горы, но стащили уже мертваго. Характеромъ положительнаго нравоученія, безъ обличеній, замѣчательно поученіе *Матѳея* епископа

сарайскаго; оно излагаетъ рядъ наставленій о вѣрѣ, любви, постѣ, почитаніи духовенства, о князѣ, о челяди и проч., наставленій безъискуственныхъ, но точно соотвѣтствовавшихъ потребностямъ современной жизни.

Поученія XV вѣка. Особенной простотой и жизненностію отличается еще поученіе владыки новгородскаго *Симеона* къ псковичамъ, очень похожее на поученіе Луки Жидяты, такой же перечень нравственныхъ правилъ, между которыми замѣчательны наставленія чтить сапъ духовный и не вступаться въ церковныя имущества.—Къ этому же разряду поученій положительнаго характера относятся посланія знаменитаго игумена бѣлозерскаго *пр. Кирилла* къ в. к. Василію Димитріевичу, къ князьямъ Андрею можайскому и Димитрію звенигородскому. Пр. Кириллъ смотритъ на князя, какъ на игумена подвластныхъ, обязаннаго печись не только объ устроеніи ихъ гражданскаго благосостоянія, но и о спасеніи ихъ душъ, за которыя онъ дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ. Въ этихъ же посланіяхъ находимъ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи увѣщанія о правомъ судѣ, о непритѣсненіи сиротъ и рабовъ, объ уничтоженіи неправедныхъ мытовъ, перевозовъ, корчемства, о прекращеніи усобицъ и проч. Къ звенигородскому князю смиренный старецъ пишетъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ на Бѣло-озеро, потому что всѣ станутъ говорить: „только для Кирилла пріѣхалъ“. Послѣ пр. Кирилла остались еще два сборника разнообразнаго содержанія; въ одномъ обличаются суевѣрныя примѣты, вѣра въ голоса животныхъ, въ полетъ птицъ, въ бѣгъ звѣрей, обычай сужать сосѣда огнемъ или сосудомъ по захожденіи солнца, и объясняются явленія природы въ статьяхъ о строеніи земли, землетрясеніи, стихіяхъ, о морѣ, облакахъ, о громѣ и молніи, о падающихъ звѣздахъ, большею частію изъ сочиненій Галена (греческаго врача II в.). Подобными статьями естественнаго содержанія старались ослабить миѳическія понятія народа о силахъ и явленіяхъ природы.

Поученія и посланія митрополитовъ XV в. Затѣмъ идутъ поученія святителей нерусскаго образованія: Кипріана, Фотія и Григорія Цамблака, произведенія большею частію отвлеченнаго характера, мало соприкасавшіяся съ жизнію народа. Болѣе всѣхъ имѣлъ значенія въ исторіи нашего образованія *св Кипріанъ*, человѣкъ „вельми книжный“. Онъ привезъ въ Россію много сербскихъ рукописей, самъ

переводилъ съ греческаго Служебникъ, Псалтирь, Лѣствицу и творенія Діонисія Ареопагита, составилъ 9 грамотъ юридическаго содержанія, нѣсколько посланій и историческихъ трудовъ. Въ четырехъ посланіяхъ къ Сергію радонежскому и Ѳеодору симоновскому онъ разсказываетъ обстоятельства своей жизни, очень важныя для исторіи бывшаго при немъ спора о русской митрополіи. Онъ извѣстенъ еще, какъ составитель житій, изъ которыхъ до насъ дошло житіе св. Петра митрополита—образчикъ многоглаголиваго витійства. Отъ *м. Фотія* сохранилось 8 поученій, 29 грамотъ и посланій и духовное завѣщаніе. Поученія его мало имѣютъ жизненнаго значенія. Изъ посланій нѣкоторыя ближе къ жизни, наприм. посланія къ псковичамъ по поводу уклоненія ихъ къ латинскимъ обычаямъ и по поводу ереси стригольниковъ, въ Литву по поводу раздѣленія церквей; но и онѣ тоже слишкомъ обильны многорѣчіемъ. Чаще всего Фотій говоритъ объ обязанностяхъ пастырей церкви, о казняхъ Божіихъ за грѣхи и близкой кончинѣ міра—Еще менѣе значенія въ церковно-поучительной письменности имѣетъ третій иноземецъ *Григорій Цамблакъ*. Его 22 слова представляютъ собою совершенно оторванное отъ жизни, многорѣчивое и напыщенное подражаніе византійскимъ образцамъ, вовсе непонятное для русскаго народа.

Въ лѣтописяхъ есть извѣстія о другихъ извѣстныхъ въ свое время проповѣдникахъ, поученія которыхъ до насъ не дошли, наприм. о *Моисеѣ* владыкѣ новгородскомъ и инокѣ нижегородскаго Печерскаго монастыря *Павлѣ Высокомъ* († 1382), который былъ философъ велій, много говорилъ поученій и написалъ книгъ.—Послѣ м. Фотія церковная проповѣдь замолкаетъ на Руси и поучительныя посланія дѣлаются единственнымъ родомъ поучительной словесности. Послѣ *м. Іоны* осталось 35 такихъ посланій самаго разнообразнаго содержанія, и всѣ жизненнаго, практическаго характера, чуждыя современнаго риторства; это простыя, отеческія наставленія по поводу современныхъ нуждъ. Таковы: посланія къ Шемякѣ, посланія къ новгородцамъ и псковичамъ съ увѣщаніемъ о прекращеніи смутъ и повиновеніи в. князю, къ вятчанамъ тоже о повиновеніи в. князю, о прекращеніи разбоевъ, объ исправленіи пороковъ, противъ жизни съ женами безъ вѣнчанія, незаконныхъ браковъ и остатковъ язычества, посланія къ частнымъ лицамъ, учительныя, увѣщательныя и утѣшительныя.

Поученія неизвѣстныхъ авторовъ. Кромѣ помянутыхъ поученій, въ сборникахъ Паисіевскомъ, Златой Цѣпи, Маргаритахъ, Златоструяхъ и др. разсѣяно много поученій неизвѣстныхъ авторовъ, которыя большею частію озаглавливаются именами св. апостолъ и св. отецъ, но представляютъ собою русскія произведенія или передѣлки греческихъ статей на русскіе нравы Нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по характеристикѣ современныхъ нравовъ. Одно слово Паисіевскаго сборника, озаглавленное именемъ Григорія Богослова, излагаетъ вкратцѣ греческую и славянскую миѳологію и обличаетъ современное двоевѣріе; авторъ говоритъ, что еще въ его время по окраинамъ Руси держалась вѣра въ Перуна, Хорса и др. боговъ; его объясненія славянской миѳологіи изъ сопоставленія ея съ греческой невсегда удачны,—видно, что память о старыхъ богахъ стала уже слабѣть въ народѣ. Другое „Слово истолковано мудростію св. апостолъ и св. отецъ“ осуждаетъ лѣность народа къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и слушанію слова Божія и охотное участіе въ скоморошьихъ играхъ и идольскихъ зрѣлищахъ. Третье слово „О клятвахъ и суевѣріяхъ“ запрещаетъ прибѣгать къ волхвамъ, лечить болѣзни чарами, приносить требища бѣсамъ, писать еллинскія слова на яблокѣ съ цѣлію прогнать бѣса трясцу. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ XIV и XV в. обличается вѣра въ сны, встрѣчи, чохъ, полазъ, птичій грай, обличаются глумленія, сопѣли, пляски, на пирахъ, свадьбахъ и игрищахъ, кощуны, басни, и пѣсни бѣсовскія. Изъ тѣхъ же словъ безыменныхъ авторовъ замѣчательно слово на соборъ архистратига Михаила, приписываемое м. Кириллу; послѣ краткихъ сказаній о сотвореніи ангеловъ, паденіи сатаны и паденіи человѣка, авторъ описываетъ жизнь души за гробомъ и мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены между прочимъ: срамословіе, пляски, басни, игры, плесканіе ручное, скаканіе ногами, вѣра въ примѣты и ворожбу; подъ конецъ авторъ говоритъ, что по истеченіи 7000 лѣтъ будетъ кончина

Житія святыхъ Литература назидательныхъ повѣствованій значительно увеличилась по своему объему. Въ XIII в. написаны житія св. Михаила черниговскаго и боярина его Ѳеодора—нѣкіимъ *Андреемъ*, по всей вѣроятности современникомъ событій, св. Александра Невскаго и св Исаіи ростовскаго—неизвѣстными авторами Въ XIV в. явились житія св. Кирилла туровскаго и м. Петра; послѣднее напи-

сано епископомъ ростовскимъ *Прохоромъ* († 1327 г.); своей краткостью и простотой оно рѣзко отличается отъ многословнаго и витіеватаго житія тогоже святителя, написаннаго м. Кипріаномъ. Въ лѣтописяхъ еще находимъ сказанія о св. Довмонтѣ, о Михаилѣ тверскомъ, о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго, о чудѣ Владимірской Богородицы при нашествіи Темерлана и друг., наконецъ (XV в.) житіе св. Алексѣя, составленное *Питиримомъ* (пермскимъ). Въ XV в. прежними краткими и простыми жизнеописаніями святыхъ уже неудовлетворялись; ихъ передѣлывали, потому что они написаны были „просторѣчно". Изъ краснорѣчивыхъ писателей житій извѣстны: троицкій монахъ *Епифаній Премудрый*, отъ котораго остались житія преподобныхъ Сергія и Никона и святителя Стефана пермскаго, и *Пахомій Логовет*ъ, родомъ сербъ, великій риторъ, жившій сначала при новгородскомъ владыкѣ Іонѣ, потомъ переѣхавшій въ Москву. Онъ написалъ житія съ чудесами, похвальнымъ словомъ и канономъ пр. Варлаама хутынскаго, житія и службы св. новгородскихъ владыкъ Евфимія и Моисея, преп. Кирилла бѣлозерскаго, митрополитовъ Алексія и Іоны. Онъ былъ недоволенъ даже Сергіевымъ житіемъ Епифанія премудраго и сдѣлалъ попытку изукрасить его своимъ витійствомъ, не смотря на то, что оно и безъ того составляетъ замѣчательное явленіе по своему многорѣчію и краснословію. Во всѣхъ такого рода обширныхъ редакціяхъ житій господствуютъ заученные и однообразные риторскіе пріемы, какъ въ разсказѣ, такъ и въ характеристикѣ личностей; авторы часто заимствовали другъ у друга однѣ и тѣже, по чему нибудь понравившіяся имъ черты и прилагали ихъ къ совершенно разнымъ лицамъ: личныя черты описываемаго святаго они какъ будто намѣренно старались сгладить, чтобы сдѣлать его представителемъ общаго, отвлеченнаго идеала святости, какъ они понимали этотъ идеалъ. Въ церковно-историческомъ отношеніи эти житія важны главнымъ образомъ по выраженію въ нихъ понятій, господствовавшихъ при авторѣ, и немногими чертами изъ жизни, которыя проскальзывали подъ перомъ автора помимо его воли, особенно въ разсказахъ о чудесахъ. Кромѣ житій, бывшихъ въ церковномъ употребленіи, въ древней письменности встрѣчаются *житія апокрифическія*, въ которыхъ отразились народныя понятія и вѣрованія. Примѣромъ можетъ слу-

жить муромское *сказаніе о Петрѣ и Февроніи*, гдѣ по древнимъ эпическимъ преданіямъ, приложеннымъ къ святымъ, Петру приписывается борьба съ миѳическимъ змѣемъ, а Февронія представляется вѣщею дѣвою Народный элементъ въ значительной степени отразился въ древнихъ житіяхъ пр. Авраамія и св. Меркурія смоленскихъ.

Путешествія ко св. мѣстамъ. Сохранились благочестивыя описанія путешествій ко св. мѣстамъ. Въ половинѣ XIV в. путешествовалъ ко св. мѣстамъ новгородецъ *Стефанъ*. Въ своихъ запискахъ онъ замѣтилъ, какъ были ласковы греки къ русскимъ, какъ самъ патріархъ удостоилъ его разговоромъ, „не нашъ бо обычай имѣетъ“, замѣтилъ, что въ Студійскомъ монастырѣ жили русскіе для перевода и списыванія книгъ; въ его разсказѣ попадаются простодушныя легенды, которыя онъ довѣрчиво принималъ отъ своихъ греческихъ вожаковъ, о жабѣ, пожиравшей въ Царѣградѣ людей, о мѣлахъ, которыя сами мели городъ, и т. п. Сохранились описанія путешествій смоленскаго іеродіакона *Игнатія*, спутника м. Пимена. и троицкаго іеродіакона *Зосимы*. Замѣчательны записки о путешествіи на флорентинскій соборъ м. Исидора одного изъ его спутниковъ, гдѣ описываются диковинки запада, поразившія русскаго человѣка,—соборы разныхъ городовъ, колокольница флорентійская, о которой недоумѣваетъ умъ, разныя иконы, статуя Мадонны, строгая жизнь одного флорентійскаго монастыря и т. п. Сохранилось описаніе флорентинскаго собора, написанное суздальскимъ монахомъ *Симеономъ*, тоже спутникомъ Исидора.

IV. МОСКОВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

Въ половинѣ XV в. вся русская земля составила двѣ большія государственныя массы—восточную подъ управленіемъ московскихъ самодержцевъ и западную подъ властью литовско-польскаго правительства. Русская церковь тоже раздѣлилась на двѣ самостоятельныя митрополіи—московскую и кіевскую. Московская митрополія, находившаяся подъ покровительствомъ государства, возрастала въ своихъ предѣлахъ, получая богатыя средства отъ правительства, украшалась внѣшнимъ благолѣпіемъ и вмѣстѣ съ государствомъ, которое, успокоившись отъ внѣшнихъ и

внутреннихъ бѣдъ, начало стремиться къ усвоенію плодовъ западной цивилизаціи, обнаружила внутри себя замѣчательное просвѣтительное движеніе. Въ концѣ XVI вѣка она вызвысилась до степени самостоятельнаго патріархата.

Распространеніе христіанства.

Въ Пермскомъ краѣ. Мы видѣли, что владычество татаръ остановило успѣхи христіанства на границахъ казанскаго царства. Но, минуя татарскія земли, христіанство не переставало распространяться въ пермской землѣ. Особенно замѣтны сдѣлались его успѣхи послѣ покоренія Перми московскому владычеству въ 1472 г. Съ этого времени стали креститься и вогулы, доселѣ постоянно враждовавшіе противъ христіанства. Но еще долго и послѣ этого церковь не могла вытѣснить изъ пермскихъ лѣсовъ остатковъ язычества, тѣмъ болѣе, что само пермское духовенство не отличалось надлежащей ревностью къ вѣрѣ. Въ 1501 г. *м. Симонъ* горько укорялъ его за небреженіе къ исполненію пастырскихъ обязанностей и дурную жизнь; изъ его посланія къ пермичамъ видно, что незаконные браки, нарушеніе церковныхъ уставовъ, даже открытое служеніе кумирамъ были обыкновенными явленіями въ Перми и теперь, 100 лѣтъ спустя послѣ проповѣди св. Стефана. Послѣ завоеванія Перми важной эпохой для всего края было поселеніе здѣсь знаменитыхъ *Строгоновыхъ*; кругомъ ихъ богатыхъ усольевъ во всѣ стороны начали возникать церкви и монастыри, между которыми замѣчательны своимъ просвѣтительнымъ значеніемъ монастыри *Пыскорскій* и *Соликамскій*. Изъ Пыскорской обители въ концѣ XVI в. вышелъ просвѣтитель пермскихъ вогуловъ и остяковъ *Трифонъ* вятскій. Проповѣдуя дикарямъ Христа, онъ дошелъ до мѣста нынѣшней Перми, гдѣ сожегъ уважаемое св. дерево, около котораго происходили языческія моленія. Язычники едва не убили его за это, но многіе при этомъ получили высокое понятіе о подвижникѣ, котораго не въ силахъ были наказать сами боги за свою святыню, и стали креститься; крестились даже семейства остяцкаго и вогульскаго князей. Потомъ Трифонъ основалъ *Троицкую* обитель на р. Чусовой на одномъ свящ. урочищѣ остяковъ, гдѣ и жилъ 9 лѣтъ, продолжая свою проповѣдь до тѣхъ поръ, пока его не прогнали сосѣдніе жите-

ли за неосторожно произведенный имъ лѣсной пожаръ. Послѣ этого онъ ушелъ въ Вятку, гдѣ и скончался уже въ 1613 году въ построенномъ имъ монастырѣ. — Какъ извѣстно, Строгоновы содѣйствовали покоренію Сибири. Къ концу XVI в. христіанству была проложена дорога и въ эту обширную страну.

Христіанство на сѣверномъ поморьѣ. Просвѣтительная дѣятельность пустынножитій иноковъ въ XV и XVI вв. проникла и въ отдаленное сѣверное поморье, гдѣ по обширнымъ тундрамъ кочевали одни дикіе лопари, каяне и мурмане. Просвѣтительнымъ центромъ для этого края былъ *Соловецкій* монастырь. Владѣя обширными землями по всему поморскому берегу, онъ заселялъ ихъ русскими, крестилъ инородцевъ и строилъ для нихъ церкви. Слава чудесъ отъ мощей соловецкихъ чудотворцевъ заставляла обращаться къ христіанскому Богу и Его угодникамъ даже языческихъ кебуновъ (волхвовъ). Долѣе всѣхъ мѣстностей поморья былъ чуждъ христіанству самый сѣверный лопскій край къ Нордкапу. При в. к. Василіѣ и Іоаннѣ Грозномъ тамъ подвизался въ проповѣди постриженникъ Соловецкаго монастыря *пр. Θеодоритъ*. Для пустынныхъ подвиговъ онъ отплылъ къ самымъ „ребрамъ сѣверовымъ“, къ р. Колѣ, и подвизался здѣсь 20 лѣтъ, потомъ въ Новгородѣ былъ посвященъ въ іерея и, воротясь въ Лапландію, основалъ на устьѣ Колы монастырь *св. Троицы*. Онъ проповѣдывалъ лопарямъ на ихъ родномъ языкѣ, переводилъ на этотъ языкъ молитвы и училъ дикарей грамотѣ. Сила его проповѣди такъ была велика, что онъ однажды въ одинъ день крестилъ до 2000 лопарей. Удалясь изъ своего монастыря по неудовольствію братіи за строгость его устава, онъ жилъ въ Новгородѣ, потомъ былъ архимандритомъ въ суздальскомъ Евфиміевомъ монастырѣ, ѣздилъ въ Грецію по порученію Грознаго для испрошенія у восточныхъ патріарховъ утвержденія царскаго сана, принятаго русскимъ самодержцемъ; воротясь съ востока, жилъ въ вологодскихъ предѣлахъ, но не забывалъ и своихъ кольскихъ духовныхъ чадъ и 2 раза уже въ глубокой старости ѣздилъ туда для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. — Въ одно время съ Θеодоритомъ у самаго Нордкапа проповѣдывалъ христіанство *пр. Трифонъ печенгскій*, сынъ одного новгородскаго священника. Нѣсколько лѣтъ онъ боролся съ языческими кебунами, нѣсколько разъ подвергался побоямъ,

прятался въ горахъ отъ явной смерти. но все-таки достигъ цѣли своею настойчивостью. Просвѣтивъ множество лопарей на р. Печенгѣ и Пазрекѣ, онъ сходилъ въ Новгородъ за антиминсомъ, построилъ на Печенгѣ церковь св. Троицы, въ Колѣ нашелъ священника *Илію* и въ 1533 г. открылъ богослуженіе, а самъ постригся въ монашество. Съ Колы и Печенги христіанство потомъ распространилось на Терскомъ берегу около Кандалашской губы и по всему поморью. Правительство помогало проповѣдникамъ, давая средства къ устроенію церквей и снабжая крестившихся лопарей жалованными грамотами. Величайшимъ бѣдствіемъ для христіанства въ лопскомъ краѣ были частыя нападенія на него шведовъ. Самая Соловецкая обитель должна была превратиться въ крѣпость и содержать вооруженные отряды какъ въ своихъ стѣнахъ, такъ и въ построенномъ ею Сумскомъ острогѣ.

На балтійскомъ поморьи, между корелой, ижорой и чудью, не смотря на давно уже распространившееся здѣсь христіанство, язычество все еще было сильно. Двоевѣры ходили къ своимъ мольбищамъ, деревамъ и камнямъ съ жертвами, призывали арбуевъ (жрецовъ) для совершенія обрядовъ надъ младенцами, покойниковъ хоронили по курганамъ, не соблюдали постовъ; нѣкоторые тайно закалали дѣтей; христіанскія иконы жгли. Мѣстное духовенство надзирало за паствой слабо. Новгородскіе владыки *Макарій* и *Θеодосій* неразъ посылали сюда священниковъ съ порученіемъ духовенство побуждать къ исполненію долга, а жителей вразумлять. мольбища ихъ разрушать и жечь.— Въ *Ливоніи* православію приходилось терпѣть гоненія отъ нѣмцевъ. Въ XV в. въ Юрьевѣ (Дерптѣ) нѣмцы утопили въ рѣкѣ священника *Исидора* съ 72 прихожанами. На границахъ Лифляндіи явился просвѣтитель *чуди пр. Корнилій*, съ 1529 г. игуменъ псковскаго Печерскаго монастыря; онъ построилъ храмы, между прочимъ въ Нейгаузенѣ, снабдилъ ихъ книгами и иконами. а причты содержаніемъ отъ обители. Войны съ шведами и ливонцами при Грозномъ были очень вредны для православія; получивъ оборотъ неблагопріятный для Россіи, онѣ даже сокращали предѣлы церкви. подвергая русскія земли владычеству иноземцевъ. Такъ Шведы завладѣли Карелiей и возвратили ее уже въ концѣ XVI в.

Завоеваніе казанскаго царства. Въ половинѣ XVI в. московское государство предприняло наступательное движеніе на казанское царство. Началось завоеваніе его, пролагавшее церкви путь на неизмѣримый востокъ,—событіе столь же важное для русской церкви, какъ наприм. открытіе Америки для церкви западной. Въ сказаніяхъ древности эта война вся запечатлѣна религіознымъ характеромъ. Первый шагъ къ завоеванію Казани, — основаніе Свіяжска, ознаменованъ чудеснымъ явленіемъ пр. Сергія— покровителя Москвы; язычники черемисы видѣли, какъ неземной старецъ ходилъ вокругъ лѣсной поляны, на которой возникъ потомъ Свіяжскъ, и съ пѣніемъ кадилъ линію будущихъ укрѣпленій. Предъ взятіемъ Казани тотъ же старецъ являлся татарамъ на городскихъ стѣнахъ. Въ 1550 г. построенъ Свіяжскъ съ соборомъ во имя Рождества Богородицы и церковію чудотворца Сергія. Самый походъ Іоанна подъ Казань въ 1552 г. былъ окруженъ церковными обрядами и молитвами, имѣлъ форму крестоваго похода. На 2 октября Казань была взята послѣ ужаснаго взрыва ея стѣнъ, когда дьяконъ въ походной церкви пр. Сергія читалъ Евангеліе на литургіи и возгласилъ многознаменательныя слова: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.* Царь велѣлъ ломать мечети и строить церкви; въ самый день взятія города заложилъ въ немъ церковь Спаса на мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя съ образомъ Спаса, и выстроилъ обыденную церковь во имя дневныхъ святыхъ Кипріана и Іустины, а на другой день заложилъ соборъ Благовѣщенія. За городомъ, гдѣ погребены были павшіе воины, велѣно построить монастырь *Зилантовъ.* Татары крестились цѣлыми семействами еще во время пребыванія царя въ Казани. Потомъ въ 1553 году въ Москвѣ крестились съ множествомъ татаръ два царя казанскихъ—старый *Эдигеръ* и пятилѣтній *Утемишъ-Гирей.*

Св. Гурій. Но послѣ взятія Казани еще долго нужно было воевать съ подвластными ей черемисами, чувашами, мордвой, вотяками, ногаями и башкирами. Долгая борьба предстояла и церкви съ магометанствомъ татаръ и язычествомъ другихъ инородцевъ. Для успѣховъ вѣры въ этой борьбѣ на московскомъ соборѣ 1555 г. положено открыть въ Казани епархію съ подчиненіемъ ея архіепископу всей казанской и вятской земли. Первымъ святителемъ въ Казань назначенъ былъ селижаровскій игуменъ *Гурій.* Онъ

былъ прежде боярскій сынъ изъ фамиліи Руготиныхъ, родился въ Воронежѣ, жилъ въ молодости на службѣ у князя Пенькова. Оклеветанный въ преступной связи съ женой Пенькова, онъ былъ ввергнутъ разгнѣваннымъ княземъ въ тюрьму. Черезъ 2 года, освободившись изъ заключенія, онъ постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ и за святую жизнь удостоился выбора въ игумены; изъ этого монастыря перешелъ въ Селижаровъ, а отсюда уже въ Казань. Отправленіе его на епархію совершилось съ необыкновенною торжественностію; это былъ другой, духовный походъ на казанское царство. Новый святитель ѣхалъ съ иконами, книгами, церковной утварью и казной государя на строеніе церквей и монастырей Ему данъ былъ подробный наказъ поучать народъ, привлекать его лаской, кормами, дарами, заступленіемъ предъ властями, крестить волею, а не насиліемъ, крещеныхъ наставлять въ вѣрѣ у себя на дому или по монастырямъ, крестить и тѣхъ, которые пожелаютъ того для избѣжанія отъ наказаній за вины, печаловаться предъ воеводами и судьями за подсудимыхъ, обличать неправды властей, участвовать съ ними во всѣхъ совѣтахъ. Своимъ ученіемъ и жизнію св. Гурій благотворно дѣйствовалъ на магометанъ и язычниковъ и въ 9 лѣтъ своего святительства обратилъ ихъ многія тысячи. Послѣдніе 3 года онъ не могъ уже ходить вслѣдствіе болѣзни, но и теперь неопустительно на носилкахъ являлся въ храмъ и училъ свою паству. Царь очень благоволилъ къ святителю и во всемъ ему помогалъ. Въ 1556 г., когда новокрещенные татары припяли участіе въ казанскомъ бунтѣ, по настоянію св. Гурія всѣ некрещеные татары были выселены изъ Казани въ особую слободу. Св. Гурій скончался 4 декабря 1564 г. Въ 1596 г. послѣдовало открытіе его мощей.

Свв. Варсонофій и Германъ. Помощниками св. Гурія въ его апостольскихъ подвигахъ были архимандриты *Варсонофій* и *Германъ*. Первый былъ сынъ одного серпуховскаго священника, съ юныхъ лѣтъ отличался умомъ и любовью къ книгамъ. Лѣтъ 17 онъ попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ и въ три года тяжкой неволи успѣлъ изучить языкъ и вѣру своихъ поработителей, что ему очень пригодилось въ послѣдствіи. До своего служенія въ Казани онъ жилъ нѣсколько времени домовымъ іеродіакономъ у тверскаго архіерея, потомъ былъ игуменомъ Пѣшнош-

ской обители. Въ Казани онъ устроилъ Спасскій монастырь и далъ ему уставъ. По своему знанію татарскаго языка и нравовъ онъ былъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ св. Гурія; весьма много татаръ привлекало къ нему его искуство врачеванія болѣзней. Съ 1567 г. онъ былъ епископомъ въ Твери, но подъ старость (1571 го.) снова воротился въ Спасскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1576 г. Мощи его обрѣтены вмѣстѣ съ мощами св. Гурія. — *Св. Германъ*, изъ боярской фамиліи Полевыхъ, родился въ Старицѣ и былъ постриженникомъ Волоколамскаго монастыря, гдѣ подвизался подъ руководствомъ св. Гурія. Въ казанской землѣ онъ устроилъ свіяжскій *Богородицкій* монастырь, сдѣлавшійся просвѣтительнымъ центромъ для праваго берега Волги и для всего казанскаго края. Получивъ въ управленіе всѣ церкви свіяжскаго уѣзда, св. Германъ былъ главнымъ руководителемъ тамошняго духовенства въ дѣлѣ инородческой миссіи. Послѣ смерти св. Гурія онъ былъ преемникомъ его по каѳедрѣ и достойнымъ продолжателемъ его дѣла († 1569 г.). Преемники св. Гурія и Германа, кромѣ *Гермогена*, не оказали особенной ревности къ обращенію инородцевъ, такъ что всѣмъ своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ казанскій край до самаго XVIII в. былъ обязанъ дѣятельности своихъ чудотворцевъ; послѣ нихъ остались цѣлыя селенія, такъ называемыхъ, *старокрещенныхъ* инородцевъ.

Христіанство въ Казани въ концѣ XVI в. Прославленію имени Божія между татарами и язычниками много содѣйствовали съ 1571 г чудеса новоявленной иконы *Казанской Божіей Матери*. Не смотря на то, въ концѣ XVI в м. *Гермогенъ* въ донесеніи царю изобразилъ печальную картину состоянія своей паствы: новокрещеные жили вмѣстѣ съ некрещеными, не исполняли христ. обрядовъ, ходили къ мулламъ и хранили всѣ старые обычаи; въ Казани опять были построены мечети, даже многіе русскіе, живя у инородцевъ въ услуженіи, измѣняли своей вѣрѣ. Правительство распорядилось: отдѣлить крещеныхъ отъ некрещеныхъ въ особую слободу съ церковію; дѣтямъ боярскимъ наблюдать за ними, чтобы они держали православную вѣру крѣпко, а которые держатъ не крѣпко, тѣхъ сажать въ тюрьму или отсылать владыкѣ на смиреніе; русскимъ не жить у иновѣрцевъ въ услуженіи и не

вступать съ ними въ браки; мечети въ городѣ въ конецъ извести. На этихъ внѣшнихъ мѣрахъ и остановилось пока все дѣло; труднаго вопроса о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ не задѣвали до самаго XVIII в.

Христіанство въ Астрахани и на Кавказѣ. Завоеваніе казанскаго царства проложило путь къ завоеванію царства *астраханскаго*. Въ 1557 г. въ Москвѣ крестилась астраханская царица съ сыномъ, а въ слѣдующемъ году посланъ въ Астрахань игуменъ *Кириллъ* для крещенія народа и устроенія церквей и монастырей, онъ крестилъ очень много татаръ, при чемъ дѣтей ихъ училъ грамотѣ и закону Божію. Въ церковномъ управленіи Астрахань присоединена была къ казанской епархіи. Изъ Астрахани Россія завязала сношенія съ народами около *Кавказа*, которые исповѣдывали православіе, но отступали отъ него вслѣдствіе магометанскихъ гоненій Въ Москву одинъ за другимъ пріѣзжали омагометанившіеся черкесскіе князья и крестились. Изъ Москвы посылали къ нимъ въ горы священниковъ возстановлять православную вѣру. Въ 1586 году пришли послы изъ единовѣрной *Кахетіи*; князь ея *Александръ*, тѣснимый турками и персами, просилъ о принятіи его съ народомъ въ русское подданство и о защитѣ отъ враговъ; изъ Москвы отправлены къ нему священники, монахи и иконописцы для возстановленія чистоты вѣры и богослуженія, пострадавшихъ отъ постояннаго вліянія сосѣднихъ магометанскихъ народовъ.

Церковное управленіе

Кромѣ расширенія внѣшнихъ предѣловъ церкви, усиленіе московскаго государства было полезно для нея и потому, что она могла теперь опираться на силу гражданской власти съ большею увѣренностію, чѣмъ въ прежнее время слабости государства. Но съ другой стороны усилившееся государство, вслѣдствіе уже знакомаго намъ своего религіознаго характера, воспитаннаго подъ руководствомъ церкви, теперь вполнѣ проявило ту власть въ церковныхъ дѣлахъ, начало которой мы видѣли въ предшествовавшее время.

Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ. Преемникъ митрополита Іоны кроткій и благочестивый *Іосифъ*

былъ избранъ на митрополію уже безъ сношенія съ Греціей. Замѣчательно, что при его избраніи участвовали епископы одного московскаго княжества; архіереи независимыхъ отъ Москвы городовъ—Новгорода и Твери прислали на соборъ только свои грамоты, предоставляя избраніе митрополита самому в. князю и архіереямъ московскаго княжества. Также были избраны и послѣдующіе митрополиты временъ Іоанна III: *Филиппъ I* (съ 1467 г.), *Геронтій* (1473), *Зосима* (1491) и *Симонъ* (1494). При такомъ порядкѣ замѣщенія митрополичей каѳедры в. князь имѣлъ сильное вліяніе на выборъ первосвятителей, не стѣсняемое уже ни вліяніемъ Константинополя, ни вліяніемъ удѣльныхъ князей. Отношенія в. князя къ митрополитамъ выражались въ прежнихъ формахъ; русскій первосвятитель назывался отцомъ, призывался на княжескіе совѣты, скрѣплялъ княжескіе договоры, ходатайствовалъ за опальныхъ и проч. Во время борьбы в. князя съ послѣдними остатками удѣльнаго быта митрополиты, какъ и прежде, усердно дѣйствовали въ пользу верховной власти: Филиппъ и Геронтій весьма много содѣйствовали в. князю въ покореніи Новгорода, писали посланія о повиновеніи в. князю въ непокорные края—Псковъ, Вятку и Пермь. Памятниками руководительныхъ отношеній церкви къ верховной власти служатъ между прочимъ два посланія къ в. князю, одно отъ собора духовенства, другое отъ ростовскаго епископа *Вассіана Рыло*, на Угру, гдѣ в. князь въ боязливой нерѣшимости стоялъ съ полками предъ ханомъ *Ахматомъ*; оба посланія возбуждали его къ рѣшительному бою за землю русскую. Но съ другой стороны при Іоаннѣ, не смотря на его стараніе во всемъ держаться старыхъ формъ, подъ этими формами видимъ уже проявленія новыхъ отношеній. В. князь не любилъ м. Геронтія, пастыря твердаго, не боявшагося въ случаѣ надобности сказать в. князю рѣшительное слово и однажды едва не лишилъ его каѳедры.

Въ княженіе *Василія Іоанновича*, который развилъ верховную власть еще больше отца, митрополиты поставлялись уже безъ соборнаго избранія по волѣ одного в. князя. Преемникъ м. Симона *Варлаамъ* (съ 1511 г.) твердостію своего характера не понравился в. князю и в. князь заточилъ его въ оковахъ въ Спасо-каменный монастырь. Въ митрополиты поставленъ былъ (1521) вполнѣ послушный в. князю волоцкій игуменъ *Даніилъ*. Одинъ опальный

бояринъ Берсень Беклемишевъ говорилъ о немъ: „учительнаго слова отъ него не слышно и не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ“. Слабость духовной власти особенно ясно высказалась въ дѣлѣ о разводѣ в. князя съ его неплодной супругой, несчастной *Соломоніей*. Противъ этого незаконнаго развода былъ и Максимъ грекъ, жившій тогда въ Россіи и восточные святители, приставшіе свой голосъ изъ Греціи. Но Даніилъ, исполняя желаніе в. князя, все-таки насильно постригъ Соломонію въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и обвѣнчалъ в. князя съ *Еленой Глинской*. Плодомъ этого брака былъ *Іоаннъ Грозный*.

Митрополиты въ малолѣтство и первое время царствованія Грознаго. Въ малолѣтство Грознаго постоянное участіе митрополитовъ въ гражданскихъ дѣлахъ втянуло ихъ въ распри бояръ и подвергло насилію партіи *Шуйскихъ*. М. Даніилъ сталъ было на сторону противной партіи *Бѣльскихъ*, но Шуйскіе заставили его отречься отъ каѳедры (1539 г.) и сослали въ Волоцкій монастырь. Преемникъ его *Іоасафъ* тоже сталъ за Бѣльскихъ и тоже подвергнулся (1542 г.) отъ Шуйскихъ безчестному низверженію съ каѳедры и ссылкѣ въ Бѣлозерскій монастырь. Послѣ него м. *Макарій*, бывшій новгородскій владыка, былъ осторожнѣе и съумѣлъ удержаться на каѳедрѣ цѣлыхъ 22 года. Но и онъ потерпѣлъ отъ Шуйскихъ много непріятностей, когда заступился за любимца Іоаннова кн. Воронцова, котораго Шуйскіе хотѣли убить, опасаясь его вліянія на царя.

Новый государь вступилъ въ управленіе дѣлами съ сильно раздраженной жаждой власти, которую у него такъ долго отнимали бояре, и съ самымъ высокимъ понятіемъ о значеніи государя. Онъ первый изъ русскихъ князей составилъ себѣ полную теорію самодержавія, весь проникся ею и самъ ревниво благоговѣлъ предъ своимъ саномъ. На 17 году (1547 г.) онъ принялъ помазаніе на царство по примѣру, какъ онъ говорилъ, греческихъ царей и прадѣда своего Владиміра Мономаха и явился первымъ „прирожденнымъ“ и „Божіею милостію“ царемъ. Послѣ въ 1557 г. онъ выпросилъ подтвержденіе этого сана у собора греческихъ святителей. Юный царь былъ благочестивъ, почиталъ св. чинъ, ревновалъ о благѣ церкви. Послѣ потрясенія, произведеннаго въ его впечатлительной душѣ московскимъ по-

жаромъ 1547 г., онъ торжественно на лобномъ мѣстѣ принесъ покаяніе въ грѣхахъ юности и бѣдствіяхъ земли и просилъ м. Макарія быть его пособникомъ и учителемъ. О томъ же молилъ онъ и другихъ русскихъ святителей на *Стоглавомъ соборѣ*, который созвалъ для исправленія церковныхъ нестроеній. Для церкви, казалось, наступило время ея наибольшаго благосостоянія. Подозрительный къ боярамъ, государь довѣрчиво ввѣрялся людямъ худороднымъ, въ родѣ *Адашева*, и духовенству. Вмѣстѣ съ м. Макаріемъ руководителемъ его сдѣлался священникъ *Сильвестръ*. Но при той подозрительности и ревности къ власти, какія воспитались въ царѣ подъ впечатлѣніями его дѣтства, требовалось много осторожности со стороны его руководителей. Малѣйшая неумѣренность ихъ въ пользованіи своимъ вліяніемъ могла пробудить въ душѣ царя опасную мысль, что имъ управляютъ, какъ ребенкомъ, какъ управляли имъ ненавистные ему бояре.

Сильвестръ не съумѣлъ удержаться на своей высотѣ. Его назойливая правоучительность, о которой можно судить по его „Домострою“, требованіе во всемъ наблюденія извѣстной мѣры и принятыхъ формъ непріятно столкнулись съ страстной, не терпѣвшей никакихъ сдержекъ природой царя. Съ теченіемъ времени царю именно показалось, что съ нимъ поступаютъ, какъ съ младенцемъ: „не было мнѣ ни въ чемъ воли; сколько спать, какъ одѣваться, все было опредѣлено... Попробую прекословить и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство-то раззорится“. Когда же Сильвестръ окружилъ себя партіей и свое пѣступство изъ нравственной сферы перенесъ въ политическую, сталъ требовать отъ своего духовнаго сына подчиненія своимъ совѣтамъ и въ этой сферѣ, напр. укорялъ его за ливонскую войну и требовалъ продолженія крымской, когда кромѣ того еще разссорился съ много любимой супругой царя *Анастасіей*, называлъ ее Евдоксіей, а себя—Златоустомъ, когда наконецъ во время болѣзни царя при вопросѣ о престолопаслѣдіи сталъ на сторонѣ не сына Іоанна, а удѣльнаго князя *Владиміра Андреевича*,—царь окончательно поставилъ его и его партію на одну доску съ крамольными боярами. Послѣдовало удаленіе Сильвестра; къ своей теоріи царской власти, направленной прежде противъ однихъ бояръ, царь прибавилъ новыя черты, относившіяся къ участію въ государственныхъ дѣлахъ духовенства.

Онъ высказалъ ихъ въ письмѣ къ кн. Курбскому, который въ своемъ посланіи къ Іоанну доказывалъ необходимость имѣть царю мудрыхъ совѣтниковъ: „ты считаешь, писалъ царь, свѣтлостію благочестивою, когда государство обладается попомъ невѣждою? Но царство, обладаемое попомъ, раззоряется... Богъ не священника поставилъ надъ Израилемъ, но Моусея, какъ царя. Когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ не подобаетъ священникамъ брать на себя царскія дѣла". На туже мысль приводятся и другіе примѣры изъ св. писанія и византійской исторіи. Съ 1560-хъ годовъ послѣдовало удаленіе прежнихъ совѣтниковъ, опалы на сильныхъ людей, отъѣздъ кн. Курбскаго въ Литву, учрежденіе опричины и боярскія казни. Свой подозрительный взглядъ на бояръ Грозный перенесъ и на духовенство. Обычный совѣтъ со стороны пастырей церкви, обычное слово назиданія или печалованія за опальныхъ стали теперь казаться царю посягательствомъ на его власть, напоминали ему попа Сильвестра. При самомъ учрежденіи опричины въ 1565 году онъ объявилъ народу, что положилъ свою опалу на бояръ и духовенство за то, что захочетъ государь наказать бояръ—и духовенство ихъ покрываетъ предъ государемъ. Съ этихъ поръ, намѣреваясь печаловаться за кого нибудь, митрополитъ предварительно долженъ былъ испрашивать на то дозволеніе царя.

Митрополиты во время опричины. М. Макарій не дожилъ до учрежденія опричины († 1563). Преемникомъ его въ 1564 г. избранъ былъ духовникъ царя *Аѳанасій* (1); добрый старецъ не выдержалъ ужасовъ времени и черезъ годъ оставилъ каѳедру по болѣзни. При выборѣ новаго святителя вниманіе царя остановилось на Германѣ казанскомъ, но послѣ того, какъ св. Германъ рѣшительно потребовалъ уничтоженія опричины, царь выгналъ его изъ митрополичьяго дома и вызвалъ въ митрополиты соловецкаго игумена *св. Филиппа* (1566 г.). Онъ происходилъ изъ рода бояръ Колычовыхъ и въ молодости служилъ при дворѣ в. кн. Василія и Елены. Строгаго подвижника едва уговорили при-

(1) На соборѣ 1561 г. московскимъ митрополитамъ въ первый разъ дано было право носить бѣлый клобукъ. До Аѳанасія бѣлый клобукъ носилъ одинъ м. Макарій, избранный на митрополію изъ новгородскихъ владыкъ.

нять предложенный санъ и дать обѣщаніе не вступаться въ опричину. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ не захотѣлъ молчать при видѣ жестокостей и безпутства опричниковъ. Напрасно царь избѣгалъ съ нимъ встрѣчъ, боясь обличеній; встрѣчи были необходимы въ церкви и здѣсь же происходили обличенія.—Опричники не опускали случаевъ раздражать царя противъ опаснаго для нихъ святителя. Однажды въ 1568 г. въ недѣлю крестопоклонную царь пришелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ вмѣстѣ съ опричниками въ ихъ странныхъ нарядахъ и подошелъ къ митрополиту принять благословеніе. Филиппъ не благословилъ его. „Не узнаю царя, говорилъ онъ, въ такой одеждѣ, не узнаю и въ дѣлахъ царства. Убойся суда Божія; мы здѣсь приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь неповинная". На угрозы царя онъ отвѣчалъ: „я пришлецъ на земли и готовъ пострадать за истину; гдѣ же вѣра моя, если умолкну?" Царь рѣшился наконецъ свергнуть его съ каѳедры. Нашлись клеветники съ тяжкими обвиненіями на святаго. Соборъ подобострастныхъ епископовъ (новгородскаго, суздальскаго и рязанскаго) осудилъ его на лишеніе каѳедры. 8 ноября 1568 г. опричники буйной толпою ворвались въ храмъ, гдѣ Филиппъ служилъ свою послѣднюю литургію, сорвали съ него святительскія одежды, одѣли въ лохмотья и повели въ тюрьму. Онъ былъ заточенъ въ тверской Отрочь монастырь. Чрезъ годъ, проѣзжая мимо Твери, Іоаннъ заслалъ въ Отрочь монастырь *Малюту Скуратова* взять благословеніе у Филиппа. Святитель не далъ благословенія и опричникъ задушилъ его. Послѣдующіе Митрополиты *Кириллъ* и *Антоній* были уже только безмолвными свидѣтелями дѣлъ Грознаго. Кн. Курбскій называлъ всѣхъ русскихъ святителей страшнаго времени „потаковниками" царя и восклицалъ: „гдѣ Илія, возревновавый о Навуфеевой крови? гдѣ Елисей, посрамившій царя израилева? гдѣ лики пророковъ, обличавшихъ неправды царей? Гдѣ Амвросій, смирившій Ѳеодосія? Гдѣ златословесный Иванъ, обличившій царицу златолюбивую? Кто отстоитъ обидимую братію? Воистину никто; если кто и явится ревнующій по Богѣ правдою слова, осудится, какъ злодѣй и послѣ различныхъ мукъ предастся горькой смерти". Четвертый бракъ царя съ разрѣшенія церковныхъ властей, съ наложеніемъ только легкой эпитиміи, которую притомъ же царь не исполнялъ, — служитъ достаточнымъ

свидѣтельствомъ упадка духовной силы іерарховъ, о которомъ говоритъ Курбскій. Послѣ этого брака царь еще женился 3 раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти.

Митрополиты при царѣ Ѳеодорѣ. Послѣ страшнаго Іоанна сталъ царемъ благочестивый и слабый сынъ его *Ѳеодоръ*. Но и въ его царствованіе видимъ сверженіе м. *Діонисія*, который вмѣстѣ съ Шуйскими осмѣлился дѣйствовать противъ могущественнаго *Годунова*, говоритъ о неправдахъ временщика и хлопотать о разводѣ царя съ неплодной *Ириной* — сестрой Годунова. На мѣсто его возведенъ (1587 г.) ростовскій архіепископъ *Іовъ*. Это былъ послѣдній митрополитъ и первый патріархъ въ нашей исторіи.

Учрежденіе патріаршества. Еще со временъ м. Іоны русская церковь на дѣлѣ достигла полной самостоятельности и независимости отъ патріарха; союзъ ея съ восточной церковью выражался въ однихъ вспоможеніяхъ страждущему востоку, за которыми едва не каждый годъ пріѣзжало въ Россію по нѣсколько духовныхъ лицъ отъ восточныхъ іерарховъ, а также изъ аѳонскихъ, палестинскихъ, египетскихъ, сербскихъ и др. монастырей. Но оставалась еще номинальная зависимость русскаго митрополита отъ патріарха. Теперь и эта номинальная зависимость оказывалась неумѣстною, когда Россія стала могущественной державой, а патріархъ былъ подданнымъ турецкаго султана. Къ этому присоединилось еще подозрѣніе касательно цѣлости православія у грековъ, доходившее до того, что около 1480 г. въ архіерейскую присягу внесено было обѣщаніе не принимать грековъ ни на митрополію, ни на епископскія каѳедры. Въ 1586 г. царь Ѳеодоръ на совѣтѣ бояръ и духовенства говорилъ: „восточные патріархи только имя святителей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатію Божіей все больше расширяется, и потому я хочу устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршескій". Всѣ одобрили эту мысль и положили снестись объ исполненіи ея съ патріархами, чтобы не сказали пишущіе на нашу вѣру еретики, будто патріаршій престолъ устроился въ Москвѣ одною царскою властію. Въ 1586 г. въ Россію пріѣзжалъ за милостыней антіохійскій патріархъ *Іоакимъ* и обѣщался предложить о желаніи царя собору восточной церкви. Лѣтомъ 1587 г. прибылъ въ Россію самъ константинопольскій патріархъ *Іеремія* и привезъ съ собою согласіе всѣхъ патріарховъ на учрежденіе московска-

го патріаршества. Получивъ это согласіе, въ Москвѣ сначала предложили патріаршество самому Іереміи Но при этомъ взяли въ разсчетъ и крайнее неудобство имѣть патріархомъ грека, къ которому относились также недовѣрчиво, какъ и ко всѣмъ иностранцамъ, который къ тому же не зналъ ни русскихъ обычаевъ, ни русскаго языка; съ другой стороны ни царю, ни Годунову не хотѣлось отстранить отъ себя Іова, къ которому привыкли и котораго любили. Вслѣдствіе этого патріарху предложили жить не въ Москвѣ, гдѣ оставляли попрежнему Іова, а во Владимірѣ, Іеремія не согласился на это, говоря: „что за патріаршество, что жить не при Государѣ?“ Тогда уже порѣшили поставить патріархомъ Іова. Торжественное поставленіе его совершено Іереміей 26 января 1589 года Уже черезъ 2 года прислана была съ востока грамота объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, подписанная троими патріархами, 42 митрополитами, 19 архіепископами и 20 епископами, въ которой московскому патріарху давалось мѣсто послѣ іерусалимскаго и русской церкви предоставлялось право поставлять своихъ патріарховъ соборомъ своихъ епископовъ.

Судьба новгородской герархіи. Въ исторіи епархіальнаго управленія очень важнымъ событіемъ было паденіе вольныхъ городовъ и уничтоженіе ихъ іерархической самостоятельности. Въ послѣднее время, нигдѣ не находя въ Россіи сильныхъ удѣльныхъ князей, на помощь которыхъ можно бы было опереться противъ московской централизаціи, новгородцы обратились къ покровительству Литвы. В. князь и митрополиты, сначала Ѳеодосій, потомъ Филиппъ, писали въ Новгородъ нѣсколько увѣщательныхъ граматъ, представляя новгородцамъ, что переходъ ихъ къ иновѣрной Литвѣ есть измѣна в. князьямъ и отступленіе отъ самого православія. На эти же мысли опиралась московская партія въ самомъ Новгородѣ. Послѣ смерти владыки Іоны литовская партія требовала, чтобы вновь избранный владыка *Ѳеофилъ* ѣхалъ ставиться не въ Москву, а въ Кіевъ. Когда онъ не согласился на это, она выставила своего избранника на каѳедру, ключника Іоны *Пимена*, который готовъ былъ ѣхать на поставленіе, куда угодно. Въ 1471 г. Іоаннъ III предпринялъ свой походъ на новгородцевъ, на который и онъ и его современники смотрѣли, какъ на походъ религіозный,—противъ отступниковъ отъ православія, и который сравнивали даже съ походомъ Донскаго на

Мамая. Стѣсненный Новгородъ вымолитъ себѣ прощеніе в. князя чрезъ своего нареченнаго владыку Ѳеофила. Новгородцы обязались не отступать къ Литвѣ и посвящать своихъ владыкъ при гробѣ святителя Петра. Послѣ этого Ѳеофилъ ѣздилъ въ Москву и былъ поставленъ на архіепископію. Вѣрный старинному обычаю печалованія, онъ былъ постояннымъ ходатаемъ за своихъ духовныхъ чадъ предъ Іоанномъ до самаго конца новогородской вольности. Въ 1478 г. в. князь предпринялъ новый походъ противъ Новгорода и на этотъ разъ ходатайство владыки о сохраненіи старинныхъ новгородскихъ правъ уже было безуспѣшно. Вѣчевой колоколъ сняли, отвезли въ Москву и повѣсили, какъ выражается лѣтопись, на колокольницѣ съ прочими колоколы звонити. Владыка и погибъ за свой городъ; послѣ бунта противъ московской власти, который не замедлилъ послѣдовать со стороны новогородцевъ, онъ опять было печаловался о своихъ дѣтяхъ, но в. князь вмѣстѣ съ виновными схватилъ и его самого и отослалъ въ заточеніе въ Чудовъ монастырь. На мѣсто его въ первый разъ поставленъ былъ владыкою не новгородецъ, избранный на вѣчѣ, а москвичъ *Сергій*, присланный в. княземъ и митрополитомъ.—Паденіе Новгорода обставлено въ лѣтописяхъ религіозными преданіями. Оно задолго предваряется печальными предзнаменованіями: сами собой звонили колокола, буря сломила крестъ на св. Софіи, плакали иконы по церквамъ, на гробахъ усопшихъ владыкъ видѣли кровь. Пр. Зосима соловецкій съ ужасомъ видѣлъ на пиру у *Марѳы* посадницы нѣкоторыхъ гостей безъ головъ и предсказалъ имъ казнь отъ в. князя.—Донеслось до насъ преданіе и о первомъ владыкѣ москвичѣ. Усопшіе владыки будтобы являлись ему во снѣ и на яву и съ гнѣвомъ укоряли его, за чѣмъ онъ возсѣлъ на ихъ каѳедрѣ. Году не выдержалъ Сергій своего положенія въ Новгородѣ и сошелъ съ ума. Въ 1484 г. на его мѣсто былъ поставленъ чудовскій архимандритъ *Геннадій*.

Въ Москвѣ долго не могли забыть новгородской вольности и подозрительно присматривались къ старому вѣчевому углу. Въ церковной сферѣ эта подозрительность выразилась разными притѣсненіями владыкамъ, отобраніемъ у нихъ имѣній, отпиской ихъ монастырей къ Москвѣ, лишеніемъ ихъ каѳедры. Лишенъ каѳедры св. Геннадій, обвиненный въ мздоимствѣ. Св. *Серапіонъ* выразилъ негодованіе

на отписку отъ его епархіи Волоколамскаго монастыря и былъ заточенъ въ Троицкій монастырь. Въ 1570 г. Грозный предпринялъ свой кровавый походъ на Новгородъ, чтобы вывести въ немъ измѣну, о которой ему доносили клеветники. Владыка *Пименъ*, нѣкогда осудившій на соборѣ св. Филиппа, по обычаю встрѣтилъ царя съ крестомъ. Іоаннъ не пошелъ ко кресту: „не крестъ ты держишь, закричалъ онъ, а оружіе на насъ; ты не пастырь, а волкъ и измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель“. Послѣ обѣдни царь пошелъ къ Пимену обѣдать, сталъ ѣсть и вдругъ страшнымъ крикомъ далъ знакъ опричникамъ; они схватили владыку и пустились грабить архіерейскій домъ. За тѣмъ произошелъ погромъ города и его окрестностей, при чемъ не было пощады ни церквамъ, ни монастырямъ. Пименъ былъ заточенъ въ Веневѣ. Преемника его *Леонида* Грозный (1576 г.) велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ извѣстіямъ удавить.

Церковныя отношенія Пскова. Другой вѣчевой городъ Псковъ попрежнему все хлопоталъ объ освобожденіи своемъ отъ новгородскихъ владыкъ, разсчитывая въ этомъ случаѣ на содѣйствіе Москвы. Въ 1463 г. псковичи просили в. князя и м. Геодосія дать имъ особаго владыку. Получивъ отказъ, они въ 1468 г. порѣшили управляться въ церковныхъ дѣлахъ безъ владыки двоими выборными священниками; владыкѣ, который, встревоженный этою новостью, пріѣхалъ во Псковъ, сказали, что учрежденное ими церковное самоуправленіе необходимо, потому что владыка не можетъ управиться со множествомъ дѣлъ, въ это послѣднее время смущеніе явилось великое, — всего и разсказать нельзя. Они принуждены были отступиться отъ своего рѣшенія уже въ 1570 г. по требованію в. князя и м. Филиппа. Вѣче неразъ дѣлало распоряженія, которыя могъ дѣлать одинъ владыка, напр, въ 1468 г. отлучило отъ службы вдовыхъ поповъ и дьяконовъ. Даже послѣ паденія Новгорода, когда его владыки сдѣлались органами московской власти, псковичи постоянно раздражали ихъ своимъ непокорствомъ. Послѣ своего паденія Псковъ возбуждалъ такую же подозрительность къ себѣ въ Москвѣ, какъ и Новгородъ. Послѣ Новгорода Грозный собирался разгромить и Псковъ, но сдержалъ свой гнѣвъ, увидя покорность жите-

лей.—Перваго епископа (*Мисаила*) Псковъ получилъ уже при учрежденіи патріаршества.

Епархіи московской митрополіи. Изъ перемѣнъ въ епархіальномъ управленіи до учрежденія патріаршества замѣчательны: учрежденіе новой казанской епархіи, переведеніе пермской епархіи въ Вологду (въ началѣ XVI в.), присоединеніе къ московской митрополіи Смоленска (при Василіѣ Іоанновичѣ) и Полоцка (при Грозномъ) съ ихъ епархіями; въ 1570 г. у нѣмцевъ взятъ старинный русскій городъ Юрьевъ и сдѣланъ новой епископіей. Стефанъ Баторій снова отнялъ у Россіи и Юрьевъ и Полоцкъ; полоцкая епархія снова отошла къ Кіеву, а юрьевская была закрыта. При учрежденіи патріаршества открыта псковская епархія, а въ 1595 г., когда отъ Швеціи была возвращена Карелія, явилась новая корельская епископія. Епархія митрополита послѣ раздѣленія митрополіи значительно уменьшилась чрезъ отдѣленіе отъ нея кіевской половины, но все еще слишкомъ была обширна и послѣ этого; она обнимала собою нынѣшнія епархіи: московскую, костромскую, нижегородскую, вятскую, курскую, орловскую и значительныя части владимірской, архангельской, новгородской и тамбовской. Послѣ паденія сарайской Орды сарайскій епископъ (съ 1454 г.) сталъ жить въ Москвѣ на *Крутицахъ* и сдѣлался какъ-бы викаріемъ митрополита. Съ возвышеніемъ митрополита въ патріархи четыре архіерея: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, получили санъ митрополита, 6 епископовъ возведены въ архіепископы, предположено было открыть еще 8 епископій, но на лицо было пока только три.

Составъ епархіальнаго управленія. Съ XVI вѣка въ церковномъ управленіи встрѣчаемъ цѣлый рядъ новыхъ и очень важныхъ постановленій. Наибольшая часть ихъ принадлежитъ *Стоглавому собору* 1551 г. Съ большимъ приличіемъ опредѣленъ личный составъ епархіальнаго управленія. Духовенство давно уже тяготилось тѣмъ, что всѣ епархіальныя дѣла производились свѣтскими чиновниками архіерейскаго дома, которые смотрѣли на свои должности, какъ на кормленіе, и притѣсняли духовный чинъ. На соборѣ 1503 года ростовскій священникъ *Георгій Скрипица* говорилъ противъ этого зла: „господа священноначальницы! Неблагословно надсматриваете надъ вѣрными людьми... Надзираете церковь по царскому чину земнаго царя—бо-

ярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ". Но только чрезъ 50 лѣтъ послѣ этого Стоглавъ опредѣлилъ вѣдать духовенство по духовнымъ дѣламъ самимъ святителямъ или кому они укажутъ изъ духовныхъ, а не изъ мірскихъ лицъ, за владычними же боярами оставить судъ надъ духовенствомъ только по гражданскимъ дѣламъ церковнаго вѣдомства. Вслѣдствіе этого постановленія увеличено число духовныхъ органовъ архіерейской власти, каковыми были архимандриты, игумены и поповскіе старосты.

Поповскіе старосты, которыхъ въ первый разъ мы видѣли во Псковѣ, въ XV в. явились и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но съ исключительно финансовымъ значеніемъ, какъ органы архіерея, къ которымъ, по выраженію граматъ, тянули всякими сборами тяглые попы. Стоглавъ сдѣлалъ учрежденіе поповскихъ старостъ и ихъ помощниковъ, *десятскихъ* священниковъ, повсемѣстнымъ и облекъ ихъ, кромѣ обязанности собирать владычніе сборы, еще обязанностію надзирать за церковнымъ благочиніемъ и въ качествѣ депутатовъ сидѣть въ судѣ надъ духовенствомъ у владычнихъ бояръ. — Право суда попрежнему осталось за одними приказными людьми, которымъ духовная власть довѣряла больше, чѣмъ выборнымъ поповскимъ старостамъ. Отъ того жалобы духовенства на бояръ и десятильниковъ неумолчно раздаются и послѣ Стоглава.

Церковный судъ. Правилами судебниковъ Іоанна III и Іоанна Грознаго, новыми граматами духовной и свѣтской власти и правилами Стоглава произведено болѣе точное разграниченіе церковнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Неподсудность духовныхъ лицъ мірскому суду признана была общимъ правиломъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, но и по этимъ дѣламъ первыя дѣйствія суда до снятія сана съ виновнаго принадлежали духовнымъ же властямъ. Свѣтскія лица духовнаго вѣдомства, служилые, крестьяне и другіе, судились на тѣхъ же основаніяхъ у своихъ ближайшихъ духовныхъ начальствъ, архіереевъ и монастырскихъ властей. По искамъ постороннихъ на лицъ духовнаго вѣдомства назначался судъ смѣсный изъ органовъ духовнаго и свѣтскаго суда. Иски духовныхъ лицъ на посторонніхъ, также иски на духовныхъ властей, архіерей-

скихъ намѣстниковъ и бояръ разбирались верховною властію государя или его боярами въ приказѣ большаго дворца.—Но эти правила, выработанныя на основаніи Кормчей, соблюдались не вполнѣ. При древнемъ стремленіи каждой корпораціи людей къ обособленію и вслѣдствіе тяжкихъ поборовъ и притѣсненій со стороны архіерейскихъ чиновниковъ многіе монастыри выпрашивали себѣ у князей *несудимыя* граматы, на основаніи которыхъ братія и монастырскіе крестьяне судились у настоятелей, а настоятели помимо епархіальной власти подчинялись суду князя или царя. Несудимыя граматы выпрашивали себѣ и церковные причты, но рѣдко. Граматы эти производили большую путаницу въ церковномъ судѣ, ослабляли власть архіереевъ и подчиняли духовенство мірскому суду. Поэтому Стоглавъ отмѣнилъ ихъ; но его распоряженіе не вошло въ практику.

Состояніе духовенства.

Сборы съ духовенства. Въ финансовой сферѣ церковнаго управленія встрѣчаемъ нѣкоторыя опредѣленія касательно архіерейскихъ сборовъ. Послѣ рѣзкихъ обличеній стригольниковъ касательно поставленія пастырей на мздѣ соборъ 1503 г. отмѣнилъ было *ставленыя* пошлины, но Стоглавый соборъ снова узаконилъ ихъ. За переходъ къ другой церкви каждый священнослужитель платилъ *переходжія* и *новичныя* деньги. Вдовы попы и дьяконы платили *епитрахильныя* и *орарныя* пошлины при выдачѣ епитрахильной или орарной граматы на служеніе. Безмѣстное духовенство, служившее по найму, для котораго оно становилось на крестцахъ (перекресткахъ), обложено было пошлиной *крестцовой*. Всѣ церкви платили въ архіерейскую казну *церковную дань* по числу приходскихъ дворовъ. Важную статью архіерейскихъ доходовъ составляли пошлины за *антиминсы* для новыхъ церквей и *вѣнечныя*—съ браковъ. При Грозномъ опредѣлена была денежная сумма, которую духовенство должно было платить ежегодно за архіерейскій подъѣздъ, хотябы архіерей и не ѣздилъ по епархіи. Кромѣ подъѣзда оно платило еще *московскій подымъ* для покрытія издержекъ на поѣздки епископа въ Москву къ митрополиту. Со сборами на архіереевъ соединялись еще особые сборы на ихъ чиновниковъ и служителей архіерейскаго дома (со времени Стоглава эти сборы слагались въ одну общую сумму,

равную по величинѣ церковной лани и извѣстную подъ именемъ *десятильнича дохода*). При поѣздкахъ архіерейскихъ чиновниковъ по дѣламъ духовенство ставило имъ кормы и подводы. Оно же строило дворъ архіерея и дворы десятильничи. Каѳедральный причтъ тоже пользовался съ него сборами, наприм. получалъ долю въ архіерейскомъ подъѣздѣ и извѣстную сумму изъ праздничнаго дохода по приходамъ въ Пасху, Рождество, день Петра и Павла и въ храмовые праздники (*праздничныя гривны*). Самые платежи сборовъ и запись ихъ въ книги облагались пошлинами въ пользу архіерейскихъ служителей подъ именемъ людскихъ *данскихъ* и *отвозныхъ* денегъ, *съ оброкомъ кунигы и писчаго*. Количество сборовъ зависѣло большею частію отъ благоусмотрѣнія архіереевъ. Случалось, что церковь облагалась слишкомъ высокими сборами и оставалась безъ причта лѣтъ 20 и больше Случалось и то, что причтъ, соединясь съ прихожанами, силой отбивался отъ сборовъ. Законнымъ средствомъ избавиться отъ тяжести платежей были *жалованныя граматы*, но архіереи давали такія граматы очень рѣдко и большею частію только такимъ церквамъ, которыя находились въ государевыхъ селахъ или въ вотчинахъ уважаемыхъ монастырей и разныхъ сильныхъ лицъ.

Кромѣ платежей въ архіерейскую казну духовенство не было свободно и отъ *гражданскихъ платежей и повинностей*. Съ *своихъ* земель оно должно было выставлять ратниковъ, давать деньги или припасы на военныя нужды, поставлять кормы и подводы чиновникамъ, поддерживать мосты и дороги, исполнять повинность городовую (т. е. строить городскія стѣны и казенныя зданія). Духовныя лица, жившія на *чужихъ* земляхъ, подлежали еще сборамъ въ пользу владѣльца. Жившіе на *черныхъ* земляхъ, тянули съ черными людьми, т. е. несли тягло, платили оброкъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ, деньги ямскія, стрѣлецкія, пищальныя и друг. *Бѣлою*, свободною отъ платежей, считалась только церковная земля, но и съ нея духовенство должно было нести платежи и повинности въ чрезвычайныхъ случаяхъ, во время войны и для выкупа плѣнныхъ. Изъ постоянныхъ повинностей она не освобождалась отъ повинности губной, т. е. содержанія губнаго старосты.

Содержаніе бѣлаго духовенства. Платежей было много, а средствъ къ содержанію духовенство имѣло мало. Только

немногія церкви имѣли *вотчины*, и то небольшія, наприм. деревни въ 2—4 двора. Небольшое число церквей получало *руги отъ правительства*, но въ очень маломъ количествѣ. Затѣмъ всѣ средства существованія причтовъ вполнѣ зависѣли отъ приходскихъ общинъ. Однѣ общины отмежевывали на содержаніе своихъ причтовъ *земли*, другія вмѣсто земли назначали *руги*, количество которой опредѣлялось по договору между прихожанами и причтомъ. Кромѣ руги причтъ выговаривалъ себѣ еще *сборы* или *запросы*,—петровскій и осенній, которые собирались обыкновенно хлѣбомъ, яицами и др. припасами. Наконецъ духовенство получало доходъ за *требоисправленія*. — Благосостоянію духовенства много вредило неправильное распредѣленіе приходовъ, далеко несоразмѣрное съ числомъ народонаселенія, и непомѣрное размноженіе самого духовенства. Въ половинѣ XVI вѣка Стоглавъ почелъ нужнымъ издать запрещеніе строить лишнія церкви, которыхъ строители не могли обезпечить средствами, нужными для ихъ существованія. Наконецъ до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (въ концѣ XVI в.) нерѣдко случалось, что и богатый прежде приходъ совершенно пустѣлъ отъ перехода крестьянъ. Вслѣдствіе излишка духовенства и бѣдности приходовъ явилось много, такъ называемыхъ *бродячихъ* или *перехожихъ* поповъ, которые съ своими ставленными и перехожими граматами ходили съ мѣста на мѣсто и нанимались служить при церквахъ на годъ или на другой срокъ. Въ городахъ изъ этихъ безмѣстныхъ священнослужителей, служившихъ по найму, образовался классъ *крестцоваго* духовенства. Стоглавый соборъ обратилъ серьезное вниманіе на этотъ безпорядочный людъ, своимъ поведеніемъ производившій большой соблазнъ. Велѣно было выстроить для крестцовыхъ поповъ поповскую избу, чтобы они по крайней мѣрѣ не стояли на улицѣ, и посадить въ ней поповскаго старосту для надзора надъ ними. Между бродячимъ и крестцовымъ духовенствомъ много попадалось людей безъ всякихъ граматъ и состоявшихъ даже подъ запрещеніемъ; поэтому соборъ распорядился о строгомъ осмотрѣ у него граматъ.

Мѣры къ улучшенію нравовъ бѣлаго духовенства. Бѣдность духовенства, зависимость отъ приходовъ, униженіе и исключительно-обрядовая постановка въ обществѣ, при чемъ со стороны духовнаго лица требовалось только исполненіе требъ и обрядовъ, и не было запроса на развитіе пас-

тырскихъ качествъ и духовной силы, производили замѣтный упадокъ и въ нравственномъ состояніи духовнаго чина. М. Ѳеодосій думалъ „поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь“, разсказываетъ лѣтопись, „нача на всяку недѣлю сзывати ихъ и учити по святымъ правиломъ, и вдовцомъ діакономъ и попомъ повелѣ стричися, а еже у кого наложницы будутъ, тѣхъ мучити безъ милости, и священство сымая съ нихъ, и продавать ихъ“. Вдовымъ священнослужителямъ, не постригавшимся въ монашество, служеніе было запрещено еще при св. Петрѣ и Фотіѣ. Запрещеніе это потомъ повторено на соборѣ 1503 г. Ростовскій священникъ Георгій Скрипица тогда же протестовалъ противъ этого рѣшенія. „Пусть, писалъ онъ, подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ своего вдовства Зачѣмъ безъ вины осуждать всѣхъ? Правильно ли, что вдовый священникъ, постригшись, можетъ служить, а тотъ же священникъ, не постригшись, не можетъ служить? Развѣ женою попъ святъ? Который попъ имѣетъ жену, чистъ, а не имѣетъ жены, – не чистъ, а чернецъ, не имѣя жены, чистъ. И вы, господіе мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ?“ Протестъ остался безъ успѣха. Стоглавый соборъ замѣчалъ, что попы и дьяконы предавались пьянству, неблагочинно вели себя въ церкви, бранились неподобными рѣчами и дрались, вдовые попы производили большой соблазнъ, а между тѣмъ исполняли всѣ требы, только литургіи не служили, пономари и дьячки были иногда двоеженцы и троеженцы. Обличать подобные пороки было легко, но когда соборъ обратился къ мѣрамъ для ихъ исправленія, его распоряженія тоже ограничились только усиленіемъ надзора за духовенствомъ и строгости наказаній, да запрещеніемъ служенія вдовцамъ, т. е. тѣми же мѣрами, какія существовали и прежде и безполезность которыхъ была уже испытана; сказано нѣсколько словъ о томъ, чтобы святители испытывали жизнь ставленниковъ и ставили во священство только достойныхъ, но откуда брать этихъ достойныхъ, соборъ не сказалъ.

Земское значеніе приходскаго духовенства. Духовныя лица попрежнему ставились къ церкви по выбору отъ прихожанъ. Въ Стоглавѣ находимъ описаніе того, какъ въ Новгородѣ улица, обыкновенно составлявшая особый приходъ, выбирала себѣ кандидата на церковное мѣсто и шла ко владыкѣ просить о поставленіи избраннаго, при чемъ

иногда брала съ послѣдняго деньги за выборъ; кого владыка пошлетъ безъ приходскаго выбора отъ себя, тому откажутъ. Членъ клира былъ членомъ общины и притомъ членомъ граматнымъ, что давало ему большой вѣсъ и участіе въ земскихъ дѣлахъ, въ разныхъ общинныхъ актахъ, межевыхъ искахъ, мірскомъ судѣ, выборахъ, въ общихъ челобитьяхъ предъ властями и т. п. Съ своей стороны и община была естественной участницей въ дѣлахъ своего духовенства; на судѣ надъ нимъ архіерейскихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ поповскими старостами сидѣли и ея выборные старосты и цѣловальники. При всемъ томъ въ XVI в. нельзя уже не замѣчать признаковъ будущаго упадка выборнаго значенія духовенства. Государство болѣе и болѣе стѣсняло поставленіе въ священный чинъ людей служилыхъ и тяглыхъ, такъ что ставленики были большею частію изъ лицъ духовнаго же происхожденія. Сама приходская община въ своихъ выборахъ прежде всего обращала вниманіе на нихъ же, потому что за нихъ были грамотность ихъ и привычка къ церковной службѣ. Отсюда съ теченіемъ времени постепенно формировалась наслѣдственность церковнаго служенія. Стоглавъ уже прямо говоритъ о *наслѣдіи* церковныхъ мѣстъ послѣ отцовъ дѣтьми.

Монашество. Возникновеніе новыхъ обителей шло съ обычной быстротою, такъ что съ половины XV до XVII вѣка насчитывается до 100 вновь устроенныхъ монастырей. Не смотря на то, что время наибольшаго процвѣтанія монашеской жизни уже оканчивалось, и теперь еще много являлось истинныхъ угодниковъ Божіихъ, преимущественно въ сѣверномъ краѣ, гдѣ они продолжали свою нечеловѣческую борьбу съ дикою природою и суевѣріемъ дикихъ людей. Кромѣ извѣстныхъ намъ просвѣтителей русскаго сѣвера, своими высокими подвигами прославились *Александръ свирскій*, *Даніилъ переяславльскій*, *Нилъ столбенскій*, *Никандръ псковскій* и др. Конецъ XV и начало XVI в. выставили двоихъ великихъ подвижниковъ, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи русскаго монашества, устроителей и законоположниковъ главныхъ родовъ аскетической жизни,—скитскаго и общежительнаго; это были:

Пр. Нилъ сорскій и пр. Іосифъ. Первый происходилъ изъ рода бояръ *Майковыхъ*, былъ постриженникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, извѣстнаго своимъ строгимъ уставомъ. Онъ долго путешествовалъ по востоку для изу-

ченія монашеской жизни; по возвращеніи въ Россію удалился на р. *Сору* и поставилъ здѣсь свою одинокую келью и часовню, около которыхъ скоро возникла цѣлая обитель съ скитскимъ уставомъ. Пр. Нилъ заповѣдалъ братіи питаться трудами, милостыню принимать только въ крайней нуждѣ, не заводить дорогихъ вещей даже въ церкви, женщинъ въ скитъ не пускать, монахамъ изъ него не выходить ни подъ какимъ предлогомъ, владѣніе вотчинами совершенно отрицалось въ Ниловомъ скитѣ, какъ и въ Кирилловомъ монастырѣ при жизни пр. Кирила. Въ своихъ посланіяхъ и преданіи ученикамъ пр. Нилъ является строгимъ аскетомъ, глубокимъ знатокомъ внутренней жизни. Тогда какъ всѣ монашескіе уставы занимались подъ часъ мелочными опредѣленіями касательно монастырской дисциплины и внѣшности, аскетическія творенія Нила развиваютъ самую сущность аскетизма, касаются глубокихъ движеній внутренняго человѣка. Жизнь его скита отличалась такою строгостію, что нашлось только 12 человѣкъ, которые были въ состояніи жить въ немъ; и послѣ кончины пр. Нила (1508 г.) его обитель всегда оставалась представительницей самаго строгаго аскетизма. Въ 1569 г. Грозный хотѣлъ выстроить въ скитѣ каменную церковь вмѣсто деревянной; пр. Нилъ явился ему во снѣ и запретилъ нарушать преданіе скитской нищеты.

Извѣстный намъ ученикъ Пафнутія боровскаго *пр. Іосифъ Санинъ* послѣ кончины учителя долго уговаривалъ братію принять общежительный уставъ. Не получивъ никакого успѣха отъ своихъ увѣщаній, онъ ушелъ изъ Боровскаго монастыря и въ 1479 г. основалъ свою *Волоколамскую* обитель. Въ 37 лѣтъ игуменства онъ выработалъ строгій общежительный уставъ и изложилъ его въ письмени Кромѣ того, желая поддержать преданіе о строгой жизни древнихъ монастырей, онъ собралъ сказанія о ихъ подвижникахъ и изложилъ эти сказанія въ другомъ своемъ сочиненіи „О св. отцахъ монастырей русскихъ“, гдѣ провелъ свою любимую мысль о необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія иноческой строгости. Мы видѣли, какъ онъ, еще будучи юнымъ инокомъ, не хотѣлъ видѣться даже съ матерью, чтобы не нарушить устава. Такой же непреклонной строгостью онъ отличался всю жизнь; это была терпкая натура, не допускавшая никакого послабленія ни для себя, ни для другихъ, стоявшая совершеннымъ контрастомъ съ

мягкой и снисходительной натурой Пафнутія; требованіемъ отъ иноковъ соблюденія всѣхъ формъ монастырской жизни Іосифъ рѣзко отличался и отъ другаго своего современника, пр. Нила. Ученики и почитатели его составили въ монашествѣ даже особую партію, такъ называемыхъ, *іосифлянъ* и вступили съ почитателями Нила, *бѣлозерскими* и *вологодскими* старцами, въ замѣчательную полемику, коснувшуюся, какъ увидимъ, многихъ важныхъ вопросовъ церковной жизни.

Устроеніе общежитія въ монастыряхъ. Общежитіе развивалось преимущественно въ средней Россіи, тогда какъ сѣверный край до самаго XVI в. былъ наполненъ пустынями и скитами, для которыхъ тамъ было столько благопріятныхъ условій. Въ небольшихъ монастырькахъ этого края жило всего по 2—3 монаха. Нѣкоторыя обители имѣли даже приходы, какъ обыкновенныя приходскія церкви. Съ 1528 г. владыка новгородскій Макарій сталъ вводить общежитіе во всѣхъ монастыряхъ своей обширной епархіи; дѣло это онъ продолжалъ потомъ и по восшествіи на митрополію. Малолюдные монастыри приписывались къ большимъ. Общежитіе оказывалось весьма нужнымъ для монастырей, потому что стремленіе къ пустынножительству стало доходить до крайностей, развивало въ монахахъ страсть къ бродяжничеству. Стоглавый соборъ требовалъ, чтобы монахи, не исключая и настоятелей, не заводили себѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, довольствовались общей пищей и одеждой, не уходили изъ монастырей скитаться по городамъ и пустынямъ, не служили при мірскихъ церквахъ, въ монастыряхъ мірянъ не держали, гостей принимали не въ кельяхъ, а въ общей трапезѣ; въ женскихъ монастыряхъ велѣно управлять игуменьямъ, а не игуменамъ, священниковъ держать бѣльцовъ и женатыхъ, вообще инокамъ и инокинямъ вмѣстѣ не жить; бродячихъ монаховъ изъ городовъ изгонять, скитниковъ разводить по общежительнымъ монастырямъ, возвкладныхъ монаховъ и монахинь, которыхъ въ монастыряхъ не принимали и которые поэтому жили въ мірскихъ домахъ, устраивать вкладами изъ царской или святительской казны. Соборъ обратилъ вниманіе на ложныхъ юродивыхъ и пророковъ, которые ходили по городамъ и селамъ, растрепавъ власы, босые и въ лохмотьяхъ, и въ изступленіи выкликали разныя видѣнія и пророчества, поддерживая и безъ того сильное суевѣріе народа.

Юродивые. Впрочемъ между ложными подвижниками на поприщѣ юродства въ описываемое время было много истинныхъ угодниковъ Божіихъ. Ихъ высокій подвигъ, ихъ необыкновенныя слова и дѣйствія, поражавшія религіозное воображеніе, внушали къ нимъ необыкновенное благоговѣніе. Чванные бояре смиренно выслушивали ихъ грубыя обличенія и цѣловали ихъ руки. Во всѣхъ домахъ, куда они ни заходили, ихъ считали за благодатныхъ гостей. Купцы считали за счастіе, если блаженный бралъ что нибудь даромъ изъ товара. Грозный шелъ погромить Псковъ; весь городъ съ трепетомъ ждалъ его пришествія. Но вотъ его встрѣчаетъ блаженный *Никола Салосъ* съ кускомъ сыраго мяса въ рукѣ и заставляетъ его ѣсть. „Я христіанинъ и не ѣмъ сыраго мяса“, отвѣчаетъ царь „Но ты пьешь же кровь человѣческую“, говоритъ юродивый, и царь, убившій митрополита и нѣсколько архіереевъ за обличенія, покорно выслушиваетъ тяжкое слово юродиваго и щадитъ опальный городъ. Въ 1552 г. царь своими руками несъ къ мѣсту погребенія тѣло юродиваго *Василія блаженнаго.* Самыми замѣчательными юродивыми, кромѣ Николая и Василія, были *Іаковъ* боровицкій и *Іоаннъ Большой Колпакъ* московскій, извѣстный своими безстрашными обличеніями Борису Годунову.

Управленіе монастырей. Во главѣ монастырскаго управленія по правиламъ общежитія стояли настоятель и соборъ изъ лучшихъ братій. Настоятели избирались монастырскимъ соборомъ, но могли назначаться и отъ епархіальнаго архіерея. Настоятели знатныхъ монастырей получали утвержденіе въ должности отъ самого царя. Вопреки опредѣленію Стоглава, уничтожившему несудимыя грамоты, многіе монастыри ни въ чемъ не подчинялись суду епархіальныхъ архіереевъ, кромѣ духовныхъ дѣлъ. Большая часть такихъ привиллегированныхъ монастырей состояла подъ патронатомъ удѣльныхъ князей и царя. Въ XVI в. царскіе монастыри вѣдались въ приказѣ большаго дворца, гдѣ давался судъ на ихъ властей и производилась опись и повѣрка ихъ имуществъ. Цари были совершенными игуменами ихъ, принимали всякія жалобы по монастырскимъ дѣламъ, наблюдали за благочиніемъ, писали увѣщанія братіи о соблюденіи устава и т. п. Также относились къ своимъ покровительствуемымъ монастырямъ митрополитъ и архіереи въ чужихъ епархіяхъ. Княжескій патронатъ надъ

монастырями, какъ болѣе сильный, доходилъ иногда до явныхъ злоупотребленій. Такъ напр. въ началѣ XVI в. Волоцкій монастырь терпѣлъ сильныя притѣсненія отъ волоцкаго князя *Ѳедора Борисовича*, который смотрѣлъ на казну этой богатой обители, какъ на свою доходную статью, и постоянно бралъ поборы съ монаховъ. Если ему отказывали, онъ угрожалъ монахамъ кнутомъ, а игумена преп. Іосифа бранилъ. Такимъ образомъ онъ раззорилъ уже не одинъ монастырь въ своемъ удѣлѣ. Напрасно пр. Іосифъ съ братіею просилъ приближенныхъ князя бояръ походатайствовать за монастырь. „Воленъ государь въ своихъ монастыряхъ, отвѣчали ему, хочетъ—жалуетъ, хочетъ—грабитъ". Тогда монастырь отдался въ вѣденіе в. князя московскаго. Кн. Ѳеодоръ, не желая выпускать изъ своихъ рукъ богатой обители, обратился къ новгородскому владыкѣ *св. Серапіону*, который тоже былъ оскорбленъ отпиской этого монастыря отъ своей епархіи. По внушенію Ѳеодора, онъ изрекъ на пр. Іосифа отлученіе; но съ княземъ московскимъ спорить было нелегко; св. Серапіонъ былъ вызванъ въ Москву, лишенъ каѳедры и заточенъ въ Троицкій монастырь.

Общественное значеніе монастырей продолжало поддерживаться ихъ богатыми и обширными вотчинами, содѣйствіемъ русской колонизаціи и образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ. Монастыри распахивали новыя земли, осушали болота, расчищали лѣса, копали каналы, улучшали скотоводство, заводили у себя ярмарки, заводы и разныя мастерства. Настоятели, отличавшіеся хозяйственными талантами, пользовались большимъ уваженіемъ. Напр. Соловецкій монастырь сохранялъ благодарную память о св. Филиппѣ; во время своего игуменства онъ заботился о сообщеніи острова Соловецкаго съ материкомъ чрезъ улучшенное судоходство, проложилъ дороги, распахалъ новыя земли, очистилъ лѣсъ, улучшалъ породы домашняго скота, поднялъ соляныя варницы, рыбную ловлю, кирпичные заводы и мельницы. Соловецкій лѣтописецъ съ удивленіемъ описываетъ сдѣланныя Филиппомъ водопроводныя машины, необыкновенную телѣгу,—сама насыплется рожью, сама привезется и высыплетъ рожь на сушило, сѣвальню съ 10 рѣшетами,—сѣетъ одинъ вмѣсто многихъ, мѣхи для вѣянія ржи и др. улучшенія.— Попрежнему множество людей привлекала на монастырскія земли монастырская благотворительность; монастырскія

житницы въ голодные годы кормили цѣлыя сотни людей, напр. во время одного голода Іосифовъ монастырь ежедневно кормилъ до 700 нищихъ; при монастыряхъ, а равно при архіерейскихъ домахъ устроивались богадѣльни и больницы. На Стоглавомъ соборѣ возникъ вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ и рѣшено было дѣлать для этого выкупа сборъ со всей земли. Но м. Іоасафъ, жившій на покоѣ въ Троицкой лаврѣ, посовѣтовалъ брать выкупъ изъ казны архіереевъ и монастырей. „А крестьянамъ, государь, писалъ онъ, и такъ много тягли въ твоихъ податяхъ; покажи имъ милость“. Вслѣдствіе этого между духовенствомъ возникъ особый сборъ, извѣстный въ XVI и XVII вв. подъ именемъ *полоняничныхъ* денегъ.

Распоряженія правительства о церковныхъ вотчинахъ. Мы видѣли, что еще съ XIV в. поднялся вопросъ о церковныхъ вотчинахъ, но исключительно съ нравственной точки зрѣнія. Съ развитіемъ московскаго государства этотъ вопросъ получаетъ государственный характеръ. Отъ разширенія вотчиннаго владѣнія монастырей у правительства уходила изъ рукъ земля, которая была нужна ему для раздачи служилымъ людямъ и для интересовъ казны. Притомъ же на льготныя монастырскія земли уходило много крестьянъ съ земель служилыхъ людей, которые отъ этого бѣднѣли и затруднялись нести государеву службу. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ при Іоаннѣ III возникла мысль объ отобраніи церковныхъ вотчинъ въ пользу государства. На первый разъ, пользуясь правомъ завоевателя, в. князь роздалъ служилымъ людямъ нѣсколько владычнихъ и монастырскихъ земель новгородской области. М. Симонъ благословилъ его на это. Хотя право завоеванія въ настоящемъ случаѣ было плохимъ оправданіемъ мѣры в. князя, потому что земли отбирались у одной и той же православной церкви, но московская іерархія не обратила на это вниманія, увлекаясь желаніемъ ослабить богатаго владыку и сильными еще тогда удѣльными понятіями о неприкосновенности чужихъ монастырей и церквей. Тотъ же м. Симонъ и московское духовенство оказались совершенно другихъ мыслей, когда в. князь на соборѣ 1503 г. предложилъ вопросъ объ отобраніи имѣній уже у всѣхъ вообще монастырей. Послѣ долгаго спора объ этомъ предметѣ соборъ отвѣчалъ в. князю, что церковь имѣетъ вотчины еще со временъ Владиміра и Ярослава, и самые цари ордынскіе, боясь Господа,

щадили ея собственность, и что поэтому „святители и монастыри отдавать церковнаго стяжанія не благоволятъ". Іоаннъ Грозный тоже протягивалъ руку на церковныя вотчины, но духовенство отказывало и ему. Стоглавый соборъ оградилъ неприкосновенность церковнаго стяжанія клятвою. Царю впрочемъ удалось провести на соборѣ нѣкоторыя мѣры къ ограниченію возрастанія монастырскихъ вотчинъ на будущее время; положено: новыя вотчины монастырямъ пріобрѣтать только съ согласія царя; пріобрѣтенныя въ малолѣтство царя возвратить въ казну; во внутреннихъ областяхъ около Москвы не отказывать монастырямъ селъ на поминъ души (земли около Москвы правительство старалось раздавать служилымъ людямъ, чтобы имѣть подъ рукою готовое войско). Въ 1573 г. послѣдовало новое распоряженіе давать вотчины съ согласія царя однимъ бѣднымъ обителямъ. Въ 1581 г. по случаю сильнаго истощенія государства отъ войнъ царь опять созвалъ соборъ о монастырскихъ вотчинахъ; на немъ положено: села, завѣщанныя монастырямъ на поминъ души, отдавать родственникамъ завѣщателя съ тѣмъ, чтобы послѣдніе вознаградили монастырь деньгами по цѣнѣ завѣщанныхъ селъ; если у завѣщателя нѣтъ родни, монастырямъ отдавать завѣщанныя села на государя и получать вознагражденіе изъ казны.—Отобрать монастырскія вотчины оказалось невозможнымъ; при царѣ Ѳеодорѣ нашли другое средство удовлетворить требованію государственныхъ интересовъ: на соборѣ 1584 г. положено было уничтожить льготы этихъ вотчинъ. Но и эта мѣра не состоялась, потому что и она оскорбляла могущественный духовный чинъ, льготы были уничтожены только на время, „покамѣста, сказано въ грамотѣ собора, земля поустоится", и черезъ мѣсяцъ были возстановлены опять. Эта невозможность ни отобрать церковныя вотчины, ни сравнять ихъ съ другими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное возрастаніе государственныхъ тяжестей для остальныхъ нельготныхъ земель, уменьшеніе на нихъ народонаселенія чрезъ переходъ крестьянъ на льготныя земли были въ числѣ важнѣйшихъ побужденій для правительства къ прикрѣпленію крестьянъ, совершившемуся въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

Недостатки монастырской жизни. Владѣніе вотчинами возбуждало большія опасенія и съ нравственной стороны. Церковное и свѣтское правительства старались предотвратить упадокъ монастырской жизни своими постанов-

леніями и граматами, которыя всѣ носятъ до крайности рѣзкій обличительный характеръ. Рѣзкость этихъ и другихъ обличеній въ XVI в. была необходимымъ и очень понятнымъ явленіемъ у современныхъ общественныхъ дѣятелей. Русская земля соединилась въ одно цѣлое государство; Москва однимъ взглядомъ могла производить обзоръ всей ея жизни, и все зло, всѣ нестроенія, формировавшіяся вѣками и бывшія прежде лишь мѣстными, отрывочными явленіями, предстали теперь разомъ, въ массѣ. Неудивительно, что и правительство и общественные дѣятели пришли въ сильную тревогу, подняли жалобы, обличенія, принялись за всякаго рода исправленія. На Стоглавомъ соборѣ царь жаловался на попротайство разныхъ пустынниковъ и нищихъ богомольцевъ, которые постоянно тревожили правительство челобитьями о земляхъ; много земель монастыри отняли у боярскихъ дѣтей насильствомъ или неправильной припиской, подкупя писцовъ. Приказы были завалены монастырскими поземельными исками; а между тѣмъ въ въ обителяхъ, по свидѣтельству собора, для братіи стало оскуднѣе прежняго, потому что власти жили очень широко, покоились у себя въ кельяхъ съ гостьми, содержали на монастырскій счетъ родню, себя богатили, а монастыри опустошали; въ вотчинахъ также эгоистично управляли прикащики и посельскіе старцы, притѣсняя и раззоряя крестьянъ; соборъ распорядился не посылать въ села посельскихъ старцевъ, да и властямъ ѣздить къ крестьянамъ только по праздникамъ съ водою и для важныхъ земскихъ дѣлъ. Благотворительность ослабѣла въ большей части монастырей и современныя обличенія укоряютъ монаховъ въ жестокости не только къ нищимъ, но и къ своимъ собственнымъ крестьянамъ. Говоря о внутренней жизни монастырей, Стоглавъ обратилъ вниманіе на постоянный приливъ въ монастыри гостей мірянъ, которые заводили въ кельяхъ пиры и пьянство, на невоздержную жизнь самихъ монаховъ, нарушеніе правилъ общежитія, свободный входъ въ монастыри женщинъ и проч.—Тѣже впрочемъ отцы собора, запрещая монахамъ держать хмѣльное питіе и особое хозяйство, сдѣлали исключеніе для нѣкоторыхъ монастырей, гдѣ много бываетъ богомольцевъ, или гдѣ живутъ, постригшись, бояре и великіе люди. Понятно, что въ монастыряхъ и подавно потакали этимъ великимъ людямъ, которыхъ не рѣшался стѣснять самъ соборъ. А между

тѣмъ они были страшнымъ зломъ для монастырскаго общежитія и нравственности: жили совершенно по мірскому, держали въ монастырѣ и за монастыремъ всякія вина и яства и толпы холоповъ, дѣлали въ монастыряхъ пиры, властвовали надъ самими игуменами Въ одномъ посланіи въ Кирилловъ монастырь Грозный рѣзко обличалъ монаховъ за послабленіе устава въ угоду постригшимся тамъ боярамъ Шереметеву и Хабарову. — Кромѣ бояръ, много мірскаго духа вносили въ монастыри и другіе недостойные постриженники, постригавшіеся не по призванію, а по обычаю, по извѣстному обрядовому взгляду на монашество, какъ внѣшнее средство ко спасенію, или для покоя, избывая отъ работъ. Число такихъ непризванныхъ монаховъ увеличивалось еще вдовыми попами и дьяконами, которые постригались по необходимости.

Церковное благочиніе и общественная нравственность.

Новые храмы. Кромѣ исправленій въ духовенствѣ, особенное вниманіе русскаго общества обращено было на улучшеніе церковной обрядности. Москва теперь стала богата и получила возможность заявлять свое усердіе къ церковному благолѣпію въ широкихъ размѣрахъ. Со временъ Іоанна III стали вызывать въ Россію иностранныхъ мастеровъ; большую часть времени и трудовъ своихъ они должны были употреблять для украшенія церковной внѣшности. Итальянскій мастеръ *Аристотель Фіоравенти* въ 1475—1479 годахъ перестроилъ въ настоящемъ видѣ обветшавшій московскій Успенскій соборъ. Другіе мастера построили соборы въ Сергіевой лаврѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ, соборъ Благовѣщенскій на великокняжескомъ дворѣ и др. Разобранъ и заложенъ вновь соборъ Архангельскій. При Василіѣ Іоанновичѣ въ память взятія Смоленска построенъ *Новодѣвичій* монастырь; построено было до 11 каменныхъ церквей мастеромъ *Фрязиномъ*; мастеромъ *Николаемъ* нѣмцемъ слитъ громадный колоколъ въ 1000 пудовъ. Въ память взятія Казани при Грозномъ построенъ въ Москвѣ Покровскій соборъ. При Годуновѣ, уже въ началѣ XVII в., возникла около кремлевскихъ соборовъ знаменитая Ивановская колокольня. И другіе города украшались новыми храмами. По древнему обычаю во времена бѣдствій цѣлыми десятками являлись

церкви обыденныя. Мы видѣли, что Стоглавъ нашелъ нужнымъ ограничивать усердіе народа къ строенію церквей. Въ литературѣ XV и XVI в. находимъ наставленія о томъ, что лучше помогать бѣднымъ, чѣмъ строить и украшать церкви.

Судьба мѣстныхъ святынь. Развитіе московской централизаціи имѣло большое вліяніе на судьбу мѣстныхъ святынь. Въ началѣ описываемаго времени мы еще встрѣчаемъ нѣкоторые остатки старинныхъ понятій объ нихъ; такъ первый владыка москвичъ въ Новгородѣ Сергій не хотѣлъ почтить мощей владыки Моисея; самъ Іоаннъ III, посѣтивъ Хутынскій монастырь, унизилъ мощи пр. Варлаама предъ московскими мощами и былъ при этомъ вразумленъ грознымъ появленіемъ подземнаго огня. Новый порядокъ вещей обнаружился собираніемъ мѣстныхъ святынь въ Москву, какъ общій политическій и церковный центръ. Успенскій соборъ сдѣлался общимъ средоточіемъ этихъ святынь. Въ его иконостасѣ помѣщены: изъ покореннаго Новгорода икона Спаса, изъ Устюга икона Благовѣщенія, предъ которою молился Прокопій устюжскій объ избавленіи города отъ каменной тучи, изъ Владиміра икона Одигитріи, изъ Пскова икона Псковопечерская; въ ризницу собора взяты изъ Новгорода сосуды Антонія римлянина. Въ Москву же переносились мѣстныя мощи, наприм. изъ Чернигова мощи князя Михаила и его боярина Ѳеодора (при Грозномъ). Наконецъ по опредѣленію московскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг. святые разныхъ краевъ, прежде чтившіеся только мѣстно, получили общее чествованіе по всей Россіи. Тогда же были собраны мѣстныя службы, житія и чудеса новыхъ чудотворцевъ, для нѣкоторыхъ составлены вновь и тоже обнародованы повсюду.

Св. иконы. Въ XVI в. возникъ вопросъ о писаніи иконъ, потому что чрезъ Новгородъ и Псковъ въ иконописаніе стало проникать западное вліяніе, появлялись иконы, писанныя съ латинскихъ образцовъ и отличавшіяся множествомъ символическихъ изображеній. Стоглавъ опредѣлилъ, чтобы иконописцы непремѣнно держались древнихъ образцовъ, чтобы архіереи во всѣхъ епархіяхъ надзирали за иконописаніемъ и запрещали заниматься имъ людямъ неискуснымъ и худой нравственности; въ образецъ для мастеровъ онъ рекомендовалъ извѣстнаго намъ инока иконописца Андрея Рублева († 1430 г.). — Вскорѣ

послѣ Стоглава началось замѣчательное волненіе изъ-за иконъ, поднятое дьякомъ *Иваномъ Висковатымъ*. Послѣ большаго московскаго пожара вновь расписывали иконами кремлевскіе храмы; для этого дѣла были выписаны въ Москву новогородскіе и псковскіе мастера. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ священникъ Сильвестръ съ доклада царю велѣлъ имъ изобразить: Троицу въ дѣяніяхъ, Вѣрую, Хвалите Господа, Софію премудрость Божію, Достойно, Почи Господь въ день сельмый, Пріидите людіе трисоставному Божеству поклонимся и др. Висковатый соблазнился о новыхъ иконахъ; поддерживаемый нѣкоторыми московскими мастерами, которые были отставлены отъ дѣла, сталъ разглашать, что не слѣдуетъ изображать невидимое Божество и безплотныхъ, что первый членъ Символа вѣры нужно изображать словами, а потомъ по плотскому смотрѣнію: „и въ Господа нашего І. Христа“. до конца, особенно порицалъ символическія изображенія добродѣтелей и пороковъ, Христа въ видѣ ангела съ крыльями и т. п., писалъ къ митрополиту жалобу, что Сильвестръ старые образа вынесъ, а новые поставилъ по своему мудрованію. Въ 1554 г. былъ созванъ соборъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Сильвестра. Висковатаго за то, что хулилъ иконы, на 3 года отлучили отъ причастія. „Всякій долженъ знать свой чинъ, сказалъ ему митрополитъ, овца не должна дѣлать изъ себя пастыря, нога не должна думать что она голова. Слушай духовныхъ отцевъ. Вамъ не велѣно о Божествѣ испытывать: зналъ бы свои приказныя дѣла, — не разроняй списковъ“.

Богослуженіе. Поднятъ былъ вопросъ объ исправленіи нестроеній въ богослуженіи. При вѣрѣ въ его безусловную обязанность для спасенія души обрядовое благочестіе заботилось преимущественно о томъ, чтобы вычитать и пропѣть по уставу все, что положено, но мало обращало вниманія на то, какъ это дѣлалось. Явилось неблагочинное исправленіе церковной службы, многогласіе, происходившее отъ того, что для сокращенія времени службы одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій возглашалъ эктенію въ одно и тоже время, такъ что ничего нельзя было понять. Обрядовое благочестіе объ этомъ пониманіи не думало, полагая всю важность въ самомъ присутствіи при богослуженіи. Явились и другія неблагочинія въ церквахъ, разговоры духовныхъ и мірянъ, перебранки, крикъ нищихъ; служба

шла кое какъ, наскоро; произошелъ упадокъ въ искуствѣ пѣнія и чтенія. Противъ всѣхъ этихъ нестроеній возставалъ Стоглавъ, писали въ своихъ сочиненіяхъ и грамотахъ пастыри церкви. Замѣчательно однакоже, что самыя наставленія касались больше всего внѣшности богослуженія, опредѣляли разныя обрядовыя дѣйствія священнослужителей, способы обращенія со св. вещами, съ св. водой, просфорами, занимались подробностями касательно того, какъ совершать земные и поясные поклоны, какъ при этомъ держать руки и ноги, какъ складывать уста для цѣлованія креста, иконъ и мощей, какъ брать въ ротъ просфору и жевать ее и проч.

Обрядовые споры. Богословская мысль исключительно вращалась въ сферѣ обрядовъ. Въ XV и XVI вв. мы уже ясно можемъ слѣдить за проявленіями того религіознаго настроенія, изъ котораго выродился послѣ расколъ старообрядства; встрѣчаемъ и тѣ пункты, которые потомъ вошли въ его ученіе. Въ 1479 г. в. князю наговорили, что при освященіи Успенскаго собора м. Геронтій не по правиламъ ходилъ съ крестами около храма, не *по солнцу*. В. князь сердился, сталъ говорить, что за это Господь пошлетъ гнѣвъ свой. И поднялся споръ о томъ, по солнцу или противъ солнца ходить при освященіи храмовъ. На сторонѣ митрополита стояло большинство духовенства и книжныхъ людей, но такъ какъ противъ него былъ самъ в. князь, то дѣло дошло до того, что митрополитъ хотѣлъ даже отказаться отъ каѳедры. Истины такъ и „не обрѣтоша“, но в. князь почелъ нужнымъ уступить митрополиту и билъ ему челомъ о возвращеніи на каѳедру.—Въ XVI в. распространилось сильное сомнѣніе о томъ, *двоить* или *троить аллилуія*. Въ псковскомъ Евфросиновомъ монастырѣ двоили, прикрываясь авторитетомъ пр. Евфросина. Но въ Псковѣ и Новгородѣ этимъ смущались, видя тутъ латинство. Владыка Геннадій нарочно спрашивалъ объ аллилуіи жившаго въ Римѣ ученаго переводчика *Димитрія Герасимова*. Герасимовъ прислалъ отвѣтъ, который никого тогда не могъ удовлетворить, что все равно, — двоить или троить аллилуія; поэтому вопросъ оставался по прежнему спорнымъ и рѣшался одними такъ, другими иначе. Отголосокъ тогдашнихъ споровъ можно видѣть въ житіи пр. Евфросина, написанномъ нѣкіимъ *Василіемъ*. Аллилуія дается здѣсь необыкновенно великое и странное значеніе

божественной тайны воскресенія (аллилуія, по мнѣнію Василія, значитъ будто бы „воскресе“); сама Богородица является Василію протолковать эту тайну; въ толкованіи этомъ видимъ полное отсутствіе смысла и самыхъ элементарныхъ религіозныхъ свѣденій, ереси чуть не въ каждомъ словѣ; троеніе аллилуіи называется жидовствомъ и латинствомъ, даже почтеніемъ языческаго Бога, а двоенію приписывается кудесническая сила, спасающая человѣка. Стоглавый соборъ однако повѣрилъ этому житію и велѣлъ двоить аллилуію. Кромѣ того онъ внесъ въ свои опредѣленія еще мнѣніе *о двоеперстіи* въ крестномъ знаменіи; вопросъ о томъ, сколькими перстами креститься, казался тогда такъ важенъ, что на троеперстіе изречено даже проклятіе. — При смѣшеніи существеннаго съ несущественнымъ обрядовый религіозный взглядъ простирался и на обыкновенныя житейскія вещи и обычаи; все свое, русское, казалось православнымъ, все чужое—еретическимъ и бусурманскимъ. Русскіе носили бороду, и борода стала существенною принадлежностію православія, а *брадобритіе*— латинской ересью. Стоглавъ опредѣлилъ надъ брадобрицемъ ни отпѣванія, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь не приносить, — съ невѣрными да причтется.

Вліяніе религіозности на нравы. Привязанность къ формѣ, обряду отразилась и въ жизни общества. Добродѣтелями времени были частое присутствіе при богослуженіи, строгое соблюденіе постовъ, кромѣ положенныхъ еще добровольныхъ, обѣтныхъ, напр. по понедѣльникамъ и въ 12 обѣтныхъ пятницъ, почитаніе св. иконъ и мощей, вклады въ монастыри и церкви, построеніе церквей, путешествіе ко св. мѣстамъ, раздача пищи и денегъ бѣднымъ и т. п. Грозный въ своей Александровской слободѣ присутствовалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ каждый день и молился до того, что у него были раны на лбу. Жизнь благочестиваго царя Ѳеодора вся почти проходила въ богослуженіи. Присутствіе на всѣхъ службахъ входило даже въ дворцовый этикетъ. Такую же ревность къ богослуженію оказывали и частные люди. Жизнь благочестиваго человѣка вся построивалась по церковному уставу; распредѣленіе времени, пища, одежда этикетъ общежитія, отношенія членовъ семейства—все носило печать религіи. Даже внѣшній видъ русскаго города и селенія показывалъ, что религія

господствующая сила въ странѣ; иностранцы видѣли въ русскихъ городахъ множество богатыхъ церквей и монастырей: вездѣ слышался звонъ „добротумныхъ“ колоколовъ; по всѣмъ улицамъ стояли часовни и иконы въ окладахъ съ зажженными предъ ними свѣчами; прохожіе крестились предъ каждой часовней и церковью, а иные клали земные поклоны: вездѣ можно было встрѣтить духовенство съ св. водой, крестами, иконами и пѣніемъ; весьма часто совершались крестные ходы. Но истинное религіозное чувство, которое оживляетъ обрядъ и преобразуетъ нравственность человѣка, было мало развито. Среди множества вопросовъ и обличеній въ XVI в. подверглось обличеніямъ и это противорѣчіе между христіанской внѣшностью и нехристіанскими нравами; но даже тѣ самые люди, которые всѣхъ рѣзче обличали обрядовое благочестіе, иногда были самыми типическими его представителями, наприм. Грозный, который предлагалъ такія энергическія обличенія на Стоглавѣ и поучалъ кирилловскихъ монаховъ духовному посту и молитвѣ. Вся жизнь въ его слободѣ была устроена по монастырскому чину; царь былъ игуменомъ, опричники—братіею съ разными монастырскими должностями келаря, параэкклизіарха и проч. Каждый день эта братія упражнялась въ богослуженіи, бесѣдахъ отъ Писанія, чтеніи прологовъ за трапезой, а въ промежуткахъ между молитвами шли страшныя пытки и казни или проявленія грубаго разврата. Достоинство молитвы опредѣлялось не силой душевнаго умиленія, а счетомъ поклоновъ, милосердіе—счетомъ поданныхъ нищему алтыновъ, усердіе къ церкви—числомъ пожертвованій въ монастыри. Выразительнымъ памятникомъ этого благочестія остался знаменитый *Сунодикъ Грознаго*, который онъ послалъ въ Кирилловъ монастырь для вѣчнаго поминовенія, заплативъ за него 2200 рублей; это огромное поминанье въ двухъ томахъ, въ которомъ записано 3470 душъ убитыхъ царемъ людей: царь даже и не помнилъ всѣхъ по именамъ, а записывалъ по мѣстамъ огуломъ: помяни, Господи, столько-то человѣкъ, убіенныхъ тамъ-то, ихъже имена Ты самъ, Господи, вѣси.

Господствующіе пороки. Подъ благочестивой внѣшностью въ обществѣ обнаруживалась азіатская грубость нравовъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ видимъ угнетеніе низшихъ высшими, бѣдныхъ богатыми, подчиненныхъ начальствующими. Въ судѣ и управленіи господствовали страш-

ныя пытки и страшныя казни. Неуваженіе къ личности, привычка давать волю рукамъ господствовали одинаково во всѣхъ классахъ общества Разбои, наѣзды на чужіе дворы и имѣнія были обычными явленіями: въ нихъ упражнялись самые близкіе люди къ правительству,—опричники. До чего доходила необузданность такихъ наѣздовъ, видно изъ того, что опричнинѣ поплатились своимъ добромъ не одна церковь и не одинъ монастырь, въ новгородской волости опричники разломали даже гробъ пр. Саввы вишерскаго. Существовали грубыя потѣхи, напр. кулачные бои, на которыхъ побивали людей до смерти. Грозный увеселялся травлей людей медвѣдями; тоже дѣлали и другіе сильные люди. Общественныя сходки, пиры и бесѣды нерѣдко оканчивались дракой и убійствомъ: расходившійся человѣкъ не зналъ себѣ удержу: убить человѣка въ такомъ видѣ называлось „поколоть по грѣхамъ“.—Грозный и сына своего покололъ по грѣхамъ. До насъ дошло нѣсколько оффиціальныхъ мировыхъ грамотъ, въ которыхъ родня убитаго беретъ деньги съ убійцы и отказывается отъ суда; одна такая мировая заключена между монастырями Новинскимъ и Кирилловымъ въ убійствѣ крестьянъ перваго. Иностранцы замѣтили въ русскихъ слабость чувства чести, ложь и обманы. „Мои русскіе, говорилъ имъ Грозный, всѣ воры“. Всякій, приставленный къ какому нибудь дѣлу, старался нажиться отъ него. Стоглавъ возмущался тѣмъ, что даже приставники богадѣленъ и тѣ наживались на счетъ милостыни, которую боголюбцы подавали богадѣленнымъ нищимъ. Моралисты вооружались также противъ пьянаго препровожденія праздниковъ и семейныхъ торжествъ. По описанію Стоглава свадебный поѣздъ наприм. совершался пьяной толпой съ дудками и бубнами, а впереди [illegible] верхомъ священникъ, котораго тоже предварительно напаивали.

Семейная жизнь страдала отъ грубаго, исключительно чувственнаго отношенія половъ, которое обусловливало съ одной стороны легкость семейныхъ нравовъ, съ другой затворничество женщинъ. Достоинство женщины было поругано, потому что на нее смотрѣли, только какъ на орудіе для чувственнаго наслажденія; для нея оставалось одно изъ двухъ: или крѣпче запереться въ теремѣ или самой предаться разврату. Статья о женахъ злыхъ выросла въ своихъ размѣрахъ и стала помѣщаться, цѣликомъ и въ

отрывкахъ, во всѣхъ сборникахъ. Замѣчательно, что семейная жизнь не могла выработать себѣ даже нравственнаго идеала; въ обществѣ оставался одинъ только идеалъ аскетическій, который, не имѣя себѣ противовѣса, естественно доходилъ даже до отрицанія семейной жизни. Распространилось мнѣніе, что человѣкъ, „съ женою и чады живуще, не можетъ спастися“. До насъ дошло замѣчательное житіе русской боярыни XVI в., *Іуліаніи Лазаревской*, написанное въ XVII в. ея сыномъ *Каллистратомъ Осорьинымъ*. Оно имѣетъ цѣлью доказать, что и безъ постриженія, живя въ семьѣ, можно угодить Богу, но, не имѣя другаго нравственнаго идеала, кромѣ аскетическаго, выставляетъ въ примѣръ жизнь строгой подвижницы, женщины исключительной въ семейной жизни, даже отрицавшей эту жизнь, по крайней мѣрѣ менѣе всего заботившейся объ ея интересахъ. Выданная родителями за мужъ, она всю жизнь потомъ скорбѣла, что не могла остаться чистою дѣвою и постричься въ монастырѣ, такъ что мужъ ея, человѣкъ тоже весьма благочестивый, долженъ былъ нарочно добывать ей книги, въ которыхъ доказывалось, что не спасутъ человѣка ризы черныя безъ добрыхъ дѣлъ и не погубятъ ризы бѣлыя при богоугодной жизни, что ей нужно заняться воспитаніемъ дѣтей. Она успокоилась только тогда когда мужъ ея согласился не имѣть съ ней супружескаго союза. Съ этихъ поръ, по разсказу житія, она постъ паче мѣры пріяла, спала, подложивъ подъ голову полѣно, а подъ бокъ ключи, тѣла никогда не мыла, въ обувь клала орѣховую скорлупу. Послѣ смерти мужа она немедленно поспѣшила исполнить свое всегдашнее желаніе, постриглась въ монашество (1604 г.)

Остатки язычества. Кромѣ нравственныхъ нестроеній церковь должна была и теперь еще бороться противъ многихъ остатковъ язычества. Старые боги были уже забыты и на украйнахъ Руси, борьба противъ чистаго язычества продолжалась только въ средѣ инородческаго населенія, которое въ первый разъ обращалось въ христіанство. Но не забывалась языческая обрядность; она вошла въ народную жизнь, въ народныя торжества, сообщала свой характеръ празднованію самихъ православныхъ торжествъ Въ 1505 г. игуменъ псковскаго Елеазарова монастыря *Памфилъ* писалъ псковскимъ властямъ, умоляя ихъ прекратить грубый разгулъ купальскаго торжества въ ночь на

Рождество Предтечи, совершавшійся съ дикимъ бѣснованіемъ всего города. Въ Стоглавѣ говорится, что вездѣ еще происходили обряды радуницы; на в. четвергъ палили солому и кликали мертвыхъ; въ троицкую субботу мужи и жены сходились на жальникахъ и плакались на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, а потомъ заставляли играть скомороховъ, пѣли и плясали; на Ивановъ день и на Крещенье сходились мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, бѣсовскія пѣсни, плясаніе; а послѣ ночи всѣ, какъ бѣсные, съ крикомъ купались въ рѣкѣ, въ святки ходили по домамъ съ играми и переряживаньемъ. Соборъ велѣлъ преслѣдовать и разгонять такія сборища. Какъ трудно было бороться съ подобными явленіями, между прочимъ видно изъ того, что тотъ же Грозный, который предложилъ на соборѣ вопросъ объ ихъ искорененіи, самъ съ своими опричниками проводилъ святки, какъ и всѣ его поддапные, по старымъ обычаямъ, съ переряживаніемъ и др потѣхами

Въ полной силѣ сохранялась *вѣра въ волшебство*. Къ его силѣ прибѣгали не только простолюдины, но даже княжеская семья. Супруга в. кн. Василія, несчастная Соломонія, думала чрезъ знахарей избавиться отъ неплодія и сохранить любовь супруга Самъ Василій, женившись на Еленѣ Глинской, призывалъ къ себѣ корельскихъ вѣдуновъ, чтобы они помогли ему произвести потомство. Грозный тоже совѣтовался съ волхвами, хотя иногда жестоко казнилъ ихъ О Годуновѣ извѣстно, что онъ изъ многихъ городовъ призывалъ къ себѣ знахарей и получилъ отъ нихъ предсказаніе, что будетъ 7 лѣтъ царствовать. При воцареніи его русскіе люди присягали: „надъ государемъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить, зелья лихаго и коренья не давать, слѣду не вынимать, по вѣтру лиха не насылать“ и проч. Народъ прибѣгалъ къ вѣдунамъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенныя человѣческія средства казались недостаточными. Народная медицина вся состояла изъ заговоровъ и кудесническихъ средствъ. Отъ этого благочестивые люди лечиться считали за грѣхъ. Народныя бѣдствія тоже приписывались вѣдовству, и средствомъ къ устраненію ихъ было вѣдовство же. Къ вѣдунамъ прибѣгали жены для привораживанія мужей, мужья для открытія невѣрности женъ, хозяева для отысканія во-

ра, воры для удачи въ кражѣ, промышленникъ для удачи въ промыслѣ, позванный на судъ, чтобы преклонить на милость судью и проч. И на всѣ случаи существовало множество заговоровъ, лживыхъ молитвъ, корсньевъ, зелій и др. кудесническихъ средствъ. Духъ кудесничества проникалъ въ самое христіанство народа. Древніе заговоры получали христіанскую форму, замѣнивъ въ своихъ воззваніяхъ имена миѳическихъ силъ именами святыхъ; съ другой стороны нѣкоторыя христіанскія молитвы превращались въ заговоры чрезъ прибавленіе къ нимъ обычнаго въ заговорахъ упоминовенія объ островѣ Буянѣ и камнѣ Алатырѣ и чрезъ сообщеніе имъ въ народномъ сознаніи кудесннческой силы; ихъ носили на шеѣ, хранили въ домахъ, какъ талисманы, употребляли въ колдовствѣ. Кудесничество пользовалось для своихъ цѣлей даже св. предметами, напр. просвирни приговаривали надъ просфорами, „якоже арбуи въ чуди“, по замѣчанію Стоглава; священники клали подъ престолъ четверговую соль, потомъ продавали ее на врачеваніе людямъ и скотамъ, продавали мыло отъ освященія церкви, клали на 6 недѣль на престолѣ дѣтскій послѣдъ (сорочки). Полуязыческое настроеніе религіознаго сознанія допускало множество *суевѣрій*, *примѣтъ* и *гаданій*. Въ природѣ видѣли дѣйствія водяныхъ, лѣшихъ и другихъ существъ, о которыхъ подсказывала языческая память. Примѣтъ было очень много, въ родѣ наприм. такихъ. храмъ трещитъ, ухозвонъ, окомигъ, длани или очи свербятъ, утица крякнетъ, гусь гогочетъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышь порты грызетъ, сонъ страшенъ, кошка мявкаетъ, сорока стрекочетъ. Ходили по рукамъ гадальныя тетради—Рафли, Аристотелевы врата, Шестокрылъ. Въ XVI в. съ запада перешли къ намъ астрологическія гаданія, помѣщавшіяся въ Остронумѣяхъ, Зодѣяхъ, Альманахахъ. Вѣра во вліяніе звѣздъ соединилась съ старымъ миѳомъ о Рожаницахъ, подъ которыми стали разумѣть планеты; отъ того обличители язычества, забывъ о другихъ миѳахъ, все еще говорятъ о Рожаницахъ. Въ большомъ ходу были статьи о часѣхъ добрыхъ и злыхъ.

Отреченныя книги. Всѣ эти суевѣрія заносились въ списокъ отреченныхъ книгъ, который значительно увеличился по объему. Масса апокрифовъ едвали не превышала массу книгъ истинныхъ. Къ болгарскимъ, греческимъ и доморощеннымъ апокрифамъ присоединялись еще апокри-

фическія сочиненія запада. Въ XVI вѣкѣ переведенъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка „Луцидаріусъ", заключавшій въ себѣ цѣлую энциклопедію свѣденій о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ и проч., въ которую вошли разнородные матеріалы изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, альманаховъ, гадальныхъ книгъ и народныхъ преданій. Запрещенія отреченныхъ книгъ (въ Просвѣтителѣ, Домостроѣ, Стоглавникѣ) дѣйствовали плохо. Сами пастыри церкви не всегда могли отличить истинную книгу отъ апокрифа; м. Макарій въ своей Кормчей помѣстилъ ложную книгу Еноха праведнаго; Стоглавъ вѣритъ ложнымъ сказаніямъ о п. Мелетіѣ и Евфросинѣ псковскомъ и подложному слову Ѳеодорита о крестномъ знаменіи. Кн. Курбскій рѣзко замѣчалъ объ учителяхъ своего времени, что они занимались не столько истинными писаніями, сколько бабьими бреднями и болгарскими баснями. Для искорененія апокрифовъ и суевѣрій мало оказывалось однихъ запрещеній; нужно было возвысить въ народѣ уровень религіознаго образованія, который стоялъ тогда очень низко.

Просвѣтительное движеніе XVI вѣка.

Недостатокъ школъ и проповѣди. Вопросъ о религіозномъ образованіи былъ однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ этого времени. Когда почувствовалась нужда всякаго рода исправленій, оказалось, что общество не имѣло и средствъ выйти изъ своего тяжелаго положенія. Школы закрылись даже въ новогородскомъ краѣ, сравнительно болѣе образованномъ. Владыка Геннадій писалъ м. Симону горькую жалобу на невѣжество духовенства въ своей епархіи. „Приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ. приказываю дать ему Псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ;... пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ— другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь.... Мужики невѣжи учатъ робятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ, а за ученіе вечернѣ принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже и больше, за часы особо, а отъ мастера отойдетъ.—

ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ". Владыка просилъ завести повсюду школы, въ которыхъ бы учили грамотѣ и Псалтири. Ограниченность этой программы хорошо показываетъ, до чего дошла необразованность духовенства. Самыми просвѣщенными людьми въ его средѣ были начетчики, которые почерпали свои свѣденія, откуда и какъ попало, и которые не только не могли очищать религіозныхъ понятій массы, напротивъ сами были представителями и распространителями всякихъ апокрифовъ и суевѣрій — Церковная проповѣдь тоже замолкла и была, разумѣется только отчасти, замѣняема учительными посланіями церковныхъ дѣятелей о разныхъ предметахъ. Въ церквахъ читались только уставныя чтенія, которыхъ никто не понималъ. Вмѣсто живыхъ поученій, которыхъ не умѣли составлять, явились формы поученій на разные случаи, напр.: „Поученіе княземъ, егда пойдутъ на войну, Поученіе отъ митрополита къ князю цареву, Посланіе митрополита о утѣшеніи женѣ о мужѣ умершемъ" и т. п. Эти образцовыя поученія заимствовались у прежнихъ проповѣдниковъ, напр. у м. Фотія.

Изъ проповѣдниковъ XVI в. извѣстны *м. Даніилъ*, отъ котораго дошло 16 поученій, заимствованныхъ впрочемъ изъ греческихъ сочиненій, и м. *Макарій*, изъ поученій котораго извѣстны 3 рѣчи: при бракѣ царя, предъ походомъ на Казань и при возвращеніи отъ Казани. Но и эти немногіе остатки проповѣдничества XVI в. служатъ только доказательствомъ упадка проповѣди. Она приняла какое-то форменное направленіе; задушевность и живая простота убиты въ ней фальшивой торжественностію безъ одушевленія, ухищреніями риторства, къ которымъ всегда склоненъ вкусъ начетчиковъ, гоняющихся за внѣшнимъ блескомъ, а не за сущностію дѣла. Очевидно, что и проповѣдь обращалась въ обрядъ и переставала быть живою силою, назначенною дѣйствовать на жизнь общества.

Ересь жидовствующихъ. Первымъ возбудительнымъ толчкомъ, послѣ котораго началось просвѣтительное движеніе въ церкви, была *ересь жидовствующихъ*, распространившаяся въ концѣ XV в. въ Новгородѣ. Она явилась изъ Литвы и была смѣсью іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ. Въ Новгородъ ее принесъ съ собою кіевскій еврей *Схарія*, замѣчательный ученый, знакомый съ астрологіей и каббалистикой. Ученіе ея состояло въ отрицаніи догматовъ

о Троицѣ, о божествѣ І. Христа и искупленіи, въ предпочтеніи Ветхаго Завѣта Новому, отрицаніи писаній отеческихъ, почитанія св. мощей и иконъ, всей церковной обрядности и таинствъ, въ отверженіи монашества, какъ образа жизни противнаго природѣ. Въ Новгородѣ ересь нашла себѣ хорошую почву, подготовленную еще стригольниками. Первыми прозелитами Схаріи были священники *Діонисій* и *Алексѣй*, софійскій протопопъ *Гавріилъ* и самые образованные люди изъ жителей. Еретики отличались благочестіемъ и ученостью, имѣли много книгъ, какихъ не было у православныхъ, и легко увлекали послѣднихъ искусными спорами. Въ 1480 г. въ Новгородѣ былъ в. князь; Діонисій и Алексѣй такъ ему понравились, что онъ взялъ ихъ въ Москву и сдѣлалъ одного архангельскимъ, другаго успенскимъ протопопами. Ересь нашла себѣ многихъ послѣдователей и въ Москвѣ; между ними замѣчательны симоновскій архимандритъ *Зосима* и лица, принадлежавшія къ господствовавшей тогда партіи при дворѣ, дьякъ *Ѳедоръ Курицынъ* съ братомъ *Иваномъ Волкомъ* и невѣстка в. князя *Елена*, мать объявленнаго наслѣдника престола *Димитрія*.

Первый обратилъ вниманіе на ересь владыка Геннадій, узнавши объ ней отъ какихъ-то принадлежавшихъ къ ней пьяныхъ поповъ. Онъ тотчасъ пустилъ дѣло въ розысвъ, захватилъ еретиковъ, ихъ книги и тетради и обо всемъ донесъ въ Москву в. князю и митрополиту. Въ Москвѣ не обратили надлежащаго вниманія на его донесеніе; м. Геронтій былъ человѣкъ престарѣлый, находился съ Геннадіемъ не въ ладахъ, былъ въ немилости у в. князя и потому не принялъ никакихъ мѣръ противъ ереси, тѣмъ болѣе, что ее поддерживала сильная придворная партія. А по смерти Геронтія (1489 г.) еретики успѣли возвести на митрополію своего собрата Зосиму. Новый митрополитъ тотъ часъ же началъ дѣлать придирки къ Геннадію и потребовалъ отъ него новаго архіерейскаго исповѣданія, ставя этимъ подъ сомнѣніе самое его православіе; Геннадій долженъ былъ оправдываться еще по поводу опаснаго тогда обвиненія въ сношеніяхъ съ Литвою. Онъ однако успѣшно выпутался изъ сѣтей Зосимы и не переставалъ убѣждать в. князя принять участіе въ дѣлѣ объ еретикахъ, указывая ему между прочимъ на примѣръ короля испанскаго, который всю свою землю отъ еретиковъ очистилъ. Посланіями къ в. князю, митрополиту и архіереямъ ему удалось сообщить

этому дѣлу такую гласность, что наконецъ самъ Зосима долженъ былъ (въ 1490 г.) созвать соборъ, который и предалъ еретиковъ проклятію. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, которыхъ нельзя было укрыть, сосланы въ ссылку, а нѣкоторые отосланы въ Новгородъ, откуда еще прежде бѣжали въ Москву отъ преслѣдованій Геннадія. Владыка предалъ ихъ публичному позору, велѣлъ возить по улицамъ Новгорода на клячахъ, лицемъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ шлемахъ, соломенныхъ вѣнцахъ и съ надписями: „се есть сатанино воинство!“ Въ заключеніе шлемы на нихъ были зажжены.

Но позоромъ ересь не была ослаблена. Вскорѣ она нашла случай къ новому торжеству. Протекъ 1492 годъ, которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ и который народъ проводилъ въ страшной тревогѣ отъ ожиданія кончины міра. Еретики стали смѣяться надъ православными, ругаться надъ ихъ книгами, на которыхъ были основаны ожиданія кончины, надъ воскресеніемъ мертвыхъ и самимъ Христомъ, отъ чего де онъ не явился судить живыхъ и мертвыхъ. Самымъ сильнымъ ругателемъ былъ Зосима. Геннадій усилилъ свою дѣятельность; вмѣстѣ съ *Филоѳеемъ* псковскимъ онъ продолжалъ пасхалію на 70 лѣтъ осьмой тысячи (1). Ему помогалъ и. Іосифъ волоцкій своими посланіями противъ ереси и еретика Зосимы къ русскимъ епископамъ, къ в. князю и духовнику его архимандриту *Митрофану*. Послѣ такого разглашенія о еретичествѣ митрополита поддерживать его стало неразсчетливо для самихъ еретиковъ; въ 1494 г. Зосима былъ отставленъ за пьянство и нерадѣніе о церкви. Но у еретиковъ оставались еще сильные покровители, Курицынъ и Елена. Дѣйствуя противъ ереси, Геннадій и Іосифъ естественно должны были стать на сторонѣ придворной партіи, противной Еленѣ и Дмитрію, партіи в. княгини *Софіи* и ея сына *Василія*. Въ 1502 г. эта партія осилила первую; в. князь возложилъ опалу на своего внука и Елену и приблизилъ къ себѣ сына Василія. Съ этого же времени начинается и паденіе ереси. Получивъ доступъ ко двору, Іосифъ уговаривалъ в. князя

(1) Въ послѣдствіи въ 1539 г. новгородскій священникъ *Агаѳонъ* составилъ пасхалію на всю осьмую тысячу подъ названіемъ «Великій миротворный кругъ».

казнить еретиковъ. В. князь однако долго не соглашался на это, потому что касательно этого предмета возникъ споръ между самимъ духовенствомъ. Строгій Іосифъ доказывалъ, что нужно казнить даже кающихся еретиковъ, что раскаяніе изъ страха не есть раскаяніе. Противъ его мнѣнія возстали послѣдователи кроткаго Нила,—бѣлозерскіе старцы, проповѣдывавшіе любовь къ кающимся и вовсе отрицавшіе смертную казнь за ересь. Между тѣмъ Геннадій лишенъ былъ каѳедры, вѣроятно не безъ содѣйствія еретиковъ. Наконецъ уже въ 1504 г. мнѣніе Іосифа восторжествовало; еретики были осуждены на соборѣ; главные изъ нихъ были сожжены, другіе разосланы по монастырямъ.

Просвѣтительная дѣятельность св. Геннадія и пр. Іосифа. Борьба съ еретиками явила людей искусныхъ въ вѣрѣ, возбудила сильную нужду въ просвѣщеніи и подняла вопросы о современныхъ нестроеніяхъ въ церкви. Геннадій первый заговорилъ о заведеніи школъ, потому что, отыскивая себѣ помощниковъ въ борьбѣ съ ересью, не нашелъ въ своемъ духовенствѣ ниодного образованнаго человѣка, кромѣ Іосифа; всю эту борьбу они и должны были поэтому выносить только вдвоемъ. Заслуги Геннадія состояли въ первоначальномъ обличеніи ереси посланіями, въ расчисленіи пасхаліи и въ трудахъ по переводу и собранію книгъ св. Писанія. До его времени у насъ не было даже полной Библіи; св. Писаніе было распространено только въ отрывкахъ и отдѣльныхъ книгахъ, и то весьма мало. Даже въ софійской библіотекѣ, одной изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, не было самыхъ нужныхъ книгъ для полемики съ еретиками. Бытія, Царствъ, Пророковъ, Притчей и Іисуса сына Сирахова; Геннадій посылалъ за ними въ монастыри Кирилловъ, Ѳерапонтовъ и Каменный. Еретики искажали псалмы, а у православныхъ не оказывалось ниодного надежнаго списка Псалтири, не смотря на всю важность этой книги въ богослуженіи и въ старинномъ обученіи. Геннадій первый озаботился составленіемъ полнаго списка Библіи (написанъ въ 1499 г.); но всѣхъ книгъ ея такъ и не могъ собрать въ Россіи и долженъ былъ пополнять свой списокъ выборками текстовъ изъ разныхъ толкованій св. книгъ и переводами съ Вульгаты. (Съ Вульгаты переведены были: Паралипоменонъ, Ездра, Неемія, Товитъ, Іудиѳь, книга премудрости Соломона, книги Маккавейскія, части книгъ Исаіи, Іереміи, Есѳири и Притчей; изъ нея же и

изъ нѣмецкой Библіи взяты предисловія къ книгамъ и раздѣленія на главы). Списокъ Геннадіевой Библіи впрочемъ не былъ распространенъ въ публикѣ по причинѣ дороговизны.

Важнѣйшіе *труды Іосифа* тоже вызваны ересью. Онъ, какъ и Геннадій, занимался сначала собираніемъ и перепиской книгъ и положилъ основаніе обширной волоколамской библіотеки. Противъ жидовствующихъ онъ написалъ капитальное сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Просвѣтителя“. Такъ какъ еретики задѣвали всѣ важнѣйшіе догматы православія, то „Просвѣтитель“ представляетъ собою почти полное и довольно систематическое изложеніе истинъ вѣры, первое русское богословіе, въ которомъ сведены догматическія свидѣтельства всѣхъ извѣстныхъ тогда на Руси отцевъ церкви. Изъ практическихъ вопросовъ, поднятыхъ ересью, Іосифъ особенно занялся вопросомъ о монашествѣ. Уставъ Іосифа, духовная грамота, описаніе жизни преподобныхъ отцевъ русскихъ и нѣкоторыя посланія были направлены къ тому, чтобы съ одной стороны защитить монашество отъ еретиковъ, а съ другой наставленіями и указаніемъ примѣровъ поднять монастырскую нравственность. Вопросъ о монастырской нравственности давно уже соединялся съ вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ. Кромѣ еретиковъ, противъ владѣнія монастырей вотчинами былъ уважаемый аскетъ того времени пр. Нилъ съ своими послѣдователями, подавшій свой голосъ на извѣстномъ соборѣ 1503 года. Защищая монастырскую собственность противъ еретиковъ, пр. Іосифъ возсталъ и противъ мнѣнія пр. Нила. На соборѣ 1503 г. онъ одержалъ верхъ, но споръ о вотчинахъ не кончился и послѣ смерти пр. Нила († 1508 г.).

Споръ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ поставленъ былъ очень широко, коснулся самаго воззрѣнія на монашество. Въ то время, какъ бѣлозерскіе иноки смотрѣли на монашество, какъ на жизнь, требующую полнаго отреченія отъ міра и всякихъ житейскихъ занятій, даже церковныхъ должностей, пр. Іосифъ смотрѣлъ на монастырь, какъ на разсадникъ церковныхъ властей, считалъ монашество высшимъ, административнымъ классомъ духовнаго чина, хотѣлъ привлечь къ нему всѣ лучшія силы духовенства и на основаніи этого требовалъ внѣшняго возвышенія и обогащенія монастырей; „безъ вотчинъ, говорилъ онъ, не будетъ у мо-

пастырей честныхъ старцевъ, а не будетъ честныхъ старцевъ, кого братъ на епископію и митрополію? ино и вѣрѣ будетъ поколебаніе". Самымъ опаснымъ по своей начитанности противникомъ іосифлянъ явился ученикъ пр. Нила, *Вассіанъ Косой*, бывшій боярин кн. *Патрикѣевъ*, постриженный при Іоаннѣ III во время придворнаго переворота въ пользу Софіи и Василія Князь-инокъ, бывшій приверженецъ Елены и Димитрія и вмѣстѣ съ тѣмъ боярской партіи, возстававшей противъ развитія самодержавія, естественно былъ врагомъ іосифлянъ, стоявшихъ всегда на сторонѣ Василія и дѣйствовавшихъ въ пользу самодержавія. и примкнулъ къ бѣлозерскимъ инокачъ. Онъ написалъ до 10 словъ противъ Іосифа по разнымъ вопросамъ времени, „Слово объ иноческомъ житіи". „Собраніе на Іосифа отъ главъ Никона Черногорца" и „Діалогъ", содержащій сокращеніе всей полемики съ Іосифомъ. Вся эта полемика носитъ весьма рѣзкій и раздражительный характеръ. Вассіанъ выставилъ всѣ язвы современнаго монашества, происходившія отъ вотчиннаго владѣнія, роскошь, пристрастіе къ стяжаніямъ, тяжбы по судамъ, попрошайство, угодничество сильнымъ людямъ, притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ оброками, лихвой и истязаніями за долги и недоимки. Вассіану приписывается еще одно замѣчательное сочиненіе XVI в., содержащее въ себѣ апокрифическую бесѣду Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ о нестроеніяхъ послѣдняго времени. Со всею горячностью памфлета оно возстаетъ противъ владѣнія монастырей селами и описываетъ, какъ иноки, не желая кормиться своими трудами, накупаются на мірскія слезы и труды, стараются быть сытыми отъ царя по ложному и безстыдному челобитью, смотрятъ въ руки богатыхъ, разсчитывая, не дадутъ ли серебро, скотинку или деревнишку, а своихъ подначальныхъ истязаютъ, отнимаютъ у нихъ послѣднюю коровку и лошадку, строятъ себѣ каменныя палаты, пользуются всѣмъ лучшимъ отъ міра и пр. Въ раздачѣ монастырямъ селъ авторъ видитъ простоту и малосмысліе царей, ослабленіе царской власти и даже признакъ близкой кончины міра.

Кромѣ вопроса о монастырскихъ вотчинахъ обѣ партіи непріязненно сталкивались и по другимъ вопросамъ. Полемика между ними коснулась вопроса о вдовыхъ попахъ, при чемъ Іосифъ настаивалъ на отлученіи ихъ отъ службы, а Вассіанъ доказывалъ противное. Около 1511

года явилось посланіе отъ имени бѣлозерскихъ старцевъ, въ которомъ заключалось колкое опроверженіе Іосифова мнѣнія о казни еретиковъ. Думаютъ, что и оно написано Вассіаномъ, который всегда былъ заступникомъ за еретиковъ и самъ былъ нечуждъ вольномыслія, какимъ они отличались. Посланіе приводитъ многіе примѣры милосердія изъ Св. Писанія; на положеніе Іосифа, что убитъ еретика руками или умертвить, какъ апостолъ Симона волхва, молитвою—все равно, посланіе отвѣчаетъ: „и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы еретиковъ пожрала земля... Проразумѣй же, яко много разни промежъ Моусея и Иліи и Петра и Павла, да и тебя отъ нихъ“. Несогласія между обѣими партіями дошли до того, что предъ своею кончиной (1515 г.) Іосифъ заповѣдалъ братіи своего монастыря не имѣть никакого общенія съ учениками Нила и Вассіана; Вассіанъ съ своей стороны говорилъ, что іосифлянъ онъ и въ келью къ себѣ не пускаетъ и никакого общенія съ ними не желаетъ. Явилось особое посланіе, неизвѣстно чье и къ кому, которое излагаетъ причины „нелюбки“ между партіями и поучительно заключаетъ: „всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе“.

Максимъ грекъ. Еще не кончилось движеніе, произведенное ересью, и борьба партій была въ самомъ разгарѣ, какъ пріѣхалъ въ Россію *Максимъ*, албанскій грекъ, аѳонскій монахъ, получившій обширное образованіе въ Парижѣ, Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель знаменитаго Іеронима Савонаролы. Онъ былъ вызванъ въ Москву для пересмотра княжеской библіотеки и перевода книгъ. Пріѣздъ его въ 1518 году сообщилъ новое оживленіе просвѣтительному движенію въ русскомъ обществѣ. Труды его начались разборомъ княжеской библіотеки и переводами. Прежде всего онъ перевелъ съ греческаго толковую Псалтырь,—сводное толкованіе разныхъ отцевъ церкви; потомъ переводилъ толкованіе на книгу Дѣяній, бесѣды Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна, житіе Богородицы изъ Метафраста, выписки изъ пророковъ съ толкованіями, нѣсколько главъ 2 книги Ездры, Даніила и Есѳири. Кромѣ переводовъ онъ писалъ еще толкованія на разные трудные тексты, о смыслѣ которыхъ его спрашивали. Чисто ученая дѣятельность его продолжалась впрочемъ недолго. Сдѣлавшись авторитетомъ современнаго общества, онъ долженъ былъ внимательно прислушиваться ко всему, что около него дѣ-

лалось, и на все отзываться своимъ словомъ. Кромѣ того онъ и самъ по себѣ былъ человѣкъ практики, жизни, горячій публицистъ, которому необходимо было высказываться, проводить свои идеи въ общество; его идеаломъ былъ славный пророкъ Флоренціи (Савонарола), одушевленная дѣятельность котораго разожгла, какъ онъ выражался, и его божественною ревностію. И вотъ Максимъ сталъ русскимъ Савонаролой, обличителемъ современныхъ нестроеній; отъ того, не смотря на то, что онъ былъ иностранецъ, современная ему русская жизнь отразилась въ его трудахъ цѣликомъ со всѣми вопросами и тревогами вѣка.

Полемическіе труды Максима Остатки ереси жидовствующихъ вызвали съ его стороны нѣсколько сочиненій противъ іудейства. Частыя сношенія Россіи съ армянами по торговлѣ заставили его написать слово „на армянское зловѣріе“. Въ своемъ „Словѣ на агарянскую прелесть и сквернаго пса Моамеѳа“ и въ „Отвѣтахъ противъ агарянъ“ онъ далъ образцы противомагометанской полемики, написанные впрочемъ въ крайне раздражительномъ духѣ, явно подъ живыми впечатлѣніями страданій его родины отъ турецкаго деспотизма Главное мѣсто между его полемическими сочиненіями занимаютъ слова *противъ латинянъ*.— Латинская пропаганда не прекращалась въ Россіи и послѣ неудачной уніи Исидора. Папа Сикстъ устроилъ бракъ Іоанна III съ жившей въ Римѣ греческой царевной Софіей Палеологъ именно въ тѣхъ разсчетахъ, чтобы сдѣлать ее орудіемъ католичества въ Россіи, и послалъ съ ней въ Москву легата *Антонія*. Но Софія обманула его ожиданія, легатъ папскій тоже не имѣлъ успѣха въ Москвѣ. Онъ требовалъ было торжественнаго въѣзда въ столицу съ преднесеніемъ креста. Но м. Филиппъ I рѣшительно объявилъ, что, если легатъ съ своимъ крыжемъ въѣдетъ въ одни ворота Москвы, то онъ, митрополитъ, выѣдетъ изъ Москвы въ другія. В. князь велѣлъ легату спрятать крыжъ. Въ Москвѣ Антоній заговорилъ о соединеніи церквей, но Филиппъ отыскалъ какого-то *Никиту* поповича, мудраго книжника, который совсѣмъ заговорилъ легата, такъ что онъ отказался спорить, говоря: „книгъ нѣтъ со мною“. Въ 1519 г. папа Левъ X завелъ переговоры объ уніи съ в. кн. Василіемъ чрезъ своего агента *Николая Шомберга*, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ въ Москвѣ въ кругу бояръ. Кромѣ его въ пользу уніи съ Римомъ дѣйствовалъ тогда врачъ *Нико-*

лай Булевъ или *Люевъ*, извѣстный больше подъ именемъ *Николая нѣмчина*; онъ между прочимъ учитъ русскихъ астрологіи.—Въ своихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ Максимъ имѣлъ въ виду преимущественно Николая нѣмчина. Противъ римской церкви онъ возсталъ съ такою же горячностью, какъ и всѣ его предшественники по полемикѣ съ латинствомъ, подводя латинянъ подъ анаѳему, какъ еретиковъ, нарушителей апостольскихъ и отеческихъ постановленій и даже какъ безбожниковъ.

Обличенія Максима противъ суевѣрій. Весьма важное значеніе имѣли сочиненія Максима противъ суевѣрій и апокрифовъ, къ которымъ онъ первый отнесся критически, не довольствуясь однимъ голословнымъ осужденіемъ ихъ, разбиралъ ихъ внутреннее содержаніе и несогласіе съ ученіемъ церкви. Сюда относятся: его посланіе о постѣ въ понедѣльникъ, разборъ сказанія объ Іудѣ, обличеніе на сказаніе Аѳродитіана о рождествѣ Богородицы, противъ глаголющихъ—„Христа во священство поставиши“, къ глаголющимъ, „яко всю свѣтлую седмицу солнце не зайде“, противъ вѣры, что „погребенія ради убитаго и утопленнаго бываютъ стужи“, о рукописаніи, которое будто бы Адамъ далъ дьяволу. Максимъ разобралъ Луцидаріусъ, сличилъ его сказанія и объясненія явленій природы съ твореніями отцевъ, особенно Іоанна Дамаскина, и рѣшилъ, что это не Люцидарій, а Тенебрарій, котораго нужно избѣгать, какъ гаггрены. Максима сильно возмутило распространеніе въ Россіи знакомыхъ ему еще по Италіи астрологическихъ суевѣрій. Въ своей полемикѣ противъ астрологіи онъ преимущественно опровергалъ Николая нѣмчина, увлекшаго ею дьяка в. князя *Мисюря Мунехина*, боярина *Корпова* и еще какого-то игумена. Въ астрологическихъ бредняхъ Николая нѣмчина нашло себѣ отголосокъ знакомое намъ ожиданіе скорой кончины міра, не пропавшее и послѣ 1492 года. Распространилось мнѣніе, которое высказывается въ лѣтописяхъ и въ посланіи псковскаго елеазаровскаго монаха Филоѳея къ в. к. Василію, что Москва есть послѣднее апокалипсическое царство, третій Римъ, а четвертому уже не быть. Николай нѣмчинъ писалъ Мунехину, что въ 1524 г. будетъ странамъ и царствамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ, бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе. Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ о звѣздочетной прелести излагаетъ исторію астрологіи, вы-

водя ее изъ Халдеи и Египта, описываетъ увлеченіе ею въ Италіи, разсказываетъ случаи, гдѣ ея предсказанія оказались ложными, и противополагаетъ ей православное ученіе о Промыслѣ и свободѣ человѣка.—Въ разныхъ сочиненіяхъ онъ обличалъ и другія русскія суевѣрія, вѣру во встрѣчи, птичій полетъ, колдовство и др., указывалъ и средство освободиться отъ нихъ,—образованіе чрезъ сближеніе съ просвѣщенными и умными людьми запада; но при этомъ предостерегалъ русскихъ людей отъ схоластической философіи, оборотворенія Аристотеля и Платона, какое видѣлъ въ Италіи, и отъ тогдашняго увлеченія запада классической мудростью. На науку онъ смотрѣлъ исключительно съ религіозной точки зрѣнія, какъ на служительницу вѣры, и въ образецъ научныхъ религіозныхъ знаній ставилъ творенія Іоанна Дамаскина.

Обличенія Максима противъ нравовъ. Сдѣлавшись Савонаролой русскаго общества, Максимъ не могъ не касаться и его нравственныхъ нестроеній. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ обличалъ общественныя распри, придворныя смуты, неправый судъ, притѣсненія сильными слабыхъ, пьянство, развратъ. Будучи пораженъ противорѣчіемъ между внѣшнею набожностію и нравственной жизнью народа, онъ рѣзко выставитъ эту черту общественнаго религіознаго характера во многихъ своихъ сочиненіяхъ, напр. въ „Сказаніи живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами молящимся по вся дни, чающимъ спасеніе получити“, и въ „Словесахъ, аки отъ лица пресв. Богородицы, къ лихоимцамъ и сквернымъ и всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими различными пѣснями угождати чающимъ“. Онъ обличалъ тѣхъ, которые не ѣли мяса въ понедѣльникъ, а цѣлый день пили вино и провѣдывали, гдѣ есть пиръ или братчина, соблюдали всѣ посты—и терзали бѣдныхъ подручниковъ. Замѣчательно его слово „О томъ, какія рѣчи рекъ бы къ Содѣтелю всѣхъ епископъ тверскій, сожжену бывшу соборному храму и всему дому его, и како отвѣщаетъ ему Господь“. Епископъ Акакій въ этомъ словѣ жалуется, за что приключился на него гнѣвъ Божій, когда онъ совершалъ всѣ дѣла благочестія; Господь отвѣчаетъ, что люди только прогнѣвляютъ Его, предлагая доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ, многоцѣнное иконъ украшеніе, муръ благоуханіе, златые вѣнцы, а не милуя нищихъ и сиротъ, не отставая отъ неправдъ и лихвъ.

Подобныя обличенія должны были сильно задѣвать патріотическое чувство русскихъ и вооружать ихъ противъ смѣлаго пришельца, тѣмъ болѣе, что немногіе могли и понимать эти обличенія; для большинства такое возстаніе противъ обрядоваго благочестія было ересью, тѣмъ же стригольничествомъ и жидовствомъ. При этомъ Максимъ не обращалъ вниманія на лица и вскорѣ же по пріѣздѣ вооружилъ противъ себя очень опасныхъ враговъ по поводу своего вмѣшательства въ споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами.

Участіе Максима въ спорѣ іосифлянъ съ ихъ противниками. Съ самаго же начала онъ всталъ на сторону бѣлозерскихъ иноковъ. Въ своемъ „Стязаніи о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ“ онъ изложилъ свои мысли о монастырскихъ вотчинахъ въ формѣ спора Актимона съ Филоктимономъ. Яркими красками онъ (въ лицѣ Актимона) описываетъ здѣсь притѣсненія монастырскихъ крестьянъ, горькую ихъ скудость и нищету, росты и тяжкіе оброки и въ параллель съ этимъ роскошную жизнь монаховъ, ихъ дорогія палаты и одежды, богатыя яства и проч. Сбитый на всѣхъ пунктахъ спора, Филоктимонъ, — олицетвореніе партіи іосифлянъ, прибѣгаетъ къ обычному оправданію іосифлянъ, что вотчинное владѣніе нисколько не нарушаетъ монашеской нестяжательности, потому что въ монастырѣ все общее, а не достояніе частныхъ лицъ. Актимонъ рѣзко замѣчаетъ на это, что такъ можно оправдаться и разбойникамъ, если только они грабятъ не для себя каждый, а въ пользу всей шайки. Тѣже мысли Максимъ развиваетъ въ „Словѣ душеполезномъ зѣло внимающимъ ему“ и въ „Повѣсти страшной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“. Въ послѣдней онъ выставляетъ въ примѣръ русскимъ инокамъ картезіанскихъ монаховъ запада; вся повѣсть написана очень горячо; Максимъ доходитъ въ ней даже до проклятій монахамъ вотчинникамъ. Проклятія эти были потомъ отнесены его врагами къ русскимъ чудотворцамъ, которые владѣли селами.—Своими рѣчами противъ монастырскихъ вотчинъ Максимъ раздражилъ самого м. Даніила (іосифлянина) и почти всю русскую іерархію, въ рядахъ которой большинство состояло изъ іосифлянъ, а это не могло пройти даромъ для инока пришельца, какъ проходило до поры до времени его почитателю Вассіану, бывшему князю Патрикѣеву. Кромѣ того іосифляне были сильны при дворѣ;—это

обстоятельство давало обличеніямъ противъ нихъ весьма опасный для Максима политическій смыслъ, тѣмъ болѣе, что Максимъ былъ втянутъ и въ современные политическіе вопросы. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ рѣзко наприм. обличалъ неправды, лихоимство и жестокости властей, говорилъ, что такого неправосудія, какъ у православныхъ русскихъ, нѣтъ даже у латинянъ ляховъ. Было извѣстно, что онъ, какъ грекъ, нерѣдко высказывалъ негодованіе на независимость русской церкви отъ грековъ, говорилъ, что русскіе митрополиты поставляются „самочинно и безчинно“, безъ благословенія патріарха. Замѣтили его сношенія съ турецкимъ посломъ; замѣтили, что келья его часто посѣщалась недовольными людьми въ родѣ боярина *Берсеня Беклемишева* и дьяка *Жаренаго*, съ которыми онъ сочувственно толковалъ о политическомъ состояніи Руси, о деспотизмѣ в. князя, о м. Даніилѣ—потаковникѣ властей и проч. Наконецъ подвернулся несчастный случай, который довелъ Максима до личнаго столкновенія съ в. княземъ: вмѣстѣ съ Вассіаномъ онъ высказался противъ развода в. князя съ Соломоніей. Послѣ этого безпокойнаго обличителя заключили въ цѣпяхъ въ симоновскую тюрьму. Въ 1525 г. онъ былъ подвергнутъ допросу на соборѣ. Кромѣ подозрѣній относительно политическихъ идей и поведенія Максима, соборъ выставилъ противъ него важныя церковныя обвиненія, порчу богослужебныхъ книгъ, которыя онъ исправлялъ, и погрѣшности въ его переводахъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ было поручено Максиму тотчасъ по окончаніи его работъ по великокняжеской библіотекѣ. Онъ пересмотрѣлъ и исправилъ Тріодь, Часословъ, праздничную Минею и Апостолъ. Въ своемъ Отвѣтительномъ словѣ объ исправленіяхъ онъ послѣ указывалъ, съ какими грубыми ошибками приводилось ему встрѣчаться въ этихъ книгахъ. Въ Часословахъ Христосъ назывался „единымъ точію человѣкомъ“, въ толковыхъ Евангеліяхъ—„безконечною смертію умершимъ“, въ Тріоди — „созданнымъ и сотвореннымъ“; Отецъ въ Часословахъ представлялся „собезматернимъ Сыну“, въ девятой пѣсни канона на В. Четвергъ—„не сущимъ естествомъ несозданнымъ“. Даже въ символѣ вѣры были перемѣны: ученикъ Максима Зиновій замѣтилъ въ 8 членѣ прибавленіе слова „истиннаго“ о св. Духѣ. Въ исправленіяхъ своихъ Максимъ уже не руководствовался обычнымъ пріемомъ древнихъ справщиковъ,

исправлять книги съ помощію одного только сличенія многихъ древнихъ рукописей, которое при неисправности всѣхъ рукописей и самихъ переводовъ, не могло повести ни къ чему прочному и кромѣ того допускало произволъ въ выборѣ текста для исправленія, а все дѣло велъ съ помощію строгой богословской и филологической критики текста. Кромѣ исправленія богослужебнаго текста, Максимъ оказалъ важную услугу современному обществу еще тѣмъ, что старался объяснять церковные обряды и принадлежности, которыхъ вовсе не понимали почитатели церковной внѣшности, напр. объяснялъ литургію для вразумленія тѣхъ, которые говорили, что всѣ плоды ея пропадаютъ для неоспѣвшихъ къ чтенію Евангелія, эктенію „о свышнемъ мирѣ“, подъ которымъ русскіе люди разумѣли міръ ангельскій, толковалъ значеніе буквъ въ вѣнцѣ Спасителя и въ вѣнцѣ Богородицы (*Мр* Ѳѕ читали Марѵ), писалъ объ артосѣ, о богоявленской водѣ и т. п

Ропотъ противъ его исправленій. Небольшой кружокъ лучшихъ людей, который составился около Максима, во всемъ одобрялъ его исправленія, относился къ нему, какъ къ авторитету, гордился именемъ его учениковъ. Таковы были: князь—инокъ Вассіанъ, сотрудникъ Максима Димитрій Герасимовъ, писецъ Максима инокъ *Силуанъ*, его ученики *Нилъ Курлятевъ*, *Зиновій* отенскій и другіе. Вассіанъ съ обычною горячностію говорилъ: „здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила не правила, а кривила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили“. Но большинство русскихъ и самъ м. Даніилъ думали иначе, говорили, что онъ только портитъ книги, что хулами на нихъ онъ творитъ велію досаду русскимъ чудотворцамъ, которые спасались по этимъ книгамъ. Послѣ въ своемъ „Словѣ отвѣщательномъ“ Максимъ долженъ былъ объяснять, что всякому дается свой даръ св. Духа, что русскіе чудотворцы были святы, но дара языкъ не имѣли и исправлять книгъ не могли, что и святые часто принимали вразумленія отъ простыхъ грѣшныхъ людей. Кромѣ авторитета древнихъ чудотворцевъ, судьямъ Максима легко можно было указать въ обвиненіе его на нѣсколько дѣйствительныхъ ошибокъ въ его трудахъ. По причинѣ плохаго знанія славянскаго языка онъ работалъ съ помощію переводчиковъ, которые съ своей стороны не знали хорошо греческаго языка; Максимъ долженъ былъ сначала переводить съ греческаго на

латинскій, знакомый его сотрудникамъ, а они уже съ латинскаго перелагали его переводъ на славянскую рѣчь. Очень понятно, что при такомъ порядкѣ работы многія фразы могли явиться въ такой формѣ, за которую Максимъ не могъ отвѣчать. Явились неточности, напр. въ Тріоди объ І. Христѣ, вмѣсто: „сѣдѣ одесную Отца“, написано было: „сѣдѣлъ еси“, какъ о мимошедшемъ фактѣ: вмѣсто: „безстрастно Божество“, въ одной книгѣ сказано было: „нестрашно Божество“; въ переводѣ житія Богородицы неловко употреблялось „аки“ вм. „яко“, передъ словами: „сѣмени мужескаго никакоже причастившеся“.

Судьба Максима и его учениковъ. Максима приговорили къ заточенію въ Іосифовъ монастырь. Много пришлось ему потерпѣть тамъ отъ ожесточенныхъ противъ него монаховъ, отъ дыма и угара въ курной кельѣ, отъ оковъ, холода и голода. Вассіанъ пока уцѣлѣлъ, только лишился милости в. князя. Но въ 1531 г. и его притянули къ суду. Соборъ осудилъ его за порчу книгъ, за хулы противъ Кормчей („кривила, а не правила“), за неисправность его собственнаго сборника правилъ, вольнодумство въ духѣ жидовствующихъ, наконецъ за сочиненія противъ монастырскихъ вотчинъ и за хулу противъ русскихъ чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. Вассіанъ не винился ни въ чемъ, держалъ себя на соборѣ гордо и заносчиво, говорилъ обычныя рѣзкія рѣчи; при указаніи на русскихъ чудотворцевъ, на святителя Іону, бывшій боярин сказалъ: „не знаю, чудотворецъ онъ былъ или нѣтъ. Говорятъ, въ Колязинѣ Макарій чудеса творитъ, а былъ мужикъ сельскій“. На этотъ же соборъ вызвали изъ заточенія и Максима; снова повторены были вины, за которыя осудитъ его соборъ 1525 г., пополнены новыми подробностями и новыми обвиненіями политическаго характера. Онъ держался на соборѣ очень-униженно, указывалъ въ свое оправданіе на свое незнаніе славянскаго языка, винился въ недосмотрахъ то по лѣности, то по пьянству, какъ онъ выражался, ссылался на своихъ помощниковъ, кланялся собору въ ноги и со слезами молилъ простить его немощи. Соборъ оставилъ его попрежнему подъ церковнымъ запрещеніемъ, но смягчилъ его участь переводомъ изъ Іосифова монастыря въ тверской Отрочь; тверской епископъ *Акакій* принялъ его ласково, много утѣшалъ его своею любовію и даже дѣлилъ съ нимъ свою трапезу. Вассіанъ былъ посланъ на мѣсто

Максима въ Волоцкій монастырь, гдѣ и умеръ въ тѣсномъ заточеніи. Изъ заточенія Максимъ не разъ просилъ правительство отпустить его на Аѳонъ; о томъ же просили за него восточные патріархи при Грозномъ; но эти просьбы не были исполнены. По низверженіи съ каѳедры м. Даніила участь его облегчилась, ему дозволено было ходить въ церковь и причащаться. Въ Твери онъ продолжалъ свою литературную дѣятельность, писалъ оправданіе своимъ исправленіямъ, свое исповѣданіе вѣры, отзывы на современныя событія и вопросы. Бѣдствія государства въ малолѣтство Грознаго дали ему поводъ написать замѣчательное „Слово, излагающее нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“, въ которомъ „Василія“ (царство) представляется въ видѣ скорбной жены при пути, окруженной звѣрями и жалующейся на неправды, насилія, жестокости, блудъ и сребролюбіе властей, на то, что у нея нѣтъ пастырей-обличителей, нѣтъ ни Самуила, ни Наоана, ни Иліи, ни Елисея, ни Василія, ни Златоуста. Къ самому Грозному онъ писалъ посланія о должностяхъ царя, молилъ его беречься надмѣнничества, ярости и гнѣва напраснаго, миловать сирыхъ. Въ 1551 г. царь перевелъ его въ Троицкую лавру, гдѣ онъ и скончался въ 1556 г.

Труды Максима и его учениковъ имѣли большое вліяніе на всѣ стороны церковной жизни. Встревоженное его обличеніями, общество постаралось отдѣлаться отъ обличителя его заточеніемъ, подняло реакцію противъ безпокойнаго движенія, котораго онъ былъ главою, обратилось къ своей привычной старинѣ и стало снова укрѣплять ея обычаи и строй, но не могло уже отдѣлаться отъ самыхъ вопросовъ, поднятыхъ Максимомъ и стоявшихъ теперь передъ глазами всѣхъ съ безпощадною ясностію. Обойти этихъ вопросовъ было уже нельзя,—духъ реакціи въ пользу старины могъ проявиться только въ характерѣ ихъ рѣшенія.

Стоглавый соборъ. Выражая ясное сознаніе современныхъ недостатковъ церковной жизни и обличая ихъ съ такою же рѣзкостью, какъ Максимъ и Вассіанъ, Стоглавъ искалъ врачевства противъ нихъ не въ преобразованіяхъ церковной жизни, на которыхъ настаивали прежніе обличители, а напротивъ въ поддержаніи старины; причиною этихъ недостатковъ онъ считалъ то, что „старые обычаи поисшаталися“. Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ рѣшенъ имъ въ духѣ іосифлянъ. По старому велѣно исправ-

лять и церковныя книги „съ добрыхъ переводовъ“, — способъ давно уже осужденный пріемами Максима: гдѣ обрѣтались эти добрые переводы и почему можно было отличить ихъ отъ недобрыхъ, не было указано. Притомъ же на дѣло исправленія были уполномочены всѣ протопопы и поповскіе старосты, что могло повести только къ большей порчѣ книгъ. Послѣ этого строгое опредѣленіе собора— неправленныхъ книгъ ни продавать, ни покупать, ни употреблять въ церквахъ—не имѣло ровно никакого значенія. Спустя немного времени послѣ Стоглава, обнаружилось, что большую часть книгъ, бывшихъ въ употребленіи, стоило сожечь въ огнѣ. Пришлось хлопотать уже не объ исправленіяхъ, а только о предотвращеніи новыхъ описей и недописей въ книгахъ; съ этой скромной цѣлью и явилась первая типографія въ Москвѣ, напечатавшая въ 1564—1565 годахъ очень неисправные Апостолъ и Часословъ.— Поднятъ былъ и вопросъ о просвѣщеніи, но мысль о заимствованіи западной науки, которую проповѣдывалъ Максимъ, не пошла въ ходъ. И въ этомъ дѣлѣ положено ограничиться одними старыми домашними средствами. Соборъ вспомнилъ, что въ старину при церквахъ и монастыряхъ были добрыя школы, и велѣлъ опять устроить такія же школы въ домахъ добрыхъ поповъ и дьяконовъ, т. е. призвалъ на дѣло просвѣщенія тѣхъ же мастеровъ — грамотниковъ, о которыхъ самъ говорилъ, что они грамотѣ мало умѣютъ, а силы писанія вовсе не знаютъ.

Труды м. Макарія. Между просвѣтительными трудами послѣ сочиненій Максима первое мѣсто занимаютъ труды м Макарія—предсѣдателя Стоглаваго собора. Нельзя не замѣчать и въ нихъ господствующаго въ его время обращенія къ старинѣ. Самый важный изъ этихъ трудовъ составляютъ великія *Четьи-Минеи*, которыя онъ составлялъ еще въ Новгородѣ; въ нихъ собрано было все духовное оружіе, какимъ тогда располагала русская церковь, „всѣ книги чтомыя, которыя обрѣтались въ русской землѣ“: житія святыхъ, слова на ихъ праздники, ихъ творенія всякаго рода, патерики, цѣлыя книги св. Писанія и толкованія на нихъ отцевъ церкви. Собираніе всего этого книжнаго сокровища „многимъ имѣніемъ и многими писарями“ продолжалось 12 лѣтъ. Другой сборникъ Макарія содержитъ въ себѣ Кормчую, въ которой помѣщены Номоканонъ, правила русскихъ князей и святителей, статьи Дороѳея тир-

скаго о 12 апостолахъ и Епифанія кипрскаго о пророкахъ, лѣтопись Никифора, даже выписки изъ Еноха Праведнаго (апокрифической книги). Ему же приписывается составленіе Степенной книги—обширнаго сборника свѣдѣній по русской исторіи. Наконецъ онъ написалъ „Великую книгу правила келейнаго и путнаго“.—Какъ въ своихъ проповѣдяхъ, такъ и въ сборникахъ Макарій запечатилъ обильную дань своему вѣку, вѣку риторства съ пышнымъ нарядомъ словъ и бѣдностію мысли, вѣку формалистики какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ.

По благословенію и подъ руководствомъ м. Макарія разными лицами составлено было много *житій*, которыя теперь, при обращеніи общества къ старинѣ, имѣли особенно важное значеніе. Боярин *Тучковъ*, сотрудникъ Макарія въ составленіи Чети-Миней, передѣлалъ житіе Михаила клопскаго, потому что прежнее житіе этого святаго Макарій нашелъ не довольно украшеннымъ; тотъ же Тучковъ написалъ житіе и службу Александру Невскому. Другой сотрудникъ Макарія священникъ *Василій* (въ иночествѣ Варлаамъ) сочинилъ житіе Евфросина псковскаго, житіе Александра Невскаго, Арсенія коневскаго, Саввы крыпецкаго, Никиты и Ипфонта новгородскихъ, Исидора, замученнаго нѣмцами въ Юрьевѣ. Особенно много житій написано послѣ соборовъ о новоявленныхъ святыхъ. Раньше этого извѣстны, какъ писатели житій,—*Василій Рыло*, написавшій житіе своего учителя Пафнутія боровскаго, *Паисій Ярославовъ*, написавшій сказаніе о Каменскомъ монастырѣ, соловецкій игуменъ *Досиѳей*, написавшій житія соловецкихъ чудотворцевъ (въ XVI в. и они были передѣланы, потому что написаны были „не ухищрепно, ниже добрословіемъ“).—Въ концѣ XVI в. явилось описаніе путешествія ко св. мѣстамъ Греціи, Палестины и Египта купца *Трифона Коробейникова*, сдѣлавшееся потомъ любимымъ чтеніемъ народа. Коробейниковъ ѣздилъ на востокъ въ 1583 г. съ царскою милостынею восточнымъ святителямъ и монастырямъ на поминъ души убитаго отцомъ царевича Іоанна.

Домострой. Отъ половины XVI в. до насъ дошелъ замѣчательный памятникъ, содержащій въ себѣ полный сводъ современной ему морали и главнымъ образомъ обрисовавшій современный идеалъ домашней жизни; — это знаменитый *Домострой* Сильвестра. И въ этомъ памятникѣ прохо-

дитъ тотъ же современный мотивъ уваженія къ старинѣ, заведенному порядку, обычаю отцовъ и дѣдовъ; весь этотъ заведенный порядокъ со всей его чинностію, неподвижностію, замкнутостію отъ всякихъ посторонних вліяній, крайнимъ развитіемъ мелочной формалистики и вмѣстѣ бѣдностью своего содержанія увѣковѣченъ авторомъ Домостроя въ цѣльномъ и, такъ сказать, пластически осязательномъ образѣ.—Въ основѣ семейства положенъ деспотизмъ главы семейства; всѣ передъ нимъ ребята, умственно и нравственно недозрѣлые, живущіе только его умомъ и наказаніемъ, за которыхъ онъ поэтому несетъ отвѣтственность и въ сей и будущей жизни. Жена его раба, исключительно хозяйка и работница, поставленная имъ во главѣ другихъ работницъ и работниковъ дома. Домострой строго вооружается противъ удовольствій женщины, требуетъ отъ нея исключительно работы, потому что не можетъ найти ей приличныхъ увеселеній въ часы отдыха, покоя. Когда женщина не работала, ей оставалось предаться сплетнямъ съ служанками и торговками, бесѣдамъ съ жонками бездѣльными и ворожеями или же хмѣльному питію. Среди этой пустой жизни она очень естественно тупѣла и дѣйствительно требовала педагогическихъ вразумленій побоями, которыя Домострой считаетъ совершенно для нея необходимыми даже предъ лицемъ нравственнаго христіанскаго закона.—Дѣти являются совершенно безправными предъ отцомъ; отъ него зависитъ вся ихъ судьба, назначеніе положенія въ обществѣ, бракъ, потому что сами они люди неразумные, молодые, ничего не понимаютъ. Отецъ обязанъ ихъ учить страху Божію и всякому порядку; средствами для этого служатъ тоже страхъ и побои. Какъ олицетвореніе страха для семьи, отецъ не долженъ даже улыбаться своему дитяти и играть съ нимъ.—Въ отношеніи къ рабамъ авторъ Домостроя представляетъ себя хорошимъ господиномъ; онъ всѣхъ ихъ отпустилъ на волю; выкупалъ даже чужихъ рабовъ, училъ ихъ рукодѣльямъ, пристраивалъ къ должностямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ правилахъ онъ трактуетъ раба, какъ человѣка скуднаго разумомъ, котораго не научишь, если не побьешь; въ случаѣ ссоры холоповъ съ чужими холопами совѣтуетъ побранить и побить своихъ, хотя бы и правы были,—этимъ вражды избудешь, а убытка не будетъ.

Нравственныя правила Домостроя носятъ общій въ древней Руси характеръ аскетизма. Запрещаются: всякое смѣхотвореніе, пѣсни, пляски, мірскія потѣхи, охота. Весь домъ долженъ быть устроенъ по подобію монастыря. Входящій въ него долженъ прочитать молитву, какъ передъ кельей монаха; каждый день семья должна отправлять утреню, часы, вечерню, павечерницу и полунощницу; постоянно нужно имѣть въ устахъ молитву Іисусову, а въ рукахъ держать чотки. Во внѣшнемъ поведеніи все должно быть чинно, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно; нужно чаще призывать и слушать духовныхъ отцовъ и проч. По богатству нравственныхъ правилъ Домострой пріобрѣлъ большое вліяніе на жизнь, потому что и самъ былъ произведеніемъ этой жизни; въ немъ высказались и народъ и вѣкъ съ своими понятіями и идеалами, высказались вмѣстѣ съ тѣмъ и недостатки этихъ понятій и идеаловъ. И здѣсь христіанство понято не въ духѣ, а въ формахъ; предписываемыя здѣсь христіанскія добродѣтели не выходятъ изъ круга обрядоваго благочестія, заключаются въ одной внѣшней формѣ, которую всегда можно аккуратно соблюсти, не стѣсняя своихъ противунравственныхъ инстинктовъ.

Ереси Бакшина и Косаго Съ крайнимъ развитіемъ консервативнаго, старообрядческаго направленія въ обществѣ люди противоположнаго направленія тоже въ свою очередь должны были доходить до крайности; критика церковныхъ писаній и обрядовъ, обличенія религіозныхъ нестроеній, державшіяся у Максима и его учениковъ на строго православныхъ началахъ, теперь выразились въ крайне-отрицательномъ направленіи, въ ересяхъ. Таковы ереси *Бакшина* и *Косаго*, опиравшіяся на авторитетъ Максима, но принявшія въ себя, кромѣ Максимова ученія, доведеннаго ими до крайности, еще разные элементы изъ ереси жидовствующихъ и изъ протестантскихъ мнѣній. Протестантскія идеи заходили къ намъ преимущественно изъ Литвы, откуда всегда было много переселенцевъ въ Россію; учителемъ Башкина былъ литвинъ аптекарь *Матвей*.

Ересь *Бакшина* открылась такимъ образомъ. Къ попу Симеону въ 1553 г. пришелъ на духъ необычный сынъ духовный Матвей (Бакшинъ), просилъ у него наставленій, предлагалъ вопросы, на которые духовный отецъ ничего не въ состояніи былъ отвѣтить; потомъ являлся къ нему на домъ, читалъ разныя мѣста изъ Писанія и, не дождавшись

объясненія, самъ ихъ объяснялъ. Всѣ эти рѣчи и вопросы его показались Симеону „недоумѣнными“; духовникъ доложилъ объ нихъ Сильвестру; этотъ тоже нашелъ ихъ недоумѣнными и доложилъ царю. Бакшина схватили и подвергли допросамъ; по собственноручному его показанію сущность новой ереси состояла въ томъ, что еретики не признавали божества Сына и равенства Его со Отцемъ, евхаристію считали простымъ хлѣбомъ и виномъ, иконы звали идолами, отрицали покаяніе, утверждая, что какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, отрицали отеческія писанія, житія святыхъ и постановленія соборовъ, толковали неправильно Писаніе, наконецъ говорили, что церковь есть собраніе вѣрныхъ, а созданныя церкви ничто. Еретики повторяли въ преувеличенномъ видѣ слова Максима о неприличіи вотчиннаго владѣнія монастырей, о дурной жизни духовенства, бездушной обрядности народнаго благочестія и проч. Уважая Максима, они всѣ единодушно вооружались противъ „Просвѣтителя“ Іосифа. На допросахъ Бакшинъ проговорился, что его ученіе похваляли бѣлозерскіе старцы. Ересь видимо становилась въ связи съ только что затихшимъ споромъ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Вслѣдствіе этого добрались и до этихъ старцевъ. Изъ Кириллова монастыря вызвали на соборъ жившаго тамъ на покоѣ троицкаго игумена *Артемія*, потомъ монаха *Ѳеодосія Косаго*, который прежде былъ рабомъ въ Москвѣ, потомъ, обокравъ господина, бѣжалъ отъ него на Бѣлоозеро, постригся въ монахи, принялъ горячее участіе въ мнѣніяхъ бѣлозерскихъ старцевъ и, развивая ихъ до крайности, зашелъ въ еретичествѣ еще дальше Бакшина; вмѣстѣ съ нимъ призваны были въ Москву его товарищъ *Игнатій* и нѣсколько другихъ монаховъ. При тогдашней тревогѣ за православіе можно было легко завинить въ ереси за всякій недоумѣнный вопросъ и за всякое слово обличенія и критики; наприм. на судъ притянули даже такого святаго человѣка, каковъ былъ просвѣтитель лопарей *Ѳеодоритъ*, потому только, что онъ былъ извѣстенъ сильными обличеніями противъ дурныхъ монаховъ. Неудивительно, что когда Максима грека пригласили на соборъ, для обличенія еретиковъ, онъ очень встревожился, подумалъ что и его хотятъ судить за ересь. Соборъ противъ еретиковъ собранъ былъ въ 1554 г. Въ какомъ духѣ шли соборные допросы, можно судить только изъ одного со-

хранившагося отъ собора акта о судѣ надъ Артеміемъ троицкимъ.

Артемія обвиняли въ томъ, что онъ критически относился къ „Просвѣтителю“, не проклиналъ жидовствующихъ, говорилъ, что православные сами не знаютъ, за что жгли Курицына, въ томъ, что онъ за столомъ у царя въ великій постъ ѣлъ рыбу, не отказывался отъ пея и въ домахъ разныхъ христолюбцевъ; изъ того, что во Псковѣ онъ хотѣлъ бесѣдовать съ нѣмецкими учеными и разузнавалъ объ ихъ вѣрѣ, заключили, что онъ въ вѣрѣ пошатнулся; изъ его словъ объ умершихъ во грѣхахъ безъ покаянія: „панихидами и обѣднями имъ не поможешь, отъ того они муки не избудутъ“, выводили, что онъ отрицаетъ силу поминовенія усопшихъ; обвиняли его въ хулѣ на акаѳисты и каноны за то, что онъ, подобно Максиму, говорилъ: „говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладчайшій! а какъ услышатъ слово Іисусово,—горько становится, что надо его испотнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: радуйся да радуйся, Чистая! а сами о чистотѣ не радятъ, такъ это говорятъ по привычкѣ, а не въ правду“. Артемій выражалъ сомнѣніе въ самомъ существованіи ереси въ его время, Бакшина представлялъ только человѣкомъ подоумѣнныхъ вопросовъ, отрицалъ его невѣріе въ Троицу и божество І. Христа; это набросило еще большую тѣнь на его православіе. Онъ рѣшительно объявилъ собору, что ему не въ чемъ каяться: „я такъ не мудрствую, какъ на меня говорили: то на меня все налгали“. Но онъ не могъ однако очистить себя отъ обвиненія въ разныхъ вольныхъ и рѣзкихъ словахъ касательно предметовъ вѣры и въ довольно вольномъ, не монашескомъ поведеніи. Соборъ опредѣлилъ сослать его на Соловки. Ѳеодоритъ тоже былъ заточенъ въ Кирилловъ монастырь, впрочемъ скоро оправданъ и освобожденъ. Бакшина и его сообщниковъ разослали по монастырскимъ тюрьмамъ. Ѳеодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, женились тамъ и проповѣдывали раціоналистическое ученіе, очень близкое къ социніанству, состоявшее въ отверженіи божества І. Христа, всей церковной іерархіи и обрядовъ и въ отрицаніи повиновенія всякимъ вообще властямъ. Въ Литву же потомъ бѣжалъ и Артемій, но сдѣлался тамъ замѣчательнымъ защитникомъ православія противъ протестантства вмѣстѣ съ кн. Курбскимъ.

Зиновій отенскій. Ересь вызвала противъ себя замѣчательный полемическій трудъ со стороны ученика Максимова Зиновія, который жилъ въ Отенскомъ монастырѣ, заточенный туда въ одно время съ своимъ учителемъ. Писать противъ еретиковъ его заставили клирошане старорусскаго Спасскаго монастыря, которые приходили къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣній, возбужденныхъ въ нихъ ученіемъ Косаго. По этому поводу онъ составилъ свое „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи", заключающее въ себѣ полное изложеніе православнаго ученія. Это былъ второй (послѣ „Просвѣтителя") обширный богословскій памятникъ XVI в.—Защищая современное положеніе церкви отъ нападенія еретиковъ, Зиновій долженъ былъ во многомъ отступить отъ принциповъ своего учителя и сойтись во мнѣніяхъ съ іосифлянами, наприм. защищать современное монашество и вотчинное владѣніе монастырей. Онъ замѣтитъ, что указаніе Максима на примѣръ каргополянскихъ монаховъ унизительно для православныхъ монастырей, что изображеніе монастырской деморализаціи у него преувеличено, что нѣкоторые вотчинные монастыри живутъ очень бѣдно „Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной... Руки (у монаховъ этихъ обителей) скорчены отъ страданій; кожа, какъ воловья,—истрескалась; лица осунулись; волосы растрепаны; ноги и руки посинѣли и распухли. А имѣнія такъ много у нихъ, что нищіе больше имѣютъ. Обыкновенная пища ихъ—овсяный невѣяный хлѣбъ, ржаные колосья толченые и безъ соли, питье—вода, варево—листье капусты, зелень—свекла и рѣпа, овощи—рябина и калина, а объ одеждѣ что ужъ и говорить?" Это изображеніе онъ усиливаетъ контрастомъ жизни Вассіана, больше всѣхъ ратовавшаго противъ монастырскихъ вотчинъ: „не угодно ему было симоновскихъ блюдъ кушать — хлѣба ржанаго, щей, свекольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго не пилъ, — съ деревень молъ шли, а питался блюдами со стола княжескаго; пилъ же нестяжатель романею, бастро мушкатель, рейнское вино".

Состояніе просвѣщенія въ концѣ XVI в. По мѣрѣ развитія старообрядческаго духа уровень церковнаго просвѣщенія естественно долженъ былъ еще болѣе понизиться. Стали проповѣдывать, что „всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе". Кн. Курбскій говоритъ, что сами учители народа „прельщали юношей трудолюбивыхъ, же-

лавшихъ навыкнуть Писанію, говоря: не читайте книгъ многихъ, и указывали, кто ума изступилъ, и онъ сица въ книгахъ зашолся, а онъ-сица въ ересь впалъ". Типографія въ Москвѣ была закрыта; типографщики, дьяконъ *Иванъ Ѳедоровъ* и *Петръ Тимофеевъ*, обвинены въ ереси, потомъ „презѣльнаго ради озлобленія отъ многихъ начальниковъ и священноначальниковъ и учитель" удалились въ южную Россію. Самъ царь вступился наконецъ за книгопечатаніе и снова открылъ типографію въ 1568 г. *Андроникъ Невѣжа*, ученикъ изгнанниковъ, напечаталъ въ ней два раза Псалтирь. Школы, какія и были заведены, опять закрылись. Въ народѣ большинство не умѣло прочитать: „Вѣрую" и „Отче нашъ". Вмѣстѣ съ распространеніемъ мрака въ обществѣ естественно развивалась свѣтобоязнь, замкнутость отъ всякихъ посторонннихъ просвѣтительныхъ вліяній. Когда Годуновъ хотѣлъ завести въ Россіи обученіе иностраннымъ языкамъ, духовенство представило ему, что съ разноязычіемъ въ Россіи настанетъ разновѣріе. Отрицая все иноземное, благочестивые русскіе люди съ ужасомъ видѣли, что царь Борисъ ласкаетъ иноземцевъ, что въ высшихъ классахъ стали даже брить бороду. Ѣздить за границу русскимъ людямъ было рѣшительно запрещено; въ 1589 г. явился было даже проектъ и иностранцевъ не пускать въ Россію, купцовъ западныхъ принимать только на границѣ, но не состоялся. Русскому человѣку дѣйствительно было опасно встрѣтиться съ западною цивилизаціею, потому что, при религіозномъ строѣ всей своей жизни, при смѣшеніи всѣхъ обычаевъ и быта съ православіемъ, онъ не умѣлъ различать свѣтской стороны цивилизаціи отъ религіозной, заимствуя первую, усвоялъ и послѣднюю, сбривъ бороду, отпадалъ и отъ православія. При Годуновѣ послали за границу нѣсколько молодыхъ людей для науки,—они уже не вернулись домой, остались на западѣ, приняли и вѣру тамошнюю.

Отношенія къ протестантству и католичеству. Къ протестантамъ въ Россіи относились съ большей терпимостью, чѣмъ къ католикамъ, вѣроятно потому, что меньше видѣли отъ нихъ попытокъ вредить православію. Во время ливонской войны многіе изъ нѣмцевъ были переселены во Владиміръ, Кострому, Угличъ и Нижній. По просьбѣ принца *Магнуса*, жениха царской племянницы, въ 1575 г. царь позволилъ нѣмцамъ построить кирху въ 2 верстахъ

отъ кремля въ Москвѣ. При царѣ Ѳеодорѣ нѣмецкая слобода въ Москвѣ значительно увеличилась. Еще болѣе усилился наплывъ нѣмцевъ при Годуновѣ. Но всякая пропаганда была имъ строго запрещена. Въ 1563 г. одного пастора *Ѳому* за распространеніе протестантства въ Полоцкѣ царь Іоаннъ пустилъ подъ ледъ на Двинѣ. Въ 1570 г. онъ такъ бесѣдовалъ съ пасторомъ богемскихъ братьевъ *Рокитою*: „не хочу я говорить съ тобой о вѣрѣ, ибо сказано: „не давайте святыни псамъ, не мечите бисера предъ свиньями“... Учитель вашъ Лютеръ и по имени и по жизни былъ *лютъ*.. Вы живете, какъ свиньи, откармливаемыя въ постъ: отвергаете различіе пищи. Вы ненавистны святымъ на небѣ, потому что отвергаете, браните ихъ“, и проч. въ томъ же родѣ. Лѣтъ черезъ 6 одинъ лифляндскій пасторъ въ разговорѣ съ царемъ вздумалъ было сравнить Лютера съ ап. Павломъ; царь ударилъ его по головѣ и сказалъ: „ступай къ дьяволу съ своимъ Лютеромъ.

Попытки папъ на введеніе католичества въ Россіи совершенно разбивались о русскую нетерпимость къ латинству. Но въ 1580 г. несчастная война съ Баторіемъ заставила Грознаго самого обратиться за помощью къ папѣ Григорію XIII. Папа отправилъ въ Россію ловкаго іезуита *Антонія Поссевина*. Среди политическихъ переговоровъ Антоній домогался завязать дѣло объ уніи и просилъ дозволенія на постройку въ Москвѣ костёла. Царь обращался съ нимъ ласково, желая извлечь изъ его пріѣзда, какъ можно, больше пользы для мира съ Баторіемъ, но рѣшительно отказалъ ему въ постройкѣ костёла и неохотно согласился говорить съ нимъ о вѣрѣ, „чтобы не было, какъ онъ говорилъ, сопротивныхъ словъ“. Дѣйствительно, какъ только царь заговорилъ о латинствѣ, такъ и посыпались сопротивныя слова. Онъ укорилъ латинянъ за стриженіе бороды, указалъ на то, что у папы крестъ на туфлѣ, а у православныхъ креста не повелось ниже пояса носить, что папу носятъ на престолѣ, какъ Христа, а ему не слѣдуетъ Христу равняться, да и Петра апостола Христу равнять не слѣдуетъ же, и въ заключеніе сказалъ, что который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію живетъ, тотъ папа волкъ, а не пастырь. „Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить“, сказалъ легатъ. Въ знакъ своей дружбы къ папѣ царь дозволилъ только съ купцами католиками пріѣзжать въ Россію като-

лическимъ попамъ, но съ тѣмъ, чтобы ни церквей своихъ не строить, ни ученія своего не распространять.

V. КІЕВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ ДО ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

Московская митрополія твердо стояла противъ вліянія Рима. Не то было въ западной митрополіи, гдѣ православнымъ народомъ управляло правительство католическое. Впрочемъ пока въ Польшѣ и Литвѣ правили Ягеллоны, православіе не подвергалось большимъ насиліямъ. Стараясь всего болѣе о соединеніи Литвы съ Польшей, они находили неразсчетливымъ раздражать православныхъ жителей Литвы религіозными притѣсненіями. Насилія вѣрѣ видимъ только въ Галиціи, неразрывно связанной съ Польшей.

Управленіе кіевской митрополіи совершалось по старому порядку. Особенностью его было живѣйшее участіе въ церковныхъ дѣлахъ народа. Московская церковь опиралась на правительство; кіевская могла находить поддержку только въ народѣ и православныхъ панахъ. Паны и народъ участвовали въ избраніи митрополита, епископовъ и священнослужителей, слѣдили за церковнымъ судомъ и управленіемъ, протестовали противъ церковныхъ злоупотребленій и защищали церковные интересы предъ правительствомъ. Городскія общины держали *патронатъ* надъ своими церквами и монастырями, причемъ слѣдили за церковнымъ и монастырскимъ хозяйствомъ, производили выборы на церковныя мѣста, защищали духовенство отъ обидъ и т. д. Такой же патронатъ имѣли паны надъ церквами и монастырями на своихъ вотчинныхъ земляхъ. И общинный и единоличный патронатъ могли быть очень полезны для церкви, предоставляя ей сильную опору противъ католичества и уніи; но могли быть и очень вредны по неопредѣленности сдержекъ для произвола патроновъ. Патронами церквей и монастырей были не одни православные паны, но и католики на своихъ вотчинныхъ и самъ король на коронныхъ земляхъ. Іерархія была сильно стѣснена въ своей власти вліяніемъ на церковныя дѣла мірянъ, старалась устранить это вліяніе и выпрашивала у королей граматы о независимости своего суда и управленія отъ мірскаго вмѣшательства; но при этомъ, занявшись исключительно развитіемъ своей власти, не различала полезнаго участія

мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ отъ вреднаго, хотѣла одинаково устранить церковный патронатъ и католиковъ и православныхъ, отъ того обособлялась отъ мірянъ, оставалась одинокою и безсильною. Короли охотно давали просимыя грамоты какъ изъ принципа религіозной терпимости, такъ и потому, что это отдѣленіе іерархіи отъ народа и пановъ при случаѣ могло приготиться для цѣлей католичества.

Состояніе православія при Александрѣ и Сигизмундѣ I. В. Князь литовскій, сдѣлавшійся потомъ и королемъ польскимъ, *Александръ* позволилъ себѣ увлечься внушеніями своего духовенства и началъ стѣснять въ вѣрѣ православныхъ, даже свою супругу *Елену*, дочь Іоанна III. Плодомъ этого было то, что князья Трубецкіе, Ольшанскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и Перемышльскіе со всѣми своими землями перешли изъ литовскаго подданства въ московское: Литва лишилась Чернигова, Гомеля, Любеча, Новгорода Сѣверскаго, Путивля, Мценска, Серпейска и Рыльска и кромѣ того только была выдержать тяжелую войну съ Москвою, которая явилась естественной защитницей православія въ литовскихъ владѣніяхъ. При преемникѣ Александра *Сигизмундѣ* I война съ Москвой лишила Литву Смоленска; кромѣ того на сторону в. князя Василія перешли тогда сильные князья Глинскіе. Послѣ этихъ потерь король сдѣлался терпимѣе къ православію.

Въ 1509 г. православные держали *соборъ въ Вильнѣ*, опредѣленія котораго должны были утвердить полную самостоятельность западно-русской церкви. Опредѣлено было: ставить на іерархическія и священнослужительскія мѣста людей только достойныхъ, по избранію іерархіи и пановъ греческаго закона; недостойныхъ не поставлять, хотя бы ихъ прислалъ самъ король; священника, служащаго безъ благословенія епископа, по волѣ одного пана, лишать сана; патрону безъ вѣдома епископа у священника церкви не отнимать, а епископу до изслѣдованія дѣла не назначать новаго священника: къ церкви, пустующей 3 мѣсяца, епископъ назначаетъ священника отъ себя безъ мірскихъ выборовъ; подъ страхомъ отлученія мірянамъ не держать у себя Кормчей, такъ какъ они, изучивъ церковныя правила, пастырей своихъ презираютъ и сами себѣ законъ бываютъ. На томъ же соборѣ положено отлучить вдовыхъ священнослужителей отъ служенія. Сигизмундъ подтвердилъ эти постановленія.—Пользуясь терпимостью короля, митро-

политы *Іосифъ Солтанъ* и *Іона II* (1519—1525) успѣли возвысить права церкви и отвратить всѣ попытки католиковъ распространить между православными флорентійскую унію; многіе князья литовскіе, паны и граждане, принявшіе прежде католичество, возвратились къ православію. Католичество сильно встревожилось такими успѣхами православія и открыло противъ него дѣятельную борьбу.

Не смотря на постоянно провозглашавшійся въ Польшѣ принципъ свободы вѣроисповѣданій, гродненскій сеймъ 1522 года взялъ съ короля обязательство не возводить на высшія мѣста никого изъ православныхъ, не смотря ни на какія заслуги. Очень много вреда для церкви дѣлало верховное право короля утверждать на мѣстахъ епископовъ и настоятелей монастырей. Сигизмундъ и особенно супруга его, безнравственная и корыстолюбивая королева *Бона*, продавали церковныя мѣста людямъ совершенно недостойнымъ. Всего тяжелѣе, разумѣется, доставалось галицкому краю. Во второй половинѣ XV в. тамъ уже не было своего митрополита; Галиціей управлялъ кіевскій митрополитъ чрезъ своего справцу (намѣстника). Сигизмундъ въ 1509 г. право назначать этого справцу далъ львовскому католическому архіепископу. Католическій справца сталъ вытѣснять православнаго Но галичане дали 200 воловъ королевѣ и отстояли своего справцу,—львовскаго гражданина *Макарія Тучапскаго*. Католики дали 50 воловъ королю и королевѣ и опять выиграли дѣло. Тучапскій и галичане не отстали и два раза еще принимались за воловъ, дали сначала 110, а погомъ 140 воловъ и настояли на своемъ; выхлопотали Тучапскому даже санъ епископа. Такъ въ 1539 г. возстановлена галицкая епархія, независимая отъ львовскаго архіепископа.

Состояніе церкви при Сигизмундѣ II Августѣ. Преемникъ Сигизмунда I, изнѣженный, преданный роскоши и забавамъ, *Сигизмундъ Августъ* совершенно отдался вліянію литовскаго канцлера *Николая Радзивила*, самаго усерднаго протестанта. Всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ объявлена была полная свобода; православные воспользовались всѣми прежними правами, наполнили магистраты, засѣли въ сенатъ. Но зато злоупотребленія короля при замѣщеніи епископскихъ каѳедръ и монастырскихъ настоятельствъ достигли теперь еще большихъ размѣровъ, чѣмъ прежде, потому что король постоянно нуждался въ деньгахъ для

своей роскошной жизни. Монастыри раздавались разнымъ недостойнымъ лицамъ или за деньги или въ видѣ награды за гражданскія заслуги. Управленіе ими давалось даже свѣтскимъ лицамъ, наприм. дьяку за канцелярскіе труды или пану за военныя заслуги, съ однимъ условіемъ, чтобы такіе свѣтскіе правители держали въ нихъ только намѣстниковъ изъ духовныхъ лицъ. Но и это условіе не исполнялось: владѣтели монастырей спокойно управляли ими лично сами, и не думая постричаться въ монахи Они получали при этомъ чисто святительскія права, судили духовенство, расторгали браки, собирали въ свою пользу церковные доходы. вовсе не обращая вниманія на власть мѣстныхъ архіереевъ. Такой порядокъ вещей могъ бы быть чрезвычайно вреденъ для православія. еслибы былъ веденъ систематически и именно во имя католическихъ интересовъ. Но въ настоящее время пока ни король не имѣлъ въ виду этихъ интересовъ, ни сама латинская церковь не могла продолжать своей дѣятельности въ подрывѣ православію, потому что ей самой угрожала серьезная опасность отъ распространенія въ Польшѣ и Литвѣ протестантства. Протестантскіе проповѣдники увлекали въ протестантство цѣлые приходы и съ духовенствомъ. Католическіе монастыри пустѣли, монахи поженились. Женился даже одинъ бискупъ (кіевскій). Самъ король склонялся на сторону еретиковъ. Католичество должно было употребить всѣ силы для борьбы съ опаснымъ врагомъ; въ подмогу польскому духовенству призванъ былъ въ Польшу и Литву уже испытанный въ борьбѣ съ протестантами *орденъ іезуитовъ*.

Дѣятельность іезуитовъ. Іезуиты явились кроткими иноками, благотворителями несчастныхъ, проповѣдниками и безкорыстными наставниками юношества, всюду заводили свои безплатныя школы, изъ которыхъ выпускали горячихъ ревнителей католичества. Въ Литвѣ они основали виленскую академію съ высшимъ образованіемъ. Ихъ проповѣди, диспуты, религіозныя процессіи, театральныя представленія привлекали толпы народа и были всѣ направлены къ тому, чтобы возбуждать ревность къ католичеству и ненависть противъ диссидентовъ. Сначала они дѣйствовали исключительно противъ протестантства, но когда успѣли ослабить этого врага, принялись и за православіе. Обстоятельства сложились очень благопріятно для ихъ дѣятельности. Въ одно время съ появленіемъ ихъ въ Польшѣ

и Литвѣ въ 1569 г. на *Люблинскомъ сеймѣ* окончено было дѣло, надъ которымъ работали всѣ Ягеллоны.—соединеніе Литвы съ Польшей въ одно государство, послѣ чего поляки могли свободно проникать въ литовскія и русскія земли, завладѣвать здѣсь должностями, имѣніями, представительствомъ на сеймахъ и развивать свое нравственное вліяніе. Унія гражданская необходимо должна была повлечь за собою и унію религіозную. Черезъ 3 года послѣ люблинскаго сейма умеръ Сигизмундъ Августъ, послѣдній Ягеллонъ, король родственный Литвѣ. На престолъ стали восходить короли иноземцы, преданные Польшѣ, а не Литвѣ, обязывавшіеся при своемъ избраніи поддерживать католичество. Послѣ короткаго правленія *Генриха* французскаго королемъ сталъ воевода седмиградскій *Стефанъ Баторій;* прежде въ своемъ княжествѣ онъ ревновалъ за протестантство, но въ Польшѣ увидѣлъ, что ему слѣдуетъ опереться на силу католичества, и сталъ покровительствовать іезуитамъ.

Развитіе іезуитами мысли объ уніи. Іезуиты сразу поняли, какъ нелѣпо было бы ревновать объ обращеніи православныхъ прямо въ католичество, и ухватились за унію; они начали усердно хвалить православную церковь, но въ тоже время высказывать сожалѣніе о ея бѣдствіяхъ и дурномъ состояніи. Православнымъ панамъ они указывали на невѣжество духовенства, на то, что православіе стало вѣрою хлоповъ; духовенству говорили о раздражающей его зависимости отъ мірянъ и о той самостоятельности, какая его ждетъ въ послушенствѣ римскому престолу; народомъ они пренебрегали, фальшиво разсчитывая на его безгласіе при шляхетскомъ строѣ Рѣчи Посполитой. Въ такомъ духѣ было написано сочиненіе „О единствѣ церкви“ ученымъ іезуитомъ *Петромъ Скаргою* (изд. 1577 г.). Описавъ безпорядки въ русской церкви, Скарга причиной ихъ считаетъ: 1., женатую жизнь поповъ, при которой они пекутся только о мірскомъ, огрубѣли и обратились въ хлоповъ; 2, славянскій языкъ, который греки нарочно оставили славянамъ при обращеніи въ христіанство, чтобы держать ихъ въ невѣжествѣ, потому что только чрезъ латинскій и греческій языки можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ; не было и не можетъ быть ни академіи, ни коллегіи, гдѣ бы богословіе и др. науки читались на другомъ языкѣ; то ли дѣло у католиковъ, у которыхъ одинъ языкъ и одна вѣра по всему свѣту; христіанинъ Индіи можетъ го-

ворить о вѣрѣ съ полякомъ; 3., униженіе духовенства, вмѣшательство мірянъ въ духовныя дѣла. Унія должна уничтожить все это зло; а для нея православнымъ нужно только принять ученіе римской церкви и главенство римскаго папы,—обряды можно имъ оставить постарому. Другой іезуитъ Антоній Поссевинъ, не успѣвъ завязать унію въ Москвѣ, сталъ усиленно хлопотать объ ней въ Литвѣ. По его просьбѣ папа открылъ въ Римѣ уніатскую коллегію для русскихъ. Поссевинъ заботился также объ изданіи для православныхъ книгъ полезныхъ римской церкви.

Состояніе православнаго общества и іерархіи. Литовско-русское дворянство легко поддавалось католичеству вслѣдствіе своего тяготѣнія къ польскому католическому дворянству. Кто изъ дворянъ не переходилъ въ католичество, тотъ приставалъ къ протестантамъ. Съ щегольватымъ ксёндзомъ, привыкшимъ господствовать въ обществѣ, съ либеральнымъ, свѣтскимъ пасторомъ протестантскимъ въ домѣ пана нельзя было и думать встать рядомъ русскому попу или монаху въ его грубой одеждѣ, въ чебогищахъ, смазанныхъ дегтемъ, съ его хлопскою рѣчью и манерами. Низшее духовенство было загнано и забито и отъ пановъ и отъ старостъ, которые сѣкли его розгами на ряду съ мужиками, и отъ самыхъ владыкъ, усвоившихъ панскія привычки и смотрѣвшихъ на него очень низко. Бѣдность и униженіе, разумѣется, не замедлили повести его къ самому печальному нравственному упадку и невѣжеству.— Высшая іерархія, по своему происхожденію, образованію и образу жизни примыкавшая къ панамъ, вмѣстѣ съ послѣдними подверглась вліянію польской народности и католичества. Идеалами ея стали польскіе бискупы и пріоры. Іезуиты всячески старались усилить въ епископахъ недовольство тѣмъ, что въ ихъ суды и управленіе вмѣшиваются міряне, не только паны, но и какіе нибудь скорняки, кузнецы и сѣдельники, тогда какъ въ католической церкви бискупъ есть сильный органъ святѣйшаго отца, указывали на то, что польскій примасъ и нѣсколько бискуповъ засѣдаютъ въ сенатѣ, куда Рѣчь Посполитая постыдится допустить іерарховъ, подчиненныхъ патріарху—султанову рабу. — Король Стефанъ много помогъ іезуитамъ, назначая на православныя епископіи и на монастырскія настоятельства людей, какіе нужны были для цѣлей уніи, большею частію изъ дворянъ, вовсе неприготовленныхъ къ духовно-

му служенію и желавшихъ только попользоваться богатыми церковными имѣніями. Монастыри даже прямо раздавались католикамъ, напр. въ Польшѣ всѣ были отданы іезуитамъ. Въ епископы посвящались лица недостойныя, даже двоеженцы и женатые. Самъ митрополитъ кіевскій *Онисифоръ* былъ двоеженецъ. Епископы перемышльскій *Михаилъ Копыстенскій*, холмскій *Діонисій Збируйскій* и пинскій *Леонтій Пельчинскій* были женатые; послѣдніе двое и на епископствѣ продолжали жить съ женами. Еще при жизни стараго епископа знатный шляхтичъ испрашивалъ у короля грамоту на будущую вакантную каѳедру и носилъ титулъ нареченнаго епископа; иногда король давалъ такую грамоту двумъ лицамъ; отсюда происходили споры и междоусобія соперниковъ, выгонявшихъ другъ друга изъ епархіи вооруженной силой. Епископы жили, какъ паны, въ замкахъ, держали вооруженныхъ слугъ, дѣлали наѣзды на чужія земли и дрались между собою; епархія была ихъ помѣстьемъ, съ котораго они получали доходы. Виднѣе всѣхъ епископовъ былъ луцкій *Кириллъ Терлецкій*, родомъ дворянинъ, образованный, ловкій и дѣятельный человѣкъ, но всего менѣе достойный быть православнымъ епископомъ по жизни; сосѣди его по землямъ постоянно жаловались на его буйство и наѣзды, сопровождавшіеся даже убійствами.

Въ такомъ положеніи находилась западно-русская церковь, когда на польскій престолъ вступилъ (1586 г.) *Сигизмундъ III*, съ дѣтства воспитанный іезуитами и готовый на все для католичества; при немъ наступило самое тяжелое время для православія. Какими же средствами могла располагать церковь для предстоящей ей борьбы, когда ея іерархія оказывалась несостоятельною для этой борьбы? Средства эти она нашла въ живой связи съ народомъ и православными панами, тамъ, гдѣ іезуиты видѣли ея слабую сторону и ея позоръ. Между панами—защитниками православія явились переселенецъ изъ Москвы кн. Андрей Курбскій и кн. Константинъ Острожскій

Кн. Курбскій, ученикъ Максима грека, посвятилъ на защиту православія всѣ свои средства и силы. Съ этою цѣлію онъ велъ живую переписку съ панами западной Руси, предостерегая ихъ одинаково и отъ протестантства и отъ католичества; писалъ посланія и къ вліятельнымъ горожанамъ. Не совѣтуя спорить съ католиками и еретика-

ми, которые ловко владѣютъ діалектикой, елокуціей и пронунціаціей, онъ убѣждалъ горожанъ больше учиться отъ св. книгъ въ трезвости, переставши растянувся лежать въ давнообыкломъ пьянствѣ. Считая самымъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ врагами умноженіе книгъ и переводовъ, онъ очень жалѣлъ, что по лѣности церковныхъ учителей не переведено и десятой доли отеческихъ книгъ, наконецъ даже самъ принялся за это дѣло, для чего уже старикомъ выучился латинскому языку. По его просьбѣ родственникъ его кн. *Мих. Оболенскій* 3 года учился въ краковской академіи. Ѣздилъ за границу и потомъ помогалъ ему въ переводахъ. Кромѣ Оболенскаго, его помощниками были бѣжавшій изъ Соловковъ *Артемій* троицкій, другой московскій выходецъ *Маркъ Сарыозинъ* и какой-то *Амвросій*.

Кн. Острожскій и его сотрудники. Кн Острожскій, богатый и могущественный вельможа, открылъ у себя *въ Острогѣ* высшую *школу*; это была самая древняя школа въ западной Руси вмѣстѣ съ *слуцкою*, открытою кн. Слуцкимъ. При школѣ заведена была *типографія*; вмѣстѣ съ виленской, львовской, забылдовской и краковской типографіями она долго снабжала богослужебными и учительными книгами всю Россію. Острожскій, какъ и Курбскій, велъ обширную переписку съ панами, много также поддерживалъ своими средствами и вліяніемъ галицкія братства. Любовь къ просвѣщенію увлекала его иногда на опасную дорогу, къ дружбѣ съ протестантами, въ которой его укорялъ Курбскій, и къ мысли объ уніи съ римской церковью, отъ которой онъ ждалъ для православія умноженія просвѣтительныхъ средствъ; впрочемъ онъ мыслилъ унію не иначе, какъ подъ условіемъ согласія на нее всей православной церкви.—Самымъ важнымъ памятникомъ его ревности къ вѣрѣ осталась *острожская Библія* (1580—1581 г.), которая была первымъ печатнымъ изданіемъ Библіи въ Россіи. Изъ предисловія къ ней видно, какихъ трудовъ стоило изданіе; не было ни людей, способныхъ къ исправленію текста, ни полныхъ списковъ Библіи. Единственный полный списокъ ея, присланный изъ Москвы въ 1575 г., оказался испорченнымъ. Острожскій выписывалъ другіе списки отъ п. Іереміи, съ Кандіи, изъ монастырей греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ; и все-таки нѣсколько книгъ (Товита, Іудиѳь и 3 Ездры) оказалось нужнымъ перевести

съ Вульгаты. Исправители текста оставили въ немъ множество грубыхъ ошибокъ, хотя и меньше въ сравненіи съ прежними рукописными редакціями.—Дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ князя былъ священникъ *Василій* написавшій по поводу книги Скарги сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Книжицы о единой истинной вѣрѣ“ (изд. 1588 г.).

Братства. Вельможное покровительство церкви однако недолго держалось. Благодаря іезуитамъ, паны быстро ополячивались и слѣдующее же поколѣніе ихъ выставило даже прямыхъ враговъ православію, каковыми были дѣти самихъ ревнителей вѣры, — сынъ Курбскаго *Дмитрій* и сынъ Острожскаго *Янушъ*. Для церкви прочнѣе оказалась сила народная, сила городскихъ общинъ и *братствъ*. Въ концѣ XVI в. ихъ права получили подтвержденіе и разширеніе со стороны восточныхъ патріарховъ. И. *Іоакимъ* (антіохійскій) во время своего проѣзда чрезъ Россію (1586 г.) далъ грамоту *львовскому* братству. Утвердивъ обычныя правила всѣхъ братствъ о братскихъ сходкахъ и взносахъ, выборѣ старостъ, наблюденіи братьевъ за поведеніемъ другъ друга, братскомъ судѣ, взаимной помощи въ нуждахъ, патріархъ кромѣ того далъ львовскому братству право обличать противныхъ закону Христову, обличать самихъ епископовъ, даже право отлучать отъ церкви; въ ряду другихъ братствъ оно объявлено старѣйшимъ. Поощренное патріархомъ, братство завело у себя госпиталь, типографію и школу и своимъ вліяніемъ на церковныя дѣла стѣснило даже власть львовскаго епископа *Гедеона Болобана*. Въ 1589 г. западную Россію посѣтилъ константинопольскій патріархъ *Іеремія*. Онъ еще болѣе усилилъ братство въ ущербъ власти Гедеона, далъ ему новыя права: печатать всякія книги, и церковныя и школьныя, руководить всѣмъ образованіемъ во Львовѣ, избирать и удалять отъ должности своихъ священниковъ. Іеремія убѣждалъ православныхъ заводить и другія братства и самъ благословилъ новое братство *виленское*, которое тоже завело школу и получило право печатать книги.

Неудовольствіе іерарховъ на п. Іеремію. Патріархъ принялъ сторону мірянъ, — одно это уже должно было вооружить противъ него всѣхъ епископовъ. Но онъ затронулъ ихъ еще болѣе чувствительнымъ образомъ. Низложивъ м. *Онисифора*, онъ поставилъ на его мѣсто новаго митрополита, *Михаила Рагозу*, единственно по рекомендаціи мірянъ,

вопреки даже собственному мнѣнію о достоинствѣ этого человѣка. Рагоза былъ человѣкъ благочестивый и добрый, но по своей слабости, наклонности служить двумъ господамъ, дѣйствительно не годился на митрополію въ такое бурное и опасное время. Недовѣряя ему, Іеремія ограничилъ его власть усиленіемъ Кирилла Терлецкаго, котораго сдѣлалъ своимъ экзархомъ въ южной Россіи съ правомъ надзора и суда надъ епископами, и этимъ разумѣется, очень огорчилъ митрополита. Не угодилъ онъ и Терлецкому, который мѣтилъ вовсе не на экзаршество, а на самую митрополію; притомъ же патріархъ не оказывалъ довѣрія и ему, принималъ на него жалобы, а передъ отъѣздомъ въ Грецію сдѣлалъ непріятное ему распоряженіе, чтобы митрополитъ созвалъ соборъ для устраненія всякихъ церковныхъ безпорядковъ и низложенія недостойныхъ іерарховъ. Этимъ распоряженіемъ не могли быть довольны и другіе епископы въ родѣ Діонисія и Леонтія. Гедеонъ Болобанъ былъ недоволенъ патріархомъ за львовское братство. Вслѣдствіе всего этого, какъ только патріархъ уѣхалъ, между іерархіей пошли самые раздражительные толки о тяжкой зависимости отъ грековъ, о томъ, что русскіе для нихъ овцы, которыхъ они стригутъ, но не кормятъ. Пріѣздъ патріарха дѣйствительно открылъ столько безпорядковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ разочаровалъ всѣхъ въ его силѣ уничтожить эти безпорядки, что даже такой ревнитель, какъ кн. Острожскій, потерялъ надежду на помощь востока и сталъ думать объ уніи съ Римомъ.

Подготовка Уніи. Всѣхъ нужнѣе унія была епископамъ. Подчиненіе Риму должно было избавить ихъ отъ власти патріарха, уравнять ихъ въ правахъ съ польскими бискупами и освободить отъ непріятнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны мірянъ, пановъ и братствъ. И вотъ въ 1590 г. къ королю поступила просьба, подписанная четырьмя епископами,—Кирилломъ луцкимъ, Гедеономъ львовскимъ, Діонисіемъ хельмскимъ и Леонтіемъ пинскимъ, о подчиненіи русской церкви папѣ съ условіемъ сохраненія всѣхъ ея обрядовъ и обезпеченія правъ для ея іерархіи. Сигизмундъ былъ очень радъ, обѣщалъ просителямъ милости, права равныя съ правами католическаго духовенства, защиту отъ патріарха и неотъемлемость должностей. Все дѣло однако до поры до времени оставлено въ тайнѣ. Согласившіеся на унію епископы скоро нашли себѣ

важнаго союзника, — вновь поставленнаго (въ 1593 г.) владимірскаго епископа *Ипатія Поцѣя*, человѣка знатнаго рода, родственника и пріятеля кн. Острожскаго. Онъ былъ воспитанникомъ краковской іезуитской академіи, былъ сначала католикомъ, потомъ кальвинистомъ, наконецъ принялъ православіе. На епископствѣ онъ отличался примѣрною строгостью жизни и пользовался большимъ уваженіемъ у православныхъ. Склонивъ его на свою сторону, Терлецкій съ братіею прежде всего попытались чрезъ него подѣйствовать на кн. Острожскаго, который самъ заговаривалъ объ уніи, но скоро должны были убѣдиться, что унія Острожскаго вовсе не та, которой они желали. Послѣ этого они принялись за митрополита, убѣдительно разъясняя ему съ одной стороны то, какія выгоды можно получить отъ уніи, а съ другой его затруднительное положеніе между недоброжелательствомъ къ нему патріарха и гнѣвомъ короля, если онъ откажется пристать къ уніи. Рагоза согласился, написалъ даже условія уніи для представленія королю, изложенныя въ духѣ кн. Острожскаго, но по своей слабохарактерности сталъ дѣйствовать двусмысленно; сносясь съ королемъ объ уніи, увѣрялъ православныхъ пановъ и братства, что не одобряетъ ея; обманывалъ и Терлецкаго съ Поцѣемъ, — стараясь выждать, чѣмъ кончится дѣло, не пріѣзжалъ къ нимъ на условленныя совѣщанія. Такое поведеніе его же поставило потомъ въ безвыходное положеніе. Терлецкій и Поцѣй, не надѣясь на него, вели все дѣло одни и надѣлали такъ много уступокъ латинству, что митрополитъ пришелъ въ ужасъ, а между тѣмъ слухи объ его измѣнѣ православію распространились и подорвали къ нему всякое уваженіе между православными.

Въ 1595 году Острожскій выдалъ свое окружное посланіе, въ которомъ извѣщалъ православный народъ о замыслѣ митрополита и епископовъ, называлъ ихъ злодѣями, волками, Іудами, и всѣхъ православныхъ возбуждалъ постоять за истинную вѣру. Западная Россія взволновалась. Испуганный общимъ волненіемъ, Гедеонъ, болѣе всѣхъ торопившійся въ дѣлѣ уніи, отсталъ отъ своихъ товарищей, объявилъ, что его обманули, взяли у него бланкеты за его подписью для написанія на нихъ просьбы королю о привиллегіяхъ прав. церкви, а написали что-то другое, противное православію. Противъ уніи возсталъ еще другой епископъ, перемышльскій *Михаилъ Копыстенскій*. Учитель

львовскаго братства, перешедшій въ Вильну, *Стефанъ Зизаній* громилъ митрополита и епископовъ въ своихъ проповѣдахъ и издалъ „Книжицу на римскій костёлъ".

Поѣздка епископовъ въ Римъ и брестскій соборъ. Терлецкій и Поцѣй спѣшили кончить свое дѣло и отправились въ Римъ съ изъявленіемъ покорности папѣ. Тамъ предъ лицемъ его они признали всѣ римскіе догматы: объ исхожденіи св. Духа, индульгенціяхъ, чистилищѣ и главенствѣ папы, вопросъ о квасномъ хлѣбѣ въ евхаристіи предоставили на рѣшеніе самого папы; православію такимъ образомъ уступлены были одни обряды. Папа радовался, говорилъ имъ ласковыя слова, назначилъ большое торжество и велѣлъ выбить медаль съ надписью: Ruthenis receptis. А въ Россіи въ это время братства и священники предавали измѣнниковъ архіереевъ проклятію; Стефанъ Зизаній проповѣдывалъ, что папа антихристъ, и въ доказательство этой мысли издалъ 15-е слово св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ. Острожскій своими посланіями волновалъ дворянъ и мѣщанъ и грозилъ правительству возстаніемъ. Даже нѣкоторые католики не чаяли отъ уніи ничего хорошаго впереди.

Въ концѣ 1596 г. собрался въ Брестѣ соборъ, на который, кромѣ епископовъ, духовенства и многихъ мірянъ, прибыли два патріаршихъ экзарха, *Никифоръ* и *Кириллъ Лукарисъ*, и который съ самаго же начала раздѣлился на двѣ партіи, уніатскую и православную. Уніаты открыли засѣданія въ городскомъ соборѣ, а православные въ одномъ частномъ домѣ, потому что Поцѣй, къ епархіи котораго принадлежалъ Брестъ, распорядился затворить для нихъ всѣ городскіе храмы. Экзархъ Никифоръ 3 раза приглашалъ митрополита и 4 епископовъ уніатовъ на соборъ православныхъ, и когда они не явились, соборъ предалъ ихъ отлученію отъ церкви. Съ своей стороны уніатское собраніе отвѣчало проклятіемъ на православный соборъ и актомъ объ уніи, который былъ тогда же подтвержденъ королемъ. Православные епископы были объявлены ослушниками митрополита и измѣнниками своей церкви, греческіе экзархи—шпіонами султана, всѣ православные — преступниками противъ духовной власти своихъ іерарховъ и противъ воли короля. Такъ совершилась пресловутая унія между православной и латинской церковію, явленіе, менѣе всего отвѣчавшее своему названію.

Скоро начались *гоненія на православіе*. Экзархъ Никифоръ былъ арестованъ и уморенъ голодомъ въ тюрьмѣ. Кириллъ Лукарисъ спасся бѣгствомъ изъ Россіи. Уніатскіе епископы выгоняли православныхъ священниковъ изъ приходовъ и ставили на ихъ мѣсто своихъ уніатовъ. Король объявлялъ баниціи (изгнанія) проповѣдникамъ православія, напр. Стефану Зизанію. Правительство тѣснило даже сильнаго кн. Острожскаго, насчитывая на него недоимки по сборамъ. Братства объявлены были мятежными сходками и подверглись преслѣдованіямъ. У православныхъ отбирали церкви; уніаты овладѣли даже кіевософійскимъ соборомъ. Печерскій монастырь едва отстоялъ свою самостоятельность. Въ городахъ православныхъ не допускали до городскихъ должностей, стѣсняли въ ремеслахъ и торговлѣ. Нечего и говорить о страданіяхъ православнаго крестьянства, которое и прежде жило, какъ въ чистилищѣ, а теперь подверглось еще новымъ бѣдамъ отъ религіозной ревности своихъ пановъ.

Противодѣйствіе уніи. И прежде хлопы толпами бѣгали въ вольную степь въ казаки. Послѣ уніи степь быстро наполнилась бѣглецами, которые приносили сюда страшную ненависть къ ляхамъ и уніи. Противугосударственное и противуобщественное казацкое общество получило высокое значеніе, ставъ подъ знамя вѣры и народности. Какъ только началась унія, такъ въ Малороссіи закипѣлъ страшный бунтъ за православіе подъ начальствомъ гетмана *Наливайки*. Рѣчь Посполитая осилила казаковъ. Наливайка сожгли въ мѣдномъ быкѣ. Въ Малороссію введены королевскія войска. Жители лишены были всѣхъ правъ. Православныя церкви были обращаемы въ уніатскія; другія, особенно по селамъ, отдавались въ аренду жидамъ. Жидъ арендаторъ держалъ у себя церковные ключи и бралъ деньги за всякую церковную службу и требу, причемъ жестоко издѣвался надъ религіей, за которую некому было заступиться. Ксёндзы съ своей проповѣдью, подкрѣпленной силой польскихъ жолнеровъ, ѣздили отъ церкви къ церкви на повозкахъ, въ которыя впрягали хлоповъ.—Хлопы шли въ казаки, хотѣли защищать вѣру бунтами; паны выставили противъ уніи силу *конфедераціи* и, чтобы сдѣлать эту конфедерацію грознѣе для правительства, сблизились съ протестантскими диссидентами, которые тоже терпѣли гоненіе за вѣру. Въ 1599 г. православные и про-

тестантскіе паны съѣхались въ Вильнѣ и положили общими силами защищать свободу вѣры. Противъ уніи съ католиками выступила такимъ образомъ унія съ протестантами; но эта новая унія распалась въ самомъ началѣ и послужила только ко вреду православію, положивъ на него лишнее пятно союза съ еретиками, на которое потомъ постоянно указывали и католики и уніаты.

Полемика противъ уніи. Въ тоже время возбудилась и другаго рода борьба съ уніей, борьба духовнымъ оружіемъ. Явились два сочиненія о брестскомъ соборѣ, одно православное: „Экгезисъ", другое католическое, написанное Скаргой, въ которомъ православный соборъ признается незаконнымъ, потому что міряне, которые составляли на немъ большинство, не имѣютъ права вмѣшиваться въ церковныя дѣла и обязаны повиноваться своей іерархіи, а іерархія ихъ приняла унію. Сочиненіе Скарги вызвало „Апокрисисъ альбо отповѣдь", написанную *Христофоромъ Филалетомъ* (псевдонимъ *Христоф. Брунскаго*) Въ противность мыслямъ Скарги авторъ до крайности развиваетъ мысль о правѣ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; въ христіанствѣ, по его мнѣнію, не одно колѣно Левіино пользуется священными правами, но всѣ цари и іереи; если нужно слушаться іерархіи, то правы православные, не приставши къ уніи съ своими владыками Гедеономъ и Михаиломъ; правы были бы и овцы Кирилла луцкаго, если бы вслѣдъ за нимъ потуречились, а потуречиться онъ очень можетъ; значитъ не на титулы духовные нужно смотрѣть, а на что-то иное. Раздраженіе іезуитовъ противъ Апокрисиса выразилось въ ихъ чрезвычайно бранномъ сочиненіи „Антирресисъ", гдѣ Хр. Филалетъ обвиняется въ протестантствѣ Со стороны православныхъ вышло еще очень правдивое историческое сочиненіе о происхожденіи уніи—„Перестрога" (предостереженіе) Послышался сильный голосъ противъ уніи съ Аѳона. Русскій монахъ *Іоаннъ Вишенскій* посылалъ оттуда свои посланія къ кн. Острожскому, къ львовскому братству и уніатамъ—епископамъ. Въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ онъ обличалъ упадокъ вѣры и благочестія въ высшихъ классахъ, мірскую жизнь владыкъ, жадность ихъ къ почестямъ, правамъ и имѣніямъ, притѣсненія духовенству, наѣзды на чужія имѣнія, симонію и проч. Стараясь выставить превосходство бѣднаго и грубаго русскаго священника предъ блестящимъ ксендзомъ, строгій аѳонскій

монахъ грубо смѣялся надъ образованіемъ послѣдняго, его щегольствомъ и изящными манерами, ригористически отрицалъ всю латинскую ученость, грамматику, риторику, діалектику называлъ дьявольскимъ коварствомъ, вмѣсто Платона и Аристотеля совѣтовалъ обратиться къ Часослову, Псалтыри и др. церковнымъ книгамъ, совѣтовалъ больше молиться Богу, который одинъ можетъ спасти православныхъ отъ бѣдъ.

Въ опроверженіе протестантства православные не пускались; единство страданій за вѣру невольно сближало ихъ съ протестантами. Изъ обличителей протестантства извѣстны только кн. Курбскій и острожскій священникъ Василій. Въ посланіяхъ къ разнымъ лицамъ Курбскій называлъ лютеранъ врагами Божіими, безвѣрниками, псами, лясфематствующими на церковь хуже Арія, не совѣтовалъ ни говорить съ ними, ни читать ихъ сочиненій. Василій въ своей книгѣ о вѣрѣ помѣстилъ 2 статьи на лютеранъ: о церкви и объ иконахъ, написанныя спокойнымъ тономъ и съ большой основательностію. Въ началѣ XVII в. неизвѣстный авторъ бѣлоруссъ написалъ еще 12 статей противъ протестантовъ: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіи, о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единыя“, которыя внесены были потомъ въ Кириллову книгу.

Преемники Михаила Рагозы. Въ 1599 г. м. Рагоза умеръ въ горькомъ раскаяніи. Онъ не видѣлъ исполненія своихъ надеждъ отъ измѣны православію. Уніаты влачили жизнь какими-то межеумками, презираемые и православными и католиками. Іерархія уніатская получила много имѣній, но сенаторскихъ мѣстъ такъ и не видала. Нравственное безсиліе уніи рѣзко бросалось въ глаза всѣмъ, потому что она приняла въ себя только самые дурные элементы изъ православнаго общества, деморализованную часть духовенства и тупыхъ отъ забитости хлоповъ. Паны и шляхта, измѣняя православію, стыдились ея и переходили прямо въ панскую вѣру,—католичество. Вся опора уніи была въ силѣ правительства. Послѣднею ловко воспользовался преемникъ Рагозы, энергическій *Ипатій Поцый*. Онъ отнималъ въ пользу уніатовъ имѣнія православныхъ церквей и монастырей, лишалъ православное духовенство мѣстъ, наполняя эти мѣста уніатами, и старался подорвать силу братствъ. Братскій Троицкій монастырь въ Вильнѣ, со всѣми церквами и имѣньями, былъ отданъ уніатамъ, кото-

рые завели въ немъ свое уніатское братство, поставивъ во главѣ его архимандрита *Іосифа Вельямина Рутскаго*, воспитанника іезуитовъ и совершеннаго католика по убѣжденіямъ. Православное братство основалось въ другомъ виленскомъ монастырѣ св. Духа и завело процессъ за свои имѣнія. Среди общаго раздраженія одинъ православный мѣщанинъ въ Вильнѣ покусился на жизнь Поцѣя, но успѣлъ только отрубить ему два пальца. Преступника казнили; пальцы Поцѣя долго лежали на престолѣ въ Троицкой церкви, какъ пальцы мученика. Послѣ этого уніаты очень усилились, а православные подверглись страшнымъ преслѣдованіямъ. Для увеличенія нравственныхъ силъ уніи Поцѣй прибѣгнулъ къ допущенію на церковныя мѣста въ уніатской церкви даже чистыхъ латинянъ въ родѣ Рутскаго; это должно было кромѣ того сближать унію съ Римомъ, подготовлять преобразованіе ея въ чистое латинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало самую ея сущность.

Преемникъ Поцѣя *Іосифъ Рутскій* (1613 — 1637 г.) уже прямо приступилъ къ преобразованіямъ уніатской церкви въ латинскомъ духѣ. Бѣлое духовенство, близкое къ народу и приверженное къ слабымъ остаткамъ православнаго элемента въ уніи, не годилось для цѣлей латинства; Рутскій выдвинулъ напередъ монашество; обогащалъ монастыри имѣніями и раздавалъ всѣ важные церковные посты монахамъ. Само монашество преобразовано было на подобіе латинскихъ монашескихъ орденовъ въ орденъ Василія Великаго или *Базиліанскій*. Базиліанскіе монастыри тогда же начали наполняться католиками. Съ этихъ поръ унія все болѣе и болѣе удалялась отъ православія и уклонялась къ латинству.

Положеніе православныхъ въ началѣ XVII в. сдѣлалось еще невыносимѣе. Ученый монахъ *Мелетій Смотрицкій* горько оплакивалъ его въ своемъ сочиненіи „Θриносъ, т. е. Плачъ церкви восточной“ (изд. 1610 г.). Главная сила гоненія на православіе сосредоточилась въ Литвѣ, Волыни и Галиціи; Малороссія была спокойнѣе. Гетманъ казаковъ *Конашевичъ-Сагайдачный* умѣлъ сдерживать фанатизмъ поляковъ. Притомъ и казаки въ это время усердно служили Польшѣ въ войнѣ съ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ и было бы крайнѣ неловко платить за ихъ вѣрную службу притѣсненіемъ Малороссіи. Что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, изображаетъ сильная рѣчь волынскаго депутата *Лав-*

рентія Древинскаго на сеймѣ 1620 г. „Уже въ большихъ городахъ, говорилъ онъ, церкви запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ,—тамъ скотъ запираютъ. Дѣти мрутъ безъ крещенія; покойниковъ вывозятъ изъ городовъ безъ погребенія, какъ падаль; мужья съ женами живутъ безъ благословенія; народъ умираетъ безъ причащенія. Такъ дѣлается въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ. Во Львовѣ неуніатъ не можетъ къ цѣху приписаться; къ больному съ св. Тайнами открыто идти нельзя Въ Вильнѣ тѣло православнаго покойника нужно вывозить въ тѣ только ворота, въ которыя изъ города вывозятъ нечистоту... 20 лѣтъ на каждомъ сеймѣ мы со слезами молимъ и вымолить не можемъ, чтобы оставили насъ при нашихъ вольностяхъ“. Орудіемъ іезуитовъ для оскорбленія православныхъ были между прочимъ оборванные жолнеры и рыцари, которые воротились изъ Москвы послѣ смутнаго времени и всегда были готовы буйствовать надъ мирнымъ населеніемъ. Другимъ такимъ же воинствомъ іезуитовъ были ихъ школьники, заводившіе съ православными уличныя драки и нападавшіе на православныя процессіи; нерѣдко они разносили цѣлыя церкви и дома. Православные жаловались въ судахъ, но управы не получали никогда. Сильныхъ защитниковъ православія теперь уже не было. Кн. Острожскій умеръ въ 1608 г., а другіе сильные паны успѣли ополячиться. Остались одни защитники,—казаки. Православное духовенство порѣдѣло въ своихъ рядахъ. Умерли единственные православные епископы Гедеонъ (1607 г.) и Михаилъ (1612 г.), въ послѣднее время едва успѣвавшіе посвящать священниковъ на праздныя мѣста. Послѣ нихъ со всей западной Руси нужно было обращаться за посвященіемъ къ львовскому епископу *Іереміи Тиссаровскому*. Открылся опасный недостатокъ въ духовенствѣ, заставлявшій православныхъ поневолѣ обращаться съ требами къ попамъ уніатскимъ.

Пріѣздъ Θеофана іерусалимскаго. Въ 1620 г. пріѣхалъ въ Малороссію іерусалимскій патріархъ *Θеофанъ* и посвятилъ для православныхъ митрополита *Іова Борецкаго* и 6 епископовъ въ Полоцкъ, Владиміръ, Луцкъ, Перемышль, Хельмъ и Пинскъ. Это возстановленіе православной іерархіи сильно встревожило іезуитовъ; по отъѣздѣ Θеофана они пустили слухи, что онъ самозванецъ и что епископы, имъ рукоположенные, не законны, притомъ же заняли каѳедры

при живыхъ епископахъ (т. е. уніатскихъ). Полемика съ уніей теперь исключительно занялась оправданіемъ Ѳеофана. Мелетій Смотрицкій, посвященный въ епископа полоцкаго, написалъ для этого „Оправданіе невинности". Подъ конецъ этой полемики явилось сочиненіе, разсмотрѣвшее вполнѣ всѣ вопросы касательно уніи, „Палинодія" *Захаріи Копыстенскаго*, которая впрочемъ не была напечатана. Законность дѣйствій Ѳеофана была доказана; къ тому же казаки рѣшительно объявили, что не пойдутъ воевать на турковъ, если правительство не признаетъ законности новой православной іерархіи. Лаврентій Древинскій на сеймѣ 1623 года опять возвысилъ свой голосъ въ защиту коренного закона Польши—о свободѣ вѣры. По новой конституціи сейма права православныхъ были подтверждены и велѣно прекратить всѣ судебныя дѣла, возникшія изъ-за религіозной вражды. Но въ то самое время, какъ миролюбивое настроеніе сейма повело было къ примиренію партій, случилось событіе, которое разрушило всѣ надежды православныхъ и повело къ новымъ на нихъ гоненіямъ. Это было:

Убійство Іосафата Кунцевича, полоцкаго уніатскаго епископа. Кунцевичъ былъ ученикъ іезуитовъ и самый рьяный поборникъ уніи, раздражившій насильственными мѣрами противъ православія всѣ города своей епархіи. Назначеніе въ Полоцкъ православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго было сильной помѣхой Кунцевичу; чуть не вся его епархія отошла къ новому епископу. Кунцевичъ прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ насилія, такъ что даже Іосифъ Рутскій и канцлеръ *Левъ Сапѣга* нашли нужнымъ умѣрить его ревность. Сапѣга написалъ къ нему длинное письмо, въ которомъ указывалъ на грозное настроеніе православнаго народа и казаковъ, на то, что его фанатизмъ дѣлаетъ унію вредной для государства, источникомъ опасныхъ волненій. Но для Кунцевича государственные интересы были заслонены религіозными; онъ не заботился даже о собственной безопасности и добровольно лѣзъ на подвигъ мученичества. Въ Витебскѣ, не позволяя православнымъ служить даже въ шалашахъ за городомъ, онъ до того раздражилъ народъ, что чернь бросилась на него, избила палками до смерти и обезображенный трупъ его бросила въ Двину. Легко понять, какъ это убійство повредило православію. Кунцевича причислили къ лику мучениковъ, составили легенды о его св. жизни, мученіи-

чествѣ и чудесахъ отъ его мощей. Папа Урбанъ VIII писалъ посланія къ королю, епископамъ и панамъ, взывая объ отмщеніи и проклиная тѣхъ, кто теперь удерживаетъ мечъ отъ крови. Многіе граждане Витебска были казнены; самый городъ лишенъ магдебургскаго права. По всему пространству польскихъ владѣній поднялось гоненіе на православныхъ, не исключая и Малороссіи, защитникъ которой Сагайдачный уже умеръ (1622 г.). Тысячи православныхъ переходили въ унію.

Измѣна православію Мелетій. Особенно тяжела была для православія измѣна ученаго его защитника Мелетія, который, будучи обвиненъ въ связи съ убійцами Кунцевича, бѣжалъ изъ своей епархіи на востокъ и воротился оттуда уже защитникомъ уніи. Онъ принадлежалъ къ длинному ряду тѣхъ ученыхъ западной Руси, которые получали іезуитское схоластическое образованіе, замѣнявшее у нихъ живое отношеніе къ вопросамъ вѣры отношеніемъ діалектическимъ, дѣлавшее ихъ горячими защитниками извѣстныхъ религіозныхъ положеній не изъ вѣры въ ихъ содержаніе, а изъ любви къ самой діалектикѣ, къ игрѣ въ ея формы, къ удовольствію бить силлогизмами противника, ловить его на діалектическихъ промахахъ. Эти ученые могли съ одинаковымъ жаромъ защищать и католичество, и протестантство, и православіе. Мелетій, будучи еще православнымъ, написалъ сильный трактатъ въ защиту католическаго ученія объ исхожденіи св. Духа. Нѣкоторые православные давно уже предсказывали, что онъ будетъ отступникомъ. Свое отступничество Мелетій прикрылъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что сама православная церковь дружитъ съ протестантами и что самъ патріархъ константинопольскій *Кириллъ Лукарисъ* заразился кальвинизмомъ. Этотъ взглядъ на церковь онъ изложилъ въ своей „Апологіи“. Кіевскій соборъ отлучилъ его отъ церкви Слуцкій протоіерей *Андрей Мужиловскій* написалъ противъ его Апологіи „Антидотъ“. Мелетій послѣ этого фанатически напалъ на православіе въ своей „Расправѣ между Апологіей и Антидотомъ“ и написалъ уніатское „Увѣщаніе къ русскому народу“. Онъ умеръ въ 1633 г.

Между тѣмъ гоненія въ Малороссіи все усиливались и заставили м. Іова Борецкаго просить царя Михаила принять Малороссію въ московское подданство. Царь отказалъ, но мысль о московскомъ подданствѣ уже не пропадала съ

этого времени и все болѣе и болѣе зрѣла, удобряемая кровью православныхъ. Когда въ Кіевѣ стали печатать церкви и поворачивать ихъ въ унію, поднялось новое возстаніе казаковъ подъ начальствомъ *Тараса*. Оно прекратилось уже въ 1632 г. по случаю смерти Сигизмунда. Въ теченіе 45-ти лѣтъ фанатизмъ этого короля тяготѣлъ надъ церковію и стоилъ ей около 2,000,000 народа, обращеннаго въ унію и католичество.

Состояніе православія при Владиславѣ IV. Новый король *Владиславъ IV* не любилъ уніи. На сеймахъ при восшествіи его на престолъ опредѣлено: быть двоимъ митрополитамъ—уніатскому и православному, епархіи львовскую, луцкую и перемышльскую вовсе уступить православнымъ и возвратить имъ нѣсколько церквей и монастырей. Но въ Рѣчи Посполитой ни короли, ни сеймы давно уже не имѣли силы приводить свои опредѣленія въ исполненіе. Православнаго полоцкаго епископа уніаты вовсе не пустили въ его епархію. Лучшія церкви, монастыри и вотчины были удержаны за уніей. Правительство не могло сдерживать ни разныхъ наѣздовъ на православные монастыри, ни буйства іезуитскихъ школяровъ и черни надъ православными церквами. Вслѣдствіе такого безсилія правительства расправа за обиды естественно должна была перейти въ распоряженіе слѣпой народной силы. Въ отвѣтъ на несправедливости и жестокости католиковъ и уніатовъ вспыхнули казацкіе бунты *Павлюка* (1637 г.) и *Остраницы* (1638 г.). Въ отвѣтъ на бунты со стороны поляковъ послѣдовали жестокія казни и новыя притѣсненія православію. Послѣ бунта Остраницы на варшавской площади казаковъ колесовали, пробивали насквозь спицами и поднимали на сваи; казацкихъ дѣтей жгли предъ глазами отцовъ; у казачекъ отрѣзывали груди и били ими мужей по лицу. По городамъ Украины происходили подобныя же явленія. Церкви обращались въ костелы или пустѣли въ жидовской арендѣ. Нѣсколькимъ пьянымъ шляхтичамъ ничего не стоило напасть на православную церковь, побить поповъ, взять сосуды или оклады съ иконъ и пропить въ шинкѣ у жида. Жидовки щеголяли въ нагрудникахъ изъ церковныхъ облаченій. Православные монахи и казаки цѣлыми толпами стали переселяться въ Великороссію, куда обращены были теперь взоры всѣхъ патріотовъ. Подготовлялось славное дѣло *Богдана Хмельницкаго*.

Петръ Могила. Одновременно съ восшествіемъ Владислава на престолъ кіевскимъ митрополитомъ сдѣлался знаменитый *Петръ Могила*, сынъ бывшаго молдавскаго воеводы, получившій образованіе въ Парижѣ, потомъ въ Кіевѣ постригшійся въ монахи. Предшественникомъ его по митрополіи былъ ревнитель православія, авторъ „Духовной Лѣствицы", *Исаія Копинскій*, уже преклонный старецъ. При восшествіи Владислава на престолъ Исаія послалъ П. Могилу, бывшаго тогда печерскимъ архимандритомъ, на сеймъ хлопотать о возстановленіи правъ церкви. Бывшій воевода, имѣвшій большія связи среди аристократіи, лично извѣстный самому королю, встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ уваженіемъ и тутъ же объявленъ митрополитомъ. Такое поставленіе на митрополію безъ народнаго избранія и при живомъ митрополитѣ не могло бы обойтись даромъ Могилѣ, если бы, кромѣ знати, его не поддерживали еще казаки, съ которыми онъ сблизился еще во время своей военной службы. Своей ревностью къ православію и своею энергіею онъ скоро заставилъ свою паству забыть о престарѣломъ Исаіи, который провелъ остатокъ своей жизни въ безвѣстныхъ монастырскихъ подвигахъ († 1634 г.). Во время своего святительства Могила украсилъ Печерскую лавру, возстановилъ Софійскій соборъ и одинъ придѣлъ десятиннаго храма, при чемъ обрѣлъ мощи кн. Владиміра, писалъ и издавалъ сочиненія въ защиту православія, исправлялъ церковныя книги и заботился объ усиленіи просвѣщенія въ православной церкви.

Православная образованность до П. Могилы. Мы видѣли, какъ всѣ братства заводили у себя школы. Въ самомъ Кіевѣ въ 1594 г. завело школу *Богоявленское* братство. Въ образованіи всѣхъ братскихъ школъ преобладалъ греческій элементъ, перенесенный сюда съ востока главными распространителями просвѣщенія въ южной Руси, каковыми были: елассонскій митрополитъ *Арсеній*, учившій во львовской школѣ, экзархъ Никифоръ и Кириллъ Лукарисъ. Не было въ этихъ школахъ многочисленныхъ классовъ и ученыхъ степеней; но образованіе ихъ тѣмъ не менѣе стояло высоко и было очень полезно для своего времени. Изъ нихъ вышли многіе знаменитые дѣятели просвѣщенія, составители первыхъ учебниковъ для школъ, авторы полемическихъ сочиненій противъ уніи, авторы замѣчательныхъ произведеній по богословію и церковной проповѣди, переводчики и испра-

вители книгъ.—Воспитанникомъ *острожскихъ* школъ былъ *Леонтій Карповичъ*, архимандритъ виленскаго Духова монастыря, потомъ епископъ владимірскій, извѣстный проповѣдникъ.—Изъ *львовскихъ* и *волынскихъ* школъ вышли: предшественникъ Могилы м. *Исаія*, корецкій протоіерей *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, авторъ Большаго Катихизиса, м. *Іовъ Борецкій*, архимандритъ *Кириллъ Транквиллионъ*, написавшій „Учительное Евангеліе“, „Перло многоцѣнное“, состоящее изъ назидательныхъ размышленій въ стихахъ и прозѣ, и „Зерцало богословія“ – первый опытъ систематической догматики, іеромонахъ *Памва Берында*—составитель обширнаго славянскаго лексикона, печерскій архимандритъ *Захарій Копыстенскій*—авторъ „Палинодіи“ и книги „О вѣрѣ единой“, которая получила особенную популярность въ Москвѣ.—*Кіевская* школа тоже успѣла образовать нѣсколько замѣчательныхъ писателей, каковы были *Тарасій Земка*, написавшій ученый трактатъ о литургіи, *Ѳеодосій Сафоновичъ*, авторъ трактата „О церкви и ея тайнахъ“, наконецъ *Арсеній Сатановскій* и *Епифаній Славенецкій*, съ дѣятельностію которыхъ мы еще встрѣтимся въ Москвѣ. Православные усердно поддерживали кіевское училище. Въ 1614 г. его истребилъ пожаръ вмѣстѣ съ Богоявленской церковью. Жена мозырскаго маршалка *Анна Гулевичева* пожертвовала мѣсто и нѣсколько зданій для братства и школы и братство обстроилось лучше прежняго.

Преобразованіе кіевской школы П. Могилою. Получивши образованіе западное, Могила былъ недоволенъ греческимъ образованіемъ русскихъ школъ. Сдѣлавшись печерскимъ архимандритомъ, онъ послалъ на западъ нѣсколько молодыхъ людей для образованія изъ нихъ учителей въ новомъ латинскомъ направленіи; въ числѣ ихъ были *Тарасій Земка*, *Сильвестръ Коссовъ*, *Исаія Трофимовичъ*, *Гизель* и др. извѣстныя потомъ лица. По возвращеніи ихъ онъ хотѣлъ было открыть у себя въ монастырѣ новую школу, но православные уговорили его не дѣлать этимъ подрыва прежней братской школѣ, послѣ чего онъ самъ принялъ титулъ старшаго брата и сталъ преобразовывать школу. Онъ обстроилъ ее новыми зданіями, обогатилъ лаврскими вотчинами, собиралъ на нее пожертвованія, а сдѣлавшись митрополитомъ, переименовалъ ее въ коллегію. По примѣру іезуитскихъ коллегій она стала раздѣляться на школы или классы. низшія—фару, инфиму, грамматику, синтаксиму, піитику

и риторику, и высшія—философскую и богословскую. Начальственными лицами сдѣланы были ректоръ (Исаія Трофимовичъ), префектъ (Сильвестръ Коссовъ) и суперъ-интендентъ, имѣвшій помощниками сепіоровъ, директора, цензоровъ и визитаторовъ изъ учениковъ; кромѣ того нѣкоторые ученики были авдиторами, записывали успѣхи товарищей въ нотатахъ или эрратахъ. Кромѣ уроковъ ученики занимались проповѣдями, экзерциіями и оккупаціями. Какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, для соревнованія имъ дозволялось писать спорныя оккупаціи и экзерциіи de diligentia; de loco, de erratis; бѣдные ученики писали оккупаціи de pane, de candella, de calceis и т. п. на своихъ богатыхъ товарищей. Въ высшихъ классахъ введены были богословскіе и философскіе диспуты на латинскомъ языкѣ, которые были посѣщаемы множествомъ любопытныхъ кіевлянъ, большею частію не понимавшихъ въ нихъ ни слова. Науки преподавались по схоластическому методу; въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи—Ѳома Аквинатъ. Изъ языковъ славянскій стоялъ на второмъ планѣ, греческій преподавался кое-какъ, за то латинскій получилъ полное господство, употреблялся и въ лекціяхъ, и въ оккупаціяхъ, и въ диспутахъ, и въ обыкновенномъ разговорѣ учениковъ; кто проговаривался порусски, того записывали въ calculus (листъ въ дерев. футлярѣ); бѣда, если calculus оставался у виноватаго на ночь, въ немъ писалось тогда: per noctavit apud dominum NN, и бѣдный dominus на другой день подвергался наказанію.

На первыхъ порахъ въ Кіевѣ очень непривѣтливо встрѣтили новую науку. Духовенство, шляхта и казаки стали толковать, что школяры уклонились въ латинство, грозились школу разорить, а латынщиками начинить днѣпровскихъ осетровъ. Въ коллегіи такъ были напуганы этимъ волненіемъ, что всѣ стали исповѣдываться, готовясь къ смерти. Сильвестръ Коссовъ написалъ по этому поводу Апологію кіевскихъ школъ, въ которой увѣрялъ въ строгомъ ихъ православіи и доказывалъ необходимость новой науки и латинскаго языка въ спорахъ съ латинами, на судахъ и на сеймахъ Коллегія поправила свою репутацію и отстояла свою латынь. Новое образованіе пока еще дѣйствительно было не опасно. Среди одушевленнаго религіознаго движенія ея ученымъ не было времени втянуться въ пустую діалектику, не было также опасности съ латинскимъ языкомъ всосать

въ себя и латинскую мысль, съ Ѳомой Аквинатомъ усвоить и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы. Преобразовавшись на польскій іезуитскій ладъ, коллегія далека была еще и отъ ополяченія, потому что исключительно была связана съ средними классами, мѣщанами, казаками и мелкой шляхтой, гдѣ русская народность хранилась во всей свѣжести, притомъ же была заведеніемъ открытымъ и постоянно обновлялась приливомъ свѣжихъ народныхъ силъ

Ученые труды П. Могилы и его коллегіи. Своими учеными трудами на пользу церкви коллегія скоро затмила всѣ братскія школы. Самъ Петръ Могила написалъ книгу *Λίθος* или Камень на сокрушеніе лжи Кассіана Саковича, отступника отъ православія, который въ своемъ сочиненіи *Επανόρθωσις* обвинялъ православныхъ въ протестантствѣ, порчѣ обрядовъ и невѣжествѣ духовенства. Незадолго до этого въ Европѣ распространилось на латинскомъ языкѣ „Восточное Исповѣданіе православной вѣры“, ложно приписанное п. Кириллу Лукарису; оно все было проникнуто кальвинистскими идеями и сдѣлалось причиной многихъ нареканій на православіе. Ректоръ коллегіи *Исаія Трофимовичъ* для устраненія этихъ нареканій написалъ „Православное Исповѣданіе вѣры“. Соборъ 1640 г., созванный Могилою въ Кіевѣ, разсмотрѣлъ это сочиненіе и отправилъ для новаго разсмотрѣнія на востокъ. Въ 1642 г. соборъ епископовъ, собравшійся въ Яссахъ, исправилъ его и отослалъ на утвержденіе къ патріарху. Въ 1643 г. послѣдовало и утвержденіе его патріархами, но возвращеніе въ Кіевъ почему-то замедлилось, а между тѣмъ явились новыя нареканія на православныхъ, будто они три года разсматриваютъ свое исповѣданіе и ничего съ нимъ подѣлать не могутъ. Вслѣдствіе этого П. Могила въ 1645 г. издалъ Православное Исповѣданіе на польскомъ и русскомъ языкахъ въ сокращенномъ видѣ (Малый Катихизисъ). Полное Православное Исповѣданіе было издано уже чрезъ 20 лѣтъ. и то только на греческомъ языкѣ (въ Амстердамѣ 1662 г.), а на славянскомъ явилось уже въ 1696 году.—Кромѣ защиты вѣры митрополитъ занимался исправленіемъ церковныхъ книгъ, въ чемъ ему помогали ученые члены братства. Однимъ изъ важнѣйшихъ его изданій по этой части было изданіе большаго Требника; въ немъ собраны были всѣ чины православной церкви по греческимъ и славянскимъ требникамъ, дополнены новыми чинами на тѣ случаи, на

которые въ русской церкви ихъ не было, заимствованными изъ католическихъ требниковъ или составленными вновь самимъ Могилою, кромѣ того снабжены подробными объясненіями литургическаго, догматическаго и каноническаго содержанія. Изъ воспитанниковъ Могилы особенную извѣстность получилъ *Сильвестръ Коссовъ*, бывшій его преемникомъ по митрополіи. Кромѣ апологіи школамъ, онъ написалъ большую книгу „О седми тайнахъ“ и издалъ въ сокращенномъ видѣ печерскій Патерикъ съ примѣчаніями (на польско-русскомъ языкѣ). Кромѣ Коссова составленіемъ и дополненіемъ Патерика занимался архимандритъ Духова монастыря *Іосифъ Тризна*, тоже изъ воспитанниковъ кіевской школы.

Послѣ смерти П. Могилы (1647 г.) для коллегіи настали несчастныя времена. Пожертвованія на пес дворянства и козаковъ прекратились по случаю возстанія Хмельницкаго. Лаврскія вотчины, выпрошенныя для колдегіи Могилой, были отобраны опять въ лавру. Ученики высшихъ классовъ, увлеченные патріотическимъ движеніемъ, уходили подъ знамена Богдана, такъ что въ этихъ классахъ ученіе на время совсѣмъ прекратилось. При всемъ этомъ дѣло П. Могилы оказалось прочнымъ и не погибло отъ невзгодъ. Кіевская коллегія, получившая названіе *Могилянской*, неуклонно продолжала развиваться въ указанномъ ей направленіи и сдѣлалась потомъ разсадникомъ образованія для всей Россіи.

VI. МОСКОВСКОЕ ПАТРІАРШЕСТВО.

Состояніе іерархіи.

Начало смутнаго времени. Восточная русская церковь, какъ и западная, въ началѣ XVII в. тоже подверглась опасности отъ напора католичества. Въ концѣ XVI в. угасъ возвеличенный ею и бывшій крѣпкою ея опорой родъ Рюриковичей, выставивъ изъ среды своей святаго мученика, жертву властолюбія, *Димитрія Іоанновича* углицкаго, убитаго сторонниками *Бориса Годунова* (1591 г.). Послѣ смерти послѣдняго Рюриковича, царя Ѳеодора (1598 г.) на престолъ сѣлъ Годуновъ, но не успѣлъ сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи Загадочный самозванецъ, тѣнь убіеннаго Димитрія, прекратилъ эту династію въ самомъ

ея началѣ, и наступило смутное время, время тяжкихъ испытаній и для русской земли и для русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и время обнаруженія внутренней мощи той и другой. Церковной іерархіи, послѣ долгаго ея униженія, открылось обширное поприще снова явить свое высокое земское значеніе и выдержать трудное, но привычное стояніе за благо земли и церкви.

Явленіе самозванца было страшнымъ событіемъ сколько для государства, столько же и для церкви, потому что онъ явился оруліемъ іезуитовъ, угрожая православію той же участью, какой оно подвергнулось въ западной Россіи. Желая найти для себя поддержку въ могущественномъ орденѣ братьевъ Іисуса, онъ позволилъ обратить себя въ католичество и завязалъ дѣятельныя сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, *Рангони* Въ началѣ 1604 г. въ Краковѣ нунцій взялъ съ него клятву послушанія римскому престолу, совершилъ надъ нимъ муропомазаніе и причастилъ его. Самозванецъ писалъ къ самому папѣ Клименту XIII, обѣщая ему обратить въ католичество всю Россію, и немедленно былъ обнадеженъ въ дѣятельномъ содѣйствіи апостольской власти Въ тоже время онъ письменно обязался отдать своей будущей супругѣ *Маринѣ Мнишекъ* Новгородъ и Псковъ съ правомъ строить въ нихъ католическіе костелы и монастыри, а будущему тестю пану *Мнишку* обѣщалъ въ потомственное владѣніе княжества смоленское и сѣверское.

Дѣятельность п. Іова противъ самозванца П. Іовъ со всею твердостію всталъ противъ самозванца. Онъ посылалъ пословъ къ кн. Острожскому и къ польскому духовенству съ увѣщаніемъ не вѣрить Лжедимитрію, старался разсѣять тревожные толки объ немъ въ самой Россіи, предалъ его анаѳемѣ, во всѣхъ церквахъ велѣлъ читать грамату, въ которой разсказывалась прежняя жизнь самозванца, бывшаго монаха *Григорія Отрепьева*, и предавались проклятію тѣ, которые будутъ стоять за него. Послѣ смерти Бориса онъ также ревностно дѣйствовалъ въ пользу сына его *Ѳеодора*. Овладѣвъ Москвой, приверженцы самозванца прежде всего приступили къ сверженію патріарха. Въ Успенскомъ соборѣ во время литургіи они сорвали съ него святительскую одежду, облекли въ рясу простаго монаха, посадили въ телѣгу и отвезли въ Старицкій монастырь, откуда онъ нѣкогда былъ взятъ на митрополію (1605 г.).

Царь Ѳеодоръ былъ убитъ и на престолъ вступилъ самозванецъ.

Опасности для православія при самозванцѣ. На мѣсто Іова новый царь выбралъ въ патріархи рязанскаго архіепископа *Игнатія*, родомъ грека, который воспитывался въ Римѣ, былъ нѣкоторое время епископомъ кипрскимъ, потомъ явился въ Россію и получилъ здѣсь рязанскую каѳедру. По своему характеру и убѣжденіямъ онъ могъ быть очень удобнымъ орудіемъ для Рима. Самозванецъ сдѣлался орудіемъ возвышенія знаменитаго послѣ іерарха русской церкви, *Филарета Романова*, въ мірѣ боярина Ѳедора Никитича, постриженнаго насильно при Годуновѣ вмѣстѣ съ другими Романовыми. Какъ родственникъ Грознаго, онъ былъ вызванъ мнимымъ сыномъ Грознаго изъ заточенія и получилъ ростовскую митрополію. Между тѣмъ изъ Польши явились іезуиты и поставили костелъ въ самомъ кремлѣ. Новый царь, окруживъ себя поляками и нѣмцами, покровительствовалъ иностраннымъ обычаямъ, смѣялся надъ невѣжествомъ русскихъ, обѣщалъ посылать ихъ для науки за границу, плохо молился Богу, не соблюдалъ постовъ. Въ народѣ пошла молва, что онъ еретикъ, въ доказательство чего, сообразно съ тогдашними понятіями, указывали и на то, что онъ ѣлъ телятину, послѣ обѣда не спалъ, не ходилъ по субботамъ въ баню Самозванецъ неразъ высказывалъ мысль о соединеніи церквей, говаривалъ, что вѣра латинская и греческая одинаковы, что для соединенія церквей можно созвать VIII вселенскій соборъ и т. п., но къ открытымъ мѣрамъ противъ православія не прибѣгалъ, хорошо понимая, какъ эти мѣры были бы нелѣпы въ Россіи. Въ Римѣ, разумѣется, этого не понимали и обвиняли его въ нерѣшительности. Отъ папы одно за другимъ посылались къ нему посланія съ настойчивыми увѣщаніями поскорѣе просвѣтить русскій народъ, сѣдящій во тьмѣ и сѣни смертной. Вдругъ самозванецъ, вмѣсто всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу католичества, попросилъ у папы позволенія самой Маринѣ пока таить свое католичество и исполнять греческіе обряды. И папа и нунцій сильно возстали противъ этого. Но спустя немного, когда Марина была уже въ Москвѣ, Лжедимитрій опять извѣщалъ, что въ Россіи нельзя ни костеловъ строить, ни іезуитовъ принять оффиціально, что царица должна сообразоваться съ народными обычаями, ходить въ церковь, причащаться, соблюдать пос-

ты, костелъ держать у себя тайно. Въ Римѣ сердились на это, а въ Россіи между тѣмъ оказывалось труднымъ оставить Марину и тайною католичкою. Между духовенствомъ нашлись твердые ревнители вѣры, казанскій митрополитъ *Гермогенъ* и коломенскій епископъ *Іосифъ*, которые рѣшительно объявили, что невѣста царя должна торжественно принять православіе, иначе бракъ съ нею будетъ незаконный. Отъ этихъ ревнителей царь успѣлъ отдѣлаться, Іосифа заставилъ молчать, а Гермогена выслалъ изъ столицы на епархію. Но нельзя было такъ легко отдѣлаться отъ волненія въ народѣ. Являлись люди, которые въ глаза называли самозванца еретикомъ; ихъ готовность пострадать за правду и православіе хорошо показывала, какъ встревожена была народная масса. Бракъ съ Мариной былъ роковымъ событіемъ для самозванца, онъ совершенъ былъ какъ разъ подъ пятницу и на Николинъ день. Во время свадебныхъ торжествъ буйная шляхта, наѣхавшая въ Москву на свадьбу, своими буйствами раздражила весь народъ. Въ ночь на 17 мая 1606 г. общее раздраженіе наконецъ вспыхнуло страшнымъ бунтомъ, среди котораго самозванецъ былъ убитъ вмѣстѣ со множествомъ поляковъ. Вслѣдъ за этимъ немедленно свергнутъ былъ и поставленный имъ п. Игнатій.

П. Гермогенъ и новый самозванецъ. Царемъ сдѣлался виновникъ переворота кн. *Василій Васильевичъ Шуйскій*, а патріархомъ избранъ Гермогенъ казанскій, который, какъ мы видѣли, достаточно уже обнаружилъ твердость своего характера и стойкость въ православіи при самозванцѣ. Во время своего патріаршества онъ явился непоколебимымъ столпомъ церкви и государства. Современники укоряли его въ жесткости нрава, излишней строгости, грубой прямотѣ въ рѣчахъ и поступкахъ; такимъ дѣйствительно и долженъ былъ казаться этотъ прямой, честный и стойкій человѣкъ среди общества, которое издвоедушничалось отъ измѣнъ. По своей прямотѣ онъ былъ не въ ладахъ съ царемъ, но эти личныя отношенія не мѣшали ему твердо стоять за Шуйскаго, какъ за царя вѣнчаннаго. Когда пошли слухи о второмъ самозванцѣ, онъ вмѣстѣ съ царемъ торжественно перенесъ въ Москву мощи истиннаго Димитрія. Мѣра эта впрочемъ не помогла къ успокоенію народа, потому что въ Москвѣ еще хорошо помнили, какъ тотъ же Шуйскій, который теперь съ благоговѣніемъ несъ мощи Димитрія чрезъ

всю Москву, свидѣтельствовалъ прежде, что царевичъ самъ закололъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Напрасно также патріархъ хотѣлъ подѣйствовать своими увѣщательными грамотами на мятежниковъ, которые подъ начальствомъ *Болотникова* поднялись во имя новаго самозванца въ сѣверской украйнѣ. Волненіе охватило въ самое короткое время чуть не всю Русь Тогда царь и патріархъ прибѣгнули къ новому средству для успокоенія волненія, назначивъ церемонію торжественнаго народнаго покаянія. Для нея нарочно вызвали изъ Старицы уже слѣпаго и дряхлаго п. Іова. Составлена была трогательная грамата, въ которой излагалось народное исповѣданіе измѣнъ, клятвопреступленій, убійствъ, оскорбленій святыни и другихъ земскихъ грѣховъ со смерти царя Ѳеодора. Церемонія совершилась въ Успенскомъ соборѣ. По прочтеніи протодьякономъ граматы народнаго покаянія патріархи велѣли прочитать отъ своего имени грамату разрѣшенія. Іовъ вскорѣ послѣ этого умеръ, даже не доѣхавъ обратно до Старицы. Но и церемонія народнаго покаянія осталась безъ вліянія на пробужденіе народа отъ его тяжелаго бреда самозванцами. Въ концѣ 1607 г. еще употребили религіозное средство: въ числѣ множества видѣній и знаменій, сопровождавшихъ смуту, было видѣніе одному благочестивому мужу: самъ Христосъ, явившись ему во снѣ, грозилъ Россіи бѣдами за то, что люди впали въ нечестіе, сквернословіе, мерзкіе обычаи, стригутъ брады, не стало правды ни въ царѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни въ народѣ Извѣстіе объ этомъ видѣніи было прочитано въ Успенскомъ соборѣ и установленъ постъ отъ 14 до 19 октября —Волненіе во имя Димитрія все возрастало, не смотря даже на то, что самозванца, который бы принялъ на себя это имя, вовсе и не было налицо. Наконецъ нашелся такой человѣкъ. Панъ Мнишекъ призналъ его зятемъ, а панна Марина мужемъ. Явились около него и поляки съ іезуитами. Въ Польшѣ ему написали цѣлый наказъ, какъ дѣйствовать для распространенія въ Россіи католичества или уніи. По этому наказу всѣхъ русскихъ, особенно духовенство, предполагалось совершенно оттереть отъ престола, окружить послѣдній католиками и уніатами, бояръ и другихъ людей побуждать къ переходу въ католичество или унію всякими мѣрами, повышеніями по службѣ, воспитаніемъ въ уніатскихъ и католическихъ школахъ, строеніемъ костеловъ, изгнаніемъ изъ

Россіи грековъ, поставленіемъ на высшія церковныя мѣста лицъ склонныхъ къ уніи и т. п.

Дѣятельность іерархіи противъ самозванца. П. Гермогенъ ободрялъ царя, увѣщевалъ бояръ и народъ, разсылалъ по городамъ граматы, въ которыхъ описывалъ дѣла и смерть перваго самозванца, указывалъ на опасность для православія отъ поляковъ, предавалъ проклятію всѣхъ, кто измѣнитъ законному царю За царя и гражданскій порядокъ ревностно стояли и другіе святители. М. казанскій *Ефремъ* изрекъ проклятіе за измѣну на г. Свіяжскъ и этимъ такъ поразилъ горожанъ, что они просили снять съ нихъ святительскую клятву, обѣщаясь впредь быть вѣрными Шуйскому. Тверскій архіепископъ *Θеоктистъ* такъ одушевилъ свою паству, что въ 1606 г. мятежныя войска были отбиты отъ Твери; но въ 1608 г. городъ былъ взятъ и самъ святитель былъ убитъ. *Іалактіонъ* суздальскій умеръ въ изгнаніи за то, что не хотѣлъ благословить самозванца. *Исидоръ* новогородскій успѣлъ поддержать въ новогородцахъ вѣрность царю, не смотря на измѣну Пскова. *Іосифъ* коломенскій, сопротивлявшійся первому самозванцу по вопросу о бракѣ съ Мариною, былъ схваченъ воинами втораго; его привязали къ пушкѣ и всюду волочили за собою. Когда толпы измѣнниковъ заняли Ростовъ (1608 г.), м. Филаретъ съ вѣрными гражданами заперся въ соборѣ, приготовляясь съ ними къ мученической смерти пріобщеніемъ св. таинъ Двери церковныя были отбиты, мятежники перебили множество народа и осквернили святыню храма. Митрополита босаго, въ изодраномъ польскомъ платьѣ и татарской шапкѣ, съ поруганіемъ отвезли въ Тушино. Но самозванецъ принялъ его, какъ родню, и сдѣлалъ своимъ патріархомъ. Святитель былъ отбитъ у мятежниковъ уже въ 1610 г. *Скопинымъ-Шуйскимъ.*

Высокими патріотическими подвигами отличились и *русскіе монастыри.* Еще въ началѣ царствованія Шуйскаго Троицкая лавра пожертвовала государству 18,000 рублей. Потомъ съ сентября 1608 г. ей пришлось выдерживать трудную 16-мѣсячную осаду отъ 30,000 польскаго войска подъ начальствомъ *Сапѣги* и *Лисовскаго.* Осада загнала въ стѣны обители множество народа съ женами и дѣтьми изъ окрестностей, такъ что не доставало ни мѣста для ихъ помѣщенія, ни запасовъ для прокормленія. Настала страшная зима безъ дровъ, безъ припасовъ, кромѣ

сухарей и гнилой воды, среди свирѣпствовавшей цынги; но осажденные все это выдержали, подкрѣпляемые сильнымъ религіознымъ одушевленіемъ и вѣрою въ помощь пр. Сергія. Пр. Сергій являлся разнымъ людямъ въ видѣніяхъ, предсказывалъ побѣду и предупреждалъ о нападеніяхъ враговъ; видѣли, какъ онъ самъ ходилъ по стѣнамъ обители и кропилъ ихъ св. водою. Не смотря на всю крайность своего положенія, лавра во время самой осады нашла возможность послать правительству 2000 рублей. Когда Москва тоже была осаждена тушинцами и терпѣла сильный голодъ, Троицкій монастырь дважды открывалъ свои житницы и, пуская хлѣбъ въ продажу по обыкновенной цѣнѣ, подрывалъ этимъ своекорыстныхъ торговыхъ людей, которые имѣли безсовѣстность пользоваться народнымъ бѣдствіемъ для своихъ барышей.—Подобныя жертвы приносили и другіе монастыри. Кирилловъ монастырь обратился въ крѣпость и цѣлыя 5 лѣтъ выдерживалъ осады буйныхъ полчищъ. Соловецкій монастырь въ два раза переслалъ въ Москву болѣе 17,000 рублей; Спасоприлуцкій монастырь отдалъ на жертву отечеству всю наличную казну. Кромѣ того изъ монастырскихъ стѣнъ шли религіозныя воззванія, одушевлявшія народъ на борьбу съ врагами. По мѣрѣ того, какъ возрастали неистовства тушинскихъ казаковъ и поляковъ, религіозно-патріотическое движеніе охватывало все большую и большую массу народа Города переписывались между собою о возстаніи. Побѣды *Скопина-Шуйскаго* стали было поправлять дѣла государства, но нашествіе Сигизмунда и смерть молодаго народнаго героя, въ которой подозрѣвали самого царя, погубили всѣ прежніе успѣхи.

Нашествіе Сигизмунда. Пользуясь смутой въ Россіи, Сигизмундъ потребовалъ московской короны для своего сына *Владислава* и осадилъ Смоленскъ. Смольняне хорошо знали, что дѣлалъ король въ Литвѣ, и дали обѣтъ стоять за вѣру и за царя до смерти. Изъ русскихъ на сторону Сигизмунда прежде всего перешли тушинцы. Оставленные поляками, которые ушли къ королю, и ослабѣвшимъ самозванцемъ, который бѣжалъ въ Калугу, они заключили съ Сигизмундомъ договоръ и признали царемъ его сына. Потомъ въ пользу королевича образовалась партія въ самой Москвѣ. Еще въ началѣ 1609 г. недовольные царемъ вытащили п. Гермогена на лобное мѣсто и, тряся его за

воротъ, требовали у него согласія на перемѣну царя. Патріархъ не побоялся толпы и честно заступился за Шуйскаго. На этотъ разъ попытка свергнуть Василія не удалась. Но когда царь былъ заподозрѣнъ въ загадочной смерти Скопина, когда русскія войска, лишившись своего любимаго вождя, были разбиты поляками и гетманъ короля *Жолкѣвскій* сталъ подъ самой Москвой, провозглашая царемъ Владислава, патріарху уже невозможно было спасти царя. Въ іюлѣ 1610 г. толпы народа, поднятые Захаромъ Ляпуновымъ, Салтыковымъ и др. боярами, заставили Василія переселиться изъ дворца въ свой прежній боярскій домъ; потомъ онъ былъ постриженъ въ монахи.

Переговоры объ избраніи Владислава. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно поднялся вопросъ объ избраніи новаго царя; чернь хотѣла тушинскаго вора; патріархъ предлагалъ выбрать царя изъ бояръ, *Голицына* или *Михаила Ѳеодоровича Романова*, сына Филарета, бояре тянули къ Польшѣ, хотѣли въ цари Владислава. Послѣдняя партія одержала верхъ и позволила Жолкѣвскому занять Москву польскими войсками. Для окончательныхъ переговоровъ съ королемъ отправлены были подъ Смоленскъ послы, Голицынъ и Филаретъ съ келаремъ Троицкой лавры *Аврамiемъ Палицынымъ*. Патріархъ долженъ былъ согласиться на желаніе господствующей партіи, настоялъ только, чтобы послы въ своихъ переговорахъ о Владиславѣ имѣли необходимымъ условіемъ обращеніе королевича въ православную вѣру. Отъѣзжая къ королю, Жолкѣвскій захватилъ съ собой и постриженнаго царя Василія. Всѣ опасные для короля люди теперь были въ его рукахъ, и онъ возвысилъ свои требованія, отказался отъ всѣхъ предложенныхъ ему условій, потребовалъ московской короны для самого себя и прежде всего настаивалъ на немедленной сдачѣ Смоленска. Послы съ своей стороны твердо стояли на своихъ требованіяхъ, чтобы Владиславъ скорѣе былъ отпущенъ въ Москву и принялъ православіе, не уступили ни шагу даже тогда, когда изъ Москвы пришли граматы отъ бояръ съ распоряженіемъ отдаться во всемъ на волю королевскую. Филаретъ и Голицынъ объяснили, что ихъ отпускали патріархъ, бояре и всѣ люди вмѣстѣ, а не одни бояре, и что граматы за подписью однихъ бояръ для нихъ необязательны. Паны было возражали, что патріархъ лице духовное и въ свѣтскія дѣла вступаться не долженъ; но послы отвѣчали на это: „изначала у насъ

въ русскомъ государствѣ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; теперь же мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный". Въ апрѣлѣ 1611 г. послы, по повелѣнію раздраженнаго короля, были отправлены въ Маріенбургъ плѣнниками. Смоленскъ все еще продолжалъ защищаться, подкрѣпляемый воеводой Шеинымъ и увѣщаніями архіепископа *Сергія*. Когда онъ былъ наконецъ взятъ, Шеинъ и Сергій увезены были въ Литву. Поздравляя короля съ побѣдою, іезуитъ Скарга прежде всего выразилъ въ своей рѣчи радость о томъ, что Богъ „указуетъ путь къ расширенію правды католицкой среди схизматиковъ".

Возстаніе городовъ. Но Богъ не восхотѣлъ расширенія правды католицкой. Слухи о притязаніяхъ поляковъ на московское государство и о будущихъ опасностяхъ для вѣры производили въ народѣ сильное волненіе. Патріархъ взывалъ къ православнымъ о защитѣ отеческой вѣры и всѣхъ разрѣшалъ отъ присяги королевичу, если онъ не крестится. Изъ Москвы разослана была повсюду трогательная грамата, въ которой, увѣщевая всѣ города къ соединенію противъ общаго врага, москвичи выставляли на видъ религіозное единство всѣхъ русскихъ людей и священное значеніе Москвы: „здѣсь образъ Божіей Матери, который св. Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители,—Петръ, Алексій и Іона чудотворцы; или вамъ православнымъ христіанамъ все это ни почемъ"? Города также пересылались между собой граматами, возбуждая другъ друга къ возстанію именемъ всероссійскихъ и своихъ мѣстныхъ святынь. Патріархъ стоялъ во главѣ всего земскаго движенія; кромѣ него, города не хотѣли знать никакого другаго начальства, и посылали къ нему всѣ свои отписки о сборѣ ратныхъ людей. *Салтыковъ*, *Масальскій* и другіе бояре польской партіи въ Москвѣ сильно злобились на Гермогена. Во время одного горячаго спора съ нимъ Салтыковъ бросался на него даже съ ножемъ. Въ то самое время, какъ послы были взяты въ плѣнъ, поляки съ Салтыковымъ сдѣлали послѣднюю попытку уговорить патріарха, чтобы онъ возвратилъ земскія рати, шедшія къ Москвѣ, и услыхали рѣшитель-

ный отвѣтъ, что всѣ литовскіе люди должны выдти изъ Москвы до одного. Послѣ этого его посадили подъ стражу и лишили всякихъ средствъ сноситься съ народомъ.

Возстаніе городовъ не удалось; послѣ смерти земскаго вождя *Прокопія Ляпунова*, убитаго казаками, ополченія разошлись и бѣдствія земли еще болѣе увеличились. Москва оставалась въ рукахъ поляковъ; Псковъ призналъ третьяго самозванца, какого-то дьякона *Исидора*; нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины; Новгородъ былъ въ осадѣ отъ изведовъ, которые хотѣли возвести на русскій престолъ одного изъ своихъ королевичей. Городъ былъ взятъ при геройскомъ сопротивленіи жителей, которыхъ до конца одушевлялъ м. *Исидоръ*, лично присутствовавшій на стѣнахъ и служившій молебствія для воиновъ. Софійскій протопопъ *Аммосъ* засѣлъ съ нѣсколькими горожанами на своемъ дворѣ, долго отбивался отъ враговъ, вторгнувшихся уже въ городъ, и погибъ въ пламени своего жилища. Наконецъ, когда почти всѣ области были опустошены врагами и казаками и бѣдствія земли достигли крайней степени, снова раздался сильный голосъ, призывавшій всѣхъ къ любви, совѣту и единенію. Этотъ голосъ вышелъ изъ Сергіевой лавры.

Троицкія граматы и очищеніе земли. Въ теченіе смутнаго времени лавра пожертвовала государству до 65,000 рублей и множество вещей. Въ послѣдніе дни правленія Шуйскаго архимандритомъ ея сдѣлался *св. Діонисій*. Кроткій и уступчивый въ своихъ личныхъ дѣлахъ, онъ выказывалъ необычайную твердость, когда дѣло шло о благѣ общемъ. Когда Москва была разорена и казаки свирѣпствовали по всѣмъ ея окрестностямъ, толпы нищихъ, изломанныхъ, обожженныхъ и истерзанныхъ крестьянъ со всѣхъ сторонъ стекались въ лавру и пользовались ея помощью Весь монастырь обратился въ богадѣльню; по монастырскимъ селамъ строили дома для пріюта бездомныхъ бѣглецовъ; по окрестностямъ собирали трупы погибшихъ и хоронили на монастырскій счетъ. Въ тоже время въ келліи архимандрита сидѣли писцы борзые и писали граматы въ города, призывая всѣхъ къ очищенію земли. Граматы эти повсюду возбуждали одушевленіе; во всѣхъ городахъ установили трехдневный постъ, даже для грудныхъ младенцевъ. Русская земля, какъ Ниневія, каялась и нравственнымъ очищеніемъ своимъ подготовляла свое внѣшнее очищеніе отъ враговъ и смутъ. Въ октябрѣ 1611 г. одна троицкая гра-

мата пришла въ Нижній и произвела сильное впечатлѣніе. Самъ пр. Сергій явился во снѣ земскому старостѣ *Козьмѣ Минину* и повелѣлъ будить спящихъ.

По голосу Минина возстали нижегородцы, съ нижегородцами возстала вся земля и составилось второе земское ополченіе подъ начальствомъ кн. *Пожарскаго*. П. Гермогенъ изъ своей темницы въ послѣдній разъ благословилъ земскія рати и вскорѣ скончался, какъ разсказываютъ, заморенный голодомъ. По совѣту всякихъ чиновъ людей главою церкви сдѣланъ былъ казанскій митрополитъ *Ефремъ* (впрочемъ безъ патріаршаго сана). Троицкая лавра раздала ратнымъ людямъ свои послѣднія сокровища и напутствовала ополченіе благословеніемъ своихъ святынь. Келарь Аврамій былъ неотлучно при войскѣ и своими увѣщательными рѣчами дѣйствовалъ на него не менѣе Пожарскаго и Минина. Въ рѣшительную минуту подъ Москвою онъ убѣдилъ содѣйствовать ополченію и казаковъ. Когда пропившіеся казаки отказались отъ битвы, жалуясь на нищету, и требовали денегъ, лавра послала въ ихъ таборъ ризы, стихари и другія церковныя сокровища. Даже казакамъ стало совѣстно взять эту послѣднюю жертву и они обѣщали даромъ участвовать въ битвахъ. 27 ноября 1612 г. Москва была наконецъ освобождена, а 21 февраля 1613 г. земскій соборъ избралъ на царство *Михаила Ѳеодоровича Романова*. Смутное время кончилось. Но понятно, что слѣдствія его безурядицъ еще долго должны были отзываться въ русской жизни. По воцареніи Михаила шайки бродягъ, казаковъ и литовцевъ ходили по всѣмъ областямъ, производя страшныя раззоренія и убійства. Въ монастыряхъ монахи гибли человѣкъ по 20—60 заразъ. Церковныя сокровища, ризы на иконахъ, жемчугъ, драгоцѣнные камни, книги—все расхищалось невозвратно. Церковный порядокъ пришелъ въ разстройство. Религіозная жизнь ослабѣла, особенно въ высшихъ классахъ, отъ наплыва иноземныхъ, католическихъ и протестантскихъ вліяній. А между тѣмъ по смерти Гермогена церковь до 1619 г. оставалась безъ патріарха; послѣ Ефрема временно управлялъ ею митрополитъ крутицкій *Іона*, человѣкъ неспособный къ этому дѣлу какъ по своему недальнему образованію, такъ и по недостатку характера.

П. Филаретъ. Въ 1619 г. послѣ замиренія съ Польшей произведенъ былъ между Польшей и Россіей размѣнъ

плѣнныхъ, и теперь только воротились въ Россію воевода Шеинъ съ Сергіемъ смоленскимъ и м. Филаретъ (Шуйскій и Голицынъ умерли въ плѣну). Царь радостно встрѣтилъ своего родителя и сдѣлалъ его патріархомъ, воспользовавшись для этого пребываніемъ въ Москвѣ іерусалимскаго патр. Ѳеофана. Патріаршество Филарета было временемъ полнаго развитія патріаршей власти, впрочемъ не столько вслѣдствіе увеличенія ея церковныхъ правъ и полномочій, сколько вслѣдствіе возвышенія ея государственнаго значенія. Общій іерархическій строй русской церкви и теперь оставался тотъ же, какой былъ еще при митрополитахъ. Всѣ іерархи оставались въ такомъ же подчиненіи патріарху, какъ прежде митрополиту, и попрежнему были равны между собою по власти, отличаясь только *богослужебными преимуществами*. Митрополиты получили преимущества прежняго русскаго первосвятителя, бѣлый клобукъ и предносимый имъ крестъ въ предѣлахъ ихъ епархій. Патріархъ отличался отъ нихъ крестомъ или херувимами на клобукѣ, крестомъ на митрѣ, цвѣтной мантіей съ образами на сирижаляхъ и предпесеніемъ свѣчи и креста; во время служенія облачался среди церкви, а всѣ другіе архіереи, сослужившіе съ нимъ, въ алтарѣ, одинъ только сидѣлъ на горнемъ мѣстѣ, причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ.

Во время междуцарствія, оставаясь главнымъ, начальнымъ человѣкомъ въ землѣ, русскій первосвятитель снова пріобрѣлъ себѣ то высокое *государственное значеніе*, которое такъ сильно было подорвано при Грозномъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда во главѣ церкви стоялъ отецъ царя, значеніе патріарха достигло небывалой прежде высоты и величія. Патріархъ получилъ царскій титулъ „великаго государя“, и наступило время полнаго двоевластія. Граматы и распоряженія выходили отъ имени обоихъ великихъ государей; обоимъ дѣлались доклады; обоимъ представлялись иностранные послы. Въ смутное время ослабѣло преданіе самодержавной власти, которымъ руководились Рюриковичи, есть извѣстіе, что молодой Михаилъ былъ ограниченъ въ своей власти боярами и земскимъ соборомъ. Бывшій бояринъ временъ Грознаго, Филаретъ снова возстановилъ это преданіе Рюриковичей въ домѣ Романовыхъ и во время своего великаго государствованія поднялъ царскую власть на ея прежнюю высоту. Своими строгими мѣрами къ возстановленію государственныхъ порядковъ онъ

пріобрѣлъ репутацію человѣка суроваго, опальчиваго и властительнаго. Такимъ же строгимъ и властительнымъ являлся онъ и въ сферѣ своего церковнаго управленія. Церковный судъ не стѣснялся при немъ ни передъ какими сильными лицами. *Дворъ патріаршій* устроенъ былъ по образцу царскаго. Сильный отецъ царя завелъ у себя всѣ чины и должности широкаго дворцоваго обихода; тутъ были: свѣчники, чашники, скатертники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, сторожа всякаго рода, иконописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, кузнецы, столяры, рѣзчики и проч., пѣвчіе дьяки трехъ станицъ, поддьяки, книгописцы, наконецъ лица должностныя, вѣдавшія разныя дѣла патріаршаго управленія и суда, бояре, окольничіе, думные, стольники, тіуны, стрянчіе, боярскія дѣти, дворяне, десятильники, дьяки и подъячіе. При первыхъ патріархахъ вѣдомства этихъ должностныхъ лицъ не были разграничены; всякое дѣло дѣлалось тѣмъ, кому святѣйшій патріархъ укажетъ. Со временъ Филарета начинаютъ являться спеціальные *патріаршіе приказы* на подобіе царскихъ: 1) *судный* или *разрядъ*, завѣдывавшій судебной частью и дѣлами о ставленикахъ; 2) приказъ *церковныхъ дѣлъ*, вѣдавшій дѣла по церковному благочинію; 3) *казенный*, вѣдавшій всякіе сборы съ вотчинъ и духовенства, 4) *дворцовый*, завѣдывавшій хозяйствомъ патріаршаго дома. Въ каждомъ приказѣ сидѣлъ патріаршій бояринъ съ дьяками и подъячими и рѣшалъ дѣла съ доклада патріарху. По примѣру патріарха стали заводить приказы и епархіальные архіереи.

Преемникъ Филарета *Іоасафъ I* (1634—1640) по своимъ личнымъ качествамъ не могъ замѣнить для царя его отца. Это былъ старецъ очень почтенный, извѣстный благочестіемъ, но вовсе не государственный человѣкъ. Смиренный святитель не пускался въ дѣла государственныя и занимался исключительно церковнымъ благочиніемъ. Хронографы говорятъ о немъ, что онъ былъ прежде дворовый сынъ боярскій, нравомъ добродѣтеленъ, но къ царю недерзновененъ. Титула великаго государя онъ уже не носилъ, равно какъ и преемникъ его *Іосифъ*, поставленный уже въ послѣднее время царствованія Михаила (1641 г.).

Государственное значеніе всей вообще іерархіи проявлялось въ томъ, что представители ея вмѣстѣ съ патріархомъ призывались къ разсужденіямъ по важнѣйшимъ дѣ-

ламъ въ царскую думу и на земскіе соборы. Въ городахъ воеводы должны были въ важныхъ случаяхъ совѣтоваться съ архіереями. Духовенство постарому печаловалось о несчастныхъ, ходатайствовало о смягченіи наказанія виновнымъ. Притѣсняемые воеводой и приказными людьми обращались къ архіереямъ съ просьбами о заступленіи.

Церковный судъ. Судебное вѣдомство церкви относительно дѣлъ, подвѣдомыхъ церковному суду, оставалось въ прежнемъ видѣ. Относительно лицъ, подвѣдомыхъ церкви, сдѣлано нѣсколько новыхъ опредѣленій въ видахъ устраненія путаницы отъ разнообразныхъ несудимыхъ граматъ. Патріаршая область была привиллегированнѣе всѣхъ другихъ. На основаніи несудимыхъ граматъ Грознаго и Годунова всѣ духовные и мірскіе люди этой области подчинены были одному суду патріарха, какъ по искамъ между собою, такъ и по искамъ на нихъ постороннихъ лицъ, а сами искали на постороннихъ въ одномъ приказѣ большаго дворца. Но эти опредѣленія далеко не осуществлялись на дѣлѣ; съ одной стороны бояре и другіе мірскіе судьи постоянно вторгались въ суды патріарха, а съ другой разные сильные монастыри до сихъ поръ еще пользовались несудимыми граматами, на основаніи которыхъ, помимо патріарха, прямо подчинялись суду царя и приказа большаго дворца. Въ 1625 г. Филаретъ получилъ отъ царя новую грамату, по которой всѣ духовные лица его епархіи подчинены были во всѣхъ искахъ на нихъ, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, суду одного патріарха, а сами должны были искать на постороннихъ въ тѣхъ приказахъ, гдѣ вѣдомы отвѣтчики, тамъ же отвѣчать въ случаѣ встрѣчнаго иска; всѣ патріаршіе служилые люди и крестьяне, церкви и монастыри патріаршей области подчинены одному приказу большаго дворца. Несудимыя граматы Троицкаго, Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и др. монастырей были уничтожены. Всѣмъ этимъ вносилось нѣкоторое единство въ общее управленіе патріаршей епархіи. Но въ отдѣльныхъ частяхъ ея управленія было все-таки много разнообразія вслѣдствіе несудимыхъ граматъ, которыя раздавались монастырямъ уже самимъ патріархомъ. Одними монастырями патріархъ завѣдывалъ самъ; другими чрезъ бояръ, намѣстниковъ и десятильниковъ; третьи пользовались самосудомъ.

Нѣкоторые архіереи (вологодскій, новгородскій) также выпросили себѣ граматы, подобныя патріаршей. Но, вообще

говоря, по епархіямъ было чрезвычайное разнообразіе въ судебномъ вѣдомствѣ. Общимъ правиломъ было только то, чтобы всѣ подчинялись суду своего архіерея по духовнымъ дѣламъ. По гражданскимъ дѣламъ одни церкви и монастыри въ епархіяхъ тянули къ патріарху или приказу большаго дворца, и притомъ по всѣмъ дѣламъ или только по нѣкоторымъ; другіе судились своими настоятелями, а настоятели въ приказѣ б. дворца или у патріарха; третьи тянули къ суду чужихъ епархіальныхъ архіереевъ; четвертые были приписаны къ привиллегированнымъ монастырямъ, иногда тоже находящимся въ чужихъ епархіяхъ; пятые подчинялись мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Сами архіереи въ однихъ монастыряхъ и церквахъ производили судъ лично, въ другихъ чрезъ своихъ чиновниковъ, третьимъ давали право самосуда, кромѣ того назначали для суда извѣстные сроки. Такое же разнообразіе было въ судѣ надъ церковными вотчинами. Даже у одного и того же монастыря однѣ вотчины имѣли болѣе, другія менѣе привиллегій, однѣ судились въ одномъ, другія въ другомъ мѣстѣ, въ третьихъ судъ производилъ настоятель и т. д.— Отправленіе правосудія чрезвычайно затруднялось такимъ разнообразіемъ привиллегій особенно для постороннихъ лицъ въ тяжбахъ съ церковными людьми. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на трудность судиться съ церковными учрежденіями и лицами, а эти учрежденія и лица съ своей стороны жаловались на нарушенія ихъ привиллегій.

Другимъ предметомъ жалобъ земства и затрудненій правительства были *церковныя вотчины*, которыя все продолжали увеличиваться, не смотря на распоряженія, направленныя противъ ихъ возрастанія. Тяглые люди жаловались, что монастыри завладѣвали тяглыми землями, угодьями и промыслами, а тягла съ нихъ не платили и весь платежъ по этому падалъ на нихъ—тяглыхъ людей. Служилые люди жаловались, что монастыри сманиваютъ къ себѣ ихъ крестьянъ и отъ того ихъ помѣстья пустѣютъ и служить имъ государевой службы становится не съ чего. Всѣ эти жалобы послужили потомъ матеріалами для новыхъ распоряженій о церковномъ судѣ и о церковныхъ вотчинахъ въ царствованіе преемника Михаилова *Алексѣя Михайловича*.

Уложеніе ц. Алексѣя. Новый царь Алексѣй Михаиловичъ, человѣкъ еще очень молодой, мягкій, уступчивый, спо-

собный сильно привязываться къ окружавшимъ его и чрезвычайно религіозный, могъ встать въ такія же отношенія къ п. Іосифу, въ какихъ былъ отецъ его къ Филарету. По самъ Іосифъ далеко не былъ похожъ на Филарета; по своей слабости онъ не только неспособенъ былъ руководить царя, окруженнаго сильной родней и боярами, но даже не могъ поддержать своей собственной церковной власти; въ церковномъ управленіи видимъ при немъ господство патріаршихъ дьяковъ и московскихъ протопоповъ. А между тѣмъ съ новымъ царствованіемъ открылась усиленная государственная дѣятельность, составлялось новое Уложеніе, которое неизбѣжно должно было коснуться правъ іерархіи. Не смотря на всю важность этого Уложенія для церкви, патріархъ безучастно сидѣлъ въ царской думѣ при его составленіи; все дѣло велось кн. Одоевскимъ и др. свѣтскими лицами и при безгласіи патріарха чувствительно коснулось самыхъ важныхъ привиллегій духовнаго чина. — Во первыхъ Уложеніе безусловно воспретило всякое увеличеніе церковныхъ вотчинъ; нѣкоторая часть церковныхъ земель была даже отписана въ казну: по жалобамъ тяглыхъ людей на то, что бѣломѣстцы, особенно духовенство и ихъ люди, селясь около городовъ слободами, отбиваютъ у нихъ торги и промыслы, а сами никакихъ податей не платятъ, велѣно всѣ эти слободы взять безплатно за государя въ тягло. Во вторыхъ, стремясь установить „равный судъ и расправу“ для всякихъ чиновъ людей, Уложеніе необходимо столкнулось съ церковными привиллегіями, съ гражданской неподсудностію духовенства общему суду и съ удѣльной особностію всего церковнаго вѣдомства вообще, по которой оно выдѣлялось среди общаго государственнаго строя, какъ особое какое-то государство въ государствѣ; Уложеніе задалось задачей ослабить эту особность церковнаго вѣдомства, притянувъ его подъ общій государственный судъ.

Монастырскій приказъ. Органомъ такого государственнаго суда надъ церковнымъ вѣдомствомъ сдѣланъ былъ *монастырскій приказъ*, выдѣленный, какъ особое учрежденіе, изъ приказа большаго дворца. Въ немъ указано было давать судъ по всякимъ гражданскимъ искамъ на всѣхъ іерарховъ, монастырскихъ властей, поповъ и церковный причтъ, также на всѣхъ церковныхъ людей и крестьянъ. Такимъ образомъ предъ судомъ его уравнены были и влас-

ти, подчинявшіяся доселѣ непосредственному суду государя или приказа большаго дворца, какъ органа собственной власти государя, считавшія боярскій судъ униженіемъ для себя, и ихъ люди, судившіеся прежде у нихъ самихъ. Въ первое время въ приказѣ сидѣли два архимандрита, но вскорѣ они были вытѣснены изъ него, и въ немъ остались одни бояре и дьяки. Вмѣстѣ съ этимъ надъ духовенствомъ и церковными людьми получили судебно-гражданскую власть и другіе органы государства,—приказы въ искахъ церковныхъ людей на постороннихъ и въ отвѣтѣ противъ встрѣчныхъ исковъ и воеводы съ городскими властями въ искахъ маловажныхъ, не доходившихъ до приказовъ. Такъ вмѣсто церковнаго гражданскаго суда надъ церковными людьми явился судъ государевъ. Кромѣ судныхъ дѣлъ къ вѣдомству приказа отнесены еще, принадлежавшія прежде приказу большаго дворца, распоряженія о сборахъ съ церковныхъ вотчинъ, о составленіи описей церковныхъ имуществъ и разныя полицейскія распоряженія по церковному вѣдомству.

Духовенство было очень недовольно новымъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что по неопредѣленности новыхъ законовъ и неясности въ разграниченіи церковнаго и гражданскаго вѣдомствъ, между послѣдними тотчасъ же начались недоразумѣнія, вторженія въ чужія области и даже прямыя злоупотребленія. Приказъ вступался иногда въ судъ по чисто церковнымъ дѣламъ, присвоилъ себѣ право назначать въ монастырскія вотчины священниковъ и причетниковъ, опредѣлять и отрѣшать настоятелей, келарей, казначеевъ и другихъ лицъ монастырскаго собора, позволялъ себѣ даже перерѣшать распоряженія епархіальной власти. Со стороны духовенства начались разнообразныя попытки уклониться отъ силы новыхъ узаконеній Архіереи начали выпрашивать у царя граматы, освобождавшія духовенство ихъ епархій отъ всякаго суда, кромѣ архіерейскаго. Патріаршая область получила подтвержденіе своихъ прежнихъ привиллегій и независимость отъ монастырскаго приказа еще при самомъ составленіи Уложенія. Самымъ усерднымъ и вліятельнымъ противникомъ монастырскаго приказа явился любимецъ царя *Никонъ*, сначала митрополитъ новгородскій, потомъ патріархъ.

Никонъ до патріаршества. Въ 1605 г. у крестьянина нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сынъ *Никита*. Онъ скоро лишился матери и все дѣтство

провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачихи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни и 12 лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дома въ монастырь, гдѣ еще въ этомъ раннемъ возрастѣ удивлялъ братію силой своего характера въ монастырскихъ подвигахъ. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. 20-ти лѣтъ онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села, но по своимъ достоинствамъ не долго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Чрезъ 2 года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собой въ Москву. Чрезъ 10 лѣтъ, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, Никита заставилъ свою жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ тоже постригся въ монахи съ именемъ *Никона*. Изъ Анзерскаго скита, по неудовольствіямъ съ братіей, онъ ушелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ былъ выбранъ въ игумены. Въ 1646 году онъ былъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ и былъ замѣченъ царемъ, котораго поразила его величественная наружность и сильная рѣчь. По своей религіозности и впечатлительности Алексѣй Михайловичъ скоро подчинился Никону, сдѣлалъ его своимъ другомъ, отцемъ, всѣмъ, чѣмъ не могъ быть для него п. Іосифъ. По желанію царя онъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, долженъ былъ каждую недѣлю являться къ царю для духовной бесѣды и сдѣлался предъ нимъ неустаннымъ ходатаемъ за несчастныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Въ 1648 г. онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Новгородъ. Здѣсь ему удалось оказать правительству важныя услуги во время новгородскаго и псковскаго бунтовъ 1650 г. Во Псковѣ тогда едва не убили воеводъ; архіепископа *Макарія* два раза сажали на цѣпь за то, что онъ уговаривалъ народъ покориться правительству. Мятежъ утихъ уже послѣ того, какъ царь по совѣту Никона далъ виновнымъ всепрощеніе. Въ Новгородѣ Никонъ укрылъ у себя отъ ярости народа воеводу *Хилкова* и торжественно предалъ бунтовщиковъ анаѳемѣ; но этимъ обратилъ народную ярость на себя самого. Чернь избила его до полусмерти на площади. Съ большимъ трудомъ послѣ этого онъ отслужилъ литургію и отправился съ крестнымъ ходомъ въ ту часть города, гдѣ наиболѣе бунтовали. Пораженные его твердостію и устрашась подходившаго къ Новгороду

царскаго войска, мятежники просили у Никона прощенія и ходатайства передъ царемъ. Не помня своей собственной обиды, митрополитъ охотно принялъ на себя это ходатайство и внушилъ царю благоразумную умѣренность въ наказаніи виновныхъ, которая всего болѣе способствовала къ укрощенію бунта. Съ этихъ поръ любовь царя къ Никону возрасла еще болѣе.

Пользуясь близостью къ царю, Никонъ неразъ говорилъ ему, что учрежденіе монастырскаго приказа противно канонамъ, и настаивалъ на его уничтоженіи. Но приказъ былъ крѣпокъ не силою кроткаго и благочестиваго царя, а духомъ времени, былъ крѣпокъ потому, что вполнѣ отвѣчалъ современнымъ идеямъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Не успѣвъ настоять на его уничтоженіи, Никонъ получилъ только царскую несудимую грамату, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи подчинялись суду одного своего митрополита какъ въ духовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ. Зато своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ другому важному дѣйствію, въ которомъ выразилось преклоненіе свѣтскаго могущества предъ величіемъ церковной власти. Въ 1652 г. по порученію царя онъ отправился на Соловки, чтобы перевезти оттуда въ Москву мощи м. Филиппа. Съ нимъ отправлена была царская молитвенная грамата къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царской властью, молилъ св. мученика пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона царь писалъ ему замѣчательныя письма, въ которыхъ выразилась вся душа религіознаго Алексѣя. Какъ средневѣковые вожди юныхъ народовъ, при которыхъ развивалась папская власть, въ своемъ благоговѣніи предъ пастыремъ церкви онъ совершенно забывалъ свой царскій санъ, не щадилъ словъ, чтобы возвеличить митрополита и унизить предъ нимъ самого себя. Изъ писемъ царя видно, что бояре очень недовольны были силой Никона, видно и то, что самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостію и благодушіемъ. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть поснисходительнѣе къ боярамъ, но въ тоже время просилъ его не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его—царя, что онъ за одно съ нимъ—

митрополитомъ. Добрый до слабости, находясь подъ двумя вліяніями, Никона и бояръ, царь боялся оскорбить и ту и другую сторону, лавировалъ между ними, старался какъ нибудь замять ихъ рознь. Такъ поступалъ онъ и въ вопросѣ о монастырскомъ приказѣ. Оставляя приказъ во всей его силѣ, потому что онъ нравился боярамъ, царь думалъ удовлетворить и своего друга, давъ ему несудимую грамату. Въ отсутствіи Никона умеръ п. Іосифъ. Извѣщая объ этомъ Никона, царь описывалъ свой испугъ, когда на Иванѣ Великомъ раздался троекратный ударъ колокола—вѣстникъ смерти патріарха, описывалъ скорбь церкви, которая какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имущи подружія, лишилась своего жениха и къ такимъ днямъ (передъ Пасхой), описывалъ, какъ при видѣ разлагающагося трупа во время ночнаго посѣщенія покойника возымѣлъ онъ суевѣрный помыселъ: „побѣги де ты вонъ, тотъ часъ де тебя вскоча удавитъ“, но прогналъ этотъ помыселъ, съ молитвой облобызавъ руку святителя; на погребеніи онъ надсѣлся плачучи; онъ самъ распоряжался всѣмъ имуществомъ покойнаго, послѣ котораго осталось до 13,000 рублей и множество всякаго добра. Толковали что въ послѣднее время Іосифъ былъ неспокоенъ, боялся свержения; царь спѣшилъ оправдаться предъ Никономъ, увѣряя, что ему и помыслить о томъ страшно, — хотя бы и еретичества держался, то какъ свергнуть верховнаго святителя безъ собора?—По возвращеніи Никона съ мощами выборъ въ патріархи, разумѣется, палъ на него. Но ему не такого хотѣлось патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставили его отказаться отъ выбора, чтобы потомъ быть снова выбраннымъ на всей своей волѣ. Въ Успенскомъ соборѣ въ собраніи бояръ и народа царь, весь въ слезахъ, лежалъ у ногъ Никона, умоляя его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ: будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ сказали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ принялъ патріаршество (1652 г.).

Патріаршество Никона. Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха въ первые 6 лѣтъ управленія Никона. Безъ патріарха не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ при Филаретѣ. Усиленію его значенія много содѣйствовалъ скорый отъѣздъ царя къ войску по

случаю польской войны. Во время своего отсутствія (1654—1655 г.) царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ. Особенно энергичную дѣятельность Никонъ проявилъ по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Разсылая граматы о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, вразумляя суевѣрный народъ, который пассивно встрѣтилъ бѣду и считалъ за грѣхъ противустоять ей, какъ наказанію Божію, онъ въ тоже время успѣлъ оказать важныя личныя услуги царю, все время хранилъ царское семейство, спасая его отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстамъ. Благодарный царь предложилъ Никону дать взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти и почтилъ его титуломъ „великаго государя“. И снова стало два великихъ государя, но теперь другой великій государь носилъ этотъ титулъ, уже не какъ отецъ царя, а какъ патріархъ. Власть патріаршая приравнивалась къ власти царской. — Монастырскій приказъ на время потерялъ всякую силу. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имѣнія, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами, вмѣсто прежнихъ 10,000 дворовъ сталъ владѣть 25,000. Когда Никонъ выстроилъ свои патріаршіе монастыри—*Иверскій*, *Крестный* и *Новый Іерусалимъ*, царь и имъ далъ богатыя вотчины. Но въ тоже время, вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10 000 воиновъ; столько же выставили монастыри Патріархъ кромѣ того на свои богатыя средства увеличивалъ свои домовыя богадѣльни, раздавалъ богатую милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы.

Патріаршая власть при немъ была чрезвычайно сильна Онъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только великимъ государемъ, окружилъ себя царской пышностію и недоступностію, возлюбилъ, какъ говорило духовенство, стоять высоко, ѣздить широко. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ. употреблялъ всѣ средства тогдашняго искуства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, какія есть въ патріаршей ризницѣ, принадлежатъ ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и камней. Штатъ его дома былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ при Филаретѣ. Протопопъ казанскаго собора *Іоаннъ Неронов*ъ говорилъ однажды патріарху:

„государевы царевы власти уже не слыхать, всѣмъ отъ тебя страхъ, и посланники твои пуще царевыхъ всѣмъ страшны; никто не смѣетъ съ ними и говорить; затвержено у нихъ: знаете ли патріарха?“ Никона боялись сами бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія. Еще до патріаршества о немъ говорили, что лучше погибнуть въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасться подъ началъ къ новгородскому митрополиту; патріархомъ онъ сталъ еще самовластнѣе. Онъ напр. жегъ у бояръ вывезенныя съ запада иконы и органы; у боярина Никиты Романова изрѣзалъ въ куски ливрею, сдѣланную по западному образцу для домовыхъ слугъ. Какъ-бы въ противодѣйствіе новымъ началамъ, выраженнымъ въ Уложеніи, Никонъ издалъ вновь пересмотрѣнную и дополненную *Кормчую*, въ которую включилъ подложную грамату Константина Великаго папѣ Сильвестру, которая была важна для него, какъ апологія церковной власти и церковныхъ имуществъ. Подложности этой граматы впрочемъ не подозрѣвали ни царь, ни патріархъ. Никонъ убѣждалъ царя даже вовсе оставить Уложеніе и замѣнить его Кормчей; онъ не успѣлъ въ этомъ, но все-таки заставилъ Алексѣя Михайловича разослать по воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія съ повелѣніемъ руководиться ими на судѣ.

Враги Никона. Патріархъ хотѣлъ воротить исторію назадъ, къ тому времени, когда государство не знало ничего выше градскихъ законовъ Кормчей, и не чувствовалъ, что чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ настаивать на возстановленіи такой старины, тѣмъ будетъ хуже и для него и для его дѣла. Значеніе его держалось только на его личной силѣ и любви царя, опорахъ слишкомъ непрочныхъ для того, чтобы онѣ могли устоять противъ историческаго хода государственной жизни Орудіемъ, которымъ эти опоры были подломлены, были многочисленные враги Никона, дѣйствовавшіе противъ него со всѣмъ усердіемъ личнаго раздраженія. Своимъ великимъ государствованіемъ, крутымъ характеромъ, привычкой сталкиваться со всѣми, власть имѣющими, онъ вооружилъ противъ себя сильную партію бояръ; противъ него были *Стрешневы*—родня царя по матери, *Милославскіе* — родня первой супруги царя, *Морозовъ* — царскій свояк, супруга царя *Марья Ильинишна* составитель Уложенія кн. *Одоевскій*, бояре *Долгорукій*,

Трубецкой, *Салтыковъ* и др. Семенъ Стрешневъ до такой степени ненавидѣлъ Никона, что назвалъ его именемъ собаку и выучилъ ее подражать патріаршему благословенію. Всѣ эти люди зорко слѣдили за патріархомъ, ловили всякій случай, гдѣ онъ слишкомъ рѣзко выставлялъ свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шагъ, а такихъ шаговъ много допускалъ горячій человѣкъ, никогда не умѣвшій владѣть собой и не обращавшій вниманія на то, что говорилъ и что дѣлалъ. — Много враговъ явилось у Никона по поводу его церковныхъ исправленій, которыя были имъ введены очень круто, съ обычною его самоувѣренностію и деспотизмомъ его личнаго авторитета. Привычка не обращать вниманія на другихъ поставила его въ самое невыгодное положеніе между двумя сильными партіями, партіей новизны, стремившейся къ западу, и партіей старины. Образованные бояре, въ родѣ Морозова, Романова и др., раздражены были не менѣе старовѣровъ, когда патріархъ, вводя свои церковныя „новшества“, въ тоже время возставалъ противъ новыхъ государственныхъ понятій и проблесковъ новой цивилизаціи, жегъ картины и органы, рѣзалъ ливреи у боярской дворни. Между приверженцами старины было тоже немало сильныхъ людей, нѣсколько бояръ, духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ*, уважаемые протопопы *Іоаннъ Неронов*ъ и *Аввакумъ* Наконецъ противъ патріарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаніями, поборами въ патріаршую казну и на войско.

Разрывъ между царемъ и патріархомъ. Много было враговъ у Никона, и всѣ эти враги шли съ доносами къ царю, что патріархъ превышаетъ свою власть, самовольно распоряжается въ дѣлахъ государственныхъ, пренебрегаетъ властію царскою. Вслѣдствіе этихъ внушеній въ душу мягкаго и впечатлительнаго царя невольно стало закрадываться нелюбье къ его другу. Перемѣна отношеній между ними особенно стала замѣтна по возвращеніи царя изъ втораго его похода (ливонскаго) въ 1657 г. Походы царя замѣтно его развили, сдѣлали самостоятельнѣе и пріучили къ разлукѣ съ Никономъ, къ независимости отъ него; въ тоже время и Никонъ въ отсутствіи царя болѣе прежняго успѣлъ развить свое властелинство. Пріѣхалъ великій государь въ Москву и увидалъ здѣсь другаго великаго государя.. А враги Никона неотступно внушали царю, что пат-

ріархъ сталъ сильнѣе его. Къ этому присоединилось потомъ раздраженіе отъ неудачнаго исхода шведской войны, присовѣтованной патріархомъ, и отъ тяжелаго безденежья, которое довело до опаснаго бунта изъ-за новыхъ мѣдныхъ денегъ, выпущенныхъ правительствомъ; а Никонъ въ это время строилъ свои монастыри (Воскресенскій и Крестный) и просилъ для нихъ вотчинъ; когда царь для поддержки казны захотѣлъ коснуться монастырскихъ богатствъ, патріархъ сдѣлалъ противъ этого рѣзкое возраженіе. Царь сталъ сердиться на патріарха, но по своему слабому характеру, вмѣсто личнаго объясненія съ нимъ сталъ дѣйствовать уходомъ, избѣгая съ нимъ встрѣчи. Патріархъ видѣлъ нелюбье царя, но по своей неуступчивости не хотѣлъ забѣгать ему въ глаза, обидѣлся и тоже съ своей стороны удалился отъ царя, выжидалъ, чтобы царь самъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Между тѣмъ враги Никона оставались при царѣ; своимъ удаленіемъ отъ царя патріархъ самъ же оставилъ за ними все поле борьбы, потому что царь остался теперь подъ однимъ только ихъ вліяніемъ. Пользуясь этимъ, они неутомимо разжигали вражду между великими государями, все болѣе и болѣе подготовляя рѣшительный взрывъ накопившихся неудовольствій. За поводами къ этому взрыву дѣло не стало. Монастырскій приказъ, доселѣ безсильный, усилился, сталъ отмѣнять распоряженія патріарха и отобралъ у него нѣсколько вотчинъ. Патріархъ писалъ царю рѣзкія посланія о неприличіи мірскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, указывалъ на примѣры нечестивыхъ царей, память которыхъ погибла съ шумомъ; а это, по толкованію бояръ, значило, что онъ называлъ государя нечестивымъ царемъ. Въ іюнѣ 1658 г., по случаю пріема грузинскаго царя *Теймураза*, было торжество при дворѣ. Никона на это торжество не пригласили; недоумѣвая о томъ, что бы это значило, онъ послалъ во дворецъ своего дворянина узнать, въ чемъ дѣло. Въ то время, какъ посланный пробирался чрезъ толпу, окольничій Хитрово, наблюдавшій за порядкомъ, ударилъ его палкой. Это была уже прямая обида Никону и онъ потребовалъ у царя суда. Царь обѣщалъ самъ поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но свиданіе не состоялось и Никонъ остался безъ удовлетворенія. 10 іюля, въ праздникъ Ризположенія, патріархъ вполнѣ былъ увѣренъ, что царь будетъ у литургіи въ соборѣ, и думалъ при этомъ съ нимъ объясниться. Но царь прислалъ

въ соборъ сказать, что не будетъ; *Юрій Ромодановскій*, который былъ посланъ съ этимъ, прибавилъ еще отъ себя, что царь гнѣвенъ на патріарха за титулъ великаго государя. Отслуживъ литургію безъ царя, Никонъ вышелъ говорить поученіе и народъ услыхалъ странныя слова: „лѣпивъ я былъ учить васъ; не стало меня на это; отъ лѣни я окоростовѣлъ и вы окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ не патріархъ, и если помыслю быть патріархомъ, буду анаѳема". Послѣ этого онъ переодѣлся въ простую мантію съ чернымъ клобукомъ, написалъ въ ризницѣ письмо къ царю о своемъ оставленіи престола и направился къ выходу изъ собора. Народъ плакалъ, не пускалъ его изъ собора и изъ кремля, отнялъ у него карету; но патріархъ ушелъ пѣшкомъ на воскресенское подворье, а съ подворья уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

События по удаленіи Никона. Изъ монастыря онъ далъ знать, чтобы поспѣшили избраніемъ ему преемника, чтобы церковію управлялъ пока Питиримъ крутицкій, себѣ просилъ во владѣніе три монастыря, Воскресенскій, Иверскій и Крестный, и снова повторилъ клятвенное отреченіе отъ патріаршества. Не смотря впрочемъ на это отреченіе, онъ все еще ждалъ, что государь одумается и опять повторитъ передъ нимъ то слезное моленіе о принятіи патріаршества, которое народъ видѣлъ въ соборѣ въ 1652 г. Вмѣсто этого послѣдовали новыя огорченія. Былъ раскрытъ тайный архивъ патріарха въ Москвѣ; крайне этимъ обиженный, Никонъ написалъ царю письмо, въ которомъ рѣзко обличалъ его за такое нарушеніе тайнъ не только частныхъ и государственныхъ, хранившихся въ архивѣ, но и тѣхъ, которыя ввѣрялись ему духовными чадами для облегченія совѣсти, припоминалъ прежнія обиды, жаловался на то, что царь захотѣлъ судить духовный чинъ, чего ему не дано Богомъ. Послѣ этого Алексѣй Михайловичъ, досель все еще сокрушавшійся о томъ, не тяжко ли поступилъ съ своимъ другомъ, самъ прекратилъ всѣ попытки къ сближенію съ нимъ. Скоро Никонъ тяжело почувствовалъ перемѣну своего положенія, свою забытость, отсутствіе прежней широкой и видной дѣятельности, прежней пышной и величественной обстановки. Напрасно онъ думалъ подавить свою внутреннюю бурю суровыми подвигами, даже физическими трудами при постройкѣ Воскресенскаго монастыря. Искушенія патріаршества были сильнѣе его нравственной силы;

онъ сталъ смягчать свое отреченіе, писалъ царю, что сана съ него никто не снималъ, что онъ ушелъ изъ Москвы своею волею. Когда въ 1660 г. въ недѣлю ваій Питиримъ крутицкій совершилъ, бывшее тогда въ употребленіи, хожденіе на осляти, Никонъ писалъ, что этимъ онъ „сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовалъ". Отказываясь воротиться на московскую каѳедру, онъ въ тоже время утверждалъ, что отъ самаго патріаршества онъ не отказался, и настаивалъ на своемъ правѣ избранія и посвященія себѣ преемника. Но при этомъ возникалъ трудный вопросъ, въ какомъ же отношеніи долженъ быть новый патріархъ къ старому; ясно было, что русской церкви грозитъ опасное двоевластіе.

Въ февралѣ 1660 г. для рѣшенія дѣла созванъ былъ соборъ изъ русскихъ и бывшихъ въ Москвѣ греческихъ іерарховъ. Но между русскими іерархами не было человѣка, который бы не имѣлъ личнаго раздраженія противъ властительнаго патріарха Теперь они припомнили ему и его гордое обращеніе съ ними, и то, какъ онъ не хотѣлъ ихъ братіей нарицати, какъ одного изъ нихъ *Павла* коломенскаго, хотя по винѣ (за расколъ), но самовольно, безъ собора, свергнулъ съ каѳедры; обвинили его въ Амановой гордости, въ безумномъ оставленіи престола и осудили на изверженіе изъ сана. Греческіе іерархи вторили русскимъ. Только ученый Епифаній Славенецкій возвысилъ честный голосъ противъ незаконности такого осужденія. Царь оставилъ соборное рѣшеніе безъ исполненія. Съ своей стороны Никонъ громко протестовалъ противъ собора, сравнивалъ его съ соборами на Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и на м. Филиппа. Узнавъ, что Питиримъ запретилъ его поминать въ церквахъ, становился при богослуженіи на патріаршее мѣсто и посвятилъ одного епископа, гнѣвный патріархъ предалъ его анаѳемѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и встревожила самого царя.

Паисій Лигаридъ. Въ это время (1662 г.) пріѣхалъ въ Москву *Паисій Лигаридъ*, митрополитъ газскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ грековъ своего времени, но хитрый интриганъ, жертвовавшій для своихъ интересовъ и долгомъ и совѣстью. Лишенный каѳедры за латинство, онъ скитался по Греціи и Италіи, потомъ въ 1657 г. былъ приглашенъ въ Москву самимъ Никономъ, который очень нуждался въ

образованныхъ людяхъ. По пріѣздѣ въ Москву онъ былъ принятъ очень ласково, какъ знатокъ каноновъ, дорогой человѣкъ въ такое тревожное время, и немедленно присталъ къ выгоднѣйшей сторонѣ враговъ Никона. Стрешневъ далъ ему на обсужденіе разные вопросы касательно поведенія и отношеній патріарха къ царю. Паисій со всею гибкостію своего ума и совѣсти отвѣчалъ на нихъ полнымъ осужденіемъ дѣйствій Никона, осудилъ титло великаго государя, оправдалъ учрежденіе монастырскаго приказа, утвердилъ право епископовъ судить своего патріарха, осуждалъ Никона за то, что онъ жестоко обращался съ духовенствомъ и слишкомъ часто употреблялъ свою святительскую анаѳему. Никону доставили и вопросы и отвѣты. Онъ горячо принялся разбивать и тѣ и другіе, исписалъ большую тетрадь, въ которой съ замѣчательной начитанностію, смѣло и рѣзко высказалъ всѣ свои убѣжденія о власти патріарха и объ отношеніи церкви къ государству; вполнѣ основательныя замѣчанія идутъ здѣсь рядомъ съ запальчивыми выходками противъ Уложенія, монастырскаго приказа, мірскаго суда надъ церковію. Неудержимый человѣкъ не щадилъ ни Одоевскаго, ни Стрешнева, ни Паисія, ни самого царя, дошелъ въ своемъ увлеченіи до замѣчательной близости къ идеямъ папства: „не отъ царей начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давалъ намъ царь правъ, а похитилъ наши права: церковію обладаетъ; весь свящ. чинъ ему работаетъ и оброки даетъ; завладѣлъ онъ церковнымъ судомъ и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ, солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская въ вещахъ міра сего“. Между тѣмъ Паисій составилъ 25 подобныхъ же вопросовъ, на какіе отвѣчалъ самъ для отсылки на судъ патріарховъ; имя Никона въ нихъ не было упомянуто и все дѣло представлено отвлеченно отъ его личности. Отвѣты патріарховъ были противъ Никона. Одинъ *Нектарій* іерусалимскій, хотя и подписался на общемъ свиткѣ, въ отдѣльной граматѣ къ царю умолялъ его помириться съ Никономъ безъ суда.

Дѣло Бобарыкина и Сытина. Но въ то время, какъ Нектарій взывалъ о примиреніи, явились новыя обстоятельства, устранявшія всякую возможность этого примиренія.

Еще въ 1661 г. окольничій *Бобарыкинъ* завладѣлъ вотчиной Воскресенскаго монастыря. Никонъ подалъ на него жалобу, но монастырскій приказъ не обратилъ на нее вниманія. Тогда Никонъ написалъ къ Алексѣю Михайловичу самое обидное письмо объ униженіи церкви мірскою властью. Угрожая за это царю гнѣвомъ Божіимъ, онъ между прочимъ разсказывалъ здѣсь, что не давно видѣлъ видѣніе, будто стоялъ онъ въ Успенскомъ соборѣ, и всѣ почившіе святители, вставъ изъ гробовъ, велѣли ему сказать царю, чтобы не обижалъ церкви, и будто послѣ этого огонь, освѣщавшій соборъ, весь устремился на дворецъ и сожегъ его. Не удовольствовавшись этимъ письмомъ, онъ еще предалъ Бобарыкина анаѳемѣ. Бобарыкинъ донесъ, что патріархъ проклиналъ самого царя: однако ни допросы Никону, ни розыски надъ его людьми не доказали этого обвиненія. Только лишь кончилось это дѣло, какъ началось другое о побояхъ по повелѣнію патріарха крестьянамъ другаго сосѣда воскресенскихъ вотчинъ. *Сытина*. При разбирательствѣ этого дѣла Никонъ между прочимъ рѣшительно высказалъ, что не признаетъ надъ собой суда московскихъ соборовъ, а одинъ только судъ восточныхъ патріарховъ. Послѣ этого царь рѣшилъ пригласить въ Россію патріарховъ. Іерусалимскій *Паисій* и антіохійскій *Макарій* приняли приглашеніе; двое другихъ, константинопольскій и александрійскій, отказались по смутному состоянію дѣлъ въ ихъ собственныхъ областяхъ.

Пріѣздъ Никона въ Москву. Нѣкоторое затишье вражды, наступившее послѣ приглашенія патріарховъ, и частыя сожалѣнія царя о Никонѣ подали одному изъ близкихъ къ Никону бояръ, Зюзину мысль помирить великихъ государей, устроивъ между ними свиданіе. Онъ надѣялся, что свиданіе это снова воскреситъ прежнія чувства царя къ его бывшему другу, и въ этой надеждѣ, не раздумывая долго, написалъ Никону, чтобы внезапно пріѣхалъ въ Москву на праздникъ Петра чудотворца къ утрени прямо въ соборъ и послалъ звать государя на молитву, при этомъ намекалъ, что такова воля самого государя. Никонъ предался горячей молитвѣ и посту, чтобы самъ Господь вразумилъ его, что дѣлать, и вотъ однажды въ тонкомъ снѣ явилось ему видѣніе: онъ въ Успенскомъ соборѣ и всѣ почившіе святители, вставъ изъ гробовъ, подписываютъ свитокъ о вторичномъ возведеніи его на патріаршество... Съ 17 на 18 де-

кабря 1665 г. въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню. Вдругъ часа въ 3 утра во время чтенія второй каѳизмы съ шумомъ растворились двери и явился Никонъ съ толпою монаховъ и съ преднесеніемъ креста, быстро подошелъ къ патріаршему мѣсту, взялъ посохъ м. Петра и сталъ. Монахи пропѣли: „Исполла эти деспота“ и „Достойно“. Раздался знакомый голосъ, повелѣвающій дьякону читать большую эктенію. Приложившись къ мощамъ, патріархъ позвалъ потомъ всѣхъ служившихъ къ благословенію. Растерянное духовенство и митрополитъ ростовскій *Іона*, заступившій мѣсто Питирима, стали подходить къ его рукѣ. 7 лѣтъ отсутствія его изъ Москвы какъ будто небывало; всѣ попрежнему преклонялись предъ могучимъ патріархомъ. Къ царю Никонъ послалъ изъ собора письмо, въ которомъ разсказывалъ о своемъ видѣніи и въ заключеніе писалъ: „пришли мы въ кротости и смиреніи, неся съ собою миръ: хощеши ли самого Христа пріять“? Царь былъ въ такомъ замѣшательствѣ отъ неожиданности, что врагамъ Никона не трудно было повернуть дѣло по своему. Патріарху послано сказать, чтобы ѣхалъ, откуда пріѣхалъ. Взявъ съ собой посохъ м. Петра, онъ вышелъ изъ собора, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. На дорогѣ у него отобрали чудотворцевъ посохъ и допросили о причинѣ пріѣзда. Никонъ выдалъ Зюзина; боярина послѣ нѣсколькихъ допросовъ съ пытками сознался въ винѣ и былъ сосланъ въ Казань. Послѣ этой несчастной поѣздки въ Москву Никонъ сталъ дѣлать уступки, письменно просилъ царя отмѣнить пріѣздъ патріарховъ, соглашался на поставленіе новаго патріарха съ условіемъ, чтобы оставить за нимъ, Никономъ, патріаршее титло, три его монастыря и независимость отъ новаго святителя. Но въ Москвѣ уже рѣшили дожидаться суда патріарховъ. Тогда Никонъ въ видѣ предупрежденія послалъ отъ себя къ *Діонисію* константинопольскому посланіе, въ которомъ откровенно разсказалъ обстоятельства своего удаленія съ каѳедры, безъ всякаго стѣсненія въ выраженіяхъ жаловался на монастырскій приказъ, бояръ, на самого царя, разбранилъ Паисія, какъ еретика, и Стрешнева за его собаку и изложилъ Зюзинское дѣло. Посланіе это было перехвачено и послѣ послужило на судѣ противъ самого же Никона.

Судъ надъ Никономъ. Въ ноябрѣ 1666 г. пріѣхали патріархи; цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ торжествахъ по случаю

ихъ прибытія и совѣщаніяхъ ихъ съ царемъ, властями и боярами, на которыхъ они были ознакомлены съ дѣломъ и, благодаря Паисію Лигариду, достаточно предупреждены противъ подсудимаго. Въ началѣ декабря Никонъ былъ позванъ на первое соборное засѣданіе. Его ночью вывезли изъ монастыря съ такими предосторожностями и тайной, что онъ даже спросилъ, не давить ли его везутъ, какъ м. Филиппа; предъ отъѣздомъ онъ приготовился къ собору причащеніемъ и елеосвященіемъ, что очень обидѣло его судей. Въ кремлевскихъ палатахъ, въ присутствіи царя и бояръ, собрался соборъ изъ греческихъ и русскихъ іерарховъ, какого еще никогда не видала русская церковь; на немъ присутствовали 2 патріарха, 10 митрополитовъ, кромѣ Паисія, который уклонился отъ собора, самъ опасаясь обличенія, 8 архіепископовъ, 5 епископовъ, болѣе 50 архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и множество чернаго и бѣлаго духовенства. Патріархъ явился съ обычной торжественностію, съ преднесеніемъ креста, совершилъ входъ и хотѣлъ было сѣсть на патріаршемъ мѣстѣ, но, не видя его, не сѣлъ съ архіереями, а стоя провелъ все время засѣданія, продолжавшагося около 8 часовъ. Обвинителемъ явился самъ царь. Весь взволнованный, въ слезахъ стоялъ онъ предъ святителями, произнося обвиненія на своего бывшаго друга, жаловался на самовольное его удаленіе, на осмилѣтнюю церковную смуту по его винѣ, отрицалъ всякую вражду къ нему съ своей стороны. Никонъ держалъ себя неуступчиво, не дѣлая ни шагу къ примиренію; на обвиненіе царя отвѣчалъ, что ушелъ отъ царскаго гнѣва, но патріаршества не оставлялъ. Царь представилъ собору перехваченное письмо Никона и жаловался на безчестіе. Никонъ отвѣчалъ, что письмо это онъ написалъ духовно и тайно къ своему брату и не его вина, что написанное тайно сдѣлалось явнымъ. Все время этого и слѣдующихъ засѣданій проведено было въ чтеніи письма; оно возбуждало постоянныя замѣчанія и споры, въ которыхъ разныя лица обвиняли патріарха въ самовластіи, гордости, превышеніи власти, защищали царя, защищались сами и вызывали Никона на рѣзкіе отвѣты. Всѣ опроверженія главныхъ пунктовъ посланія построены были довольно странно и на одинъ ладъ: Никонъ жалуется на то-то, а самъ дѣлалъ вотъ что. Нечего было ожидать Никону добраго отъ патріарховъ, явно угождавшихъ сильной сторонѣ. На второмъ засѣданіи,

когда дѣло дошло до побой Хитрово патріаршему человѣку, антіохійскій патріархъ порѣшилъ, что Хитрово правъ, потому что исполнялъ царскую службу, и при этомъ даже благословилъ его. Особенно крѣпко привязались къ сильнымъ фразамъ письма о неправославіи Паисія, бросавшимъ тѣнь на всю русскую церковь, давшую Лигариду право голоса на своихъ соборахъ и право рукоположенія. Никонъ далъ поводъ и къ другому подобному же обвиненію противъ себя; выведенный изъ терпѣнія, онъ выразилъ сомнѣніе въ достоинствѣ самихъ патріарховъ, судившихъ его, и даже въ православіи греческаго Номоканона, на который ему указывали. „По нуждѣ и дьяволъ истину исповѣдуетъ, сказали патріархи, а Никонъ истины не исповѣдуетъ“.

12 декабря въ патріаршей крестовой соборъ прочиталъ Никону обвинительные пункты, что онъ смутилъ русское царство, вмѣшиваясь въ гражданскія дѣла, самовольно и съ клятвой оставилъ каѳедру, по оставленіи ея самовольно распоряжался въ своихъ монастыряхъ, давалъ имъ гордыя названія Виѳлеема, Голгоѳы, Іерусалима, расхищалъ государственное достояніе, мѣшалъ избранію новаго патріарха, злоупотреблялъ апаѳемой, удаленіемъ своимъ умножилъ соблазны и расколы, двоихъ архіереевъ называлъ Анною и Каіафою, а двоихъ бояръ—Продомъ и Пилатомъ, патріарховъ называлъ безпрестольными, а Номоканонъ—книгой еретической, потому что онъ напечатанъ въ Венеціи, въ письмѣ къ патріарху обвинялъ царя и синклитъ въ латинствѣ, царя называлъ мучителемъ неправедным, уподоблялъ Іеровоаму и Осіи, Павла коломенскаго самовольно низвергъ и предалъ біенію, такъ что тотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, называлъ Паисія еретикомъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ иноковъ и бѣльцовъ мучилъ мірскими казнями, а иныхъ на пыткѣ жегъ. Его объявили лишеннымъ патріаршества и священства съ оставленіемъ только иночества. При снятіи сана Никонъ сказалъ: „Зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь, въ монастырской церкви, тайно, какъ воры? При всемъ народѣ въ соборѣ умоляли меня принять патріаршество; пойдемъ и теперь въ туже великую церковь“. Патріархи сами сняли съ него клобукъ и панагію. „Жемчугъ-то раздѣлите, снова заговорилъ Никонъ. Будетъ вамъ по нѣскольку золотниконъ. Бродяги! Ходите вездѣ за милостыней, чтобы заплатить дань сул-

гану". Послѣ этого его повезли въ Серапонтовъ монастырь. „Никонъ, Никонъ! говорилъ онъ, садясь въ сани. Отъ чего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Давалъ бы ты богатые обѣды и вечерялъ съ ними, не было бы тебѣ этого"...

Заточеніе Никона въ первые годы было очень тяжко. Никонъ впрочемъ самъ отвергалъ всѣ знаки участія къ нему царя и отсылалъ царскіе дары назадъ. Только въ Пасху 1667 г. онъ въ первый разъ принялъ присланное ему вино и пилъ за царское здоровье. Послѣ этого царь немедленно облегчилъ его заточеніе, позволилъ ему выходить изъ монастыря, далъ лучшее содержаніе и особенную церковь. Никона стали почитать въ монастырѣ, какъ патріарха; онъ самъ постоянно употреблялъ этотъ титулъ. Въ Москву даже доносили, что онъ хочетъ бѣжать изъ монастыря и возвратить себѣ патріаршество съ помощію черни. Во время Разинскаго бунта имя его относилось въ рядахъ казаковъ; они имѣли у себя на Волгѣ богатое судно, о которомъ распускали слухи, что на немъ ѣдетъ патріархъ. Слышно было, что къ Никону приходили 3 казака съ какими-то предложеніями. Никона подвергли по этому поводу допросамъ, но ничего противъ него не нашли. Въ 1676 г. царь Алексѣй скончался, оставивъ въ своемъ завѣщаніи моленіе къ Никону о прощеніи и разрѣшеніи. Суровый патріархъ заплакалъ при этой вѣсти, но скрѣпился и не далъ письменнаго разрѣшенія почившему, указалъ даже на страшный судъ, гдѣ они оба будутъ судиться. По смерти царя участь Никона отягчилась. Съ воцареніемъ *Ѳеодора Алексѣевича* палъ боярин *Матвѣевъ*, другъ Никона, потерялъ значеніе благоволившіе къ заточнику *Нарышкины*—родня второй супруги Алексѣя; первенствующее значеніе при дворѣ получили родственники первой супруги покойнаго царя, матери Ѳеодора, *Милославскіе* и *Хитрово*, враги Никона. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Никонъ дурно отзывается о патріархахъ, считаетъ ихъ приговоръ надъ собою незаконнымъ, продолжаетъ называться патріархомъ, допускаетъ жестокости къ окружающимъ его людямъ, его перевели въ Кирилловъ монастырь. Уже подъ конецъ своего царствованія, когда вліяніе Милославскихъ и Хитрово ослабѣло, царь вспомнилъ Никона и по ходатайству своей тетки, царевны *Татьяны*, велѣлъ перевести его въ любимый его Воскресенскій монастырь. Но Воскре-

сенскій монастырь увидалъ только его безлушное тѣло; 75-лѣтній старецъ умеръ на дорогѣ въ 1681 г.

Соборы 1667 и 1675 годовъ. Возвратимся къ собору 1667 г. Осудивъ поведеніе Никона, онъ утвердилъ однако всѣ его церковныя распоряженія, призналъ справедливымъ и его взглядъ на монастырскій приказъ. Было признано, что патріархъ не долженъ носить титула в. государя и вступаться въ мірскія дѣла; но въ тоже время была подтверждена независимость духовенства и всѣхъ людей церковнаго вѣдомства отъ мірскаго суда не только въ гражданскихъ, но даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Этой уступкѣ со стороны государства не мало содѣйствовала личность новаго патріарха, избраннаго на соборѣ, *Іоасафа* II [1], человѣка тихаго и кроткаго, отъ котораго государству нечего было опасаться Никоновскихъ притязаній. Самый духовный судъ соборъ опредѣлилъ поручать духовнымъ же особамъ, а не мірскимъ чиновникамъ архіерейскихъ домовъ. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣлено, чтобы помимо всякихъ привиллегій всѣ монастыри и церкви подчинялись суду своей епархіальной власти. Статьи эти были подтверждены потомъ на соборѣ 1675 г. Монастырскій приказъ былъ закрытъ.

Церковный судъ послѣ московскихъ соборовъ. Но такое возвращеніе къ старому порядку не могло быть прочно, потому что развившееся государство не могло спокойно сносить обособленія изъ своего судебнаго строя цѣлаго вѣдомства, весьма многочисленнаго и владѣвшаго большою поземельною собственностію. Жизнь скоро взяла свое. Не смотря на соборныя постановленія, мірскія власти постоянно вторгались въ церковные суды. Само духовенство предпочитало духовному суду свѣтскій, продолжало подавать свои иски на постороннихъ въ разныхъ приказахъ, а также судиться у воеводъ и городскихъ властей, многіе монастыри судились по старому въ приказѣ большаго дворца. Духовная власть въ гражданскихъ дѣлахъ оказывалась несостоятельною; она не могла ни правильно организовать своихъ судебныхъ учрежденій, ни сдерживать злоупотребленій своихъ приказныхъ органовъ, которые все еще держались ста-

---

[1] Послѣ Никона патріархами были: *Іоасафъ* (1667—1673), *Питиримъ* (въ 1673 г.), *Іоакимъ* (1673—1690) и *Адріанъ*.

ринной системы кормленія отъ дѣлъ и дѣлали возмутительныя злоупотребленія. Въ 1697 и 1698 г. правительство напр. принуждено было послать указы къ сибирскимъ воеводамъ съ порученіемъ охранять земскихъ людей отъ насилій десятинниковъ тобольскаго митрополита. Земскіе люди жаловались на самосудъ духовенства, на то, что въ случаѣ обидъ отъ сильныхъ духовныхъ лицъ и монастырей, наприм. Иверскаго, имъ. государевымъ сиротамъ, нельзя найти ни суда, ни управы. Въ 1689 г. всѣ новгородцы били челомъ п. *Іоакиму*, чтобы духовныхъ лицъ въ гражданскихъ дѣлахъ судили не на митрополичьемъ дворѣ, а въ приказной палатѣ. Патріархъ, отстаивая неподсудность духовенства мірскому суду, пригрозилъ имъ за это судомъ Корея, Даѳана и Авирона. Въ концѣ XVII вѣка наконецъ явилась мысль о разграниченіи церковнаго и мірскаго вѣдомствъ не по лицамъ, какъ было до сихъ поръ, что поддерживало удѣльное положеніе церкви и отдавало церковному суду множество чисто мірскихъ дѣлъ, а по предметамъ, чтобы государственный судъ вѣдалъ мірскія дѣла и между духовными людьми. Когда при Петрѣ Великомъ стало составляться новое уложеніе, п. *Адріанъ* въ 1700 г. велѣлъ составить „Статьи о святительскихъ судахъ", въ которыхъ были собраны всѣ права русской церкви, начиная съ Номоканона, княжескихъ уставовъ и ярлыковъ; въ заключеніе этихъ статей патріархъ умолялъ правительство помнить всѣ эти права и не отступать отъ преданій старины. Это былъ послѣдній голосъ въ защиту стараго церковнаго суда.

Отношеніе государства къ церковнымъ имуществамъ. Правила Уложенія объ уничтоженіи нѣкоторыхъ привиллегій церковныхъ вотчинниковъ, особенно безпошлинныхъ промысловъ и торговъ, и запрещеніе увеличивать церковныя вотчины остались во всей силѣ. Въ этомъ случаѣ государство не дѣлало уступокъ, потому что давно тяготилось развитіемъ церковныхъ вотчинъ. По счету Котошихина (въ Описаніи Россіи) во владѣніи церкви было 118,000 дворовъ; иностранцы считали за нею даже цѣлую треть всей государственной территоріи. Стараясь извлечь, какъ можно, болѣе пользы изъ духовныхъ вотчинъ безъ особенно замѣтнаго нарушенія ихъ льготъ, правительство увеличивало съ нихъ тѣ сборы, какіе онѣ несли на ряду съ другими, стрѣлецкіе, полоняничные, ямскіе и др. Кромѣ того, на осно-

ваніи испоконнаго благотворительнаго назначенія церковныхъ богатствъ, государство посылало въ монастыри для прокормленія престарѣлыхъ и раненыхъ служилыхъ людей, даже ихъ вдовъ и сиротъ. Въ 1676 г. положено было увеличить патріаршія богадѣльни и содержать въ нихъ 412 человѣкъ; всѣ церкви обязаны были доставлять на содержаніе ихъ по гривнѣ въ годъ. Соборъ 1681 года, по предложенію царя, опредѣлилъ разобрать по городамъ нищихъ и тѣхъ, которые не могутъ прокармливаться своими трудами, всѣхъ размѣстить по церковнымъ богадѣльнямъ и больницамъ. Вслѣдствіе своего важнаго государственнаго значенія церковныя вотчины давно уже подпали подъ контроль государства, выражавшійся въ повѣркѣ ихъ приходовъ и расходовъ приказомъ б. дворца. При царѣ Ѳеодорѣ вышло распоряженіе произвести подробную перепись церковныхъ имѣній, которая могла бы быть надежной основой какъ для опредѣленія количества сборовъ съ церковнаго вѣдомства, такъ и для государственнаго контроля надъ его экономіей. Усиленіемъ этого контроля начались потомъ и реформы Петра относительно церковныхъ вотчинъ.

Епархіальное управленіе. Въ епархіальномъ управленіи въ XVII в. замѣчательно умноженіе архіерейскихъ каѳедръ. Еще при учрежденіи патріаршества, какъ мы видѣли, предполагалось открыть нѣсколько новыхъ каѳедръ. Предположеніе это не осуществлялось въ теченіи всей первой половины XVII в. При Алексѣѣ Михаиловичѣ въ 1663 г. съ согласія царя Никонъ открылъ епархію вятскую и великопермскую, а въ 1672 г. для лучшаго противодѣйствія расколу открыта епархія нижегородская. На соборѣ 1667 г. патріархи предлагали открыть въ Россіи 19 новыхъ епархій, а соборъ 1682 г., предполагалъ раздѣлить русскую церковь на 13 митрополій, 6 архіепископій и 49 епископій; но по недостатку средствъ на содержаніе столькихъ каѳедръ дѣло ограничилось открытіемъ только архіепископій устюжской и холмогорской и епископій воронежской и тамбовской. Кромѣ того, на томъ и другомъ соборѣ поднимался вопросъ объ іерархическомъ подчиненіи архіереевъ митрополитамъ, но рѣшенъ былъ отрицательно, дабы не явились въ архіерейскомъ чинѣ распри и превозношеніе.— Въ концѣ XVII в. было 12 митрополій, 5 архіепископій и 3 епископіи.

Состояніе духовенства. Возвышеніе власти и значенія высшей іерархіи, какое видимъ при Филаретѣ и Никонѣ, по настоящему должно было бы возвысить положеніе всего вообще духовнаго чина. На самомъ дѣлѣ этого не видимъ. При тягловомъ строѣ церковной администраціи возвышеніе высшей іерархіи вело только къ большему приниженію низшаго духовенства. Особенно сильныя жалобы послышались со стороны духовенства на великое государствованіе Никона. Московскіе священники подали государю челобитную, въ которой писали, что патріархъ окружилъ себя недоступностію и страхомъ, уничтожилъ прежнее благодушное обхожденіе патріарховъ съ духовенствомъ, дворъ свой устроилъ такъ, что и къ воротамъ приблизиться страшно, священники къ благословенію подойти не смѣютъ, не только что вопросить о недовѣдомыхъ вещахъ, все духовенство поэтому отдано на жертву алчному дьяку *Кокошилову*. Послышались жалобы на тяжесть наказаній виновнымъ священникамъ, цѣпи, тюрьмы, батоги, ссылки по отдаленнымъ монастырямъ. Являясь на архіерейскій дворъ, духовное лице должно было прежде, чѣмъ дойдетъ до архіерея, одарить болѣе 40 человѣкъ, — казначея, дьяковъ, подъячихъ, дворецкаго, ключника, келейниковъ, воротнаго сторожа, іеромонаховъ и проч.; для виновнаго духовенства употреблялись жестокіе способы „смиренія“, за которые епископъ коломенскій *Іосифъ* подпалъ даже суду. Выборныя власти, поповскіе старосты, мало имѣли значенія въ епархіальной администраціи. Архіереи довѣряли больше своимъ приказнымъ органамъ. П. Іоасафъ II надъ самими поповскими старостами поставилъ свѣтскаго тіуна. Право духовнаго суда исключительно принадлежало приказнымъ лицамъ, и притомъ до опредѣленія собора 1667 г. лицамъ не духовнаго чина, а свѣтскимъ. Таже челобитная московскаго духовенства выразительно изображаетъ и крайнее *гражданское униженіе* духовнаго чина; безчестье священниковъ, сказано здѣсь, оцѣнено законодательствомъ въ 5 рублей на ряду съ безчестьемъ черемисину и мордвину и убійствомъ собаки: „и нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога,—бей попа, что собаку, да кинь 5 рублевъ“.

Матеріальное благосостояніе духовенства страдало отъ увеличенія съ него разныхъ государственныхъ сборовъ по случаю напр. войнъ. Запасы и лошади на войско собирались даже съ церковныхъ земель. Сборы въ патріаршую

казну и на архіереевъ увеличились вслѣдствіе того, что со введеніемъ патріаршества для іерархіи потребовалось больше благолѣпія и больше расходовъ. При Никонѣ и Іоакимѣ для облегченія тяглаго духовенства сдѣланы были распоряженія о введеніи по этимъ сборамъ во всѣхъ епархіяхъ однообразныхъ окладовъ по образцу патріаршей епархіи; этимъ устранялся произволъ епархіальной власти въ назначеніи количества сборовъ; но зато самые оклады, опредѣленные теперь высшею властію, сравнительно съ прежними были значительно возвышены. Между тѣмъ доходы духовенства не только не увеличивались, но еще значительно уменьшались вслѣдствіе быстраго его размноженія и дробленія приходовъ. Наприм. на 400 душъ прихода приходилось иногда до 7 священниковъ съ множествомъ другихъ членовъ клира, ихъ дѣтей, племянниковъ и другихъ родственниковъ, которые тоже кормились отъ прихода. Духовенства такъ было много, что ему даже некуда было дѣваться; дѣти его всѣми мѣрами стремились занять церковныя мѣста, обманывали архіереевъ, подкупали прихожанъ и втирались въ такіе приходы, гдѣ не было никакой нужды въ новыхъ членахъ клира. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство вздумало было сократить число поповичей, стало ихъ брать въ военную службу и тягло, но скоро отступилось отъ этой мѣры. При множествѣ кандидатовъ на церковныя мѣста приходы получили возможность во время выборовъ новыхъ членовъ клира развернуть всю свою разсчетливость, принимали только такихъ, которые сговаривались на меньшее количество земли или руги. Изъ жалобы псковскаго митрополита *Маркелла* въ концѣ XVII в. видимъ, что по милости этой разсчетливости приходскія мѣста наполнялись людьми недостойными, такъ какъ хорошимъ священникамъ, которые не соглашались на малую ругу, прихожане отказывали, что бѣдные попы были у прихожанъ вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего не смѣли. Нѣкоторымъ (очень немногимъ) церквамъ правительство по прежнему давало свою собственную ругу. Въ 1620-хъ годахъ, при переписи государства велѣно было отводить къ церквамъ писцовыя земли (10—20 четей въ полѣ), но эти земли отведены были лишь къ очень немногимъ церквамъ. Въ 1680-хъ гг. при новой переписи государства распоряженіе это было повторено; на этотъ разъ писцовыя земли отмежеваны къ большему числу церквей, чѣмъ прежде, но

большинство церквей все-таки осталось безъ земель и послѣ этого.

Съ умноженіемъ духовенства все болѣе и болѣе затруднялось вступленіе въ него для посторонних людей и развивалось его сословное значеніе. Соборъ 1667 г. замѣтилъ, что церкви переходили по наслѣдству отъ отцевъ къ дѣтямъ вмѣстѣ съ домовымъ строеніемъ духовенства на погостѣ, какъ частная собственность; доходило до того, что у кого не было дѣтей, тотъ продавалъ свое мѣсто при церкви чужимъ. Соборъ строго возсталъ противъ такого корчемства церквами и хозяйственнаго взгляда духовныхъ лицъ на свои мѣста, какъ на свое имѣнье, обратилъ вниманіе на образованіе духовенства, на выборъ достойныхъ ставленниковъ, на нравственность духовенства и на исполненіе пастырями долга учительства. По случаю появленія раскола и развитія вредныхъ для церкви западныхъ вліяній, въ тогдашнее время чувствовалась особенная нужда въ достойномъ бѣломъ духовенствѣ, такъ какъ безъ него іерархія, не имѣя непосредственнаго вліянія на народную массу, оказывалась совершенно безсильною. Не удовлетворяясь его современнымъ состояніемъ, и соборы, и іерархи, и правительство стали горячо обличать его въ невѣжествѣ и недостаткахъ нравственной жизни; рѣзкость этихъ обличеній была соразмѣрна современной нуждѣ и превосходила даже рѣзкость тѣхъ отзывовъ, какіе дѣлали о духовенствѣ иностранцы; таковы напр. слова собора 1667 г., что въ священство поставляются „невѣжды, которые ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“. Вслѣдствіе своей необразованности, упадка нравственной силы и обрядоваго развитія самого общественнаго благочестія священникъ вовсе терялъ свое пастырское, нравственно-воспитательное значеніе для пасомыхъ и оставался только съ значеніемъ обрядовымъ, какъ совершитель требъ. Отъ того онъ не былъ отечески привязанъ къ приходу, могъ всегда оставить свою церковь, къ которой его наняли, перейти къ другой церкви, гдѣ было лучше, или встать на крестецъ. Число *бродячаго и крестцоваго духовенства*, которое такъ безпокоило іерархію еще въ XVI в., все возрастало. Крестцовое духовенство производило большой соблазнъ въ самой Москвѣ; одинъ тіунъ наприм. доносилъ п. Іову, что попы, становясь на крестцахъ, ругались, дрались между собою въ кулачки, служили божественную службу не истрезвясь. Соборы 1667

и 1681 гг. положили установить строгое наблюденіе за всѣми перехожими и крестцовыми попами, досматривать у нихъ граматы, смотрѣть, не вѣнчаютъ ли они незаконныхъ браковъ, не содѣйствуютъ ли расколу и проч. Самымъ полезнымъ распоряженіемъ къ уменьшенію числа безмѣстнаго духовенства было распоряженіе собора 1667 г. объ отмѣнѣ вдовымъ священнослужителямъ стариннаго запрещенія службы. Кромѣ того московскіе соборы старались еще ограничить домовое богослуженіе у частныхъ лицъ, которымъ всего болѣе кормилось крестцовое духовенство; домовыхъ поповъ дозволено было держать только великимъ людямъ съ благословенія архіерейскаго.

Духовенство монашествующее. Обличенія коснулись и духовенства монашествующаго. Особенное вниманіе правительства обратило на себя чрезвычайное размноженіе монастырей. Въ теченіе XVII в. явилось свыше 220 новыхъ обителей; понятно, какъ должна была ослабѣть отъ этого внутренняя сила монашеской жизни. Оказывалось, что многіе монастыри возникали единственно по личному благочестію ихъ основателей безъ особенной въ нихъ нужды и были очень малолюдны; ихъ цѣлыми десятками приписывали къ большимъ монастырямъ или архіер. домамъ. Во второй половинѣ XVII в. такіе монастыри, особенно лѣсные скиты дѣлались вредными притонами раскола; поэтому соборъ 1681 г. вовсе запретилъ заводить ихъ, а выстроенные прежде велѣлъ упразднять и сводить въ большіе общежительные монастыри. Кромѣ того соборы 1667 и 1681 гг. старались ограничить излишнюю свободу постриженія въ монашество, потому что замѣтили въ монастыряхъ много монаховъ, которые постригались не ради спасенія, а ради тунеядства, убѣгая отъ тягла и службы. Такъ какъ многіе постригались въ мірскихъ домахъ отъ разныхъ бродячихъ чернецовъ безъ разрѣшенія духовной власти, то соборы постановили совершать постриженіе только въ монастыряхъ и послѣ строгаго законнаго искуса; запрещено постригать мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей. Кромѣ того соборы вооружились противъ бродяжничества монаховъ, пребыванія ихъ въ мірскихъ домахъ и собиранія милостыни по улицамъ; всѣхъ такихъ монаховъ и монахинь велѣно было ловить и заключать въ особо отведенные на то монастыри для исправленія. Для поддержанія монастырской нравственности по монастырямъ посылались царскія и свя-

тительскія грамоты съ обличеніемъ нестроеній; изъ нихъ узнаемъ, что даже въ такихъ монастыряхъ, какъ Соловецкій, Троицкій и др., многія статьи пришли въ разстройство. Дурные монахи не слушались ни игумена, ни устава, келаря и казначеевъ нарочно выбирали потаковниковъ, а добрыхъ старцевъ не выбирали ни въ какія должности. Въ монастыряхъ постоянно проживали разные міряне, родня настоятелей и монаховъ, съ своей стороны и монахи, даже монахини въ большомъ числѣ проживали въ мірскихъ домахъ у родственниковъ и сердоболей или въ кельяхъ около приходскихъ церквей. Нѣкоторые монастыри, даже женскіе, построены были среди мірскаго строенія и изъ домовъ въ нихъ подѣланы были ходы, которыми монашествующіе и міряне сообщались между собою днемъ и ночью. Соборъ 1681 г. опредѣлилъ устранить всѣ эти безпорядки; монахинямъ не велѣно вступаться даже въ управленіе своими вотчинами, а велѣно держать для этого довѣренныхъ людей.

Расширеніе предѣловъ московскаго патріаршества.

Вредное вліяніе смутнаго времени на распространеніе христіанства. Волненія смутнаго времени сильно задержали успѣхи христіанства между инородцами, особенно на западѣ. По *Столбовскому* миру (1617 г.) Россія потеряла значительную часть новгородской области, именно Ингрію и Карелію, которыя остались за Швеціей. Православіе много пострадало въ этомъ краѣ еще раньше; постоянно двигавшіяся здѣсь въ смутное время шведскія войска раззоряли города, церкви и монастыри. Разрушены были обители Коневская и Валаамская; иноки ихъ спасли только мощи пр. Сергія и Германа и разошлись по разнымъ монастырямъ. Шведское правительство оказывало довольно терпимости къ православію, но, разумѣется, не могло не заботиться и о распространеніи въ этомъ краѣ протестантства, заставляло пасторовъ говорить на русскомъ языкѣ проповѣди, издавало русскіе переводы лютеранскихъ катихизисовъ и др. религіозныхъ книгъ. Цѣлыя тысячи православныхъ обращались въ протестантство, особенно въ Ингріи.—Но зато во второй половинѣ XVII в. русская церковь утѣшена была важнымъ пріобрѣтеніемъ,—присоединеніемъ къ ней давно отдѣлившейся отъ нея кіевской митрополіи.

Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Въ западной Россіи съ самаго начала царствованія Алексѣя шло возстаніе противъ польскаго владычества подъ предводительствомъ гетмана *Богдана Хмельницкаго.* Казаки и гайдамаки истребляли пановъ, ксендзовъ и жидовъ, разбивали костёлы, ругались даже надъ трупами, вырываемыми на католическихъ кладбищахъ. Для успокоенія этого страшнаго возстанія по Зборовскому трактату 1648 г. поляки обѣщали православнымъ важныя права: митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ, города, гдѣ есть православныя школы, освободить отъ пребыванія іезуитовъ, обѣщались также подумать объ уничтоженіи въ украйнѣ уніи. Но когда волненіе успокоилось, всѣ эти обѣщанія были забыты. Второе возстаніе Хмельницкаго кончилось неудачно и въ новомъ трактатѣ объ уніи и правахъ митрополита уже не было помину; вся западная Россія очутилась въ прежнемъ положеніи. Тогда цѣлыя тысячи переселенцевъ устремились на востокъ въ московское государство. Туда же наконецъ обратился и самъ Хмельницкій, и въ 1654 г. Малороссія присягнула на подданство царю московскому. Во время послѣдовавшей за тѣмъ войны Россіи съ Польшей русскія войска въ нѣсколько мѣсяцевъ взяли Смоленскъ, Минскъ, Вильну, Ковну, Гродну, Полоцкъ и др., болѣе 20 городовъ. По перемирію 1655 г. Польша должна была уступить Россіи всю Малороссію и Бѣлоруссію и обѣщала православнымъ въ остальныхъ областяхъ своихъ свободу вѣры. Съ присоединеніемъ Малороссіи въ Москвѣ возникла отрадная надежда на то, что вслѣдъ за этимъ должны будутъ соединиться между собою и обѣ доселѣ раздѣленныя половины единой русской церкви; и. Никонъ титуловался уже патріархомъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Но послѣдствія долго не оправдывали этой надежды.

Вопросъ о подчиненіи западно-русской іерархіи московскому патріарху. Въ вопросѣ о своемъ подчиненіи Москвѣ западная Русь раздѣлялась на партіи. Народная масса, города и простые казаки всегда стремились подъ царя православнаго: имъ сочувствовало бѣлое духовенство. Но шляхетство и казацкая старшина тянули къ шляхетской Польшѣ; этой партіи сочувствовало высшее духовенство, получавшее большею частію польско-іезуитское образованіе и разсчитывавшее, что номинальная зависимость отъ константинопольскаго патріарха для него выгоднѣе дѣйствительной зави-

симости отъ патріарха московскаго. Митрополитъ кіевскій *Сильвестръ Коссовъ* долго не изъявлялъ покорности царю и патріарху, оттоваривaясь страхомъ польской мести. Въ 1654 г. онъ посылалъ въ Москву игумена *Иннокентія Гизеля* хлопотать, чтобы малороссійская іерархія была попрежнему оставлена въ вѣдомствѣ греческаго патріарха. Нѣтъ сомнѣнія, что энергичный Никонъ скоро успѣлъ бы подчинить себѣ западно-русскую церковь; но вліяніе его ослабѣло какъ разъ въ то самое время, когда особенно было нужно. Преемникъ Сильвестра (съ 1657 г.). *Діонисій Балабанъ* рѣшительно отказался принять посвященіе въ Москвѣ и явно тянулъ къ Польшѣ, приверженцемъ которой былъ и гетманъ *Выговскій*. Скоро оба они совсѣмъ измѣнили царю и перешли въ польское подданство. До посвященія, на мѣсто Діонисія, новаго митрополита для управленія западно-русскою церковію въ Москвѣ положили назначить пока намѣстника. Съ согласія царя Питиримъ (управлявшій патріаршествомъ) опредѣлилъ на эту должность извѣстнаго царю нѣжинскаго протопопа *Максима Филимонова*, посвятивъ его (1661 г.) подъ именемъ *Меѳодія* въ епископа мстиславскаго. Но его намѣстничество не было признано ни греческимъ патріархомъ, ни многими западными іерархами. Много повредилъ Меѳодію и Никонъ, наложивъ за его посвященіе анаѳему на Питирима.

Послѣ измѣны Выговскаго Малороссія раздѣлилась на двѣ половины, польскую за Днѣпромъ и русскую по сю сторону Днѣпра; пошли междоусобія и измѣны гетмановъ. Общая смута отозвалась и на церковныхъ дѣлахъ. Послѣ смерти Діонисія въ 1663 г. митрополитомъ былъ избранъ извѣстный своими страданіями за православіе могилевскій епископъ *Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій*; но на польской сторонѣ Днѣпра выбрали другаго митрополита *Антонія* перемышльскаго Въ слѣдующемъ же году Іосифъ попался въ плѣнъ къ полякамъ и 2 года томился въ тюрьмѣ; вмѣсто него на восточной сторонѣ продолжалъ управлять церковными дѣлами Меѳодій котораго поддерживалъ преданный Москвѣ гетманъ *Брюховецкій*. Но, войдя во вкусъ независимой іерархической власти, и Меѳодій сталъ теперь на сторонѣ польско-шляхетской партіи, не смотря на то, что всѣмъ своимъ значеніемъ обязанъ былъ Москвѣ. Когда гетманъ сталъ хлопотать о присылкѣ настоящаго митрополита изъ Москвы, Меѳодій вмѣстѣ съ Иннокентіемъ Гизе-

лемъ, который былъ теперь печерскимъ архимандритомъ, и съ другими лицами изъ монашествующаго духовенства рѣшительно объявили, что какъ скоро изъ Москвы пріѣдетъ митрополитъ, всѣ архіереи и архимандриты запрутся въ своихъ монастыряхъ, и развѣ ихъ за ноги оттуда выволокутъ, тогда только въ Кіевѣ будетъ московскій митрополитъ. Гетманъ и Меѳодій сильно разошлись на этомъ пунктѣ и стали слать другъ на друга доносы въ Москву. Немудрено, что Меѳодія очень дурно приняли въ Москвѣ, когда онъ ѣздилъ туда на соборъ 1667 г. Послѣ этого, возвратясь въ Малороссію, онъ сталъ поднимать противъ Москвы всѣхъ, кого могъ. Въ этомъ много помогло ему распространившееся тогда по Малороссіи недовольство Москвой за *Андрусовскій* миръ, по которому Россія уступила полякамъ всѣ свои литовскія завоеванія и всю заднѣпровскую Малороссію, оставивъ за собой только Кіевъ, и то на 2 года. Гетманъ заднѣпровья *Дорошенко* поддался Турціи, чтобы съ ея помощью освободиться отъ польской неволи, какъ прежде Хмельницкій освободился съ помощью Москвы. Турецкая партія, во главѣ которой онъ стоялъ, усилилась и на восточной сторонѣ, такъ какъ прошелъ слухъ, что царь и остальную Малороссію хочетъ отдать подъ унію и короля. Къ ней пристали самъ Меѳодій съ Брюховецкимъ; первому Дорошенко сулилъ независимую митрополію, а послѣднему—гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Но лишь только Брюховецкій измѣнилъ, промѣнявъ царя на султана, какъ Дорошенко убилъ его, желая самъ остаться гетманомъ надъ обѣими сторонами. Обманулъ онъ и Меѳодія. Еще раньше этого онъ освободилъ изъ плѣна Іосифа Тукальскаго. Послѣдній немедленно сналъ съ Меѳодія санъ и приговорилъ его къ заточенію. Меѳодій было бѣжалъ въ Москву, но и здѣсь подвергся заточенію за измѣну.

На восточной сторонѣ Днѣпра однако не хотѣли повиноваться Іосифу; всѣми церковными дѣлами управлялъ здѣсь вмѣсто Меѳодія старшій изъ епископовъ *Лазарь Барановичъ* черниговскій. Не смотря на то, что константинопольскій патріархъ единственнымъ законнымъ митрополитомъ Кіева считалъ Іосифа, послѣдній, по своему нежеланію подчиниться Москвѣ и постоянной связи съ турецкой партіей, никакъ не могъ явиться въ Кіевъ и долженъ былъ оставаться до самой своей смерти (1676 г.) при Дорошенкѣ въ Чигиринѣ. Со смертью его церковное управленіе перешло

въ руки Лазаря уже на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, такъ какъ и въ государственномъ отношеніи обѣ стороны тоже соединились подъ булавой одного гетмана *Самойловича*. Въ 1686 г. Россія заключила съ Польшей вѣчный миръ, по которому закрѣпила за собой восточную Малороссію съ Кіевомъ; въ другихъ русскихъ областяхъ, оставшихся за Польшей, поляки обязались дать православнымъ свободу вѣры и возвратить православныя епархіи: луцкую, львовскую, перемышльскую и могилевскую Теперь только приступлено было наконецъ къ избранію митрополита. Первыми кандидатами на митрополію были Лазарь и печерскій архимандритъ *Варлаамъ Ясинскій*. Но ни тотъ, ни другой не хотѣли ѣхать на поставленіе въ Москву. Поэтому, обойдя ихъ обоихъ, п. Іоакимъ поставилъ въ митрополиты луцкаго епископа *Гедеона Четвертинскаго* (изъ князей Четвертинскихъ). Лазарь и Варлаамъ и теперь протестовали противъ іерархическаго подчиненія Кіева Москвѣ, объявивъ поставленіе Гедеона незаконнымъ. Но константинопольскій патріархъ, послѣ соборнаго совѣщанія съ другими патріархами, въ 1687 г. самъ согласился признать зависимость кіевской митрополіи отъ московскаго патріаршества. Такимъ образомъ кончилось раздѣленіе русской церкви, продолжавшееся со времени Витовта около двухъ съ половиной столѣтій.—Единство ея однако возстановилось невполнѣ; отъ нея остались отторгнутыми литовскія области и Галиція, очутившіяся теперь въ самомъ жалкомъ положеніи. Потерявъ свою прежнюю поддержку въ Малороссіи, онѣ остались совершенно одинокими и безпомощными и подвергнулись всѣмъ ужасамъ католическаго и уніатскаго фанатизма.

Распространеніе христіанства. На востокѣ церковь успѣшно пріобрѣтала себѣ новыхъ чадъ. Правительство содѣйствовало ей въ этомъ своими матеріальными средствами и льготами обращавшимся инородцамъ. Въ Сибири казаки продолжали покарять новыя земли; по ихъ слѣдамъ вездѣ возникали русскіе города и селенія съ храмами и монастырями. Въ 1605—1615 гг. возникли монастыри въ Тобольскѣ, Березовѣ, Верхотурьи и Тюмени. Для большихъ успѣховъ св. вѣры въ 1620 г. для Сибири открыта была новая епархія въ Тобольскѣ. Первымъ архіепископомъ ея былъ *Кипріанъ* (изъ игуменовъ Хутынскаго монастыря); онъ много заботился объ исправленіи дурной нравственности русскихъ поселенцевъ въ Сибири, а для скорѣйшаго

просвѣщенія вѣрою дикихъ туземцевъ старался умножать по своей епархіи церкви и монастыри. Имъ основаны новыя обители въ Невьянскѣ, Тагилѣ, Тарѣ, Томскѣ, Туринскѣ, Туруханскѣ и на р. Нейвѣ. Въ 1625 г. онъ былъ переведенъ на Крутицкую епархію. Въ 1644 г. старецъ *Далматъ* (изъ невьянскаго монастыря) основалъ на р. Исети Далматовскій монастырь, сдѣлавшійся потомъ средоточіемъ христіанскаго просвѣщенія для огромнаго округа возникшихъ около него русскихъ и инородческихъ поселеній. Въ 1653 г. возникъ другой извѣстный просвѣтительнымъ вліяніемъ монастырь въ остяцкомъ краѣ,—Кондскій. Съ половины XVII в. казаки стали покарять южную Сибирь; дружины *Хабарова* проникли за Яблоновый хребетъ на р. Амуръ. Въ крѣпости *Албазинѣ* явилась приходская церковь, а въ 1671 г. іеромонахъ *Гермогенъ* основалъ здѣсь монастырь. Въ 1681 г. сибирскій м. *Павелъ* отправилъ туда проповѣдниками игумена *Ѳеодосія* и нѣсколько монаховъ; для распространенія вѣры велѣно устроить монастырь въ *Селенгинскѣ*. Соборъ 1681 г. положилъ послать искусныхъ духовныхъ людей въ *Дауры* на р. Лену Съ 1660 по 1672 г. по восточной Сибири возникли обители въ *Якутскѣ*, *Киренскѣ* и *Иркутскѣ*. Въ 1689 г. весь амурскій край былъ уступленъ Китаю; Албазинъ срытъ, и христіанская вѣра перестала здѣсь существовать, но за то проникла въ самый Китай. Нѣсколько русскихъ плѣнныхъ были поселены въ Пекинѣ въ особой слободѣ подъ именемъ русской роты съ дозволеніемъ имѣть у себя церковь. Въ 1695 г. тобольскій митрополитъ *Игнатій* послалъ къ нимъ священника и дьякона съ антиминсомъ, муромъ, церковными книгами и утварью. Изъ донесенія его посланныхъ узнаемъ, что китайцы бывали въ русскомъ храмѣ и трое изъ нихъ крестились.

Продолжались попеченія русской церкви и о другой отдаленной украинѣ государства—*Прикавказьи*. Мы видѣли, что еще при Грозномъ Грузія просилась въ русское подданство. Но русскимъ трудно было удержаться здѣсь при сомнительной вѣрности мѣстныхъ владѣльцевъ. Въ началѣ XVII в. персидскій шахъ Аббасъ овладѣлъ всею Грузіей и разорилъ въ ней всѣ церкви. Въ 1619 г. царь Кахетіи, Карталиніи и Имеретіи *Теймуразъ* снова предложилъ подданство царю Михаилу Ѳеодоровичу; просьба его была исполнена; Персія на время была удержана отъ войны мирными переговорами. Вскорѣ (1626 г.) шахъ прислалъ п.

Филарету въ знакъ своей дружбы къ нему *ризу Господню*, которая была нѣкогда взята изъ Грузіи, какъ военная добыча; патріархъ установилъ въ честь ея праздникъ. Но потомъ персіяне отняли у Теймураза всѣ его владѣнія, кромѣ Кахетіи, и стали истреблять въ нихъ прав. вѣру. Въ 1650 г. имеретинскій царь *Александръ* снова принялъ русское подданство. Не смотря на гнѣвъ шаха, Имеретія и Кахетія остались за Россіей. Царь грузинскій Теймуразъ, какъ мы знаемъ, самъ былъ въ Москвѣ для присяги на подданство. Послѣ паденія Никона дѣло о защитѣ грузинской церкви остановилось. Попеченія Россіи ограничились лишь помощью въ устроеніи богослужебнаго порядка въ Грузіи и радушнымъ пріемомъ грузинскихъ эмигрантовъ.

Въ самой Россіи оставалось еще обширное поприще для христіанской миссіи среди инородцевъ. Въ половинѣ XVII в. въ приволжскомъ краѣ произошелъ приливъ новыхъ инородческихъ силъ чрезъ переселеніе къ Волгѣ калмыцкихъ ордъ изъ степей Азіи. Разинскій бунтъ едва было не погубилъ здѣсь и тѣхъ слабыхъ начатковъ христіанства, какіе были насаждены прежде. Разинъ обѣщалъ инородцамъ свободу вѣры и весь край, ожесточенный насиліями приказныхъ людей, совершавшимися иногда подъ прикрытіемъ религіозной ревности, пришелъ въ волненіе очень опасное для вѣры. Торжество государства надъ бунтомъ было вмѣстѣ и торжествомъ церкви. Въ концѣ XVII в. правительство узнало, что разные татарскіе мурзы, имѣя въ своихъ помѣстьяхъ христіанъ, принуждали ихъ къ магометанству, и распорядилось такія помѣстья съ христіанскимъ населеніемъ у нихъ отписать, испомѣстивъ ихъ за то землями мордвы и др. инородцевъ.—Гораздо успѣшнѣе шло дѣло миссіи между мордвой и татарами рязанскаго и тамбовскаго края, гдѣ въ половинѣ XVII в. явился замѣчательный дѣятель,—архіепископъ рязанскій *Мисаилъ*. Въ 1654 г. онъ началъ свои поѣздки по епархіи для крещенія татаръ и мордвы въ Касимовѣ, Шацкѣ, Тамбовѣ и ихъ уѣздахъ. Въ Касимовѣ крестились два царевича, касимовскій и сибирскій; въ шацкомъ и тамбовскомъ уѣздахъ крещено было 4200 человѣкъ татаръ и мордвы; къ православію присоединялись иногда цѣлыя селенія заразъ. Въ 1656 г. святитель отправился во второе путешествіе; на этотъ разъ онъ встрѣтилъ себѣ упорное противодѣйствіе магометанъ и язычниковъ, но съ помощью гражданской власти успѣлъ

обратить еще множество мордвы и татаръ. Во время третьей поѣздки мордва застрѣлила его стрѣлами около села Конобѣева. Кровь святителя была новымъ сѣменемъ христіанства; слѣдствіе по этому убійству до того напугало и мордву и татаръ, что они начали креститься въ необыкновенномъ множествѣ.

Состояніе религіозности, церковныя исправленія и расколъ

Для искорененія *остатковъ язычества* и *религіозныхъ суевѣрій*, господствовавшихъ въ средѣ самого русскаго общества, духовное и свѣтское правительства разсылали граматы, которыми воспрещалось кликать коледу и усень, праздновать купалу, скакать черезъ костры, заниматься бѣсовскими пѣснями и играми, качаться на качеляхъ, принимать скомороховъ, гадать по новой лунѣ, во время грома купаться въ водѣ, умываться съ серебра, въ Пасху скакать на доскахъ, въ святки переряживаться и гадать, загадки загадывать и сказки сказывать небылыя; запрещались безчинія, грязные обычаи и сквернословіе на свадьбахъ; не велѣно держать въ домахъ домры, сурны, гудки, хари и всякіе бѣсовскіе сосуды Правительство постоянно вооружалось противъ народнаго разгула, который дѣлалъ православные праздники днями пьянства, безчиній, дракъ и даже убійствъ. За недостаткомъ другихъ, болѣе благородныхъ способовъ занять праздничное время, пьянство по праздникамъ было не рѣдкостью не только въ простомъ народѣ, но и въ знатныхъ домахъ, даже въ самомъ дворцѣ. Въ воззваніяхъ противъ остатковъ язычества мы уже не встрѣчаемъ упоминовенія старыхъ божествъ, кромѣ Рожаницъ, Купалы и Ярилы, но языческій складъ мыслей и теперь еще хранился во всей свѣжести. Въ явленіяхъ природы видѣли таинственныя силы разныхъ лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ, кикиморъ и другихъ миѳическихъ существъ. Не только въ народныхъ сказаніяхъ, но и въ книжной письменности господствовали разсказы о необычайной, таинственной силѣ разныхъ предметовъ природы. На такой полуязыческой точкѣ зрѣнія стоятъ всѣ эти сказанія о животныхъ, о камняхъ, травники, лечебники, сборники примѣтъ и заговоровъ, книги астрологическія, гадальныя и др., которыя давно уже были отречены церковію, но которыми пробавлялись еще всѣ книжные люди.

Большая часть сборниковъ и рукописей старинныхъ библіотекъ наполнены статьями именно такого апокрифическаго и полуязыческаго содержанія. Индексъ отреченныхъ книгъ разросся до громадныхъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ до 100 названій, хотя обнималъ собою далеко еще не всѣ апокрифы и суевѣрія, какія существовали въ самой жизни. Въ народныхъ суевѣріяхъ попадалось и духовенство. При Филаретѣ засадили въ монастырскую тюрьму дьячка Семейку Григорьева, у котораго нашли Рафли и гадальныя тетради. Въ Тобольскѣ попался съ чародѣйными кореньями и травами протопопъ.

Вѣра въ волшебство была распространена во всѣхъ классахъ общества. Наприм. успѣхи самозванца и Марины въ грамотахъ того времени прямо приписывались чародѣйству. При ц. Михаилѣ, когда съ его невѣстой Маріей Хлоповой сдѣлалась рвота отъ того, что она объѣлась во дворцѣ разными сластями, было оффиціально признано, что она испорчена отъ супостатъ. Невѣста ц. Алексѣя Михайловича, Всеволожская, отъ радости, что на нее палъ выборъ царя, упала въ обморокъ; это обстоятельство тоже приписывалось порчѣ. Уложеніе назначило за колдовство страшныя казни, кнутъ и созженіе на кострѣ; но въ тоже время къ помощи колдовства постоянно обращались и простолюдины и люди изъ высшихъ классовъ. Въ царскомъ семействѣ опасеніе порчи было развито до крайности. Болѣзни царицы или царскихъ дѣтей вели къ строгимъ розыскамъ среди двора, не испортилъ ли ихъ кто. Въ 1635 и 1639 гг. шли длинные процессы о дворцовыхъ боярыняхъ и мастерицахъ, обвиненныхъ въ томъ, что онѣ ходили ворожить къ московскимъ вѣдуньямъ; послѣ строгихъ розысковъ и пытокъ виновныя были разосланы по отдаленнымъ городамъ. При ц. Михаилѣ однажды правительство выдало указъ не покупать въ Литвѣ хмелю, потому что узнало стороною, будто въ Литвѣ на хмель наговариваетъ какая-то баба вѣдунья. Въ областяхъ тоже весьма часто возникали дѣла по вѣдовству и порчѣ и посылались для рѣшенія въ Москву. Изъ одного мѣста писали въ Москву, что явился лихой человѣкъ, напускаетъ на людей икоту, изъ другаго, что знахарь испортилъ молодыхъ или гостей на пьяномъ свадебномъ пиру, навелъ на нихъ скорбь и они начали кликать безъ ума и памяти и т. п. Кликушъ было безчисленное множество; онѣ были главнымъ безобразіемъ

всѣхъ св. мѣстъ и богослуженія всякой церкви. Уже въ концѣ XVII в., когда реформа стучалась во всѣ двери, встрѣчаемъ обвиненіе въ колдовствѣ и ссылку въ Пустозерскъ образованнаго боярина Матвѣева. Въ правленіе царевны *Софьи* главный вельможа кн. *Голицынъ*, возбуждавшій своимъ образованіемъ удивленіе иностранцевъ, пыталъ нѣкоего Бунакова за то, что тотъ вынималъ его княжой слѣдъ; онъ же бралъ у своего крестьянина вѣдуна приворотные коренья для списканія любви царевны Софіи, одного полька Силина заставлялъ лазить на Ивановскую колокольню, чтобы узнать по звѣздамъ, сбудутся ли планы Софьи и ея приверженцевъ. Наконецъ встрѣчаемъ двухлѣтніе розыски колдуновъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи извести царя Петра съ его матерью.

На ряду съ кудесниками и волхвами необыкновеннымъ благоговѣніемъ и вѣрою окружены были разные *ложные пророки*, поражавшіе народъ своимъ страннымъ поведеніемъ, таинственными рѣчами и дѣйствіями, въ которыхъ суевѣріе видѣло тоже кудесническую, таинственную силу, какъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ вѣдуновъ. Церковь строго вооружалась противъ всѣхъ этихъ людей, смущавшихъ народъ своими видѣніями и сонiями. Соборъ 1667 г. велѣлъ ловить „власы растящихъ и ризы черныя носящихъ и босыхъ ходящихъ, иже мнятся благоговѣйни быти, не суть же таковы“, и приводить на святительскіе дворы для суда. Но темная масса почитала этихъ темныхъ людей едвали не болѣе, чѣмъ своихъ духовныхъ пастырей. Бродячіе чернецы, приходившіе изъ Греціи и называвшіеся митрополитами и епископами, успѣвали обманывать не только простой народъ, но и бояръ, даже царскую семью. По разсказамъ серба Крыжанича, эти самозванцы продавали ложныя разрѣшительныя граматы патріарховъ отъ всякихъ грѣховъ и разныя святыни, предварительно поторговавшись, какъ Іуда: „что ми хощете дати и азъ предамъ вамъ Его?“

Развитіе обрядовой религіозности. Полуязыческій взглядъ на христіанскія святыни и теперь, какъ во времена Стоглава, проявлялся въ волхвованіи священными предметами, наприм., частицами просфоры, богоявленской водой, ладономъ, молитвами, которыя для этого писались на бумажкахъ и хранились въ домахъ или носились на шеѣ въ видѣ талисмановъ, а также въ передѣлкахъ церковныхъ молитвъ въ заговоры и заговоровъ въ молитвы.

Духъ этого полуязыческаго кудесничества соединился съ обрядовымъ благочестіемъ и произвелъ извѣстный взглядъ на обряды, не какъ на форму внутренняго богопочтенія, а какъ на нѣчто самостоятельное, спасительное само по себѣ. Въ сознаніи народной массы богослуженіе теряло всю силу отъ малѣйшаго измѣненія въ немъ всякаго слова и дѣйствія, какъ терялъ свою силу заговоръ, прочитанный невѣрно или безъ наблюденія какой нибудь мелочи въ его обстановкѣ. Это вредное для православія явленіе обнаружилось особенно по поводу обрядовыхъ исправленій Никона, въ которыхъ масса увидѣла совершенную гибель для вѣры и спасенія. А между тѣмъ самое совершеніе богослуженія страдало крайнимъ неблагочиніемъ. Постановленія Стоглава касательно этого предмета не повели ни къ чему, потому что обрядовое благочестіе обращало вниманіе лишь на то, чтобы все было прочитано и пропѣто, что положено по уставу, полагая въ этомъ всю силу богослуженія. Встрѣчаемъ граматы патріарховъ, которыя всего лучше показываютъ, какъ слабо оказывалось обрядовое благочестіе безъ духа и жизни къ поддержанію самихъ обрядовъ. Служба совершалась въ нѣсколько голосовъ; и служащіе и молящіеся стояли въ церкви безъ вниманія, разговаривали, смѣялись, по церкви шумѣли ребята, бродили съ блюдьями сборщики, дурачились юродивые, пищали, ползая по полу, калѣки нищіе и т. п. Соборъ 1667 г. также оставилъ нѣсколько обличительныхъ замѣчаній касательно бездушнаго обожанія религіозной внѣшности; онъ напр. обратилъ вниманіе на то, что въ церквахъ каждый чествовалъ свою икону, ставилъ ей свѣчи и ей только молился, что невискусные люди „своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства Божія, паче же многобожіе непщевати“.

Холодность къ церкви. Но съ другой стороны, при этой привязанности къ церковной внѣшности, встрѣчаемъ постоянныя жалобы на холодность къ церкви, показывающія, какъ велика была слабость самого обряда, неодушевленнаго искреннимъ благочестіемъ. При неразвитости религіознаго чувства обрядъ только и держался привычкой; а между тѣмъ, видя въ немъ самостоятельную спасающую силу, человѣкъ прибѣгалъ къ нему только въ особыхъ случаяхъ, когда эта сила была особенно нужна, наприм. передъ смертью, и забывалъ его при обычномъ теченіи жиз-

ни, невозмущаемомъ ничѣмъ чрезвычайнымъ. Частію по отдаленности отъ церкви жилищъ, частію за недосугомъ, а то просто по лѣности многіе не успѣвали воспитать въ себѣ даже и простой привычки къ обряду, какъ ни высоко его цѣнили въ своихъ мысляхъ. Встрѣчаемъ множество обличеній и жалобъ пастырей церкви на то, что православные христіане не исповѣдывались и даже вовсе не ходили въ церковь цѣлые десятки лѣтъ. Правительство должно было посылать указы чтобы воеводы и др. власти заставляли подвѣдомыхъ людей каждогодно говѣть, а по праздникамъ ходить въ церковь, запрещали въ праздники работы и торги. У нѣкоторыхъ эта холодность къ церкви доходила до такихъ размѣровъ, что весьма близко граничила съ полнымъ отреченіемъ отъ церкви. До такого состоянія особенно часто доходили служилые люди, казаки и стрѣльцы, пріучавшіеся на своей службѣ къ извѣстнаго рода безшабашному разгулу. Во время разгула силы и удали, когда человѣку было не до богомолья, эти люди допускали иногда возмутительные противурелигіозные поступки, оскверняли святыни, били духовенство, смѣялись надъ таинствами и т. п. Какъ древній богатырь, сильный человѣкъ, во время разгула своей силы, не вѣрилъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣрилъ въ одну свою силу богатырскую; въ другое время, напр. подъ старость, онъ же начиналъ душу спасать, ходилъ ко св. мѣстамъ или даже постригался въ монахи.

Неистовства казаковъ и черни. Среди народныхъ волненій видимъ не менѣе противурелигіозныхъ явленій, чѣмъ наприм. во времена удѣльныхъ дракъ. Казаки Разина и самъ Разинъ, ходившій до своего бунта на Соловки къ мощамъ, не щадили во время бунта ни церквей, ни монастырей, убивали „царскихъ богомольцевъ“ священниковъ и монаховъ, кощунствовали надъ святынями. Разинъ вѣнчалъ своихъ казаковъ съ женщинами, заставляя ихъ плясать около дерева, на манеръ древнихъ богатырей, которые „вокругъ ракитова куста вѣнчалися“. Во время кровопролитій бунта явилось много мучениковъ за церковь и отечество, какъ въ смутное время. Въ Астрахани казаки убили архіепископа *Іосифа*. Ревностный архипастырь хорошо зналъ ихъ еще съ 8 лѣтъ, когда ему привелось быть свидѣтелемъ, какъ они свирѣпствовали въ Астрахани при Заруцкомъ и безчестили архіепископа Ѳеодосія; отъ удара, полученнаго тог-

да отъ нихъ, голова Іосифа постоянно тряслась. Не смотря на это, онъ неустрашимо обличалъ теперь бунтовщиковъ, стараясь возвратить ихъ къ порядку. Въ маѣ 1671 г. казаки позвали его въ свой кругъ. Святитель явился во всемъ облаченіи и съ соборомъ духовенства. Его тутъ же хотѣли убить, хватались уже за его облаченіе, но послышался голосъ изъ толпы: „какъ вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? Намъ къ такому сану и прикоснуться нельзя“. Точно, было страшно коснуться архіерейскаго облаченія; толкая поповъ и браня ихъ скаредной бранью, казаки велѣли имъ разоблачать Іосифа. Послѣ этого поднять руки на самого святителя стало уже не страшно; его взвели на соборный раскатъ и оттуда сбросили на землю. Трудно представить еще фактъ, въ которомъ бы такъ близко сходились уваженіе къ церковной внѣшности и полное отсутствіе религіозности. Но въ меньшихъ размѣрахъ повторялось тоже самое, когда напр. уже не казакъ, а царскій воевода воинствовалъ надъ духовнымъ чиномъ, какъ это особенно часто бывало въ отдаленныхъ областяхъ, напр. въ Сибири, или когда тоже не казакъ, а дворянинъ трясъ священника за бороду, волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ, проливалъ у него св. дары и дѣлалъ другія неистовства (о которыхъ разсказываютъ намъ автобіографія протопопа Аввакума и челобитныя конца XVII в.) и въ тоже время давалъ вклады въ монастыри и ставилъ передъ иконами пудовыя свѣчи. Той же неразвитостью задушевной преданности православной церкви, при всемъ уваженіи къ ея обрядамъ, объясняется и то крупное явленіе нашей церковной исторіи, что, ради воображаемой порчи обряда во время обрядовыхъ исправленій, ради сугубой аллилуіи, двоеперстія и т. п., огромная масса народа отдѣлилась отъ общенія съ церковію въ расколъ.

Церковныя исправленія. Исправленія богослужебныхъ обрядовъ были предметомъ постоянныхъ заботъ церковной власти въ теченіе всего XVII в. Мы видѣли, въ какомъ направленіи они пошли послѣ Стоглава; до половины XVII в. направленіе это не измѣнялось. За недостаткомъ людей, которые бы могли сличать славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ съ греческими подлинниками, все дѣло справщиковъ ограничивалось только сличеніемъ добрыхъ переводовъ и большею частію вело только къ новымъ ошибкамъ въ книгахъ. Притомъ же, вслѣдствіе малообразо-

ванности справщиковъ и привязанности общества къ буквѣ обряда, исправленія необходимо шли робко и постоянно тормозились приверженцами старины.

При п. Іовѣ и Гермогенѣ было исправлено и напечатано нѣсколько богослужебныхъ книгъ; но по невѣжеству справщиковъ ихъ ошибки въ нихъ не только не уменьшились, но еще умножились. Въ московское раззоренье изданіе книгъ на время прекратилось, сгорѣлъ и печатный дворъ. По возобновленіи его при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ исправлять книги поручено было *Діонисію* троицкому, старцу того же монастыря *Арсенію Глухому* и священнику подмонастырной Клементьевской слободы *Ивану Наседкѣ*, получившему образованіе въ лаврѣ, человѣку ловкому, хитрому и большому говоруну.

Книжныя исправленія Дионисія. Новые справщики, болѣе другихъ образованные, повели дѣло очень усердно и довольно рѣшительно. Прежде всего они исправили Требникъ болѣе, чѣмъ на 20, въ томъ числѣ 5 греческимъ спискамъ. Ошибокъ нашли много; въ водосвятной молитвѣ на Богоявленіе выпустили слово: „и огнемъ", которое было прибавлено къ словамъ: „освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ"; исправили концы молитвъ, опустивъ въ славословіяхъ призываніе того лица Троицы, къ которому обращена молитва; нашли даже ереси, наприм. въ требникахъ и служебникахъ говорилось, что „Отецъ съ Сыномъ воплотися". Чрезъ полтора года они представили исправленный Требникъ правителю церкви м. Іонѣ, и тутъ же попались за исправленія подъ судъ. Іона былъ сердитъ на нихъ, потому что все дѣло ихъ шло за его глазами, въ Троицкомъ монастырѣ, да и начато было царемъ безъ предварительнаго совѣщанія съ нимъ; противъ справщиковъ было московское духовенство, обиженное тѣмъ, что царь предпочелъ ему Діонисія съ братіею; троицкіе монахи съ своей стороны рады были посодѣйствовать осужденію своего настоятеля, которымъ были недовольны за его ревность по монастырскомъ уставѣ.

Особенно много повредили Діонисію головщикъ *Логинъ* и уставщикъ *Филаретъ*. Первый былъ голосистый чтецъ и пѣвецъ, на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по 5, по 10, не обращая вниманія на смыслъ, на то, что наприм. вмѣсто „сѣмени его" выходило „сѣменѣ его". Діонисій со всею своею ласковостію указывалъ ему на его ошибки, но

надменный головщикъ, избалованный общимъ удивленіемъ его голосу и искусству, только раздражался этими замѣчаніями. Онъ самъ былъ нѣкогда справщикомъ, считалъ себя знатокомъ въ богослужебномъ чинѣ, на Діонисія, какъ монаха молодаго сравнительно съ нимъ, смотрѣлъ презрительно, ученость его, какъ невѣжда, ставилъ ни во что. Діонисій заставлялъ читать въ церкви поученія св. отцевъ, часто самъ читалъ ихъ и любилъ пѣть на клиросѣ; по мнѣнію Логгина во всемъ этомъ онъ вступался не въ свое дѣло: „зналъ бы ты, говорилъ онъ, одно, чтобы съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ болваномъ стоять". Однажды во время чтенія поученія онъ выхватилъ у Діонисія книгу и уронилъ аналой. Діонисій только перекрестился и молча пошелъ на клиросъ. Логгинъ началъ еще плевать и кричать на него, потомъ взялъ у него посохъ, изломалъ и бросилъ ему въ лице. Діонисій послѣ этого всю заутреню проплакалъ предъ иконой Богородицы. Одинаково не любилъ архимандрита другъ Логгина Филаретъ, старикъ, жившій у Троицы больше 50 лѣтъ, бывшій 40 лѣтъ уставщикомъ и тоже превозносившійся своей обрядовой опытностью. По своему невѣжеству онъ даже впадалъ въ ереси, думалъ наприм., что Сынъ отъ Отца не прежде вѣкъ родился, Божество представлялъ себѣ человѣкообразнымъ. Напрасно Діонисій увѣщевалъ обоихъ друзей, чтобы они не доводили его до доноса на нихъ. Они сами предупредили архимандрита и донесли на него, что онъ уничтожилъ въ молитвахъ Троицу и „Духа св. не исповѣдуетъ, яко огнь есть".

Въ іюлѣ 1618 г. справщики были осуждены на соборѣ. Діонисій былъ даже отлученъ отъ церкви и заточенъ въ монастырь, гдѣ томили его въ дыму на полатяхъ, били, морили голодомъ, заставляли класть по 1000 поклоновъ на день. Въ праздники его таскали къ митрополиту на смиреніе въ цѣпяхъ и въ рубищѣ. М. Іона послѣ обѣдни сидетъ со властями за столъ, а Діонисій до вечера стоитъ на лѣтнемъ зноѣ на дворѣ среди ругательствъ, пинковъ и тычковъ черни, сбѣгавшейся посмотрѣть на еретика, который хотѣлъ выводить огонь изъ міра. Сотрудникъ Діонисія Насѣдка какъ-то увернулся отъ заточенія. Арсеній Глухой въ посланіи къ боярину Салтыкову писалъ объ немъ, что онъ, лукавый, „у дѣла бывъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица, козла бѣднаго великобородаго заведши въ пропасть, сама по

немъ же выскочила". Арсеній томился въ цѣпяхъ на кирилловскомъ подворьѣ; здѣсь онъ излилъ свою горечь въ посланіяхъ къ Салтыкову и любимцу Іоны протопопу *Ивану Лукьянову*. Указывая на множество ошибокъ въ книгахъ, онъ горячо обличалъ невѣжество тогдашнихъ представителей духовенства, которые ничего не понимали въ книгахъ, да и о благочестіи воистину не болѣли. Они, писалъ Арсеній, не знаютъ „ни православія, ни кривославія, божественныя писанія по чернилу проходятъ, разума же въ нихъ не нудятся свѣдѣти... Есть иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ, а что восемь частей слова разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги, то имъ и на разумъ не всхаживало" и проч.

Черезъ годъ въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, посвящавшій Филарета на патріаршество, и засвидѣтельствовалъ невинность Діонисія. Не смотря на это, полное оправданіе справщики получили уже послѣ присылки граматъ отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, которые единогласно утвердили, что слово „и огнемъ" въ водосвятной молитвѣ дѣйствительно лишнее. Насѣдка и теперь выигралъ больше всѣхъ товарищей, написалъ къ Филарету льстивое посланіе о своихъ заслугахъ, въ которомъ почти дословно повторилъ отзывы Арсенія о невѣжествѣ московскаго духовенства и тонко далъ знать о своемъ собственномъ образованіи; онъ сдѣланъ былъ протопопомъ—ключаремъ Успенскаго собора и пріобрѣлъ репутацію ученѣйшаго мужа. Еще до присылки патріаршаго рѣшенія о словѣ „и огнемъ" одинъ монахъ *Антоній Подольскій* написалъ сочиненіе „О огни просвѣтительномъ", гдѣ защищалъ прибавку „и огнемъ" и уличалъ справщиковъ въ ереси. Онъ, какъ и Насѣдка, славился знаніемъ грамматики и діалектики, что однако не мѣшало ему доказывать разныя нелѣпости, наприм., что Богъ по существу огнь есть, что св. Духъ въ таинствахъ отдѣляетъ огнь просвѣтительный отъ своего существа, что этотъ же огнь освящаетъ и богоявленскую воду. Насѣдка горячо напалъ на него въ двухъ сочиненіяхъ (одно въ 35, другое въ 40 главахъ), въ которыхъ не щадилъ ни діалектики, ни бранныхъ словъ. Въ 1625 г. патріархъ велѣлъ наконецъ вычеркнуть спорное слово изъ всѣхъ Требниковъ.

Книжныя исправленія при Филаретѣ и Іоасафѣ. Дѣло Діонисія заставило Филарета быть осторожнѣе въ изданіи книгъ. При печатномъ дворѣ къ исправленію книгъ приставлены были Арсеній Глухой, Иванъ Насѣдка, богоявленскій игуменъ *Илія* и другіе. Но и новыя исправленія были съ неменьшими погрѣшностями противъ прежнихъ, потому что справщики, частію по незнанію греческаго языка, частію по общему тогда подозрѣнію относительно православія греческихъ книгъ, печатавшихся на западѣ, въ Венеціи, исправляли книги только по славянскимъ спискамъ. Какъ относилась къ книгамъ тогдашняя цензура, видно изъ замѣтокъ игум. Иліи на учительное Евангеліе Транквилліона, которое ему было поручено разсмотрѣть для печати. Сличивъ эту, болѣе другихъ тогда исправную, книгу съ недавно напечатаннымъ Евангеліемъ и не заглянувъ ни въ греческіе, ни въ древніе славянскіе списки Евангелія, Илія писалъ, что этой книгѣ ни въ одной церкви быть не можно. Книга была сожжена. Такого же достоинства были книжныя исправленія при п. Іоасафѣ.

Церковныя исправленія при п. Іосифѣ. Со времени Іосифа церковныя исправленія сдѣлались настоящею спеціальностью времени и начали производиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ прежде не бывало ни разу. Это было время подготовки къ близкой уже реформѣ, время исправленій всякаго рода во всей русской жизни. Коснувшись церковной жизни, этотъ преобразовательный духъ времени прежде всего, разумѣется, долженъ былъ выразиться здѣсь въ пересмотрѣ обрядовой стороны религіозности, которая стояла впереди всего. Но при этомъ само собою понятно, что если предшествовавшія исправленія вызвали сильный обрядовый протестъ, то теперь, когда эти исправленія начались въ небывалыхъ еще размѣрахъ, и самый протестъ противъ нихъ долженъ былъ обнаружиться съ небывалой же силой. Если прежде темная старина торжествовала надъ поборниками церковнаго обновленія, которыхъ было не много и которые были одиноки и безсильны, то теперь, когда представителей преобразовательнаго духа стало много и когда они стали во главѣ церковной и гражданской администраціи, они сами должны были осилить старинныхъ людей; болѣе упорные изъ послѣднихъ естественно должны были явиться противниками

церкви и государства; однимъ словомъ долженъ былъ явиться *расколъ старообрядчества.*

При печатномъ дворѣ для исправленій составилась цѣлая комиссія изъ лучшихъ представителей тогдашняго духовенства. Это были извѣстные тогда книжностію и благочестіемъ: благовѣщенскій протопопъ и духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ*, ключарь Успенскаго собора, потомъ протопопъ Казанскаго *Іоаннъ Неронов*ъ, благовѣщенскій дьяконъ *Ѳеодоръ*, протопопы *Аввакумъ* изъ Юрьевца, *Логгинъ* изъ Мурома, *Даніилъ* изъ Костромы, священники *Никита* изъ Суздаля, *Лазарь* романовскій и др. Первые двое были люди сильные при дворѣ и при патріархѣ, могли оказывать покровительство даже кандидатамъ на епископство, кромѣ того люди передовые своего времени, которыхъ уважали всѣ видныя и болѣе другихъ образованныя лица, какъ наприм. м. новгородскій Никонъ, начальникъ печатнаго двора кн. *Львовъ*, образованный ревнитель благочестія боярин*ъ Ѳеодоръ Ртищевъ* и др. Какъ низко стояла образованность этихъ передовыхъ людей, показываетъ множество ошибокъ, которыя были допущены въ исправленныхъ и изданныхъ ими книгахъ. Всѣ старыя спорныя мнѣнія о двуперстіи, объ имени Іисусъ, о сугубой аллилуія, о хожденіи посолонь, прибавленіе слова „истиннаго“ въ символѣ и др. были возведены теперь на степень несомнѣнныхъ принадлежностей православія и внесены въ книги самыя употребительныя: учебную и слѣдованную Псалтири, Служебникъ, Требникъ, Малый Катихизисъ, Кирилову книгу и Книгу о вѣрѣ, которыя разошлись во множествѣ экземпляровъ и воспитали на своихъ ошибкахъ цѣлое поколѣніе. Ученые справщики сдѣлали впрочемъ все, что было можно при тогдашнихъ домашнихъ средствахъ и, разумѣется, считали свое дѣло совершеннымъ. Какъ передовые люди, преобразователи, и они въ свое время должны были бороться съ невѣжествомъ массы и съ упрямымъ ея коснѣніемъ въ старомъ обрядѣ. Не ограничиваясь дѣятельностью на печатномъ дворѣ, они подняли вопросы о церковномъ благочиніи, исправленіи церковнаго пѣнія и иконописанія, оживленіи церковной проповѣди. Боярин*ъ* Ртищевъ, Никонъ, Нероновъ и Вонифатьевъ заботились о благолѣпіи и благочиніи церковнаго богослуженія, старались вмѣсто прежняго многогласія церковной службы ввести единогласіе. Никонъ выписалъ къ себѣ въ Новгородъ кіев-

скихъ пѣвчихъ и завелъ у себя прекрасное хоровое пѣніе по кіевскимъ и греческимъ напѣвамъ, которое такъ понравилось царю, что и онъ вызвалъ къ себѣ такихъ же пѣвчихъ и завелъ такое же пѣніе во дворцѣ. Самъ патріархъ испугался такихъ нововведеній и сердился на Никона и его друзей. Среди духовенства поднялся ропотъ, говорили, что „заводится ересь новая — единогласное пѣніе и людей въ церкви учить, а прежъ сего людей въ церкви никогда не учивали, учивали ихъ втайнѣ". Нѣкоторые изъ священниковъ отказались прикладывать руки подъ актомъ объ единогласіи; одинъ объявилъ, что дѣло объ единогласіи нужно рѣшить судомъ Божіимъ,—пусть ему съ Нероновымъ дадутъ жеребій, чья вѣра правѣе; такимъ образомъ многогласіе стало вопросомъ *вѣры*.—Долгая неподвижность стараго обряда была поколеблена и началось быстрое преобразовательное движеніе въ церкви. Но оно не могло уже остановиться на трудахъ Іосифовскихъ справщиковъ. Скоро явились новые передовые люди съ новой болѣе обширной программой исправленій и съ новыми средствами для ея исполненія; старые передовые люди остались назади и сами сдѣлались главами старовѣровъ.

Пріѣздъ грековъ и малороссійскихъ ученыхъ въ Москву. Въ 1649 г. въ Москву пріѣхали іерусалимскій патріархъ *Паисій* и образованный грекъ *Арсеній*, учившійся въ римской коллегіи. Они первые указали п. Іосифу на ошибки справщиковъ. Смущенный этимъ, Іосифъ послалъ на востокъ троицкаго келаря *Арсенія Суханова* для изученія греческихъ обрядовъ. Но мы знаемъ, какъ давно уже была подорвана въ Россіи репутація греческаго православія; самъ Никонъ говаривалъ своимъ знакомцамъ, московскимъ протопопамъ, что греки потеряли вѣру, чревамъ своимъ работаютъ и постоянства въ нихъ не обьявилося. Когда нашѣзжіе греки стали обличать русскіе обряды въ неправильностяхъ, когда задѣли этимъ обличеніемъ и русское національное чувство и личное самолюбіе справщиковъ, это сомнѣніе въ греческомъ православіи естественно усилилось; вспомнили, что греки и учатся въ западныхъ еретическихъ странахъ, и книги свои печатаютъ въ Венеціи. Арсеній Сухановъ, одинъ изъ строгихъ старовѣровъ, выполнилъ свое порученіе какъ разъ въ духѣ этой подозрительности къ грекамъ; дважды возвращаясь съ Аѳона, онъ разсказывалъ о такихъ обрядовыхъ отступленіяхъ въ Греціи отъ право-

славія, что совершенно поколебалъ православную репутацію востока у всѣхъ, кому это было теперь нужно. Къ довершенію всего п. Паисій, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь Арсенія, который могъ быть выставленъ живымъ образчикомъ еретичества грековъ, потому что, учась въ Римѣ, отрекался отъ православія. П. Іосифъ сослалъ его на Соловки.

Но кромѣ грековъ въ Москвѣ въ это время были еще другіе обличители московскихъ грамотѣевъ. — ученые монахи изъ Кіева, которыхъ выписали оттуда въ 1649 г., какъ знатоковъ греческаго языка, для исправленія Библіи. Сначала пріѣхали *Епифаній Славенецкій* и *Арсеній Сатановскій*, потомъ еще *Дамаскинъ Птицкій*, *Θеодосій Сафоновичъ* и др. Недалеко отъ Москвы Θедоръ Ртищевъ завелъ учительный *Андреевскій* монастырь, гдѣ, по его приглашенію, и поселились кіевскіе старцы, завели ученое братство и стали заниматься переводами и преподавать греческій и латинскій языки. Московскіе грамотѣи съ самаго же начала разошлись съ ними. Школьное образованіе пришельцовъ было вовсе не похоже на доморощенную ученость начетчиковъ, казалось страннымъ, слѣдовательно, по тогдашней логикѣ, истинному правовѣрію несходнымъ. Мы видѣли, что еще при п. Филаретѣ сожгли книгу Транквиліона; при этомъ сдѣлано было опредѣленіе: „впредь никому литовскихъ книгъ не покупать“. Тогда же въ Москву пріѣзжалъ Лаврентій Зизаній съ своимъ Катихизисомъ и едва не былъ обвиненъ въ еретичествѣ, потому что московскіе цензоры нашли въ его книгѣ неслыханныя школьныя новости о кругахъ небесныхъ, зодіакѣ, движеніи звѣздъ и т. п. изъ астрологіи еллинскихъ волхвовъ и ссылки на какія-то правила греческой Кормчей, которыхъ не было въ славянской. Лаврентій спасся отъ бѣды только тѣмъ, что униженно соглашался со всѣмъ, что ему говорили, льстиво хвалилъ московскую науку, унижалъ свою и поддакивалъ своимъ критикамъ на счетъ подозрительнаго православія новыхъ греческихъ книгъ. Новые пришельцы уже не только не уступали ученымъ москвичамъ, но еще отбивали у нихъ первенство ученаго авторитета въ обществѣ. Изъ Андреевскаго монастыря стали выходить обидныя рѣчи о невѣжествѣ москвичей. Поучившись грамматикѣ у кіевлянъ, московскій ученикъ становился ученѣе своего стараго учителя—отца духовнаго, начиналъ небрежно отзываться даже о такихъ столпахъ, какъ протопопы Иванъ (Нероновъ) и Степанъ

(Вонифатьевъ). Ясно, что кіевскіе старцы учатъ ересямъ и сами еретики, латины и униты. Но сослать ихъ, какъ Арсенія, на Соловки было уже нельзя, потому что за нихъ были царь и всѣ сильные люди. П. Іосифъ, видя около себя какое-то новое движеніе, которое было ему еще менѣе понятно, чѣмъ прежнее, произведенное московскими протопопами, въ послѣднее время совсѣмъ опустился, предоставивъ всѣ дѣла Никону. Онъ чувствовалъ, что пора его прошла, боялся, что его смѣнятъ съ патріаршества, и умеръ съ этими горькими мыслями.

Исправленія при Никонѣ. Въ патріаршество Никона прежніе справщики потеряли всякое значеніе и книжныя исправленія окончательно получили новый характеръ. Греки все чаще пріѣзжали въ Москву съ обличеніями. Послѣ п. Паисія были въ Москвѣ *Гавріилъ* митрополитъ назаретскій, *Діонисій* болгарскій и наконецъ самъ константинопольскій патріархъ *Аѳанасій*. Въ 1653 г. воротился Арсеній Сухановъ и представилъ царю и Никону записки о своемъ путешествіи, названныя „Проскинитаріемъ“. Вмѣсто того, чтобы представить отчетъ о греческихъ уставахъ, онъ описалъ одну практику греческой обрядности, которая была въ очень неудовлетворительномъ положеніи отчасти вслѣдствіе магометанскаго ига, отчасти вслѣдствіе упадка самой религіозной жизни въ Греціи. Его старообрядческіе отзывы о грекахъ очень понравились противникамъ исправленій, но уже не могли подѣйствовать на патріарха. Занявшись сличеніемъ книгъ, Никонъ своими глазами увидѣлъ ихъ порчу; онъ самъ видѣлъ символъ вѣры безъ прибавленія слова „истиннаго“ въ соборномъ актѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и на древнемъ саккосѣ м. Фотія. Въ 1654 г. онъ созвалъ соборъ, на которомъ исправленіе книгъ было признано совершенно необходимымъ; подъ соборнымъ актомъ не подписались только епископъ коломенскій *Павелъ*, 2 архимандрита съ игуменомъ и 2 протопопа, въ томъ числѣ Вонифатьевъ. Рѣшеніе московскаго собора тогда же было одобрено на соборѣ константинопольскомъ, который прислалъ отъ себя книгу Скрижаль, содержавшую въ себѣ обширное толкованіе на чинъ богослуженія. Въ 1656 г. въ Москвѣ былъ созванъ новый соборъ, одобрившій исправленія, на которомъ присутствовали два патріарха, антіохійскій *Макарій* и сербскій *Гавріилъ*, и два митрополита, никейскій и молдавскій. П. Макарій въ Чудовомъ монастырѣ при обрядѣ

въ недѣлю православія торжественно объявилъ за двоеперстіе анаѳему; съ нимъ согласились и другіе пріѣзжіе іерархи. Между тѣмъ для руководства въ книжныхъ исправленіяхъ въ Москву отвсюду свозились древнія книги. Арсеній Сухановъ, снова отправленный на востокъ, привезъ оттуда до 700 древнихъ книгъ. Справщиками сдѣланы были тѣ самые кіевляне, которые возбудили такое сильное неудовольствіе между московскими начетчиками: изъ Андреевскаго монастыря они переселены были въ Чудовъ, куда перешла и ихъ школа; начальнымъ человѣкомъ и по печатному двору и по школѣ сдѣланъ былъ между ними Епифаній Славенецкій. Никонъ вызвалъ изъ заточенія и Арсенія грека и сдѣлалъ его помощникомъ Епифанія. Самая живая дѣятельность закипѣла въ братствѣ; не проходило года, чтобы оно не издавало вновь исправленныхъ или вновь переведенныхъ книгъ.

Недовольство исправленіями и мѣры противъ него. Очутившись въ обидномъ для себя положеніи людей отсталыхъ, старые учители придирчиво слѣдили за дѣйствіями новыхъ дѣятелей и предавали ихъ безусловному порицанію. Съ личнымъ раздраженіемъ соединялся у нихъ еще религіозный ужасъ передъ „новшествами“; имъ казалось, что отъ этихъ новшествъ вся вѣра поколебалась, какъ это казалось прежде людямъ, возставшимъ противъ ихъ собственныхъ исправленій. Они подавали царю челобитныя, умоляя защитить церковь отъ ересей, ходили на печатный дворъ ругаться съ новыми справщиками, вездѣ рисовались своимъ древнимъ благочестіемъ, старались, какъ можно рѣзче, выставлять свое двоеперстіе и сугубую аллилуію, публично хулили патріарха и со всѣмъ фанатизмомъ личнаго раздраженія лезли на столкновеніе съ крутымъ первосвятителемъ. Начались аресты, истязанія виновныхъ и ссылки. Павелъ коломенскій лишенъ сана и сосланъ въ Палеостровскій монастырь; Іоаннъ Нероновъ лишенъ скуфьи и сосланъ въ Каменскій монастырь, Даніилъ и Логгинъ лишены сана и сосланы, первый въ Астрахань, второй въ Муромъ, гдѣ скоро умеръ отъ язвы, Аввакумъ сосланъ въ Даурію, кн. Львовъ заточенъ на Соловки; уцѣлѣлъ одинъ только уклончивый придворный протопопъ Вонифатьевъ. Патріархъ много вредилъ своему дѣлу тѣмъ, что велъ его слишкомъ круто, безъ объясненій, однимъ авторитетомъ своей власти и возбуждалъ противъ себя много личнаго раздраженія.

Даже между коноводами старовѣровъ нашелся человѣкъ, который оказался въ числѣ противниковъ патріарха изъ одной личной обиды и недоразумѣнія; это былъ Нероновъ. Когда дѣло исправленій одобрено было на соборѣ 1656 г., онъ принесъ покаяніе патріарху, сознаваясь, что доселѣ считалъ исправленія личнымъ дѣломъ его одного, но что противникомъ самой церкви быть не желаетъ. Никонъ благодушно относился къ тѣмъ, которые изъявляли ему покорность; обласкалъ Неронова, терпѣливо выслушивалъ его укоризны за старое, даже снисходилъ его привычкѣ къ старымъ книгамъ: „обои де добры, все де равно; по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь".

Протестъ противъ новшествъ не ограничился однимъ кружкомъ старыхъ справщиковъ, распространился въ массѣ народа и получилъ здѣсь еще болѣе опасные размѣры. Непривычныя для слуха измѣненія въ текстѣ церковныхъ чтеній и пѣсней, новое пѣніе, запрещеніе двоеперстія, четвероконечный крестъ на просфорахъ—все это сильно смущало народъ, у котораго привязанность къ внѣшности богослуженія была, разумѣется, еще грубѣе, чѣмъ у его учителей. Когда патріархъ возревновалъ потомъ объ исправленіи иконописанія, объявилъ строгія наказанія, даже анаѳему, всѣмъ мастерамъ, которые будутъ отступать отъ древнихъ подлинниковъ, сталъ преслѣдовать иконы, написанныя по латинскимъ образцамъ или неискусными иконописцами, велѣлъ ихъ соскабливать и носить по улицамъ, все это представлялось народу нечѣмъ инымъ, какъ иконоборствомъ. Къ этому присоединились еще тяжкія народныя бѣдствія, война съ Польшей и моровая язва, которыя, разумѣется, приписывались гнѣву Божію за отступленіе отъ вѣры, за то, что патріархъ съ еретикомъ Арсеніемъ стали книги и иконы портить къ конечной погибели всего православія. Изъ Москвы волненіе разошлось по областямъ, гдѣ весьма много содѣйствовали ему ссыльные противники патріарха. Новоисправленныхъ книгъ не приняли во многихъ мѣстахъ. Строгости противъ ослушниковъ еще болѣе усиливали волненіе, развивая мысль о мученичествѣ за вѣру и о послѣднихъ временахъ. Давнишняя мысль о кончинѣ міра нашла теперь самое удобное время для своего развитія; для большаго уясненія ея недавно явились очень подходящіе матеріалы въ сочиненіяхъ, которыя шли изъ западной Руси, въ Книгѣ о вѣрѣ. и Кирилловой. Въ западной Руси анти-

христъ представлялся въ лицѣ папы, отъ котораго пошелъ соблазнъ уніи; это же представленіе о латинствѣ, какъ духѣ антихриста, перешло и въ московскую Русь. И вотъ всѣ новшества Никона стали объяснять латинствомъ, говорили и писали, что православные сложились съ унитами малороссами и грекомъ Арсеніемъ, который учился въ Римѣ. Намѣченъ былъ и годъ, котораго съ трепетомъ нужно ждать православнымъ, годъ 1666 по числу, еже отъ антихриста.

Успѣхи старовѣровъ послѣ оставленія Никономъ каѳедры. Во время 8-лѣтняго отсутствія патріарха старовѣры до того усилились, что успѣли возвратить изъ ссылки самаго рьянаго своего вождя Аввакума. Фанатическій страдалецъ за старую вѣру имѣлъ сильныхъ поклонниковъ, каковы были: боярынъ *Салтыковъ*, близкія къ царицѣ боярыни, *Морозова* и *Урусова*, благородная жена *Данилова*, наставница этихъ женщинъ монахиня *Іустина*, даже боярынъ Ртищевъ. Самъ царь принялъ Аввакума съ лаской, уговаривалъ соединиться съ церковію и своей добротой едва не смягчилъ фанатика, такъ что онъ, по его собственному признанію, едва укрѣпился противъ духа антихристова. Но, скрѣпившись, онъ началъ еще съ большимъ фанатизмомъ дѣйствовать и писать противъ исправленій и Никона, котораго звалъ антихристомъ, сыномъ геенны, злѣйшимъ изъ всѣхъ еретиковъ. Его снова отправили въ ссылку на Мезень. Въ тоже время заговорили и другіе ревнители. Дьяконъ Ѳедоръ разсылалъ жаркія посланія о правой вѣрѣ и пришествіи антихриста; архимандритъ Покровскаго монастыря *Спиридонъ Потемкинъ* тоже издалъ сочиненіе о правой вѣрѣ, а златоустовскій игуменъ *Ѳеоктистъ* — объ антихристѣ; попы Лазарь и Никита подавали царю раскольническія челобитныя. По областямъ тоже явились проповѣдники противъ Никоновскихъ новшествъ, въ костромскихъ предѣлахъ черницъ *Капитонъ*, увлекавшій народъ своею постническою жизнію, въ нижегородской области—строгій пустынникъ *Ефремъ Потемкинъ* и старецъ *Аврамій*. Сторону старовѣровъ принялъ даже одинъ архіерей, *Александръ* вятскій. Нероновъ, принесшій было покаяніе, снова присталъ къ старовѣрамъ.

Отдѣленіе раскола отъ церкви. Наконецъ наступилъ страшный 1666 г., ознаменованный дѣйствіями великаго московскаго собора. Осудивъ Никона, соборъ однако одобрилъ его церковныя исправленія и произвелъ судъ надъ

главными ихъ противниками; Александръ вятскій, Феоктистъ, Ефремъ, Никита и Нероновъ принесли покаяніе и получили разрѣшеніе; нераскаянные, Аввакумъ, Лазарь, Федоръ, преданы анаѳемѣ и сосланы въ дальнія ссылки. Потомъ пріѣхали патріархи и въ 1667 г. великій соборъ въ ихъ присутствіи снова подтвердилъ прежнія постановленія и скрѣпилъ ихъ клятвою противъ тѣхъ, которые впредь не будутъ принимать церковныхъ исправленій и явятся противниками церкви. Соборъ коснулся и главной опоры старовѣровъ—Стоглава, отмѣнилъ его клятву на троеперстіе и на трегубую аллилуію; осудилъ также житіе Евфросина. Послѣ этихъ опредѣленій старовѣры явились уже раскольниками и произошло ихъ рѣшительное отдѣленіе отъ церкви. Такъ явился *расколъ*,— одно изъ выразительнѣйшихъ явленій русской религіозной жизни. Представители нравственныхъ силъ древняго общества, знаменитые протопопы, попы, настоятели монастырей, уважаемые народомъ начетчики взволновали всю Русь, героически шли противъ рожна, лезли на костры,—изъ за чего? изъ за старины, древняго благочестія и древняго обрядоваго безнарядья, о которыхъ новое благочестіе дало въ 1667 г. соборный отзывъ, какъ „о простотѣ и невѣжествѣ“. Оживленная послѣ продолжительнаго застоя, церковная жизнь тронулась по новому пути, стала исправлять обряды, вносить въ нихъ духъ и мысль, поставила вопросъ о религіозномъ образованіи. Ревнители древняго благочестія возстали противъ всего этого, выставили отрицаніе всякихъ новшествъ, но отрицаніе безъ положенія, съ однимъ голословнымъ: „до насъ положено,—лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; православнымъ нужно помереть за одинъ *азъ*“. Расколъ отдѣлился отъ церкви не вслѣдствіе движенія въ какую нибудь свою сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, а именно вслѣдствіе своей косности, неспособности слѣдовать за жизнію церкви. Отрекшись отъ движенія, онъ остался окаменѣлостью, замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ древней жизни и древняго благочестія со всею ихъ обрядностію, привязанностію къ азамъ и со всею порчей этихъ азовъ.

Раскольническія волненія. Послѣ церковнаго осужденія расколъ подвергся преслѣдованіямъ церковнаго и гражданскаго правительства и сталъ въ оппозицію какъ церкви, такъ и государству. Замѣчательно, что многіе поборники

церковнаго безнарядья во время Разинскаго бунта соединили свое дѣло съ дѣломъ казаковъ—поборниковъ безнарядья государственнаго. Еще раньше великаго собора началось знаменитое *стояніе за старую вѣру Соловецкаго монастыря*. Въ 1657 г. монастырь рѣшительно отказался принять новыя книги. Съ тѣхъ поръ старообрядчество все зрѣло въ обители подъ вліяніемъ множества сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Здѣсь жили кн. Львовъ, Ѳеоктистъ и другіе ревнители старой вѣры, человѣкъ до 150; здѣсь же жилъ на покоѣ архимандритъ Саввина монастыря *Никаноръ*, ставшій въ главѣ соловецкаго возстанія. Когда послѣ великаго собора снова прислано было въ монастырь требованіе служить поновому, келарь *Азарій* и казначей *Геронтій* написали челобитную государю отъ лица всей братіи, въ которой просили оставить монастырь въ старомъ преданіи чудотворцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ въ 1668 г. царь послалъ на монастырь стрѣльцовъ и началась соловецкая осада, въ которой болѣе всего поддерживали бунтовавшую обитель казаки изъ шаекъ Разина. Изъ-за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государствомъ. Осада случайно затянулась, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ въ 1676 г. уже третій воевода *Мещеринов*ъ взялъ монастырь. Изъ зачинщиковъ бунта одни, въ томъ числѣ и Никаноръ, были перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; объявившіе повиновеніе церкви и государству прощены и оставлены въ монастырѣ.

Между тѣмъ расколъ быстро распространялся и грозилъ серьезными затрудненіями церкви и государству. Укрываясь отъ преслѣдованій, онъ наполнилъ своими тайными скитами всѣ лѣса внутреннихъ областей Россіи, костромскіе, вязниковскіе, брынскіе, особенно керженскіе. Сѣверное поморье сдѣлалось его любимымъ притономъ; въ концѣ XVII в. дьячекъ *Данило Викулов*ъ основалъ здѣсь знаменитую раскольническую пустынь на р. *Выгѣ*. Съ Поморья расколъ переходилъ въ новгородскіе и псковскіе края, перекинулся за рубежъ—въ Швецію и Польшу, гдѣ нѣкто *Ѳеодосій* основалъ согласіе, носящее его имя, *ѳеодосіевщину*. На польской границѣ процвѣли расколомъ лѣса *Стародубья*

и знаменитая *Вятка*. На югѣ расколъ нашелъ себѣ пріютъ среди донскихъ казаковъ. Наконецъ обширнымъ поприщемъ его стала Сибирь. Распространеніе раскола усиливало противъ него строгія мѣры. Главные расколоучители Аввакумъ, Лазарь, Ѳедоръ и Епифаній были сожжены на кострѣ. Московскій соборъ 1681 г. положилъ усилить средства къ отысканію раскольниковъ, запретилъ продажу раскольническихъ тетрадей и книгъ, подчинилъ строгому надзору домовыя церкви, скиты и часовни, служившія притономъ расколу, и сталъ сокращать ихъ число.

Но едва только опредѣленія собора стали приводиться въ исполненіе, какъ въ 1682 г. возгорѣлся новый *раскольническій бунтъ въ самой Москвѣ*. Раскольники воспользовались борьбой, возникшей послѣ смерти царя Ѳеодора между партіей Нарышкиныхъ и партіей Милославскихъ изъ-за престола. Послѣ страшнаго стрѣлецкаго бунта, кончившагося объявленіемъ двоевластія царевичей *Петра* и *Іоанна* подъ регентствомъ сестры ихъ *Софіи*, когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ стрѣльцовъ, раскольники подговорили послѣднихъ постоять за старую вѣру. Сторону ихъ принялъ самъ начальникъ стрѣлецкаго приказа кн. *Хованскій*. Бродячій монахъ *Сергій* написалъ челобитную о возстановленіи старой вѣры, а другой расколоучитель, знакомый намъ попъ *Никита*, прозванный *пустосвятомъ*, назначенъ былъ для публичнаго пренія о вѣрѣ съ властями. Послѣ своего покаянія на соборѣ 1667 г. Никита опять совратился въ расколъ и успѣлъ пріобрѣсти себѣ у раскольниковъ громкую репутацію непобѣдимаго книжника. Самъ Хованскій сказалъ про него, что онъ всѣмъ заградитъ уста. Увѣренность въ успѣхѣ была такъ велика, что раскольники еще до пренія потребовали, чтобы государей вѣнчали непремѣнно по старому чину. 5 іюля они огромной толпой привалили на дворцовую площадь, неся съ собой старыя книги, иконы и свѣчи, и шумно потребовали пренія съ властями. Ихъ пригласили для этого пренія въ грановитую палату, куда явилась для наблюденія за нимъ и сама царевна Софія съ двумя сестрами и царицей Наталіей. Раскольники съ шумомъ вошли въ палату, разставили аналои и образа и стали читать челобитную. При первыхъ же возраженіяхъ Никита, для смѣлости выпивъ шій, зашумѣлъ, чуть не прибилъ *Аѳанасія* холмогорскаго, который сталъ его оспаривать, и замолчалъ только послѣ

грознаго окрика Софіи. Горячая царевна не утерпѣла, чтобы не поспорить съ раскольниками; особенно задѣли ее хульныя рѣчи челобитной о православіи ея отца и брата. Она вскочила съ мѣста и грозила, что все царское семейство послѣ этого уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы струсили такой угрозы, потому что въ случаѣ ухода царскаго семейства изъ Москвы противъ нихъ поднялись бы всѣ войска и земля, и поспѣшили успокоить правительницу. По прочтеніи челобитной п. Іоакимъ, держа въ рукахъ Евангеліе святителя Алексія, сталъ было увѣщевать раскольниковъ, но поднялся такой шумъ, что ничего не было слышно, и только видны были надъ головами поднятыя руки съ двуперстіемъ. Отпущенные изъ палаты, раскольники толпой высыпали на улицу, крича: „побѣдили!“ отправились въ стрѣлецкія слободы и стали тамъ служить молебны и звонить въ колокола. Въ туже ночь Софья призвала къ себѣ на увѣщаніе стрѣлецкихъ выборныхъ. Стрѣльцы не устояли передъ соблазномъ царскаго погреба и выдали своихъ отцовъ. Никитѣ отсѣчена голова; другихъ разослали по монастырямъ подъ строгій началъ. Послѣ этого бунта правительство еще болѣе усилило свою *строгость къ раскольникамъ*. Въ 12 статьяхъ указа 1685 г. расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; раскольниковъ велѣно ловить и жечь; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за пристанодержательство раскольниковъ виновныхъ бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество раскольниковъ въ отчаяніи бросились за границу или стали укрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ; самые рьяные изувѣры сами лезли на казни, считая ихъ подвигомъ мученичества, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самосозженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ множество послѣдователей.

Распаденіе раскола на толки. Между тѣмъ, отвергнувъ церковный авторитетъ, расколъ, предоставленный самому себѣ, распался на множество толковъ. Прежде всего, вслѣдствіе отверженія православной іерархіи, въ средѣ его возникъ трудный вопросъ: откуда брать священниковъ? Одни стали брать ихъ у церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая въ нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоста-

вивъ всѣ требоисправленія выборнымъ мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ: *поповщина* и *безпоповщина*, которые въ свою очередь распались на множество мелкихъ толковъ, раздѣленныхъ между собою или обрядовыми разностями или степенью отрицательнаго отношенія къ церкви и государству. Ничѣмъ необуздываемое отрицаніе часто принимаетъ въ нихъ характеръ уже не раскола, а чистой ереси. Говоримъ не о случайныхъ ересяхъ, не составляющихъ сущности раскола, каковы напр. мнѣнія Аввакума, что Троица тресущна въ трехъ равныхъ естествахъ, что Христосъ Богъ особый, сидитъ на четвертомъ престолѣ, соцарствуя Троицѣ, или противоположное мнѣніе дьякона Ѳедора, что Троица несѣкома, одно лице; подобныя мнѣнія зависѣли отъ личнаго невѣжества учителей. Еретическій характеръ раскольническаго отрицанія главнымъ образомъ выразился въ отверженіи іерархіи и таинствъ евхаристіи, священства и брака или въ ложномъ представленіи о силѣ и способахъ совершенія этихъ и другихъ таинствъ, въ смѣшеніи ихъ съ обрядами, раздаваніи напр. вмѣсто евхаристіи пасхальнаго хлѣба и богоявленской воды. Крайняя степень отрицанія выразилась въ *нѣтовщинѣ*, которая совершенно отвергнула таинства и обряды и, отчаянно опустивъ руки, все предоставила Богу: пусть спасаетъ, какъ Самъ знаетъ. Такъ исключительно обрядовое направленіе религіозности въ своемъ крайнемъ развитіи дошло до полнаго обрядоваго нигилизма, отрицанія себя самого. И здѣсь видимъ свидѣтельство того, какъ одна обрядовая вѣра можетъ близко граничить съ невѣріемъ, даже быть съ нимъ тождественною.

Ересь людей Божіихъ. Въ одно время съ развитіемъ обрядоваго раскола, развивалось противоположное мистическое направленіе религіозности въ небольшой пока сектѣ *людей Божіихъ* или *христовщины*. Вѣра въ общеніе человѣка съ тайными силами, въ кудесническое значеніе разныхъ лжепророковъ, почитаніе ихъ до обожанія были не новостью въ русскомъ народѣ. Трясущіеся пророки и пророчицы были нерѣдки еще во время Стоглава; во всѣ времена существовало также убѣжденіе, что въ человѣка могутъ чувственно вселяться и демоны и божества. Мистика людей Божіихъ развила значеніе народныхъ пророковъ до крайности, сдѣлавъ ихъ не только органами небесныхъ откровеній, но и носителями Божества. По ея ученію, по-

средствомъ разныхъ способовъ богоугожденія или „таинственной смерти“ пророкъ можетъ дойти до состоянія „таинственнаго воскресенія“, когда Духъ Божій, вселясь въ него, совершенно уничтожаетъ его личность и онъ дѣлается Сыномъ Божіимъ по природѣ, новымъ Христомъ. Всѣ его дѣйствія и слова становятся послѣ этого дѣйствіями Божества; онъ безгрѣшенъ, всевѣдущъ, можетъ творить чудеса; воля его—воля Божія и всѣ ученики его должны ему покориться безусловно. Секта эта открылась въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Въ муромскомъ уѣздѣ на гору Городину сошелъ съ неба Богъ Отецъ и принялъ плоть одного бѣглаго солдата *Данилы Филипповича*. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ проповѣди въ костромскихъ, владимірскихъ и нижегородскихъ предѣлахъ онъ объявилъ своимъ сыномъ муромскаго крестьянина *Ивана Суслова* и въ 1649 г. далъ ему свое божество. Лжехристосъ Сусловъ завелъ себѣ богородицу и 12 апостоловъ и сталъ проповѣдывать преимущественно въ нижегородскихъ предѣлахъ. Скоро его поймали и наказали плетьми. Люди Божіи разсказываютъ, что царь и п. Никонъ распяли его у Спасскихъ воротъ въ Москвѣ, но черезъ 3 дня онъ воскресъ и опять проповѣдывалъ до 1671 г. Схваченный опять, получилъ свободу по случаю рожденія царевича Петра и свободно жилъ въ Москвѣ 30 лѣтъ. Здѣсь въ послѣдній разъ посѣтилъ его Данила Филипычъ и въ 1700 г. вознесся на небо. Похожденія Суслова кончились уже въ 1716 г., когда и онъ тоже вознесся на небо. Послѣ него начался у людей Божіихъ длинный рядъ новыхъ воплощеній Христа въ лицѣ разныхъ ихъ пророковъ. Отвергнувъ церковные обряды, христовщина выработала свою собственную обрядность, которая состоитъ въ пѣсняхъ, и круговыхъ пляскахъ или „радѣніяхъ“, которыми изувѣры, какъ и всѣ вообще мистики всѣхъ народовъ и временъ, приводятъ себя въ напряженное состояніе или духовный восторгъ.

Продолженіе обрядовыхъ исправленій въ церкви. Выдѣливъ отъ себя расколъ, церковь между тѣмъ могла свободнѣе продолжать свои исправленія. При п. Іоакимѣ изъ круга церковныхъ книгъ неисправленной оставалась только Библія. Въ 1674 г. дѣло ея исправленія поручено было Епифанію Славенецкому, но онъ не дожилъ до окончанія своего труда. Для исправленія церковнаго благочинія соборъ 1667 г. издалъ нѣсколько распоряженій о храмахъ, св. вещахъ,

облаченіяхъ, о совершеніи службъ и таинствъ; соборъ 1675 г. опредѣлилъ богослужебныя преимущества іерарховъ,—между прочимъ позволилъ митрополитамъ облачаться вмѣсто фелони въ саккосъ, бывшій доселѣ отличіемъ одного патріарха; соборъ 1678 г. запретилъ всѣмъ архіереямъ, кромѣ патріарха, хожденіе на осляти въ недѣлю ваій. Продолжались заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія по кіевскимъ образцамъ. Въ иконописаніи, кромѣ старыхъ школъ, новгородской, строгоновской, московской, явилась еще царская школа, начальнымъ человѣкомъ которой былъ мастеръ *Симонъ Ушаковъ*; она много позаимствовала у западныхъ мастеровъ, которыхъ царь Алексѣй вызывалъ въ Россію для обученія русскихъ иконописцевъ, вводила въ иконопись болѣе правильный рисунокъ и живой колоритъ. Произведенія суздальскихъ и другихъ иконописцевъ, стоявшихъ на старой степени развитія, подверглись гоненію: противъ нихъ написаны были (1668 г.) грамоты царя, п. Іоасафа и двухъ греческихъ патріарховъ, бывшихъ въ Россіи. Но съ другой стороны оказывалось нужнымъ предохранять русскую иконопись и отъ крайностей западнаго (фряжскаго) письма. Для руководства иконописцамъ составлялись обширные *подлинники* на основаніи древняго греческаго подлинника, прологовъ, четиминей и кіевскихъ печатныхъ листовъ.

Усиленіе иноземныхъ вліяній. Преобразовательное движеніе, которое такъ сильно встревожило застоявшуюся старину, не ограничилось одними обрядовыми исправленіями. Сознаніе недостатковъ старой жизни, возбужденное еще въ XVI в., все развивалось, поднимало новые вопросы и дѣлало программу исправленій все шире и шире: въ недалекомъ будущемъ уже ясно виднѣлась коренная реформа всей русской жизни по образцу просвѣщеннаго запада. Не смотря на всѣ усилія отгородиться отъ иноземныхъ вліяній, русскіе люди никакъ не могли сохранить своей изолированности отъ западныхъ народовъ. Съ самаго начала XVII в., въ смутное время наплывъ иноземцевъ въ Россію чрезвычайно усилился; сношенія съ ними были самыя близкія и оказывали на русскихъ сильное вліяніе, сопровождавшееся обычнымъ явленіемъ:—заимствуя иноземные обычаи, русскій человѣкъ, по извѣстному намъ смѣшенію внѣшнихъ формъ жизни съ религіей, заимствовалъ у иноземцевъ и ихъ религіозныя убѣжденія. Всего сильнѣе оказывалось вліяніе иноземцевъ—протестантовъ, которые при Годуновѣ и само-

званцѣ имѣли свои кирхи въ самой Москвѣ. Обрядовое благочестіе оказалось очень слабымъ предъ протестантскими насмѣшками. По свидѣтельству Маржерета многіе изъ бояръ, познакомившись съ протестантами, сами начали смѣяться надъ постами, иконами и проч. и доходили до отступленія отъ своей вѣры,—явленіе понятное среди тогдашняго общества; оставляя форму религіи, человѣкъ оставался безъ всего, потому что самой религіи въ этой формѣ у него и не было. Въ царствованіе Михаила встрѣчаемъ одну весьма выразительную грамату царя и п. Филарета кн. Хворостинину. Въ смутное время князь этотъ сблизился съ поляками и сталъ послѣ этого бранить все русское, говорилъ, что на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, смѣялся надъ русскими обычаями и вѣрою и сбирался даже бѣжать изъ Россіи. При Шуйскомъ онъ былъ наказанъ за это монастырскимъ подначаломъ; но при Михаилѣ опять принялся за старое и притомъ, вѣроятно вслѣдствіе монастырскаго подначала, съ такимъ озлобленіемъ, что дошелъ до явной вражды къ церкви, ни самъ не ходилъ къ богослуженію, ни людей своихъ не пускалъ, сталъ пить, пропилъ всю страстную недѣлю, не ходилъ къ пасхальной заутрени, ѣлъ въ постъ мясо; за все это его опять заточили въ монастырь. Освобождая его изъ заточенія, царь и патріархъ въ своей граматѣ и выговаривали ему всѣ эти вины.

Подобныя явленія и бѣдствія, потерпѣнныя Россіей въ смутное время, особенно отъ латинянъ, разумѣется, должны были усиливать религіозную нетерпимость. На соборѣ 1620 г. п. Филаретъ опредѣлилъ принимать обращающихся въ православіе католиковъ и протестантовъ не иначе, какъ черезъ перекрещиваніе.—Иностранцамъ запрещено было держать у себя русскихъ въ услуженіи. Католикамъ не велѣно было строить церквей ни въ Москвѣ, ни въ городахъ; къ протестантамъ были впрочемъ снисходительнѣе, дозволяли имъ строить кирхи въ московской нѣмецкой слободѣ. Опасеніе за православіе заставляло, какъ мы видѣли, подозрительно относиться даже къ единовѣрной западной Руси. Но въ Москвѣ недаромъ существовала нѣмецкая слобода;—это была передовая колонія, которую западъ выдвинулъ въ самое средоточіе русской жизни и съ помощію которой знакомилъ Россію съ своимъ общежитіемъ, увлекательными диковинками своей цивилизаціи, нужными для государства мастерствами и знаніями.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича наплывъ иностранцевъ и заимствованіе русскими иноземныхъ обычаевъ усилились еще больше. Въ раскольнической литературѣ поднялись горькія сѣтованія на то, что Русь позавидовала чуждымъ обычаямъ, стала перенимать у еретиковъ взоры, хожденіе, одежды и всякую ихъ пеструю прелесть. Общество все еще страшилось своего увлеченія западной цивилизаціей, по старой памяти каялось въ своемъ общеніи съ еретиками, какъ въ грѣхѣ, и шло по новой своей дорогѣ съ боязливыми оглядками, но все таки шло. Религіозная нетерпимость была еще такъ сильна, что наприм. п. Никонъ насильно истреблялъ у бояръ нѣмецкіе органы, ливреи и картины; однажды онъ невзначай благословилъ на дорогѣ нѣмцевъ, одѣтыхъ въ русское платье, и послѣ этого выхлопоталъ царскій указъ всѣмъ нѣмцамъ ходить непремѣнно въ своихъ платьяхъ, чтобы по ошибкѣ и впредь не повредить святыни благословенія нѣмцу: въ 1655 г. онъ велѣлъ перекрещивать всѣхъ православныхъ бѣлоруссовъ, надъ которыми крещеніе совершено было не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе. Перекрещиваніе латинянъ отмѣнилъ уже соборъ 1667 г. По иниціативѣ духовенства, еретическіе обычаи, напр. употребленіе табаку и брадобритіе, преслѣдовались и правительствомъ. Но какъ запоздалы и безплодны были подобныя усилія остановить вторженіе западнаго духа, видно изъ того, что само же правительство искало себѣ на западѣ пособій тамошнихъ наукъ, художествъ, ремеслъ и военнаго искуства и годъ отъ году усиливало вызовъ иностранцевъ; въ самомъ дворцѣ царя явились нѣмецкая музыка, нѣмецкія картины, часы, зеркала, кареты, сосуды и другія заморскія вещи, завелся театръ и придворная школа комедіантовъ. Гоненія на иноземныя заимствованія теперь ничего не могли сдѣлать, кромѣ вреда, потому что только озлобляли новыхъ людей, ставили въ ихъ глазахъ и духовенство и правительство на одну доску съ старовѣрами. При царѣ Михаилѣ кн. Хворостининъ собирался бѣжать изъ Россіи; при царѣ Алексѣѣ сынъ боярина Ордына-Нащокина, одинъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ Москвѣ, къ огорченію своего отца и царя, въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ въ Польшу, потомъ поселился во Франціи. Правительство поэтому и теперь строго поддерживало старинное запрещеніе ѣздить русскимъ за границу, дабы, какъ разсказываетъ Котошихинъ въ своемъ Описаніи Рос-

сіи, „узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, не начали свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого попеченія не имѣли". Продолжительный застой, по замѣчанію историка Соловьева, не могъ дать русскому человѣку силы спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизаціей и овладѣть ею, производилъ духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ всего чужаго, новаго, потому что не имѣлъ силы и мужества взглянуть на него прямо, помѣряться съ нимъ, трепеталъ передъ нимъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не могутъ заставить подойти къ новой нянькѣ, или, когда преодолѣвалъ страхъ, то уже вполнѣ подчинялся чужому, новому; второе явленіе повѣряло первое.

Религіозное образованіе.

Церковное образованіе до половины XVII в. Въ виду такихъ опасностей для церкви вопросъ объ усиленіи средствъ къ религіозному образованію возникалъ съ особенною настойчивостію; заняться разрѣшеніемъ этого вопроса побуждали и разныя церковныя исправленія, при которыхъ обнаружилось, что сами представители духовенства не знаютъ „ни православія, ни кривославія". Изъ обзора церковной письменности видимъ, что вся дѣятельность московскихъ ученыхъ вращалась около прежнихъ привычныхъ предметовъ: встрѣчаемъ нѣсколько произведеній въ историческомъ и описательномъ родѣ, каковы—лѣтопись о смутномъ времени (Рукопись Филарета), сказаніе Палицына объ осадѣ Троицкой Лавры, житія святыхъ (Іуліаніи Лазаревской, Діонисія Троицкаго), описаніе св. мѣстъ *Василія Гагары*, наполненное чудесными разсказами о самовозжигавшемся пасхальномъ огнѣ въ Іерусалимѣ и т. п.; множество посланій и граматъ (Іова, Гермогена, Діонисія, Филарета, Кипріана сибирскаго), касавшихся современныхъ нестроеній въ церкви; наконецъ нѣсколько сочиненій по поводу обрядовыхъ исправленій, каковы труды Арсенія, Насѣдки, Антонія Подольскаго, Иліи. Работы въ богословскомъ родѣ московскимъ грамотникамъ были не подъ силу, а между тѣмъ обстоятельства времени требовали защиты православія, борьбы съ иновѣрными вліяніями. При п. Филаретѣ въ Чу-

довомъ монастырѣ заведена была греко-латинская школа, во главѣ которой поставленъ былъ извѣстный старецъ Арсеній Глухой, но школа эта была еще очень молода, да одной ея было и мало для цѣлой Россіи. Обратиться за научною помощью къ западу при тогдашней боязни за православіе пока нечего было и думать,—поэтому оставался одинъ исходъ изъ затрудненія—прибѣгнуть за этою помощью къ югозападнымъ школамъ. Мы видѣли, какъ отнеслись въ Москвѣ къ Евангелію Транквилліона и Катихизису Зизанія; но Катихизисъ все-таки былъ изданъ въ Москвѣ (1628 г.), хотя и съ большими перемѣнами. Точно также въ борьбѣ съ иновѣрными вліяніями въ Москвѣ постоянно прибѣгали къ тѣмъ же заподозрѣннымъ въ православіи „литовскимъ“ книгамъ. Въ началѣ 1640-хъ годовъ по случаю вопроса о бракѣ датскаго принца *Вольдемара* съ царевной Ириной Михайловной возникла горячая полемика съ протестантами; полемика эта была поднята самимъ принцемъ, котораго заставляли принять православіе. Защитникомъ протестантства явился пасторъ принца *Фильобергъ*; со стороны православныхъ выступили московскіе книжники, Иванъ Наседка и протопопъ *Никита*, и протопопъ черниговскій *Михаилъ Роговъ*, пріѣхавшій тогда въ Москву. Пренія не обратили принца къ православію, но не прошли безслѣдно для самихъ русскихъ, возбудили въ церкви настоятельную потребность изученія вѣры и изданія полемическихъ сочиненій. Источниками для составленія такихъ сочиненій явились тѣже литовскія книги; изъ нихъ дѣлали извлеченія и собирали эти извлеченія въ сборники. Такъ явились: Изложеніе на лютеры Ивана Наседки—обширный сборникъ въ 17 главахъ, сборникъ о чести св. иконъ и знаменитая Кириллова книга, составленная Роговымъ изъ сочиненій Стефана Зизанія, пресвитера Василія острожскаго и др. и направленная главнымъ образомъ противъ католиковъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ рѣшились еще ближе познакомиться съ югозападною образованностію и стали вызывать въ Москву самихъ югозападныхъ ученыхъ.

Состояніе образованности на югозападѣ. Не смотря на всѣ невзгоды войны во время возстанія Хмельницкаго, на гоненія отъ уніи и на крайнюю скудость школьныхъ средствъ, югозападная образованность неуклонно продолжала развиваться въ направленіи, какое указалъ ей Петръ Могила. Кіевская коллегія привлекала къ себѣ цѣлыя сотни учени-

ковъ, не смотря на то, что ей постоянно приходилось терпѣть разныя несчастія и крайнюю нищету до самаго 1685 г., когда кіевская митрополія присоединилась къ московскому патріаршеству.

Самыми видными *представителями кіевской учености* во второй половинѣ XVII в. были два ректора коллегіи: *Лазарь Барановичъ* (1650—1658) и *Іоанникій Голятовскій* (1658—1662). Въ 1663 г. соборомъ малороссійской церкви они были выбраны на состязаніе съ латинянами, по поводу разныхъ нареканій на русскую церковь со стороны іезуитовъ и уніатовъ, и блистательно оправдали свое избраніе, какъ люди, владѣвшіе оружіемъ схоластики наравнѣ съ іезуитами. Опытомъ полемики Барановича служитъ книга: „Новая мѣра старой вѣры", о главенствѣ папы и исхожденіи св. Духа. Особенно знаменитъ Барановичъ, какъ проповѣдникъ. Онъ оставилъ послѣ себя два собранія словъ: „Мечъ духовный" и „Трубы словесъ". Кромѣ русскихъ сочиненій онъ писалъ еще попольски стихи, до которыхъ кіевскіе ученые были большіе охотники, и житія святыхъ.— Голятовскій считался еще лучшимъ проповѣдникомъ, чѣмъ Барановичъ. Собраніе его проповѣдей названо „Ключъ разумѣнія"; къ нему авторъ присовокупилъ замѣчательную для характеристики кіевскаго проповѣдничества „Науку сложенія казаній", въ которой по схоластическимъ руководствамъ, на основаніи Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана, изложены правила касательно выбора темы для проповѣди, дѣленія слова на части и изобрѣтенія мыслей. Какъ матеріалъ для проповѣдничества, Голятовскій по примѣру іезуитовъ издалъ два сказанія о чудесахъ Богородицы: „Небо новое съ новыми звѣздами" и „Скарбницу потребную всему свѣту". Полемическія его сочиненія считались у іезуитовъ самыми опасными. Памятникомъ его состязанія въ 1663 г. съ іезуитами осталась „Бесѣда бѣлоцерковская" о священноначаліи. Кромѣ того онъ написалъ еще „Отвѣтъ на Фундаменты вѣры", какъ называлось одно католическое сочиненіе, и „Души умершихъ людей" противъ католиковъ и протестантовъ. По поводу явленія въ его время одного лжемессіи, увлекшаго евреевъ обѣщаніемъ новаго царства въ Палестинѣ, написано имъ сочиненіе „Мессія праведный". Противъ магометанства направлены его сочиненія: „Лебедь съ періемъ" и „Алкоранъ Махметовъ, отъ когелеоа Христова разрушенный"; въ обличеніе язычества—трактатъ „Боги по-

ганскіе". Кромѣ Голятовскаго и Барановича, изъ проповѣдниковъ особенно сдѣлался извѣстенъ игуменъ *Антоній Радивиловскій*. Два собранія его проповѣдей извѣстны подъ хитрыми заглавіями: „Огородокъ (садъ) дѣвы Маріи" и „Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ, сплетенный". Натянутымъ символизмомъ, хитрыми изворотами риторики, наивнымъ употребленіемъ фабулъ и анекдотовъ и свѣденій изъ естественныхъ наукъ Радивиловскій довелъ кіевскую манеру проповѣдничества до смѣшной и уродливой крайности.

Сохранились богословскія лекціи кіевскихъ профессоровъ, изложенныя строгимъ схоластическимъ методомъ и большею частію полемическаго направленія. Самыми солидными полемическими трудами были труды *Адама Зерникава*, человѣка впрочемъ не кіевскаго образованія. Онъ родился въ Кенигсбергѣ отъ родителей лютеранъ, учился въ лучшихъ университетахъ запада, былъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, Парижѣ и Римѣ, наконецъ въ Россіи изъ лютеранства присоединился къ православной церкви. По поводу этого присоединенія онъ подалъ Лазарю Барановичу свое опроверженіе лютеранской вѣры въ видѣ обширнаго ученаго трактата. Другое сочиненіе его написано въ 1682 г. противъ католичества объ исхожденіи св. Духа; такого полнаго и образцоваго полемическаго труда объ исхожденіи св. Духа, какъ этотъ, православная церковь еще никогда не имѣла. Зерникавъ умеръ въ Батуринскомъ монастырѣ въ 1690-хъ годахъ. Кіевскіе ученые оставили нѣсколько опытовъ и въ историческомъ родѣ; таковы собранія житій и чудесъ, хроники, лѣтописи, сказанія. Особенно замѣчателенъ трудъ ученика Могилы *Иннокентія Гизеля*, названный Синопсисомъ: это былъ у насъ первый еще учебникъ русской исторіи; не смотря на всѣ свои ошибки, обиліе фальшиваго риторства, страсть къ словопроизводствамъ и т. п., онъ оставался единственнымъ руководствомъ для школъ до времени Ломоносова.

Характеръ кіевскаго образованія Въ огромной массѣ литературныхъ трудовъ, которые произвела кіевская ученость, видно, какъ все болѣе и болѣе развивалось въ ея направленіи схоластическое господство внѣшнихъ формъ надъ содержаніемъ. *Богословская наука* развивалась, такъ сказать количественно, а не качественно. Послѣдующій богословъ отличался отъ предшественника только перестанов-

кой частей въ своей системѣ, прибавленіемъ новыхъ артикуловъ, аргументовъ, дивизій и субдивизій и новыхъ силлогистическихъ тонкостей въ опроверженіе иногда очень мелочныхъ и курьезныхъ возраженій, придуманныхъ самимъ авторомъ единственно въ діалектическихъ интересахъ, для упражненія разсудка. Система разбухала по внѣшней величинѣ, не расширяясь по содержанію далѣе простаго, и то далеко неполнаго катихизиса. Въ самыхъ аргументахъ обращали вниманіе не столько на ихъ силу, сколько на правильность ихъ силлогизма и на ихъ количество. Формально развивавшаяся мысль была въ сущности очень простодушна и наивно, безъ критики, пользовалась всякими средневѣковыми толками о небесныхъ кругахъ, планетахъ, водіяхъ, громѣ и проч., свидѣтельствами сивиллъ, апокрифами и т. п. источниками. *Риторика* вселяла въ своихъ питомцевъ любовь къ дѣтской игрѣ словами, вычурнымъ тропамъ и фигурамъ, натянутымъ толкованіямъ, символамъ и аллегоріямъ, что видно изъ самыхъ уже заглавій кіевскихъ произведеній. Церковная проповѣдь, подъ вліяніемъ такого рода риторства, сдѣлалась по временамъ занимательнымъ, но вообще пустымъ разглагольствіемъ безъ плодотворнаго приложенія къ жизни. Въ качествѣ главнаго источника изобрѣтенія мыслей проповѣдники, какъ и богословы, пользовались всякими средневѣковыми бреднями и апокрифами, и даже охотнѣе, чѣмъ строго научными свѣдѣніями, потому что находили въ нихъ болѣе фантастическихъ образовъ и курьезовъ, годныхъ для интересовъ риторства.—Не смотря однако на всѣ недостатки схоластическаго направленія въ кіевскомъ образованіи, образованіе это все-таки было научное, по крайней мѣрѣ служило преддверіемъ дѣйствительной науки, пріучало къ умственной работѣ, отчетности въ мысляхъ, сознательности въ вѣрованіяхъ и во всякомъ случаѣ стояло несравненно выше образованія московскихъ начетчиковъ; кіевскій ученый уже не могъ дойти до такихъ нелѣпостей обрядоваго разрыва съ церковію, до какихъ доходили эти начетчики. Важно было и то, что схоластика не чуждалась произведеній западной науки и смѣло шла ей на встрѣчу, сама пользуясь всѣмъ, что у нея было добраго. Вредное вліяніе кіевской схоластики, а вмѣстѣ съ ней и кіевской латыни всего чувствительнѣе отозвалось въ томъ, что и та и другая тянули своихъ питомцевъ къ латинству и Польшѣ. Польскія сим-

патіи образованнаго класса малороссійскаго духовенства мы уже видѣли въ вопросѣ о подчиненіи Малороссіи Москвѣ. Латинскій оттѣнокъ кіевскаго богословствованія обнаружился при переходѣ кіевской образованности въ Москву, гдѣ свѣжее чувство простодушныхъ ревнителей православія тотчасъ почуяло въ ней примѣсь чуждаго элемента.

Епифаній Славенецкій. Первая дружина югозападныхъ ученыхъ, явившихся въ Москву при Никонѣ, была еще домогилинскаго, греческаго образованія братскихъ школъ. Это были люди безукоризненно православные, честные и скромные труженики, дѣятельность которыхъ признана была въ высшей степени полезною какъ со стороны правительства, такъ и со стороны іерархіи. Выше всѣхъ изъ этихъ пришельцевъ стоялъ Епифаній Славенецкій. По своему уединенному, аскетическому характеру онъ мало способенъ былъ къ личной общественной дѣятельности, оставался исключительно кабинетнымъ труженикомъ, ограничивая свое непосредственное вліяніе небольшимъ кружкомъ своихъ учениковъ. Такое поведеніе много спасало его отъ лишнихъ столкновеній съ московскими учителями и возбудило въ послѣднихъ общее уваженіе къ нему. Литературная дѣятельность его проникнута тѣмъ же ученымъ характеромъ, отличается серьезною добросовѣстностью и даже кропотливостью въ работѣ; его мысль всегда глубока и строго обдумана, хотя форма, въ какой она выражалась у него, не только не блестѣла тогдашнимъ риторствомъ, но часто была вовсе необработана и тяжела. Онъ вездѣ вѣренъ своему греческому образованію, любитъ символы, таинственный смыслъ, является человѣкомъ болѣе сердца, чѣмъ разсудочной діалектики. Работы у него было очень много, потому что, за недостаткомъ ученыхъ людей и при множествѣ новыхъ вопросовъ, и правительство и іерархія наперерывъ спѣшили воспользоваться его ученостію. Прежде всего онъ былъ заваленъ переводами, перевелъ многія отеческія творенія, сочиненія историческія, юридическія, нравственныя, географію, анатомію, написалъ славяно-россійскій лексиконъ и лексиконъ филологическій, занимался кромѣ того исправленіемъ библейскаго текста и церковныхъ книгъ, писалъ предисловія къ вновь издававшимся книгамъ,—Скрижали, Служебнику, Шестодневу, Часослову, Тріоди, Библіи; при всемъ этомъ имѣлъ еще время заниматься проповѣдничествомъ. Послѣ себя († 1675 г.) онъ

оставилъ нѣсколько учениковъ, хорошо знавшихъ греческій языкъ; таковы были избранные имъ самимъ сотрудники его въ исправленіи Библіи: чудовскіе монахи *Евѳимій* и *Моисей*, московскій священникъ *Никифоръ* и игуменъ *Серій*.

Юрій Крыжаничъ. Въ то время, какъ Славенецкій насаждалъ въ Москвѣ еллино-славянское образованіе, пріѣхалъ сюда другой учитель, представитель латинскаго образованія, ученый католическій священникъ, сербъ Юрій Крыжаничъ, но, недолго пробывъ въ Москвѣ, попалъ въ ссылку, въ Тобольскъ (въ 1661 г.). Въ теченіе 14 лѣтъ этой ссылки онъ написалъ сочиненія: о русскомъ государствѣ въ XVII в., о промыслѣ (о причинахъ процвѣтанія и упадка государствъ съ богословской точки зрѣнія), славянскую грамматику и опроверженіе соловецкой челобитной. Крыжаничъ явился въ Россію славянскимъ патріотомъ—цивилизаторомъ; онъ видѣлъ въ ней единственное славянское государство, въ которомъ подъ покровительствомъ самодержавія можно водворить самостоятельное славянское просвѣщеніе и положить основаніе къ освобожденію всего славянства отъ матеріальной и нравственной работы чуждымъ народамъ—нѣмцамъ и грекамъ. Въ своемъ сочиненіи о Россіи онъ сильно обличаетъ темныя стороны русской жизни, народное самомнѣніе—слѣдствіе незнанія чужихъ странъ, невѣжество и мудроборство, т. е. гоненіе на науку, тупость и косность народнаго ума, лѣность, поголовное пьянство, грубость нравовъ, развитіе чувственныхъ инстинктовъ, крутое владѣніе, людодерство судей и правителей. Средствомъ къ устраненію этихъ недостатковъ онъ ставитъ просвѣщеніе, но просвѣщеніе именно латинское, выставляетъ спасеніемъ всего славянства покореніе всѣхъ славянъ римской церкви и соединеніе съ Польшей. Его латинская пропаганда только усиливала подозрительность русскихъ къ западнымъ учителямъ и заставляла еще крѣпче держаться за малороссійскихъ ученыхъ. Но и въ Кіевѣ повѣяло уже западнымъ духомъ, и оттуда стали являться люди уже непохожіе на Епифанія.

Симеонъ Полоцкій. Въ 1664 г. въ Москву явился воспитанникъ новой кіевской школы Симеонъ Полоцкій; онъ уже не зналъ греческаго языка и принесъ съ собою въ Москву исключительно-латинское образованіе. Это былъ усердный собиратель чужихъ мнѣній, настоящая ходячая энциклопедія всякихъ знаній, которыя онъ ловко умѣлъ

облечь въ обычныя риторскія и діалектическія формы, придавъ имъ внѣшнюю доказательность. Своимъ многознаніемъ, развитіемъ формы и діалектики, занимательностью, внѣшнею силою своихъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтной мелкостью мысли и недостаткомъ силы во внутреннемъ ея содержаніи онъ рѣзко отличался и отъ Славенецкаго и отъ другихъ учениковъ старыхъ югозападныхъ школъ, которые немного заучивали, но зато много думали, не владѣли діалектикой, но были сильны своимъ глубокимъ убѣжденіемъ и серьезностію мысли. По своему характеру Полоцкій былъ не кабинетный, а общественный дѣятель, ловкій придворный монахъ, неутомимый борзописецъ, готовый во всякое время писать и переводъ и проповѣдь, и ученый трактатъ, и стихи на чье нибудь рожденіе или смерть, и комедію для придворнаго театра. Отъ этого у него еще больше было работы, чѣмъ у Славенецкаго. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей, жилъ во дворцѣ, былъ на виду и у правительства и у іерархіи и постоянно получалъ разныя ученыя порученія; такъ онъ долженъ былъ заняться опроверженіемъ раскола, которое представилъ въ сочиненіи „Жезлъ правленія“; потомъ написалъ полное систематическое изложеніе вѣры по схоластическимъ образцамъ, названное „Вѣнцомъ вѣры“; по порученію п. Іоасафа сочинялъ для народа поученія о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ, противъ игръ и ворожбы; составилъ два большихъ сборника проповѣдей: „Обѣдъ душевный“ и „Вечерю духовную“. Къ чести его надобно сказать, что, слѣдуя обычнымъ кіевскимъ пріемамъ проповѣдничества, онъ имѣлъ въ виду и жизненныя цѣли, старался быть проще и ближе къ потребностямъ своихъ слушателей. Въ своихъ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ онъ сильно задѣвалъ лѣность духовенства къ проповѣдничеству, обличалъ невѣжество народа, расколы, грязные пороки, суевѣрія, остатки язычества, вѣру въ волшебство, въ наузы, нашептыванія, заговоры, примѣты, обличалъ народныя игры, праздники Коляды и Купалы, проповѣдывалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ завести школы, умножить учителей и спудеовъ (учениковъ).

Оживленіе просвѣщенія. Дѣятельность Епифанія и Симеона имѣла живительное вліяніе на церковное образованіе. Заговорили о школахъ и церковной проповѣди. Въ 1667 г. прихожане московской Богословской церкви подали царю

просьбу о дозволеніи открыть при ихъ церкви школу и найти проповѣдника для сказыванія поученій. Въ пермскихъ усольяхъ Строгоновыхъ явился подражатель Полоцкаго, орловскій священникъ, который, слыша, что въ Россіи священники по мѣстамъ стали говорить проповѣди, и самъ выступилъ на поприще проповѣдничества. Старинные переводы отеческихъ поученій и проповѣди Полоцкаго онъ нашелъ непонятными для своей паствы и сталъ составлять свои простыя поученія, изданныя потомъ въ 1684 г. подъ названіемъ „Статира“. И въ Перми, какъ прежде въ Москвѣ, духовенство и народъ очень дико встрѣтили церковную проповѣдь, говорили, что такой новости никогда не бывало, что проповѣдникъ хочетъ вводить ересь, и сильно ему досаждали. При царѣ Ѳеодорѣ, воспитанникѣ Полоцкаго, предположено было завести въ Москвѣ большую школу не только для Россіи, но и для Греціи, откуда приходили печальные слухи о совершенномъ упадкѣ просвѣщенія подъ игомъ мусульманъ. На первый разъ Іоакимъ и царь (въ 1679 г.) основали *школу въ типографскомъ домѣ* и собрали въ нее до 30 учениковъ всякаго званія. Начальникомъ ея сдѣланъ іеромонахъ *Тимоѳей*, долго путешествовавшій по востоку и въ совершенствѣ знавшій греческій языкъ. Обучать велѣно греческому языку, чтенію и письму; учителями назначены греки *Мануилъ* и *Іоакимъ*. Царь и патріархъ такъ были рады этой школѣ, что посѣщали ее каждую недѣлю.

Противодѣйствіе югозападному вліянію въ Москвѣ. Усиленіемъ греческаго образованія въ новомъ училищѣ патріархъ стремился дать противовѣсъ польско-латинскому вліянію, которое начало безпокоить русскую іерархію еще при жизни Славенецкаго, вскорѣ по прибытіи въ Москву Симеона Полоцкаго. Между этими представителями двухъ направленій юго-западнаго образованія съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Епифанія и старалась его авторитетомъ ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему миролюбивому характеру Епифаній не входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ и своего несочувствія къ его образу мыслей, напр. указывалъ на то, что въ основу своего „Вѣнца вѣры“ Полоцкій принялъ не никейскій, а мнимо-апостольскій католическій символъ, что онъ невѣрно училъ о времени пресуществленія даровъ, въ

евхаристіи, будто-бы они пресуществляются не во время призыванія св. Духа, а при произношеніи словъ Спасителя: „пріимите, ядите“,... какъ учатъ латиняне, что вообще въ послѣднее время въ Кіевѣ читаютъ однѣ латинскія книги и отъ этого иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія Полоцкій, оставшись безъ соперниковъ, началъ еще рѣзче отзываться о невѣжествѣ москвитянъ, держалъ себя заносчиво, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. И. Іоакимъ, самъ человѣкъ ученый, авторъ замѣчательной книги противъ раскола, „Увѣта духовнаго“, былъ сильно раздраженъ противъ гордаго монаха, обвинялъ его въ „хлѣбопоклонническоей ереси“ (такъ какъ онъ училъ поклоняться хлѣбу въ евхаристіи до времени его пресуществленія), его „Вѣнецъ вѣры“ называлъ вѣнцемъ, изъ западнаго терніа сплетеннымъ, а „Обѣдъ душевный“ — исполненнымъ душевныхъ бѣдъ и хотѣлъ запретить ему церковную проповѣдь. Но Полоцкій былъ недоступенъ для его власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку при дворѣ. Царь Осодоръ, братъ его Іоаннъ и сестра Софія всѣ учились у Полоцкаго и получили отъ него польско-латинское образованіе. Въ боярскихъ домахъ западно-русскіе и польскіе шляхтичи играли тогда такую же роль, какую въ XVIII в. французскіе гувернеры. Высшее общество ходило въ польскихъ кунтушахъ и говорило какой-то смѣсью польскаго языка съ русскимъ. Полоцкій такъ и умеръ (1682 г.), не потерявъ своей силы.

Начало московской академіи. Послѣднимъ произведеніемъ Полоцкаго былъ проектъ академіи, которую царь предположилъ основать въ московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ академіи предположено преподавать духовныя и свѣтскія науки (отъ грамматики до богословія) и языки славянскій, греческій, польскій и латинскій для людей всякихъ чиновъ и возрастовъ. Царь предоставилъ въ ея пользу свою библіотеку, вотчины восьми монастырей, одну дворцовую волость и 8 пустошей, далъ ей судебныя привиллегіи съ предоставленіемъ всего суда надъ ея людьми ея блюстителю, обѣщалъ пенсіи учителямъ и лучшія мѣста на службѣ ученикамъ. Блюстителемъ и учителями могли быть только русскіе и греки, извѣстные православіемъ; учителей изъ Литвы и Малороссіи безъ свидѣтельства достовѣр-

ныхъ людей въ академію принимать не велѣно, потому что эти прелестники, сказано въ проектѣ, сначала притворятся православными, а потомъ развратныя словеса всѣваютъ и цѣлость вѣры нашея терзать начинаютъ. Назначенная главнымъ образомъ для служенія церковнымъ интересамъ, академія призывалась къ наблюденію за цѣлостью православія въ Россіи. Никто не долженъ былъ держать въ домахъ учителей иностранныхъ языковъ, а долженъ былъ отдавать дѣтей для обученія этимъ языкамъ въ академію. Ученые иностранцы, поступая на службу, должны были подвергаться въ академіи испытанію и потомъ находиться подъ ея постояннымъ наблюденіемъ; она обязывалась смотрѣть, чтобы иновѣрцы не распространяли въ Россіи своихъ ученій, наблюдать за новообращенными, тверды ли они въ вѣрѣ, не держитъ ли кто у себя въ домѣ вредныхъ для церкви книгъ, и всѣ такія книги жечь; иностранцы, уличенные въ хулѣ на православіе, по суду академіи должны были подвергаться сожженію на кострѣ, равно какъ и тѣ, которые будутъ совращены ими въ латинство или протестантство. Въ томъ же 1682 г. царь послалъ къ патріархамъ грамату о присылкѣ изъ Греціи православныхъ и искусныхъ учителей. По этому приглашенію въ Москву отправились ученые греки изъ Кефалоніи, іеромонахи *Іоанникій* и *Софроній Лихуды*, родные братья, получившіе обширное образованіе сначала въ Греціи, потомъ въ Венеціи и Падуѣ.

Сильвестръ Медвѣдевъ и Лихуды. Вскорѣ послѣ этого приглашенія Лихудовъ послѣдовала кончина царя Ѳеодора. Но вліяніе латинской образованности продолжало развиваться и послѣ него въ правленіе Софьи Алексѣевны. Мѣсто Полоцкаго заступилъ его ученикъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*, строитель Заиконоспасскаго монастыря и первый кандидатъ на должность академическаго блюстителя. Это былъ тоже придворный монахъ, какъ и Полоцкій, опирался на силу тогдашнихъ временщиковъ при Софьѣ,—Голицына и Шакловитаго. Какъ прежде противъ Полоцкаго патріархъ выставилъ Славенецкаго, такъ теперь противъ Сильвестра онъ выставилъ ученика Епифаніева, Евфимія. Предметомъ несогласій между этими учеными монахами явилось ученіе о времени пресуществленія даровъ. Сильвестръ, мужъ, по отзыву современниковъ, великаго ума и остроты сталъ было одерживать уже верхъ надъ Евфиміемъ, какъ на под-

могу послѣднему въ 1685 г. явились Лихуды. На другой же годъ по пріѣздѣ они открыли свои курсы въ заиконоспасской школѣ, съ которой была при этомъ соединена и типографская. Медвѣдевъ, потерявши всякую надежду сдѣлаться блюстителемъ академіи и видя въ Лихудахъ соперниковъ по ученому авторитету, сталъ ихъ врагомъ, заводилъ съ ними тяжбы, разславлялъ ихъ еретиками и напечаталъ противъ нихъ книгу „Манну“, въ которой развилъ свое мнѣніе о пресуществленіи. Лихуды написали въ отвѣтъ на нее „Акосъ или врачеваніе отъ угрызеній зміевыхъ“, и еще „Діалоги грека къ нѣкоему іисуиту“. Споръ перешелъ въ публику и разгорѣлся до того, что о пресуществленіи спорили и мужчины и женщины, и въ домахъ и на улицахъ. Въ него вмѣшались іезуиты, жившіе въ Москвѣ, и стали поддерживать Сильвестра. Между тѣмъ постоянныя ссылки Медвѣдева на кіевскія книги, особенно на „Выкладъ о тайнахъ“ (Сафоновича), возбудили въ Москвѣ сильное подозрѣніе на счетъ кіевскаго православія. П. Іоакимъ горячо возсталъ противъ „новыхъ Могилинскихъ книгъ“ и потребовалъ изъ Кіева положительнаго отвѣта о времени пресуществленія. Въ Кіевѣ долго отмалчивались, наконецъ прислали согласіе на православное ученіе.

Торжество православія надъ латинскимъ вліяніемъ послѣдовало однако не ранѣе государственнаго переворота, свергнувшаго владычество Софьи. Въ 1689 г. Медвѣдевъ былъ осужденъ на соборѣ и лишенъ иночества; онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній и объявилъ свою „Манну“ обманною; черезъ годъ онъ попался подъ розыскъ по дѣлу Софьи и Шакловитаго и въ 1691 г., какъ участникъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ противъ Петра, былъ обезглавленъ. Въ одно время съ его осужденіемъ (1689 г.) изъ Москвы были изгнаны всѣ іезуиты и московскимъ католикамъ позволено держать при себѣ только плебановъ ксёндзовъ, а отнюдь не іезуитовъ. Въ 1690 г. Евфимій написалъ „Остенъ“, въ которомъ разобралъ какъ ученіе латинянъ о времени пресуществленія и объ исхожденіи св. Духа, такъ и ошибки Сафоновича, Полоцкаго, Медвѣдева и его приверженцевъ. Въ тоже время Софроній Лихудъ составилъ полное опроверженіе католичества подъ названіемъ „Мечъ духовный“. Патріархъ съ своей стороны въ 1690 г. созвалъ соборъ, на которомъ „хлѣбопоклонническая“ ересь предана проклятію, и запрещено читать многія малорос-

сійскія книги, въ которыхъ замѣчены отступленія отъ православія, Большой Требникъ, Евангеліе Транквилліона, Перло многоцѣнное, оба Катихизиса, Лиѳосъ, Мессію праведнаго, Выкладъ о церкви и тайнахъ, сочиненія Полоцкаго и др. Малороссійскіе ученые спѣшили выѣзжать изъ Москвы, и кіевское вліяніе на великорусское образованіе было устранено, но зато Москва лишилась теперь самаго главнаго источника для своего просвѣщенія.

Заслуги кіевскихъ и московскихъ ученыхъ. Почти все просвѣтительное движеніе въ церкви съ половины XVII в. вращалось именно около кіевскихъ ученыхъ. Не было отрасли церковнаго образованія, въ которой они не оставили бы болѣе или менѣе важныхъ памятниковъ своей работы. Эта многосторонность занятій была еще чужда московскимъ ученымъ, дѣятельность которыхъ вся сосредоточивалась на обрядовыхъ исправленіяхъ и борьбѣ съ расколомъ, да еще на историческихъ работахъ. Борьба съ расколомъ произвела замѣчательные труды, не уступавшіе трудамъ малороссійскихъ ученыхъ, каковы: опроверженія раскольническихъ челобитныхъ, Увѣтъ, Щитъ вѣры, окружныя посланія *Игнатія* тобольскаго. Среди историческихъ трудовъ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе обширный сводъ лѣтописей, извѣстный подъ именемъ *Никоновой* лѣтописи, житіе Никона, составленное іподіакономъ *Иваномъ Шушеринымъ*, записки о стрѣлецкомъ бунтѣ *Медвѣдева* и др.

Св. Димитрій Туптало. Изъ югозападныхъ ученыхъ, занятыхъ исключительно теоретическими работами, подобныхъ историческихъ трудовъ не производилъ никто, кромѣ одного св. *Димитрія* (послѣ епископа ростовскаго), который впрочемъ мало обязанъ былъ своимъ образованіемъ кіевской академіи, вышелъ изъ нея до окончанія своего курса по случаю военныхъ тревогъ 1665 г. и довершилъ свое образованіе самъ, подъ вліяніемъ не школы, а дѣйствительной жизни. По своему чисто русскому народному характеру онъ составлялъ даже исключеніе между учеными югозапада. Своимъ задушевнымъ, народнымъ проповѣдничествомъ молодой инокъ, не имѣвшій и 25 лѣтъ, составилъ себѣ такую извѣстность, что объ немъ спорили Литва и Малороссія, наперерывъ приглашая его къ себѣ въ проповѣдники. Въ 1684 г. онъ приступилъ къ составленію своихъ Чети-Миней,—труду многосложному, требовавшему

обширнаго чтенія и осторожной критики. Работа быстро кипѣла подъ мастерской рукой и въ 1689 г. готова была уже первая часть ея, въ 1695 кончена вторая, а въ 1700— третья (послѣдняя 4-я вышла въ 1704 г.). Это было безсмертное произведеніе, доставившее неистощимое чтеніе благочестію, понятное для всѣхъ классовъ народа и давшее автору такую всероссійскую извѣстность, какой не имѣлъ никто изъ церковныхъ писателей ни до, ни послѣ него. Подозрѣніе въ неправославіи коснулось было однако и этого святаго человѣка. Въ 1689 г. п. Іоакимъ изъявилъ ему свое неудовольствіе за то, что Чети-Минеи стали печататься безъ патріаршаго дозволенія и что въ нихъ вкралось католическое мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери. Св. Димитрій исправилъ эту ошибку и п. Іоакимъ благословилъ его трудъ.

Дѣло Кульмана. Въ одно время съ осужденіемъ малороссійской учености обращено было серьезное вниманіе на протестантовъ, которые доселѣ спокойно жили въ нѣмецкой слободѣ. При п. Іоакимѣ въ нѣмецкой слободѣ явился изступленный мистикъ *Квиринъ Кульманъ*, который величалъ себя княземъ Бога Израилева, сыномъ Сына Божія, пророкомъ, пришедшимъ для возстановленія 1000-лѣтняго царства Божія на землѣ, жену свою Маргариту—царицей новаго Іерусалима, свое ученіе—Апокалипсисомъ. Въ 1689 г. нѣмцы сами выдали его правительству. Онъ былъ созженъ вмѣстѣ съ своими книгами и письмами. Послѣ этого патріархъ выхлопоталъ у правительства указъ, которымъ велѣно строго допрашивать на границѣ всѣхъ пріѣзжихъ иностранцевъ, кто они, откуда и за чѣмъ ѣдутъ. Въ то время, какъ молодой царь Петръ не могъ обойтись безъ иностранцевъ, Іоакимъ относился къ нимъ очень недоброжелательно. Въ своемъ завѣщаніи († 1690 г.) онъ умолялъ правительство не допускать православныхъ до дружбы съ еретиками, не дозволять въ Россіи строенія ихъ мольбищъ, а построенныя прежде разорить, не давать нѣмцамъ начальства при полкахъ и не вводить новыхъ иноземныхъ обычаевъ.

Просвѣщеніе при п. Адріанѣ. Слѣдующій патріархъ Адріанъ былъ такой же ревнитель православія, какъ Іоакимъ, но менѣе его образованный, человѣкъ стариннаго направленія, считавшій брадобритіе великой ересью. Онъ еще болѣе усилилъ противодѣйствіе западному образованію.

Къ несчастію для русскаго образованія, встрѣтились случаи, еще болѣе утверждавшіе въ іерархахъ подозрительность къ западнымъ ученымъ. При Адріанѣ попался въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій дьяконъ, *Петръ Артемьевъ*, который ѣздилъ учиться въ Венецію и по возвращеніи началъ горячо отстаивать и проповѣдывать латинскія убѣжденія даже съ церковной каѳедры. Въ 1698 г. онъ былъ разстриженъ и сосланъ на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые отрекались на западѣ отъ православія, писали противъ него сочиненія на ученыя степени, какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, скрывательству своихъ убѣжденій, ложнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этого въ Москвѣ не вѣрили заграничнымъ воспитанникамъ даже въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили присоединенія къ церкви.

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, реторику, логику и физику. Всѣ эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженному методу; вмѣсто Аристотеля ученые греки выдвинули напередъ отцевъ церкви, вмѣсто латини—греческій языкъ. Но для возбужденія подозрѣній на счетъ ихъ православія теперь довольно было и того, что они съ греческимъ языкомъ не оставляли и латинскаго. Главнымъ обвинителемъ ихъ явился іерусалимскій патріархъ *Досиѳей*, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кіевскихъ ученыхъ. Въ 1693 г. онъ отправилъ въ Москву три посланія—къ царямъ, патріарху и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латини, Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики и философіи, звалъ ихъ не Лихудами, а Ликудіями (отъ λύκος—волкъ), грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи; но Досиѳей не былъ доволенъ и этимъ, требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, и обвинилъ ихъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ Ипатьевскій монастырь. Мѣсто ихъ заняли ихъ ученики, при которыхъ латинскій языкъ уже совершенно былъ изгнанъ изъ академіи. Но это было послѣднее и кратковременное торжество стараго образованія

надъ новымъ. Западное вліяніе, проникавшее чрезъ Кіевъ, было вытѣснено, но этимъ только опросталось мѣсто для новой западной образованности, которая шла въ Россію чрезъ нѣмецкую слободу, образованности уже не церковно-религіозной, а свѣтской, реальной, которая должна была сильно потрясти всю прежнюю исключительно-религіозную жизнь древней Руси.

VII. СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ РЕФОРМЫ.

Отношеніе Петра къ древнему религіозному быту. Преобразованія предпринимали и прежніе цари до Петра; но по характеру своей церемоніальной, неподвижной дворцовой жизни и своего церковнаго образованія они только могли писать граматы изъ дворца, обличать нестроенія и выставлять новыя требованія только на бумагѣ и въ тѣсныхъ границахъ религіозныхъ понятій, направленныхъ не столько къ нововведеніямъ, сколько къ охраненію старины. Новый царь явился человѣкомъ отрѣшеннымъ и отъ дворцоваго этикета, связывавшаго дѣятельность его предшественниковъ, и отъ древней исключительно—религіозной жизни. По своему опальному положенію въ царской семьѣ при господствѣ Милославскихъ онъ проводилъ свое дѣтство не во дворцѣ, а на улицѣ села Преображенскаго, среди полнаго простора для его необычайныхъ силъ, среди шумныхъ военныхъ потѣхъ съ своими сверстниками; изъ него выработался дѣятель, который все видѣлъ собственными глазами, за все брался собственными руками, практикъ съ крутой силой воли и необычайной энергіей, который не умѣлъ ходить, а только бѣгать, у котораго работа кипѣла подъ руками съ такой быстротой, что между мыслью и дѣломъ не было, казалось, никакого промежутка. Религіознаго воспитанія онъ не получилъ ни въ кіевскомъ духѣ, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія; отсюда шаткость его религіозныхъ убѣжденій, готовность къ воспріятію всего новаго въ религіозной сферѣ и свѣтскій характеръ его реформы. Онъ учился безъ руководителей и даже безъ книгъ, на ходу, среди потѣхъ, и прежде всего, разумѣется, бросался на то, что его поражало своей очевидной пользой; его заняли не кіевская элоквенція съ діалектикой какъ его братьевъ, а корабли, пушки, крѣпостныя работы

ремесла, то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россіей и для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иностранцевъ, не смотря на свою религіозную замкнутость: это былъ уже не ученикъ риторики, какъ царь Ѳеодоръ, а корабельный плотникъ, бомбардиръ, шкиперъ, человѣкъ совершенно реальнаго направленія. Реальное направленіе сблизило его съ нѣмецкой слободой, въ которой въ одной только онъ могъ найти удовлетвореніе своей любознательности. Для его предшественниковъ знаться съ ересиками было страшно: для Петра, не воспитаннаго въ старинныхъ понятіяхъ, этого страха не существовало, и онъ безъ всякаго стѣсненія протянулъ къ иноземцамъ свою руку, прося ихъ быть его учителями. Въ такомъ же направленіи была воспитана и знаменитая Петровская компанія, дружина новыхъ людей, съ которой царь дѣлилъ и горе и радость, вмѣстѣ работалъ и вмѣстѣ отдыхалъ на разгульныхъ пирахъ въ обществѣ съ нѣмцами. Между тѣмъ старая жизнь не замедлила и его съ компаніей встрѣтить такимъ же противодѣйствіемъ, какимъ она озлобляла всѣхъ новыхъ людей прежняго времени. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись къ этому противодѣйствію такой огненный человѣкъ, какъ Петръ.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, подъ страшными впечатлѣніями стрѣлецкихъ бунтовъ, впечатлѣніями вѣчныхъ жалобъ матери Натальи Кирилловны, постоянно раздражаемый указаніями окружающихъ на отнятую у него власть и на торжество нелюбимой родни. У насъ былъ одинъ царь, воспитанный подъ такими же впечатлѣніями; изъ него вышелъ Іоаннъ Грозный. Изъ Петра вырабатывался другой Грозный съ такою же ревностію къ своей власти, такой же неудержимый каратель всякаго противодѣйствія этой власти. Царь Іоаннъ, живший во время перваго устроенія царства московскаго, разбивалъ своими карами мѣшавшіе царской власти остатки стараго вѣчеваго и дружиннаго быта; царю преобразователю и просвѣтителю Руси пришлось обратить свои кары преимущественно противъ народныхъ суевѣрій и старой религіозной исключительности русской жизни, отрицанія всего, что лежитъ внѣ религіозной сферы, потому что отсюда и шло главное противодѣйствіе его преобразовательной дѣятельности. Еще въ правленіе Софьи его раздражали придворныя сплетни царевенъ тетокъ и царевенъ сестеръ, которыя указывали на то, что въ кремлевскомъ дворцѣ у Софьи Богу молятся, а въ Пре-

ображенскомъ на органахъ да на скрипкахъ играютъ. Вся родня тужила объ его дружбѣ съ еретиками; недовольна была этой дружбой даже его мать, которая терпѣть не могла нѣмцевъ. Не нашелъ онъ себѣ сочувствія и въ первой своей супругѣ *Евдокіи Лопухиной* съ ея родней, и при дворѣ брата *Іоанна*, супруга котораго, *Прасковья Ѳеодоровна*, держала у себя цѣлый притонъ разныхъ блаженныхъ. Затѣмъ съ первыхъ же шаговъ на своемъ преобразовательномъ поприщѣ онъ встрѣтился съ страшными народными протестами, въ которыхъ масса недовольныхъ постоянно становилась подъ знаменемъ вѣры и дѣйствовала во имя православія. Въ 1697 г., по случаю посылки за границу нѣсколькихъ молодыхъ людей для науки и поѣздки туда самого царя, составился заговоръ *Цыклера*. Страшныя казни виновнымъ въ первый разъ обнаружили силу того озлобленія, какое успѣло накипѣть у Петра противъ стариннаго духа, враждебнаго его просвѣтительнымъ планамъ. За этимъ заговоромъ черезъ годъ послѣдовало возстаніе стрѣльцовъ. На это возстаніе царь отвѣчалъ страшнымъ стрѣлецкимъ розыскомъ съ троекратными и четырехкратными пытками и жестокостями, какихъ исторія не видала даже во времена Грознаго. Ярость царя не пощадила и его семейства; царевны Софья и Марѳа, мутившія стрѣльцовъ, и супруга царя Евдокія Лопухина были пострижены, послѣдняя въ томъ самомъ Покровскомъ суздальскомъ монастырѣ, который припялъ нѣкогда въ свои стѣны другую невольную постриженницу, Соломонію, супругу Василія Іоанновича. Вслѣдъ за возвращеніемъ царя изъ-за границы начались преобразованія; всѣмъ русскимъ людямъ, кромѣ духовенства, велѣно брить бороды и одѣваться въ нѣмецкое платье: велѣно праздновать новый годъ, вмѣсто 1 сентября, 1 января. Съ этого времени страшные застѣнки Преображенскаго постоянно наполнялись новыми жертвами царскаго гнѣва; среди пытокъ и казней орудіе крутой воли Петра, суровый князь-кесарь *Ромодановскій*, по его собственнымъ словамъ, непрестанно кровью омывался. Съ самаго же начала реформа получила крутой и даже фанатическій характеръ, стала вводиться насильственными средствами; но при этомъ нужно вспомнить, что такія же насильственныя средства въ свое время употребляла и старина противъ новшествъ; еще недавно правительство за употребленіе табаку рѣзало носы, а п. Адріанъ разо-

слалъ окружное посланіе, въ которомъ предавалъ брадобритіе анаѳемѣ.

Отношеніе Петра къ патріархамъ. Всѣ протесты противъ реформы раздавались во имя вѣры и съ сильнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ; это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы духовенства—патріарха. Еще до времени своего единодержавія Петръ уже далеко разошелся съ п. Іоакимомъ. Преемникъ Іоакима Адріанъ сначала было рѣзко высказался въ старомъ духѣ, противъ иноземныхъ обычаевъ, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили: „какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, за тѣмъ и не обличаетъ". Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ больше разгаралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе патріарха дѣлалось хуже. Петръ видѣлъ въ немъ живое нравственное средоточіе недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, вовсе не нужно было какихъ нибудь особенныхъ фактовъ въ самомъ поведеніи Адріана; достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха могло надѣлать еще болѣе хлопотъ, чѣмъ во времена п. Никона. Не смотря на то, что Адріанъ вовсе былъ не похожъ на Никона, грозная тѣнь этого властительнаго в. государя была постоянно въ глазахъ Петра. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался и преемникъ ему не былъ назначенъ. Управленіе церковное поручено было *мѣстоблюстителю патріаршаго престола*, рязанскому митрополиту *Стефану Яворскому*. Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ русской церкви.

Отношеніе Петра къ великорусскому духовенству. Прежде всего всѣ важные іерархическіе посты стали замѣщаться малороссами, которыхъ такъ еще недавно преслѣдовали въ Москвѣ при послѣднихъ патріархахъ. Великорусскимъ духовенствомъ Петръ былъ недоволенъ; оно не

имѣло нужнаго для цѣлей реформы образованія и постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ. Попадались не одни священники и монахи, но даже архіереи, напр. *Исаія* нижегородскій, который видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и *Игнатій* тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу *Талицкому* и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ антихристъ. Большая часть іерарховъ подражали безмолвію п. Адріана; и только очень немногіе выражали свое сочувствіе Петру. Къ числу послѣднихъ относились *Аѳанасій* холмогорскій и св. *Митрофаній* воронежскій. Первый лично былъ извѣстенъ Петру своимъ образованіемъ и ласковымъ обращеніемъ съ иностранцами, пріѣзжавшими къ архангельскому порту. Послѣдній, хотя не отличался образованіемъ, но былъ человѣкъ съ здравымъ взглядомъ на вещи; онъ прославлялъ царя за намѣреніе завести флотъ и за войну съ турками, пожертвовалъ ему все сбереженіе отъ архіерейскихъ доходовъ (до 6000 руб.) и потомъ постоянно отсылалъ ему всѣ вновь накоплявшіяся домовыя деньги съ надписью: „на ратныхъ". Живя въ Воронежѣ во время строенія флота, Петръ былъ очень друженъ съ почтеннымъ святителемъ и горько оплакивалъ его кончину (1703 г.). Но и этотъ святитель въ своемъ духовномъ завѣщаніи, какъ нѣкогда Іоакимъ, убѣдительно просилъ царя не оказывать благосклонности иновѣрцамъ. Извѣстно также, какъ однажды онъ не пошелъ во дворецъ, увидавъ при входѣ скульптурныя изображенія греческихъ боговъ, и, услышавъ, что царь сильно за это разгнѣвался, сталъ даже готовиться къ смерти; государь снисходительно уступилъ ему и убралъ статуи. Кромѣ Митрофанія царь получалъ большія пожертвованія отъ *Тихона* казанскаго и *Іова* новогородскаго.

Стефанъ Яворскій и архіереи малороссы. Первымъ великорусскимъ архіереемъ изъ югозападныхъ ученыхъ былъ Стефанъ Яворскій. Онъ родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ русскаго шляхетскаго семейства, учился сначала въ кіевской коллегіи, потомъ въ польскихъ школахъ у іезуитовъ, гдѣ, какъ и всѣ русскіе ученики, долженъ былъ на время отречься отъ православія; въ 1689 г. въ Кіевѣ опять присоединился къ православію, постригся въ монашество и опредѣленъ на службу при коллегіи. Въ 1700 г. м. *Варлаамъ Ясинскій* послалъ его въ Москву съ просьбой къ

патріарху о посвященіи его на переяславскую епископію, но Петръ, замѣтивъ его проповѣдническій талантъ, пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и указалъ поставить его въ Рязань прямо митрополитомъ. По старой подозрительности къ югозападнымъ ученымъ Яворскаго встрѣтили въ Москвѣ очень недружелюбно, называли еретикомъ, обливанникомъ, ляшенкомъ; поэтому онъ очень упорно отказывался отъ великорусской каѳедры и принялъ посвященіе уже по непреклонному желанію самого царя. Къ концу года молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ очень милостивъ къ нему, давалъ ему значительныя награды; послѣ лишенія сана Игнатія тамбовскаго далъ Стефану и тамбовскую епархію.

Вслѣдъ за Яворскимъ на великорусскихъ каѳедрахъ стали являться и другіе архіереи—малороссы. Послѣ смерти Игнатія тобольскаго (1701) вызванъ на его мѣсто въ митрополиты батуринскій игуменъ св. *Димитрій*; онъ впрочемъ не поѣхалъ въ Сибирь по болѣзни, а выпросилъ себѣ ростовскую каѳедру, гдѣ и продолжалъ свою труженическую просвѣтительную дѣятельность. Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Яворскимъ; оба іерарха переписывались между собою и заключили условіе, чтобы тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ по смерти другаго, лично похоронилъ своего умершаго друга. Стефану пришлось выполнить эту печальную обязанность надъ св. Димитріемъ въ 1709 г. На тобольскую епархію выбранъ былъ малороссъ *Филовей Лещинскій*. Въ 1707 г. открыта епархія иркутская и первымъ епископомъ ея сдѣланъ тоже воспитанникъ кіевской коллегіи, *Варлаамъ Коссовскій*. Съ востока отъ п. Досиѳея опять послышались обличенія противъ малороссовъ. Въ 1702 г. онъ прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ (малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ москвитянъ, „аще и немудріи суть“. Въ концѣ 1703 г. онъ написалъ рѣзкое посланіе къ Стефану Яворскому, въ которомъ выразилъ негодованіе на недоброжелательство послѣдняго къ грекамъ, на латинское направленіе его сочиненій, на изгнаніе имъ изъ московской академіи греческаго языка, и заранѣе предварялъ его, что на востокѣ не потерпятъ, если его выберутъ въ патріархи. Но Петръ не обращалъ

никакого вниманія на эти представленія, потому что разница между дѣятельностію кіевскихъ питомцевъ и великорусскихъ іерарховъ была слишкомъ очевидна и далеко не въ пользу послѣднихъ. Въ то время, какъ пріѣзжіе архіереи заводили школы, боролись съ расколомъ, обращали инородцевъ, помогали царю въ реформахъ, старая іерархія, воспитанная среди немногосложной жизни, гдѣ важнѣйшимъ церковнымъ вопросомъ былъ только вопросъ объ обрядовомъ благолѣпіи и церковной дисциплинѣ, не нашла въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ новой обширной дѣятельности, какая теперь требовалась отъ нея задачами реформы. Разумѣется, сама она вовсе не сознавала своей несостоятельности и сильно была обижена, видя, какъ всѣ важнѣйшія порученія и милости правительства помимо ея идутъ къ архіереямъ черкасамъ, которые притомъ же были все люди молодые.

Дѣло царевича Алексѣя. Недовольные преобразованіями всю свою надежду полагали на будущее, когда долженъ былъ воцариться царевичъ *Алексѣй*, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное духовенство. Благочестивый царевичъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ высказывалъ большое нерасположеніе къ черкасамъ. Особенно сильное вліяніе на него имѣлъ его духовникъ, *Яковъ Игнатьевъ*, человѣкъ энергичный, бывшій для царевича тѣмъ же, чѣмъ былъ Никонъ для царя Алексѣя. Будучи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Петра, Игнатьевъ употребилъ все свое вліяніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть къ дѣламъ и къ самой личности его отца, напоминалъ Алексѣю о судьбѣ его несчастной матери Евдокіи, указывалъ на счастливую *Екатерину*, на которой царь женился вторымъ бракомъ, и порицалъ реформы Петра, какъ противныя православію. Однажды царевичъ со страхомъ признался ему на исповѣди, что желаетъ отцу смерти, и услыхалъ въ отвѣтъ: „Богъ проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти“. Царевичъ всего болѣе разсчитывалъ на расположеніе духовенства, въ которомъ былъ совершенно увѣренъ, и говорилъ своимъ приближеннымъ: „когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ; тогда меня и не хотя владѣтелемъ учинятъ“. Къ нему былъ привязанъ самъ мѣстоблюститель, который начиналъ уже замѣтно скучать въ ожиданіи патріаршаго сана и понемногу сближался съ недовольной великорусской

партіей духовенства. Въ 1712 г. онъ говорилъ проповѣдь на день Алексѣя человѣка Божія, тезоименитство царевича, и не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать въ ней очень прозрачныхъ намековъ на поведеніе царя, неодобрительно коснулся недавняго учрежденія въ Россіи фискаловъ, пустился въ обличенія противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь и, обращаясь къ лицу царевича, называлъ его единою надеждою Россіи. Петру донесли объ этой предикѣ и онъ совсѣмъ запретилъ Стефану проповѣдывать. Съ этого времени друзья царевича считали мѣстоблюстителя своимъ и самъ Петръ сильно подозрѣвалъ его въ соучастничествѣ съ своимъ сыномъ. Когда царевичъ бѣжалъ за границу (1718 г.), царь однажды спросилъ Яворскаго, что онъ объ этомъ думаетъ. „Думаю, отвѣчалъ уклончивый малороссъ, что онъ хочетъ поучиться за границей“. Царь быстро взглянулъ на него и сказалъ: „если ты говоришь это въ утѣшеніе мнѣ, то хорошо; иначе слова твои Мазепины рѣчи“. Изъ-за границы Алексѣй писалъ письма къ довѣреннымъ лицамъ, Якову Игнатьеву, архіереямъ *Досиѳею* ростовскому, *Игнатію Смоль* крутицкому и *Іоасафу Кроковскому* кіевскому. Когда его привезли изъ-за границы въ Москву, онъ выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и между прочимъ сильно повредилъ духовенству, поставивъ главною причиной своей вражды съ отцемъ „бесѣды съ попами и чернцами“. Смерть Алексѣя была для царя самой тяжелой жертвой во имя реформы; раздраженіе его во время розысковъ по дѣлу царевича напоминало страшное время стрѣлецкаго розыска. Понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ виновникамъ этого дѣла, на которыхъ указалъ ему самъ царевичъ. „Когда бы не монахиня (Евдокія) и не монахи, говорилъ онъ, не дерзнулъ бы Алексѣй на такое неслыханное зло. Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ, а я съ тысячами“.

Дѣло царицы Евдокіи. Въ одно время съ дѣломъ царевича шло не менѣе тяжелое дѣло о его матери. По розыскамъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей, свое невольное постриженіе считала не дѣйствительнымъ, ходила въ мірскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Въ сочувствіи къ ней и ея сыну снова попалось множество духовныхъ лицъ, которыя поминали ее царицей при богослуженіи и воздавали ей царскія почести;

попались монахини Покровской обители, монахи окрестныхъ монастырей, духовникъ ея, ключарь суздальскаго собора, *Ѳедоръ Пустынный*, ростовскій архіерей Досиѳей и крутицкій митрополитъ Игнатій. Ѳедоръ Пустынный, Досиѳей и еще какой-то юродивый, *Михайло Босой*, пророчили ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣну ея участи, ссылаясь при этомъ на свои видѣнія и гласы отъ образовъ. Когда она пеняла Досиѳею за то, что пророчества его не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца, и бралъ отъ нея многіе дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; черезъ годъ увѣрялъ ее, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще черезъ годъ,— что онъ уже только по колѣна въ аду и т. д. Послѣ розыска Евдокія была заточена въ ладожскій монастырь. Сторонники ея и ея сына подверглись жестокимъ казнямъ и ссылкамъ. Казнены Яковъ Игнатьевъ, Ѳедоръ Пустынный и Досиѳей. „Только я одинъ попался, говорилъ Досиѳей на соборѣ предъ архіереями, снимавшими съ него санъ. Посмотрите, и у всѣхъ что на умѣ; извольте пустить уши и въ народъ, что въ народѣ говорятъ“. Менѣе другихъ виновный, м. Игнатій назначенъ къ переводу въ Иркутскъ, но отпросился по старости на покой въ Нилову пустынь. Іоасафъ Кроковскій, вызванный изъ Кіева къ допросу, скоропостижно скончался на дорогѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ. Оба слѣдствія имѣли рѣшительное вліяніе на отношенія Петра къ духовенству. Оказывалось, что и малороссійскіе іерархи не всѣ могутъ раздѣлять его идеи. Воспитанные на латинской мудрости, кіевскіе ученые въ своихъ понятіяхъ о правахъ духовенства и отношеніи между церковной и государственной жизнью невольно увлекались клерикальнымъ духомъ латинства, тогда какъ понятія объ этихъ предметахъ самого Петра во многомъ носили оттѣнокъ протестантскій. Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства и всего, что его напоминало, и еще во время перваго своего путешествія по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою самого себя. Въ 1712 г. въ Виттенбергѣ онъ сказалъ предъ статуей Лютера: „сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, кото-

рые были поумнѣе прочихъ". Свою ненависть къ папству онъ выразилъ въ шутовской пародіи на папу и конклавъ, устроивъ шутовскую коллегію кардиналовъ съ княземъ папой во главѣ изъ самыхъ горькихъ пьяницъ и выставивъ ее на народную потѣху. Но этотъ же князь-папа, когда было нужно, превращался еще въ яузскаго и кокуйскаго патріарха. Въ то время, какъ Яворскій и другіе іерархи ждали возстановленія патріаршества, оно сближалось въ головѣ Петра съ папствомъ. Въ 1718 г., когда были учреждены вмѣсто старинныхъ приказовъ коллегіи, вышелъ указъ учредить и духовную коллегію. Яворскій, вмѣсто патріаршества, назначался только въ президенты этой коллегіи; но и въ этомъ скромномъ званіи ему предстояло быть только номинальнымъ правителемъ церкви; дѣйствительное вліяніе на церковную администрацію должны были получить другія лица, болѣе соотвѣтствовавшія видамъ Петра.

Ѳеодосій Яновскій. Въ новгородской епархіи Петръ замѣтилъ хутынскаго архимандрита, Ѳеодосія Яновскаго, тоже одного изъ югозападныхъ выходцевъ. Его свободный взглядъ на религіозные предметы, умѣнье поддѣлаться къ современному духу, развязность и энергичность характера понравились царю при первой же съ нимъ встрѣчѣ. Въ 1712 г. онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Александроневскаго монастыря и сталъ самымъ довѣреннымъ лицемъ у государя. Петръ не обращалъ вниманія ни на шаткость его убѣжденій, ни на его слишкомъ свѣтскую жизнь, которая производила соблазнъ въ великорусскомъ духовенствѣ; видѣлъ въ немъ только умнаго человѣка, борца противъ суевѣрій и раскола и хорошаго помощника для церковныхъ реформъ. Въ 1716 г. м. Іовъ скончался и на мѣсто его царь велѣлъ посвятить Ѳеодосія.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ томъ же 1716 г. въ Петербургъ былъ вызванъ другой, еще болѣе видный и образованный монахъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Еще въ кіевской коллегіи онъ отличался отъ товарищей необыкновенной даровитостью, любовью къ наукамъ, начитанностью и вмѣстѣ живымъ, симпатичнымъ характеромъ; это былъ не сухой кіевскій школяръ, который могъ бы всю жизнь услаждаться хорошими словами и игрой въ діалектику, а человѣкъ страстный, стремившійся пробиваться впередъ практической дѣятельностью. Изъ академіи онъ отправился за границу, гдѣ, разумѣется, отрекся отъ православія, учился во Львовѣ,

Краковѣ и въ Римѣ. Іезуитская схоластика не переломала его головы, а сама сломалась предъ его прямымъ взглядомъ на вещи; онъ вышелъ изъ римской коллегіи съ полнымъ сознаніемъ всей пустоты схоластическихъ разглагольствій и самымъ рьянымъ врагомъ католичества. Въ 1704 г., воротясь въ Кіевъ и присоединившись къ православію, онъ поступилъ на службу въ академію, гдѣ постепенно проходилъ должности учителя, префекта и ректора. Въ 1706 г. царь при посѣщеніи Кіева въ первый разъ слышалъ его привѣтственное слово и замѣтилъ его. Въ 1709 г. Прокоповичъ опять привѣтствовалъ Петра съ Полтавской побѣдой; въ его панегирическомъ словѣ были прославлены побѣды Петра надъ шведами, не забыта была и прострѣленная шляпа царя, вставлено ловкое сравненіе Полтавской битвы (въ день пр. Сампсона) съ побѣдой Сампсона надъ львомъ (гербъ Швеціи). Петръ никогда еще не слыхивалъ такой живой и современной предики; карьера Ѳеофана послѣ этого была упрочена. Съ 1716 г., вызванный въ Петербургъ, онъ постоянно говорилъ здѣсь проповѣди, въ которыхъ выяснялъ слушателямъ политическія событія и планы Петра. Въ 1718 г., во время розысковъ, когда русское духовенство уличалось въ связяхъ съ царевичемъ и Евдокіей, Ѳеофанъ говорилъ слово о власти царской съ ясными намеками на современниковъ; тутъ говорилось о богословствующихъ невѣждахъ, которые хотятъ летать, но, какъ пруги, имѣя малыя крыльца, а чревище великое, сейчасъ же падаютъ на землю, о мудрецахъ, какимъ-то бѣсомъ льстимыхъ или меланхоліею омраченныхъ, которые считаютъ грѣшнымъ, что ни увидятъ чуднаго, славнаго, веселаго, о видящихъ сонія и гласы слышащихъ, доказывалось, что и свящ. чинъ обязанъ повиноваться государю, ибо этотъ чинъ не есть иное государство. Понятно, что такой человѣкъ при Петрѣ былъ первымъ кандидатомъ на архіерейство, но понятно также и то, что московская іерархія и самъ Яворскій должны были сильно мѣшать его возвышенію.—При неразвитости отечественнаго богословія русскіе ученые, воспитывавшіеся по западнымъ руководствамъ, невольно увлекались или католическимъ или протестантскимъ направленіемъ. Какъ врагъ латинства, Ѳеофанъ въ своихъ воззрѣніяхъ на предметы вѣры и церковное устройство естественно долженъ былъ склоняться на сторону протестантства и въ этомъ отношеніи значительно

расходился съ Яворскимъ и другими кіевскими учеными. Двое изъ нихъ, ректоръ московской академіи *Ѳеофилактъ Лопатинскій* (пріѣхавшій въ Москву еще въ 1704 г.), и префектъ *Гедеонъ Вишневскій* (вызванный въ 1714 г.) отыскали въ его богословскихъ лекціяхъ протестантскія понятія и подали на него доносъ мѣстоблюстителю, а послѣдній доложилъ объ этомъ доносѣ царю съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія, что Ѳеофанъ не можетъ быть епископомъ. Петръ предложилъ Прокоповичу самому оправдаться противъ обвиненій, и Ѳеофанъ такъ ловко успѣлъ въ этомъ, что самъ Стефанъ просилъ у него прощенія, сославшись на то, будто бы подписалъ доносъ на него, не читавши его лекцій. Въ 1718 г. Ѳеофанъ поставленъ былъ епископомъ въ Псковъ и сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ его церковныхъ реформахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами сѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Ѳеофанъ по порученію царя писалъ Регламентъ для духовной коллегіи (1).

Открытіе Синода. Въ 1721 г. 14 февраля послѣдовало торжественное открытіе духовной коллегіи, получившей наименованіе святѣйшаго и правительствующаго Синода, а черезъ два года пришло утвержденіе ея отъ восточныхъ патріарховъ. Причины новой формы церковнаго управленія были указаны въ Регламентѣ, гдѣ говорилось, что коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣсняться боязнію предъ сильными лицами и, какъ соборное, имѣетъ болѣе авторитета а съ другой стороны представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо „простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и удивляемый славою и чес-

(1) Сохранился разговоръ съ нимъ царя по поводу этого порученія «Скоро ли нашъ патріархъ поспѣетъ»? спросилъ шутливо Петръ.—Я дошиваю ему рясу, отвѣчалъ авторъ Регламента. «А у меня, замѣтилъ царь, и шапка для него готова» Сохранился другой разсказъ объ отношеніяхъ Стефана къ Прокоповичу. По доносу перваго на дурную жизнь Ѳеофана царь, любившій повѣрять всѣ доносы самъ, наѣхалъ будто бы къ Ѳеофану въ полночь и засталъ его среди пирушки съ друзьями Ѳеофанъ не смутился, запѣлъ на встрѣчу царя «се женихъ грядетъ въ полунощи», и провозгласилъ тостъ за его здоровье. Государю это понравилось и онъ охотно самъ присоединился къ компаніи.

тію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что поборютъ по самомъ Богѣ". Въ доказательство указано на византійскую исторію и исторію папства. „Да не воспомянутся, сказано въ заключеніи, подобные и у насъ бывшіе замахи". Президентъ же коллегіи не имѣетъ на себѣ никакой, народъ удивляющей славы, не имѣетъ и особенной силы, такъ какъ его голосъ въ коллегіи равенъ съ голосами другихъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно созывать вселенскаго собора и обращаться на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой же коллегіи. Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое *внѣшнее* управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; члены его давали присягу считать государя своимъ „крайнимъ судіею" и наблюдать государственные интересы.

Составъ св. Синода Св. Синодъ состоялъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вицепрезидентовъ (Ѳеодосій и Ѳеофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Въ числѣ членовъ его были представители всѣхъ классовъ духовенства—административнаго (архіереи), подчиненнаго чернаго (настоятели монастырей) и бѣлаго (епархіальные протопопы); для большей свободы голоса всѣхъ членовъ Синода положено, чтобы настоятели и протопопы не выбирались въ Синодъ въ одно время съ своими архіереями. Всѣхъ сильнѣе между членами Синода были Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Яворскій сохранялъ между ними только номинальное первенство и никакъ не могъ помириться съ новою формою церковнаго управленія; въ послѣдне время онъ совершенно примкнулъ къ архіереямъ великоруссамъ и заодно съ ними сѣтовалъ о невозвратно минувшихъ временахъ патріаршества. Другаго президента въ Синодъ послѣ смерти Яворскаго (1722 г.) Петръ уже не назначалъ. На открывшуюся синодальную вакансію назначенъ былъ новымъ членомъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вскорѣ посвященный епископомъ въ Тверь. Между вліятельными членами іерархіи это былъ теперь единственный кіевлянинъ, къ которому дружелюбно относились великорусскіе архіереи, одна изъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ личностей своего времени.

Старшимъ между всѣми членами Синода послѣ Стефана остался Ѳеодосій Яновскій. Пользуясь довѣріемъ царя и будучи у него почти домашнимъ человѣкомъ, онъ до того развилъ свое вліяніе, что ему во всемъ старался уступать даже Ѳеофанъ, неизмѣримо превосходившій его и умомъ и широтой своей дѣятельности. Все нерасположеніе къ черкасамъ сосредоточилось поэтому главнымъ образомъ на Ѳеодосіи. Своимъ недуховнымъ поведеніемъ онъ еще болѣе усиливалъ общее негодованіе великорусской іерархіи; онъ жилъ на широкую ногу, какъ знатный вельможа, заводилъ у себя роскошные столы, въ 1724 г. въ подражаніе царю устроилъ въ Москвѣ ассамблеи, на которыя должны были собираться духовные сановники Москвы поочередно то у того, то у другаго. По своему безпокойному и властолюбивому характеру онъ однако непадолго могъ удержаться на своей высотѣ. Недовольный тѣмъ, что послѣ Стефана не былъ назначенъ президентомъ, потомъ урѣзываніемъ архіерейскихъ доходовъ духовными штатами, онъ сдѣлался рѣзокъ, началъ высказывать негодованіе на порабощеніе церкви свѣтскою властью, бранилъ царя и подъ конецъ царствованія Петра окончательно потерялъ его довѣріе; въ тоже время онъ попался подъ слѣдствіе по обвиненію въ расхищеніи церковныхъ вещей въ своей епархіи. Вскорѣ послѣдовавшая кончина Петра (въ началѣ 1725 г.) была поэтому для Ѳеодосія очень счастливымъ событіемъ, которое спасало его отъ серьезной опасности.

Положеніе Синода въ составѣ администраціи. По своимъ правамъ св. Синодъ былъ во всемъ сравненъ съ Сенатомъ и на ряду съ нимъ непосредственно подчиненъ государю. Въ отсутствіи государя ихъ совокупныя рѣшенія получали силу рѣшеній верховной власти. Представителемъ государя, какъ крайняго судіи духовной коллегіи, въ Синодѣ явился *оберъ-прокуроръ*; указомъ Петра велѣно было „въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ“. Оберъ-прокуроръ, названный въ одномъ указѣ „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“, долженъ былъ наблюдать за рѣшеніемъ дѣлъ въ Синодѣ, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить о нихъ государю. Ему были подчинены *прокуроры* духовныхъ приказовъ и духовные *фискалы*,—чиновники, разсылавшіеся для надзора за духовнымъ

управленіемъ по городамъ, монастырямъ и заказамъ. При Синодѣ организовалось цѣлое фискальное управленіе въ формѣ *инквизиторскаго* приказа, во главѣ котораго стоялъ протоинквизиторъ; ему были подчинены провинціалъ-инквизиторы и фискалы.

Въ области *духовнаго управленія* Синодъ получилъ „силу и власть патріаршескую или, по выраженію Регламента, едвали не большую, понеже соборъ". Ему поручено смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи и иконы, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ, разрѣшать ихъ недоумѣнія, судить ихъ по жалобамъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви.—Св. Синодъ наслѣдовалъ и епархіальную власть патріарха въ его епархіи. Такъ какъ члены Синода жили большею частію въ Петербургѣ, то въ Москвѣ съ 1722 г. устроено было особое отдѣленіе Синода—*дикастерія* или *консисторія*, управлявшаяся архіепископомъ крутицкимъ съ нѣсколькими московскими архимандритами.

Судебное вѣдомство церкви при Петрѣ значительно сократилось чрезъ отдѣленіе отъ него многихъ дѣлъ въ гражданское вѣдомство. Къ послѣднему отошли гражданскіе иски объ имуществахъ по рядными и сговорнымъ записямъ и по духовнымъ завѣщаніямъ, дѣла о насильственныхъ и самовольныхъ бракахъ, о любодѣйствѣ, насиліи женщинъ, кровосмѣшеніи, о правахъ законнаго рожденія, наконецъ опредѣленіе наказаній за важнѣйшія преступленія противъ вѣры и церкви, богохульство, еретичество, волшебство и святотатство. Въ 1701 г. возстановленъ монастырскій приказъ съ правомъ суда надъ всѣми церковными крестьянами и служилыми людьми по искамъ отъ постороннихъ; церковнымъ людямъ на посторонннихъ вездѣ искать въ мѣстахъ, гдѣ кто вѣдомъ изъ отвѣтчиковъ. Духовныя лица подчинены суду духовной власти, кромѣ дѣлъ „тяжебныхъ, яко покупки, промыслы, торги и проч.", по которымъ они вѣдались въ разныхъ коллегіяхъ, и дѣлъ уголовныхъ, особенно политическихъ, по которымъ они на ряду со всѣми вѣдались въ тайной канцеляріи и въ юстицъ-коллегіи. Въ 1721 году, когда монастырскій приказъ подчиненъ Синоду, духовному суду подчинены и мірскія лица духовнаго

вѣдомства. Къ числу нововведеній въ церковномъ судѣ надобно отнести также учрежденіе судебныхъ инстанцій въ порядкѣ исковъ и апелляцій.

Церковныя имущества. Реформа, направленная преимущественно къ созданію матеріальныхъ силъ Россіи, естественно должна была заняться разрѣшеніемъ стараго вопроса о церковныхъ вотчинахъ. Вслѣдствіе ломки и перестройки цѣлаго государства, огромныхъ издержекъ на заведеніе войска и флота, строеніе крѣпостей, 20-лѣтнюю войну, на заведеніе фабрикъ, путей сообщенія, школъ и разныхъ общественныхъ заведеній, народныя силы были въ страшномъ напряженіи, которое необходимо должно было притянуть къ общимъ жертвамъ и церковныя учрежденія. Требованіе, чтобы никто въ избылыхъ не былъ, доходило теперь до крайности, до пренебреженія всякимъ другимъ служеніемъ обществу, кромѣ матеріальнаго. Съ этой крайней точки зрѣнія духовное служеніе монастырей, которое такъ высоко цѣнилось въ старину, теперь казалось Петру безполезнымъ, а ихъ вотчины и доходы „тунегиблемыми“. Въ 1724 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ изложилъ мысли Петра въ „Объявленіи, когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ и како нынѣшнихъ исправить“. Объ этихъ „нынѣшнихъ“ здѣсь рѣзко замѣчено: „а что говорятъ—молятся, то и всѣ молятся; что же прибыль обществу отъ сего?... Большая часть бѣгутъ (въ монастыри) отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“.

Сначала былъ усиленъ только государственный контроль надъ церковнымъ хозяйствомъ съ помощію прежняго приказа большаго дворца; какъ архіереямъ, такъ и монастырямъ запрещены были дорогія постройки и другія траты на пустую роскошь. Потомъ для управленія церковными имѣніями въ 1701 г. былъ снова возстановленъ приказъ *монастырскій*. Монастыри и архіереи послѣ этого были совершенно устранены какъ отъ управленія своими хозяйствами, такъ и отъ самостоятельнаго пользованія своими доходами. На содержаніе назначено было выдавать имъ изъ приказа жалованье по опредѣленному окладу, урѣзанному съ крайней экономіей, „безъ чего пробыть не возможно“. За исключеніемъ суммы на это жалованье весь остатокъ сборовъ съ церковныхъ имѣній приказъ долженъ былъ употреблять на удовлетвореніе государственныхъ и обще-

ственныхъ нуждъ, на школы и благотворительныя учрежденія. Петръ хотѣлъ вовсе уничтожить частную благотворительность, велѣлъ ловить всѣхъ нищихъ, размѣщать ихъ по работамъ или въ богадѣльни и назначилъ штрафъ за каждую подачу милостыни (отъ 5 до 10 рублей). Монастырскій приказъ побуждалъ къ заведенію богадѣленъ и тѣхъ духовныхъ властей, которымъ вотчины возвращались въ собственное управленіе. Между архіереями всѣхъ болѣе отличался благотворительностію Іовъ новгородскій, котораго царь ставилъ за это въ примѣръ другимъ; до 1714 г. онъ устроилъ 10 странноприимницъ, 15 больницъ и домъ для подкидышей. Съ своей стороны приказъ въ теченіе 20 лѣтъ успѣлъ устроить въ Москвѣ 93 богадѣльни, въ которыхъ было до 4400 нищихъ, и огромный московскій госпиталь, въ которомъ число больныхъ доходило до 500 человѣкъ. Кромѣ того, въ монастыри постарому посылались на прокормленіе старые и раненые инвалиды, которыхъ теперь было особенно много вслѣдствіе шведской войны; какъ имъ самимъ, такъ и ихъ семействамъ назначались оклады денегъ и хлѣба наравнѣ съ братіей. Въ 1723 г. по случаю синодальнаго доклада, что въ монастыряхъ нѣтъ лишнихъ окладовъ и принимать солдатъ не на что, вышелъ было даже указъ никого не постригать вновь и всѣ монастырскія вакансіи замѣщать солдатами, но вскорѣ это крутое распоряженіе было отмѣнено и явилось новое—отдѣлять для отставныхъ солдатъ часть денежной и хлѣбной дачи у монаховъ. Найдя для себя новый источникъ доходовъ въ суммахъ монастырскаго приказа, правительство стало усердно его исчерпывать и такъ часто обращалось къ нему съ требованіями то на литье пушекъ, то на расходы приказныхъ палатъ, то на содержаніе иностранныхъ посланниковъ и т. д., что въ 1720 г. на вотчинахъ однихъ подмосковныхъ монастырей образовалось до 19,000 руб. недоимки. Нечего и говорить, что всѣ старыя льготы монастырей, какія сохранялись послѣ Уложенія, должны были теперь уничтожиться; онѣ были отмѣнены еще до 1700 г. Послѣ 1700 г. казна объявила своими оброчными статьями пчельники, рыбныя ловли, соляныя варницы, мельницы, наконецъ бани; оброкъ со всѣхъ этихъ статей стало платить и духовенство. Были примѣры отписки отъ монастырей самихъ вотчинъ за недоимки и

просто для раздачи разнымъ служилымъ людямъ и для приписки къ разнымъ заводамъ.

Монастырскій приказъ съ самаго начала возбудилъ противъ себя *неудовольствіе духовныхъ властей*. Въ 1707 г. Исаія нижегородскій дошелъ противъ него до открытаго протеста; за это его лишили епархіи и услали въ Кириловъ монастырь. На приказъ жаловались даже такіе архіереи, какъ Іовъ и св. Димитрій, потому что дѣйствительно, заботясь болѣе всего о томъ, чтобы не поплатиться за недоимки, онъ мало заботился о поддержаніи церковныхъ учрежденій, урѣзывалъ ихъ средства до послѣдней степени. Архіерейскіе дома скудѣли годъ отъ году. Въ монастыряхъ окладъ монахамъ выдавался на половину, а то и вовсе не выдавался; зданія разваливались безъ поправки. Въ вотчинахъ отъ тяжести сборовъ число дворовъ уменьшалось годъ отъ году въ страшной прогрессіи; многіе церковные крестьяне бѣжали на Волгу, на Донъ, за рубежъ, поступали въ шайки воровъ.

На другой же годъ по учрежденіи приказа началось постепенное *возвращеніе вотчинъ духовнымъ властямъ* и продолжалось до учрежденія св. Синода. На первомъ же своемъ засѣданіи св. Синодъ сдѣлалъ докладъ государю о подчиненіи церковныхъ вотчинъ синодальному управленію, потому что „отъ гражданскихъ правителей онѣ пришли въ скудость и пустоту“. Докладъ былъ исполненъ; монастырскій приказъ перешелъ въ вѣдомство Синода, и въ 1724 г. преобразовался въ хозяйственное отдѣленіе при Синодѣ подъ именемъ *камеръ-конторы*. Но, получивъ вотчины въ свое управленіе, архіереи и монастыри все-таки не могли распоряжаться доходами съ нихъ самостоятельно, попрежнему должны были довольствоваться опредѣленнымъ окладомъ, за тѣмъ все остальное предоставлять въ распоряженіе правительства. Въ сущности имъ было все равно, самимъ ли собирать свой окладъ съ вотчинъ или получать его отъ монастырскаго приказа, — больше положеннаго получить они не могли, а между тѣмъ должны были теперь нести лишнюю тяжесть хозяйственныхъ хлопотъ и отвѣтственности. Всѣ хозяйственныя дѣйствія ихъ подчинены строгой отчетности; велѣно подавать въ св. Синодъ ежегодные отчеты, назначены наказанія за недоимки и за начеты по сборамъ. Прежнее неудовольствіе ихъ на монастырскій приказъ теперь обратилось на св. Синодъ, который принялъ на себя

и обязанности и отвѣтственность приказа. Стали толковать, что поляки и черкасы, сдѣлавшись членами Синода, тѣснятъ великоруссовъ, себя богатятъ, а на другихъ копѣйки и алтыны взыскиваютъ. Между тѣмъ самъ св. Синодъ очень тяготился своею отвѣтственностію по недоимкамъ, которыя правительство приписывало единственно дурному хозяйству „духовной команды“. За 1721—1722 г. недоимки возросли до 1,224,620 руб., и правительство распорядилось не выдавать членамъ Синода жалованья до тѣхъ поръ, пока эти деньги не будутъ уплачены сполна.

Въ *епархіальномъ управленіи* послѣ дѣла царевича Алексѣя обращено было особенное вниманіе на избраніе архіереевъ, чтобы „такихъ не наставить, писалъ Петръ Яворскому, какъ тамбовскій и ростовскій были“. Кандидатовъ на епископство, для лучшаго испытанія, велѣно вызывать на чреду въ Невскій монастырь; въ Регламентѣ есть предположеніе ставить на епископство преимущественно членовъ св. Синода. Избранный кандидатъ утверждался государемъ и давалъ присягу — никого напрасно не проклинать, быть кроткимъ, не допускать бродяжничества духовныхъ лицъ, не допускать строенія лишнихъ церквей и поставленія лишнихъ священнослужителей, заботиться объ искорененіи суевѣрій и раскола, не вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Каждому архіерею вмѣнено въ обязанность знать церковные каноны: для этого Регламентъ распорядился при трапезѣ архіерея каждый разъ читать поурочно Номоканонъ. Кромѣ искорененія суевѣрій и расколовъ особенное вниманіе архіереевъ обращено на заведеніе духовныхъ школъ. Епархіальное вѣдомство распространено на всѣхъ, живущихъ въ епархіи, и на всѣ монастыри, не исключая ставропигіальныхъ.

Возвышая и облекая своимъ довѣріемъ образованныхъ малороссіянъ, къ великорусскимъ архіереямъ Петръ относился недовѣрчиво. Одинъ только Питиримъ нижегородскій былъ въ благоволеніи у правительства за усердную дѣятельность противъ раскола. Въ 1719 г. Петръ опредѣлилъ его на нижегородскую каѳедру на смѣну м. *Сильвестра*, судьба котораго можетъ служить примѣромъ того, какъ тяжело было людямъ старой іерархіи при новыхъ порядкахъ. Изъ Нижняго Сильвестръ переведенъ былъ на смоленскую епархію, которая до того ему не нравилась, что онъ пытался освободиться отъ нея даже подарками Ѳеодосію Яновъ-

скому. Прошелъ годъ и его опять перевели въ Тверь, при чемъ оставили за нимъ санъ митрополита, но клобукъ велѣли носить не бѣлый, а черный. Потомъ еще черезъ 2 года онъ былъ переведенъ въ Рязань на мѣсто Яворскаго уже въ званіи простаго епископа. Подобные знаки своего опальнаго положенія великоруссы приписывали обыкновенно козпямъ партіи малороссіянъ. Понятно, почему Регламентъ такъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ архіереи, каковы бы они ни были саномъ, повиновались св. Синоду; и самъ св. Синодъ постоянно долженъ былъ напоминать имъ свое значеніе и посылать выговоры за умаленіе синодальной чести. Заслуженнымъ и престарѣлымъ архіепископамъ и митрополитамъ казалось обиднымъ подчиняться молодымъ черкасамъ, которые стали выше ихъ, какъ члены Синода, и притомъ были заподозрѣны въ неправославіи. Послѣ упраздненія патріаршества Петръ пересталъ раздавать архіереямъ санъ митрополита; бѣлый клобукъ замѣненъ былъ черпымъ; кромѣ того всѣ архіереи получили право при служеніи облачаться въ саккосъ, бывшій прежде отличіемъ однихъ митрополитовъ и архіепископовъ Ослабляя всякую, „народъ удивляющую славу“ Регламентъ требовалъ, чтобы архіереевъ, пока они здравы, не водили подъ руки и чтобы подчиненные не кланялись имъ въ землю и не воздавали имъ „лишней и почитай царской чести“. Здѣсь же запрещается епископамъ частое и произвольное употребленіе страшнаго оружія святительской клятвы безъ предварительнаго доклада св. Синоду и самому государю. Въ видахъ контроля надъ епархіальнымъ управленіемъ оно было подчинено надзору фискаловъ; кромѣ того архіереи обязывались дважды въ годъ подавать Синоду отчеты о состояніи епархій — Для лучшаго наблюденія за епархіальной паствой приходскіе священники обязывались подавать архіереямъ ежегодныя росписи объ исповѣдывавшихся и причащавшихся и метрическія книги о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ Попрежнему архіереямъ вмѣнено въ обязанность объѣзжать епархіи, но при этомъ велѣно щадить духовенство въ кормахъ и подводахъ, ѣздить лѣтомъ, когда припасы дешевле, на одномъ мѣстѣ долго не жить, гостей во время объѣзда епархій принимать на свой счетъ, а не на счетъ духовенства, смотрѣть за своей свитой, чтобы она не дѣлала поборовъ и, „какъ татарове, на расхищеніе не устремлялась“.

Органы епархіальной власти остались тѣже. Архіерейскіе приказы у архіереевъ малороссовъ стали преобразовываться на манеръ коллегій; въ Регламентѣ этимъ коллегіямъ дано право управлять епархіей въ отсутствіе или во время болѣзни архіереевъ и непосредственно сноситься съ Синодомъ; такимъ образомъ они начали отдѣляться отъ личности самихъ архіереевъ и организоваться въ самостоятельныя присутственныя мѣста, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались духовныя консисторіи. Въ штатѣ архіерейскихъ домовъ при Петрѣ произошло значительное сокращеніе. Послѣ отписки многихъ дѣлъ изъ духовнаго вѣдомства въ гражданское многіе мірскіе служилые люди архіереевъ оказались лишними. Съ 1701 г. началея ихъ разборъ; однихъ брали въ военную службу, другіе—не шляхетскаго рода — записываемы были въ подушный окладъ; на службѣ при архіерейскихъ домахъ осталось только небольшое число служилыхъ дворянъ, подчиненныхъ общимъ законамъ о дворянахъ, и необходимыхъ домовыхъ служителей.

Монашествующее духовенство. Церковныя преобразованія коснулись и состоянія духовенства, какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго. Взглядъ Петра на монашество, выраженный еще при учрежденіи монастырскаго приказа и потомъ подробно развитый въ „Объявленіи“ 1724 года, проходитъ по всему его законодательству о монастыряхъ. Цѣня главнымъ образомъ одно матеріальное служеніе обществу и раздраженный тѣми подметными письмами противъ реформы, которыя изъ монастырскихъ келлій распространялись въ народѣ, онъ смотрѣлъ на монаховъ, какъ на людей, которые „поядаютъ чуждые труды“ и отъ которыхъ кромѣ того являются „забобоны, ереси и суевѣрія“. Припоминая изъ византійской исторіи, какъ Византія въ послѣднее время своего существованія содержала около себя до 300 монастырей и не могла набрать 6000 солдатъ для своей защиты отъ турковъ, объявленіе о монашествѣ замѣчаетъ, что „Господь еще не лишилъ такъ благодати своей русскихъ царей, какъ греческихъ, въ неразсмотрѣніи сего излишества“. Вслѣдствіе такихъ понятій первою заботою Петра было сокращеніе числа монастырей и монаховъ. Регламентъ опредѣлилъ не строить новыхъ монастырей безъ разрѣшенія св. Синода и государя, малые монастыри сводить въ одинъ, а ихъ церкви обращать въ приходскія; св.

Синоду вмѣнено въ обязанность искоренять старинное вѣрованіе, будто безъ постриженія, по крайней мѣрѣ передъ смертью, нельзя спастись. Монастырскому приказу поручено было составить монастырскіе штаты. Относительно постриженія въ монашество принято общимъ правиломъ— наличнаго числа монашествующихъ не увеличивать и постригать только на убылыя мѣста. Съ теченіемъ времени и то число монашествующихъ, какое найдено по переписи монастырей, стало уменьшаться; вмѣсто убылыхъ монаховъ въ монастыряхъ помѣщались больные, нищіе, съумасшедшіе и солдаты. Въ 1723 г., какъ мы видѣли, вышелъ было указъ не постригать монаховъ и на убылыя мѣста, но скоро былъ отмѣненъ, обнаруживъ только одно чрезвычайное стремленіе правительства къ умаленію монашескаго чина.—Переходъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой строго воспрещенъ. Архіереи въ своей присягѣ обѣщались никакъ не допускать скитальчества монаховъ; священники обязывались ловить бродячихъ монашествующихъ въ приходахъ и представлять ихъ въ архіерейскій приказъ; для поимки ихъ назначались еще разсыльные изъ монастырскаго приказа и сыщики отъ гражданскихъ и военныхъ начальствъ.— Въ настоятели предположено назначать людей только извѣстныхъ правительству, преимущественно изъ Невскаго монастыря Каждый настоятель давалъ присягу, что не будетъ держать у себя въ монастырѣ затворниковъ и ханжей и способствовать распространенію суевѣрій. Нѣсколько разъ издавался указъ, запрещавшій монахамъ держать въ кельяхъ чернила и бумагу и писать что нибудь безъ вѣдома настоятеля. Сообщеніе монаховъ съ міромъ по возможности пресѣкалось; монахъ, даже съ дозволенія настоятеля, могъ отлучаться изъ монастыря не болѣе четырехъ разъ въ годъ, гостей долженъ былъ принимать только при свидѣтеляхъ, назначенныхъ отъ настоятеля. Для поддержанія правилъ общежитія монахи лишены права дѣлать духовныя завѣщанія. Чтобы монастыри не „поядали чуждые труды“, какъ выражался Петръ, онъ старался призвать ихъ къ какому нибудь роду общественнаго служенія. Останавливаясь на этой мысли, „Объявленіе“ о монашествѣ разсуждаетъ, что монашество существуетъ: 1) для удовлетворенія наклонности нѣкоторыхъ людей къ религіозному уединенію и 2) для приготовленія избранныхъ монаховъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ. Для послѣдней цѣли

предполагалось устроить при монастырях ученыя братства и школы. Неученымъ же монахамъ предполагалось давать разныя работы, столярную, иконописную и др., а монахинь заставлять прясть, вышивать, плести кружева. Кромѣ того монастыри назначались къ благотворительному служенію обществу, обращались въ богадѣльни, больницы и воспитательные дома.

Бѣлое духовенство требовало еще болѣе попеченій, чѣмъ монашествующее: реформа застала его въ самомъ жалкомъ положеніи. Священники, по словамъ публициста Петровскаго времени, крестьянина Посошкова, были „ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху и попъ за соху: мужикъ за косу, и попъ за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить: гдѣ быть обѣдню служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить, а паства духовная остается въ сторонѣ". Матеріальныя средства духовенства такъ были плохи, что Посошковъ дивится: „чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть.. Иной пресвитеръ возложитъ на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ". Матеріальному состоянію соотвѣтствовало нравственное. Регламентъ велѣлъ наблюдать за священниками, чтобы они не шумѣли пьяные по улицамъ, не ссорились помужичьи на обѣдахъ, не являли силы и храбрости къ питію, не пили по кабакамъ, не ложились спать на улицахъ и т. п.

Для улучшенія матеріальныхъ средствъ духовенства правительство предприняло сокращеніе числа церквей и ихъ причтовъ. Въ архіерейскую присягу включено обѣщаніе не строить лишнихъ церквей и не посвящать лишнихъ ставленниковъ. Для построенія новой церкви требовалось предварительное разрѣшеніе высшей духовной власти и самого государя, причемъ обращалось вниманіе на число приходскихъ дворовъ, отводимыхъ къ новой церкви, на достаточность ея средствъ и на разстояніе ея отъ сосѣднихъ церквей. Домовыя церкви велѣно закрывать, кромѣ церквей царской фамиліи и знатныхъ престарѣлыхъ особъ. При поставленіи ставленниковъ между прочимъ обращалось вниманіе на то, нуженъ ли при церкви новый членъ клира и есть ли у прихода средства его содержать. Въ ставленн-

ческихъ прошеніяхъ объ опредѣленіи на мѣсто велѣно обозначать количество земли или руги при церкви съ заручнымъ обѣщаніемъ ставленика, что онъ будетъ этою дачею доволенъ. По штату приходскихъ церквей (1722 г.) на 100—150 дворовъ прихода дозволено ставить одного священника, на 200—250 двоихъ, дьяконовъ въ малые приходы не ставить, причетниковъ назначать по 2 на каждаго священника. Переходъ отъ церкви къ церкви запрещенъ, „кромѣ самой великой нужды“, въ исполненіи этого запрещенія архіереи клялись въ своей присягѣ, а ставленики давали подписку при поставленіи. Бродячихъ поповъ велѣно ловить, какъ и бродячихъ монаховъ; за требоисправленіе у бродячаго попа назначены тяжелые штрафы, напр. 10 руб. за исповѣдь. Крестцовыхъ поповъ велѣно разобрать, ученыхъ пристроивать въ учители къ духовнымъ школамъ, а неученыхъ опредѣлять въ викарные священники по приходамъ. Занявшись уменьшеніемъ числа духовенства, Петръ въ первый разъ обратилъ вниманіе на многочисленный классъ духовныхъ дѣтей. Съ 1708 г. неграмотныхъ поповичей велѣно забирать въ солдаты. Съ началомъ ревизіи всѣхъ лишнихъ церковнослужителей и духовныхъ дѣтей, не учившихся въ школахъ и не имѣвшихъ опредѣленной церковной или гражданской службы, велѣно писать въ подушный окладъ, а уклонявшихся отъ этой записи ссылать на галеры. Кромѣ этихъ распоряженій о сокращеніи числа духовенства, для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія причтовъ Регламентъ предполагалъ назначить каждогодный обязательный взносъ съ прихожанъ („подать священству и причетникомъ церкви своей“), чтобы „священство отъ симоніи и бевстуднаго нахальства отвратить, дабы впредь не домогалися платежу за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе и проч.“ Но это предположеніе не было осуществлено; только въ раскольническихъ приходахъ, гдѣ вовсе не было дохода отъ прихожанъ, причту велѣно брать по гривнѣ съ каждой души въ годъ, да по гривнѣ съ каждаго рожденія, погребенія и брака. Вопросъ объ улучшеніи содержанія духовенства такъ и остался нерѣшеннымъ. При Петрѣ уменьшилось даже и то благосостояніе, какимъ оно пользовалось прежде. Такъ еще съ 1698 г. всѣмъ церквамъ, у которыхъ были какія нибудь угодья и приходскіе дворы, прекращена была казенная руга, а тѣмъ, у которыхъ вовсе не было ни прихода, ни угодій, эту ругу велѣно вы-

давать на половину. Кромѣ того самыя угодья церквей, мельницы, рыбныя ловли, лавки, постоялые дворы и пчельники объявлены оброчными статьями казны и обложены оброкомъ. Старое архіерейское тягло сдѣлалось для духовенства тяжелѣе прежняго, потому что попало теперь въ вѣдомство сборщиковъ монастырскаго приказа. Кромѣ старыхъ платежей явились еще новые, которые должно было нести духовенство въ пользу школъ и богадѣленъ и на жалованье вновь явившемуся военному духовенству; явился новый государственный сборъ съ священнослужителей вмѣсто личной военной службы, именно сборъ драгунскихъ лошадей, по одной лошади съ каждыхъ 150 дворовъ прихода, и особый сборъ съ причетниковъ, тоже въ замѣнъ службы, извѣстный подъ именемъ козловскаго оклада; явились новыя повинности—караульная по улицамъ, пожарная и др. Земскіе камерары и комиссары иногда требовали съ духовенства даже такихъ платежей, которымъ оно вовсе и не подлежало, напр. на канальное дѣло, городовое строеніе, кирпичное дѣло, известковое зженіе и т. п. Всѣ эти сборы производились съ духовенства, какъ и съ крестьянъ, посредствомъ жестокихъ правежей, съ большими запросами и взятками.—Нищенство духовенства не уменьшалось; если не возросло еще болѣе; не уменьшались и его результаты, противъ которыхъ такъ энергично возставали указы: домогательство за требы, взиманіе платы за сорокоусты, „будто пошлины за смерть“, служеніе по найму съ крестцовъ, переходы отъ церкви къ церкви, упадокъ нравственности и униженіе въ обществѣ.

Напрасно законодательство старалось оградить духовное лице отъ обидъ разныхъ сильныхъ людей и прихожанъ распоряженіями о штрафахъ съ обидчиковъ, о запечатаніи за эти обиды приходской церкви и даже объ анаѳемѣ за нихъ отъ св. Синода. Духовенство попрежнему во всемъ зависѣло отъ прихода, попрежнему повторялись и давнишнія явленія оскорбленій духовному чину. Случалось, что помѣщикъ побьетъ своего попа „дубиной мученически“, нагрянетъ въ его домъ съ ватагой челяди, надѣлаетъ пьяныхъ скандаловъ съ его семьей; архіерей заступится за попа, пошлетъ помѣщику повѣстку явиться въ духовный приказъ, а помѣщикъ повѣстку изорветъ, посланнымъ архіерея пригрозитъ палками, если еще явятся съ тѣмъ же. Какой нибудь воевода, незаконно командуя надъ духовенствомъ, еще

пригрозитъ, чтобы Синодомъ никто не смѣлъ отговари ваться.—Между тѣмъ, съ большимъ опредѣленіемъ сослов ныхъ началъ, духовный чинъ еще болѣе замкнулся въ себѣ Приходскіе выборы членовъ клира подвергались все бо́ль шимъ и бо́льшимъ ограниченіямъ; изъ дворянъ дозволен посвящать однихъ младшихъ сыновей дворянскихъ фамилій изъ крестьянъ только въ случаѣ крайней необходимости по недостатку кандидатовъ изъ духовенства; кромѣ того обучившихся въ школахъ велѣно ставить на мѣста и без приходскихъ выборовъ. Были законы, гдѣ прямо говорилос о *наслѣдственности* духовнаго званія; напр. духовнымъ ли цамъ велѣно отдавать своихъ дѣтей въ школу, чтобы по слѣдніе могли быть наслѣдниками отцовскихъ мѣстъ; если для вакантнаго мѣста при церкви не было дѣтей у членовъ мѣстнаго причта, велѣно обращаться за кандидатами къ причтамъ другихъ церквей. Мы видѣли, что еще въ XVII в церковныя мѣста обращались въ какую-то родовую соб ственность, переходили по наслѣдству или за неимѣніемъ наслѣдниковъ продавались чужимъ вмѣстѣ съ хоромнымъ строеніемъ и хозяйствомъ священно-и-церковнослужителей Для устраненія этого Петръ распорядился, чтобы члены причта жили въ домахъ церковныхъ; частные ихъ дома на церковной землѣ велѣно купить въ церковную собственность. Но за недостаткомъ денегъ у церквей это распоряженіе не приведено въ исполненіе.—Народному значенію духовенства много вредило еще то, что оно было притянуто къ общей тогда системѣ полицейскихъ доносовъ, обязано было доно сить о распространителяхъ суевѣрій и расколовъ, о замыс лахъ противъ правительства и словахъ, касающихся чести государя, даже въ томъ случаѣ, если узнавало объ нихъ на исповѣди.

Распространеніе христіанства. Въ отношеніяхъ госу дарства къ религіи реформа провозгласила *принципъ сво боды вѣроисповѣданій*, бывшій тогда въ большой модѣ на западѣ. „Совѣсти человѣческой, писалъ Петръ въ указѣ 1702 г., приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещися о спасеніи души своей". Эта мысль о вѣротерпимости въ началѣ царствова нія Петра была приложена и къ инородческой миссіи, для которой единственными средствами были признаны пропо вѣдь и убѣжденіе. Отправляясь на сибирскую епархію, Фи лоѳей Лещинскій получилъ наказъ крестить инородцевъ

только волею, крещеныхъ не освобождать ни отъ ясака, какъ въ старину, ни отъ наказаній за преступленія, какія они совершили и которыя думаютъ покрыть крещеніемъ. Но потомъ, вслѣдствіе крайняго недостатка въ проповѣдникахъ, правительство снова должно было воротиться къ старымъ мѣрамъ. Въ 1713 и 1715 гг. вышли указы отписывать у некрещеныхъ помѣщиковъ крещеныхъ крѣпостныхъ людей. Съ 1720 г. крестившимся инородцамъ стали давать трехлѣтнюю льготу отъ податей и свободу отъ рекрутства. При этомъ впрочемъ не ослабѣвала мысль о развитіи и духовныхъ средствъ для миссіи. Въ 1721 г. св. Синодъ предлагалъ казанскому и вятскому архіереямъ устроить школы для новокрещенныхъ инородческихъ дѣтей.

Обращеніе инородцевъ казанскаго края. Однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей въ обращеніи инородцевъ былъ митрополитъ казанскій *Тихонъ*. Въ первое же время своего святительства съ 1701 по 1705 г. онъ обратилъ, съ помощію ключаря *Ѳеодора*, до 3680 инородцевъ. Въ 1707 г., еще раньше проектовъ объ инородческихъ школахъ, въ Казани была уже открыта школа, въ которой училось 32 ученика изъ инородцевъ. Черезъ два года, за недостаткомъ средствъ къ содержанію и вслѣдствіе смертности, открывшейся между ея учениками, она была закрыта; послѣ этого Тихонъ сталъ обучать новокрещенскихъ дѣтей въ своей духовной школѣ, открытой въ 1723 г. Послѣ ключаря Ѳеодора главнымъ помощникомъ его сдѣлался іеромонахъ *Алексѣй Раевскій*. Съ 1719 по 1724 г. всѣхъ обратившихся инородцевъ въ казанской епархіи было 2184 души, преимущественно изъ язычниковъ; магометане оказались упорнѣе въ своей вѣрѣ.—Въ сосѣдней вятской епархіи епископъ *Алексѣй* успѣлъ склонить къ христіанству нѣсколько вотяковъ. Въ Вяткѣ тоже была устроена инородческая школа, но вѣроятно и она скоро закрылась, по крайней мѣрѣ о дальнѣйшей судьбѣ ея ничего неизвѣстно.

Между калмыками христіанство начало распространяться еще въ концѣ XVII в. Въ 1700 г. новокрещеные жили уже особымъ и довольно большимъ селеніемъ на р. Терешкѣ. Ханъ *Аюка* разорилъ это селеніе, а жителей его отвелъ въ свои улусы. Калмыки однако и послѣ этого не переставали креститься и переходить на сторону русскихъ. Аюка очень сердился за пріемъ его подданныхъ: въ 1710 г., когда на р. Донъ къ русскимъ перешло до 10,000 калмы-

ковъ, онъ потребовалъ немедленнаго ихъ возвращенія. Русское правительство дѣйствительно возвратило ему нѣсколько некрещеныхъ калмыковъ, но крещеныхъ не возвратило, продолжало принимать ихъ и послѣ этого; ихъ обыкновенно отсылали на жительство или въ Кіевъ, или въ Чугуевъ въ число казаковъ. Однимъ изъ сильныхъ препятствій къ распространенію христіанства на востокѣ были башкирскія возстанія, которыя поддерживали въ магометанскомъ населеніи восточнаго края мысль объ освобожденіи отъ русскаго владычества.—Въ 1724 г. св. Синодъ отправилъ въ калмыцкіе улусы миссію, во главѣ которой стоялъ іеромонахъ *Никодимъ Ленкевичъ*. Внукъ Аюки († 1722 г.), *Тайшимъ*, кочевавшій около Астрахани, своимъ обращеніемъ подалъ сильный примѣръ своимъ единоплеменникамъ. Его воспріемникомъ былъ самъ Петръ. Никодимъ послѣ этого крестилъ весьма многихъ людей Тайшимовой орды. Чтобы избавить новокрещенныхъ отъ гоненія и соблазновъ со стороны некрещеныхъ, правительство переселяло ихъ въ Чугуевъ, Царицынъ и Астрахань.

Въ Сибири обращеніе инородцевъ особенно успѣшно пошло съ прибытіемъ туда *Филовея Лещинскаго*. Его епархія до сихъ поръ еще находилась во мракѣ язычества и магометанства, на 30,000 квадр. миляхъ своего пространства имѣла всего 160 православныхъ церквей. Съ помощію нѣсколькихъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева Филовей началъ усердно подвизаться на поприщѣ миссіи, разъѣзжая по своей епархіи изъ конца въ конецъ. Онъ отправлялъ проповѣдниковъ даже къ пограничнымъ съ Сибирью монголамъ и старался обратить къ христіанству самого калмыцкаго кутухту (первосвященника). Въ 1711 г. тяжкая болѣзнь на время прекратила его дѣятельность; онъ отказался отъ каѳедры и принялъ схиму съ именемъ *Ѳеодора*. На его мѣсто поступилъ кіевскій ученый *Іоаннъ Максимовичъ*, тоже показавшій большую ревность къ миссіонерскому дѣлу. Въ 1712 г. Ѳеодоръ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и, нестѣсняемый больше дѣлами епархіальными, всецѣло посвятилъ себя дѣлу миссіи. При содѣйствіи Максимовича и губернатора *Гагарина* онъ началъ дѣлать неутомимые разъѣзды изъ своего тюменьскаго монастыря по Иртышу, Турѣ, Кондѣ, Оби, около Пелыми и Березова, повсюду цѣлыми сотнями крестилъ татаръ, остяковъ и вогуловъ и строилъ церкви. Въ 1715 г. сатыгинскіе вогулы едва было его не

убили, собравшись въ числѣ 600 человѣкъ, но страхъ предъ правительствомъ и кроткія убѣжденія святителя произвели то, что эта грозная толпа приняла крещеніе. Въ томъ же году, по смерти Іоанна Максимовича, онъ опять принялъ сибирскую митрополію въ свое управленіе и управлялъ ею до пріѣзда новаго святителя *Антонія Стаховскаго* (тоже изъ малороссовъ). Въ 1716 г. его миссіонеры обратили татаръ на р. Чулыми и множество инородцевъ на р. Томи. Въ 1718—1719 гг. Ѳеодоръ опять поѣхалъ проповѣдывать христіанство и на этотъ разъ проникъ далеко на востокъ, ѣздилъ по Ангарѣ, Тунгузкѣ, два раза былъ за Байкаломъ. До 1721 г., когда онъ снова удалился въ монастырь, онъ успѣлъ обратить ко Христу до 40,000 остяковъ, вогуловъ, татаръ и др. инородцевъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ обучилъ грамотѣ и закону Божію и образовалъ изъ нихъ весьма полезныхъ миссіонеровъ. Недостатокъ хорошихъ священниковъ былъ самымъ сильнымъ препятствіемъ къ насажденію св. вѣры между инородцами, такъ что дѣло обращенія послѣднихъ большею частію должно было ограничиваться однимъ только крещеніемъ безъ надлежащаго наставленія въ вѣрѣ. И тѣ немногіе священники, которые шли на службу въ Сибирь, были далеко не изъ лучшихъ людей между духовенствомъ, страдали корыстолюбіемъ, слишкомъ много полагались на гражданскую власть и этимъ часто вооружали противъ себя дикарей.—Еще менѣе средствъ имѣла христіанская миссія на далекомъ сибирскомъ востокѣ, между якутами береговъ Лены, которые стали креститься съ 1724 г. Къ нимъ изрѣдка только наѣзжали священники изъ Якутска, чтобы совершить нужныя требы. Иркутская епархія, открытая для восточной Сибири въ 1707 г., съ 1714 г. оставалась безъ архіерея до 1727 г. А между тѣмъ ревность сибирскихъ митрополитовъ къ распространенію вѣры простерлась даже на отдаленную Камчатку. Въ 1705 г. Филоѳей послалъ туда для проповѣди архимандрита *Мартиніана*. Послѣ его смерти († 1718 г.) въ Камчатку ѣздили для проповѣди якутскіе монахи. Наконецъ въ 1723 г. м. Антоній послалъ туда священника *Ермолая Иванова*, который и оставался единственнымъ священникомъ на всемъ полуостровѣ до 1743 года.

Святитель Филоѳей заботился и о плѣнныхъ христіанахъ *въ Пекинѣ*, въ 1711 г. посылалъ къ нимъ свою учительную грамату и возбудилъ въ нихъ желаніе испросить у китай-

скаго правительства дозволеніе вызвать въ Пекинъ православнаго священника. Съ согласія богдыхана, въ 1715 г. изъ Тобольска отправилась въ Пекинъ первая русская миссія,—архимандритъ *Иларіонъ Лежайскій*, іеромонахъ, іеродіаконъ, 3 причетника и 4 служителя. Богдыханъ принялъ ихъ ласково, далъ имъ квартиры, содержаніе и чины мандариновъ. Они служили въ каменной церкви при русской ротѣ. Въ 1721 г. рѣшено было отправить въ Пекинъ епископа; назначенъ св *Иннокентій Кульчицкій*, который прежде былъ вызванъ изъ Кіева (1710 г.) въ учители московской академіи, а потомъ былъ оберъ-іеромонахомъ флота. Но по проискамъ іезуитовъ богдыханъ не дозволилъ ему ѣхать въ Китай; Иннокентій поэтому остался въ Селенгинскомъ монастырѣ, гдѣ и жилъ до 1727 г., когда сдѣланъ былъ епископомъ иркутскимъ.

На противоположномъ концѣ Руси, *при Балтійскомъ морѣ* во время шведской войны Россія не только возвратила себѣ старыя земли, уступленныя Швеціи по Столбовскому миру, но сдѣлала еще новыя пріобрѣтенія. На устьѣ Невы основалась новая столица русской имперіи, въ которую по окончаніи войны перенесены изъ Владиміра мощи Александра Невскаго (положены въ Невскомъ монастырѣ). Съ основаніемъ Петербурга и завоеваніемъ Выборга началось покореніе Финляндіи и возстановленіе православной вѣры по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ она была до владычества Швеціи Въ 1708 г. возстановлена корельская епархія. Въ 1718 г. возобновлены обители Валаамская и Коневская; въ первую возвращены мощи Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, доселѣ хранившіяся вѣроятно въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. По Ништадтскому миру къ Россіи присоединены Лифляндія и Эстляндія, гдѣ послѣ долгаго протестантскаго владычества оставались уже едва замѣтные слѣды древняго православія. Въ Ревелѣ для стоявшихъ тамъ войскъ устроены двѣ церкви.

Состояніе православія въ Польшѣ. Война съ Карломъ XII въ союзѣ съ Польшей заставила Петра обратить серьезное вниманіе на облегченіе участи православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ. Съ того времени, какъ Россія по договору съ Польшей 1686 г. получила право ходатайствовать за православныхъ жителей польскихъ владѣній, оттуда постоянно приходили жалобы на притѣсненія за православіе. Въ 1705 г., въ бытность свою въ Полоцкѣ, Петръ на опытѣ узналъ справедливость этихъ жалобъ, самъ подвергнувшись

жестокому оскорбленію отъ уніатовъ. Въ одномъ уніатскомъ монастырѣ монахи не пустили его въ алтарь, какъ схизматика; онъ снесъ эту обиду терпѣливо. Потомъ онъ увидалъ въ монастырской церкви одинъ образъ, отличавшійся особеннымъ украшеніемъ, и спросилъ, чей онъ. Монахи отвѣчали: „священномученика Іосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы, еретики и богоотступники, убили". Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ схватить дерзкихъ фанатиковъ. Но они не дались въ руки царской свиты и вступили съ ней въ драку. Произошла свалка, въ которой 4 монаха были смертельно ранены; одного монаха, отличавшагося особеннымъ фанатизмомъ, царь велѣлъ повѣсить. Католики и уніаты, разумѣется, не замедлили разгласить объ этомъ событіи въ свою пользу, представивъ царя какимъ-то чудовищемъ,—варваромъ и гонителемъ вѣры.

Царь неоднократно дѣлалъ сильныя представленія въ защиту православія и королю и сейму. Король *Августъ*, находившій въ Петрѣ главную подпорку для себя противъ своего соперника *Станислава Лещинскаго* (короля, избраннаго Карломъ XII), не могъ оставлять этихъ представленій безъ вниманія. Но въ такомъ государствѣ, какъ Рѣчь Посполитая, гдѣ каждый шляхтичъ могъ безнаказанно дозволять себѣ всякое своеволіе, ничего не значили ни распоряженія короля, ни даже постановленія сейма. Сильное вліяніе Россіи на дѣла Польши только раздражало поляковъ и заставляло ихъ еще недоброжелательнѣе относиться къ православнымъ. Гоненія на православіе сильно разрѣдили тогда ряды православной іерархіи. Епископы перемышльскій, львовскій и полоцкій перешли въ унію, такъ что у православныхъ осталось всего только два епископа: луцкій *Кириллъ Шумлянскій* и могилевскій *Сильвестръ Четвертинскій*, но первый изъ нихъ въ 1711 г. былъ изгнанъ изъ своей епархіи и жилъ въ Кіевѣ, а второй, хотя и держался на мѣстѣ, но постоянно терпѣлъ всякаго рода обиды, подвергаясь даже опасности быть убитымъ. Отъ него одна за другой шли къ царю жалобы на горькую участь православныхъ, на утѣсненіе, какого не терпѣли даже татары и жиды. Дѣйствительно, татары и евреи въ Рѣчи Посполитой пользовались полной свободой богослуженія, могли строить и возобновлять свои молитвенные домы, между тѣмъ какъ православнымъ строго запрещалась всякая починка церквей; ихъ религіозныя процессіи, наприм. похоронныя,

постоянно подвергались уличнымъ оскорбленіямъ. На сеймѣ 1717 г. явился проектъ совершеннаго истребленія православной и даже уніатской вѣры, причемъ предполагалось преслѣдовать православныхъ и уніатовъ всѣми возможными способами, презрѣніемъ, обвиненіями въ преступленіяхъ, клеветами, отнятіемъ у ихъ дворянства всякихъ должностей, у духовенства—матеріальныхъ средствъ, у всѣхъ вообще—всякихъ средствъ къ образованію, развитіемъ аренды надъ церквами и т. п. Уніатское духовенство и народъ успѣли уже достаточно отупѣть и обезсилѣть еще въ XVII в., такъ что теперь можно было сдѣлать рѣшительный шагъ къ *слія-нію уніи съ католичествомъ* и такимъ образомъ выполнить мысль, которая была у іезуитовъ еще при самомъ учрежденіи уніи. Замойскій уніатскій соборъ 1720 г. распорядился издать новые служебники, въ которыхъ многія службы были измѣнены на католическій ладъ, въ молитвахъ прибавлено поминовеніе папы, а въ символѣ вѣры—латинское „и отъ Сына". Съ этого же времени въ церквахъ уніатскихъ стали выводиться иконостасы, между духовенствомъ вводилось бритье бороды и платье католическихъ монаховъ и ксендзовъ. Православіе подвергалось, разумѣется, еще большей опасности, чѣмъ унія Въ 1718 г. Петру подана была жалоба отъ всѣхъ православныхъ монастырей Литвы и Бѣлоруссіи, въ которой говорилось, что, если царь не поможетъ имъ теперь, то православіе будетъ совершенно уничтожено въ Польшѣ. Въ 1720 г. сильнымъ меморіаломъ Петръ заставилъ короля Августа выдать привиллегію съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ православнаго населенія. Но ни эта привиллегія, ни новыя представленія сейму русскаго посла, ни усердная дѣятельность назначеннаго для защиты православія особаго русскаго комиссара въ Бѣлоруссіи, *Игнатія Рудановскаго*, не имѣли никакихъ результатовъ. Въ 1722 г. канцлеръ кн. Вишневецкій праздновалъ въ Пинскѣ свадьбу двухъ дочерей; когда всѣ гости сильно подгуляли, на нихъ нашла ревность къ уніи. Самъ хозяинъ, нѣсколько магнатовъ и луцкій уніатскій епископъ *Рупіевскій*, съ множествомъ шляхты, гусаровъ и гайдуковъ, сѣли на коней, разбили три православныхъ монастыря и объявили ихъ уніатскими, кромѣ того объявили за уніей всѣ церкви въ окрестностяхъ со всѣми прихожанами числомъ до 20,000 человѣкъ. Отъ русскаго правительства по этому поводу пришло такое грозное представленіе, что даже папскій нун-

цій почелъ нужнымъ разослать грамату съ запрещеніемъ безпорядковъ, которые могутъ быть вредны для католичества въ Россіи Петръ дѣйствительно заявилъ римскому двору, что самъ воздвигнетъ у себя гоненіе на католичество, а королю пригрозилъ разрывомъ. Крупныя насилія православнымъ дѣйствительно прекратились, но такія, которыя считались мелкими и на которыя въ Польшѣ не обращали никакого вниманія. остались; напр. то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ отнимали у православныхъ церковь, разбивали процессію, какой нибудь шляхтичъ или панъ приводилъ въ унію попа, билъ его, держалъ въ тюрьмѣ, рубилъ ему пальцы или заставлялъ мили 3 бѣжать за лошадью, прицѣпивъ его за шею веревкой къ лошадиному хвосту.

Отношеніе православія къ католичеству. Всѣ такія явленія естественно должны были усиливать и безъ того уже сильную антипатію Петра къ католичеству. До гоненія противъ католиковъ, которымъ онъ угрожалъ Риму, дѣло впрочемъ не доходило: вѣрный провозглашенному въ 1702 г. принципу свободы вѣроисповѣданій, Петръ дозволялъ католикамъ строить въ Россіи храмы и держать при нихъ духовенство, не терпѣлъ только іезуитовъ; послѣ перваго изгнанія ихъ изъ Россіи въ 1689 г. они опять подвергнулись изгнанію въ 1719 г. Обманывая себя терпимостью царя, парижскіе богословы Сорбонны возымѣли было даже мысль начать дѣло о соединеніи церквей и во время посѣщенія царемъ Сорбонны въ 1717 г. подали ему объ этомъ предметѣ записку; въ 1718 г. на эту записку посланъ былъ изъ Россіи отрицательный отвѣтъ, сочиненный Ѳеофаномъ, сущность котораго состояла въ томъ, что въ рѣшеніи такого важнаго вопроса должна участвовать не одна русская, но вся вселенская церковь. Въ 1723 г. вышло распоряженіе—католикамъ, живущимъ въ Россіи, избирать себѣ духовныхъ лицъ преимущественно изъ французовъ; галликанской церкви Петръ оказалъ такимъ образомъ предпочтеніе за ея либеральное отношеніе къ папѣ.

Отношеніе къ протестантству. Къ протестантамъ Петръ относился всегда благосклонно; всѣ окружавшіе его иностранцы были протестанты, а не католики. Со стороны протестантства въ 1717 г. тоже открылась попытка къ соединенію съ православною церковью. Англиканскіе епископы сдѣлали письменное предложеніе о такомъ соединеніи сначала восточнымъ патріархамъ. Блюстители восточнаго

православія отвѣчали имъ пространнымъ изложеніемъ незыблемыхъ истинъ православія, на основаніи которыхъ англиканскіе христіане могутъ быть приняты въ общеніе съ церковію, а п. Досиѳей написалъ 18 членовъ православнаго исповѣданія съ опроверженіемъ всѣхъ главныхъ пунктовъ протестантства, опираясь главнымъ образомъ на Православное Исповѣданіе П. Могилы. Послѣ этого англиканскіе епископы вошли въ сношеніе о томъ же предметѣ съ русскимъ св. Синодомъ и прислали въ Россію свое возраженіе на отвѣты патріарховъ. Узнавъ объ этомъ, патріархи въ 1723 г. прислали въ Россію окружное посланіе съ исповѣданіемъ п. Досиѳея, умоляя всѣхъ православныхъ непоколебимо держаться отеческой вѣры. Попытка англиканской церкви, какъ и римской, кончилась безуспѣшно. Въ 1718 г. русская церковь оказала снисходительность къ лютеранамъ и кальвинистамъ, опредѣливъ на московскомъ соборѣ присоединять ихъ къ православію безъ перекрещиванія, чрезъ одно миропомазаніе. Въ 1721 г. св. Синодъ въ первый разъ издалъ разрѣшеніе православнымъ вступать въ бракъ съ неправославными, которымъ преимущественно воспользовались тоже протестанты, жившіе въ Россіи, но дѣтей отъ такихъ браковъ велѣно крестить въ православіи. Совращеніе православныхъ строго преслѣдовалось.

Вліяніе иностранцевъ. Не смотря на запрещеніе иновѣрцамъ пропаганды, чрезвычайный наплывъ ихъ въ Россію не могъ обойтись безъ вліянія на религіозность русскихъ людей. Старинное смѣшеніе народныхъ обычаевъ и житейской обстановки съ вѣрою теперь было особенно вредно для православія среди множества нововведеній съ запада. Реформа стремилась восполнить русскую религіозную исключительность мірской образованностью запада; но, отрекаясь отъ одной исключительности, юное общество на первыхъ порахъ невольно впадало въ другую, противуположную исключительность пренебреженія къ вѣрѣ, религіознаго вольнодумства. Въ должныхъ границахъ умѣренности не удержалось общество и на западѣ, гдѣ въ это время тоже шла горячая ломка средневѣковаго теократическаго быта и гдѣ тоже слишкомъ перегнули дугу въ противную сторону, стали ломать самую твердыню вѣры, а западное общество обладало болѣе крѣпкой цивилизаціей, чѣмъ русское. Насмѣшки протестантовъ надъ церковною внѣшностію тѣмъ сильнѣе дѣйствовали во вредъ православію, что

ю сихъ поръ русское общество страдало религіознымъ невѣжествомъ, допускало въ своихъ вѣрованіяхъ множество суевѣрій, которыя падали при первой встрѣчѣ съ цивилизаціей, но, падая, роняли съ собой и самыя православныя убѣжденія, наконецъ смѣшивало сущность вѣры съ формой, страдало обрядовымъ направленіемъ религіозности, которое и безъ западнаго вліянія, само по себѣ уже близко граничило съ холоднымъ, безсознательнымъ невѣріемъ. Само законодательство временъ Петра не чуждо было нѣкоторой доли легкаго отношенія къ священнымъ предметамъ; въ своемъ гоненіи противъ суевѣрій и ханжества оно иногда неразборчиво касалось и чисто православныхъ вѣрованій. Самого царя обвиняли въ еретичествѣ, наприм. за то, что онъ не соблюдалъ постовъ, хотя онъ и оградился въ этомъ случаѣ разрѣшительной граматой константинопольскаго патріарха. Но Петръ, по самому положенію своему, долженъ былъ сдерживаться отъ излишнихъ проявленій свободомыслія, долженъ былъ сдерживать и другихъ. Однажды онъ прибилъ своей знаменитой дубинкой Татищева, допустившаго какую-то вольность на счетъ преданій церкви, приговаривая при этомъ: „не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго общественному благоустройству; не затѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви“. На развитіе вольнодумства и протестантскихъ идей жаловался еще п. Адріанъ, потомъ жаловались Аѳанасій холмогорскій, Димитрій ростовскій, Іовъ новгородскій, Стефанъ Яворскій и др.

Московскіе еретики. Въ 1713 г. началось замѣчательное дѣло о московскихъ еретикахъ. Во главѣ ихъ стоялъ лекарь *Димитрій Тверитиновъ*, учившійся медицинѣ въ нѣмецкой слободѣ. Познакомясь съ нѣмцами, онъ скоро увлекся протестантскими вѣрованіями и сдѣлался ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Если больной просилъ у него лекарства отъ глазной или зубной боли, онъ со смѣхомъ совѣтовалъ ему сдѣлать серебряный глазокъ или зубокъ къ образу Игнатія или Ангинія чудотворца; увидѣвъ постную пищу, начиналъ бранить посты; въ переднемъ углу его дома вмѣсто иконъ висѣли листъ, на которомъ изображены были двѣ первыя заповѣди, а на стѣнахъ другіе листы съ текстами въ защиту протестантскихъ мыслей. Свое ученіе онъ изложилъ въ особыхъ тетрадкахъ, которыя давалъ читать разнымъ людямъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ

Лютерова катихизиса. Онъ отвергалъ почитаніе св. мощей, ученіе о пресуществленіи св. даровъ, о ходатайствѣ святыхъ, поминовеніи умершихъ, отрицалъ церковное преданіе и силу церкви, говоря: „я де и самъ церковь“. Сила его діалектики такъ была велика, что его не могли оспоривать даже ученые московской академіи. Надѣясь на вѣротерпимость правительства, онъ мало стѣснялся въ высказываніи своихъ мыслей и часто вступалъ съ православными въ споры; на угрозы судомъ отвѣчалъ: „нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому,—кто какую вѣру изберетъ, въ такую и вѣруетъ“. Въ теченіи 10 лѣтъ около него составился большой кружокъ единомышленниковъ, изъ которыхъ самымъ рьянымъ явился цирюльникъ *Ѳома Ивановъ*. Въ 1713 г. еретики подверглись розыску духовнаго начальства при содѣйствіи преображенскаго приказа и были уличены множествомъ свидѣтелей. Но государь не хотѣлъ поднимать серьезнаго дѣла объ этой ереси и подвергать виновныхъ наказанію; удовольствовавшись отреченіемъ ихъ отъ еретическихъ мнѣній, онъ поручилъ Стефану присоединить ихъ къ церкви и потушить дѣло. Ревностный мѣстоблюститель былъ этимъ недоволенъ, собралъ противъ еретиковъ новыя показанія, захватилъ тетради Тверитинова и поставилъ еретичество подсудимыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. Особенно сильно повредилъ своимъ товарищамъ Ѳома Ивановъ, находившійся на покаяніи въ Чудовомъ монастырѣ; церковное наказаніе привело его въ такое раздраженіе, что однажды онъ пришелъ въ церковь и разсѣкъ косаремъ образъ св. Алексія чудотворца. Въ 1714 году московскій соборъ предалъ еретиковъ проклятію и отдалъ ихъ гражданскому суду. Они были разосланы по монастырямъ, а Ѳома Ивановъ созженъ на кострѣ. Во время казни одинъ изъ его почитателей говорилъ народу; „вотъ какъ наши страждутъ!.. И сожгли, а не перекрестился“. Петръ былъ недоволенъ ревностію Стефана и даже сдѣлалъ ему обидный выговоръ черезъ Сенатъ. По поводу ереси Стефанъ написалъ большое сочиненіе въ опроверженіе протестантовъ „Камень вѣры“, но государь не одобрилъ его къ печати, какъ неблаговременное и обидное для жившихъ въ Россіи иностранцевъ.

Недовольство реформами старинныхъ людей. Строгость правительства обращена была не на протестантскія ереси, а на домашнія произрастенія народной религіозности, расколы и суевѣрія, которыя всего болѣе вредили дѣлу рефор-

мы. Всѣ нововведенія Петра толковались въ народѣ съ обычной религіозной точки зрѣнія, какъ отступленіе отъ вѣры. Когда стремленія правительства выяснились, когда для удовлетворенія цѣлямъ реформы всѣ народныя силы приведены были въ страшное напряженіе и вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе стали усиливаться строгія мѣры противъ непокорныхъ крутой волѣ царя, старинные люди стали толковать, что царь не настоящій царь, а подмѣненный, нѣмецъ, отъ того и вводитъ нѣмецкую вѣру и нѣмецкіе обычаи. Потомъ не остановились и на этомъ объясненіи его поведенія;—тяжести времени и крутой переходъ отъ стараго къ новому возбуждали уже знакомое намъ мистическое настроеніе мыслей, знакомый бредъ объ антихристѣ и послѣднемъ времени. Въ 1700 г. сожженъ былъ книгописецъ *Григорій Талицкій*, который одинъ изъ первыхъ уяснилъ въ своихъ тетрадяхъ страшную мысль, что настало царство антихриста и что Петръ именно и есть самый антихристъ. Талицкій умеръ на кострѣ, но мысль его не умерла вмѣстѣ съ нимъ и начала быстро распространяться въ темной массѣ народа. Эту мысль развивали на всѣ лады и священникъ, у котораго отобрали пчельникъ и требовали небывалыхъ прежде сборовъ, и бродячій старецъ, котораго ловила полиція, и крестьянинъ, которому приходилось не въ мочь отъ тягостей новаго тягла, и сынъ боярскій, изнуренный службой, и вдова стрѣльчиха послѣ колесованнаго мужа, и нищій, которому не велѣно было просить милостыни,—всѣ, кого только коснулись новые порядки. Были фанатики, которые сами лезли на казни, чтобы побороться съ антихристовою прелестью, поносили царя на площадяхъ, на улицахъ, въ церквахъ. Другіе распространяли свои фанатическія мысли чрезъ подметныя письма, которыхъ являлось такъ много, что правительство сначала усердно ловившее и разыскивавшее ихъ авторовъ, наконецъ (1715 г.) распорядилось жечь ихъ, не читая.

Усиленіе раскола. Среди такого настроенія народныхъ массъ была богатая почва для сѣянія раскольническихъ заблужденій. Мысль о воцареніи антихриста среди раскольниковъ была развита до такой степени ясности и несомнѣнности, что въ сѣверномъ краѣ жители цѣлыми селеніями уходили въ лѣса и, сколотивъ себѣ гробы, ложились въ нихъ ждать втораго пришествія Христова; другіе зажигали костры и гибли на нихъ добровольною мученическою смертью.

Всѣ дѣйствія Петра раскольники толковали примѣнительно къ разнымъ сказаніямъ о признакахъ антихриста; его побѣды приписывали бѣсовской силѣ, предсказывали, что онъ воцарится и въ Царѣградѣ и въ Римѣ и въ Іерусалимѣ и что на немъ вѣкъ сей скончается; въ титулѣ императора (читали іператоръ) находили число 666; толковали, что по учрежденіи Синода онъ принялъ власть не только царскую, но и святительскую и Божію, сталъ искоренять остатокъ православія, составилъ многіе регламенты, учинилъ народное описаніе, изчисляя живыхъ и мертвыхъ, дабы никто не могъ укрыться отъ руки его. Находились изувѣры, которые шли на самыя дерзкія предпріятія, наприм. въ 1720 г. одинъ раскольникъ въ Москвѣ бросился съ дубиной на архіерея во время крестнаго хода, ударилъ нѣсколько разъ по иконѣ, которую несли въ ходу, а на допросахъ показалъ, что убилъ бы самого царя, еслибы онъ тутъ случился; въ 1722 г. другой раскольникъ проникъ въ самый дворецъ и только выпавшій у него изъ руки ножъ обнаружилъ его намѣреніе и предостерегъ царя.

Отношеніе Петра къ расколу. Подобныя явленія естественно должны были вызывать со стороны Петра самыя жестокія мѣры противъ раскольниковъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить въ его время совершенно новой черты въ отношеніяхъ государства къ расколу: во всѣхъ указахъ противъ раскольниковъ, въ полицейскихъ и судебныхъ розыскахъ, въ объявленіяхъ преступленій казнимыхъ изувѣровъ причиною преслѣдованій раскола вездѣ выставляется не религіозная его виновность, какъ прежде, а только его противогосударственный характеръ. Собирая всѣ русскія силы на общую работу, Петръ видѣлъ, какъ невыгодно для себя поступало доселѣ государство, объявляя расколъ недозволенной сектой и отказываясь чрезъ это отъ множества служилыхъ и тяглыхъ силъ, которыя стали прятаться отъ него въ лѣсахъ и уходить за границу. Когда царю донесли, что на р Выгѣ живетъ много раскольниковъ, онъ только сказалъ: „пускай живутъ“, и не велѣлъ ихъ трогать. Въ другое время, услышавъ хорошій отзывъ о раскольникахъ купцахъ, онъ замѣтилъ: „если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть,—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“.

Раскольникамъ въ первый разъ теперь дано было право гражданства съ обязательствомъ нести для государства службу и платежи.

Прежде всего гражданскою свободою воспользовались благоустроенныя раскольническія общежитія.—*Выговское* и *Стародубское*. Учители поморцевъ, *Даніилъ Викуловъ*, особенно братья *Андрей* и *Семенъ Денисовы* дали своимъ Выгорѣцкимъ скитамъ образцовое устройство, упорядочили вѣрованія выговцевъ, ослабили въ нихъ духъ раскольническаго фанатизма, основали школы для обученія чтенію, пѣнію и иконописанію, собрали богатую библіотеку и сдѣлали свои скиты центромъ своеобразнаго раскольническаго просвѣщенія: въ то же время выговцы завели у себя обширное хлѣбопашество, торговлю и промыслы, имѣли суда, пристани, угодья, заводы и проявили замѣчательную хозяйственную дѣятельность, которую Петръ поощрялъ во всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ 1705 г. правительство приписало скиты къ олонецкимъ желѣзнымъ заводамъ, предоставивъ имъ за службу на заводахъ полную свободу вѣры и независимость отъ всѣхъ мѣстныхъ начальствъ, кромѣ заводскаго. Начальникъ заводовъ *Геннинъ* съ этихъ поръ постоянно заступался за выговцевъ, спасая ихъ отъ преслѣдованія со стороны архіерейскихъ чиновниковъ. — Стародубскія слободы раскольниковъ, оказавшія правительству услуги во время шведской войны, царь велѣлъ переписать на себя, утвердилъ за ними ихъ земли, промыслы и торги и далъ амнистію всѣмъ бѣглецамъ, которые въ нихъ скрывались.—Въ 1714 г. дарованіе гражданскихъ правъ простерлось на всѣхъ раскольниковъ; ихъ велѣно переписать по всему государству и обложить *двойнымъ подушнымъ окладомъ*. Многіе съ радостію записывались въ этотъ окладъ, который долженъ былъ оплачивать ихъ древлее благочестіе, и сдѣлались полезными членами государства; но другіе упорно отказывались отъ него и употребляли всевозможныя уловки, чтобы только не быть записанными въ антихристовы книги, прибѣгали для этого къ подкупамъ, притворству, бѣжали въ Сибирь, въ лѣсные скиты и за границу. Противъ такихъ *тайныхъ* раскольниковъ, отрицавшихся отъ государства, употреблялись самыя строгія мѣры, ничѣмъ не мягче тѣхъ, которыя въ XVII в. существовали противъ всего раскола вообще. Въ наказаніе за утайку раскольниковъ назначена политическая смерть и анаѳема св. Сино-

да. Къ разыскиванію потаенныхъ изувѣровъ, особенно расколоучителей, призваны были всѣ начальства, духовенство и всѣ обыватели. Въ двойной окладъ велѣно писать даже всѣхъ тѣхъ, которые держались только одного двоеперстія, „не взирая ни на что“, сказано въ указѣ. Священники обязывались наблюдать въ приходахъ, кто уклоняется отъ богослуженія, и подавать ежегодно росписи объ исповѣдовавшихся и причащавшихся. Уклонявшихся отъ богослуженія и таинствъ велѣно приводить къ присягѣ, при чемъ они должны были проклинать всѣ раскольническіе толки; нежелавшихъ присягать велѣно писать въ двойной окладъ. Въ предотвращеніе утайки раскольниковъ со стороны священниковъ, послѣдніе обязывались исповѣдывать умирающихъ наединѣ, а причащать непремѣнно при свидѣтеляхъ. Раскольническіе скиты, гдѣ особенно много жило потаенныхъ раскольниковъ, подвергались обыскамъ; тайные скиты велѣно отыскивать и раззорять. Въ послѣдніе годы правленія Петръ сдѣлался гораздо строже къ раскольникамъ. И прежде онъ преслѣдовалъ ихъ своей жосткой сатирой въ указахъ, потѣшныхъ процессіяхъ и маскарадахъ; въ 1722 г. онъ выдумалъ для нихъ особое смѣшное платье, для мущинъ—зипунъ съ стоячимъ краснымъ козыремъ, для женщинъ—опашни и шапки съ рогами. Не велѣно было возводить ихъ ни въ какія начальственныя должности, брать въ свидѣтели на судѣ и принимать у нихъ челобитныхъ; наконецъ имъ запрещено переселяться съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они записаны на жительствѣ по переписи.

Духовныя мѣры противъ раскола. Однимъ изъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ обращенія раскольниковъ явился св. Димитрій ростовскій, который при самомъ пріѣздѣ своемъ на епархію встрѣченъ былъ вопросами о бритьѣ бороды, за которую многіе изъявляли готовность пожертвовать головою. „Голова не отростетъ, когда ее снимутъ, отвѣчалъ святитель, а борода отростетъ, такъ уже лучше пожертвовать бородою“. Онъ часто боролся съ расколомъ въ своихъ поученіяхъ и написалъ противъ него сочиненіе „Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“ и капитальное изслѣдованіе о главныхъ раскольническихъ сектахъ подъ именемъ „Розыска о брынской вѣрѣ“. Другимъ знаменитымъ дѣятелемъ противъ раскола былъ Питиримъ нижегородскій, который самъ былъ прежде раскольникомъ. Послѣ своего обращенія онъ лѣтъ 12 служилъ строителемъ переяславльскаго монастыря и

обратилъ множество раскольниковъ въ юрьевецкомъ и балахнинскомъ уѣздахъ. Въ 1716 г. онъ послалъ въ керженскіе поповщинскіе скиты 130 вопросовъ, на которые раскольники тоже отвѣчали вопросами (числомъ 240), но отвѣтовъ на вопросы Питирима не прислали, уклоняясь отъ состязанія съ нимъ изъ боязни посрамленія. Послѣ неоднократныхъ требованій съ его стороны эти отвѣты присланы были къ нему уже въ 1719 г., когда онъ сдѣлался епископомъ; за недостаткомъ на Керженцѣ ученыхъ людей они написаны были поморскимъ безпоповщинскимъ учителемъ Андреемъ Денисовымъ. Въ селѣ Пафнутовѣ наконецъ состоялся обмѣнъ этихъ отвѣтовъ на отвѣты Питирима и знаменитое бесѣдованіе его съ учителями керженцевъ *Варсонофіемъ* и дьякономъ *Александромъ* въ присутствіи многочисленной толпы раскольниковъ, кончившееся присоединеніемъ расколоучителей къ православію; Александръ однако скоро опять отступилъ отъ церкви и былъ казненъ смертью, какъ оскорбитель власти и обманщикъ. Отвѣты Питирима были напечатаны подъ именемъ „Пращицы“. Въ 1727 г. ревностный борецъ противъ раскола доносилъ о своихъ трудахъ, что съ 1718 по 1724 г. имъ обращено къ православію болѣе 68,000 раскольниковъ.—Св. Синодъ съ своей стороны издавалъ увѣщательныя посланія къ раскольникамъ, отвращая ихъ отъ произвольнаго мученичества и приглашая безбоязненно являться въ Синодъ для собесѣдованій. Въ 1722 г. онъ отправилъ въ Поморье ученика Питиримова іеромонаха *Неофита*, который тоже предложилъ поморцамъ вопросы, числомъ 106. Денисовы написали противъ нихъ свои „Поморскіе отвѣты“. Въ расколѣ ничего еще не являлось выше этого сочиненія и двухъ другихъ произведеній братьевъ Денисовыхъ: „Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ“ и „Винограда россійскаго“. Миссія Неофита имѣла мало успѣха, потому что встрѣтила въ Денисовыхъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ, съ которыми нельзя было и сравнивать невѣжественныхъ противниковъ Питирима.

Хлысты. Въ началѣ XVIII в. обратила на себя вниманіе хлыстовская ересь. Св. Димитрій писалъ о лжехристѣ Сусловѣ въ своемъ Розыскѣ. По смерти Суслова (1716) христомъ сдѣлался *Прокопій Лубкинъ*, одинъ изъ стрѣльцовъ, сосланный въ Нижній. Онъ распространялъ свое ученіе сначала въ нижегородской, костромской и владимір-

ской губерніяхъ, потомъ поселился въ Москвѣ вмѣстѣ съ женой *Акулиной*, которую выдалъ за богородицу. Въ 1716 г. еретики попали подъ судъ; но Лубкинъ какъ-то успѣлъ освободиться отъ суда и спокойно жилъ въ Москвѣ до самой смерти († 1732 г.), продолжая распространять ересь.

Борьба съ суевѣріями надѣлала правительству еще больше хлопотъ, чѣмъ борьба съ расколомъ, потому что суевѣріе, по словамъ Регламента, было зло общее, обрѣталось не въ нѣкоторыхъ, а во всѣхъ людяхъ. Народная масса вовсе не была затронута современнымъ образованіемъ и находилась въ прежнемъ состояніи религіознаго невѣжества. Толпы народа собирались со страхомъ около поддѣльныхъ плачущихъ иконъ и слушали пророчества ложныхъ пророковъ, въ числѣ которыхъ попадались даже такія лица, какъ Досиѳей ростовскій. По Россіи ходили странствующіе греки съ ложными святынями, однажды въ отсутствіе Петра успѣли сбыть за 1000 рублей кусокъ незгараемаго полотна, выданнаго ими за ризу Богоматери, самой царицѣ. Петръ при всякомъ удобномъ случаѣ старался обнаруживать подобные обманы предъ народомъ, однажды самъ открылъ при народѣ поддѣлку въ дскѣ одной плачущей иконы. Всѣ власти и духовенство были призваны имъ къ преслѣдованію юродивыхъ, пророковъ, колдуновъ, кликушъ и другихъ распространителей суевѣрій. Кликушъ велѣно пытать до тѣхъ поръ, пока сознаются въ обманѣ. За разглашеніе чудесъ и видѣній назначено тѣлесное наказаніе и ссылка на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей. Для колдуновъ, явныхъ хулителей имени Божія и распространителей вредныхъ государству суевѣрій назначена смертная казнь; грековъ, странствующихъ безъ патріаршихъ грамотъ, не велѣно пропускать въ Россію, какъ „безвѣрниковъ и попрошаекъ“. Сохранилась одна записка Петра, въ которой находится краткое толкованіе заповѣдей; грѣхъ лицемѣрія и ханжества подводится здѣсь подъ всѣ заповѣди, ставится тяжелѣе всѣхъ грѣховъ, потому что ханжи и обманщики, вымышляющіе чудеса и пророчества, лгутъ на Бога, губятъ народъ, подвигая его на бунты и подводя подъ казни, крадутъ не только рукой, но и духомъ и т. д. Дух. Регламентъ возложилъ на св. Синодъ обязанность подвергнуть строгому изслѣдованію сказанія о святыхъ, мощи и чудотворныя иконы, всякія чудеса, ложнымъ употребленіемъ которыхъ отъ иновѣрныхъ на православіе наводится наре-

каніе, выводить суевѣрные обычаи, въ родѣ обычаевъ не дѣлать въ пятокъ, поститься 12 пятницъ, и непотребныя церемоніи, какъ наприм. слышится, что въ стародубскомъ полку въ церковномъ ходѣ водятъ жонку простоволосую подъ именемъ Пятницы, въ другомъ мѣстѣ попы молебствуютъ съ народомъ подъ дубомъ и проч. По мысли царя св. Синодъ дѣйствительно издалъ нѣсколько распоряженій противъ суевѣрій; въ одномъ указѣ возсталъ противъ обычая обливать водой проспавшихъ пасхальную заутреню, объясняя, что это обычай языческій въ честь Купалы; въ другомъ указѣ возставалъ противъ суевѣрнаго чествованія артоса и богоявленской воды. Въ 1723 г. въ Синодѣ освидѣтельствованы были одне мощи, взятыя изъ частнаго дома, и оказались простою слоновою костью; тогда царь велѣлъ написать объ нихъ цѣлый трактатъ для общаго свѣденія и положить ихъ на храненіе въ синодальную кунсткамеру.

Новыя понятія о религіозности. Подъ вліяніемъ порицанія отъ иновѣрныхъ, на которое часто ссылаются указы, гоненіе противъ суевѣрій нерѣдко доходило до крайностей, смѣшивало съ суевѣріемъ иногда и добрыя проявленія благочестія. Въ разныхъ мѣстахъ велѣно разсорять часовни, отъ иконъ снимать оклады и привѣсы, запрещались публичныя хожденія по улицамъ съ образами и св. водой, отмѣнены нѣкоторые крестные ходы. Образованное общество какъ будто стыдилось теперь своей прежней простодушной религіозности и старалось ее спрятать. Св. Синодъ долженъ былъ заняться очищеніемъ церковной службы отъ лишнихъ обрядовъ, которые, хотя не вредны сами по себѣ, но не установлены церковію и могутъ напрасно отягощать совѣсть человѣческую. Правительство обратило вниманіе на иконописаніе, которое особенно подвергалось насмѣшкамъ иноземцевъ, и въ 1707 г. учредило цѣлый приказъ для надзора за иконописцами; во главѣ этого приказа поставленъ художникъ *Зарудный* съ званіемъ суперъинтенданта изуграфствъ исправленія. Св. Синодъ издалъ увѣщаніе, въ которомъ доказывалось, что въ богатыхъ ризахъ на иконы, равно какъ въ дорогихъ подсвѣчникахъ и лампадахъ, славѣ Божіей и благочестію приплода никакого нѣтъ и гораздо лучше давать деньги на содержаніе богоугодныхъ заведеній. Обрядовое направленіе религіозности подверглось теперь сильнымъ обличеніямъ и порицаніямъ.

„Я мню, писалъ Посошковъ, что и на Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что то есть христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться... Не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, кромѣ того, что только мы именемъ словемъ христіане, а почему и что за сила въ томъ названіи, не знаемъ же". Онъ проектировалъ написать для народа краткія книжки съ катихизическимъ содержаніемъ, въ которыхъ изъяснить, „какъ Бога знать и какъ Его чтить и молить, и какъ пресв. Богородицу, ангеловъ Господнихъ и святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять" и проч. Петръ тоже писалъ въ указахъ, что народъ не знаетъ ни вѣры, ни надежды, ни любви, все упованіе кладетъ на пѣніе церковное, постъ, поклоны, строеніе церквей, свѣчи и ладонъ, и неоднократно поручалъ Синоду сочинить краткія книжки и поученія съ изложеніемъ сущности вѣры и съ точнымъ при этомъ различеніемъ существеннаго въ православіи отъ несущественнаго, вѣры отъ обрядовъ, неизмѣннаго отъ измѣняемаго, чтобы всѣ знали, что въ каковой силѣ имѣть. Въ 1722 г. онъ велѣлъ по всѣмъ епархіямъ разослать Букварь Ѳеофана, въ которомъ кратко изложено было толкованіе догматовъ, заповѣдей и блаженствъ, и читать его въ церквахъ вмѣсто уставныхъ поученій. Въ тѣхъ же видахъ религіознаго обученія народа царь поощрялъ церковное проповѣдничество, переводы религіозныхъ книгъ, даже лютеранскихъ и кальвинскихъ катихизисовъ, и предпринялъ важное дѣло распространенія въ народѣ Библіи.

Заведеніе духовныхъ школъ. Съ вопросомъ объ исправленіи народной религіозности неразрывно связывался вопросъ о религіозномъ образованіи. Но прежде всего нужно было позаботиться объ образованіи самого духовенства, о которомъ встрѣчаемъ самые дурные отзывы. Посошковъ наприм. жалуется, что многіе священники не знали, что значитъ самое слово — „вѣра". Св. Димитрій ростовскій разсказываетъ, что во время своихъ объѣздовъ по епархіи онъ встрѣчалъ такихъ священниковъ, которые не знали даже общаго порядка библейской исторіи, думали наприм., что прор. Илія жилъ послѣ І. Христа, что онъ умертвилъ жрецовъ Ваала тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ ап. Петръ отсѣкъ прежде ухо Малху и т. п. Послѣ изгнанія изъ Москвы малороссовъ, русская церковь вовсе лишилась обра-

зовательныхъ средствъ; московская академія послѣ Лихудовъ была въ запустѣніи, а потому за образованіемъ опять пришлось обратиться къ кіевской коллегіи, которая была пока единственной въ Россіи школой, правильно и прочно устроенной. Петръ былъ очень къ ней милостивъ, далъ ей наименованіе академіи и вызывалъ ея воспитанниковъ для занятія важнѣйшихъ церковныхъ должностей въ Россіи.

Съ 1700 г. начала подниматься и московская академія, ректоромъ которой еще при п. Адріанѣ сдѣлался воротившійся изъ-за границы ученикъ Лихудовъ *Палладій Роговскій*. Со времени мѣстоблюстительства Стефана началось ея преобразованіе по образцу кіевской; изъ Кіева въ нее пересажено латинское образованіе, вызваны преподаватели, перенесены школьные порядки, раздѣленіе классовъ, составъ курса, школьныя должности, диспуты, экзамены, школьное проповѣдничество, даже средства для развлеченія учениковъ, рекреаціи, пѣніе виршей, представленіе мистерій. Между тѣмъ стали заводиться и другія школы. Раньше всѣхъ заведена въ 1700 г славено-латинская школа въ Черниговѣ, потомъ въ 1703 г.—въ Ростовѣ; тогда же открыта арх. школа въ Тобольскѣ; въ 1706 г. Іовъ новгородскій, вызвавъ къ себѣ Лихудовъ, съ помощію ихъ завелъ при своемъ архіерейскомъ домѣ греко-славянское, а потомъ и латинское училища; наконецъ около 1714 г. явилась славяно-латинская школа въ Смоленскѣ. Правительство начало строго требовать, чтобы на церковныя мѣста поставлялись непремѣнно учившіеся въ школахъ, за поставленіе безграмотнаго священника назначило для архіереевъ лишеніе каѳедры. Съ 1711 г. духовныхъ дѣтей, кромѣ архіерейскихъ школъ, велѣно еще забирать въ открывавшіяся по городамъ цифирныя школы; не желавшихъ учиться велѣно брать въ солдаты — Духовнымъ Регламентомъ опредѣлено открыть архіерейскія школы во всѣхъ епархіяхъ; содержать ихъ указано отчасти изъ архіерейскихъ доходовъ, отчасти изъ сборовъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель,—съ первыхъ 30-й, а со вторыхъ 20-й доли хлѣбнаго дохода. Въ томъ же году открыты были двѣ школы—въ Нижнемъ (славяногреческія) и въ Александроневскомъ монастырѣ, въ 1722—въ Твери и Бѣлгородѣ, въ 1723—въ Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ и Холмогорахъ, въ 1724—въ Вологдѣ и Рязани, въ 1725—въ Устюгѣ. Указы о высылкѣ въ школы духовныхъ дѣтей выдава-

лись одинъ за другимъ. Кромѣ поповичей, въ 1723 г. въ московскія школы велѣно было высылать для науки молодыхъ и способныхъ монаховъ изъ монастырей.

Кромѣ немногихъ еллино-славянскихъ училищъ, всѣ епархіальныя школы основывались на началахъ латинскаго образованія кіевской коллегіи. Въ томъ же кіевскомъ духѣ Регламентъ изложилъ *уставъ* для этихъ школъ. Велѣно было построить домы „образомъ монастыря“, въ которыхъ и жить воспитанникамъ, какъ можно рѣже видаясь съ родными; такимъ образомъ предполагали воспитать новое поколѣніе духовныхъ лицъ, отрѣшенное отъ стараго быта. Вся жизнь этой замкнутой бурсы подчинена была строгому надзору ректора, префектовъ и фискаловъ, подчинена точнымъ регуламъ, распредѣлена по часамъ, обозначаемымъ звонками, „и вси бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено“. Для отдыха учениковъ назначены: водное плаваніе на судахъ, геометрическіе размѣры, строеніе крѣпостей, акціи, диспуты, наконецъ чтеніе пріятныхъ къ слышанію и полезныхъ исторій, ово воинскихъ, ово церковныхъ Курсъ ученія опредѣленъ въ такомъ объемѣ. 1) грамматика съ географіей и исторіей, 2) ариѳметика и геометрія, 3) логика съ діалектикой, 4) риторика съ піитикою, 5) физика и краткая метафизика, 6) политика, 7) богословіе. На первыя 6 отдѣловъ наукъ назначено по году, на богословіе 2 года, потому что духовныя школы назначались быть заведеніями сословно-спеціальными, для обученія духовныхъ дѣтей „въ надежду священства“.

Регламентъ изложилъ уставъ духовныхъ школъ и опредѣлилъ ихъ курсъ; но самое устройство ихъ на первыхъ порахъ пошло очень медленно. Духовныхъ дѣтей забирали въ нихъ силою, иногда даже въ кандалахъ, подъ конвоемъ; матери плакали объ нихъ, какъ во времена Владиміра святаго. Нѣкоторые изъ школьниковъ нарочно притворялись глупыми, какъ другіе, говорится въ Регламентѣ, притворяютъ себѣ тѣлесную немощь отъ солдатства, такихъ велѣно было испытывать цѣлый годъ. Многіе бѣжали изъ школъ въ свои домы и скрывались у родныхъ; ихъ велѣно было разыскивать и привозить въ школы чрезъ монастырскій приказъ. Правительство очень дорожило учениками; ректору, если онъ отпуститъ ученика за взятку, объявлено жестокое

наказаніе; исключеніе ученика дозволялось только послѣ годичнаго его испытанія, и то въ такомъ только случаѣ, если онъ окажется „дѣтина непобѣдимой злобы“. Сборы хлѣба съ церквей и монастырей были крайне неисправны. Вездѣ ощущался недостатокъ въ учителяхъ, такъ что самъ Регламентъ понеобходимости дозволилъ опредѣлять на учительскія мѣста не знающихъ, а только талантливыхъ людей, которые могутъ заняться изученіемъ своего предмета уже на должности. Въ 1722 г. правительство наконецъ вынуждено было совсѣмъ отступиться отъ своихъ проектовъ и ограничить курсъ архіерейскихъ школъ только изученіемъ славянской грамматики и букваря, содержавшаго въ себѣ начатки христіанскаго ученія и назначеннаго собственно для народа.

Въ самомъ началѣ Петровскаго царствованія встрѣчаемся съ остатками стараго *спора между малороссійскими и великорусскими учеными*. Въ это время въ Новгородѣ жилъ одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ монаховъ *Гавріилъ Домецкій*, бывшій прежде симоновскимъ архимандритомъ; онъ пріѣхалъ сюда изъ Москвы во время извѣстнаго гоненія на малороссовъ, былъ ласково принятъ м. Іовомъ и сдѣланъ архимандритомъ Юрьева монастыря. Когда малороссійскіе ученые снова стали входить въ силу, онъ рѣшился снова поднять старый споръ о времени пресуществленія даровъ и съ этой цѣлію въ 1704 г. написалъ опроверженіе на книгу Остенъ, въ которомъ рѣзко обличалъ москвитянъ въ невѣжествѣ и горой возставалъ за кіевскую ученость. Противъ него выступилъ чудовскій іеродіаконъ *Дамаскинъ*, одинъ изъ представителей школы Епифанія Славенецкаго, человѣкъ тоже близкій къ м. Іову, и написалъ на его сочиненіе 105 отвѣтовъ, въ которыхъ защищалъ православное ученіе о пресуществленіи и далъ замѣчательно вѣрный отзывъ о латинской односторонности кіевскихъ ученыхъ. Этими отвѣтами и тремя посланіями къ Іову онъ совершенно подорвалъ довѣріе митрополита къ Домецкому. Послѣдній еще болѣе повредилъ себѣ, вступивъ въ полемику съ пріѣхавшими въ Новгородъ Лихудами,— которые съ своей стороны тоже не замедлили выставить его еретическое направленіе предъ митрополитомъ. Въ 1709 г. Іовъ отставилъ его отъ должности и заставилъ удалиться изъ Новгорода въ Кіевъ.

Лихуды надолго утвердили въ Новгородѣ образованіе еллинославянское, оказавшееся очень популярнымъ среди духовенства. Въ то время, какъ ученики по епархіямъ толпами бѣгали изъ славено-латинскихъ школъ, въ новогородской школѣ напротивъ всегда было очень большое число учащихся и бѣгства между ними не замѣчалось; до 1726 г. ихъ обучено здѣсь свыше 1000 человѣкъ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изъ Новгорода Лихуды были опять вызваны въ Москву,—Софроній въ 1709 г. въ учители греческой школы при типографіи, а Іоанникій—въ 1716 (первый умеръ въ Москвѣ въ 1730 г., а послѣдній еще въ 1717). Ученые братья и въ Новгородѣ и въ Москвѣ неутомимо продолжали свою многоплодную дѣятельность въ пользу русскаго просвѣщенія, составляли руководства по всѣмъ предметамъ тогдашняго школьнаго курса, составили схоластическое богословіе, написали обличеніе ересямъ Лютера и Кальвина, говорили похвальныя рѣчи Петру. Софроній написалъ „Тріумфъ о мирѣ съ Швеціей“ въ 1721 г. и обличилъ раскол въ сочиненіи: „Коллурій отъ лютой страсти очеболѣнія Капитонскаго“. Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ его было участіе въ исправленіи Библіи.

Исправленіе Библіи, остановившееся послѣ смерти Славенецкаго, возобновилось по мысли м. Іова въ 1712 г. и было поручено Петромъ Ѳеофилакту Лопатинскому и Софронію; въ помощники къ нимъ назначены переводчики *Ѳедоръ Поликарповъ*, *Николай Семеновъ*, монахи *Ѳеологъ* и *Іосифъ*. Они добросовѣстно сличили рукописи и западныя изданія Библіи по греческому, латинскому и еврейскому текстамъ, пользуясь при этомъ толкованіями отцевъ и западныхъ ученыхъ. Исправленія текста велѣно было дѣлать по переводу LXX; но такъ какъ славянская Библія во многомъ отъ него отличалась, то, чтобы не отступать далеко отъ прежняго текста, они исправляли ее по разнымъ редакціямъ и переводамъ, которые были ближе къ славянскому тексту, большею частію впрочемъ держась перевода LXX. Все дѣло исправленія кончено ими въ 1723 г.; но печатаніе исправленной Библіи замедлилось, а потомъ и совсѣмъ оставлено за смертью государя.

Дмитрій Ростовскій. Кромѣ произведеній Лихудовъ и немногихъ трудовъ великорусскихъ писателей, направленныхъ главнымъ образомъ противъ раскола, вся церковная письменность временъ Петра исключительно принадлежитъ

малороссамъ. Великорусской публикѣ между ними всѣхъ болѣе пришелся по душѣ св. Димитрій. Его преимущественно историческое направленіе, чуждое схоластики кіевской школы, чисто народный языкъ, доведенный до замѣчательнаго изящества и простоты, самая теплая и задушевная назидательность нравственныхъ поученій,—всѣ эти качества возбуждали общее уваженіе къ его трудамъ и сдѣлали его писателемъ народнымъ. Кромѣ окончанія Четіи-Миней, онъ написалъ „Келейную лѣтопись“—сводъ библейской исторіи съ гражданскою, „Лѣтописаніе царей и патріарховъ“ и „Каталогъ россійскихъ митрополитовъ“, которымъ положено начало исторіи русской церкви. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ долженъ былъ заняться исключительно практическими предметами для удовлетворенія требованіямъ своей паствы: въ это время онъ началъ изучать расколъ и написалъ противъ него „Разсужденіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“ и „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, проповѣди его получили еще болѣе простой и практическій характеръ, чѣмъ прежде въ Малороссіи, гдѣ вкусъ публики нерѣдко заставлялъ его прибѣгать къ школьнымъ пріемамъ. Благочестивая и полная христіанской любви душа святителя изливалась въ довольно обширной перепискѣ его съ друзьями и въ духовной поэзіи молитвенныхъ размышленій, псалмовъ, кантовъ и мистерій; народное благочестіе до сихъ поръ помнитъ нѣкоторыя изъ его псалмовъ и кантовъ, а церковь величаетъ его „духовною цѣвницею“.

Стефанъ Яворскій. Первымъ полнымъ представителемъ и распространителемъ кіевскаго образованія въ Великороссіи при Петрѣ явился Стефанъ Яворскій. Еще до пріѣзда въ Москву онъ пріобрѣлъ себѣ большую ученую извѣстность богословскими лекціями въ кіевской коллегіи, которыя были читаны имъ въ самомъ строгомъ схоластическомъ направленіи, подъ руководствомъ системы Ѳомы Аквината. Но эти же лекціи сдѣлались для него причиною многихъ непріятностей, послуживъ поводомъ къ обвиненію его въ латинствѣ, которое неотступно преслѣдовало его и въ Кіевѣ и особенно въ Москвѣ. П. Досиѳей замѣтилъ въ нихъ развитіе латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія даровъ. Великорусскіе книжники прямо называли Яворскаго обливанцемъ и латынникомъ и долго не могли помириться съ его направленіемъ. Какъ богословъ, воспитанный на католическихъ системахъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ сдѣ-

латься особенно жаркимъ борцемъ противъ протестантства; памятникомъ этой борьбы остался его Камень вѣры. Но обличая протестантовъ, онъ невольно увлекался при этомъ своими латинскими образцами и источниками (наприм. Беллярминомъ) и навлекъ на себя еще большее подозрѣніе „въ папежскомъ духѣ“, которое раздѣлялъ и самъ царь Подозрѣніе это оправдывалось въ глазахъ царя извѣстными понятіями Стефана объ отношеніи церкви къ государству и единоличномъ ея управленіи: высказанное въ Камнѣ вѣры мнѣніе Стефана о правѣ церкви казнить еретиковъ смертною казнью и необходимости этой казни для ихъ же собственнаго блага, потому что она пресѣкаетъ имъ дальнѣйшую возможность прогнѣвленія Бога, тоже отзывалось вліяніемъ латинскихъ понятій. Сначала Яворскій усердно содѣйствовалъ Петру, написавъ противъ Талицкаго книгу „О знаменіяхъ пришествія антихриста“ (по сочиненію испанскаго богослова Мальвенды) и восхвалялъ дѣла Петра въ предикахъ; но потомъ, какъ мы видѣли, они совершенно разошлись между собою. Живаго отношенія къ эпохѣ не видно впрочемъ ни въ раннихъ, ни въ позднихъ предикахъ Стефана: держась постоянно на отвлеченной, риторской высотѣ общихъ сравненій, подобій и нравственныхъ сентенцій, онѣ рѣдко схватываютъ живыя и существенныя стороны реформы. Большая часть ихъ отличается замѣчательнымъ остроуміемъ и занимательностію, но въ то же время натянутой изысканностію кіевской школы, тономъ школьныхъ экзерцицій и панегириковъ, умышленно поддѣланными хитросплетеніями, игрой словъ, претензіями на занимательность, иногда неприличными каѳедрѣ шутками (1). Современники говорятъ, что Стефанъ силой рѣчи по произволу могъ заставить слушателей и плакать и смѣяться.

По единству образованія и направленія къ Яворскому близко примыкали: *Іоаннъ Максимовичъ* (черниговскій, потомъ тобольскій архіепископъ), подражатель Голятовскаго

(1) Наприм въ одномъ словѣ онъ шутитъ «поминайте, рече, жену Лотову. Какъ же, Спасителю мой, ю поминати? панихиду ли пѣти или въ ектеніяхъ ю поминати? Не вѣдаемъ ей имя» и проч. Говоря о взятіи Орѣшка у шведовъ, проповѣдникъ распространяется о твердости сего Орѣшка, котораго не берутъ никакіе зубы, взялъ только камень, о которомъ рѣчено: «ты еси Петръ». Слово о призваніи апостоловъ все состоитъ изъ длинныхъ и затѣйливыхъ сравненій, чѣмъ люди похожи на рыбъ

и Барановича, авторъ многихъ виршей; *Ѳеофилактъ Лопатинскій*, знатокъ греческаго языка, исправитель Библіи, сотрудникъ Стефана въ обличеніи московскихъ еретиковъ; его лекціи по богословію, читанныя имъ въ московской академіи и изложенныя въ строго-схоластическомъ духѣ по системѣ Ѳомы Аквината, надолго утвердили здѣсь преобладаніе схоластическаго направленія, которому слѣдовали всѣ послѣдующіе преподаватели богословія до 1740-хъ годовъ; къ тому же классу ученыхъ принадлежалъ преемникъ Ѳеофилакта по академической ректурѣ *Гедеонъ Вишневскій*.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Вѣрнаго и искренняго проповѣдника дѣлъ своихъ Петръ нашелъ въ Ѳеофанѣ. По своему богословскому направленію онъ былъ основателемъ новой школы богословія, которая впрочемъ долго не находила себѣ послѣдователей въ дух. школахъ. Во время ректорства въ Кіевѣ онъ написалъ свои знаменитыя лекціи по богословію изъ 7 трактатовъ: въ нихъ онъ отрѣшился и отъ старыхъ латинскихъ авторитетовъ, и отъ старыхъ схоластическихъ пріемовъ и, по образцу протестантскихъ богослововъ, Квенштедта и Гергарда, ввелъ въ богословіе новый методъ протестантской науки, въ основѣ котораго лежало филологическое и историческое изученіе св. Писанія и церковной древности. Онъ всталъ въ совершенный контрастъ съ Яворскимъ, потому что какъ тотъ исключительно руководствовался католическими источниками, такъ Ѳеофанъ, увлекшись своей враждой къ схоластикѣ и латинству, дошелъ до излишняго подражанія протестантскому богословствованію. Вліяніе послѣдняго замѣтно и въ его богословскихъ сочиненіяхъ, и въ проповѣдяхъ, и даже въ законодательныхъ памятникахъ, которые онъ редактировалъ по порученію Петра; оно сказалось наприм. въ довольно либеральномъ отношеніи Ѳеофана къ церковному авторитету, почитанію св мощей и чудотворныхъ иконъ и ко всей вообще церковной обрядности; въ богословскихъ трудахъ его дальше православныхъ границъ развиваются положенія о поврежденіи человѣческой природы, объ оправданіи единою вѣрою и благодатію І. Христа, о второстепенномъ значеніи преданія предъ Писаніемъ, какъ единымъ источникомъ вѣры. Богословская полемика его направлена противъ католичества за исключеніемъ немногихъ трудовъ противъ протестантства которые онъ написалъ еще въ Кіевѣ; таковы: Апологія кіевскимъ мощамъ и Апологія православію

на вопросы нѣкоторыхъ лютеранскихъ богослововъ печерскому монаху Михаилу IIIію. По пріѣздѣ его въ Москву Яворскій, Лопатинскій и Вишневскій встрѣтили его сильными обвиненіями въ протестантствѣ. Кромѣ извѣстнаго доноса на него царю, Стефанъ написалъ опроверженіе на его сочиненіе „Объ игѣ неудобоносимомъ", гдѣ Ѳеофанъ развивалъ мысль объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ: Лопатинскій написалъ еще опроверженіе на это же сочиненіе подъ названіемъ: „Объ игѣ Господнемъ благомъ". Петръ отстоялъ Ѳеофана отъ нападеній Яворскаго, сдѣлалъ его своимъ любимцемъ и правою рукою въ церковныхъ реформахъ. Найдя въ немъ вѣрное отраженіе своихъ мыслей и кромѣ того замѣчательную ученость, государь поручалъ ему редактировать свои указы, оправдывать свои распоряженія исторіей и церковной археологіей и объяснять ихъ въ воззваніяхъ и проповѣдяхъ къ народу. Прокоповичъ написалъ Духовный Регламентъ, трактатъ о томъ, „съ коего времени началось патріаршеское достоинство въ церкви и какимъ образомъ 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патріарховъ", „О возношеніи имени патріаршаго въ церквахъ, чего ради оное въ Россіи отставлено", трактатъ „О понтифексахъ и о томъ, могутъ ли христіанскіе государи и въ какомъ разумѣ нарещись епископы, съ прибавленіемъ аргументовъ о правѣ императора пещись о церкви", Объявленіе о монашествѣ, нѣсколько увѣщаній къ раскольникамъ, разсужденія о бракахъ съ невѣрными, о правильномъ разводѣ, о достоинствѣ поливательнаго крещенія, Первое ученіе отрокомъ, О блаженствахъ противъ ханжей и лицемѣровъ. Кромѣ церковныхъ предметовъ, по порученію царя, онъ долженъ былъ заниматься и другими, не относившимися къ церковной реформѣ, наприм. долженъ былъ доказывать, что государь не обязанъ признавать своимъ наслѣдникомъ только старшаго сына, а можетъ объявить своимъ наслѣдникомъ, кого ему угодно; съ этою цѣлію имъ написана была въ 1722 г. „Правда воли монаршей". По порученію царя Ѳеофанъ написалъ предисловіе къ Морскому Регламенту, занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра, написалъ описаніе мѣстностей, упоминаемыхъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, трактатъ объ амазонкахъ, изслѣдованіе о миѳологіи для перевода Аполлодоровой Библіотеки о богахъ. Будучи усернымъ панегиристомъ реформы, Прокоповичъ въ своихъ сочиненіяхъ силь-

ной и колкой сатирой бьетъ старое время съ его темными сторонами. Сатира, общая у него съ самимъ Петромъ, насквозь проникаетъ даже Духовный Регламентъ; въ немъ наприм. находимъ сильныя выходки противъ величавости епископовъ, поведенія архіерейскихъ людей въ отношеніи къ духовенству, противъ суевѣрій и ложныхъ святынь, находимъ портреты упрямаго и невѣжественнаго русскаго начетчика и кіевскаго школяра, изучившаго риторику съ діалектикой и думающаго, что все позналъ и т. п. Сатира проникаетъ и все его церковное проповѣдничество. Въ проповѣди онъ явился такимъ же реформаторомъ, какъ и въ богословіи. Онъ свелъ ее съ отвлеченной высоты ближе къ жизни, освободилъ ее отъ фальшиваго и смѣшнаго пареія изъ троповъ, фигуръ, символовъ, натянутыхъ сравненій, изъ лоскутьевъ астрономіи, исторіи и пр. наукъ, которыми она пестрѣла у старыхъ писателей, и сдѣлалъ ее ясною, положительною и сильною учительницей общества. Съ своей каѳедры Ѳеофанъ опровергалъ суевѣрныя понятія народа о дѣлахъ Петра, сравнивалъ старую Русь съ новою, доказывалъ необходимость уничтоженія національной замкнутости, пользу сношеній съ другими народами, необходимость просвѣщенія, морскихъ силъ, обличалъ невѣжество, суевѣрія, расколы, религіозные обманы и проч. Ѳеофанъ далъ и правила для новаго проповѣдничества, изложенныя въ Регламентѣ и въ сочиненіи: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель проповѣдати долженъ". Содержаніемъ проповѣди, по его опредѣленію, должно быть простое и ясное изложеніе главныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ и обличеніе суевѣрій. Онъ запрещалъ подражать западнымъ проповѣдникамъ, совѣтовалъ проповѣднику образовывать свой талантъ преимущественно чтеніемъ св. Писанія и отцевъ церкви, заботиться о простотѣ и въ изложеніи и въ произношеніи, избѣгать неумѣренной мимики, не мотаться, будто въ суднѣ веломъ гребетъ, руками не спляскивать, въ боки не упираться, не подскакивать, не смѣяться, да и не рыдать.

Около Ѳеофана группировались единомысленные съ нимъ люди и его подражатели: чудовскій архимандритъ и членъ Синода *Ѳеофилъ Кролицъ*, бывшій тоже провозвѣстникомъ дѣлъ Петра, и іеромонахъ *Симонъ Кодинскій*. Полемика противъ старины доходитъ у послѣдняго до излишне-грубой и озлобленной сатиры; онъ бичевалъ этой сатирой

лицемѣріе и невѣжество тѣхъ, которые бѣгутъ въ монастыри, думая, что тутъ скорѣе спасутся, чѣмъ въ міру, ратовалъ противъ суевѣрій, „мужицкой или бабьей богословіи“, занимающейся „смѣхотворными вопросами, которыми персты знаменіе на себѣ положити, двоить или троить аллилуія, которая пятница святѣе, и прочими безлѣпьями и идолослуженіями“, рѣзко указывалъ при этомъ на то, что изъ тысячи православныхъ развѣ одинъ знаетъ молитву Господню и 10 заповѣдей. Усерднымъ глашатаемъ дѣлъ Петровыхъ былъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ *Гавріилъ Бужинскій*, архимандритъ Троицкой лавры и членъ Синода. По порученію Петра онъ переводилъ сочиненія Пуффендорфа: Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ, въ которомъ проведенъ крайній государственный взглядъ на отношеніе церкви къ государству, и О должностяхъ человѣка и гражданина, также сочиненіе Стратемана—Ѳеатронъ или Позоръ историческій, проникнутый крайнимъ протестантскимъ взглядомъ на исторію. Нельзя не обратить вниманія на то, что книга Стратемана, не смотря на рѣзкія мысли противъ іерархіи, преданій и отцовъ церкви, переведена была безъ всякихъ измѣненій, тогда какъ католическая исторія Баронія издана съ большими пропусками и снабжена полемическими замѣчаніями

Пока живъ былъ Петръ, направленіе Прокоповича было господствующимъ въ церковной жизни и наукѣ; сильный ропотъ на новые церковные порядки, толки объ еретичествѣ Ѳеофана и его подражателей были сдавлены подъ крѣпкой рукой царя. Въ началѣ 1725 г. эта крѣпкая рука отнялась, великаго императора не стало, и все до сихъ поръ затаенное недовольство явилось наружу и обратилось на голову Ѳеофана, который остался главнымъ представителемъ реформы. Для него наступило время тяжелой борьбы съ врагами, въ которой, отстаивая свою личную безопасность, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ выносить на своихъ плечахъ все дѣло церковной реформы. Недаромъ проповѣдь его на погребеніе почившаго императора проникнута была такимъ сильнымъ чувствомъ, и всѣ слушатели были потрясены, когда раздались надъ гробомъ слова оратора: „Что се есть? До чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ“!...

VIII. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХЪ ПЕТРА.

Восшествіе на престолъ Екатерины I. Императоръ умеръ, не оставивъ никакого письменнаго завѣщанія о преемствѣ престола. Партія старинныхъ вельможъ хотѣла возвести на престолъ *Петра*, сына царевича Алексѣя. Но противъ этого со всею энергіею инстинкта самосохраненія возстали Ѳеофанъ, Меншиковъ, Толстой и другіе птенцы Петра I, дѣйствовавшіе прежде противъ царевича Алексѣя. Ѳеофанъ объявилъ, что императоръ оставилъ словесное завѣщаніе въ пользу *Екатерины*, своей супруги. Это свидѣтельство имѣло рѣшительное вліяніе на провозглашеніе императрицей Екатерины. Оказавъ такую услугу новому правительству, Ѳеофанъ пріобрѣлъ себѣ сильное вліяніе въ Синодѣ. Въ скоромъ времени первенство его въ церковномъ управленіи упрочилось паденіемъ старшаго синодальнаго члена Ѳеодосія Яновскаго.

Судьба Ѳеодосія. Вслѣдствіе извѣстныхъ намъ причинъ Ѳеодосій былъ очень радъ смерти грознаго императора и не думалъ скрывать этой радости. „Государь утѣснялъ насъ штатомъ, говорилъ онъ въ Синодѣ, а теперь смотрите: мы всѣ живы, а онъ умеръ, его нѣтъ“. Онъ началъ еще свободнѣе высказываться противъ новыхъ порядковъ и униженія церкви. Наприм. въ апрѣлѣ 1725 г. онъ сильно нашумѣлъ въ передней дворца за то, что часовой не пропустилъ его карету чрезъ дворцовый мостъ, разбранилъ и часоваго и дежурнаго офицера, сказалъ, что онъ самъ выше свѣтлѣйшаго (Меншикова). „Вы боитесь палки, грозился неудержимый человѣкъ, такъ наши палки длиннѣе“. Чрезъ нѣсколько дней императрица указала синодальнымъ членамъ собраться на панихиду по Петрѣ: Ѳеодосій чѣмъ-то тутъ обидѣлся и сказалъ въ Синодѣ: „какое тиранство, Боже милостивый! мірская власть указываетъ духовной молиться! Буду служить панихиду, боюсь ссылки; но угодна ли будетъ Богу такая молитва“? Послѣ панихиды онъ не поѣхалъ во дворецъ на панихидный столъ, говорилъ, что боится новой обиды отъ часовыхъ и что нога его не будетъ во дворцѣ; но потомъ, когда его не пригласили къ дворцовому столу на Пасху, еще болѣе обидѣлся и говорилъ объ императрицѣ: „будетъ еще трусить“. Ѳеофанъ отъ имени синодальныхъ членовъ подалъ на него доносъ въ непристойныхъ словахъ, и начался розыскъ. Кромѣ указан-

пыхъ выходокъ, синодальные члены доносили, что Θеодосій часто поносилъ царя, жаловался на униженіе церкви, на то, что въ ней монархіи нѣтъ никакой, что ея пастыри силы не имѣютъ, сравнивалъ Петра съ Іоанномъ Грознымъ, убившимъ м. Филиппа, обвинялъ царя въ непостоянствѣ, подозрительности и жестокости, въ томъ, что онъ училъ народъ казнями, а учить надобно черезъ школы, инструментъ же желѣзный не диковина, всего дать 2 гривны. Въ числѣ доносителей о винахъ Θеодосія явился и знакомый уже намъ Сильвестръ рязанскій. Въ своемъ доношеніи онъ нашелъ случай высказать свои личныя отношенія къ Θеодосію, — называя его францышкомъ, изуморомъ, еретикомъ, выставлялъ на видъ свои несчастія отъ него, переводы по епархіямъ, лишеніе митрополичьяго сана, обвинялъ его въ корыстолюбіи, взяткахъ, недуховной жизни, вспомнилъ при этомъ и другихъ архіереевъ черкасъ, какъ они себя богатятъ, а на русскихъ архіереяхъ копѣйки усчитываютъ. Поднято было прежнее дѣло о расхищеніи Θеодосіемъ церковныхъ суммъ и вещей въ новогородской епархіи. Кромѣ того на него послѣдовалъ важный доносъ, что онъ всѣхъ своихъ домовыхъ служителей обязалъ присягой своему собственному лицу. Послѣ слѣдствія онъ былъ лишенъ сана и подъ именемъ чернеца Θедоса сосланъ въ Корельскій монастырь, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тѣсной и холодной тюрьмѣ.

Новый составъ св. Синода Мѣсто Θеодосія занялъ Θеофанъ, сдѣлавшійся съ этого времени архіепископомъ новгородскимъ и первымъ членомъ св. Синода. Но въ тоже время вторымъ членомъ Синода объявленъ непріятный ему Θеофилактъ Лопатинскій. Этого мало, покровительствуя Θеофану, императрица, чувствовавшая себя еще нетвердой на престолѣ, не могла оставлять безъ вниманія и партіи противной черкасамъ, за которую стояли сильные люди изъ стариннаго боярства. Не смотря на противодѣйствіе Θеофана, третьимъ членомъ Синода назначенъ былъ ростовскій архіерей *Георгій Дашковъ*, великоруссъ, врагъ малороссовъ, симпатизировавшій патріаршей старинѣ, человѣкъ необразованный, но энергичный и талантливый, способный быстро пробиваться впередъ; недостатокъ образованія онъ замѣнялъ свѣтской ловкостью, съ помощью которой завелъ обширныя связи въ кругу вельможъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія въ Синодъ онъ подалъ императрицѣ докладъ, въ которомъ

ясно высказалось его направленіе; онъ жаловался, что церковныя имѣнія истощены поборами на государственныя нужды, что архіерейскіе домы и монастыри стали чуть не богадѣльнями, архіереи и духовныя лица бродятъ, какъ бывало греки, даже хуже, священники по селамъ хуже нищихъ, и просилъ сдѣлать новыя распоряженія о такихъ непорядкахъ. Императрица не обратила вниманія на этотъ докладъ; церковныя имущества остались въ управленіи камеръ-конторы на прежнихъ основаніяхъ. Въ 1726 г. Синодъ былъ раздѣленъ на 2 департамента, изъ которыхъ въ первомъ сидѣли духовные члены для управленія духовными дѣлами, а второй, названный коллегіей экономіи, состоялъ изъ свѣтскихъ лицъ и занимался дѣлами судебными и экономическими; званіе синодальнаго вице-президента было уничтожено, какъ приличное однимъ свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ тоже время Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ потеряли первенствующее значеніе въ администраціи и были подчинены вновь учрежденному Верховному Совѣту, причемъ у нихъ отнято и наименованіе правительствующихъ. Покровительствуемый вельможами, Георгій старался составить около себя сильную партію изъ лицъ, враждебныхъ къ Ѳеофану. Въ Синодѣ скоро явился еще новый членъ изъ великоруссовъ, горицкій архимандритъ *Левъ Юрловъ*. Поднялся опальный архіерей прошлаго царствованія Сильвестръ, переведенъ въ Казань и опять возведенъ въ митрополиты. Вліяніе Ѳеофана слабѣло все болѣе и болѣе.

Донось Маркелла Родышевскаго. Еще въ началѣ 1725 г. Ѳеодосій и оберъ-прокуроръ Синода *Болтинъ* подняли дѣло о томъ, что въ псковскомъ монастырѣ (епархіи Ѳеофана) лежатъ на полу 70 иконъ съ ободранными окладами и что сдирать эти оклады велѣлъ судья псковскаго архіерейскаго дома *Маркеллъ Родышевскій*, бывшій правою рукою Ѳеофана. Дѣло это замялось паденіемъ Ѳеодосія, но въ 1726 г. поднялось снова. Родышевскій былъ вызванъ къ отвѣту въ св. Синодъ, но вмѣсто Синода попалъ въ тайную канцелярію по доносу самого Ѳеофана о томъ, будто онъ, Маркеллъ, говорилъ о какихъ-то имѣющихъ быть въ народѣ волненіяхъ. Синодальное дѣло замялось опять; вмѣсто него началось другое, болѣе опасное дѣло въ тайной канцеляріи,—первый актъ той длинной борьбы Ѳеофана съ врагами, въ которой послѣдніе нападали на него съ обвиненіями въ ересяхъ, а онъ защищался отъ нихъ политиче-

скими доносами, борьбы, на которую этотъ великій умъ своего времени долженъ былъ потратить всѣ свои силы и о которую сокрушилась вся его нравственная репутація. Маркеллъ сдѣлалъ на него доносъ тайной канцеляріи въ церковныхъ противностяхъ и непристойныхъ рѣчахъ о государынѣ, будто ею многіе недовольны за излишнее довѣріе къ Меншикову и за то, что она нѣмка, на военныхъ экзерциціяхъ уже два раза въ нее стрѣляли и въ скоромъ времени должно непремѣнно произойти нѣчто великое, будто Меншиковъ много зла дѣлаетъ, поетъ молебны и только Бога обманываетъ. Въ политическихъ обвиненіяхъ Ѳеофану было легко оправдаться указаніемъ на прежнюю свою службу государству, но онъ не представилъ никакого оправданія касательно хульныхъ словъ о свѣтлѣйшемъ. Защищаясь отъ обвиненій церковныхъ, онъ прежде всего сильно налегъ на то, что своимъ доносомъ Маркеллъ терзаетъ славу Петра Великаго, который не находилъ въ немъ, Ѳеофанѣ, никакой ереси и самъ утверждалъ къ печати всѣ его сочиненія; затѣмъ разобралъ частные пункты обвиненія, будто онъ не почитаетъ ученія св. отцовъ, не чтитъ св. иконъ, отрицаетъ оправданіе дѣлами, водоосвященіе называетъ суевѣріемъ, смѣется надъ акаѳистами, минеями, прологами, хулитъ церковное пѣніе, хвалитъ лютеранскіе органы, желаетъ искоренить монашество; всѣ эти обвиненія онъ объяснялъ крайнимъ невѣжествомъ и недобросовѣстностію, съ какими Маркеллъ перетолковывалъ его ученіе и рѣчи совершенно православнаго характера; въ заключеніе всего нашелъ однако нужнымъ представить въ доказательство своего православія клятву, отбожиться отъ обвиненій въ ереси. Императрица, блистая свѣтомъ, заимствованнымъ отъ Петра, не рѣшилась завинить Ѳеофана, какъ лучшаго представителя реформы Маркелла за продерзкія слова велѣно было заключить въ Петропавловскую крѣпость. Но обида свѣтлѣйшему тоже не могла пройти даромъ Ѳеофану; ему объявлено было, что императрица его прощаетъ, хотя въ отвѣтахъ его нѣкоторые пункты и неподлинно изъяснены, и чтобы онъ впредь противностей церкви не чинилъ, а жилъ, какъ живутъ всѣ великороссійскіе архіереи.

Правленіе Петра II. Еще хуже сдѣлалось положеніе Ѳеофана съ восшествіемъ на престолъ Петра II. Всѣми церковными дѣлами распоряжались кн. Меншиковъ и Верховный Совѣтъ, явно настроенные противъ него и старав-

шіеся возвысить партію духовенства великорусскаго. Левъ Юрловъ сдѣланъ былъ епископомъ воронежскимъ; вліяніе Георгія Дашкова усилилось еще болѣе; св. Синодъ долженъ былъ принять въ число своихъ членовъ еще архіерея великорусса, бывшаго крутицкаго митрополита, *Игнатія Смолу*, вызваннаго теперь изъ заточенія на коломенскую епархію. Въ тоже время началось усердное преслѣдованіе всего, что только напоминало несчастное дѣло царевича Алексѣя; это преслѣдованіе должно было серьезно встревожить Ѳеофана. Запрещена была служба св. Александру Невскому, въ которой были намеки на царевича; вездѣ велѣно отбирать Правду воли монаршей; невская типографія, гдѣ печатались сочиненія Ѳеофана, была закрыта. Наконецъ снова поднялось дѣло по доносу о снятыхъ съ образовъ окладовъ, и Ѳеофанъ былъ присужденъ къ унизительному для него взысканію денегъ за утрату церковнаго жемчуга. Единственной опорой его теперь былъ *Остерманъ*, который въ это время искусно подкапывался подъ Меншикова.

Послѣ паденія временщика Ѳеофанъ вздохнулъ свободнѣе, но не надолго, потому что власть Меншикова наслѣдовалъ не Остерманъ, а Долгорукіе, при которыхъ началась сильная реакція реформѣ. Въ кружкахъ духовенства и стариннаго вельможества стали толковать даже о возстановленіи патріаршества. Кандидатовъ въ патріархи намѣчали, разумѣется, уже не изъ черкасъ, а изъ великорусскаго духовенства; самымъ же виднымъ архіереемъ изъ великоруссовъ былъ теперь Дашковъ, который и самъ усердно домогался патріаршества и, чтобы задобрить въ свою пользу сильныхъ вельможъ, раздарилъ имъ, какъ говорила современная молва, весь свой копскій заводъ. Понятно, что онъ не могъ равнодушно смотрѣть на первенствующее положеніе Ѳеофана, который притомъ былъ самымъ опаснымъ человѣкомъ для реакціи; нужно было воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы устранить эту помѣху; готово было и орудіе для этого. Въ концѣ 1727 г. Маркеллъ Родышевскій опять явился съ доносомъ на Ѳеофана въ сочиненіи еретическихъ книгъ. Ѳеофанъ понялъ, какая опасность ему угрожала, и на этотъ разъ выступилъ противъ Дашкова въ открытую борьбу. Онъ вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ, что всѣ помянутыя въ доносѣ сочиненія напечатаны съ разрѣшенія св. Синода и по указу покойнаго императора, что слѣдовательно доносчикъ

обвиняетъ въ ереси самого императора и св. Синодъ, а это уже не только безстыдные плевелы и ложь, но и настоящій мятежъ; при этомъ намекнулъ, что Маркеллъ по всей вѣроятности подалъ доносъ по наущенію другихъ, которые „для интересовъ своихъ, церкви и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ сему возмущенію и великими обѣщаніями дурака обнадеживаютъ“, а въ скоромъ времени уже прямо указалъ, кто эти зловредительные подстрекатели, представивъ въ Синодъ распросныя рѣчи двоихъ своихъ слугъ, которые отъ самого Маркелла слышали, что онъ дѣйствуетъ противъ Ѳеофана по повелѣнію преосвященнаго Георгія, который скоро будетъ патріархомъ. Выведя такимъ образомъ Дашкова на открытую борьбу, Ѳеофанъ потомъ отстранилъ его отъ слѣдствія по доносу Маркелла. Но, потерявъ опору въ Георгіѣ, Маркеллъ поспѣшилъ ускользнуть отъ синодальныхъ допросовъ въ тайную канцелярію, сказавъ за собой „слово и дѣло“. Тайная канцелярія узнала отъ него давно извѣстную вещь, что Ѳеофанъ написалъ Правду воли монаршей, противную царствующему императору, и не добившись еще ничего новаго, послала его въ заключеніе въ Симоновъ монастырь. Синодальное слѣдствіе остановилось, но безпокойство Ѳеофана отъ этого не уменьшилось Въ 1728 г. Ѳеофилактъ Лопатинскій издалъ сочиненіе Яворскаго Камень вѣры; это изданіе книги, написанной противъ тѣхъ самыхъ ересей, въ которыхъ обвиняли Ѳеофана, было новымъ, литературнымъ камнемъ, брошеннымъ для его пораженія. Тревога его кончилась уже послѣ смерти императора Петра II (въ январѣ 1730 г.).

Воцареніе Анны Іоанновны и паденіе Верховнаго Совѣта было такимъ же радостнымъ событіемъ для Ѳеофана, какъ прежде паденіе Меншикова Въ разрушеніи замысла верховниковъ ограничить при новой императрицѣ русское самодержавіе онъ явился однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей вмѣстѣ съ Остерманомъ и лучшими представителями дворянства, Кантеміромъ и Татищевымъ, которые, какъ и онъ, были врагами реакціи и поборниками реформы. Есть извѣстіе, что онъ подарилъ императрицѣ часы, подъ доской которыхъ вложенъ былъ полный планъ, какъ нужно ей дѣйствовать въ рѣшительную минуту. Своею услугою новому правительству онъ успѣшно предупредилъ своихъ враговъ, которые съ своей стороны тоже старались пріобрѣсти влія-

ніе на императрицу, разсчитывая при этомъ на ея благочестіе и на ту силу, какой пользовался при ней духовникъ ея архимандритъ *Варлаамъ*. Къ Родышевскому присоединился теперь еще одинъ врагъ новыхъ порядковъ, бывшій правитель типографіи *Аврамовъ*, человѣкъ въ свое время очень близкій къ Петру I, какъ зять кабинетъ—секретаря Макарова, и извѣстный царю своимъ образованіемъ и благочестіемъ; и при Петрѣ. и особенно послѣ него онъ постоянно высказывалъ свое недовольство Синодомъ, Регламентомъ, сочиненіями Ѳеофана и новыми обычаями, настаивалъ на возстановленіи патріаршества и прежняго государственнаго значенія духовенства; свои мысли онъ выражалъ въ проектахъ, которые подавалъ и Петру I, и Екатеринѣ, и Петру II; Аннѣ Іоанновнѣ онъ тоже подалъ записку „О должности, какъ ея величеству управлять боговрученною ей имперіею", гдѣ убѣждалъ ее непремѣнно возстановить патріаршество и привести государственные законы въ согласіе съ закономъ Божіимъ и правилами Кормчей. Познакомясь съ Варлаамомъ, Родышевскій и Аврамовъ сдѣлали чрезъ него представленія императрицѣ, чтобы она не допускала Прокоповича до своей коронаціи, потому что онъ врагъ церкви и еретикъ хуже Ѳедоса, короновалъ Екатерину и Петра II—и оба царствованія были кратковременны, обручалъ Петра II съ двумя невѣстами и иподной свадьбы не было, вѣнчалъ Анну Петровну съ герцогомъ голштинскимъ—и она скоро скончалась Не смотря на это представленіе, коронованіе императрицы совершалъ все-таки Ѳеофанъ.

Перемѣны въ Синодѣ и опалы на старую іерархію. Обвиненія въ ересяхъ оказывались безсильными, но за то страшную силу получили теперь доносы политическіе; перевѣсъ въ ожесточившейся борьбѣ очевидно перешелъ поэтому на сторону Ѳеофана. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны для него засіяла заря лучшей будущности, но эта заря была вмѣстѣ зарей Бироновщины. Крѣпкую для себя опору онъ нашелъ въ господствовавшей при дворѣ Анны Іоанновны нѣмецкой партіи, съ интересами которой множествомъ нитей связывались его собственные интересы. Таже партія старыхъ русскихъ, которая во время своего торжества угрожала Ѳеофану участью Ѳеодосія, была теперь грозою и новаго нѣмецкаго правительства; послѣднее слишкомъ живо чувствовало свою слабость и ненаціональность въ Россіи,

хорошо знало, что право на престолъ по завѣщанію Екатерины принадлежитъ прежде всего дочерямъ Петра Великаго съ ихъ потомствомъ, и подозрительно прислушивалось ко всѣмъ заявленіямъ въ пользу народности и православія и къ толкамъ о цесаревнѣ Елизаветѣ, о сынѣ цесаревны Анны, даже объ Евдокіи Лопухиной. Полемика противъ протестантства, обвиненіе кого нибудь въ ереси среди такихъ обстоятельствъ становились признакомъ нерасположенія къ правительству, политическимъ преступленіемъ, за которымъ слѣдовали страшные допросы въ тайной канцеляріи.

Первый изъ іерарховъ попался въ политическомъ дѣлѣ сторонникъ Дашкова, Левъ Юрловъ воронежскій. Когда въ Воронежѣ полученъ былъ изъ Сената указъ о кончинѣ Петра II и восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Юрловъ въ ожиданіи синодскаго указа велѣлъ поминать въ церквахъ царицу Евдокію, какъ старшую въ царскомъ семействѣ, а за нею цесаревну и царевенъ. Вице-губернаторъ Пашковъ донесъ объ этомъ въ Синодъ. При слушаніи этого дѣла въ Синодѣ Георгій Дашковъ замѣтилъ, что у Пашкова со Львомъ давняя ссора и что надобно подождать новыхъ объясненій; слѣдствіе было отложено. Вслѣдъ за этимъ вскорѣ всѣ члены Синода, кромѣ Ѳеофана, были смѣнены. Указомъ императрицы велѣно умножить число синодальныхъ членовъ до 11, включить въ него по старому архимандритовъ, которые были вытѣснены изъ состава Синода вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, одну половину членовъ выбрать изъ великороссіянъ, а другую изъ малороссіянъ, но Ѳеофану вмѣстѣ съ Питиримомъ нижегородскимъ, который былъ одинъ человѣкъ съ Ѳеофаномъ, быть членами постоянными. Эта реформа Синода совершенно упрочила силу Ѳеофана и разсѣяла у его противниковъ всякія надежды. Немедленно началось слѣдствіе по дѣлу Льва. На допросахъ предъ новыми членами Синода онъ между прочимъ показалъ, что всегда надѣялся на заступленіе Георгія и Игнатія, бывшихъ членовъ Синода; послѣдніе поэтому тоже привлечены были къ суду и признаны противниками государыни; затѣмъ всѣ трое были лишены сана и сосланы въ крѣпкое заключеніе, Юрловъ въ Крестный, Дашковъ въ Каменный, а Игнатій въ Свіяжскій монастыри. Въ томъ же 1730 г. лишенъ сана и сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь кіевскій архіепископъ *Варлаамъ Вонатовичъ*; онъ былъ виноватъ въ томъ, что не сдерживалъ своей властью

толковъ, какіе ходили въ Кіевѣ объ еретичествѣ Ѳеофана, и кромѣ того великолѣпно издалъ у себя въ Кіевѣ Камень вѣры; оффиціальный приговоръ обвинялъ его въ томъ, что онъ, какъ и Юрловъ, не расположенъ къ императрицѣ, при восшествіи ея на престолъ не отслужилъ молебствія.

Въ слѣдующемъ году въ Синодѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Каменномъ монастырѣ Дашкова держатъ слабо, позволяютъ ему сноситься съ родней. Начался строгій розыскъ, къ которому были притянуты власти монастыря, послушники, караульные, мѣстный (вологодскій) архіерей *Аѳанасій Кондоиди*. Послѣдній едва успѣлъ выпутаться изъ бѣды, клятвенно завѣривъ, что всегда былъ врагомъ Дашкова, отъ котораго только и спасался заступленіемъ преосв. Ѳеофана, что ниоднимъ словомъ не явилъ Георгію снисхожденія, ни разу даже не пожалѣлъ его. Послѣ этого Дашкова сослали въ неисходное пребываніе въ Нерчинскій монастырь.— Кондоиди уцѣлѣлъ, но не уцѣлѣлъ другой архіерей, Сильвестръ казанскій, на котораго было донесено, что онъ слабо держитъ въ Свіяжскѣ Игнатія Смолу. Сильвестръ былъ въ сильной ссорѣ съ казанскимъ губернаторомъ *Артеміемъ Волынскимъ* и подалъ на него жалобу, въ которой обвинялъ его въ разныхъ обидахъ архіерейскому дому, монастырямъ, духовенству, въ насиліяхъ всѣмъ жителямъ казанской губерніи, взяткахъ, побояхъ, потворствѣ расколу, даже въ убійствахъ. Волынскій былъ смѣщенъ съ губернаторства, но скоро вошелъ въ большую силу при дворѣ, послѣ чего Сильвестру пришлось дорого поплатиться за доносъ. На него на самого донесено было, что онъ держитъ Игнатія, какъ архіерея, говоритъ съ нимъ непристойныя рѣчи объ императрицѣ, что при Екатеринѣ I писался митрополитомъ еще до возвращенія ему этого сана, не велѣлъ поминать въ церквахъ св. Синодъ, рвалъ прошенія, подаваемыя ему на высочайшее имя, и заставлялъ ихъ переписывать на свое имя, дѣлалъ поборы по епархіи. Въ концѣ 1731 г. его сослали въ Невскій монастырь, но потомъ усилили наказаніе, лишили сана и заточили въ Выборгскую крѣпость. Игнатій сосланъ въ неисходное пребываніе въ Корельскій монастырь.

Дѣло Ѳедышевскаго. Между тѣмъ Родышевскій въ своемъ симоновскомъ заключеніи упорно продолжалъ составлять обвиненія противъ Ѳеофана въ еретичествѣ, написалъ нѣсколько тетрадей съ рѣзкими возраженіями противъ Регламента, указа о монашествѣ 1724 г., сочиненій Ѳеофана

о блаженствахъ, поливательномъ крещеніи, понтифексахъ, смѣшанныхъ бракахъ, противъ Букваря, переводовъ Пуффендорфа и Стратемана, написалъ большой пасквиль подъ названіемъ „Житіе еретика Ѳеофана Прокоповича“, въ которомъ порочилъ его частную жизнь. Одинъ монахъ *Іона* дополнилъ этотъ пасквиль новыми подробностями. Аврамовъ тоже не оставался безъ дѣла,—повсюду разглашалъ о страданіяхъ Маркелла, собиралъ новыя свѣденія о Ѳеофанѣ и распространялъ тетради Маркелла въ кругу знакомыхъ лицъ. Въ началѣ 1731 г Ѳеофанъ донесъ о сочиненіяхъ Родышевскаго кабинету министровъ, употребивъ при этомъ свой обычный пріемъ: не вдаваясь въ полемику съ противниками, онъ какъ и прежде, обратилъ главное вниманіе кабинета на то, что хула противъ книгъ, изданныхъ по указу императора и Синода, и хула противъ Регламента, содержащаго въ себѣ дѣйствующее законоположеніе, есть прямое противленіе власти, потомъ отыскалъ въ тетрадяхъ нападки на лютеранъ и кальвинистовъ и на тѣхъ, кто съ ними дружится, и поставилъ многознаменательный вопросъ, кого тутъ разумѣетъ Родышевскій съ братіей. Послѣ этого дѣло, разумѣется, пошло чрезъ тайную канцелярію. Началъ розыскъ, который запуталъ въ свои изгороты множество лицъ, читавшихъ тетради Маркелла или только слышавшихъ объ ихъ существованіи. Родышевскій былъ сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь, разстриженный Іона — въ Валаамскій, Аврамовъ—въ Иверскій.

Рѣшиловскій розыскъ. Новое обстоятельство усилило дѣятельность тайной канцеляріи и отягчило участь сосланныхъ. Въ половинѣ 1732 г. явилось подметное письмо съ пасквилемъ на Ѳеофана, сильнымъ порицаніемъ всей реформы и сѣтованіями на владычество нѣмцевъ. Сопоставивъ это письмо съ тетрадями Родышевскаго, Ѳеофанъ снова представилъ кабинету министровъ и тайной канцеляріи, что существуетъ опасная злодѣйская факція противъ правительства, которую необходимо распутать. Въ монастыряхъ, гдѣ жили сосланные, начались строгіе розыски, не имѣли ли арестанты съ кѣмъ нибудь сношеній; нѣсколько человѣкъ въ Иверскомъ монастырѣ наказано плетьми. Родышевскаго, Аврамова и Іону вызвали къ новымъ допросамъ: во время этихъ допросовъ на пыткахъ оговорено было въ связяхъ съ Аврамовымъ и Родышевскимъ множество новыхъ лицъ, которыхъ тоже притянули къ допросамъ, но

всѣ розыски такъ и не обнаружили автора письма. Послѣ этого подозрѣніе Ѳеофана пало на тверскаго іеромонаха *Іосифа Рѣшилова* на основаніи нѣкотораго сходства выраженій въ разговорахъ Рѣшилова съ выраженіями письма. Іосифъ былъ прежде раскольникомъ, потомъ обращенъ Питиримомъ въ православіе и пріютился въ Твери около добраго Ѳеофилакта Лопатинскаго, который, не имѣя способности дѣлать выбора между людьми, оказывалъ ему полное довѣріе. Рѣшиловъ былъ человѣкъ пустой, безъ всякихъ правилъ, болтливый крикунъ, о которомъ говорили, что онъ, какъ мельница, на весь свѣтъ мелетъ. Въ Твери онъ сблизился съ другимъ довѣреннымъ лицемъ Ѳеофилакта, архимандритомъ *Іоасафомъ Маевскимъ* изъ ученыхъ кіевлянъ. Часто видаясь между собою, они много толковали о разныхъ предметахъ, занимавшихъ тогда духовенство, о Регламентѣ, еретичествѣ Ѳеофана, о патріаршествѣ, возстановленія котораго очень желали, будучи увѣрены, что патріархомъ будетъ ихъ милостивецъ Ѳеофилактъ. Съ первыхъ же допросовъ Рѣшиловъ выдалъ всѣ эти рѣчи, притянулъ къ розыску и Маевскаго. Вслѣдъ за этимъ въ тайную канцелярію стали вызывать изъ Твери архимандритовъ, разныхъ духовныхъ лицъ и чиновниковъ тверскаго архіерейскаго дома. Арестованныхъ спрашивали не о какомъ нибудь опредѣленномъ предметѣ, а вообще обо всемъ, кто что говорилъ, замышлялъ, слышалъ противнаго правительству; разыскивая одно, находили другое; распутывая одну факцію, запутывались неожиданно въ другой. До какой степени были страшны эти, такъ называемые, пристрастные допросы (съ пытками), видно наприм. изъ того, что архимандритъ Воскресенскаго монастыря *Мельхиседекъ*, притянутый къ розыску въ 1735 г., два раза покушался повѣситься въ тюрьмѣ; между прочимъ онъ обвиненъ былъ въ томъ, что въ высокоторжественный день служилъ въ ризахъ не перваго, а втораго разряда; подъ конецъ розыска его лишили священства и сослали на Соловки. Въ виду грозныхъ орудій пытки арестованные страшно ломали головы, припоминая, кто что говорилъ за 4, за 5 и болѣе лѣтъ, путались сами, запутывали другихъ. Громадное слѣдствіе усложнялось новыми эпизодами и затягивало въ свои извороты новыхъ лицъ; изъ Москвы оно протянуло свои нити въ Тверь, Устюгъ, Вологду, Саровскую пустынь, задѣло множество свѣтскихъ лицъ, разныхъ грамотѣевъ, приказ-

ныхъ людей, богадѣленныхъ нищихъ, и вмѣстѣ съ ними нѣсколько лицъ, высоко поставленныхъ въ обществѣ, княгиню Долгорукову, графиню Матвѣеву, бывшаго кабинетъ-секретаря Макарова, повело подъ подозрѣнія даже московскую синодальную контору, доходило даже до лица цесаревны Елизаветы, которую тогда многіе желали бы видѣть на престолѣ вмѣсто Анны Іоанновны. Никто изъ духовныхъ лицъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что какой нибудь знакомый на пыткѣ не вспомнитъ какихъ нибудь „противныхъ“ его словъ и его самого не привлекутъ къ розыску.

Аресты Ѳеофилакта Аресты Рѣпнилова, Маевскаго и другихъ лицъ тверской епархіи сильно безпокоили Ѳеофилакта. „Спать не могу, говорилъ онъ, во снѣ пугаюсь и наяву всегда боюсь; хоть бы въ Польшу уѣхать“. Рѣпиловъ и Маевскій дѣйствительно знали про него очень много лишняго, потому что довѣрчивый и словоохотливый святитель часто разговаривалъ съ ними и о патріаршествѣ, и о Ѳеофанѣ, и о нѣмцахъ, и о томъ, что Анна Іоанновна сѣла на престолъ, обойдя цесаревну Елизавету. Въ 1735 г. онъ внезапно былъ привезенъ въ Петербургъ и оставленъ подъ арестомъ на архіерейскомъ подворьѣ. На всѣ допросы въ кабинетѣ министровъ и въ Синодѣ, не замышлялъ ли онъ чего противъ государыни, или не знаетъ ли другихъ какихъ злоумышленниковъ, онъ отвѣчалъ отрицательно и подтвердилъ свои показанія клятвою Изъ-подъ ареста его однако не освободили, потому что за нимъ было еще одно подозрительное дѣло,—изданіе Камня вѣры.

Полемика и розыски по поводу Камня вѣры. Съ самаго появленія въ печати Камень вѣры сдѣлался предметомъ жаркой полемики между католиками и протестантами. Въ 1729 г. явилось опроверженіе на него протестантскаго богослова Буддея подъ именемъ посланія къ другу въ Москву, въ которомъ Яворскій обвинялся въ католицизмѣ, клеветахъ на протестантство, въ томъ, что наполнилъ свою книгу разсказами о чудесахъ, видѣніяхъ, бѣсноватыхъ и тому подобныхъ предметахъ въ католическомъ вкусѣ. Въ 1731 г. въ Германіи напечатано было опроверженіе Мосгейма на главу Камня вѣры о казни еретиковъ, а потомъ издана книга избранныхъ мѣстъ изъ Камня подъ названіемъ Духъ Яворскаго. Въ Россіи явился отвѣтъ на письмо Буддея, написанный доминиканцемъ *Рибейрою*, который жилъ въ Россіи при испанскомъ послѣ и былъ хорошо знакомъ съ нѣ-

которыми духовными лицами изъ противниковъ Ѳеофана. Католики защищали Камень вѣры, потому что торжество религіознаго направленія, котораго онъ былъ представителемъ, казалось имъ выгоднымъ для достиженія ихъ завѣтной цѣли,- соединенія церквей. Съ самаго еще начала реакціи, при Петрѣ II, въ Россіи началась дѣятельная пропаганда католичества изъ Польши, такъ что правительство должно было принять противъ нея строгія мѣры. Въ семействахъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, господствовавшихъ въ верховномъ совѣтѣ, обнаруживалась сильная склонность къ католичеству. Пользуясь этимъ, Сорбонна прислала въ Москву своего агента аббата *Жюбе* съ порученіемъ завязать съ русскими епископами сношенія о соединеніи церквей. Жюбе прибылъ въ Россію (1728 г.) подъ видомъ домашняго учителя княгини *Ирины Долгорукой*, урожденной Голицыной, которая на западѣ приняла католичество, втерся въ высшее общество, искусно воспользовался ослабленіемъ значенія Прокоповича и враждой къ нему господствующей партіи духовенства и завязалъ совѣщанія съ тогдашними членами Синода, Георгіемъ, Игнатіемъ, Ѳеофилактомъ и чудовскимъ архимандритомъ *Евѳиміемъ Колетти*. Паденіе Долгорукихъ разрушило всѣ его замыслы; онъ былъ высланъ за границу. Рибейра уѣхалъ еще раньше.

Ѳеофилактъ предпринялъ намѣреніе защищать Камень вѣры и написалъ Апокрисисъ на письмо Буддея, но выбралъ для этого самое неудачное время, когда нужно было всего опасаться за самое уже изданіе Камня вѣры и когда подобное предпріятіе можно было совершенно легко связать съ дѣломъ Жюбе и Рибейры. При личномъ свиданіи съ Лопатинскимъ императрица Анна дозволила ему издать его сочиненіе, но потомъ кабинетъ-министръ Черкасскій и начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ объявили ему новый указъ съ строгимъ запрещеніемъ этого изданія. Запрещенъ былъ самый Камень вѣры. Въ тоже время въ Россіи явилось протестантское опроверженіе на него подъ именемъ „Молотка на Камень вѣры“, въ которомъ Яворскій прямо называется іезуитомъ, поборникомъ папежскаго духа въ Россіи, а почитатели его, Лопатинскій, Игнатій, Дашковъ и др., — врагами реформы, защитниками папскаго тиранства и проч. Сочиненіе Рибейры, переведенное на русскій языкъ при содѣйствіи Колетти, сдѣлалось предметомъ строгихъ розысковъ, которые слились съ огромнымъ розыскомъ

о тетрадяхъ Родышевскаго и подметномъ письмѣ. Въ 1732 г. взяты были въ тайную канцелярію Евфимій Колетти и другой знакомый Рибейры, архимандритъ *Платонъ Малиновскій*; первый изъ нихъ умеръ въ крѣпости, послѣдній сосланъ въ Сибирь, оба разстриженные. Ѳеофилактъ успѣлъ было скрыть свой Апокрисисъ, но объ немъ знали уже многія лица; Маевскій имѣлъ у себя даже копію съ этого сочиненія, которую и представилъ, куда слѣдуетъ.

Смерть Ѳеофана и его значеніе. Ѳеофанъ не дожилъ до окончанія начатыхъ при немъ розысковъ († въ сентябрѣ 1736 г.). Въ послѣднее время онъ достигъ до такой высоты, до какой не достигалъ ниодинъ изъ архіереевъ послѣ патріарховъ. Бирономъ и Остерманъ были его друзьями. Онъ лично имѣлъ 16,000 крестьянъ, получалъ громадные доходы съ своихъ и каѳедральныхъ имѣній, имѣлъ 4 дома въ столицахъ, мызу около Стрѣльны, держалъ большую свиту, дѣлалъ богатые пріемы и окружалъ себя роскошной обстановкой вельможъ XVIII вѣка. Онъ слылъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени даже на западѣ, былъ въ сношеніяхъ съ разными членами Академіи, съ Татищевымъ, Кантеміромъ и другими образованными людьми, былъ покровителемъ молодаго Ломоносова. Библіотека его простиралась до 30,000 томовъ. Въ царствованіе Анны около него сосредоточивалась вся церковная литература; безъ его одобренія не выходило ни одно сочиненіе. Послѣ смерти Петра Великаго онъ самъ написалъ нѣсколько важныхъ сочиненій въ разныхъ родахъ; написалъ краткую повѣсть о смерти Петра I, описаніе кончины Петра II и вступленія на престолъ Анны Іоанновны, составилъ записку о воспитаніи Петра II и уставъ для своей петербургской школы; изъ его богословскихъ сочиненій, кромѣ проповѣдей, извѣстны: Краткое христіанское ученіе младому отроку, Разговоръ селянина и гражданина съ дьячкомъ, Разговоръ тектона съ купцомъ, Наставленіе священнику о необычномъ паденіи его духовнаго сына, трактатъ о безбожіи, сочиненіе о книгѣ Пѣснь Пѣсней. До послѣдняго времени онъ оставался жаркимъ полемистомъ противъ католиковъ и раскольниковъ; противъ послѣднихъ написалъ сочиненіе объ антихристѣ, въ которомъ по примѣру протестантовъ доказывалъ, что антихристъ есть папа; извѣстна его переписка съ англійскимъ пасторомъ *Милярдомъ*, котораго онъ обратилъ въ православіе. На смертномъ одрѣ, готовясь предстать на

судъ Божій, этотъ величайшій умъ своего времени, предметъ удивленія для однихъ и ненависти для другихъ, сказалъ, обращаясь къ себѣ; „Главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь“? Память его помрачена его связью съ тайной канцеляріей, но при оцѣнкѣ его личности не надобно забывать и того, что въ свое время онъ одинъ только твердо и постоянно отстаивалъ знамя реформы; съумѣлъ неразрывно связать свои личные интересы съ интересами церковныхъ преобразованій и просвѣщенія, чего не съумѣли сдѣлать его противники; не нужно забывать и того, что время, когда онъ жилъ, было временемъ постоянныхъ переворотовъ, внезапныхъ возвышеній и внезапныхъ же паденій сильныхъ людей, временемъ „случая“, какъ говорили современники, когда человѣкъ, выдвинувшійся впередъ, долженъ былъ или погибать гдѣ нибудь въ Березовѣ, Нелымѣ, Охотскѣ, или самъ губить другихъ, когда дѣйствовали въ жизни не право и мораль, а слѣпой инстинктъ самосохраненія.

Окончаніе розысковъ. Розыски, начатые при Θеофанѣ, продолжались послѣ его смерти. Подверглось опалам еще нѣсколько архіереевъ; лишились каѳедры *Досиѳей* курскій (1736), *Иларіонъ* черниговскій (1738), *Варлаамъ* псковскій (1739). Особенно тяжелы были для духовныхъ лицъ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, когда подозрительность правительства достигла крайнихъ предѣловъ. Ѳеофилакта, содержавшагося подъ синодальнымъ арестомъ, въ 1738 г. призвали въ тайную канцелярію, три раза поднимали на виску и били; измученнаго пытками, разбитаго параличемъ, разстриженнаго святителя заперли потомъ въ Выборгскомъ замкѣ. Множество людей, замѣшанныхъ въ розыскахъ по дѣламъ Родышевскаго и Рѣшилова, было сослано въ Сибирь; другіе оставались въ крѣпости до смерти императрицы.

Состояніе монашества при Аннѣ Іоанновнѣ. Строгіе розыски часто нападали среди духовенства на разные безпорядки, которые вели къ новымъ розыскамъ и жестокостямъ. Играя роль цивилизаторовъ Россіи, иноземные правители чрезвычайно строго наказывали духовныхъ лицъ за нарушеніе указовъ Петра Великаго противъ суевѣрій, а обвиненіе въ суевѣріи было тогда очень легко. Розыски тайной канцеляріи напр. открыли между монахами Саровской и Берлюковской обителей поклоненіе одному юродивому

подъячему *Тимоѳею Архипычу*, который въ качествѣ пророка 28 лѣтъ жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны и былъ погребенъ (1731 г.) въ церкви Чудова монастыря; саровскіе монахи имѣли у себя его иконы, записки о его пророчествахъ и чудесахъ, составляли ему службу. Въ той же Саровской пустыни попался одинъ монахъ *Георгій Зарыкинъ*, который увѣрялъ, что въ 1724 г. продалъ свою душу дьяволу и долго пользовался услугами бѣсовъ. Далѣе, при Аннѣ Іоанновнѣ возобновлены законы Петра о сокращеніи числа монаховъ, изданъ былъ указъ не постригать никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, и велѣно переписать всѣхъ наличныхъ монаховъ. Перепись открыла, что послѣ Петра настоятели постригали въ монахи недостигшихъ законныхъ лѣтъ, мужей отъ живыхъ женъ, крестьянъ безъ увольненія отъ помѣщиковъ, даже бѣглыхъ солдатъ. Всѣхъ такихъ монаховъ велѣно разстригать и отдавать въ солдаты. Благодаря строгому разбору монаховъ и розыскамъ тайной канцеляріи, дѣло дошло до того, что въ 1740 г. св. Синодъ докладывалъ о совершенномъ оскудѣніи монашества; въ монастыряхъ оставались только старики, неспособные ни къ служенію, ни къ послушаніямъ, а въ иныхъ обителяхъ и такихъ не оставалось, а между тѣмъ монашество все еще продолжало умаляться „чрезъ разные случаи“, такъ что св Синодъ изъявлялъ опасеніе, какъ бы оно даже вовсе не прекратилось въ Россіи.

Церковныхъ вотчинъ при Аннѣ Іоанновнѣ коснулась страшная доимочная канцелярія, которая тогда налегла на весь податной классъ. Недоимка, лежавшая на церковныхъ вотчинахъ еще при Петрѣ, послѣ него быстро возрастала отъ неномѣрныхъ требованій правительства; до 1732 г. она возросла до 81,128 рублей, а между тѣмъ правительство требовало, чтобы духовныя власти заводили богадѣльни и школы постоянно посылало въ монастыри на прокормленіе отставныхъ солдатъ, налагало на церковныя вотчины новые сборы для удовлетворенія вновь открывавшихся потребностей государства и двора; напр. вслѣдствіе страстной любви Бирона къ лошадямъ въ Россіи заведены были обширные конскіе заводы, — на содержаніе ихъ ассигнованы особые сборы съ архіерейскихъ домовъ. Попрежнему подозрѣвая духовныхъ властей въ роскоши и дурномъ хозяйствѣ, правительство поручило сборъ недоимокъ съ церковныхъ вотчинъ губернаторамъ, воеводамъ и военнымъ ко-

мандамъ. Новые сборщики подвергали церковныхъ крестьянъ, приказныхъ и стряпчихъ тѣмъ же истязаніямъ и правежамъ, отъ которыхъ страдало тогда все вообще крестьянство. У духовенства за недоимки удерживали жалованье. Наконецъ въ 1738 г. самая коллегія экономіи переведена въ вѣдомство Сената и получила тоже значеніе, какое имѣлъ монастырскій приказъ до учрежденія Синода. Церковныя вотчины были совершенно раззорены; въ 1740 г. на однихъ синодальныхъ приказахъ считалось недоимки 32,335 рублей: коллегія экономіи не знала, чѣмъ заплатить жалованье членамъ Синода, потому что сумма, собранная съ вотчинъ, вся употреблена была на дѣланіе ружей въ Тулѣ.

Бѣлое духовенство пострадало едвали не болѣе. Въ эту эпоху крупныхъ и мелкихъ временщиковъ, угнетенія всѣхъ слабыхъ сильными, оно было совсѣмъ забито. Губернаторы и другія свѣтскія начальства забирали священно-служителей въ свои канцеляріи, держали подъ арестомъ, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, въ сельскихъ приходахъ члены причтовъ были полными рабами помѣщиковъ. Замкнутость духовенства съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалась. Въ 1731 г. вышло распоряженіе Синода и Сената, которымъ дѣтей духовенства вовсе было запрещено увольнять въ свѣтское званіе; только въ 1737 г. сдѣлано было исключеніе для тѣхъ изъ нихъ, которые получили образованіе въ духовныхъ школахъ,—имъ позволено было принимать на гражданскую службу, гдѣ чувствовался большой недостатокъ въ образованныхъ людяхъ, а между тѣмъ они-то и нужны были для церковнаго служенія. Вслѣдствіе замкнутости духовнаго сословія въ немъ постоянно долженъ былъ накопляться излишекъ людей. При недостаткѣ болѣе почетнаго выхода изъ него излишекъ этотъ не иначе могъ сокращаться, какъ записью лишнихъ людей въ подушный окладъ, которая не прекращалась послѣ Петра и особенно усердно приводилась въ исполненіе при Аннѣ Іоанновнѣ. Въ Бироновщину кромѣ того духовенство сильно порѣдѣло въ своихъ рядахъ вслѣдствіе того, что множество священнослужителей подверглось разстриженію, наказанію плетьми и ссылкамъ за связи съ разными опальными людьми и за неслуженіе царскихъ молебновъ и панихидъ. Особенно много пострадало духовныхъ лицъ за небытіе у присяги новой императрицѣ въ 1730 г. Не смотря на то, что это случилось отъ оплошности духовенства и отъ того, что объ этой

присягѣ не было выдано своевременныхъ распоряженій, правительство въ 1736 г. опредѣлило—всѣхъ духовныхъ дѣтей, сверхштатныхъ церковниковъ и церковныхъ служителей, не бывшихъ у присяги, взять въ солдаты; въ слѣдующемъ году велѣно брать въ солдаты и тѣхъ изъ нихъ, которые исполнили эту присягу послѣ, въ 1732 г. По этимъ двумъ указамъ взято было въ солдаты 6557 человѣкъ. Немного времени спустя, въ 1737 году вышелъ новый указъ—отдать въ солдаты всѣхъ вообще недѣйствительно служащихъ церковниковъ, имѣющихъ отъ 15 до 40 лѣтъ, кромѣ увѣчныхъ. Желающіе освободиться отъ военной службы могли выставлять за себя наемщика или платить 200 рублей, но и послѣ этого все-таки не могли оставаться при церквахъ, а должны были записываться въ подушный окладъ. Въ 1738 г. въ окладъ велѣно записывать даже дряхлыхъ и увѣчныхъ, въ солдаты брать имѣющихъ и болѣе 40 лѣтъ отъ роду, только бы были способны къ службѣ. Этого мало, всѣ набираемые въ военную службу за туже присягу были еще наказываемы плетьми. Священнослужители, не бывшіе у присяги, должны были платить денежную пеню или тоже ложиться подъ плети. Нѣкоторые со страху стали было подписываться подъ присяжными листами заднимъ числомъ; такихъ тоже били плетьми, кромѣ того еще разстригали и записывали или въ подушный окладъ или въ солдаты Разборъ духовенства прекратился уже въ 1740 г. по милостивому указу по случаю заключенія мира съ Турціей и вслѣдствіе ходатайства св. Синода, который представилъ императрицѣ, что многія церкви совсѣмъ опустѣли, что въ однѣхъ только тверской, псковской, архангельской и вологодской епархіяхъ 182 церкви оказались вовсе безъ причта.

Конецъ Бироновщины. Въ октябрѣ 1840 г. императрица Анна скончалась. Вслѣдствіе несчастной слабости къ Бирону эта государыня, сама по себѣ простая и добрая русская душа, не лишенная даже своего рода благочестія, усердно строившая и украшавшая храмы Божіи, вылившая знаменитый Царь-колоколъ въ 10,000 пудовъ, сдѣлалась участницей и поддержкой ужасовъ Бироновщины. Бироновщина пережила ее только нѣсколько недѣль. Послѣ свержения Бирона (въ ноябрѣ 1740 г.) *Анна Леопольдовна*, сдѣлавшись правительницею вмѣсто своего малолѣтняго сына, *Іоанна*, выдала милостивый манифестъ объ освобожденіи отъ заточеній и наказаній всѣхъ несчастныхъ жертвъ про-

шедшаго царствованія, въ томъ числѣ и духовныхъ лицъ. Ѳеофилактъ былъ освобожденъ изъ крѣпости и помѣщенъ въ домѣ новгородскаго архіепископа *Амвросія Юшкевича* (преемника Ѳеофана и первенствующаго члена св. Синода). Очистивъ его отъ загрубѣвшей на немъ грязи, Амвросій со слезами возложилъ на него знаки его прежняго сана; разбитый параличемъ страдалецъ былъ лишенъ всякаго движенія и едва могъ говорить. Здѣсь посѣтила его цесаревна Елизавета и спросила его: знаетъ ли онъ ее. „Знаю, проговорилъ онъ, ты искра Петра Великаго“. Царевна, отвернувшись, заплакала и дала ему 300 рублей на лекарства. Черезъ 4 мѣсяца онъ скончался. Изъ другихъ страдальцевъ архіереевъ Сильвестръ казанскій скончался въ Выборгѣ (1735 г.), Георгій Дашковъ — въ Нерчинскѣ (1739), Левъ Юрловъ и Игнатій получили прощеніе, но безъ возвращенія сана. Евѳимій Колетти умеръ около 1739 г.; Платонъ Малиновскій оставался въ Иркутскѣ учителемъ при тамошней школѣ. Рѣпиловъ, Маевскій и Родышевскій по освобожденіи изъ крѣпости разосланы по монастырямъ. Правительница не успѣла привести въ исполненіе своего милостиваго манифеста; въ ноябрѣ 1741 г. реакція противъ нѣмецкаго владычества свергла и ее и кончилась восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, къ которой давно уже стремились мысли и подавленные вздохи всѣхъ русскихъ людей и едвали не болѣе всѣхъ духовенства

Императрица Елизавета. Восшествіе ея на престолъ было встрѣчено общею радостію. Проповѣдное слово, такъ долго сдерживаемое страхами тайной канцеляріи, громко заговорило съ церковныхъ каѳедръ и разразилось энергичнымъ осужденіемъ прошлому времени. Проповѣдники описывали гоненія нѣмцевъ на православіе, казни и ссылки духовныхъ лицъ, оскудѣніе въ обществѣ благочестія, бѣдствія народа отъ поборовъ, насилій и ссылокъ. Новая императрица прославлялась, какъ освободительница Россіи отъ чужеземнаго ига, возстановительница вѣры и народности, сильное сѣмя Петра, русская Есѳирь и Пульхерія; проповѣдники не находили словъ, чтобы восхвалить ея тѣлесныя и душевныя качества, ея вѣру, мужество, мудрость, благочестіе; восшествіе ея на престолъ составляло, по ихъ словамъ, радость земли, радость самого Христа и небожителей. Личность ея дѣйствительно была весьма популярна и возбуждала большія надежды въ русскихъ людяхъ; за нее

было ея русское происхожденіе, имѣвшее теперь особенно важное значеніе, ея русскій характеръ и привычки, ея чисто русское благочестіе. Всѣмъ было извѣстно, что въ своей любимой Александровской слободѣ она присутствовала каждый день при богослуженіи, любила духовныя книги и проповѣди, часто подолгу молилась предъ иконой Знаменія, которая при восшествіи ея на престолъ слышала ея обѣтъ отмѣнить въ Россіи смертную казнь, со всею строгостію соблюдала посты, дѣлала вклады въ церкви деньгами и работами своихъ рукъ. Такою же она оставалась и на престолѣ; ѣздила наприм. на богомолье въ Кіевъ; въ Троицкую лавру однажды ходила изъ Москвы пѣшкомъ; при ея парадныхъ обѣдахъ всегда почти присутствовало духовенство; ея духовникъ *Дубянскій* имѣлъ на нее огромное вліяніе. Есть преданіе, что она хотѣла со временемъ постричься и для этой цѣли на берегу Невы велѣла построить Воскресенскій (Смольный) монастырь. Временщики были и при ней, но это были уже не нѣмцы, а русскіе и православные люди. Самымъ сильнымъ человѣкомъ въ ея царствованіе былъ *Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій*. Добродушный малороссъ, не умѣвшій даже грамотѣ, бывшій пѣвчій цесарёвны, онъ всю свою жизнь сохранялъ свое церковное направленіе, любовь къ церковной обрядности, къ архіерейскому служенію, голосистымъ дьяконамъ, хорошимъ пѣвчимъ, въ высшей степени былъ заинтересованъ всѣмъ, что дѣлалось среди духовенства, былъ хорошимъ знакомымъ членовъ Синода, архіереевъ, архимандритовъ, всѣхъ болѣе видныхъ духовныхъ лицъ и постояннымъ ходатаемъ за нихъ предъ императрицей.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ восшествія на престолъ императрица объявила освобожденіе отъ ссылокъ и штрафовъ всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, впавшимъ въ вины въ прежнее время. Льву Юрлову возвращенъ епископскій санъ († 1755 г.); Платонъ Малиновскій, возвращенный изъ Сибири, въ 1742 г. посвященъ въ епископа сарскаго, а въ 1748 переведенъ въ Москву; Маркеллъ Родышевскій поставленъ епископомъ корельскимъ († 1742). Важною милостію для духовенства было распоряженіе 1742 г., по которому судъ надъ духовными людьми за страшное „слово и дѣло“ переданъ былъ отъ тайной канцеляріи св. Синоду и было запрещено по преступленіямъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ, брать духовенство въ свѣтскіе суды безъ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ.

Св. Синодъ при имп. Елизаветѣ. Импер. Елизавета объявила себя возстановительницей законовъ и порядковъ своего отца. Кабинетъ министровъ былъ закрытъ и св. Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ возстановлены въ прежнихъ правахъ высшихъ правительствующихъ мѣстъ. Ободренные благочестіемъ государыни, члены Синода Амвросій Юшкевичъ и *Арсеній Мацѣевичъ*, епископъ ростовскій, подали докладъ, въ которомъ писали, что если государынѣ неугодно возстановить патріаршества, то по крайней мѣрѣ надобно назначить въ Синодъ президента и этимъ хотя нѣсколько приблизить наше церковное управленіе къ характеру управленія церкви восточной, а оберъ-прокурора и коллегію экономіи упразднить, потому что въ Синодѣ, какъ духовномъ правительствѣ, даже и секретарямъ неприлично быть мірянамъ. „Въ Синодѣ нынѣ не только архіереи, но и архимандриты и протопопы, да еще же оберъ-прокуроръ и оберъ-секретари заключаются и до всѣхъ тая титла, св. Синодъ или верховный святитель, касается: ежели бы регентъ (Биронъ) или генералиссимусъ (Минихъ) съ Остерманомъ утвердилися, кто бы ихъ смѣлъ поспорить, когда бы единого или двухъ своихъ пасторовъ въ Синодъ посадили"? Императрица не уважила этого представленія и оставила св. Синодъ попрежнему. Любопытныя свѣдѣнія о св. Синодѣ находимъ въ запискахъ кн. *Шаховскаго*, бывшаго при Елизаветѣ оберъ-прокуроромъ. При поступленіи въ должность онъ нашелъ, что послѣ Петра синодальные порядки были совсѣмъ запущены, суммы расходовались безотчетно, множество дѣлъ оставалось безъ рѣшенія; онъ едва могъ добыть даже оберъ-прокурорскую инструкцію, и то не въ Синодѣ, а въ Сенатѣ. Поборникъ государственнаго интереса скоро непріязненно столкнулся съ членами Синода по вопросамъ объ излишнихъ расходахъ вотчинныхъ суммъ, о жалованьѣ синодальнымъ членамъ, которое было прибавлено вопреки указамъ Петра, о наказаніи духовныхъ лицъ, попадавшихся въ предосудительныхъ для духовенства грѣхахъ, которыхъ ради соблазна св. Синодъ старался не обнаруживать. Шаховской описываетъ, какъ ему трудно было отстаивать свои представленія Синоду вслѣдствіе постояннаго заступленія за его членовъ сильныхъ людей,—Дубянскаго и Разумовскаго. Но, опираясь на сильныхъ людей, члены Синода иногда сами же тяготились ихъ силою. Однажды св. Синодъ посадилъ подъ арестъ одного аѳонскаго архимандрита, который хо-

дилъ по домамъ столицы съ фальшивыми святынями, самовольно служилъ молебны и въ самомъ присутствіи Синода оказалъ презрѣніе къ его власти, сославшись на то, что ему дозволилъ служить самъ протоіерей Дубянскій. Императрица разгнѣвалась за его арестъ и сдѣлала Синоду выговоръ, и только Шаховской прямымъ разъясненіемъ дѣла заставилъ ее сознаться въ несправедливости.

Въ епархіальномъ управленіи замѣчательно открытіе новыхъ епархій—московской, петербургской (1742 г.), переяславльской (1744), костромской (1745), владимірской (1748) и тамбовской (1758) Въ 1750-хъ годахъ въ южномъ краѣ Россіи поселилось до 150,000 сербовъ и болгаръ; въ 1760 г. они просили уже особаго епископа, но св. Синодъ отказалъ имъ, оставивъ ихъ въ вѣденіи бѣлогородскаго епископа. Въ 1753 г. въ вѣденіи Синода было 30 епархій и въ 28 изъ нихъ считалось 18,070 приходскихъ церквей. Прежніе архіерейскіе приказы съ 1744 г. вездѣ были преобразованы по образцу малороссійскихъ епархій на коллегіальныхъ началахъ и получили названіе консисторій. Въ нижнемъ епархіальномъ управленіи около прежнихъ духовныхъ управителей явились тоже коллегіальныя учрежденія, подчиненныя консисторіямъ, духовныя правленія. Поповскіе старосты оставались съ прежнимъ финансовымъ значеніемъ, а для надзора за благочиніемъ назначались заказчики или, какъ они стали называться при Елизаветѣ, благочинные. Платонъ Малиновскій въ 1750-хъ гг. составилъ для нихъ первую благочинническую инструкцію, впрочемъ имѣвшую силу только въ его московской епархіи. Благочинные эти почти всегда назначались архіереемъ, какъ и члены консисторій и правленій; выборное начало въ епархіальномъ управленіи вездѣ вытѣснялось приказнымъ, такъ что постоянно выборною оставалась одна должность поповскихъ старостъ. Тяглая система епархіальнаго управленія оставалась неизмѣнною до царствованія Екатерины II и сопровождалась большими злоупотребленіями въ поборахъ съ духовенства при всякихъ его столкновеніяхъ съ своими властями. Не прекращалась и прежняя суровость административныхъ нравовъ среди духовнаго чина. Слышимъ жалобы на то, что вся монополія власти находилась въ рукахъ малороссовъ, людей пришлыхъ, чужихъ, которые обращались съ подчиненными имъ москалями пренебрежительно и грубо и возбуждали къ себѣ сильную ненависть; жаловались не одни безвѣстные члены при-

ходскихъ причтовъ, но и болѣе видныя лица, учители по семинаріямъ, заслуженные священнослужители по епархіямъ, настоятели въ монастыряхъ, даже сами архіереи изъ великоруссовъ. Каждое малороссійское начальство въ великорусской епархіи старалось окружить себя своими земляками, давало имъ всѣ зависящія отъ него мѣста и должности, а мѣстныхъ уроженцевъ держало въ черномъ тѣлѣ. Общій ропотъ дошелъ даже до ушей императрицы Елизаветы и, не смотря на то, что у нея и духовникъ и фаворитъ Разумовскій были изъ малороссовъ, заставилъ ее (въ 1754 г.) издать распоряженіе, которымъ дозволено было на архіерейскія каѳедры и архимандричьи мѣста въ знатныхъ монастыряхъ возводить духовныхъ лицъ не одного малороссійскаго, но и великорусскаго происхожденія.

Монашество. Елизавета Петровна оказывала большія милости монастырямъ, утверждала за ними ихъ земли и угодья, раздавала новыя, возвращала тѣ, которыя были отняты у нихъ при Биронѣ. Троицкій монастырь получилъ при ней наименованіе и права лавры. Прежнія строгости касательно увеличенія числа монашествующихъ прекратились; въ 1760 г. позволено постригать желающихъ изъ всѣхъ сословій. Въ 1745 г. по просьбамъ св. Синода была закрыта коллегія экономіи и церковныя имѣнія снова переданы въ управленіе самихъ духовныхъ властей, но при этомъ всѣ сборы съ этихъ имѣній и штатные оклады духовныхъ учрежденій оставлены въ прежнемъ видѣ, потому что и такая благочестивая государыня, какъ Елизавета, уже не могла измѣнить выработавшемуся до нея государственному взгляду на церковныя имѣнія. Попрежнему продолжалась посылка въ монастыри солдатъ, престарѣлыхъ, сумасшедшихъ и малолѣтнихъ колодниковъ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы стали строиться инвалидные дома, съ открытіемъ коихъ посылка инвалидовъ въ монастыри должна была прекратиться, но и эти инвалидные дома предполагалось устраивать и содержать тоже на счетъ монастырскихъ вотчинъ. Въ 1757 г., присутствуя на одной конференціи Синода и Сената, императрица замѣтила, что „монастыри, не имѣя власти употреблять свои доходы инако, какъ только на положенные штатомъ расходы, суетное себѣ дѣлаютъ затрудненіе управленіемъ вотчинъ“, и начала было дѣлать новыя распоряженія объ этихъ вотчинахъ, но не успѣла ихъ кончить за своею кончиною. Преемникъ ея

Петръ III, бывшій голштинскій герцогъ, человѣкъ, пропитанный протестантскими понятіями и оскорблявшій русскій патріотизмъ и религіозность привязанностію ко всему нѣмецкому, въ свое короткое царствованіе сдѣлалъ было наконецъ рѣшительное распоряженіе включить церковныя вотчины въ общій составъ имуществъ государственныхъ, а на содержаніе духовенства назначить жалованье, но переворотъ, свергнувшій его (1762 г.) съ престола, не далъ ему привести этого распоряженія въ исполненіе.

Судьба бѣлаго духовенства менѣе занимала императрицу Елизавету, такъ какъ она, подобно всѣмъ, высоко поставленнымъ, благочестивымъ женщинамъ, въ своемъ уваженіи и милостяхъ изливалась преимущественно въ отношеніи лишь къ близкому ей высшему духовенству и мало знала нужды безвѣстныхъ приходскихъ причтовъ. Прежняя жестокость разборовъ духовенства при ней прекратилась, но самые разборы продолжались, потому что замкнутое духовное сословіе, какъ и прежде, постоянно нуждалось въ очищеніи отъ лишнихъ людей. Во время новой ревизіи 1744 г. лишнихъ церковниковъ съ ихъ дѣтьми и дѣтей сверхштатныхъ священнослужителей велѣно писать въ подушный окладъ при посадахъ, заводахъ, фабрикахъ, на пашенныя земли, при помѣщикахъ, куда похотятъ, или отдавать въ солдаты. По ходатайству Синода тогда же впрочемъ дозволено было такими лишними духовными людьми одной епархіи восполнять недостатокъ духовенства въ другой сосѣдней. Самые разборы производились при участіи духовной власти, а не одними свѣтскими начальствами, а потому были гораздо легче прежнихъ. Для возвышенія нравственности духовенства выданы распоряженія, чтобы духовныя лица не пускались въ торги, подряды, откупа, промыслы, ростовщичество подъ опасеніемъ изверженія изъ сана, не домогались излишней платы за требы, изъ корысти не совершали требъ незаконныхъ, не предавались пьянству во время хожденія съ иконами и св. водой и при совершеніи требъ. Подтверждено старинное правило не посвящать ставленниковъ въ попы раньше 30, а въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. Приходскіе выборы членовъ причта были стѣсняемы архіерейскою властью почти во всѣхъ епархіяхъ не только великороссійскихъ, но и въ Малороссіи, гдѣ выборное начало было особенно сильно развито въ приходахъ. Архіереи старались назначать на приходскія вакансіи своихъ кандида-

товъ изъ учениковъ духовныхъ школъ. Но права наслѣдниковъ церковныхъ мѣстъ рѣдко были тревожимы епархіальною властью, частію потому, что наслѣдники сами большею частію учились уже въ школахъ, а наслѣдницы были выдаваемы замужъ за ученыхъ, частію изъ состраданія къ ихъ бѣдности, въ видахъ ихъ призрѣнія, для котораго другихъ средствъ не было никакихъ. Для возвышенія внѣшняго благосостоянія духовенства въ 1754 г. по случаю общаго межеванія земель вышло распоряженіе отмежевать по 10—20 четвертей земли въ полѣ ко всѣмъ церквамъ, которыя не обезпечены ни землями, ни рогой, но въ исполненіе приведено не было, потому что по неопредѣленности правилъ для межевщиковъ самое межеваніе скоро остановилось. Съ большимъ успѣхомъ приводились въ исполненіе распоряженія о нестроеніи лишнихъ церквей, издававшіяся нѣсколько разъ на основаніи указовъ Петра Великаго. Въ 1742 г. духовенство освобождено было отъ безпокойной повинности ходить на пожары и на караулы къ рогаткамъ „и отъ прочей полицейской должности". Тогда же сложена съ него подводная повинность при проѣздѣ чиновниковъ и постойная при проходѣ войскъ. Не велѣно привлекать духовенство къ свѣтскимъ судамъ, что по злоупотребленіямъ провинціальныхъ начальствъ случалось чрезвычайно часто. Правительство заботилось также о томъ, чтобы духовныя лица не подвергались обидамъ; въ 1757 г. за обиду священнику два драгуна были наказаны шпицрутенами въ количествѣ 6000 ударовъ и сосланы на 10 лѣтъ въ Оренбургъ на работы; — объ этомъ случаѣ велѣно публиковать указами въ острастку другимъ.

Распространеніе христіанства. Благочестивая императрица обратила особенное вниманіе на дѣло инородческой миссіи, которая успѣла значительно ослабѣть послѣ Петра. *Въ области средней Волги* успѣхи св. вѣры до самыхъ 40-хъ годовъ поддерживались, только благодаря личному усердію нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Въ казанской епархіи, по донесенію м. Сильвестра, новокрещеные инородцы находились въ самомъ жалкомъ религіозномъ невѣжествѣ и дѣло миссіи крайне нуждалось въ возобновленіи правительственной поддержки. Одинъ Алексѣй Раевскій неимѣнно трудился на своемъ поприщѣ; въ теченіи 1724—1733 гг. онъ успѣлъ обратить ко Христу до 1300 человѣкъ. Въ 1731 г. въ Свіяжскѣ учреждена была особая коммиссія новокрещенскихъ дѣлъ для казанскаго и нижегородскаго края. Въ

1735 г., по докладу преемника Сильвестрова, *Иларіона Рогалевскаго*, Сенатъ распорядился устроить въ казанской епархіи 4 инородческія школы и ассигновалъ на нихъ сумму изъ вѣнечныхъ денегъ казанской епархіи (2000 р. на постройку и 1378 р. ежегодно). Но частію по недостатку энергіи къ дѣлу миссіи въ правительствѣ, частію потому, что послѣ Иларіона казанскимъ архіереемъ сдѣлался *Гавріилъ*, человѣкъ старинный, распустившій даже самую семинарію въ Казани, инородческія школы не были заведены до 40-хъ годовъ. Свіяжская коммиссія дѣйствовала нерадиво, не имѣла даже списка новокрещеныхъ, такъ что нѣкоторые инородцы для полученія подарковъ крестились по 2, по 3 раза, наконецъ разлавала новокрещеныхъ разнымъ людямъ въ крѣпость, „якобы воспріемникамъ и для обученія христіанскаго закона". Гражданскія начальства, вмѣсто содѣйствія миссіи, только вредили ей своими поборами съ инородцевъ. Подъ конецъ царствованія имп. Анны дѣла миссіи стали поправляться. Съ 1738 г. казанскимъ епископомъ сдѣлался энергичный просвѣтитель казанскаго края, *Лука Конащевичъ*. Въ 1740 г. при свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ учреждена правильно организованная миссія съ конторою инородческихъ дѣлъ; ее составляли свіяжскій архимандритъ *Димитрій Сѣченовъ*, 2 протопопа и 5 человѣкъ изъ духовенства, знающихъ инородческіе языки. Всѣмъ имъ назначено жалованье, даны наказы, ассигновано 10,000 р. въ годъ на расходы; новокрещенымъ велѣно давать крестъ, рубашку, обувь, шапку и денегъ,—по 1½ руб. взрослымъ и по 50 коп. малолѣтнимъ. Дѣятельность миссіи должна была простираться на казанскую, нижегородскую, воронежскую и астраханскую губерніи. Для большихъ успѣховъ ея императрица всѣмъ крещенымъ вновь инородцамъ объявила свободу отъ ихъ некрещеныхъ помѣщиковъ, 3 года льготы отъ податей, свободу отъ рекрутчины и прощеніе преступленій, совершенныхъ до крещенія. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся, положено разлагать на некрещенныхъ для побужденія и ихъ къ принятію св. вѣры. Въ отношеніи къ татарамъ, которые держались своей вѣры тверже всѣхъ инородцевъ, употреблена очень крутая мѣра: велѣно ломать всѣ новыя мечети, особенно въ селеніяхъ, гдѣ съ некрещеными жили крещеные татары; строеніе мечетей вновь совершенно запрещено. Вслѣдствіе сильныхъ жалобъ со сто-

роны татаръ правительство впрочемъ скоро должно было смягчить строгость этого распоряженія; въ 1744 г. позволено строить новыя мечети на 200—300 душъ въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ крещеныхъ; жалобы татаръ однако не прекратились и послѣ этого, потому что въ рѣдкомъ селеніи не было крещеныхъ.

При такомъ содѣйствіи правительства миссіонеры крестили инородцевъ иногда цѣлыми волостями При Димитріѣ Сѣченовѣ въ 2 года крещено свыше 17,000 инородцевъ; въ 1742 г. онъ былъ поставленъ епископомъ въ нижегородскую епархію, гдѣ обратилъ ко Христу около 50,000 душъ; въ 1748 г онъ удалился на покой въ казанскую Раиѳскую пустынь, откуда въ 1752 вызванъ снова на святительство въ Рязань, а въ 1757 переведенъ въ Новгородъ. Самыми дѣятельными проповѣдниками христіанства явились вызванные изъ Кіева учители казанской семинаріи, *Сильвестръ Головацкій*, сдѣлавшійся преемникомъ Сѣченова по управленію новокрещенскою конторою, и іеромонахъ *Веніаминъ Пушкарь-Григоровичъ*, ѣздившій по инородческимъ селеніямъ съ проповѣдью и учившій инородческихъ дѣтей въ казанской школѣ. Усерднымъ ревнителемъ обращенія инородцевъ былъ и самъ Лука Конашевичъ; онъ доходилъ въ этомъ дѣлѣ даже до крайностей, наприм. насильно бралъ инородческихъ дѣтей въ школы, строилъ среди татарскихъ поселеній церкви, учреждалъ мимо татарскихъ домовъ крестные ходы и довелъ казанскихъ татаръ до того, что они едва удерживались отъ общаго возстанія. Нашлись ревнители вѣры и изъ мірскихъ людей, руководившіеся частію искреннимъ желаніемъ помогать св. дѣлу, частію желаніемъ отличиться благочестіемъ предъ набожнымъ правительствомъ (1). Совѣтникъ новокрещенской конторы *Ярцевъ* обратилъ до 10,000 инородцевъ. Цѣлыя селенія изъявляли готовность креститься, даже не видавши еще миссіонеровъ. Случаи сопротивленія видимъ главнымъ образомъ между татарами и терюшевской мордвой, которая возстала противъ сильныхъ

(1) Крестили вездѣ, гдѣ были инородцы. Полковые священники и командиры обращали инородцевъ между солдатами. Гвардейскій подполковникъ Ушаковъ прислалъ однажды нѣсколько солдатъ иновѣрцевъ въ Синодъ для опредѣленія ихъ на тяжкія работы по монастырямъ, чтобы скорѣе обратились въ христіанство. Св. Синодъ отвѣчалъ представленіемъ всего неприличія прибѣгать къ такимъ средствамъ въ дѣлѣ вѣры.

мѣръ Димитрія Сѣчепова и однажды едва его не убила. Миссіонерамъ кромѣ того не было никакой возможности удовольствовать дачами все множество крестившихся и потому приходилось иногда спасаться отъ раздраженія обманутыхъ дикарей съ помощью военныхъ командъ. Въ 1741—1756 гг. крещено было: въ казанской губерніи 368,430 душъ, въ нижегородской 9325, оренбургской 4999, воронежской 30,207. Надобно впрочемъ замѣтить, что крестились почти одни инородцы—язычники; мордва крещена вся, некрещеныхъ черемисъ, чувашъ и вотяковъ осталось самое малое число; но изъ татаръ крещеныхъ считалось (въ 1755 г.) всего 3670 душъ. Магометанство успѣло развить даже свою собственную пропаганду среди язычниковъ. При Аннѣ Іоанновнѣ въ Астрахани въ магометанство обращено было 634 человѣка; при Елизаветѣ Петровнѣ въ свіяжской провинціи татарскіе проповѣдники обрѣзали 293 человѣка изъ чувашъ;—правительство распорядилось возвратить послѣднихъ къ ихъ старой вѣрѣ, а тѣхъ, которые пожелаютъ креститься, крестить. Крещеные татары были очень ненадежны въ православіи, наприм. въ 1750 г. многіе изъ нихъ подали въ Синодъ просьбу о возвращеніи ихъ къ старой вѣрѣ, потому будто бы, что архіерей (Лука Конашевичъ) крестилъ ихъ насильно; съ этого времени велѣно крестить только тѣхъ татаръ, которые подадутъ о крещеніи письменныя прошенія.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы прочно было обращеніе и другихъ инородцевъ; миссіонеры успѣвали только крестить всю эту массу народа, но научить крещеныхъ вѣрѣ не могли успѣть. Поэтому въ селеніяхъ новокрещеныхъ во всей силѣ оставались и старые жрецы, и керемети, и языческія жертвы. Духовенства, знающаго инородческіе языки, которое бы продолжало дѣло миссіонеровъ, было мало. Объ инородческихъ школахъ все еще только разсуждали, двѣ первыхъ школы явились въ Казани уже въ 1745 г., другія двѣ въ 1750,—въ Елабугѣ и Царевококшайскѣ; въ 1753 г. Лука Конашевичъ всѣ эти школы соединилъ въ одну, устроенную въ Казани, но послѣ него и эта новая школа пришла въ совершенный упадокъ. Лучшимъ средствомъ къ ознакомленію новокрещеныхъ съ вѣрою правительство признавало переселеніе ихъ въ среду русскихъ и отдѣленіе отъ некрещеныхъ въ особыя селенія съ церквами и причтами. Но сами новокрещеные чрезвычайно тяготились такими переселеніями, потому что, кромѣ разныхъ обидъ, при пере-

селеніи на новыя мѣста имъ приходилось терпѣть часто невознаградимыя хозяйственныя потери. Вслѣдствіе этого вышло новое распоряженіе: если число крещеныхъ въ извѣстномъ мѣстѣ окажется болѣе десятой доли всего населенія, то для отдѣленія крещеныхъ отъ некрещеныхъ переселять на новое мѣсто послѣднихъ. Успѣхи миссіи, тяжесть платежей за крещеныхъ, разрушеніе мечетей, невольныя переселенія сильно взволновали инородческое населеніе приволжскаго края, особенно татаръ, а между тѣмъ въ сосѣдяхъ, между башкирами, кипѣлъ опасный бунтъ. Правительство нашло поэтому нужнымъ умѣрить свою ревность къ вѣрѣ. Въ 1755 г. Лука Конашевичъ переведенъ былъ въ Бѣлгородъ. Въ 1756 г. татарамъ позволено строить мечети въ селеніяхъ, гдѣ число крещеныхъ менѣе десятой доли населенія, сдѣлано послабленіе въ переселеніяхъ и дозволено на этотъ годъ не ставить рекрутовъ. Съ этихъ поръ дѣятельность миссіи слабѣла годъ отъ году.

Между калмыками продолжалъ свою миссію *Никодимъ Ленкевичъ*, въ 1725—34 гг. успѣвшій крестить до 1700 калмыковъ. Въ 1734 году онъ былъ уволенъ на покой въ Кіевъ. Но безъ него миссія стала упадать, явились даже совращенія въ старую вѣру и тѣхъ, которые были крещены; до 1737 г. совратилось 1594 души. Тогда правительство снова вызвало его изъ Кіева, а для прекращенія совращеній рѣшилось исполнить давнишнее желаніе новокрещеныхъ калмыковъ не разселять ихъ въ разныя мѣста, а назначить для поселенія ихъ одно мѣсто. По ходатайству Никодима и хана *Дондука-Омбо*, преемника Тайшима († 1736), для этого построенъ былъ городъ Ставрополь, куда и переселена была вдова Тайшима *Анна* со всей ея ордой. Для совершенія богослуженія по улусамъ этой колоніи ей дана была походная церковь. Велѣно переводить на калмыцкій языкъ Н. Завѣтъ и молитвы и учредить въ Ставрополѣ школу. Послѣ Никодима († около 1739 г.) главою миссіи сдѣлался его сотрудникъ, протоіерей *Андрей Чубовскій*. При имп. Елизаветѣ число крещеныхъ возросло до 6000. Крестилось много калмыковъ въ астраханской губерніи, гдѣ были главныя кочевья ихъ; крестилась вдова Дондука-Омбо вмѣстѣ съ дѣтьми. Астраханскимъ новокрещенымъ отводили земли между Волгой, Черемшаномъ и Дономъ.

Несчастная *Грузія*, получившая большія надежды послѣ завоеваній Петра въ Персіи, снова потеряла эти надежды,

когда Россія въ 1732 г. обратно отдала свои завоеванія Персіи. Впрочемъ Россія постоянно продолжала давать у себя пріютъ всѣмъ грузинамъ, уходившимъ отъ магометанскихъ гоненій, и принимала живое участіе въ ихъ судьбѣ. Въ 1737 г. св. Синодъ по просьбѣ царевича *Бакара* разрѣшилъ издать на грузинскомъ языкѣ Библію и богослужебныя книги; изданіе Библіи послѣдовало въ 1743 г. Въ 1746 г., по предложенію грузинскаго архіепископа *Іосифа* св. Синодъ принялъ на себя заботу о возстановленіи правосл. вѣры между *осетинами* и отправилъ къ нимъ миссію изъ грузиновъ, которая впрочемъ мало имѣла успѣха.

Въ *Сибири*, въ западной ея половинѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ дѣйствовали тѣже мѣры къ обращенію инородцевъ, какія мы видѣли въ приволжскомъ краѣ, тѣже льготы новокрещенымъ, тѣже постановленія о татарскихъ мечетяхъ; тѣже были и результаты этихъ мѣръ; цѣлыми толпами крестились язычники и повсюду волновались татары. Въ 1748 г. крестилось много остяковъ и князь ихъ *Мурзинъ*; въ 1751 г. игуменъ *Іовъ* обратилъ много вотяковъ, вогуловъ, тунгузовъ и бурятъ; въ 1753 г. разныхъ инородцевъ тобольской епархіи крестилось 482 души, въ 1754—311 и т. д. Митрополитъ Сильвестръ Головацкій, поставленный въ Тобольскъ въ 1749 г., былъ тѣмъ же для западной Сибири, чѣмъ Лука Конашевичъ для казанскаго края; въ 1755 г. правительство по жалобамъ татаръ перевело его въ Суздаль въ санѣ уже не митрополита, а епископа, и назначило въ Тобольскъ слѣдственную комиссію, которая сильно ободрила магометанъ. Послѣ этого сибирская миссія стала слабѣть, какъ и казанская. Въ восточной Сибири обращеніе инородцевъ усилилось съ 1727 г., когда на иркутскую епархію поставленъ былъ епископомъ св. *Иннокентій Кульчицкій*. Во время своего пребыванія въ селенгинскомъ монастырѣ и во время управленія епархіей († 1731 г.) онъ обратилъ къ христіанству значительное число бурятъ. Преемникомъ его былъ префектъ московской академіи *Иннокентій Неруновичъ* († 1741 г.), тоже крестившій множество бурятъ и тунгузовъ.

Въ отдаленной *Камчаткѣ* въ началѣ царствованія Елизаветы считалось уже болѣе 6000 христіанъ и 3 церкви. Но священникъ Ермолай Ивановъ былъ одинъ на весь полуостровъ; не смотря на свои постоянные разъѣзды, въ иныхъ мѣстахъ онъ могъ побывать неболѣе одного раза въ

нѣсколько лѣтъ: заѣхавъ къ своему прихожанину, онъ наприм. иногда заразъ долженъ былъ крестить у него дочь, обвѣнчать ее съ мужемъ ея, потомъ окрестить уже кстати и ея ребенка. Въ 1743 г. въ Камчатку отправлена была миссія, во главѣ которой былъ поставленъ архимандритъ *Іоасафъ Хотунцевскій* съ подчиненіемъ его иркутскому архіерею. Въ 1750 г., при окончаніи своего служенія, Іоасафъ доносилъ, что вновь обращать въ христіанство было уже некого по всему полуострову. Въ школахъ, которыя завела миссія, обучалось 200 человѣкъ. Хотунцевскій проектировалъ учредить даже особую камчатскую епархію, но его проектъ остался безъ исполненія. По смерти Иннокентія Неруновича св. Синодъ не назначалъ новаго епископа даже для иркутской каѳедры до 1754 г., когда туда былъ наконецъ поставленъ *Софроній Кристалевскій*. Въ концѣ 50-хъ годовъ крещено было нѣсколько тикарей съ *Алеутскихъ* острововъ.

Китайская миссія упрочена договоромъ, который былъ заключенъ съ Китаемъ при Петрѣ II: выговорено было право держать въ Пекинѣ 4 духовныхъ и 6 свѣтскихъ лицъ и построить на посольскомъ дворѣ церковь съ содержаніемъ отъ русскаго правительства.

Православіе въ Польшѣ. Въ то время, какъ на востокѣ православная церковь успѣшно пріобрѣтала новыхъ чадъ, на западѣ, въ Польшѣ, она сильно страдала отъ гоненій католичества, которыя усиливались по мѣрѣ разгаравшагося раздраженія поляковъ противъ русскаго вліянія на Польшу. Въ 1733 г. сеймъ устранилъ православныхъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Однообразнымъ рядомъ изъ года въ годъ тянутся съ одной стороны отчаянныя жалобы православныхъ горожанъ, монастырей и епископовъ на насилія, съ другой болѣе или менѣе энергическія представленія королю и сейму отъ русскаго двора и резидентовъ, обычныя отговорки поляковъ, обѣщанія, откладыванія, иногда впрочемъ и распоряженія о прекращеніи гоненій, но, какъ и прежде, совершенно безполезныя на дѣлѣ. Съ 1721 до 1747 г. въ унію отнято было 165 православныхъ церквей; оставшіяся у православныхъ стояли безъ починки, съ обрушенными кровлями, выбитыми окнами, хуже сараевъ и хлѣвовъ. Монастыри середи бѣлаго дня подвергались нападеніямъ черни и школяровъ, при чемъ монаховъ били, увѣчили, даже убивали до смерти. Бѣлорусскій епископъ *Ге-*

орій Конисскій (съ 1755 г.) жаловался, что однажды въ Оршѣ онъ едва спасся отъ католическаго изувѣрства, выѣхавъ изъ города въ телѣгѣ, прикрытый навозомъ, въ другое время при нападеніи на его домъ іезуитскихъ школяровъ долженъ былъ спрятаться отъ нихъ въ углу сыраго подвала. Паны подъ пьяную руку, а то даже и въ трезвомъ видѣ апостольствовали надъ своими хлопами и попами посредствомъ неистовыхъ истязаній. Православныя процессіи подвергались уличнымъ нападеніямъ, такъ что покойниковъ нужно было хоронить по ночамъ. Прикащикъ пана во время православнаго богослуженія входилъ въ церковь съ плетью и гналъ оттуда и народъ и духовенство, какъ скотъ изъ хлѣва. Бѣлоруссія и Украйна слыли подъ именемъ partes infidelium; туда снаряжались цѣлыя миссіи базиліанъ и доминикановъ обращать народъ въ унію; миссія шла съ конвоемъ жолнеровъ, загоняла народъ плетьми въ костелъ или уніатскій храмъ и записывала всѣхъ въ число обращенныхъ, послѣ чего, если кто исполнялъ православную требу, наказывался, какъ отступникъ. Унія все болѣе и болѣе дѣлалась нелѣпостью; она была невозможна, когда православіе, которое она должна была соединять съ католичествомъ, въ глазахъ католика поляка было хуже жидовства и язычества, когда по милости іезуитовъ католическій и православный Богъ сдѣлались двумя разными богами, когда толпа студентовъ іезуитской коллегіи, вмѣстѣ съ своимъ начальствомъ, разбивъ похоронную процессію (какъ это было въ Дрогичинѣ 1742 г.), ругалась надъ православнымъ крестомъ, топтала его ногами и приговаривала: „что же ты не сердишься и не мстишь, схизматицкій Боже“? Надежды православныхъ на заступленіе импер. Елизаветы были обмануты; Россія съ необыкновеннымъ долготерпѣніемъ соблюдала свой миръ съ Польшей. Прусскій король *Фридрихъ II*, съ которымъ Россія тогда вела войну, рѣшительнѣе дѣйствовалъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ протестантовъ и много способствовалъ улучшенію ихъ участи въ Польшѣ. Православные хотѣли добиться для себя такой же поддержки у Россіи, даже представляли русскому правительству, что, если оно не окажетъ имъ болѣе дѣятельнаго покровительства, то они принуждены будутъ искать защиты у Пруссіи. Но важность такого представленія надлежащимъ образомъ понята была уже при Екатеринѣ II.

Расколъ. Внутри Россіи православіе боролось съ расколомъ. Мѣры противъ него оставались тѣже, какія были при Петрѣ Великомъ; послѣ непродолжительнаго ослабленія въ первыя два царствованія послѣ Петра онѣ снова усилились при Аннѣ Іоанновнѣ, когда главный борецъ противъ раскола, Питиримъ, сдѣлался сильнымъ сторонникомъ Ѳеофана и членомъ св. Синода. Съ 1732 г. св. Синодъ посылалъ противураскольническія миссіи къ польскимъ границамъ, въ костромскіе лѣса и въ восточный край, гдѣ расколъ особенно усилился на горныхъ заводахъ. Послѣ тщетнаго приглашенія русскихъ бѣглецовъ, жившихъ въ раскольническихъ скитахъ на Вѣткѣ, воротиться въ Россію, въ 1735 г. полковникъ *Ситинъ* получилъ порученіе сдѣлать тамъ строгій розыскъ съ помощію военной команды; скиты были сожжены; около 40,000 бѣглецовъ разослано по разнымъ мѣстамъ. Въ тоже время (1736) были переписаны и обложены окладомъ слободы Стародубья При имп. Елизаветѣ строгости къ раскольникамъ еще болѣе усилились. Подтверждены законы Петра противъ расколоучителей; возобновлены забытыя постановленія о особомъ платьѣ для раскольниковъ и пошлинахъ съ бородачей. Во время ревизіи переписано было множество раскольниковъ, не плативших двойнаго оклада. Всѣ раскольники обязаны были для переѣздовъ съ мѣста на мѣсто имѣть паспорты. Стародубскія слободы были переписаны вновь; къ бѣглецамъ на Вѣтку опять посылалось приглашеніе воротиться на свои мѣста. Съ 1761 г. множество раскольниковъ дѣйствительно стали возвращаться въ Россію и селиться въ Новороссіи. Строгости только усиливали фанатизмъ изувѣровъ; при имп. Елизаветѣ было нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ самосожженія раскольниковъ. Въ 1761 г. изданъ указъ, чтобы духовныя лица при слѣдствіяхъ о раскольникахъ воздерживались отъ неприличныхъ ихъ сану поступковъ, употребляли для обращенія раскольниковъ мечъ духовный, а не гражданскій; поводомъ къ этому указу было то, что въ одномъ домѣ сожглось 150 раскольниковъ, которые объявили, что сожигаютъ себя отъ грабительства и раззоренія посылаемыхъ противъ нихъ командъ.—Св. Синодъ продолжалъ развивать противъ раскола духовныя мѣры. Въ 1744 г. Арсеніемъ Маціевичемъ издано „Обличеніе раскольнической неправды“, написанное Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ еще въ 1723 г. Это было первое опроверженіе Поморскихъ от-

вѣтовъ, доселѣ считавшихся у раскольниковъ неопровержимыми. Внутри самихъ раскольническихъ сектъ, особенно безпоповщинскихъ, шли жаркіе споры о перекрещиваніи вновь совращенныхъ въ расколъ, о бракѣ, объ отношеніи къ правительству, молитвѣ за царя и др предметахъ, споры, которые вели къ новому дробленію раскола на секты. Въ поповщинѣ развивалась мысль о пріобрѣтеніи собственной іерархіи и сдѣлалась причиною усердныхъ домогательствъ со стороны раскольниковъ пріобрѣсти для ихъ вожаковъ архіерейскій санъ въ Молдавіи или Греціи и появленія нѣсколькихъ архіереевъ самозванцевъ; таковы были: нѣкто *Епифаній* (1724—1735), получившій архіерейскій санъ обманомъ отъ ясскаго митрополита, долго странствовавшій по Украйнѣ и на Вѣткѣ, три раза попадавшійся въ руки русскаго правительства и кончившій свои странствованія обращеніемъ въ православіе; бѣглый дьяконъ *Аѳиногенъ*, объявившій себя (1751 г.) епископомъ въ Стародубьѣ, настригшій нѣсколько поповъ и дьяконовъ на югѣ Россіи, въ Молдавіи и Буковинѣ, наконецъ поступившій въ Польшѣ въ военную службу; бѣглый монахъ *Аѳимъ*, получившій заочное посвященіе отъ Аѳиногена въ 1753 г., когда тотъ былъ уже польскимъ жолнеромъ, утопленный въ 1757 г. некрассовскими казаками въ Днѣстрѣ.

Съ кончиною имп. Елизаветы для раскола настали лучшія времена. При Петрѣ III изданъ былъ указъ о защитѣ раскольниковъ отъ обидъ; бѣжавшимъ за границу дозволено безбоязненно возвращаться въ Россію и селиться въ Сибири; запрещено преслѣдовать ихъ, „ибо, сказано въ указѣ, внутри имперіи и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники „хрістіане.... Отвращать ихъ должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно“.

Хлысты. Въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1733 г., по доносу одного разбойника Караулова, назначена была комиссія для разыскиванія хлыстовъ, въ большомъ числѣ проживавшихъ въ Москвѣ. 116 сектантовъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, въ томъ числѣ 4 старицы московскаго Ивановскаго монастыря, который былъ сильно зараженъ ересью; главные вожди ереси, богородица *Аѳанья* (монахиня Анастасія) и пророки *Филаретъ* и *Тихонъ* (монахи московскихъ монастырей), казнены смертью; менѣе

виновные отданы на увѣщаніе пастырямъ церкви и обратились въ православіе. Св. Синодъ сдѣлалъ воззваніе, чтобы всѣ участники ереси безбоязненно являлись къ духовнымъ властямъ для присоединенія къ православію; вслѣдствіе этой кроткой мѣры въ 1734 г. добровольно присоединилось къ церкви 112 человѣкъ еретиковъ.—При импер. Елизаветѣ у хлыстовщины явился новый лжехристосъ, одинъ юродивый *Андрей Петровъ*. Новая комиссія, назначенная въ 1745 г., открыла во внутреннихъ губерніяхъ Россіи до 600 хлыстовъ. Андрей и ближайшіе его послѣдователи были высѣчены кнутомъ и сосланы на каторгу, другіе еретики по наказаніи плетьми разосланы по монастырямъ, записаны въ солдаты или возвращены въ свои дома. Множество сектантовъ успѣло ускользнуть отъ розысковъ. Св. Синодъ и теперь сдѣлалъ имъ приглашеніе къ добровольному покаянію, но безъ особеннаго успѣха.

Начало ереси духоборцевъ. Въ южно-русской украйнѣ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ харьковской и екатеринославской губерній, съ 1740-хъ годовъ замѣтно стало обнаруживаться броженіе новыхъ мистико-раціоналистическихъ идей, изъ которыхъ сформировалась особая ересь духоборцевъ, въ описываемое время еще мало обращавшая на себя вниманія. Элементы, изъ какихъ она выработалась, опредѣлить трудно. По всей вѣроятности она возникла изъ смѣси извѣстнаго уже намъ народнаго раціонализма, который преемственно проявлялся въ ересяхъ XVI в., въ ученіи нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ толковъ и въ ученіи московскихъ еретиковъ, съ мистицизмомъ жившихъ въ Россіи квакеровъ и меннонитовъ. Наполненная всякаго рода ссыльными и бѣглыми диссидентами, украйна была лучшимъ поприщемъ для развитія своеобразныхъ духоборческихъ общинъ съ ихъ широкимъ отрицаніемъ всего церковнаго строя. Первыми распространителями ереси были: въ харьковскомъ краю какой-то унтеръ-офицеръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ иностранецъ квакеръ, переходившій съ своей проповѣдью съ мѣста на мѣсто, а въ екатеринославской губерніи нѣкто *Силуанъ Колесниковъ*. Духоборчество явилось съ полнымъ отрицаніемъ всей религіозной внѣшности во имя поклоненія Богу духомъ и истиною. Отрицая авторитетъ соборовъ, отцевъ, іерархіи, даже безусловную необходимость для спасенія внѣшняго откровенія, ересь признала единственнымъ безусловнымъ источникомъ вѣры и спасенія слово Божіе внутреннее, жи-

вущее въ каждомъ человѣкѣ. Церковь при этомъ стала для нея только духовнымъ обществомъ соединенныхъ внутреннимъ словомъ людей, въ которомъ іудеи, магометане и язычники такіе же члены, какъ и христіане, лишь бы они только внимали глаголамъ внутренняго слова; на основаніи такого понятія о церкви сектанты всѣ таинства ея объясняли въ духовномъ смыслѣ; внѣшность этихъ таинствъ и всѣ вообще обряды, крестное знаменіе, посты, иконы, мощи, равно какъ и вся церковная іерархія оказались при этомъ совершенно ненужными и были отвергнуты. Исключеніе внѣшняго ради внутренняго, духовнаго, имѣло сильное вліяніе и на догматику духоборства; оно вѣритъ въ историческаго Христа и признаетъ дѣло совершеннаго Имъ искупленія, но въ тоже время допускаетъ, что можно спастись и безъ вѣры въ Него, съ одною вѣрою во внутреннее слово, которое одно и тоже съ Сыномъ Божіимъ и которое духовно совершаетъ тоже дѣло искупленія, раждается, проповѣдуетъ, страдаетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Въ ученіи о грѣхопаденіи ересь приняла положеніе, что всякій отвѣчаетъ за свой только собственный грѣхъ, что слѣдовательно грѣхопаденіе Адама было только его частное грѣхопаденіе, а общая порча природы человѣческой есть слѣдствіе паденія душъ еще до созданія міра, въ одно время съ паденіемъ злыхъ духовъ.

Развитіе вольнодумства со имп. Елизаветы. Раціоналистическія ученія впрочемъ плохо прививались къ народной массѣ, которая оставалась въ томъ же темномъ религіозномъ невѣжествѣ, какъ въ древней Руси, съ тѣми же дѣтскими обрядовыми воззрѣніями на православіе, тѣми же суевѣріями, апокрифами, остатками полуязыческихъ представленій, кудесническихъ обрядовъ, примѣтъ и т. п. Все новое образованіе исключительно сосредоточилось въ высшихъ классахъ; здѣсь же сосредоточилось и то религіозное вольнодумство, которое, какъ мы видѣли, было результатомъ первоначальнаго столкновенія простодушной, неосмысленной русской религіозности съ протестантской цивилизаціей запада. Протестантское вліяніе, такъ сильное при Петрѣ, въ эпоху нѣмецкаго владычества сдѣлалось, разумѣется, еще сильнѣе. Анна Іоанновна весьма строго преслѣдовала всякую католическую пропаганду, выгнала за рубежъ польскихъ ксендзовъ, выгнала Жюбе, заставила отречься отъ католичества кн. Долгорукую, одного изъ князей Голицы-

ныхъ за принятіе католичества сдѣлала придворнымъ шутомъ и обвѣнчала съ придворной дурой калмычкой (свадьба въ ледяномъ домѣ). Въ 1738 г. за принятіе іудейства сожженъ былъ капитанъ-лейтенантъ флота *Возницынъ* вмѣстѣ съ своимъ совратителемъ, жидомъ Барохомъ. Но на протестантовъ такія строгости не простирались; они свободно строили въ Россіи свои кирхи, выписывали для нихъ пасторовъ, заводили школы, распространяли протестантскія сочиненія и мысли въ русскомъ обществѣ. Проповѣдники временъ Елизаветы Петровны единогласно свидѣтельствуютъ, что при имп. Аннѣ нѣмцы соблазнили множество православныхъ. Изъ этихъ же впрочемъ проповѣдей видимъ, что русскіе заимствовали у протестантовъ не систему вѣроученія, а главнымъ образомъ только легкое отношеніе къ обрядамъ церкви и правиламъ нравственности. И сами представители нѣмцевъ въ Россіи были плохими представителями положительныхъ протестантскихъ вѣрованій. Биронъ наприм. ни разу не бывалъ въ кирхѣ: Остерманъ столько разъ перемѣнялъ религію, что наконецъ никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія; большая часть другихъ нѣмцевъ не имѣли никакой религіи,—всѣ вообще отличались нравственною распущенностію Въ русскомъ обществѣ и распространялась именно эта безрелигіозность и эта нравственная распущенность. Сколько нибудь систематическій раціонализмъ былъ еще вовсе не по плечу для этого крайне юнаго общества; оно вполнѣ довольствовалось усвоеніемъ только игрушекъ и забавъ цивилизаціи, однихъ только удовольствій и „эпикурскихъ мнѣній“, какъ выражались проповѣдники. Историческія извѣстія, и свои и чужія, говорятъ о необыкновенной роскоши двора, дорогихъ костюмахъ, изумительно богатыхъ балахъ, маскарадахъ, обѣдахъ, на которые проматывалось все столичное дворянство. Женщина, выпущенная изъ терема, обученная всѣмъ пріемамъ европейскаго кокетства, съ увлеченіемъ бросилась на новыя для нея удовольствія семейной свободы; но не воспитанная для того, чтобы исполнять свое благородное назначеніе для общества, осталась постарому только орудіемъ чувственнаго наслажденія и сдѣлалась лишь новымъ матеріаломъ для „эпикурскихъ“ удовольствій. Однимъ словомъ, эмансипировавшись отъ старыхъ домостроевскихъ порядковъ, общество теперь распустилось во всю широту своей русской, но еще совершенно невоздѣланной натуры. Благочестивые

обычаи и благочестивый этикетъ старины были брошены и подверглись посмѣянію, для котораго господствующее протестантское вліяніе давало слишкомъ много матеріаловъ.

Однимъ изъ самыхъ солидныхъ и образованныхъ представителей тогдашняго либерализма былъ *Татищевъ*, авторъ Исторіи Россійской. По его собственнымъ словамъ, все вольнодумство, за которое многіе его обвиняли, состояло въ точномъ разграниченіи между догматомъ и обрядомъ, существеннымъ и несущественнымъ въ православіи, разграниченіи, котораго требовали въ свое время Петръ и Ѳеофанъ. Но онъ пошелъ уже дальше и Петра и Ѳеофана, со стороны перваго вызвалъ извѣстное вразумленіе царской дубинкой, послѣдняго заставилъ написать упомянутое защищеніе книги Пѣснь Пѣсней, въ которой видѣлъ изображеніе одной чувственной любви Соломона къ женѣ египтянкѣ. Въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи онъ горячо вооружается противъ суевѣрій и на ряду съ ними противъ разныхъ чудесныхъ сказаній, многія церковныя преданія, сказанія Пролога и Чети-Миней называетъ выдумкою духовенства въ видахъ усиленія клерикальной власти и для корысти, духовенство представляетъ силою враждебной просвѣщенію и государству, не опускаетъ ни одного почти случая въ исторіи, гдѣ проявлялось участіе древняго духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ, чтобы не поговорить о властолюбіи и о папскихъ стремленіяхъ русскихъ іерарховъ, постоянно вспоминаетъ Никона и не находитъ словъ для порицанія его посягательствъ противъ государства.

Заботы о возстановленіи благочестія при Елизаветѣ. Съ восшествіемъ на престолъ имп. Елизаветы началось строгое преслѣдованіе всякихъ противуцерковныхъ явленій. Благочестивое настроеніе новаго правительства выразилось между прочимъ въ истребленіи мечетей въ восточномъ краѣ и указѣ сломать всѣ армянскія церкви, оставивъ только одну въ Астрахани, потому что армяне уличены были въ совращеніи православныхъ (въ Астрахани ими совращено было 114 человѣкъ); изъ Малороссіи и изъ Риги велѣно выслать всѣхъ евреевъ; на представленіе Сената, чтобы имъ дозволено было пріѣзжать туда по крайней мѣрѣ временно, для торга, очень выгоднаго для казны, императрица рѣшительно отвѣчала: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“. Возобновленъ былъ старый законъ не отпускать изъ Россіи иностранцевъ, принявшихъ

православіе; на этомъ основаніи оставлено въ Россіи множество выходцевъ изъ Лифляндіи, даже такихъ, которые, хотя и не были сами православными, но женились на православныхъ дѣвицахъ и имѣли отъ нихъ дѣтей. Для огражденія православія съ 1743 г. начались цензурныя мѣры противъ вредныхъ для него книгъ, изъяты изъ обращенія переводы сочиненій: Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ и Стратемана „Θеатронъ“. Неоднократно издавались указы, чтобы въ воскресные и праздничные дни всѣ православные ходили къ богослуженію и каждогодно бывали у исповѣди подъ опасеніемъ штрафа. Постановлено, чтобы въ праздники до окончанія литургіи не было торговли и питейной продажи. Отмѣнено запрещеніе священнослужителямъ носить иконы въ домы прихожанъ для молебствій. За нарушеніе благочинія во время богослуженія съ виновныхъ велѣно брать по 1 рублю, не выпуская изъ церкви. Издано распоряженіе о приличномъ содержаніи самихъ церквей и снабженіи ихъ приличными иконами, облаченіями и сосудами; неискусно написанныя иконы велѣно отбирать. Правительство обратило вниманіе и на то, что въ крестьянскихъ избахъ св. иконы держатся въ нечистотѣ, закоптѣлыя отъ дыма, а многіе иностранцы въ избахъ останавливаются и смѣются надъ такимъ нерадѣніемъ; архіерейскимъ посланцамъ и священникамъ поручено смотрѣть, чтобы крестьяне держали иконы въ чистотѣ, но при этомъ осмотрѣ иконъ имъ—крестьянамъ никакихъ обидъ не чинить и взятокъ съ нихъ не брать. Надъ иконописцами поставлены смотрители изъ лучшихъ мастеровъ. Религіозные эстампы дозволялось печатать и продавать только съ разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ.

Царствованіе благочестивой государыни ознаменовалось открытіемъ новыхъ *мощей святителя Димитрія ростовскаго*. Въ 1752 г., послѣ нѣсколькихъ опытовъ чуднаго прославленія ихъ, св. Синодъ освидѣтельствовалъ ихъ и нашелъ нетлѣнными, не смотря на то, что они лежали въ мокрой землѣ безъ надгробнаго свода.

Начало французскаго вліянія на общественную религіозность. Несмотря на благочестивое настроеніе правительства, развитіе религіознаго вольнодумства уже не останавливалось. Въ царствованіе Елизаветы нѣмецкое вліяніе стало замѣняться другимъ еще болѣе опаснымъ вліяніемъ французской образованности, которая вела за собой знакомство съ разрушительной французской философіей. Немного еще

было въ Россіи людей, которые въ состояніи были изучать произведенія тогдашнихъ корифеевъ французской литературы; по такого изученія и не требовалось Философскія идеи дѣлались извѣстными нашимъ пустымъ петиметрамъ и великосвѣтскимъ вольнодумцамъ большею частію по наслышкѣ, хватались на лету изъ общественныхъ толковъ, насмѣшекъ, полусловъ, точно также, какъ прежде дѣлались извѣстными протестантскія идеи. Тутъ важна была не степень изученія того или другаго религіознаго направленія, а какъ и вездѣ въ юныхъ обществахъ, не привыкшихъ еще мыслить самостоятельно, важна была мода, общественное настроеніе, которое дѣлало либеральныя выходки признакомъ хорошаго тона и цивилизаціи. Мода на философію была такъ сильна, что съ 1740-хъ годовъ, по словамъ импер. Екатерины II, головы всего менѣе философскія старались по крайней мѣрѣ казаться философскими. Въ царствованіе Елизаветы воспиталось цѣлое поколѣніе этихъ поклонниковъ философіи, которые выступили на историческое поприще во второй половинѣ XVIII в., извѣстной подъ громкимъ именемъ *философскаго вѣка*. Средоточіемъ этихъ новыхъ людей былъ молодой дворъ, т. е. дворъ наслѣдника *Петра Ѳеодоровича*. Впрочемъ самъ Петръ Ѳеодоровичъ, не смотря на все свое обожаніе короля-философа, Фридриха, не раздѣлялъ философскихъ идей, былъ исключительно преданъ военнымъ упражненіямъ и въ самомъ Фридрихѣ цѣнилъ не философа, а только полководца. Душей образованнаго кружка при этомъ дворѣ была Екатерина съ другомъ своимъ кн. *Дашковой*; та и другая были воспитаны во французскомъ духѣ и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ изучали произведенія Бэля, Монтескье, Вольтера и др. французскихъ знаменитостей. Всѣ придворные философы добивались чести принадлежать къ обществу молодаго двора, считая старый дворъ за его благочестіе отсталымъ. Главнымъ выраженіемъ либерализма и теперь впрочемъ оставался тотъ же нравственный эпикуреизмъ, на который жаловались проповѣдники. За исключеніемъ немногихъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе солидное образованіе, на самомъ дѣлѣ дававшее имъ возможность понимать философскія идеи, русское дворянство большею частію училось у разныхъ французскихъ проходимцевъ-гувернеровъ, бывшихъ въ своемъ отечествѣ кучерами, поварами, парикмахерами, круглыхъ невѣждъ, которые ничего не могли сообщить своимъ питомцамъ, кро-

мѣ презрѣнія ко всему русскому и своего собственнаго разврата; за тѣмъ русскій баричъ, совершенно неподготовленный, менѣе всего интересовавшійся просвѣщеніемъ, ѣхалъ за границу, въ Парижъ, гдѣ для него доступны были одни удовольствія и гдѣ въ кругу разныхъ гулякъ безъ совѣсти и религіи, среди грязнаго разврата, онъ вполнѣ заканчивалъ опустошеніе своей нравственности, превращался, по запальчивому отзыву Сумарокова, „изъ напудреннаго человѣка въ напудренную скотину".

Усиленіе средствъ къ религіозному образованію. Съ усиленіемъ религіознаго вольнодумства все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ религіознаго образованія въ обществѣ. Все религіозное образованіе дворянъ и другихъ чиновъ, по словамъ синодальнаго представленія 1743 г., ограничивалось только чтеніемъ Часослова и Псалтири, и то еще въ дѣтствѣ, при обученіи граматѣ; въ отвѣтъ на это представленіе правительство издало указъ всѣмъ родителямъ обучать дѣтей катихизису по Букварю Прокоповича, съ нерадивыхъ родителей брать штрафъ по 10 рублей, при опредѣленіи на службу молодыхъ людей экзаменовать въ знаніи катихизиса. Въ академіяхъ кіевской и московской издавна существовала особая должность катихизаторовъ, которые должны были каждое воскресенье изъяснять догматы и правила православія съ церковной каѳедры и въ аудиторіяхъ передъ литургіей; тотъ же обычай былъ и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напр. троицкой и казанской. Въ 1750-хъ годахъ на поприщѣ катихизаторства въ Москвѣ отличался молодой учитель академіи, *Петръ Левшинъ*, будущая знаменитость Екатерининa вѣка; его катихизическія бесѣды привлекали громадное число слушателей и доставили ему почетное прозваніе московскаго апостола. Въ 1761 г. объясненіе катихизиса, какъ дѣло весьма нужное, указомъ Синода велѣно производить въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ 1744 г. правительство разрѣшило новое изданіе Камня вѣры, которое было поставляемо тогдашнимъ духовенствомъ въ числѣ самыхъ первыхъ заслугъ императрицы. Послѣ снятія опалы съ этого сочиненія явилась наконецъ возможность издать опроверженіе извѣстнаго „Молотка на Камень вѣры", который доселѣ оставался безъ отвѣта; опроверженіе это написалъ Арсеній Маціевичъ. Въ 1750-хъ годахъ вновь были изданы Чети-Минеи св. Димитрія ростовскаго (1757), Печерскій Патерикъ (1759) и другія полез-

ныя книги. Но самымъ важнымъ изданіемъ для чтенія народа безспорно было изданіе Библіи.

Изданіе Библіи. Вопросъ объ исправленіи и изданіи Библіи послѣ Петра поднимался вновь при имп. Екатеринѣ, потомъ при импер. Аннѣ. Но Ѳеофанъ Прокоповичъ, недовольный трудами Лопатинскаго и др справщиковъ, настоялъ, чтобы исправленія были передѣланы вновь по одному греческому тексту, вслѣдствіе чего дѣло изданія исправленной Библіи затянулось на долгое время. Въ 1744 г имп. Елизавета распорядилась, какъ можно, скорѣе издать Библію, причемъ св. Синоду, для исправленія библейскаго текста, указано имѣть каждодневныя засѣданія по нѣскольку часовъ утромъ и вечеромъ: но вскорѣ пришлось отступиться отъ такого распоряженія за множествомъ другихъ занятій у св. Синода и предоставить исправленіе особымъ справщикамъ изъ учителей академій. Болѣе всѣхъ трудились въ этомъ дѣлѣ іеромонахи *Іаковъ Блонницкій* (изъ московской академіи) и *Варлаамъ Лящевскій* (изъ кіевской). Новые справщики приняли во вниманіе всѣ исправленія прежнихъ справщиковъ, дополнили ихъ новыми исправленіями, стараясь держаться, какъ можно, ближе къ переводу LXX и древнему славянскому тексту: вновь перевели съ греческаго книги Товита и Юдиѳи, существовавшія прежде въ переводѣ съ Вульгаты; 3 книгу Ездры, которой нѣтъ въ греческомъ текстѣ, исправили по Вульгатѣ; перечислили всѣ свои исправленія въ особомъ предисловіи и снабдили свой трудъ примѣчаніями и изложеніемъ содержанія каждой библейской книги. Въ такомъ видѣ новая Библія издана была въ 1751 г. и пущена въ продажу по самой дешевой цѣнѣ (5 руб.). Потребность въ ней такъ была велика, что вскорѣ послѣ перваго ея изданія потребовались три новыя (1756, 1757, 1759 гг.). — Еще со временъ Петра стали заботиться объ изданіи *библейскихъ толкованій*. Особенно важны были для библейской экзегетики труды *Симона Тодорскаго*, замѣчательнаго лингвиста своего времени, изучившаго въ Кіевѣ и за границей языки греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій и арабскій, слушавшаго въ Галлѣ знаменитаго Махаэлиса. Сдѣлавшись въ 1738 г. преподавателемъ въ кіевской академіи совершенно заброшенныхъ тамъ греческаго и еврейскаго языковъ, онъ сталъ настоящимъ основателемъ свящ. филологіи въ Россіи. Въ 1742 г. его вызвали въ Петербургъ въ законоучители наслѣднику и его

супругѣ Екатеринѣ; здѣсь онъ написалъ свои изслѣдованія по восточной филологіи и принималъ участіе въ изданіи Библіи. И. Лящевскій и Блонницкій были его учениками.

Проповѣдничество. Между многочисленными проповѣдниками временъ Елизаветы самыми замѣчательными были: Амвросій Юшкевичъ, Димитрій Сѣченовъ, преемникъ Амвросія по каѳедрѣ *Стефанъ Калиновскій*, ректоръ сергіевской семинаріи *Кириллъ Флоринскій*, придворный проповѣдникъ троицкій архимандритъ *Гедеонъ Криновскій*, котораго Сумароковъ называетъ россійскимъ Флешьеромъ, мужемъ великаго краснорѣчія и ставитъ выше Ѳеофана, другой придворный проповѣдникъ діаконъ *Стефанъ Савицкій*, ректоръ кіевской академіи, потомъ епископъ костромской, наконецъ петербургскій *Сильвестръ Кулябка*, учитель московской академіи *Порфирій Крайскій* и *Гедеонъ Антонскій*, извѣстные намъ Платонъ Малиновскій, Родышевскій и мн. другіе. Проповѣдному слову много приходилось высказать послѣ долгаго молчанія: кромѣ изображенія страданій церкви до имп. Елизаветы и восхваленія добродѣтелей и заслугъ государыни, проповѣдники должны были обличать пороки и вольнодумство современнаго общества. Они гремѣли противъ „скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, нрава и ума епикурейскаго и фреймасонскаго, противъ неисповѣдующихъ Бога и Его промысла, блядословящихъ, что событія производитъ фортуна, слѣпой случай, а не Богъ". По случаю Лиссабонскаго землетрясенія (1755 г.), которое дало Вольтеру поводъ написать поэму противъ ученія о Промыслѣ, Гедеонъ Криновскій говорилъ слово, въ которомъ доказывалъ, что источникъ бѣдствій человѣческихъ не въ природѣ, а въ грѣхахъ людей, что не страшны землетрясенія и гибель городовъ, а страшенъ гнѣвъ Божій—вина подобныхъ бѣдствій. Обличеніемъ современныхъ нравовъ особенно извѣстенъ Димитрій Сѣченовъ. „Поносимъ, говорилъ напр. онъ, праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ за курочку душу нашу промѣниваемъ". Или еще: „осмотримся, какъ любимъ Христа. Люблю Христа: у меня въ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены, а церкви въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники, рукомойники се-

ребряные, а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла, а страшныя Христовы Тайны крашениной покрыты"... Къ ближнему „вся наша любовь, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, непрестанная репетиція: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было".

Въ церковно-историческомъ родѣ замѣчательны труды *Никодима Селлія*. Онъ былъ датчанинъ, ученикъ Буддея, обратился изъ лютеранства въ православіе и по пріѣздѣ въ Россію (1722 г.) былъ долгое время учителемъ петербургской семинаріи, потомъ постригся въ монахи († 1746 г.). Въ Россіи онъ съ любовію занялся изученіемъ русской исторіи. Въ 1736 г. въ Ревелѣ явилось обширное сочиненіе его на латинскомъ языкѣ „О писателяхъ политической и церковной исторіи Россіи"; потомъ онъ написалъ „Зерцало россійскихъ государей" отъ Рюрика до Елизаветы, 5 книгъ „о россійской іерархіи", въ которыхъ помѣстилъ свѣденія о русскихъ іерархахъ, соборахъ, монастыряхъ, училищахъ и святыхъ, наконецъ „Словарь чудотворныхъ иконъ".

Въ 1740-хъ годахъ еще въ рукописи стали ходить по рукамъ записки пѣшеходца *Василія Барскаго*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ путешественниковъ по св. мѣстамъ, сочиненіе котораго имѣло тоже значеніе для благочестивыхъ людей новаго времени, какое имѣло для древнихъ грамотниковъ хожденіе игум. Даніила. Получивъ образованіе въ кіевской академіи и во Львовѣ, онъ отправился въ свое путешествіе въ 1724 г. и въ теченіи 23 лѣтъ ходилъ по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, особенно долго оставался на Аѳонѣ († 1747 г.).

Духовныя школы. Для распространенія образованія въ духовенствѣ продолжалось заведеніе новыхъ духовныхъ школъ. Въ царствованіе Екатерины и Петра II, во время усилившейся реакціи, попеченіе правительства о заведеніи этихъ школъ ослабѣло; распространеніе дух. образованія поддерживалось, только благодаря просвѣтительному усердію нѣкоторыхъ архіереевъ; въ это время явились новыя школы: въ Харьковѣ (коллегіумъ), Иркутскѣ (1726), Псковѣ (при *Рафаилѣ Заборовскомъ*), Тобольскѣ (при *Антоніи Стаховскомъ*), Смоленскѣ (при *Гедеонѣ Вишневскомъ*) и Астрахани (1729 г. при *Варлаамѣ Леницкомъ*). При имп. Аннѣ, во время усиленія Ѳеофана и при временщикахъ

нѣмцахъ, которые старались показывать себя цивилизаторами Россіи. распоряженія о школахъ сдѣлались энергичнѣе. Всѣ школы являются теперь съ славяно-латинскимъ курсомъ и переименовываются въ семинаріи; славяно-россійскія школы стали считаться низшими училищами, хотя впрочемъ и въ семинаріяхъ ученіе не простиралось дальше латинской грамматики. Такъ явились семинаріи: въ Холмогорахъ, Вологдѣ (1730), Коломнѣ (1731), Невскомъ монастырѣ (1732), Казани, Псковѣ (1733), Вяткѣ (1735), Нижнемъ, Рязани, Тобольскѣ, Устюгѣ, Переяславѣ, (1738), Вязьмѣ (крутицкая), Твери, Ростовѣ (1739), Суздалѣ и Новгородѣ (1740). Вездѣ вводились извѣстное кіевское раздѣленіе классовъ, кіевскія школьныя должности и порядки. Всѣ эти семинаріи впрочемъ сѣла держались. Въ нихъ постоянно оказывался недостатокъ учителей, да и учениковъ все еще нужно было добывать путемъ насильственныхъ наборовъ. Не смотря на покровительство, объявленное правительствомъ всѣмъ учившимся въ школахъ дѣтямъ духовенства, страшные разборы Бироновскаго времени касались и ихъ. Губернаторы вмѣстѣ съ архіереями обязывались каждогодно производить въ семинаріяхъ строгіе экзамены и всѣхъ неспособныхъ и лѣнивыхъ учениковъ отдавать въ солдаты. Кромѣ того, всѣ эти семинаріи не были обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Правительство разсылало строгіе указы о заведеніи новыхъ семинарій, требовало отчетовъ о числѣ учениковъ,—кто, чему, когда выучился и куда опредѣлился на службу, изъявляло неудовольствіе на то, что семинаріи заводятся медленно, винило „духовную команду въ отважномъ и нечувственномъ небреженіи“ къ ея долгу, но всѣ издержки на эти семинаріи отъ себя отстраняло, предоставляя ихъ на попеченіе самой духовной команды и въ тоже время отнимая у послѣдней управленіе ея вотчинами; на содержаніе семинарій оставался одинъ скудный и неопредѣленный сборъ хлѣба съ церквей и монастырей на основаніи Регламента. Въ 1738 г. сдѣлано было наконецъ распоряженіе составить для семинарій штаты, но какъ скоро дѣло дошло до ассигнованія штатныхъ суммъ, такъ и остановилось; штатное содержаніе получила одна новогородская семинарія. Неудивительно, что нѣкоторыя и заведенныя уже семинаріи закрывались или по недостатку средствъ, напр въ Ростовѣ, или за неимѣніемъ учителей, напр. въ Суздалѣ (1740 г.), или

по недостатку любви къ просвѣщенію у нѣкоторыхъ архипастырей, напр. въ Казани, гдѣ архіерей *Гавріилъ* въ 1736 г. распустилъ по домамъ болѣе 80 учениковъ. Тѣмъ достопамятнѣе ревность къ просвѣщенію тѣхъ архипастырей, которые заводили и поддерживали у себя школы, несмотря на всю скудость своихъ епархіальныхъ средствъ, каковы: Иларіонъ Рогалевскій (1732 — 1735) и Лука Конашевичъ въ Казани, Лаврентій Горка (1733 — 1737 г.) въ Вяткѣ, Питиримъ въ Нижнемъ, Гедеонъ въ Смоленскѣ, Антоній Стаховскій въ Тобольскѣ, Сильвестръ Кулябка въ Костромѣ и другіе. Подъ конецъ царствованія имп. Анны всѣхъ учениковъ духовныхъ школъ считалось 2589,—число очень небольшое, особенно при тогдашнемъ множествѣ вакантныхъ мѣстъ при церквахъ Недаромъ духовное начальство очень неохотно отпускало своихъ школьниковъ въ свѣтскую службу и старалось усилить сословную замкнутость семинарій.

При имп. Елизаветѣ судьба семинарій нѣсколько улучшилась. Государыня всегда являлась покровительницею духовнаго просвѣщенія, не разъ бывала въ троицкой и невской семинаріяхъ на диспутахъ и во время посѣщенія обѣихъ лавръ приглашала семинарскихъ учителей къ своему столу; семинаристамъ изъ податнаго состоянія объявлена свобода отъ подушнаго оклада и рекрутства. Духовная власть, получивъ церковныя имѣнія въ свое распоряженіе, вмѣстѣ съ этимъ получила болѣе средствъ къ распространенію духовнаго образованія. Но за то само правительство теперь сложило съ себя всѣ попеченія о поддержкѣ семинарій, напр. въ 1742 г. оно было назначило штатный окладъ для невской семинаріи, но послѣ возвращенія церковныхъ имѣній въ вѣдомство Синода снова его отмѣнило; Лука Конашевичъ и Антоній тобольскій, просившіе пособій для своихъ семинарій, получили рѣшительный отказъ. Новыя семинаріи открылись въ Троицкой лаврѣ (1742), Воронежѣ (1745), Ярославлѣ, Костромѣ (1747), Владимірѣ (1750), Переяславлѣ (1753), Могилевѣ (1757). Число всѣхъ учениковъ возрасло до 6000. Духовному начальству однако и теперь еще приходилось заниматься охотой за бѣглыми учениками. Лучшими семинаріями были: *харьковскій коллегіумъ*, который трудами образованныхъ архипастырей, *Петра Смѣлича*, *Іоасафа Горленка* и Луки Конашевича, доведенъ былъ до равенства съ академіями и въ которомъ раньше всѣхъ семинарій начался курсъ богословія (1731 г.); семинарія

петербургская (учениковъ было до 75); *троицкая* въ Сергіевской лаврѣ (до 200 учениковъ), скоро послѣ своего основанія сравнявшаяся съ академіями, такъ что въ нее, какъ въ высшее заведеніе, посылались ученики изъ другихъ сосѣднихъ семинарій, а воспитанники ея разсылались по этимъ семинаріямъ на должности наставниковъ; *казанская*, которая со времени Луки Конашевича считалась самою многолюдною (до 300 учениковъ) и одною изъ самыхъ благоустроенныхъ. Кромѣ этихъ семинарій, философія и богословіе преподавались въ Новгородѣ и Смоленскѣ; изъ другихъ семинарій, гдѣ обученіе не вездѣ доходило даже до реторики, избранныхъ учениковъ посылали доучиваться высшимъ наукамъ въ троицкую семинарію или въ академіи.

Между *академіями* первое мѣсто все еще занимала кіевская, несмотря на то, что пользовалась гораздо меньшимъ вниманіемъ правительства, чѣмъ московская: окладъ ея, увеличенный при им. Елизаветѣ, простирался всего до 200 руб., тогда какъ на московскую положено было выдавать 4500 руб. Бѣдные кіевскіе бурсаки много должны были терять дорогаго времени и чести, бродя крохоборниками по домамъ съ своими миркованьями, кантами, рацеями и вертепами; не смотря на то, число ихъ постоянно было огромное, 1160—1230 человѣкъ, тогда какъ въ московской академіи, при всѣхъ усиліяхъ набрать больше учащихся и при дѣятельной охотѣ за бѣглыми, число всѣхъ учениковъ колебалось между 200 и 600. Вторымъ Могилою для кіевской академіи явился м. *Рафаилъ Заборовскій* († 1747), по имени котораго она названа была Заборовскою. Онъ исходатайствовалъ у имп. Елизаветы прибавку къ академическому окладу, перестроилъ зданія, выстроилъ новую бурсу, на свой счетъ награждалъ учителей, содержалъ нѣсколько бѣдныхъ учениковъ и посылалъ ихъ за границу, обогатилъ библіотеку и расширилъ академическій курсъ введеніемъ еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго языковъ. Обѣ академіи были заведеніями открытыми для всѣхъ сословій. Правда, московская академія нѣсколько разъ заявляла наклонность къ сословной замкнутости, напр. 1725 г. ректоръ Гедеонъ отказался принять въ нее нѣсколько недорослей дворянъ на томъ основаніи, что она назначена только для образованія духовныхъ юношей въ надежду священства; но такая замкнутость оказывалась невозможной по недостатку тогда свѣтскихъ заведеній; въ 1736 г. въ академію поступило

158 дворянъ. Равнымъ образомъ безуспѣшны были жалобы нѣкоторыхъ ея ректоровъ на то, что кончившіе курсъ студенты, въ ущербъ духовной службѣ, опредѣлялись въ свѣтскую службу, посылались для образованія за границу, въ академію наукъ, московскій госпиталь и т. п. Сословное значеніе стало усиливаться въ академіяхъ уже со времени открытія московскаго университета (1755), который отвлекъ отъ нихъ множество молодыхъ людей. Въ московской академіи замѣчательно развитіе между наставниками духа монашества. Въ 1744 г. всѣ наставники ея были монахи, кромѣ одного *Кондакова*: за нежеланіе постричься св. Синодъ лишилъ его мѣста

Кіевская академія шла впереди московской и въ усовершенствованіи своего курса. Преподаваніе греческаго языка введено было и въ той и другой академіи въ одно время—въ 1738 г., но преподаваніе нѣмецкаго и еврейскаго языковъ въ Москву принесено уже (въ 40-хъ годахъ) воспитанниками Кіева: кромѣ того съ 1753 г. въ Кіевѣ преподавался уже модный языкъ тогдашней цивилизаціи—французскій. Въ преподаваніи философіи съ 1752 г. вмѣсто Аристотеля въ Кіевѣ введена была система Баумейстера, значительно очищенная отъ стараго схоластическаго сора. Въ Москвѣ тоже встрѣчаемъ попытку знакомить студентовъ съ новой философіей Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа; но за такую попытку учитель *Владиміръ Каллиграфъ* (1755—1757) обвиненъ былъ въ распространеніи протестантскихъ и жидовскихъ плевелъ и лишился мѣста. Въ преподаваніи богословія и въ академіяхъ и въ семинаріяхъ все еще царила схоластика, развивавшая въ своихъ питомцахъ духъ любопренія и школьный педантизмъ, и латынь, которая совершенно закрывала плоды богословской науки отъ публики и кромѣ того весьма много мѣшала развитію русскаго богословскаго языка и самой науки, доводила богослова до того, что онъ, непобѣдимый на школьныхъ латинскихъ диспутахъ, не могъ объяснить порусски самыхъ простыхъ истинъ вѣры. Въ кіевской академіи произведены были очень полезныя улучшенія и въ преподаваніи богословія. Тамошнія богословскія системы старались понемногу освобождаться отъ схоластики и ближе держаться направленія, даннаго богословію Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; лучшими между ними были системы Сильвестра Кулябки (1741—1745) и Георгія Конисскаго. Въ 1759 г. м. *Арсеній Мо-*

гилянскій замѣтилъ, какъ много времени теряютъ студенты, списывая при каждомъ новомъ наставникѣ постоянно новыя записки по богословію, существенно ничѣмъ не отличающіяся отъ записокъ предшествовавшаго наставника, кромѣ слога и перестановки съ мѣста на мѣсто параграфовъ, записки при томъ необычайно растянутыя, наполненныя пустымъ краснорѣчіемъ, и вслѣдствіе этого распорядился, чтобы для студентовъ введенъ былъ одинъ учебникъ богословія и чтобы наставники въ своихъ лекціяхъ избѣгали всякихъ излишнихъ амплификацій и риторства, по милости которыхъ богословская система доселѣ еще ни разу не проходилась въ академіи сполна. Съ этого времени изученіе богословія стало производиться исключительно по системѣ Прокоповича. Въ это же время введено было преподаваніе богословія *на русскомъ языкѣ* по Прав. Исповѣданію П. Могилы. Въ московской академіи первую попытку освободиться отъ схоластики видимъ въ урокахъ *Кирилла Флоринскаго* (1739—1740), представляющихъ переходъ отъ господствовавшей доселѣ системы Лопатинскаго къ системѣ Прокоповича. Послѣ Флоринскаго направленіе Прокоповича дѣлается господствующимъ и здѣсь.

Реформа семинарскаго образованія была крайне нужна въ виду приближавшагося *философскаго вѣка*. Схоластика съ ея отвлеченной и тяжелой діалектикой, путавшаяся въ однихъ разсудочныхъ тонкостяхъ, и ничего не говорившая простому, непосредственному смыслу, оказывалась совершенно безсильной противъ новой философіи, которая дѣйствовала именно на простой смыслъ, была сильна не діалектическими аргументами, а ясностію своихъ положеній, выразительностію и живостью языка, бойкимъ отрицаніемъ, мѣткими и колкими остротами. Соблазнительная сила этой философіи вредоносно проникала въ самыя семинаріи; наприм. въ троицкой семинаріи однажды въ собраніи всѣхъ учениковъ высѣкли нещадно розгами одного ученика либерала, который толковалъ, что „Бога нѣтъ, а все отъ натуры, какъ наприм. мухи или блохи и жабы“.

IX. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II И ПАВЛѢ I.

Послѣ кратковременнаго царствованія Петра III, успѣвшаго своимъ непаціональнымъ и безтактно-либеральнымъ

характеромъ раздражить почти всѣ сословія, въ концѣ іюня 1762 г. началось царствованіе *Екатерины II*, императрицы-философа XVIII в. Мудрецы Европы замѣтили восходящую звѣзду новаго просвѣщенія еще тогда, когда Екатерина была в княгиней, и радостно привѣтствовали ея восшествіе на престолъ, обѣщавшее богатые плоды для господствовавшаго направленія вѣка. Надежда ихъ не обманула; въ Россіи тоже начался философскій вѣкъ

Отношеніе Екатерины къ французской философіи. Подобно другимъ государямъ—философамъ своего времени она старалась созидать правительственныя распоряженія на основахъ современной философіи и завязала самыя тѣсныя связи съ представителями новаго образованія, вела дѣятельную переписку съ Вольтеромъ, облагодѣтельствовала Дидро, Д'Аламбера приглашала въ воспитатели в. кн. Павлу Петровичу, слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось и говорилось въ либеральныхъ парижскихъ салонахъ, въ которыхъ собирались тогдашнія знаменитости науки и искуства, съ мадамъ Жоффрэнь, у которой былъ самый модный въ этомъ отношеніи салонъ, даже лично переписывалась, предлагала философамъ издавать въ Россіи ихъ запрещенныя французскимъ правительствомъ сочиненія, даже знаменитую Энциклопедію. Абсолютистскія правительства смотрѣли на петербургскій дворъ, какъ на гнѣздо революціонныхъ идей, во Франціи на ряду съ опасными сочиненіями либераловъ запрещенъ былъ Наказъ Екатерины, какъ книга, подрывающая основы государства. Въ самой Россіи многіе осторожные люди со страхомъ смотрѣли на либеральныя замашки императрицы. — Но какъ ни велико было ея увлеченіе новой философіей, на самомъ дѣлѣ она никогда не доходила въ немъ до потери самообладанія и забвенія своего положенія; отъ этого спасалъ ее ея холодный и чисто практическій умъ, который никогда не оставался недоступенъ для всякихъ отрезвляющихъ отъ увлеченія замѣчаній и впечатлѣній со стороны дѣйствительной жизни. Сами философы иногда должны были прикусывать языкъ предъ практическими сужденіями своей поклонницы, которая на всѣхъ теоретиковъ и фантазеровъ смотрѣла, какъ на „вралей". Дидро, слишкомъ навязывавшему ей свои идеи, она сказала однажды, что его идеи очень хороши для бумаги, которая все терпитъ, но не для нея, несчастной императрицы, имѣющей дѣло съ людьми, которые чрезвычайно бываютъ

чувствительны. Усвоивъ современныя философскія идеи, она въ тоже время хорошо усвоила и современныя политическія ученія, которыя учили государей и политиковъ держаться такъ, какъ требовали обстоятельства времени и „умоначертаніе“ управляемаго народа, не увлекаясь своими личными убѣжденіями и держа эти убѣжденія про себя, если они не годны въ практикѣ. Отсюда эта двойственность между словомъ или убѣжденіемъ и дѣломъ, какая замѣчается во всей правительственной дѣятельности Екатерины. Съ самаго же начала царствованія она проявляла даже нѣкотораго рода утилитарное отношеніе къ модной философіи, которое еще болѣе развилось у нея съ теченіемъ времени. Философія была лучшимъ украшеніемъ ея трона предъ лицемъ всей Европы, орудіемъ ея славы, а философы—лучшими глашатаями этой славы, лучшими проводниками всего, что императрица хотѣла разгласить по Европѣ. Кромѣ того, вставши у себя въ государствѣ во главѣ философскаго движенія, императрица получила чрезъ то возможность управлять имъ и этимъ чрезвычайно выигрывала предъ тѣми правительствами, которыя имѣли безтактность встать противъ этого движенія къ совершенному ущербу и своей репутаціи и своего общественнаго вліянія. Благодаря, можетъ быть, этому обстоятельству, либеральное повѣтріе и не дошло у насъ до тѣхъ пагубныхъ результатовъ, до какихъ оно дошло во Франціи, гдѣ власть отказалась руководить современнымъ движеніемъ и предоставила его въ руки народной массы.

Отношеніе императрицы къ церкви. Проявленія государственнаго либерализма допускались Екатериною въ высшей степени осторожно, ограничивались главнымъ образомъ тѣснымъ кружкомъ придворныхъ, разныхъ начальствъ и дворянъ,—людей, которымъ менѣе всего свойственно было либеральничать въ подрывъ государственныхъ основъ, и тщательно устранялись отъ жизни народной массы. Менѣе опасенъ былъ съ тогдашней государственной точки зрѣнія либерализмъ религіозный, и распространеніе его было шире. Императрица и здѣсь впрочемъ считала съ своей стороны необходимымъ соблюдать самое строгое религіозное приличіе, потому что украшаться философіею предъ лицемъ религіознаго русскаго народа было бы въ высшей степени странно. Въ манифестѣ при восшествіи на престолъ она рѣзко отозвалась о неправославномъ направленіи своего предшественника и обѣщала возстановить поколебленное

имъ православіе. Духовенство было довольно ея почтительнымъ съ нимъ обращеніемъ; она цѣловала руки у духовныхъ сановниковъ, внимательно слушала проповѣдниковъ, щедро поощряла духовныхъ лицъ наградами и т. п. Въ 1763 г. она сама присутствовала при переложеніи мощей св. Димитрія ростовскаго въ новую раку; въ слѣдующемъ году разрѣшила открыть мощи св. Иннокентія иркутскаго. Аккуратно соблюдая церковныя обязанности, она постоянно хранила посты, по праздникамъ присутствовала при богослуженіи, каждый годъ говѣла и заставляла говѣть весь дворъ. Въ 1765 г. былъ подтвержденъ ею Петровскій указъ о штрафѣ за небытіе у исповѣди и причащенія. При всемъ томъ собственно государственныя отношенія ея къ церкви были ясно запечатлѣны характеромъ тогдашнихъ политическихъ воззрѣній на религію и церковь, какихъ держались тогда вообще всѣ либеральные государи и политики Европы. Послѣдніе считали религію важной политической силой, которую трогать не слѣдуетъ, которой напротивъ нужно пользоваться какъ лучшимъ орудіемъ для управленія народомъ, подчиняя ее интересамъ государственнымъ, а для этого первымъ долгомъ считали возставать противъ особенно сильной на западѣ теоріи двухъ властей, свѣтской и духовной, чтобы оставить въ государствѣ одну первую и сдѣлать церковь чисто государственнымъ учрежденіемъ; они охотно участвовали въ развитіи идей вѣротерпимости, считая государство по существу индифферентнымъ въ отношеніи къ религіи, въ горячей ломкѣ папскаго престола, который такъ долго мѣшалъ развитію государствъ, въ ломкѣ инквизиціонныхъ трибуналовъ, палившихъ на своихъ кострахъ все, что было лучшаго въ свѣтскомъ образованіи Европы, участвовали въ закрытіи клерикальныхъ школъ и особенно усердно спѣшили сокращать число монастырей и отбирать въ казну ихъ богатыя имущества. У насъ никогда не было ни папства, ни инквизиціи, ни униженія государственной власти предъ духовной, ни сильныхъ монашескихъ орденовъ, ни даже систематическаго клерикализма; но европейское движеніе все-таки перешло и къ намъ, потому что, за неимѣніемъ своей, русской точки зрѣнія на дѣло, западная точка зрѣнія, выработанная тамошней исторіей, была единственною и у нашихъ политиковъ. И у насъ тоже заговорили и противъ фанатизма, и противъ теоріи двухъ властей, и объ

ослабленіи силы духовенства, и объ отнятіи у него церковныхъ имуществъ.

Возвышеніе новыхъ лицъ въ іерархіи. Первымъ дѣломъ Екатерины было дать ходъ новымъ лицамъ въ іерархіи, которыя бы могли соотвѣтствовать ея правительственнымъ видамъ. Малороссы, занимавшіе доселѣ всѣ важнѣйшіе іерархическіе посты, не нравились ей по своимъ клерикальнымъ тенденціямъ; между ними она отличала нѣсколько лишь двоихъ архіереевъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ, казанскаго *Гавріила Кременецкаго* и крутицкаго *Амвросія Зертисъ-Каменскаго.* Перваго съ самаго же начала царствованія она перевела въ Петербургъ на мѣсто *Вениамина Пуцека-Григоровича*, который былъ назначенъ въ Казань, на мѣсто своего прежняго миссіонерскаго служенія. Въ 1764 г. все малороссійское духовенство поставлено было даже подъ тайный надзоръ малороссійскаго генералъ-губернатора, который долженъ былъ наблюдать, не проявляетъ ли оно „склонности къ началамъ непасытнаго папскаго властолюбія". Все вниманіе Екатерины обращено было на молодыхъ великорусскихъ ученыхъ монаховъ, которые такъ долго были затираемы малороссами, и теперь готовы были со всѣмъ усердіемъ служить власти, впервые ихъ возвышавшей. Первымъ изъ нихъ возвысился еще раньше, при ней. Елизаветѣ, *Димитрій Сѣченовъ*, занимавшій первенствующій постъ архіепископа новогородскаго. Екатерина оцѣнила его усердіе при восшествіи ея на престолъ, дала ему санъ митрополита и 1000 душъ крестьянъ въ личное владѣніе; она потомъ рекомендовала его Вольтеру, какъ образцоваго архіерея, чуждаго всякаго фанатизма и совершенно отвергавшаго теорію двухъ властей. Вторымъ за нимъ возвысился изъ великоруссовъ *Гедеонъ Криновскій*, извѣстный проповѣдникъ, архимандритъ Троицкой лавры, человѣкъ образованный, жившій, какъ роскошный вельможа, врагъ малороссовъ и ихъ направленія, всѣмъ обязанный свѣтской власти, Екатерина дала ему псковскую каѳедру, но не отпустила его отъ себя, оставивъ при Синодѣ.

Гавріилъ и Платонъ. Сѣченовъ и Криновскій, достигнувъ вліятельнаго положенія, потомъ усердно сами покровительствовали великоруссамъ и старались ихъ вытягивать на видныя мѣста. Благодаря ихъ поддержкѣ, возвысился воспитанникъ московской академіи *Гавріилъ Петровъ.* Замѣтивъ его способности, Гедеонъ почти насильно заставилъ

его постричься въ монахи и вмѣстѣ съ Димитріемъ быстро (въ 3 года) провелъ его по всей лѣствицѣ низшихъ должностей до академической ректуры и архимандритства (1761 г.) При Екатеринѣ въ 1763 г. онъ былъ посвященъ въ епископа тверскаго, а черезъ два года вызванъ въ Петербургъ къ дѣламъ. Екатерина отзывалась объ немъ, какъ о человѣкѣ „резонабельномъ“, и поручила ему русское изданіе запрещенной во Франціи книги: „Велизарій“ Мармонтеля, въ переводѣ которой сама участвовала Въ 1770 г она сдѣлала его архіепископомъ петербургскимъ на мѣсто Кременецкаго, котораго назначила въ Кіевъ. Гавріилъ былъ епископъ аскетъ, человѣкъ скромный, молчаливый, уступчивый и исполнительный. Другимъ характеромъ отличался вслѣдъ за нимъ возвысившійся прежній сослуживецъ его по академіи, нѣсколько моложе его по ученію и службѣ, *Платонъ Левшинъ*, первая знаменитость Екатерининскаго вѣка. Это былъ человѣкъ живой, впечатлительный, открытый, большой говорунъ въ обществѣ и ораторъ на каѳедрѣ, невольно возбуждавшій къ себѣ симпатіи всѣхъ, кто съ нимъ знакомился. Императрица замѣтила его при своемъ посѣщеніи Троицкой лавры въ 1762 г., когда онъ былъ уже ректоромъ лаврской семинаріи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, сдѣланъ законоучителемъ наслѣдника, *Павла Петровича*, и придворнымъ проповѣдникомъ. Сильный ораторскій талантъ сдѣлалъ его лучшимъ украшеніемъ придворнаго богослуженія и доставилъ ему блестящую славу. Екатеринѣ нравился его характеръ и свободный образъ мыслей, никогда впрочемъ не нарушавшій основъ православія; она дозволяла ему даже обличенія противъ современнаго вольнодумства какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ бесѣдахъ. Извѣстенъ его отвѣтъ на выходку Дидро, который однажды возвѣстилъ ему, что нѣтъ Бога: „Это еще раньше Дидро сказано, отвѣтилъ Платонъ, у прор. Давида: рече безуменъ въ сердцѣ своемъ,—нѣсть Богъ“. Награды давались ему щедрою рукой; въ 1766 г. онъ былъ уже архимандритомъ, въ 1768 назначенъ членомъ Синода, а въ 1770 получилъ послѣ Гавріила тверское епископство — Кромѣ Гавріила и Платона, Екатерина замѣтила еще одного полезнаго для себя молодаго монаха великорусса, *Иннокентія Нечаева*; въ 1763 г. онъ былъ посвященъ въ Тверь и въ томъ же году по смерти Криновскаго переведенъ во Псковъ.— Императрица хотѣла замѣщать великоруссами даже настоя-

тельскія вакансіи въ монастыряхъ; для этого въ 1765 г. при представленіи кандидатовъ на эти вакансіи изъ епархій велѣно было обозначать, кто какой націи. Между тѣмъ малороссы успѣли окончательно уронить свою репутацію въ глазахъ правительства, выступивъ съ протестами по дѣлу объ отобраніи церковныхъ вотчинъ.

Дѣло о церковныхъ вотчинахъ. При вступленіи на престолъ императрица осудила распоряженія своего предшественника о церковныхъ вотчинахъ и возвратила эти вотчины снова въ руки духовенства; но въ концѣ года опять подняла вопросъ объ ихъ управленіи и учредила для рѣшенія его особую комиссію изъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ, во главѣ которыхъ стоялъ Димитрій Сѣченовъ. Въ инструкціи этой комиссіи было сказано, что доходы съ церковныхъ вотчинъ употребляются не по назначенію, на роскошь духовныхъ властей, а не въ пользу церкви, какъ указано Петромъ Великимъ, и что это нужно исправить, для чего слѣдуетъ произвести точную перепись всѣхъ церковныхъ имуществъ, опредѣлить начала для ихъ управленія на будущее время, составить для архіер. домовъ и монастырей новые штаты и выработать проекты о достаточномъ содержаніи (на счетъ остатковъ отъ штатныхъ расходовъ) духовныхъ училищъ и домовъ призрѣнія. Объ отобраніи церковныхъ вотчинъ въ казну ничего не было сказано, но, зная настоящую волю императрицы, комиссія повела свои работы въ духѣ именно ихъ секуляризаціи. Докладъ о результатахъ ея работъ былъ поданъ въ 1764 г. и тогдаже утвержденъ императрицей. Всѣ церковныя вотчины, имѣвшія по послѣдней ревизіи до 910,866 душъ, были изъяты изъ вѣдомства духовенства въ вѣдомство коллегіи экономіи. При опредѣленіи штатныхъ окладовъ архіер. домы и монастыри раздѣлены были на 3 класса (1). Монастыри безвотчинные или маловотчинные частію были упразднены, частію оставлены на собственномъ содержаніи за штатомъ.

(1) На 3 первоклассныя каѳедры съ соборами ассигновано 39,410 р., на 8 второклассныхъ по 5000 р. (лично архіерею 2600 р.), на 15 третьеклассныхъ по 4232 р. (лично архіереямъ по 1800 р.), двумъ викаріямъ 8064 р. На Сергіеву лавру и всѣ мужескіе монастыри 174,650 р. (I класса по 2017 р., II по 1311, III по 806 р.), на женскіе 33,000 р. На 22 собора некаѳедральныхъ 2330 р.

Въ дополненіе къ штатнымъ окладамъ за арх. домами и монастырями оставлено извѣстное количество земли и угодій, подворья и загородные домы. Изъ суммъ же коллегіи экономіи положено выдавать по 3825 р въ годъ на богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, 115,000 р. на инвалидовъ, вмѣсто содержанія ихъ въ монастыряхъ, и кромѣ того оклады на духовныя школы. Затѣмъ всѣ остатки должны были поступать въ распоряженіе государства Остатки эти были очень велики, потому что на всѣ церковныя учрежденія ассигновано было всего 403,712 р., тогда какъ съ отобранныхъ вотчинъ одного крестьянскаго оброка (по 1½ р. съ души) казна получала 1,363,229 р. въ годъ, а съ 1780-хъ годовъ (когда этотъ оброкъ увеличился до 3 р. 70 к.) до 3,370,000 р, не считая громадныхъ голе доходовъ съ разныхъ хозяйственныхъ статей въ вотчинахъ.— Вся эта операція коснулась пока одной Великороссіи, но съ 1786 г. простерлась и на Малороссію. Въ томъ же 1786 году уничтожено отдѣльное управленіе церковными вотчинами, все еще напоминавшее о старинѣ, самая коллегія экономіи закрыта и всѣ церковныя вотчины окончательно слились съ государственными подъ общимъ управленіемъ казенныхъ палатъ.

Дѣло Арсенія Мацѣевича. Образованное общество Европы и Россіи восхваляло Екатерину, совершившую самое модное дѣло времени. Высшее русское духовенство было, разумѣется, недовольно этимъ дѣломъ, но благоразумно молчало; открытый протестъ противъ него послышался только изъ среды іерарховъ малороссовъ. Протестъ этотъ шелъ отъ лица Арсенія Мацѣевича, давно пользовавшагося въ правительственной сферѣ репутаціей самаго безпокойнаго изъ архіереевъ. Вскорѣ по созваніи комиссіи въ 1763 г. Арсеній послалъ въ Синодъ одно за другимъ два доношенія въ которыхъ горячо опровергалъ всѣ пункты инструкціи, данной комиссіи, доказывалъ, что вмѣшиваться въ вотчинное управленіе духовенства никто не имѣетъ права, что церковныя имѣнія должны быть неприкосновенны, что ихъ не трогали даже татарскіе ханы, бранилъ старый монастырскій приказъ и штаты, по милости которыхъ духовныя учрежденія пришли въ послѣднюю нищету, доказывалъ, что заводить академіи да латинскія семинаріи дѣло не архіереевъ, а государства, что для приготовленія священниковъ достаточно имѣть при архіер. домахъ однѣ русскія школы,

возставалъ противъ употребленія церковныхъ вотчинныхъ доходовъ на государственныя нужды и предсказывалъ, что если такіе порядки продолжатся, то скоро уничтожится все монашество, а съ нимъ архіерейство, и государство со всѣми академіями и чинами обратится въ государство безпоповское или протестантское или даже въ атеистское. Императрица была чрезвычайно раздражена этимъ протестомъ и предала Арсенія на судъ Синода. Синодъ осудилъ его на лишеніе сана и монашества и на преданіе, какъ оскорбителя величества, свѣтскому суду, по которому онъ долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Екатерина ограничила его наказаніе ссылкой въ отдаленный корельскій монастырь съ лишеніемъ сана, но съ оставленіемъ монашества. Въ 1767 г. было донесено что караульные, состоявшіе при Арсеніѣ, и всѣ корельскіе монахи совершенно подчинились вліянію Арсенія, чтуть его, какъ архіерея и страдальца за правду, что онъ самъ считаетъ свое осужденіе незаконнымъ дѣломъ гонителей церкви,- архіереевъ новгородскаго и петербургскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые въ комиссіи сидѣли, что вмѣстѣ съ архимандритомъ монастыря *Антоніемъ* и караульнымъ прапорщикомъ *Алексѣевымъ* толковалъ о незаконномъ воцареніи Екатерины, о законномъ наслѣдникѣ престола Іоаннѣ Антоновичѣ и проч. Послѣ этого началось новое слѣдствіе, кончившееся тѣмъ, что Арсеній лишенъ былъ и монашескаго чина и подъ именемъ „Андрея врала“ отправленъ въ самое строгое заключеніе въ ревельскую крѣпость; Антоній опредѣленъ въ Архангельскій монастырь въ число братства; Алексѣевъ по лишеніи чиновъ сосланъ въ Сибирь.

Арсеній отвезенъ былъ въ Ревель и содержался тамъ подъ такимъ секретомъ, что въ народѣ никто не зналъ, куда онъ дѣвался,—думали, что онъ сосланъ въ Сибирь, въ Верхнеудинскъ, куда дѣйствительно тогда сосланъ былъ какой-то нижегородскій монахъ тоже по имени Арсеній. Екатерина писала коменданту ревельской крѣпости, чтобы онъ крѣпче держалъ арестанта „народъ его очень почитаетъ изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ“. Въ народѣ дѣйствительно благоговѣйно чтили Арсенія; составилось нѣсколько легендъ о его чудесахъ и пророчествахъ; глубокимъ благоговѣніемъ была послѣ окружена и его мнимая могила въ Верхнеудинскѣ, въ которой почивалъ прахъ ссыльнаго мо-

наха. Кончина Арсенія послѣдовала въ 1772 г. На стѣнѣ его 10-тифутовой тюрьмы, въ которой онъ безвыходно сидѣлъ до смерти, нашли углемъ начерченную надпись: „благо, яко смирилъ мя еси“. Такъ погибъ жертвой исторіи этотъ энергичный архіерей, который всю свою жизнь провелъ въ борьбѣ то съ раскольниками то съ свѣтскими властями, то съ новымъ направленіемъ вѣка, до послѣдняго времени неуклонно слѣдуя во всей своей дѣятельности своимъ крѣпкимъ, хотя уже и запоздалымъ убѣжденіямъ и не дѣлая никакихъ боязливыхъ оглядокъ на человѣческіе страхи. Екатерина по окончаніи его дѣла писала Вольтеру, что Арсенія возбудили къ протестамъ его собратія, но сами однако не сочли нужнымъ обнаружить себя, что этотъ опасный ревнитель принципа двухъ властей былъ осужденъ своимъ же духовнымъ начальствомъ, а она съ своей стороны даже смягчила произнесенный надъ нимъ приговоръ.

Павелъ Конюскевичъ тобольскій. Вскорѣ послѣ дѣла Арсенія возникло другое подобное же дѣло о митрополитѣ тобольскомъ *Павлѣ Конюскевичѣ*. Это былъ тоже малороссъ, славился своимъ образованіемъ, даромъ проповѣдничества и святостію жизни. На тобольской каѳедрѣ онъ сдѣлался извѣстенъ своими попеченіями о мѣстной семинаріи, о распространеніи христіанства и объ улучшеніи нравовъ сибирскаго духовенства. Послѣ отобранія церковныхъ вотчинъ онъ, какъ и Арсеній, протестовалъ противъ этого дѣла, выставивъ на видъ оскудѣніе своего архіер. дома и монастырей, особенно вредно отозвавшееся на дѣлѣ православной миссіи. Въ 1767 г. Синодъ осудилъ его на лишеніе архіерейскаго сана, но Екатерина ограничилась только ссылкой его на покой въ Кіевопечерскую лавру съ предоставленіемъ ему даже свободы архіерейскаго священнослуженія. Кончина его послѣдовала здѣсь въ 1770 г. Екатерина отзывалась объ немъ, какъ „о фанатикѣ, невѣждѣ, человѣкѣ гордомъ и мечтательномъ“, но въ народѣ и объ немъ сохранилась память, какъ о человѣкѣ святомъ; тѣло его, погребенное въ склепѣ печерской церкви и сохранившееся въ замѣчательной цѣлости, досель служитъ предметомъ благоговѣнія почти наравнѣ съ мощами печерскихъ угодниковъ.

Комиссія о составленіи Уложенія. Понятно, что послѣ этихъ протестовъ изъ среды іерарховъ малороссовъ вниманіе императрицы исключительно склонилось въ пользу вели-

корусской партіи въ іерархіи. Всѣ важныя порученія правительства возлагались на извѣстныхъ намъ духовныхъ особъ, Гавріила, Иннокентія Нечаева, который по смерти Гедеона заступилъ его мѣсто, и Платона. Такъ, въ 1766 г. они составляли проектъ о преобразованіи духовныхъ школъ и разсматривали въ качествѣ представителей духовенства Наказъ комиссіи о составленіи новаго Уложенія. Довольная ихъ отзывомъ, Екатерина въ 1767 г. взяла ихъ съ собой въ Москву на самое открытіе комиссіи.—Имѣя задачей пересмотрѣть всѣ государственные уставы и права всѣхъ сословій, комиссія эта должна была имѣть важное вліяніе и на состояніе русской церкви. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ состояній государства въ нее не приглашены были депутаты только отъ крѣпостнаго крестьянства и духовенства; за первое засѣдали здѣсь депутаты отъ дворянства: духовенство имѣло въ комиссіи одного представителя, депутата отъ св. Синода, поставленнаго впрочемъ на ряду съ депутатами отъ правительственныхъ мѣстъ, а не сословій. Св. Синодъ долженъ былъ дать своему депутату наказъ въ руководство его дѣятельности. Тогдашній оберъ-прокуроръ *Мелиссино* поспѣшилъ было составить для Синода проектъ такого наказа въ самоновѣйшемъ вкусѣ, съ разными либеральными предложеніями: о сокращеніи постовъ, объ ослабленіи почитанія св. мощей и иконъ, о сокращеніи богослуженія, объ уничтоженіи содержанія монахамъ, о посвященіи епископовъ безъ постриженія въ монахи, о пристойнѣйшей одеждѣ для духовенства, объ уничтоженіи поминовенія умершихъ, объ облегченіи развода, дозволеніи браковъ свыше трехъ и проч.; но св. Синодъ отклонилъ этотъ проектъ и составилъ свой наказъ. Депутатомъ выбранъ былъ Димитрій Сѣченовъ, но въ концѣ того же 1767 г. умеръ отъ апоплексическаго удара. Мѣсто его заступилъ Гавріилъ и сдѣлался весьма дѣятельнымъ членомъ комиссіи. Его настояніямъ духовенство было обязано тѣмъ, что сохранило свою сословную самостоятельность и соединенныя съ нею права, а не причислено, какъ хотѣли того члены комиссіи, къ среднему сословію наравнѣ съ мѣщанами и разночинцами. Императрица осталась довольна его дѣятельностію и въ 1769 г. сдѣлала его членомъ Синода на мѣсто Димитрія. Вакантная послѣ Димитрія новгородская каѳедра оставалась не замѣщенною до 1775 г. Гавріилъ былъ для нея еще молодъ, а въ выборѣ другаго кан-

дидата Екатерина затруднялась. Пока она удовольствовалась тѣмъ, что послѣ перевода Гавріила Кременецкаго въ Кіевъ дала Гавріилу Петрову петербургскую каѳедру, послѣ чего онъ постоянно уже жилъ въ Петербургѣ и былъ безсмѣннымъ и первенствующимъ членомъ Синода. Наконецъ въ началѣ 1775 г. ему была дана и первенствующая новогородская каѳедра; съ этого времени обѣ епархіи стали соединяться подъ властію одного іерарха. Титула митрополичьяго онъ однако не получилъ, потому что Екатерина, подобно Петру Великому, этого титула избѣгала и на мѣста выбывавшихъ митрополитовъ (Арсенія ростовскаго, Павла тобольскаго) назначала епископовъ или архіепископовъ.—Другимъ постояннымъ членомъ Синода былъ Платонъ, почти постоянно жившій въ Петербургѣ даже послѣ полученія тверскаго епископства. Его удерживала здѣсь еще и другая должность, должность законоучителя невѣсты в. князя, принцессы гессенъ-дармштадтской *Натальи Алексѣевны*.

Амвросій московскій и его смерть. Въ 1767 г. по смерти престарѣлаго *Тимоѳея Щербатскаго* сдѣлалась вакантной другая первенствующая каѳедра, московская. Екатерина назначила на нее Амвросія Зертисъ-Каменскаго, который во всѣхъ церемоніяхъ при открытіи комиссіи объ Уложеніи постоянно замѣнялъ больнаго митрополита и успѣлъ обратить на себя высочайшее вниманіе, какъ образованный и свѣтскій архіерей—вельможа, умѣвшій подлѣлаться подъ нравы двора. Титула митрополичьяго не получилъ и онъ, оставшись попрежнему архіепископомъ. Обласканный императрицей, онъ явился на каѳедрѣ усерднымъ ревнителемъ новыхъ реформъ въ духовенствѣ. Полумолдаванинъ и полумалороссъ по происхожденію, онъ принялся за доставшуюся ему запущенную епархію со всею горячностію своего южнаго темперамента и своими крутыми мѣрами противъ невѣжества духовенства, противъ крестцовыхъ поповъ и бродячихъ монаховъ, противъ пьянства среди духовныхъ лицъ и противъ суевѣрій и раскола въ народѣ на всѣхъ навелъ ужасъ; виновныхъ наказывали плетьми, штрафами, заключеніемъ въ цѣпи, отдачей въ солдаты. Скоро противъ суроваго владыки возникло общее озлобленіе и между духовенствомъ и въ народѣ. А между тѣмъ надъ Москвой нависло одно изъ тѣхъ страшныхъ народныхъ бѣдствій, которыя всегда у насъ были поводомъ къ народнымъ волненіямъ.

Съ самаго начала 1771 г. въ столицѣ открылась чума, занесенная изъ Турціи по случаю войны и ежедневно истреблявшая 600—800 человѣкъ народа: вмѣстѣ съ тѣмъ поднялось народное волненіе, направленное противъ лекарей, карантиновъ и др. правительственныхъ мѣръ къ ослабленію язвы. Городскія власти, напуганныя моромъ разъѣхались по деревнямъ, такъ что въ городѣ остался управителемъ одинъ вице-губернаторъ *Ермакинъ* съ небольшой командой солдатъ, изъ которыхъ большая часть сами заражены были духомъ народнаго бунта.

Амвросій безвыѣздно оставался въ Москвѣ и дѣятельно приводилъ въ исполненіе по своему вѣдомству всѣ мѣропріятія правительства противъ язвы. Какъ обыкновенно бываетъ во времена бѣдствій, народъ прибѣгнулъ за помощью къ религіи. По улицамъ у часовень начались молебствія: духовенство безъ дозволенія архіерея производило крестные ходы съ хоругвями черни, пьяной съ ранняго утра. Вдругъ распространился слухъ, будто бы въ видѣніи кому-то кѣмъ-то открыто, что Москва наказывается моромъ за непочтеніе къ образу Боголюбской Богоматери на Варварскихъ воротахъ.—никто ему молебновъ не пѣлъ и свѣчъ не ставилъ. Послѣ этого у Варварскихъ воротъ начались непрерывныя молебствія; городскіе, домовые и уѣздные попы съ утра стояли тутъ, принимаясь служить молебны: шелъ сборъ на всемірную свѣчу; скопленіе народа у образа такъ было велико, что могло серьезно грозить усиленіемъ заразы. Амвросій распорядился перенести икону въ одну изъ сосѣднихъ церквей, а собранныя при ней приношенія взять въ консисторію, чтобы спасти ихъ отъ расхищенія. Но едва посланные отъ консисторіи явились на мѣсто, какъ толпа бросилась на нихъ и начала ихъ бить. Отъ мѣста свалки по улицамъ разнеслось извѣстіе, что у Варварскихъ воротъ Богородицу грабятъ. На колокольняхъ ударили въ набатъ и народъ отвсюду сталъ сбѣгаться съ разными орудіями защищать Богородицу. Отъ воротъ толпа хлынула къ Чудову монастырю, гдѣ былъ архіерейскій домъ, расправлялся съ еретикомъ архіереемъ, но не застала Амвросія, потому что онъ успѣлъ уѣхать въ Донской монастырь, и предалась грабежу по всему монастырю: монастырскій погребъ съ винами задержалъ ее на цѣлую ночь. Опомнившись отъ кутежа, утромъ (16 сентября) бунтовщики двинулись къ монастырю Донскому. Владыка собрался уже выѣхать изъ

Москвы, для чего переодѣлся въ крестьянское платьѣ, но не успѣлъ исполнить своего намѣренія и скрылся въ церкви на хорахъ. Отыскавъ его, толпа вытащила его за монастырскую ограду и умертвила самымъ варварскимъ образомъ. Цѣлые сутки никто не смѣлъ даже прибрать его тѣла съ дороги, пока наконецъ полиція не внесла его въ монастырскую церковь. Погребеніе его совершено уже 4 октября по прибытіи въ Москву графа *Г. Орлова*, явившагося для укрощенія бунта. Префектъ академіи *Амвросій Подобѣдовъ* сказалъ при погребеніи сильное обличительное слово противъ суевѣрій, жертвою которыхъ сгибъ почившій святитель; слово это доставило ему большую славу въ кругу придворныхъ философовъ и было началомъ его каррьеры. Къ обширному слѣдствію о бунтѣ привлечено было до 300 лицъ, большею частію дворовыхъ и мастеровыхъ; открыто въ немъ значительное участіе раскольниковъ, озлобленныхъ противъ строгаго Амвросія. Молва обвиняла въ его смерти и озлобленное противъ него духовенство, но слѣдствіе этого не обнаружило.

Смертію Амвросія кончилось въ Москвѣ правленіе іерарховъ малороссовъ, не правившихся ни духовенству, ни народу. Преемникомъ Амвросія сталъ Платонъ. Екатерина впрочемъ долго не замѣщала московскую каѳедру, какъ и новогородскую, отчасти, можетъ быть, потому что колебалась въ выборѣ кандидата, отчасти будучи занята смутными обстоятельствами государства. 1772-й годъ прошелъ въ очищеніи Москвы отъ язвы и остатковъ бунта; потомъ правительство занято было турецкою войною и затянувшимися переговорами о мирѣ; къ этому присоединились тревоги отъ появленіи разомъ двухъ самозванцевъ,—за границей мнимой дочери имп. Елизаветы княжны *Таракановой*, на востокѣ Россіи *Пугачева*, выдавшаго себя за Петра III.

Пугачевщина, залившая кровью все среднее и нижнее поволжіе, тяжко отозвалась на благосостояніи и государства и церкви. Страшнымъ волненіемъ народа противъ правительства воспользовались раздраженные притѣсненіями прежняго времени, между прочимъ и религіозными, поволжскіе инородцы и толпами приставали къ самозванцу, провозглашавшему всякаго рода гражданскую и религіозную вольность; воспользовались имъ раскольники, которыми наполненъ былъ весь поволжскій и прикамскій край и все яицкое войско, среди котораго началось самое волненіе.

Раскольники имѣли большое значеніе въ исторіи Пугачева; до своего возстанія онъ долго странствовалъ по ихъ скитамъ; они выручили его изъ острога, помогали ему деньгами и увѣряли народъ въ его царственномъ достоинствѣ; иргизскій старецъ *Филаретъ* благословилъ его на царство и взялъ съ него обѣщаніе, что самъ будетъ сдѣланъ московскимъ патріархомъ; въ манифестахъ своихъ Пугачевъ всѣхъ жаловалъ двуперстнымъ крестомъ и бородою. Вслѣдствіе такой важности религіознаго элемента въ бунтѣ духовенство никакъ не могло уйти отъ его губительныхъ ударовъ. Трудно сказать, противъ кого опустошительнѣе свирѣпствовалъ бунтъ, противъ властей и дворянства, или противъ духовенства. Въ каждомъ селеніи и городѣ, куда только вторгались пугачевцы, первыми являлись на висѣлицѣ власти, помѣщики и попы. Погибло болѣе 230 духовныхъ лицъ. Неудивительно, что въ тоже время среди духовенства много нашлось и такихъ, которые не устояли предъ ужасами времени, переходили на сторону самозванца, встрѣчали его толпы на папертяхъ своихъ церквей съ крестомъ и св. водою и служили за него молебны, какъ за царя.

Для вразумленія черни императрица сначала издала манифестъ, разъяснявшій обманъ самозванца, потомъ обратилась къ помощи церковныхъ увѣщаній. Св. Синодъ и архіереи—Веніаминъ казанскій, *Варѳоломей* вятскій, *Варлаамъ* тобольскій и *Антоній* нижегородскій, своими посланіями къ народу оказали въ это время важныя услуги правительству, особенно Веніаминъ, подъ управленіемъ котораго была большая часть бунтовавшаго края и увѣщанія котораго имѣли особенную важность, потому что, будучи еще архіепископомъ петербургскимъ, онъ самъ лично участвовалъ въ погребеніи настоящаго Петра III. Не смотря на эти увѣщанія, бунтъ все усиливался, охватилъ весь восточный край и перекинулся даже къ Тобольску. Въ Самарѣ пугачевцы были торжественно встрѣчены всѣми гражданами и духовенствомъ и стали двигаться къ Казани. Веніаминъ употребилъ противъ бунтовщиковъ послѣднее духовное оружіе, церковную анаѳему. Благодаря дѣятельности *Бибикова*, Казань на этотъ разъ уцѣлѣла, но лѣтомъ слѣдующаго 1774 г. (по смерти Бибикова) самъ Пугачевъ занялъ ее и, выжегши всю, за исключеніемъ кремля, двинулся за Волгу. Это былъ послѣдній, самый страшный актъ пугачевщины. Никогда еще не гибло столько жертвъ изъ

духовенства и дворянства, какъ теперь, когда неутомимый вождь безнарядья проходилъ по заволжскому краю чрезъ тамбовскую и пензенскую губерніи къ Саратову. Въ тоже время особенно часты стали и примѣры отступничества духовенства отъ вѣрности престолу. Св. Синодъ издалъ указъ, объявлявшій всякаго, поползнувшаго въ вѣрности, священнослужителя лишеннымъ сана съ самаго момента измѣны; но когда открылось все множество поползнувшихся, когда стало извѣстно, что въ Саранскѣ, Нижнемъ Ломовѣ и Пензѣ самозванца встрѣчало все городское духовенство, что въ селеніяхъ эти встрѣчи были повсюду, св. Синодъ самъ долженъ былъ смягчить строгость своей мѣры, дозволивъ священнослуженіе всѣмъ виновнымъ, которые приставали къ мятежникамъ не по единомыслію съ ними, а единственно изъ страха. Все-таки и послѣ этого изъ духовнаго званія пришлось исключить 129 человѣкъ, въ томъ числѣ двоихъ архимандритовъ. Эти случаи сильно поколебали репутацію духовенства въ глазахъ правительства, такъ что оно стало вѣрить даже явнымъ клеветамъ на духовныхъ лицъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе такой клеветы едва не попалъ подъ судъ тобольскій архіерей Варлаамъ. Самъ Веніаминъ казанскій, который первый изъ іерарховъ возсталъ противъ Пугачева, подвергся унизительному и грубому аресту по клеветѣ нѣкоего пугачевца Аристова въ томъ, будто бы онъ посылалъ самозванцу деньги. Послѣ, когда его невинность открылась, Екатерина утѣшила его милостивымъ рескриптомъ и саномъ митрополита, котораго еще доселѣ никому не жаловала, кромѣ Димитрія Сѣченова; но здоровье его уже навсегда было подорвано и онъ до самой смерти (1783 г.) не могъ поправиться отъ паралича, который его поразилъ при арестѣ.

Служеніе Платона на московской каѳедрѣ. Уже по окончаніи всѣхъ этихъ тревогъ въ началѣ 1775 г. Платонъ получилъ указъ о назначеніи его московскимъ архіепископомъ. Связь его съ Петербургомъ впрочемъ долго не прерывалась и послѣ этого. На другой же годъ онъ былъ назначенъ законоучителемъ второй невѣсты в. князя принцессы виртенбергской *Маріи Ѳеодоровны*; потомъ еще черезъ годъ (въ 1777 г.) долженъ былъ опять ѣхать въ Петербургъ засѣдать въ Синодѣ. Императрица видимо не рѣшалась разстаться съ нимъ, какъ съ лучшимъ украшеніемъ своей резиденціи. Въ Петербургѣ былъ другой архіерей, ея же

избранникъ. Гавріилъ, заслуживший полное ея довѣріе, по не такой видный и блестящій, какъ Платонъ, не поражавшій такъ и своихъ и чужихъ, какъ этотъ послѣдній. Отъ московскаго владыки были въ восторгѣ всѣ наѣзжія въ Россіи знаменитости наприм. Станиславъ король польскій и Іосифъ II австрійскій. Послѣ посѣщенія Москвы въ 1780 г. на вопросъ императрицы, что онъ видѣлъ тамъ замѣчательнаго, Іосифъ отвѣчалъ: „Платона". Подъ управленіемъ Платона запущенная московская епархія быстро обновлялась; улучшилось положеніе духовенства; учебныя заведенія достигли цвѣтущаго состоянія. Въ тоже время Платонъ скоро успѣлъ сдѣлаться идоломъ всѣхъ москвичей, особенно благодаря своему ораторскому таланту и умѣнью окружать себя въ священнослуженіи обстановкой плумительнаго великолѣпія. Многіе издалека пріѣзжали въ Москву, чтобы посмотрѣть и послушать Платона. Но съ другой стороны пребываніе въ Москвѣ не осталось безъ вліянія и на него самого. Доселѣ онъ былъ придворный монахъ, всѣмъ обязанный свѣтской власти; теперь, окруженный общимъ благоговѣніемъ, занимая каѳедру первопрестольной столицы, всегда отличавшейся вѣрностью религіознымъ преданіямъ и вслѣдствіе этого возвышавшей авторитетъ своего верховнаго пастыря до высоты, до какой онъ никогда не могъ возвыситься въ свѣтскомъ Петербургѣ. Платонъ впервые созналъ вполнѣ свое іерархическое значеніе. Послѣ этого съ каждымъ пріѣздомъ въ Петербургъ для засѣданія въ Синодѣ онъ все болѣе и болѣе сталъ тяготиться тамошней обстановкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ расходился съ самой императрицей.

Отношенія государственной власти къ Синоду, вслѣдствіе извѣстныхъ воззрѣній на церковь съ политической точки зрѣнія, дѣйствительно не могли не тревожить всѣхъ ревнителей іерархическихъ правъ. Съ голоса западныхъ политиковъ наши политики страшно боялись усиленія духовной власти и воображали Синодъ какимъ-то, по выраженію кн. Щербатова, „корпусомъ, непрестанно горящимся для пріобрѣтенія себѣ большей силы", который надобно крѣпко держать въ границахъ, для чего въ немъ и поставленъ оберъ-прокуроръ. Замѣчательно, что въ оберъ-прокуроры выбирались люди именно новыхъ понятій о религіи и церкви, каковы были упомянутый Мелиссино и *Чебышевъ* (1768—1774), открыто щеголявшій атеизмомъ. Мнѣнія чле-

новъ Синода певсегда принимались въ уваженіе, кромѣ лишь мнѣній двоихъ членовъ, близкихъ къ императрицѣ, Гавріила и духовника Екатерины протоіерея *Іоанна Памфилова*. Послѣдній былъ постояннымъ ея повѣреннымъ и органомъ церковныхъ ея распоряженій, чѣмъ-то въ родѣ церковнаго временщика. Отъ него зависѣли рекомендаціи кандидатовъ на высшіе церковные посты, повышенія духовныхъ лицъ, награды и проч.; поэтому въ немъ заискивали почти всѣ тогдашніе архіереи, архимандриты, ректоры и другія духовныя лица. Въ 1786 г. императрица пожаловала ему митру, награду доселѣ неслыханную въ бѣломъ духовенствѣ.

Ослабленіе благоволенія Екатерины къ Платону. Тяготясь должностью синодальнаго члена, Платонъ еще въ 1779 г. просилъ черезъ Потемкина увольненія отъ нея. Въ 1782 г. онъ засѣдалъ въ Синодѣ въ послѣдній разъ и по возвращеніи въ Москву писалъ своему бывшему ученику и викарію Амвросію Подобѣдову, бывшему тогда уже архіепископомъ казанскимъ: „былъ я въ Синодѣ немалое время, видѣлъ таковыя искушенія, и сіе-то заставило меня оттуда удалиться. Къ чему туда сажаютъ насъ?... Видно, что едвали не находить одного утѣшенія въ терпѣніи“. Разочарованіе его такъ было сильно, что онъ просился даже вовсе на покой. Послѣ этого при Екатеринѣ онъ уже ни разу не бывалъ въ Петербургѣ. Мало по малу старыя петербургскія впечатлѣнія совсѣмъ были имъ забыты; стоя въ сторонѣ отъ современнаго движенія церковно-государственной жизни, безъ вліянія на общее состояніе церковныхъ дѣлъ, онъ сталъ все болѣе и болѣе укрѣпляться въ своемъ отрицательномъ взглядѣ на современные порядки, жаловался на униженіе свѣтскою властью іерархическихъ правъ, порицалъ церковныя распоряженія правительства, порицалъ и св. Синодъ, чего онъ смотритъ, жаловался на синодаловъ, что они его обижаютъ, мѣшаютъ ему въ распоряженіяхъ, Памфилова называлъ досадливымъ прозвищемъ pora mitratus, награжденіе его митрой считалъ униженіемъ митры, соблазномъ и поводомъ къ возношенію бѣлаго священства, къ нарушенію спасительной въ церкви дисциплины; въ тоже время ослабѣли и его дружескія отношенія къ Гавріилу, стоявшему во главѣ церковныхъ дѣлъ. Чувства и мысли свои онъ откровенно излагалъ въ перепискѣ съ Амвросіемъ, сначала до конца проникнутой недовольнымъ

характеромъ.—Екатерина замѣтно къ нему охладѣла, обходила его своими милостями и по временамъ отзывалась объ немъ очень рѣзко. Немало способствовала этому охлажденію особенная близость Платона къ наслѣднику, Павлу Петровичу, который былъ систематически отстраняемъ своею матерью отъ всѣхъ дѣлъ и стоялъ въ явной оппозиціи ко всему, что дѣлалось при дворѣ императрицы. Къ Гатчинскому двору наслѣдника примыкали всѣ недовольные новыми порядками и опальные вельможи, большая часть которыхъ жила въ Москвѣ, — притонѣ всякой оппозиціи Петербургу. Въ 1783 г. Гавріилъ былъ пожалованъ въ митрополиты; въ томъ же году на мѣсто умершаго Гавріила Кременецкаго переведенъ изъ Ростова въ Кіевъ *Самуилъ Миславскій* и тоже въ санѣ митрополита. Платонъ очевидно былъ обойденъ. Огорченный іерархъ получилъ этотъ санъ уже въ 1787 г. Извѣщая объ этомъ Амвросія, онъ между прочимъ замѣтилъ, что при богослуженіи первый долженъ быть провозгласить его митрополитомъ недоброжелатель его Памфиловъ, которому онъ главнымъ образомъ и приписывалъ замедленіе награды.—Между тѣмъ, пользуясь его опальнымъ положеніемъ, разныя духовныя лица его епархіи смѣло поднимались на него съ жалобами и доносами къ Памфилову и другимъ близкимъ къ императрицѣ людямъ, получали нерѣдко сильную себѣ поддержку и навлекали на него немалыя непріятности сверху. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ въ послѣднее время сильно измѣнился самый характеръ Платона, прежде такой легкій, благодушный и симпатичный. Онъ сталъ брюзгливъ, подозрителенъ и слишкомъ ревнивъ къ поддержанію своего авторитета, вслѣдствіе чего вступилъ въ длинныя пререканія съ разными болѣе видными и сановитыми лицами изъ московскаго духовенства, наприм. съ ставропигіальными архимандритами и членами синодальной конторы, или съ такими, которыя имѣли у себя поддержку между знатью, въ родѣ наприм законоучителя университета протоіерея *Петра Алексѣева*. Особенно неудержимъ онъ былъ въ проявленіяхъ негодованія въ отношеніи къ высокопоставленнымъ свѣтскимъ лицамъ, которыя старались показать свое значеніе, вмѣшиваясь въ церковныя дѣла.

Положеніе Гавріила, другаго первенствующаго митрополита, не измѣнялось до конца царствованія. Всегда ровный, спокойный, всегда стоя на легальной точкѣ, „резона-

бельный мужъ" умѣлъ проявлять свою ревность о церкви такъ, что никогда не производилъ лишняго раздраженія, вреднаго для самого церковнаго дѣла, и сказать вѣское слово, которое даромъ не пропадало. Такъ, онъ смѣло устранялъ въ своихъ дѣлахъ назойливыя рекомендаціи за духовныхъ лицъ и другія вмѣшательства со стороны сильныхъ свѣтскихъ особъ; протестовалъ противъ открытаго нарушенія правилъ церкви; однажды отстранилъ отъ священнослуженія законоучителя в. князей Александра и Константина Павловичей, сильнаго при дворѣ протоіерея *Самборскаго*, за то, что онъ, воротясь изъ службы при лондонскомъ посольствѣ, вздумалъ ходить въ Россіи въ свѣтскомъ платьѣ, во фракѣ и напудренный. Императрица высоко цѣнила честныя и мудрыя мнѣнія Гавріила, приказала генералъ-прокурорской канцеляріи сноситься съ нимъ по дѣламъ и сама постоянно призывала его въ свои совѣты. Распоряженія по церковнымъ дѣламъ всѣ проходили чрезъ его руки.

Императоръ Павелъ I. Въ ноябрѣ 1796 г. императрица скончалась. Новый государь Павелъ Петровичъ явился на престолѣ строгимъ ревнителемъ власти и горячимъ врагомъ идей XVIII в., которыя въ это время довели Францію до кровавой революціи. Въ Россіи настала пора крутой реакціи, которая была тѣмъ тяжелѣе для излиберальничавшагося общества, что вождь ея, при всѣхъ благородныхъ, рыцарскихъ свойствахъ своей души и мягкости сердца, отличался страстью къ чисто военной дисциплинѣ, нетерпѣливой вспыльчивостію, неудержимостію гнѣвныхъ порывовъ и замашками суровой военной расправы съ провинившимися. Онъ былъ ревнитель церкви, въ которой видѣлъ главную опору трона, и отличался искреннѣй религіозностію; паркетъ его гатчинской спальни былъ улитъ его слезами и вытертъ колѣнами во время частыхъ уединенныхъ его молитвъ. При всемъ томъ отношенія государства къ церкви, опредѣлившіяся при Екатеринѣ, не измѣнились и при немъ.

Отношеніе государя къ Гавріилу и Платону и возвышеніе Амвросія. Платону всѣ заранѣе предсказывали важное значеніе при новомъ государѣ, какъ его ученикѣ; но эти предсказанія не сбылись. Оба первенствующіе митрополиты скоро попали въ немилость императора. Начало царствованія Павелъ ознаменовалъ дарованіемъ духовенству государственныхъ орденовъ. Первые ордена были по-

жалованы Гавріилу и Амвросію. Амвросій принялъ эту милость охотно, но Гавріилъ сталъ колебаться и надѣлъ орденскую ленту уже послѣ рѣшительнаго приказанія государя. Платонъ даже прямо протестовалъ противъ нововведенія и сильно раздражилъ этимъ Павла (1). Въ мартѣ 1797 г. государь пріѣхалъ въ Москву для коронаціи и при первомъ свиданіи съ Платономъ самъ возложилъ на него орденъ св. Андрея, какъ Платонъ ни умолялъ его при этомъ дозволить ему—православному архіерею „умереть архіереемъ же, а не кавалеромъ“. Во время коронаціи, которую совершали оба митрополита, Платонъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на государя, заставивъ его при входѣ въ алтарь снять шпагу. Коронація впрочемъ прошла благополучно; государь былъ въ духѣ, пожаловалъ брата Платонова *Александра Левшина* орденомъ Анны, роздалъ значительныя суммы на лавру и семинарію, звалъ Платона въ Петербургъ; но Платонъ все-таки видѣлъ, что государь былъ къ нему далеко уже не такъ милостивъ, какъ прежде; эта прежняя милость не воротилась и послѣ его поѣздки въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого Платонъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ дворянъ, вздумалъ написать къ государю пастырское посланіе, въ которомъ упрекалъ его за суровое обращеніе съ дворянами, и получилъ въ отвѣтъ запрещеніе выѣзжать изъ Москвы.—Вслѣдъ за Платономъ попалъ въ опалу и Гавріилъ; государь разгнѣвался на него за то, что онъ отказался отъ пожалованія его кавалерствомъ католическаго мальтійскаго ордена, которымъ императоръ тогда чрезвычайно увлекался. Амвросій безпрекословно принялъ и это кавалерство. Милостивое къ нему расположеніе императора возрастало по мѣрѣ усиленія холодности къ Гавріилу. Прекратились мало по малу совѣты съ Гавріиломъ по дѣламъ; распоряженіе о сношеніи съ нимъ генералъ-прокурорской канцеляріи было отмѣнено. Въ Синодѣ онъ тоже потерялъ силу, потому что члены одинъ за другимъ примкнули къ Амвросію. Нако-

(1) Взглядъ государя на пожалованіе духовенства орденами высказался въ одной бесѣдѣ его съ Лопухинымъ. «Почести эти, питающія самолюбіе, говорилъ Лопухинъ, конечно неприличны церкви; но пріемля правленіе церкви нынѣ больше *учрежденіемъ политическимъ*, не безполезно по мнѣнію моему употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ».—Правда твоя,—замѣтилъ государь

нецъ въ 1799 г. митрополитъ оставленъ былъ при одной новогородской каѳедрѣ; петербургскимъ же архіепископомъ и первенствующимъ членомъ Синода назначенъ Амвросій. Къ вящшему огорченію почтеннаго святителя на него сдѣланъ былъ еще значительный начетъ при сдачѣ петербургскаго дома. Къ концу 1800 г. онъ былъ вовсе уволенъ на покой, при чемъ не получилъ себѣ даже монастыря; черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ скончался. 10 марта 1801 г. бѣлый клобукъ пожалованъ Амвросію, но это было всего за день до кончины самого государя; служеніе новаго митрополита совпало уже съ новымъ царствованіемъ и съ новыми реформами въ русской церкви.

Въ *епархіальномъ управленіи* описываемаго времени прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе перемѣны въ епархіальномъ дѣленіи русской церкви. По штатамъ 1764 г. считалось 3 епархіи I кл., 8 во II классѣ и 15 въ III, кромѣ малороссійскихъ, въ штаты не вошедшихъ. Въ 1772 г., послѣ перваго раздѣла Польши къ нимъ присоединилась епархія могилевская. Въ 1775 г. открыта новая словенская (екатеринославская) епархія. Въ томъ же году было издано Екатериной учрежденіе о губерніяхъ, которое повело за собой большой передѣлъ какъ губерній, такъ и епархій; по этому передѣлу въ 1780-хъ гг. упразднены были епархіи: переяславльская, ростовская, суздальская и устюжская, каѳедральные города которыхъ сдѣлались уѣздными; вновь открыты: калужская, ярославская (вмѣсто ростовской) и орловская (вмѣсто сѣвской). Послѣ открытія малороссійскихъ намѣстничествъ открыта епархія новгородъ-сѣверская, а послѣ втораго и третьяго раздѣла Польши изъ присоединенныхъ отъ Польши земель составились епархіи минская и брацлавская или подольская. При Павлѣ I въ 1799 г. открыты епархіи волынская, оренбургская, пермская, саратовская и харьковская.

Архіерейскіе домы послѣ штатовъ 1764 г. значительно обѣднѣли, потому что штатные оклады никакъ не могли равняться ихъ прежнимъ доходамъ съ вотчинъ; а между тѣмъ вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ необыкновенной пышности, требовалъ отъ архіереевъ вельможеской обстановки, громадныхъ расходовъ на богатыя одежды и облаченія, на кареты, гайдуковъ и вершниковъ, на раззорительные пріемы губернской знати, наконецъ даже на устройство дорогихъ народныхъ праздниковъ по случаю разныхъ счастливыхъ

государственныхъ событій. Кромѣ того на архіереяхъ лежало много другихъ расходовъ на духовныя школы, получавшія очень бѣдные оклады, на поддержаніе епархіальныхъ зданій, на которыя ассигновалось всего по 500 р. въ годъ на епархію, и т. п. Изъ епархій пошли въ Петербургъ просьбы о прибавочныхъ ассигновкахъ, но на большую часть этихъ просьбъ получались отказы, а въ 1788 г. вышло даже общее распоряженіе—всѣ починки зданій по епархіямъ производить на мѣстныя средства, отнюдь ничего не требуя изъ казны. Къ вящшему огорченію архіереевъ строгому контролю свѣтской власти подчинены были расходы и изъ этихъ мѣстныхъ средствъ, на что горько жаловался Платонъ въ письмахъ къ Амвросію.

Уничтоженіе церковнаго тягла. Въ томъ же 1764 г., когда упразднено было въ церкви существованіе крѣпостнаго права, произведена была въ епархіальной жизни другая крупная реформа,—уничтожено тягло, которое несло духовенство въ пользу архіереевъ. Всѣ извѣстные намъ сборы въ архіерейскую казну, на епархіальныхъ чиновниковъ, на школы и проч. были отмѣнены; при освященіи церквей дозволено брать только 50 к. за антиминсъ, а при поставленіи ставленниковъ—по 2 р. за поставленіе во дьяконы и по 2 же за поставленіе во священники; употребленіе ставленниковъ на работы при архіерейскихъ домахъ запрещено; въ 1765 г. отмѣнены сборы за вѣнечныя памяти. Съ 1786 г., при преобразованіи малороссійскихъ епархій по великорусскому образцу, распоряженія эти распространились и на Малороссію. Нѣкоторые сборы съ духовенства не пропали впрочемъ и послѣ отмѣны церковнаго тягла. Такъ, остались сборы на содержаніе дух. правленій и на поѣздки чиновниковъ и властей по округамъ, на которыя штаты не назначили никакихъ суммъ. Безъ окладовъ остались также благочинные, духовные слѣдователи и депутаты, цензоры проповѣдей, экзаменаторы ставленниковъ; оффиціальныхъ сборовъ на нихъ не было, но всѣ они по-старому продолжали кормиться отъ духовенства. Консистористы, получавшіе самые нищенскіе оклады (напр. 30—60 р. въ годъ), тоже продолжали дѣлать поборы съ епархіи, противъ которыхъ тщетно принимались возставать многіе архіереи, наприм. Тихонъ воронежскій, м. Платонъ, Кириллъ сѣвскій, Ѳеофилъ тамбовскій и др. При имп. Павлѣ штатные оклады были возвышены вдвое, но отъ этого подчиненному духовенству

стало не легче, потому что въ это время и содержаніе противъ прежняго стало тоже вдвое дороже.

Съ отмѣной церковнаго тягла въ епархіальномъ управленіи потребовалось *смягченіе административныхъ нравовъ*, доселѣ носившихъ грубую печать тягловаго строя. Съ этою цѣлію въ 1766 г. св. Синодъ издалъ распоряженіе объ отмѣнѣ по духовному вѣдомству тѣлесныхъ наказаній священнослужителямъ. Архіереи стараго суроваго типа, въ родѣ Арсенія Маціевича, Амвросія Зертисъ-Каменскаго, *Паѳомія Симанскаго* тамбовскаго, *Кирилла Флоринскаго* сѣвскаго и др., мало по малу выводились по епархіямъ и уступали свои мѣста представителямъ новаго гуманнаго духа съ новыми воззрѣніями на управленіе. Съ 1763 г. въ Воронежѣ святительствовалъ *св. Тихонъ*, одинъ изъ великорусовъ, которые въ послѣднее время выдвигались на высшіе посты подъ покровительствомъ Димитрія Сѣченова, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей своего вѣка. Сирота послѣ бѣднаго дьячка новогородской епархіи, едва не попавшій при имп. Аннѣ подъ разборъ духовенства, но призрѣнный при новгородской семинаріи, св. Тихонъ вынесъ изъ своего нищаго и голоднаго дѣтства самое близкое знакомство съ бытомъ бѣднаго народа и духовенства, сердечную христіанскую любовь къ низшей братіи, рѣдкую среди тогдашней іерархіи простоту жизни и общедоступность и сдѣлался самымъ народнымъ архіереемъ своего времени. Его незлобіе и доброта не знали предѣловъ. Еще раньше указа 1766 г. онъ запретилъ своей консисторіи всякія тѣлесныя наказанія священнослужителямъ и заставлялъ консистористовъ обращаться съ ними съ подобающимъ ихъ св. сану почтеніемъ; защищалъ своихъ подчиненныхъ и отъ свѣтскихъ начальствъ тогда еще дикаго донскаго края; въ тоже время старался о дѣйствительномъ возвышеніи духовенства чрезъ распространеніе въ его средѣ образованія и лучшихъ нравовъ. Въ Смоленскѣ во все время царствованія Екатерины архіереемъ былъ благодушный и добрый для духовенства *Парѳеній*, бывшій ректоръ св. Тихона. Въ Костромѣ, потомъ въ Рязани святительствовалъ бывшій школьный товарищъ и другъ св. Тихона, во многомъ сходный съ нимъ по характеру, *Симонъ Лаговъ*. Въ Тамбовѣ оставилъ по себѣ добрую память *Ѳеофилъ Раевъ*, дѣятельный устроитель этой запущенной епархіи. На первенствующихъ каѳедрахъ, какъ мы видѣли, сидѣли знаменитые пред-

ставители гуманнаго вѣка, Гавріилъ и Платонъ. Платонъ внушалъ духовенству правила благороднаго честолюбія, сановитости, сознанія собственнаго достоинства, предписывалъ дух. начальствамъ обходиться съ подчиненными безъ униженія послѣднихъ и вывелъ въ своей епархіи разныя унизительныя наказанія; онъ самъ говорилъ о себѣ, что, заставъ духовенство въ лаптяхъ, обулъ его въ сапоги и ввелъ въ гостинныя.—Понятно, что это смягченіе административныхъ нравовъ развивалось не вдругъ. Около самого Платона возможенъ былъ епархіальный временщикъ, братъ его, протоіерей Александръ Левшинъ, публично, въ крестномъ ходѣ, замахивавшійся тростью на другаго протоіерея столицы, законоучителя университета Петра Алексѣева. Само духовенство на первыхъ порахъ своей свободы отъ тягла держалось очень заносчиво и этимъ постоянно раздражало владыкъ, привыкшихъ прежде къ безмолвному повиновенію подчиненныхъ. Характеръ этихъ новыхъ, натянутыхъ на первыхъ порахъ отношеній духовенства къ властямъ рѣзко выражается въ перепискѣ П. Алексѣева съ І. Памфиловымъ, который явился представителемъ и защитникомъ бѣлаго духовенства предъ верховною властью. При имп. Павлѣ тотъ же Алексѣевъ, успѣвшій понравиться государю во время коронаціи тѣмъ, что одинъ изъ духовенства при цѣлованіи руки коронованнаго царя поцѣловалъ и мечъ при бедрѣ его, написалъ для него записку о властолюбіи Никона (для „будущей участи нашея церкви“) и еще ученое сочиненіе о томъ, что священникъ можетъ быть посвященъ въ епископы безъ постриженія въ монашество.

Въ описываемое время произошли нѣкоторыя важныя *перемѣны въ* самихъ *епархіальныхъ учрежденіяхъ*. Въ началѣ царствованія Екатерины вышелъ указъ о назначеніи въ члены консисторій не однихъ монаховъ, но и бѣлыхъ священниковъ, указъ подтвержденный въ 1797 г. и Павломъ І. На канцелярскую службу при консисторіяхъ и въ секретари велѣно опредѣлять свѣтскихъ приказныхъ, а не монаховъ и келейниковъ арх. дома, какъ это было особенно въ Малороссіи; кромѣ того секретари и по опредѣленію въ должность, и по увольненію отъ нея были непосредственно подчинены св. Синоду. Но за то члены консисторій, а также имѣвшіе прежде выборное значеніе члены дух. правленій и опредѣлялись и увольнялись теперь единственно по усмотрѣнію архіереевъ. Съ отмѣной церковнаго тягла повсюду бы-

ла упразднена главная выборная должность въ епарх. управленіи, должность поповскихъ старостъ. Для надзора за благочиніемъ повсюду учреждены благочинные, назначавшіеся на должность епархіальнымъ начальствомъ уже безъ выбора духовенства; выборные благочинные кое-гдѣ оставались только въ Малороссіи. Въ руководство благочиннымъ м. Платонъ написалъ подробную инструкцію.

Монашествующее духовенство. Обращаясь къ состоянію духовенства, и прежде всего монашествующаго, на первомъ планѣ видимъ быстрое уменьшеніе числа монастырей и монаховъ, — явленіе общее тогда въ Европѣ повсюду, гдѣ власть была въ рукахъ людей новаго направленія. До штатовъ въ Россіи (кромѣ Малороссіи и Бѣлоруссіи) считалось 954 монастыря; по штатамъ оставлено 224 да 161 на собственномъ содержаніи за штатомъ,—остальные 569 велѣно закрыть или обратить въ приходскія церкви. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи при введеніи штатовъ оставлено 29 обителей въ штатѣ и 55 за штатомъ. Къ началу настоящаго столѣтія по всей имперіи было 452 монастыря, менѣе чѣмъ вдвое противъ числа ихъ до 1764 г. Зданія закрывавшихся монастырей обращались въ казармы, госпитали, дома для сумасшедшихъ и т. п. Строеніе новыхъ монастырей допускалось только съ разрѣшенія высочайшей власти; до конца XVIII вѣка новыхъ обителей возникло всего до 5. Число монашествующихъ тоже значительно уменьшилось, хотя относительно постриженія монаховъ вновь правительство не издало ниодного особенно стѣснительнаго распоряженія и только подтверждало старые указы объ этомъ предметѣ временъ Петра I и Елизаветы. Кромѣ немногихъ богатыхъ обителей, число. монашествующихъ почти нигдѣ не доходило до штатной цифры, что главнымъ образомъ зависѣло отъ скудости новыхъ монастырскихъ средствъ, особенно чувствительной для монашествующихъ послѣ ихъ прежняго изобильнаго во всемъ обезпеченія. По штатамъ назначено выдавать на монастыри I кл. по 2017 руб. въ годъ, II класса по 1311, III по 806. Монастырскія зданія, которыхъ въ старину настроено было слишкомъ много, разваливались безъ ремонта, а просить пособія, лишнихъ ассигновокъ, было безполезно и даже небезопасно, потому что въ отвѣтъ на просьбу можно было всегда ожидать указа— вовсе закрыть монастырь, неимѣющій средствъ содержаться, и обратить его наприм. въ военное вѣдомство. Для под-

держанія въ монастыряхъ нѣкотораго достатка, а также и дисциплины св. Синодъ старался вездѣ вводить общежитіе, предписывалъ монахамъ по крайней мѣрѣ имѣть общую трапезу. Большею достаточностію отличались монашествующія власти и монашество ученое, все болѣе и болѣе выдѣлявшіяся изъ среды монаховъ въ привиллегированный классъ. Строгіе законы Петра I, требовавшіе, чтобы власти на ряду съ братіей подчинялись всѣмъ правиламъ общежитія и не имѣли никакой частной собственности, лишавшіе ихъ поэтому права дѣлать духовныя завѣщанія, при Екатеринѣ были отмѣнены. Размноженію и возвышенію ученаго монашества особенно много содѣйствовалъ м. Платонъ, выпустившій изъ своей академіи цѣлую дружину молодыхъ ученыхъ монаховъ — платониковъ, въ которой сосредоточивались, можно сказать, всѣ лучшіе таланты духовенства.

Заслуги монашеству св. Тихона. Въ дѣлѣ благоустроенія монашества рядоваго всѣхъ болѣе оказали заслугъ св. Тихонъ и м. Гавріилъ. По прибытіи въ воронежскую епархію св. Тихонъ былъ пораженъ дурнымъ состояніемъ тамошнихъ монастырей и усердно принялся за ихъ исправленіе, заставилъ монаховъ читать Н. Завѣтъ, завелъ на братской трапезѣ чтеніе чина постриженія и Зерцала иноческаго житія, самъ сочинилъ 15 статей увѣщанія инокамъ, разсылалъ по монастырямъ строгіе указы—не шататься монахамъ по мірскимъ домамъ, по поминкамъ, не пьянствовать и пр. Но главныя его заслуги монашеству относятся ко времени его пребыванія въ Задонскомъ монастырѣ, куда онъ удалился на покой по болѣзни и самъ вмѣшался въ ряды простой братіи, отказавшись отъ всякаго начальства. Въ своихъ сочиненіяхъ этого времени (1769—1783) онъ съ глубокою практическою мудростію развивалъ идеалъ истиннаго подвижничества, а своею жизнію ясно показалъ возможность самаго осуществленія этого идеала. Все время его, за исключеніемъ 4—5 часовъ тревожнаго отдыха, проходило въ богословскихъ занятіяхъ и молитвѣ. Келейники его часто бывали свидѣтелями его каждодневной пламенной молитвы, во время которой, простертый на полу и обливаясь слезами смиреннаго сокрушенія о грѣхахъ, онъ не слыхалъ ничего, что около него дѣлалось. Онъ жилъ среди такой бѣдной обстановки, какую только дозволяло приличіе; пищу употреблялъ самую скудную, и той не вкушалъ, не укоряя себя каждый разъ за лѣность, за то, что

мало потрудился для церкви; не смотря на слабость силъ, часто занимался тяжелыми работами, кололъ дрова, косилъ сѣно и пр. Но строгій къ себѣ, онъ былъ любовно снисходителенъ къ человѣческимъ слабостямъ другихъ. Его глубокое смиреніе и всепрощеніе были тѣмъ удивительнѣе, что по природѣ онъ былъ человѣкъ горячій и нервный. Онъ до земли кланялся своему келейнику, если видѣлъ, что тотъ оскорбился какимъ нибудь его замѣчаніемъ; будучи высокимъ богословомъ и подвижникомъ, смиренно бралъ уроки духовной мудрости и духовнаго утѣшенія изъ устъ простыхъ, неграматныхъ, но благочестивыхъ монастырскихъ старцевъ. Однажды въ гостяхъ у знакомыхъ онъ вступилъ въ бесѣду съ какимъ-то дворяниномъ вольтерьянцемъ и кротко, но такъ сильно сталъ опровергать его, что гордый человѣкъ вышелъ изъ себя и далъ ему пощечину; святой тутъ же упалъ ему въ ноги съ мольбой о прощеніи и этимъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ съ этихъ поръ сдѣлался хорошимъ христіаниномъ. Полный любви къ ближнимъ, св. Тихонъ не прекращалъ своего общественнаго служенія и въ задонской своей кельѣ. Келья эта сдѣлалась источникомъ духовнаго просвѣщенія для обширнаго округа. Изъ нея разсылались къ разнымъ лицамъ его назидательныя посланія; къ ней изъ ближнихъ и дальныхъ мѣстъ стекался народъ, чтобы получить наставленіе и благословеніе святаго человѣка, и много дурныхъ людей отходило отъ нея съ прочными задатками лучшей жизни. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ простымъ народомъ, бытъ котораго такъ хорошо зналъ, утѣшалъ его въ его тяжкой долѣ, училъ не роптать противъ начальствъ и господъ, помогалъ раззореннымъ деньгами. Изъ монастырской слободы къ нему ходили дѣти, которыхъ онъ училъ молитвамъ и пріучалъ къ церкви. Иногда онъ самъ являлся въ дома къ нуждавшимся въ его участіи и вездѣ оставлялъ послѣ себя миръ и утѣшеніе. Онъ былъ миротворцемъ въ ссорахъ окрестныхъ дворянъ и ходатаемъ предъ ними за ихъ угнетенныхъ крестьянъ. На благотворенія шла вся его 400—рублевая пенсія и все, что онъ получалъ въ даръ отъ знакомыхъ. Въ задонской кельѣ написана большая часть сочиненій св. Тихона; спеціально для монаховъ написаны имъ „Правила монашескаго житія“ и „Наставленіе обратившимся отъ суетнаго міра“. Кончина его послѣдовала 13 августа 1783 г., а торжественное открытіе его мощей въ 1861 г.

Попеченія о монашествѣ м. Гавріила и болѣе замѣчательные подвижники. Другимъ ревнителемъ монашества былъ м. Гавріилъ. Устроеніе упадавшихъ монастырей и заведеніе въ нихъ общежитія было его любимымъ попеченіемъ; для своихъ епархіальныхъ монастырей онъ самъ написалъ правила общежитія. Съ болѣе замѣчательными подвижниками своего времени онъ былъ въ тѣсномъ духовномъ общеніи черезъ письма. По указаніямъ своего келейника, старца *Ѳеофана*, знакомаго лично съ нѣсколькими обителями, онъ вызывалъ лучшихъ иноковъ для устроенія своихъ монастырей, напр. изъ брынскихъ лѣсовъ вызвалъ благочестиваго старца *Адріана* въ Коневскій монастырь, изъ Сарова въ валаамскіе настоятели старца *Назарія*, въ Тихвинъ пѣшношскаго строителя *Игнатія*. Замѣчательно, что въ дѣлѣ устроенія монастырской жизни Гавріилъ всегда почти предпочиталъ ученымъ монахамъ простыхъ, но опытныхъ въ духовной жизни игуменовъ.—Въ 1790-хъ гг. Гавріилъ имѣлъ сношеніе съ знаменитымъ подвижникомъ *Паисіемъ величковскимъ*. Онъ былъ родомъ изъ Полтавы, учился въ Кіевѣ, по постриженіи жилъ сначала въ Малороссіи, потомъ отъ уніатскаго гоненія ушелъ въ Молдавію, гдѣ и провелъ по монастырямъ большую часть жизни, занимаясь переводами съ греческаго языка аскетическихъ твореній. Одинъ изъ этихъ переводовъ, книгу „Добротолюбіе“, по просьбѣ Гавріила, онъ позволилъ издать въ Россіи въ 1793 г. Въ своихъ Сѣкульскомъ и Нямецкомъ монастыряхъ Паисій воспиталъ для русской церкви нѣсколькихъ замѣчательныхъ подвижниковъ († 1794 г.)—Болѣе другихъ процвѣтали монашескою жизнію обители тамбовской епархіи Санаксарская и Саровская. Послѣдняя достигла цвѣтущаго состоянія при мудрыхъ и опытныхъ въ духовной жизни строителяхъ *Ефремѣ* и *Пахоміи* и сдѣлалась разсадникомъ игуменовъ въ другіе монастыри. Въ саровскомъ лѣсу съ благословенія Пахомія въ послѣднее время началъ свои подвиги извѣстный всей Россіи старецъ *Серафимъ*. Тамбовскій епископъ *Ѳеофилъ* (1788 - 1811) старался по образцу Сарова устроять и другія обители своей епархіи, находившіяся большею частію въ жалкомъ положеніи. Строгія мѣры его къ введенію въ нихъ общежитія и порядка нѣкоторое время сопровождались даже монашескими бунтами противъ настоятелей, наприм. въ монастыряхъ Трегуляевомъ (1789), Краснослободскомъ (1790), Козловскомъ (1791 г.).

Бѣлое духовенство. Послѣ вопроса о монастырскихъ вотчинахъ Екатерина обѣщалась заняться вопросомъ о бѣломъ духовенствѣ, его правахъ, матеріальномъ обезпеченіи и образованіи, но обѣщаніе это далеко не было выполнено. Въ комиссіи объ Уложеніи, какъ мы видѣли, Гавріилу пришлось отстаивать даже и тѣ права духовенства, какія оно уже имѣло издавна. Новаго по этой части ничего не видимъ во все царствованіе. Говорили о возвышеніи духовенства изъ „подлости", какъ называлось простонародье, но не дали ему даже такого отличія неподлыхъ людей, какъ свобода отъ тѣлесныхъ наказаній по свѣтскому суду. По-прежнему права духовенства были мало гарантированы отъ нарушеній ихъ на практикѣ. Въ Синодъ и Сенатъ шли изъ епархій одна жалоба за другой на обиды духовенству отъ разныхъ начальствъ: отъ какого нибудь исправника или городничаго страдала подъ часъ не одна спина или борода священника, а иногда и дароносица, которую онъ имѣлъ при себѣ. Въ селахъ надъ духовенствомъ величались дворяне, которые теперь, послѣ дарованія граматы о вольности дворянства, стали чаще проживать въ своихъ имѣніяхъ и кромѣ того, къ несчастію духовенства, часто оказывались философами, смотрѣли на попа, какъ на представителя суевѣрій, и унизить его считали признакомъ образованія. Не мудрено, что духовенство браталось больше съ подлымъ, чѣмъ съ благороднымъ людомъ, участвовало въ крестьянскихъ волненіяхъ противъ дворянъ, попадалось даже въ такомъ волненіи, какъ пугачевщина.—Для матеріальнаго обезпеченія его тоже ничего не было сдѣлано, хотя время отобранія церковныхъ вотчинъ было бы очень благопріятно для назначенія ему постояннаго содержанія. Въ штаты вошли лишь соборы и 105 церквей, имѣвшихъ вотчины, и то съ жалованьемъ гораздо меньшимъ противъ ихъ прежнихъ вотчинныхъ доходовъ (священникамъ назначено по 20, дьяконамъ по 15, дьякамъ по 10 р. въ годъ); остальныя церкви не получили ничего, хотя и среди духовенства и въ обществѣ были увѣрены, что правительство изъ монастырскихъ доходовъ назначитъ причтамъ жалованье. Въ одномъ письмѣ Екатерина писала, что толки объ этомъ жалованьѣ вѣроятно идутъ отъ „лукавыхъ ханжей и святошъ". Въ 1765 г., узнавъ о нѣкоторыхъ слу̀чаяхъ вымогательства нищаго духовенства за требы, правительство выдало таксу за главныя требы съ крайне малыми цифрами (по 2 коп. за мо-

литву рожаницѣ, 3 коп. за крещеніе, 10 коп. за свадьбу и погребеніе взрослыхъ, а за погребеніе младенцевъ 3). „Неханжи", сидѣвшіе въ комиссіи объ Уложеніи, настаивали даже, чтобы у духовенства отобрана была вся земля при церквахъ, но правительство этой мысли не раздѣляло, напротивъ во время общаго межеванія въ имперіи (съ 1765 г.) распорядилось отмежевать по 33 десятины на причтъ ко всѣмъ церквамъ, которыя не имѣли за собой писцовыхъ земель; земельные надѣлы и теперь впрочемъ достались не всѣмъ церквамъ.

Для очищенія духовенства отъ лишнихъ и недостойныхъ людей употреблялось прежнее средство, — разборы. Противъ множества безмѣстныхъ бродячихъ и крестцовыхъ поповъ особенно энергично дѣйствовали московскіе архіереи—Амвросій и Платонъ; послѣднему удалось, какъ онъ говорилъ, вывести безчестный крестецъ въ Москвѣ. Въ другихъ епархіяхъ безмѣстныхъ старались размѣщать на штатныя мѣста или въ викаріи, даже на причетническія вакансіи; въ 1784 г. для скорѣйшаго ихъ распредѣленія остановлено было на время даже посвященіе новыхъ ставленниковъ, кромѣ ученыхъ. Разборы церковниковъ и дѣтей духовенства носили теперь болѣе мягкій характеръ, чѣмъ прежде. Оказавшимся лишними предоставлялось право свободно избирать себѣ родъ жизни безъ записи за помѣщиками; большая часть изъ нихъ записывалась въ мѣщанство; въ солдаты попадали главнымъ образомъ лишь люди негодные или укрывавшіеся отъ избранія рода жизни. Другою особенностью Екатерининскихъ разборовъ было то, что для оставленія извѣстнаго лица въ духовномъ званіи требовалась не столько принадлежность его или его отца къ числу дѣйствительно служащихъ на церковной службѣ, какъ прежде, сколько извѣстная степень образованія. Для нѣсколько поучившихся духовныхъ дѣтей открылась широкая дорога къ выходу изъ дух. званія въ намѣстническія канцеляріи, главное народное училище, университетъ, медицинскія школы, такъ что духовное начальство стало даже принимать мѣры къ удержанію ихъ въ своемъ званіи, потому что это были лучшіе люди въ вѣдомствѣ, въ которыхъ оно само крайне нуждалось. Государство съ своей стороны попрежнему стѣсняло доступъ къ дух. службѣ для свѣтскихъ лицъ, податныхъ и служилыхъ людей. При такой замкнутости духовнаго званія всѣ мѣста въ немъ исключительно были за-

няты своими людьми и передавались изъ рода въ родъ по наслѣдству. Права наслѣдниковъ и наслѣдницъ церковныхъ мѣстъ признавали самъ св. Синодъ и архіереи, наблюдая только одно условіе, чтобы первые учились въ семинаріяхъ, а вторыя выходили за мужъ за ученыхъ. Но иногда нельзя было наблюсти и этого условія, если неученый наслѣдникъ, опираясь на свои владѣльческія права, требовалъ съ посторонняго ученаго кандидата высокой платы за свое наслѣдное мѣсто при церкви. Въ 1768 г. Синодъ издалъ указъ, въ которомъ старался понизить цѣны на наслѣдныя дома духовенства при церквахъ, вычитая извѣстную долю изъ ихъ стоимости по числу лѣтъ, прожитыхъ въ нихъ владѣльцами, такъ чтобы черезъ 30 лѣтъ домъ передавался владѣльцемъ преемнику уже даромъ. Старались также заводить при церквахъ церковные дома для причта. Все-таки къ концу XVIII в. рѣдкое церковное мѣсто, даже причетническое, не было зачислено за наслѣдникомъ или наслѣдницей или не продавалось бездѣтнымъ владѣльцемъ. Иногда всѣ мѣста при церкви заняты были членами одной семьи по старшинству, при чемъ младшіе постепенно передвигались на вакансіи послѣ старшихъ, а какая нибудь вдова родственница служила тутъ же просвирней. Старинные приходскіе выборы членовъ клира все болѣе и болѣе выходили изъ практики; архіереи стали считать ихъ даже чѣмъ-то предосудительнымъ; м. Платонъ ставилъ себѣ въ заслугу то, что не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Царствованіе Павла было благопріятнѣе для бѣлаго духовенства, хотя и ознаменовалось весьма крутымъ разборомъ церковниковъ, какого духовенство не помнило со времени имп. Анны. Въ 1797 г. по ходатайству м. Гавріила всѣ священнослужители до снятія сана освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній. Въ томъ же году введены для священниковъ награды скуфьями, камилавками, наперстными крестами и митрами; на равнѣ съ высшимъ духовенствомъ они стали также получать ордена. Домы духовенства освобождены отъ полицейскихъ повинностей. Стараясь возвысить духовенство надъ простонародьемъ, правительство думало освободить его отъ крестьянскихъ работъ, поручивъ обработку церковной земли прихожанамъ. Съ тою же между прочимъ цѣлію правительство старалось ослабить его зависимость отъ прихожанъ, уничтоживъ послѣдніе остатки приходскихъ выборовъ; заручныя челобитья прихожанъ о

выбранныхъ ими кандидатахъ подведены были подъ категорію запрещенныхъ „прошеній скопомъ“. Въ 1799 г. въ первый разъ обращено было вниманіе на участь духовныхъ вдовъ и сиротъ; въ видахъ ихъ призрѣнія положено: преимущественно предъ другими предоставлять имъ вакансіи въ архіерейскихъ богадѣльняхъ и монастыряхъ, обратить въ ихъ пользу штрафныя деньги въ консисторіяхъ, доходы съ кладбищъ, остатки отъ штатныхъ окладовъ въ монастыряхъ и др. источники, какіе могутъ открыться по епархіямъ; во всей силѣ оставленъ и прежній способъ ихъ призрѣнія,— зачисленіе за ними и предоставленіе имъ вакантныхъ церковныхъ мѣстъ.

Въ основаніе *отношеній правительства къ вѣрѣ* съ самаго начала царствованія Екатерины положено было *начало вѣротерпимости*. „Въ столь великомъ государствѣ, говорилось въ Наказѣ Екатерины, распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности гражданъ былъ порокъ,—запрещеніе ихъ различныхъ вѣръ“. Въ 1773 г. въ одномъ указѣ Синоду Екатерина внушала по поводу обращенія въ христіанство инородцевъ: „какъ всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“. Мысль эта, такъ торжественно провозглашавшаяся, прилагалась къ дѣлу при разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ объ отношеніи православія къ другимъ вѣроисповѣданіямъ имперіи, какіе правительство Екатерины наслѣдовало отъ прежняго времени, къ вопросу объ инородческихъ миссіяхъ, къ давнему дѣлу о польскихъ диссидентахъ и къ мѣрамъ относительно разныхъ сектъ внутри имперіи.

Обращеніе инородцевъ восточнаго края. Мы видѣли, какъ волненія инородцевъ еще при имп. Елизаветѣ побудили правительство умѣрить ревность къ обращенію ихъ въ христіанство. Въ 1764 г. Екатерина велѣла закрыть самую контору новокрещенскихъ дѣлъ, а для проповѣди св. вѣры архіереямъ восточнаго края и Сибири выбрать по нѣскольку человѣкъ ученыхъ и честнаго житія проповѣдниковъ. Для привлеченія инородцевъ къ вѣрѣ оставлена прежняя льгота новокрещенымъ на 3 года отъ податей и отъ трехъ рекрутскихъ наборовъ, но раскладывать за нихъ эти пода-

ти и рекрутчину на некрещеныхъ запрещено; велѣно сложить съ некрещеныхъ и прежнія недоимки этого рода. На дачу крещенымъ крестовъ и иконъ и на канцелярскіе расходы по миссіи ассигновано по 10,000 р. въ годъ, но подарки новокрещенымъ деньгами и одеждой отмѣнены. Св. Синодъ и Сенатъ предлагали было упразднить и казанскія новокрещенскія школы, но императрица на это не согласилась. Не смотря на эти распоряженія, раздраженіе между инородцами не унималось. На всѣ самыя законныя дѣйствія духовенства они смотрѣли, какъ на насиліе, и продолжали жаловаться; жаловались на то, что по настоянію духовенства власти старались удерживать новокрещеныхъ отъ переходовъ въ ихъ старую вѣру; жаловались и на новыя обращенія къ христіанству, которыя, благодаря ревности Веніамина Григоровича, продолжались и теперь при всѣхъ неблагопріятныхъ къ тому условіяхъ. Въ 1767 г. въ бытность императрицы въ Казани татары подали ей жалобу, что архіерей, притѣсняя ихъ, не дозволяетъ имъ строить мечетей, хотя онъ не имѣлъ и права дать имъ такого позволенія, такъ какъ они хотѣли устроить эти мечети незаконно, вблизи православныхъ церквей. Императрица позволила построить двѣ мечети и по этому случаю сдѣлала св. Синоду приведенное выше внушеніе. Синодъ послѣ этого вовсе запретилъ архіереямъ вступаться въ дѣла объ иновѣрцахъ и построеніи ихъ молитвенныхъ домовъ, предоставивъ эти дѣла свѣтской командѣ. Въ правительственныхъ сферахъ очевидно крѣпко засѣло предубѣжденіе касательно фанатизма духовенства. Предубѣжденіе это еще болѣе утвердилось представленіями инородческихъ депутатовъ въ комиссіи объ Уложеніи, которые, разумѣется, не преминули пожаловаться на религіозныя притѣсненія инородцевъ. Въ такомъ же родѣ, поддѣлываясь подъ тонъ правительства, доносили о дѣйствіяхъ духовенства нѣкоторые губернаторы, наприм. сибирскій, бывшій притомъ же въ ссорѣ съ архіереемъ. — Послѣ пугачевскаго бунта, въ которомъ инородцы принимали такое живое участіе, правительство еще неблагопріятнѣе стало смотрѣть на инородческія миссіи. Сибирскіе татары ждали уже, что скоро сама казна будетъ строить имъ мечети, и стали усердно обращать въ магометанство другихъ инородцевъ, наприм. башкиръ. Въ 1799 г. по случаю одного волненія между башкирами, среди которыхъ распространился слухъ, что ихъ хотятъ крес-

тить насильно, архіереямъ запрещено было посылать къ инородцамъ и проповѣдниковъ безъ предварительнаго сношенія о томъ съ губернаторами, а посланныхъ раньше велѣно воротить назадъ. Послѣ этого дѣло обращенія восточныхъ инородцевъ совершенно остановилось. Въ 1793 г. Амвросій казанскій обратилъ было вниманіе на казанскія новокрещенскія школы, обновилъ ихъ на свой счетъ и сталъ посвящать ихъ учениковъ въ инородческіе приходы; но послѣ перехода его въ Петербургъ школы эти опять пришли въ упадокъ, а въ 1800 г. ученіе въ нихъ совсѣмъ прекратилось. Въ 1799 г. окончательно упразднена самая должность инородческихъ проповѣдниковъ, какъ болѣе ненужная, по объясненію Сената. — Всѣхъ упорнѣе въ своей вѣрѣ и теперь оказывались магометане. Правительство относилось къ нимъ съ особенной осторожностію, потому что они были въ связяхъ съ своими заграничными единовѣрцами и кромѣ того многіе изъ нихъ (киргизы и крымскіе татары) были только недавно присоединены къ имперіи. Для того, чтобы больше привязать ихъ къ государству, правительство старалось снисходить къ ихъ вѣрованіямъ, дозволяло имъ свободно строить мечети и печатать Коранъ, учредило для нихъ даже два средоточія духовнаго управленія изъ муфтіевъ и муллъ съ значительнымъ жалованьемъ, въ 1788 г. въ Уфѣ, а потомъ въ 1794 г. въ Крыму.

Судьба миссіонерскаго дѣла въ Сибири была одинакова съ судьбою его на востокѣ Европейской Россіи, потому что подвергалась вліянію тѣхъ же распоряженій правительства. Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, и теперь впрочемъ являлись ревнители проповѣдники среди сибирскихъ дикарей. Такъ, среди тунгузовъ проповѣдывалъ св. вѣру *Кириллъ Сухановъ*; посвященный въ Иркутскѣ въ протоіерея, онъ устроилъ для новообращенныхъ тунгузовъ храмы и, разселивъ ихъ около послѣднихъ деревнями, положилъ между ними первые начатки осѣдлой гражданственности. Въ 1799 г. протоіерей *Григорій Сапожковъ* отправился на проповѣдь къ якутамъ и чукчамъ — Камчатская миссія была упразднена еще въ 1761 г. и вмѣсто нея учреждено обыкновенное протоіерейское управленіе, во главѣ котораго стоялъ протоіерей *Стефанъ Никифоровъ*; управленіе это впрочемъ само имѣло миссіонерскій характеръ; члены его назывались проповѣдническою свитой. Сначала проповѣдь этой свиты имѣла значительный успѣхъ; къ 1765 г. число

христіанъ въ Камчаткѣ доходило до 10,000, было 8 церквей и 12 школъ съ 239 учениками. Но потомъ, особенно послѣ бунта Беніовскаго (1771 г.), въ которомъ заподозрѣно было духовенство, и вслѣдствіе притѣсненій духовнымъ лицамъ со стороны дурныхъ начальниковъ края, нѣмцевъ Бема и Рейнеке, успѣхи вѣры надолго остановились. Храмы и школы стали закрываться. Въ 1798 г. самъ Стефанъ отъ трудовъ и огорченій захворалъ и сдалъ свое мѣсто сыну *Никифору*. Изъ Камчатки христіанство проникало къ корякамъ и на Алеутскіе острова. По открытіи американской компаніи св. Синодъ въ 1794 г. назначилъ къ алеутамъ особую миссію изъ іеромонаха *Іоасафа Болотова* и девяти монаховъ, которые съ благословенія м. Гавріила всѣ были избраны на Валаамѣ прозорливымъ игуменомъ Назаріемъ. Въ два мѣсяца они крестили весь островъ Кадьякъ и завели здѣсь школу. Одинъ изъ монаховъ *Макарій* крестилъ алеутовъ на Уналашкѣ, другой *Ювеналій*—множество жителей Кенайскаго залива, гдѣ и умеръ мученической смертію. Въ 1799 г. открыто въ Кадьякѣ епископство, но за смертію рукоположеннаго на него Іоасафа опять закрыто.

Распространеніе христіанства на югѣ. Среди юговосточныхъ степей успѣшно продолжалось крещеніе калмыковъ. Въ 1765 г. число крещеныхъ между ними доходило до 8000 муж. пола; въ ставропольской школѣ училось свыше 50 учениковъ. Къ сожалѣнію притѣсненія со стороны русскаго чиновничества не только остановили новыя переселенія калмыковъ изъ Азіи въ Россію, но въ 1770-хъ гг. заставили бѣжать и тѣхъ, которые уже кочевали въ русскихъ степяхъ. Въ 1771 г. ушли за Уралъ 50,000 кибитокъ, потомъ изъ астраханской губерніи ушли за р. Куму 160 семействъ калмыковъ, уже крещеныхъ, и опять обратились въ ламайскую вѣру. Къ началу XIX в. осталось до 600 крещеныхъ калмыковъ.

Судьба закавказскихъ христіанъ много улучшилась, когда грузинская церковь въ 1783 г. поступила подъ управленіе св. Синода. Въ началѣ XIX столѣтія присоединился къ Россіи и грузинскій народъ, послѣ чего навсегда уже освободился отъ магометанскихъ гоненій.—Между кавказскими народами, не смотря на слабую дѣятельность миссіи 1746 г., тоже умножилось число христіанъ; въ Малой Кабардѣ построена была православная церковь. Но въ 1769 г., во время войны съ Турціей, не желая раздражать кавказ-

скихъ магометанъ, императрица велѣла сломать эту церковь. Потомъ впрочемъ она вѣроятно сообразила, что въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Турціей выгоднѣе поддерживать христіанство, чѣмъ магометанство, и велѣла отправить на Кавказъ новую миссію подъ управленіемъ протоіерея *Лебедева*. До 1790 г. эта миссія просвѣтила до 6000 осетинъ. Въ 1793 г. въ Моздокѣ учреждено астраханское викаріатство, заведена школа и велѣно учредить для кавказскаго края два монастыря съ просвѣтительнымъ назначеніемъ. Но въ то время, какъ миссія успѣшно дѣйствовала между осетинами, другія горскія племена, уступленныя еще по Кайнарджійскому миру Турціи, подверглись вліянію ислама, проповѣдники котораго стали распространять между ними самую фанатическую ненависть къ христіанству и Россіи.

Состояніе православія въ Польшѣ. Возбужденіе вопроса о диссидентахъ. На востокѣ и на югѣ русская церковь занята была обращеніемъ инородцевъ; на западѣ она должна была продолжать свою вѣковую борьбу съ католичествомъ и уніей. Восшествіе на русскій престолъ новой государыни заставило православныхъ, страдавшихъ въ Польшѣ, еще разъ обратиться къ Россіи съ прошеніемъ о помощи. На коронацію Екатерины пріѣхалъ въ Москву извѣстный ревнитель православія Георгій Конисскій бѣлорусскій и трогательной рѣчью о бѣдствіяхъ своей паствы побудилъ императрицу серьезно взяться за возбужденіе вопроса о правахъ польскихъ диссидентовъ. Когда въ 1764 г. на польскій престолъ восшелъ покровительствуемый Екатериною *Станиславъ Понятовскій*, вопросъ о диссидентахъ дѣйствительно внесенъ былъ на сеймъ. Среди русскаго народонаселенія Польши живо почувствовалась перемѣна обстоятельствъ и поднялось сильное религіозное движеніе противъ уніи, особенно въ Малороссіи. Средоточіемъ этого движенія были переяславская каѳедра, которой подчинены были всѣ православные приходы польской украйны и на которой сидѣлъ въ это время другой ревнитель православія *Гервасій*, и Матронинскій монастырь, куда православные давно привыкли обращаться за утѣшеніями вѣры и гдѣ игуменствовалъ тогда умный и дѣятельный *Мелхиседекъ Значко-Яворскій*. По селеніямъ строились и возобновлялись православные храмы, а въ Переяславѣ ставились для нихъ священники; цѣлые приходы возвращались изъ уніи въ православіе. Въ 1765 г. Георгій и Мелхиседекъ ѣздили въ Варша-

ву. Въ прекрасной рѣчи, поразившей самихъ поляковъ и тогда же переведенной на разные европейскіе языки, Георгій изобразилъ передъ королемъ такую сильную картину страданій православія отъ фанатизма католиковъ и уніатовъ, что тронутый король обѣщалъ сдѣлать все для возстановленія правъ православныхъ. Мелхиседекъ воротился съ грамотой, утверждавшей права украинскаго народа, и съ письмами короля къ уніатскимъ властямъ о прекращеніи насилій.

Уніаты были сильно всѣмъ этимъ встревожены. Пользуясь раздраженіемъ, съ какимъ поляки встрѣтили русское вмѣшательство въ диссидентскомъ дѣлѣ, уніатскій митрополитъ въ 1766 г. наслалъ на украйну фанатическаго уніата *Мокрицкаго* возстановлять падавшую унію. Мокрицкій явился съ отрядомъ войска и пошелъ по украйнѣ, производя ужасныя варварства. Православныя церкви запечатывались или поворачивались на унію. Народъ насильственно заставляли отрекаться отъ православія, какъ онъ ни старался огораживаться правами, данными королемъ по ходатайству архіереевъ и императрицы. Отсчитывая удары плетей по плечамъ вѣрныхъ исповѣданію отцевъ и дѣдовъ, мучители приговаривали: „это тебѣ за государыню, это за короля, это за архіерея, а это за вся православныя христіаны“. Особенно поразили украйну два убійства за вѣру, сотника *Харька* и ктитора мліевскаго прихода *Данила Кушнира*. Первому отсѣкли голову; послѣдняго казнили, какъ святотатца, за то, что онъ по выбору мліевской громады, не желавшей отдавать своей церковной утвари уніатскому попу, какъ самый благочестивый человѣкъ въ приходѣ, взялся принять съ престола и укрыть св. дароносицу; въ присутствіи множества народа изъ разныхъ мѣстъ ему обвили руки смолевой паклей и зажгли, потомъ отрубили голову. Ночью православные тайно унесли эту голову и торжественно принесли въ Переяславъ, гдѣ съ крестнымъ ходомъ встрѣтилъ ее самъ Гервасій. Къ довершенію всего уніаты успѣли захватить самого Мелхиседека; надъ нимъ производили разныя поруганія и мучительства, отъ которыхъ онъ навсегда потерялъ здоровье, потомъ бросили его въ тюрьму. Вѣсти объ этихъ варварствахъ, разумѣется, должны были повести къ ускоренію рѣшительнаго движенія дѣла. На сеймъ 1766 г. Россія, Пруссія, Англія, Швеція и Данія внесли сильныя ноты въ защиту диссидентовъ, но эти ноты повели только къ большему усиленію фанатизма. Католи-

ческіе епископы *Солтыкъ* и *Красицкій* разослали противъ диссидентовъ окружныя посланія, ихъ поощрялъ изъ Рима самъ папа, запретивъ дѣлать, какія бы то ни было, уступки иновѣрцамъ.

Конфедераціи и гайдамачина. Когда сеймъ отказалъ требованіямъ державъ, диссиденты составили противъ него конфедераціи въ Торнѣ и Слуцкѣ. Георгій Конисскій приготовилъ для будущаго сейма подробное заявленіе о бѣдствіяхъ православныхъ. Россія поспѣшила ввести въ украйну свое войско. На сеймѣ 1767 г. русскій посланникъ кн. *Репнинъ* принялъ рѣшительныя мѣры въ пользу диссидентовъ, арестовалъ Солтыка, Залусскаго и нѣкоторыхъ другихъ фанатиковъ и заставилъ сеймъ дать диссидентамъ права; имъ предоставлялась свобода вѣры, право воспитывать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, — сыновей въ вѣрѣ отцевъ, дочерей въ вѣрѣ матерей, право не подлежать суду католическаго духовенства, судиться по религіознымъ столкновеніямъ въ смѣшанной комиссіи изъ православныхъ и протестантовъ, присутствовать на сеймахъ и въ сенатѣ; но въ тоже время католичество объявлено господствующей вѣрою и отступничество отъ него подлежащимъ строгому наказанію. Чтобы избѣжать опасности подпасть подъ дѣйствіе послѣдняго пункта, уніаты украйны, желавшіе перейти въ православіе, поспѣшили воспользоваться короткимъ промежуткомъ между рѣшеніемъ сейма и утвержденіемъ его въ формѣ трактата съ Россіей и подали громадное число заявленій о своей принадлежности къ православію. Мелхиседекъ, успѣвшій освободиться изъ тюрьмы съ помощію нѣкоторыхъ христолюбцевъ, повезъ эти заявленія въ Варшаву для внесенія въ книги вмѣстѣ съ жалобой на свои собственныя страданія. Уніаты совсѣмъ было упали духомъ; даже уніатскіе архіереи стали поговаривать о присоединеніи къ православію. Но едва только русское войско послѣ ратификаціи трактата выступило изъ украйны, какъ фанатики снова принялись за старое. Католическое духовенство поднялось съ возмутительными воззваніями противъ схизматиковъ (православныхъ) и Россіи. Недовольные опредѣленіями сейма составили Барскую конфедерацію съ цѣлію лишить диссидентовъ всѣхъ дарованныхъ правъ. Паны, уніатскія власти и военныя команды снова начали преслѣдовать православныхъ. Тогда народъ украинскій пришелъ въ отчаяніе и, несмотря на увѣщанія Гервасія и Мелхи-

седека, желавшихъ, чтобы православная масса оставалась чистой отъ всѣхъ незаконныхъ заявленій негодованія противъ несправедливаго государства, поднялъ возстаніе подъ предводительствомъ запорожца *Желѣзняка*, сталъ соединяться въ гайдамацкіе загоны и произвелъ извѣстную *коліивщину*. Запылали жидовскія мѣстечки и панскіе дворы. Вырѣзанъ г. Умань. Уніатскіе попы были избиваемы. И борьба съ конфедератами и усмиреніе гайдамаковъ пали на долю Россіи, которая по трактату 1768 г. поручилась за сохраненіе порядка въ Польшѣ. Русскія войска переловили гайдамаковъ и выдали ихъ полякамъ, которые расправились съ ними со всею жестокостію безсильной злобы. Къ несчастію представители русскаго дѣла въ Польшѣ, начальникъ войска *Кречетниковъ* и самъ Репнинъ, были люди новаго образованія, не понимавшіе завѣтныхъ преданій и чувствъ народа, поддались интригѣ поляковъ, представлявшихъ имъ народное возстаніе, исключительно какъ противогосударственный крестьянскій бунтъ и разбой, и сами безсознательно помогали полякамъ къ истребленію всего, что стояло въ украйнѣ за православіе и русскую народность. Въ бунтѣ заподозрѣны были даже Гервасій съ Мелхиседекомъ и удалены съ своихъ мѣстъ на покой въ Россію. Православное духовенство, обвиненное въ возбужденіи народнаго возстанія, должно было укрываться по лѣсамъ и домамъ христолюбцевъ не только отъ польскаго правосудія, но и отъ русскихъ командъ. На мѣсто его опять наѣхали уніатскіе попы и стали завладѣвать приходами. Во многихъ мѣстахъ православные имѣли единственное средство удовлетворять своимъ духовнымъ нуждамъ, — это держать у себя безприходныхъ священниковъ, являвшихся изъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ архіереи щедро раздавали благодать священства всѣмъ, приходившимъ къ нимъ изъ Россіи, посвящая ставленниковъ даже безъ назначенія прихода, просто „на вакансъ“, т. е. до пріисканія мѣста.

Въ 1772 г. послѣдовалъ *первый раздѣлъ Польши*, по которому къ Россіи присоединена была Бѣлоруссія, гдѣ православіе всего болѣе страдало отъ насилій. Православная церковь этого края отрадно вздохнула послѣ долгихъ страданій и стала быстро поправляться, благодаря особенно энергіи своего знаменитаго архіепископа Георгія Конисскаго. Но въ тоже время, не смотря на то, что присоединенный край былъ чисто русскій и православный, прави-

тельство считало нужнымъ съ величайшимъ вниманіемъ наблюдать здѣсь интересы католиковъ и уніатовъ, составлявшихъ меньшинство населенія, но считавшихся интеллигенціей края; все польское, латинское, уніатское получило полное обезпеченіе своего существованія; свобода вѣры, которою думали блеснуть предъ Европою, доведена была здѣсь до явнаго униженія господствующаго вѣроисповѣданія, православія Русскіе законы и власти обязаны были защищать цѣлость католической и уніатской церкви отъ всякихъ вредныхъ для нея вліяній, въ томъ числѣ и отъ вліянія православныхъ пастырей. Стремленіе уніатовъ къ переходу въ православіе было остановлено Георгій Конисскій десятками получалъ заявленія приходовъ о насильственномъ обращеніи ихъ въ унію въ прежнее время и о желаніи снова возвратиться къ благочестію, доносилъ объ нихъ св. Синоду, но не получалъ никакого отвѣта, кромѣ указа дожидаться особаго распоряженія. Ожиданіе это продолжалось почти 8 лѣтъ, не смотря на всю опасность промедленія въ подобныхъ дѣлахъ; наконецъ-то уже послѣ 8 лѣтъ, вслѣдствіе новыхъ настояній Георгія, вышелъ рескриптъ съ дозволеніемъ обращать уніатскіе приходы въ православные, если всѣ прихожане заявятъ желаніе перейти въ православіе. Послѣ этого движеніе народа къ соединенію съ прав. церковію усилилось до того, что въ 3 года присоединившихся оказалось до 130,000 душъ; если бы не было противодѣйствія со стороны польскихъ пановъ, то въ Бѣлоруссіи, по словамъ Георгія, не осталось бы ни одной церкви въ уніи.

Устройство католической церкви въ Бѣлоруссіи. Вслѣдствіе шаткихъ понятій объ интересахъ кореннаго населенія присоединеннаго края и крайней деликатности въ отношеніи къ его польско-католической интеллигенціи, католическая церковь получила здѣсь такія милости, которыя ставили ее въ гораздо выгоднѣйшее положеніе сравнительно съ положеніемъ господствующей церкви. Въ 1773 г. Екатерина дала Бѣлоруссіи особаго католическаго епископа, котораго здѣсь никогда доселѣ не бывало и при польскомъ владычествѣ. Правда, она постаралась дать католической церкви въ имперіи болѣе государственную постановку, чѣмъ это нравилось католическому клерикализму и папѣ, именно: ослабила ея связь съ Римомъ, сосредоточивъ управленіе ея въ ней самой въ зависимости отъ русской государственной власти, папскія буллы дозволила объявлять

только съ согласія правительства, въ опредѣленіи кандидатовъ на епископіи папѣ предоставила только право утвержденія ихъ въ духовномъ достоинствѣ, всю іерархію подчинила сенату и обязала присягой на русское подданство, а монашескіе ордена изъяла изъ подчиненія ихъ заграничнымъ генераламъ и поставила въ зависимость отъ мѣстной епархіальной власти: но съ этими нововведеніями довольно скоро примирились всѣ представители католической церкви, даже самъ папа и монахи, какъ ни сильно противъ нихъ возставали сначала; вновь избранный самой императрицей архіепископъ католической церкви въ Россіи *Станиславъ Сестренцевичъ* сдѣлался даже искреннимъ защитникомъ распоряженій Екатерины. Примиреніе это совершенно понятно, потому что за потерю самостоятельности, притомъ же далеко неполную, русско-католическая церковь получила очень красную цѣну. Въ то время, какъ православный архіепископъ края получалъ только 6000 р. жалованья, доходы Сестренцевича простирались не менѣе, какъ до 60,000 р. въ годъ. Монастыри, при всей безполезности ихъ для края, сохранили свои владѣнія и богатства въ полной неприкосновенности, тогда какъ имѣнія правосл. монастырей были секуляризованы: одни іезуиты имѣли до 14,000 душъ крестьянъ. Кромѣ того, издавна образованное и вхожее въ высшее общество, католическое духовенство скоро завязало полезныя для себя связи въ Петербургѣ, при дворѣ и въ кругу вельможъ, опутало своими сѣтями мѣстнаго генералъ-губернатора Чернышева и получило такое громадное вліяніе, о какомъ не могло и мечтать духовенство православное. Уніатская церковь въ Бѣлоруссіи тоже устроена была въ видѣ особой архіепископіи, центромъ которой назначенъ Полоцкъ.

Екатерина оставила въ Бѣлоруссіи даже самый опасный изъ монашескихъ орденовъ, *орденъ іезуитовъ*, не смотря на то, что въ 1773 г., по настоянію европейскихъ дворовъ, онъ канонически былъ упраздненъ самимъ папою. Іезуиты были очень благодарны Екатеринѣ за свое спасеніе, сдѣлались самыми усердными защитниками устройства, даннаго ею латинской церкви въ Россіи, и глашатаями ея славы и терпимости. Благодаря покровительству Чернышева, Потемкина и др. вельможъ, которыхъ они, разумѣется, не замедлили оплести своими сѣтями, они очень немного теряли отъ того, что не имѣли своего особаго генерала, а должны были подчиняться Сестренцевичу; послѣдній мало имѣлъ

вліянія на ихъ дѣла. Бѣлоруссія сдѣлалась для іезуитовъ новымъ Римомъ, центромъ, къ которому тяготѣли всѣ члены этого разсѣяннаго по всему свѣту общества. Въ 1780 г. имъ дозволено было открыть новиціатъ для воспитанія новыхъ іезуитовъ; въ 1782 г. Потемкинъ едва было не выхлопоталъ имъ даже генерала, но правительство удержалось отъ такой радикальной перемѣны своихъ отношеній къ католическимъ орденамъ и дозволило іезуитамъ выбрать только генеральнаго викарія, объявивъ генераломъ всѣхъ орденовъ Сестренцевича. Но и этого дозволенія было совершенно достаточно для того, чтобы освободить іезуитовъ отъ всякой юрисдикціи архіепископа. Вліяніе ордена на бѣлорусское народонаселеніе расло годъ отъ году. Не смотря на строгое запрещеніе всякой латинской пропаганды, онъ не замедлилъ заняться и этимъ искони спеціальнымъ его дѣломъ, обращая въ латинство евреевъ, протестантовъ, уніатовъ и даже православныхъ. Русскіе юноши, во множествѣ учившіеся по іезуитскимъ школамъ, выходили оттуда чистыми католиками и притомъ съ сильными задатками полонофильства. Для пропаганды среди уніатовъ орудіемъ іезуитовъ служилъ орденъ базиліанъ, бывшій совершенно въ ихъ рукахъ, благодаря іезуитамъ, унія нигдѣ такъ не была далека отъ православія и такъ близка къ латинству, какъ въ Бѣлоруссіи; частыя совращенія уніатовъ доходили до значительной цифры; уніатскій архіерей *Лисовскій* однажды подалъ императрицѣ жалобу, что изъ его паствы іезуиты совратили до 8000 человѣкъ. Втершись въ высшее русское общество, іезуиты положили здѣсь богатое начало тѣмъ частымъ совращеніямъ въ латинство, какія открылись потомъ, послѣ Екатерины, въ семействахъ Голицыныхъ, Гагариныхъ, Одоевскихъ, Толстыхъ, Ростопчиныхъ и др.

Учрежденіе правосл. епископіи въ Польшѣ. Такъ было въ русскихъ владѣніяхъ; въ украйнѣ, остававшейся за Польшей, дѣла православной церкви до того были плохи, что за угнетенный уніатами народъ почелъ нужнымъ заступиться даже одинъ изъ польскихъ пановъ украйны, кн. *Любомірскій*, и своимъ ходатайствомъ за него старался вызвать русское правительство на какія нибудь мѣры въ огражденіе православныхъ. Къ довершенію бѣдъ православнаго народа у него не было въ Польшѣ ни одного архіерея, такъ что за посвященіемъ ставленниковъ нужно было обращаться за границу, въ Кіевъ, Переяславъ или въ Валахію, что

было крайне неудобно даже для самихъ поляковъ. Мысль о назначеніи въ Польшу особаго правосл. архіерея возникла тотчасъ же послѣ перваго раздѣла Польши, усердно поддерживалась Георгіемъ Конисскимъ и нѣкоторыми изъ самихъ пановъ, особенно Любомірскимъ, но приведена въ исполненіе только въ 1785 г., когда на это важное мѣсто назначенъ былъ архимандритъ слуцкаго монастыря *Викторъ Садковскій*, получившій при посвященіи титулъ епископа переяславскаго и викарія кіевскаго. Екатерина назначила ему 5900 р. жалованья и 2000 р. въ годъ на будущую слуцкую семинарію. Пріѣздъ его на епархію снова пробудилъ надежды украинцевъ на покровительство Россіи и произвелъ такое сильное религіозное движеніе въ пользу православія, что католики и уніаты страшно перетревожились. Повсюду пошли пугливые толки, что затѣвается новая коліивщина. Викторъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что было нужно для успокоенія польскаго патріотизма: присягнулъ въ вѣрности королю, велѣлъ возносить его имя при богослуженіи прежде имени императрицы, старался подружиться съ панами и уніатской іерархіей, сдерживалъ даже религіозное движеніе народа, не принимая уніатовъ въ православіе; но все это ни къ чему не повело. Клевета продолжала выставлять его возмутителемъ народа; даже на сеймѣ толковали, что чрезъ своихъ поповъ и монаховъ онъ возбуждаетъ чернь къ рѣзнѣ католиковъ и уніатовъ, что въ архіерейскомъ домѣ и въ монастыряхъ для этой рѣзни готовятся даже склады оружія. Наконецъ въ 1789 г. по приказанію сейма онъ былъ арестованъ и въ оковахъ отвезенъ въ Варшаву, гдѣ и содержался подъ стражей до 1792 г. Не смотря на строгій обыскъ архіер. дома и монастырей, уликъ въ доказательство справедливости подозрѣній, возбужденныхъ на сеймѣ, не нашли никакихъ; все-таки сеймъ велѣлъ привести все православное духовенство къ присягѣ на вѣрность королю; подозрительныхъ выходцевъ изъ Россіи, монаховъ, раскольниковъ, торговцевъ и др. указано ловить и представлять властямъ или высылать за границу.

Въ 1791 г. сеймъ, состоявшій изъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ и составлявшій новую конституцію, направленную къ возрожденію Польши, пришелъ къ мысли совершенно отдѣлить православную польскую церковь отъ русской посредствомъ сообщенія ей національнаго устройства

подъ юрисдикціей константинопольскаго патріарха. Съ этою цѣлію представители правосл. духовенства и братствъ должны были собраться на *конгрегацію въ Пинскѣ*. Пинская конгрегація дѣйствительно составила такого рода проектъ церковнаго устройства, основанный на самомъ широкомъ примѣненіи къ нему соборнаго начала, но проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Конституціонный сеймъ вызвалъ противъ себя Тарговицкую конфедерацію, прибѣгнувшую къ помощи Россіи. Россія, гарантировавшая прежнее устройство Рѣчи Посполитой, ввела въ Польшу свои войска. Послѣ этого быстро одинъ за другимъ послѣдовали *второй* (1793) *и третій* (1794 г.) *раздѣлы Польши* и всѣ древнерусскія, православныя земли, за исключеніемъ одной Галиціи, снова вошли въ составъ Россіи.

Возсоединеніе уніатовъ. При второмъ раздѣлѣ воротился въ свою епархію, теперь уже русскую, Викторъ и тотчасъ же долженъ былъ заняться дѣломъ возсоединенія уніатовъ. Прежнихъ стѣсненій для этого дѣла теперь уже не было, потому что ближайшее знакомство съ Польшей успѣло многое измѣнить въ отношеніяхъ правительства къ польской интеллигенціи. Въ 1794 г. изъ Петербурга пришелъ указъ съ полнымъ разрѣшеніемъ относительно присоединенія уніатовъ къ православію и съ запрещеніемъ только принудительныхъ къ тому мѣръ. Освободившійся отъ фанатическаго ига русскій народъ съ радостію откликнулся на призывъ родной церкви и въ такомъ множествѣ покидалъ унію, что къ концу царствованія число возсоединенныхъ простиралось до 2,000,000 душъ. Менѣе всего православіе имѣло успѣха въ Литвѣ и западной Бѣлоруссіи, гдѣ польскій элементъ былъ сильнѣе. Въ Бѣлоруссіи кромѣ того въ началѣ 1795 г. скончался главный дѣятель возсоединенія Георгій; преемникъ его, незнакомый съ краемъ, *Аѳанасій Вольховскій* никакъ не могъ его замѣнить, а между тѣмъ мѣстные паны и множество прибывшихъ въ Бѣлоруссію изъ югозападнаго края лишившихся приходовъ уніатскихъ священниковъ на каждомъ шагу представляли препятствія для его дѣятельности, возбуждая фанатизмъ среди уніатскаго населенія. Въ югозападномъ краѣ послѣ умаленія числа уніатовъ упразднены были всѣ ихъ епархіи, кромѣ бѣлорусской. Самъ уніатскій архіепископъ Лисовскій началъ очищеніе уніи отъ всѣхъ вошедшихъ въ нее латинскихъ особенностей и способствовалъ къ сближенію ея съ право-

славіемъ. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерина предприняла было намѣреніе сократить число уніатскихъ монастырей, составлявшихъ главную силу латинской партіи уніатовъ, но привести этого намѣренія въ исполненіе не успѣла.

Отношеніе правительства къ католичеству при Павлѣ I. Со вступленіемъ на престолъ имп Павла система отношеній къ католичеству, установившаяся при Екатеринѣ, стала быстро измѣняться. Повсюду видя колебаніе престоловъ отъ революціоннаго духа, императоръ легко поддался внушеніямъ латинской партіи, приписывавшей потрясеніе монархическаго начала въ Европѣ развитію невѣрія и указывавшей самую крѣпкую опору этого начала въ страждущей вмѣстѣ съ правительствами католической церкви. Живое участіе государя къ ея судьбѣ, симпатія къ французскимъ эмигрантамъ католикамъ, бѣжавшимъ въ Россію отъ французской революціи, участіе къ Польшѣ, которую онъ считалъ несправедливо обиженной при Екатеринѣ, приближеніе ко двору Сестренцевича (возведеннаго въ санъ митрополита) и польскихъ магнатовъ, покровительство католическому ордену мальтійскихъ рыцарей, въ которомъ государь мечталъ соединить всѣ лучшія и благороднѣйшія силы, чтобы во главѣ ихъ, въ качествѣ великаго магистра, идти на спасеніе Европы отъ революціи,— все это, какъ нельзя больше, способствовало латинской интригѣ, которая завязалась около русскаго престола и старалась уничтожить въ отношеніи къ Риму всѣ плоды государственной политики Екатерины. Сестренцевичъ впрочемъ и теперь неизмѣнно стоялъ за тотъ строй латинской церкви въ Россіи, какой былъ выработанъ при Екатеринѣ и который былъ такъ выгоденъ лично для него самого. Но іезуиты, искавшіе тогда у папы канонническаго признанія своего ордена и мечтавшіе объ особомъ генералѣ, который бы освободилъ ихъ отъ подчиненія Сестренцевичу, хлопотали о полномъ возстановленіи папской власти въ Россіи; съ ними заодно дѣйствовали мальтійскіе кавалеры, пользовавшіеся неограниченнымъ довѣріемъ императора и большею частію тоже состоявшіе въ іезуитскомъ орденѣ. Въ Россію дозволено было даже пріѣхать папскому нунцію, что уже прямо нарушало систему Екатерины и вело русско-латинскую церковь въ непосредственное подчиненіе папѣ. Римская партія совсѣмъ уже восторжествовала, какъ этотъ

самый нунцій *Липпа* испортилъ все ея дѣло; своей излишней ревностью о папской власти онъ навлекъ на себя такое негодованіе государя, что былъ высланъ изъ Петербурга въ 24 часа. Послѣ этого Сестренцевичъ получилъ всѣ права нунція и рескриптъ, объявлявшій его главою латинской церкви въ Россіи. Но непостижимые на интриги іезуиты не долго дали ему поторжествовать. Къ императору успѣлъ приблизиться одинъ изъ геніальнѣйшихъ и хитрѣйшихъ іезуитовъ, патеръ *Груберъ*; сдѣлавшись любимымъ собесѣдникомъ государя, онъ живо съумѣлъ подорвать его довѣріе къ митрополиту, внушая, что Сестренцевичъ сталъ слишкомъ независимъ и можетъ быть опасенъ даже для верховной власти. Внушенія эти кончились тѣмъ, что митрополитъ попалъ въ опалу и былъ уволенъ отъ каѳедры съ повелѣніемъ безвыходно проживать въ своихъ могилевскихъ помѣстьяхъ. По удаленіи этой помѣхи іезуиты окончательно утвердились въ Петербургѣ, завладѣли всѣми дѣлами латинской церкви, побудили императора выдать новый для нея регламентъ, по которому ея монашескіе ордена дѣлались совершенно независимыми отъ епархіальной власти, основали въ Петербургѣ свою коллегію, выпросили для себя значительное число имѣній и дозволеніе посылать на востокъ свои миссіи, наконецъ добились чрезъ императора у папы каноническаго возстановленія своего ордена.

При такомъ усиленіи католичества *дѣло возсоединенія уніатовъ* совсѣмъ остановилось. Притомъ же вслѣдствіе несчастнаго стремленія государя загладить обиды, нанесенныя полякамъ въ прежнее царствованіе, западный край въ короткое время снова очутился въ польскихъ рукахъ; паны вновь получили здѣсь свои конфискованныя земли; мѣстное чиновничество наполнилось или поляками или полонофилами. И вотъ изъ всѣхъ епархій опять пошли оттуда жалобы на совращенія въ унію, на отнятіе уніатами православныхъ церквей и изгнаніе изъ приходовъ православныхъ священниковъ. Мѣстныя власти нисколько не противодѣйствовали уніатскимъ насиліямъ и намѣренно волочили дѣла по жалобамъ православныхъ. А между тѣмъ вмѣсто ослабленнаго православія на счетъ уніи стало распространяться католичество. Само правительство помогло успѣхамъ латинской церкви, не признавая за уніатской церковью никакой самостоятельности и подчинивъ ее одному управленію съ латинской подъ вѣдомствомъ католической кол-

легіи, въ которой не было ниодного члена отъ уніатовъ. Наказывая совращавшихся въ католичество изъ православія, государь въ тоже время велѣлъ оставлять въ покоѣ совращавшихся въ католичество уніатовъ.

Мѣры противъ раскола. Въ отношеніи къ расколу начало свободы вѣры было провозглашено, какъ мы видѣли, еще при Петрѣ III. Въ 1762 г. императрица повторила его распоряженіе о вызовѣ раскольниковъ изъ-за границы. Было бы слишкомъ постыдно, заступаясь за польскихъ диссидентовъ, въ тоже время оставлять безъ вниманія огромную эмиграцію въ предѣлы той же Польши своихъ диссидентовъ. Изъ слободъ Стародубья переселялось множество раскольниковъ въ южно-русскій край на р. Ингулъ. Съ Вѣтки сначала переселенцевъ было мало; поэтому въ 1764 г. туда посланъ былъ съ командой генералъ *Масловъ* и захватилъ тамъ до 20,000 бѣглецовъ; одни изъ нихъ были отданы въ рекруты, другіе посланы на поселеніе въ Сибирь. Съ этого времени Вѣтка запустѣла; оставшіеся послѣ Маслова ея обитатели вмѣстѣ съ своею церковью и попами перешли въ Стародубье. Выходцы, ушедшіе съ Вѣтки раньше Масловскаго погрома, въ 1762 г. дали начало раскольнической колоніи на Иргизѣ, которая по своей вліятельности скоро стала наряду съ старыми центрами раскола, — Поморьемъ, Стародубьемъ и Керженцемъ; среди нея основались знаменитые *Иргизскіе скиты* съ богатыми часовнями и церквами. Внутри имперіи правительство до 1780-хъ годовъ мало занималось расколомъ и не предпринимало противъ него никакихъ новыхъ мѣръ, болѣе сообразныхъ съ новыми идеями вѣка. Мысль о свободѣ вѣры прилагалась къ расколу не столько положительно, сколько отрицательно, посредствомъ смотрѣнія на раскольническія суевѣрія сквозь пальцы. Пользуясь снисходительностію гражданскихъ властей, главныя секты раскола успѣли завести для себя крѣпкія средоточія въ самой Москвѣ. Во время язвы 1771 г. подъ видомъ карантина и кладбища для своихъ единовѣрцевъ безпоповцы ѳедосѣевцы основали здѣсь большую общину, *Преображенское кладбище*, которое подъ управленіемъ богатаго и дружнаго съ властями *Ильи Ковылина* достигло цвѣтущаго состоянія, сдѣлалось главою не только всей ѳедосѣевщины, но и другихъ безпоповскихъ обществъ, такъ что затмило даже поморскіе скиты. Въ тоже время и такимъ же образомъ возникло здѣсь поповское *Рогожское клад-*

бище, сдѣлавшееся средоточіемъ поповщины. Поморцы года черезъ три послѣ ѳедосѣевцевъ устроили себѣ въ Москвѣ *Покровскую часовню*. Въ 1790-хъ гг. завели себѣ московскую общину и фанатическіе филипповцы. Съ 1780-хъ гг. правительство уже открыто предоставляло раскольникамъ свободу вѣры, отмѣнило сбиравшійся съ нихъ двойной окладъ, дозволило прохожденіе общественныхъ должностей по выборамъ и запрещало всякія притѣсненія ихъ за вѣру. Особенно большой свободой пользовались раскольники, поселившіеся въ южномъ краѣ, подъ покровительствомъ благоволившаго къ нимъ Потемкина, который хотѣлъ выхлопотать имъ у правительства даже особаго епископа.— Духовная власть тоже ослабила противъ нихъ прежнюю строгость. Самая полемика противъ нихъ оставила свой прежній бранчивый тонъ и стала вразумлять ихъ болѣе кроткой рѣчью. Въ такомъ духѣ написано было изданное въ 1766 г. отъ имени св. Синода воззваніе къ раскольникамъ Платона. Изъ обличителей раскола особенно извѣстны: архіепископъ екатеринославскій, потомъ астраханскій *Никифоръ Ѳеотоки*, написавшій отвѣты на соловецкую челобитную и на 15 вопросовъ иргизскихъ раскольниковъ, обратившійся изъ раскола единовѣрческій протоіерей *Андрей Іоанновъ Журавлевъ*, составившій „Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ“, и другой такой же обратившійся къ единовѣрію раскольникъ *Сергій* настоятель и устроитель иргизскихъ скитовъ, написавшій „Зеркало для старообрядцевъ“.

Во внутренней жизни раскола на первомъ планѣ видимъ обычное *раздѣленіе между сектами*. Соборы раскольниковъ, которые, благодаря заведенію въ Москвѣ сильныхъ центровъ главныхъ сектъ и снисходительности властей, теперь собирались особенно часто, всѣ оканчивались усиленіемъ распрей между фанатиками. Безпоповщина преимущественно волновалась спорами о бракѣ и объ отношеніяхъ къ верховной власти. Послѣдній вопросъ повелъ къ выдѣленію изъ нея самаго крайняго толка, *бѣгуновъ* или странниковъ, совершенно отрекшихся отъ государства, какъ царства антихристова, отвергавшихъ всѣ власти, законы, осѣдлость, семейную жизнь, запись въ книги, паспорты, даже деньги, и проповѣдовавшихъ вѣчное бродяжничество и укрывательство отъ государственной власти. Поповщина занялась вопросомъ объ очищеніи отъ Никоновской скверны

принимаемыхъ ею бѣглыхъ поповъ чрезъ новое мѵропомазаніе, для котораго рогожскіе попы сварили уже и мѵро (1777 г.); мѵро это подняло бурный споръ между поповцами, для рѣшенія котораго въ 1779 г. они держали соборъ въ Москвѣ, кончившійся полнымъ разрывомъ рогожцевъ съ стародубцами. Подобные споры заставляли раскольниковъ все живѣе чувствовать потребность въ правильной іерархіи. Какъ и прежде, они дѣлали нѣсколько попытокъ добыть себѣ архіерея на востокѣ, однажды призывали къ себѣ даже св. Тихона изъ Задонскаго монастыря. Съ одной стороны тщетность подобныхъ попытокъ, съ другой смягченіе отношеній къ расколу правительства и церкви довели наконецъ болѣе благомыслящихъ раскольниковъ до мысли о примиреніи съ церковію на началахъ единовѣрія.

Начало единовѣрія. Первыми дѣятелями въ развитіи этой мысли были стародубскій монахъ *Никодимъ* и иргизскій Сергій, участвовавшіе во всѣхъ раскольническихъ движеніяхъ послѣдняго времени и вынесшіе изъ нихъ тяжелое разочарованіе въ правотѣ своего отдѣленія отъ церкви. Съ согласія стародубской братіи Никодимъ началъ сношенія объ единовѣріи съ представителями іерархіи, Гавріиломъ и Платономъ, ѣздилъ по этому дѣлу въ Москву и Петербургъ, представлялся даже самой императрицѣ. Результатомъ его хлопотъ было то, что въ 1784 г. вышелъ указъ о дарованіи старообрядцамъ южнаго края священниковъ и о дозволеніи имъ отправлять службу по ихъ старымъ обрядамъ. Особаго епископа св. Синодъ дать имъ не разсудилъ и причислилъ ихъ къ епархіи екатеринославской. Послѣ этого въ Стародубьи и Новороссіи открыто было 12 единовѣрческихъ церквей, а въ 1791 г. даже особый монастырь, Корсунскій. Для утвержденія единовѣрія м. Гавріилъ послалъ въ южный край протоіерея Андрея Іоаннова. Въ астраханской епархіи, возбужденный бесѣдами Никифора Ѳеотоки, иргизскій настоятель Сергій сдѣлался поборникомъ единовѣрія среди иргизскихъ скитовъ, но не имѣлъ успѣха вслѣдствіе крайняго невѣжества и фанатизма скитскихъ обитателей, много отъ нихъ пострадалъ и, спасая свою жизнь, вмѣстѣ съ единомысленными людьми, долженъ былъ самъ выселиться въ Новороссійскій край. Въ концѣ XVIII столѣтія обратилось къ единовѣрію до 1000 человѣкъ въ нижегородской епархіи. Наконецъ съ просьбой о дарованіи законныхъ священниковъ обратились къ

м. Платону поповцы Рогожскаго кладбища. По этому поводу митрополитъ составилъ правила единовѣрія утвержденныя въ 1800 г. св. Синодомъ, послѣ чего дѣло единовѣрія было упрочено окончательно.

Духоборцы и молокане. Мы видѣли, что южная украйна была притономъ не одного раскола старообрядчества, что въ половинѣ XVIII столѣтія здѣсь же открылось сильное броженіе мистико-раціоналистическихъ идей, сформировавшихся въ ересь духоборцевъ. При Екатеринѣ эта ересь развила такую пропаганду, что при всей своей вѣротерпимости правительство должно было прибѣгнуть противъ нея къ мѣрамъ строгости, указавъ ссылать духоборцевъ изъ южнаго края въ Колу. Послѣ Колесникова пропагандой этой занимались въ южномъ краѣ его сыновья. Отсюда ересь перешла въ тамбовскій край, гдѣ проповѣдниками ея были однодворецъ *Побирохинъ* и бѣглый солдатъ *Капустинъ*. Слишкомъ рѣзкое отрицаніе авторитета св. Писанія, господствовавшее въ духоборствѣ, возмущало нѣкоторыхъ изъ самихъ еретиковъ и повело къ разложенію ихъ общества. Въ тамбовскомъ краѣ отъ духоборцевъ отдѣлился зять Побирохина, большой начетчикъ Писанія, портной *Семенъ Уклеинъ* и сдѣлался главою особаго толка, извѣстнаго подъ именемъ молоканства. Не признавая подобно духоборцамъ никакой церковной внѣшности, іерархіи, таинствъ и обрядовъ и проповѣдуя поклоненіе Богу однимъ духомъ, молокане отступили отъ духоборцевъ въ ученіи объ авторитетѣ письменнаго откровенія, признавъ его обязательность для христіанъ даже въ ветхозавѣтныхъ обрядовыхъ предписаніяхъ, наприм. о запрещенныхъ въ пищу животныхъ. Въ догматическомъ ученіи они не признавали равенства лицъ св. Троицы; вѣруя въ историческаго Христа, приписывали Ему не дѣйствительную плоть, а мнимую, отъ того рожденіе, страданіе и смерть Его признали тоже недѣйствительными; воскресеніе мертвыхъ, по ихъ ученію, будетъ духовное, а не плотское. Въ практикѣ во имя евангельской свободы они дошли до отрицанія всякихъ властей и законовъ, признавъ ихъ нужными лишь для сыновъ мира, а не для христіанъ, которые не суть отъ міра: христіане должны избѣгать рабства помѣщикамъ, всякой службы, присяги, участія въ войнѣ, какъ недозволенныхъ Писаніемъ. Сначала Уклеинъ сталъ было проповѣдовать свое ученіе открыто и торжественно, но попалъ за это въ тамбовскую

тюрьму, послѣ чего, выпущенный на волю, сталъ осторожнѣе. Онъ успѣлъ распространить свою ересь по тамбовской, воронежской, саратовской, екатеринославской и астраханской губерніямъ, на Дону и на Кавказѣ, а ученики его занесли свои вѣрованія во внутреннія губерніи и въ Сибирь. Послѣ заключенія Уклеина въ тамбовской тюрьмѣ тайна сдѣлалась общей чертой молоканства; послѣдователи его приняли за правило скрывать свои убѣжденія подъ личиной самаго строгаго соблюденія всѣхъ наружныхъ обрядовъ православной церкви.

Хлысты и скопцы. Какъ изъ духоборчества выродилось молоканство, такъ изъ хлыстовщины выдѣлилось скопчество. Послѣ смерти христа Андрея Петрова рядъ хлыстовскихъ воплощеній Христа прекратился; вожди ереси стали называться только пророками и пророчицами. Идея Христа сосредоточилась на послѣднемъ Его воплощеніи, на личности имп. Петра III, котораго еретики считали живымъ; въ его лицѣ стали ждать и втораго пришествія Христа на страшный судъ. Съ его же личности начинаютъ развитіе своего ученія и скопцы. Ученіе о скопчествѣ первый сталъ проповѣдовать одинъ изъ хлыстовъ, орловскій крестьянинъ *Кондратій Селивановъ*, будучи возмущенъ сильнымъ распространеніемъ среди хлыстовъ разврата. Отдѣлившись отъ хлыстовства, онъ завелъ въ с Сосновкѣ свой особый корабль и объявилъ себя сыномъ Божіимъ искупителемъ (оскопителемъ), который пришелъ спасти родъ человѣческій отъ лѣпости (сладострастія), сокрушать душепагубнаго змія (т. е. оскоплять), ввести въ міръ огненное крещеніе. Пойманный правительствомъ, онъ былъ наказанъ за оскопленіе многихъ жертвъ его изувѣрства кнутомъ и сосланъ въ иркутскую губернію; на дорогѣ встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго тогда везли въ Москву, и по примѣру его самъ сталъ называть себя Петромъ III, сыномъ истинной богородицы приснодѣвы Елизаветы Петровны; личность имп. Елизаветы потомъ слилась у скопцевъ съ личностью хлыстовской богородицы *Акулины Ивановны*, которая одна изъ первыхъ хлыстовокъ пристала къ Селиванову и признала его своимъ сыномъ. Онъ успѣлъ широко распространить скопчество и на мѣстѣ своей ссылки, а ученики его продолжали его „святое дѣло“ въ тамбовской и рязанской губерніяхъ. Павелъ I по восшествіи своемъ на престолъ вызвалъ этого новаго Петра III изъ ссылки въ

Петербургъ и послѣ короткой бесѣды съ нимъ, во время которой Кондратій обѣщалъ признать императора сыномъ своимъ, если онъ приметъ скопчество, послалъ его, какъ сумасшедшаго, въ богадѣльню; скопцы, разумѣется, поспѣшили взять его оттуда на поруки, послѣ чего въ слѣдующее кроткое царствованіе имп. Александра I онъ успѣлъ на свободѣ крѣпко утвердить свою уголовную ересь въ самомъ Петербургѣ —Въ ученіи и обрядности скопцы по всему сохранили сходство съ хлыстами. Вслѣдствіе крайней возмутительности ихъ ученія объ оскопленіи они должны были окружить себя еще большей тайной, чѣмъ хлысты и молокане, еще искуснѣе послѣднихъ прикидываясь прав. христіанами. Селивановъ умеръ въ 1832 г. въ Суздалѣ, но скопцы все-таки продолжаютъ вѣрить, что ихъ искупитель живъ въ иркутской сторонѣ и придетъ оттуда со славою и съ полками послѣдователей въ Петербургъ творить страшный судъ, послѣ котораго настанетъ вѣчное царство скопцовъ.

Народныя суевѣрія. Еще чаще, чѣмъ съ расколомъ и ересями, правительству и церкви приходилось сталкиваться съ народными суевѣріями, которыя и теперь, какъ во время Петра Великаго, составляли „зло общее, обрѣтавшееся во всѣхъ людяхъ". Современная сатирическая литература, бичуя суевѣріе, рисовала типы Ханжихиныхъ, Чудихиныхъ, Простаковыхъ и Суевѣровыхъ изъ жизни не одного простаго народа, но также изъ жизни дворянства. Въ барскихъ домахъ нерѣдко можно было встрѣчать разныхъ приживалокъ, которыя толковали хозяевамъ сны и примѣты, гадали по картамъ и на кофейной гущѣ, лечили заговорами и разными снадобьями болѣзни, унимали домовыхъ, спасали отъ порчи и проч. Просыпанная соль, крикъ вороны, третья свѣча на столѣ и т. п. были источникомъ жестокихъ нравственныхъ мученій благороднаго семейства. О простомъ народѣ нечего и говорить; въ головѣ его цѣликомъ сидѣла чуть не вся его древняя миѳологія. По селамъ и деревнямъ встрѣчались десятки кликушъ и колдуновъ, бродили разные странники и странницы съ нелѣпыми росказнями. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины противъ суевѣрій дѣйствовали прежнія мѣры, установившіяся еще при Петрѣ Великомъ, съ небольшими лишь смягченіями въ практикѣ наказаній. Правительство впрочемъ еще въ 1762 г. выдало указъ осторожнѣе употреблять въ дѣлахъ суевѣрія пытку.

Наконецъ Наказъ ясно выразилъ новый правительственный взглядъ на эти дѣла, рекомендуя судьямъ относиться къ нимъ съ большою осторожностію: „обвиненіе въ волшебствѣ и еретичествѣ, говорилось здѣсь, можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо, какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію, воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества". Не довѣряя въ этого рода судебныхъ процессахъ религіозной точкѣ зрѣнія, императрица въ 1775 г. предоставила дѣла о кликушахъ и колдовствѣ свѣтскому совѣстному суду; распоряженіе это усилено въ 1782 г. уставомъ управы благочинія, по которому всѣ вообще виды суевѣрія, равно какъ хулы и споры противъ вѣры, отнесены къ вѣдомству полиціи и свѣтскаго суда. Практика этихъ свѣтскихъ судовъ впрочемъ тоже далеко не соотвѣтствовала идеямъ правительства и вызывала съ его стороны разныя болѣе или менѣе строгія внушенія. Дѣла о суевѣріяхъ возникали обыкновенно среди невѣжественной массы всегда по самымъ пустымъ подозрѣніямъ и прежде всего попадали въ руки сельскихъ властей, которыя всячески изтязали заподозрѣнныхъ колдуновъ, затѣмъ представляли ихъ въ неменѣе невѣжественный уѣздный судъ или магистратъ; эти производили надъ колодниками новыя изтязанія; наконецъ дѣло представлялось уже въ Сенатъ или совѣстный судъ, гдѣ и оканчивалось наконецъ освобожденіемъ измученныхъ жертвъ и выговоромъ судьямъ. Въ 1770 г. въ яренгскомъ уѣздѣ три бабы кликали на четверыхъ мужиковъ въ порчѣ посредствомъ напусканія по вѣтру какихъ-то дьявольскихъ червяковъ; оговоренныхъ долго изтязали сначала сельскія власти, потомъ яренгская воеводская канцелярія, затѣмъ устюжская консисторія и провинціальная канцелярія, наконецъ отправили въ Сенатъ вмѣстѣ съ поличнымъ,—съ червяками; Сенатъ нашелъ ихъ невинными и отпустилъ домой, вмѣсто дьявольскихъ червяковъ увидалъ простыхъ сушеныхъ мухъ и публиковалъ по всей Россіи длинный обличительный указъ противъ глупыхъ судей, которые могутъ вѣрить всякимъ враками, угораздились начать слѣдствіе съ оговоренныхъ, а не съ самихъ кликушъ, очевидно злостныхъ клеветницъ, и

только поддерживаютъ суевѣріе народа. Воеводу съ товарищемъ и секретаремъ велѣно лишить права занимать какія бы то ни было должности; старостъ и сотскихъ наказать батожьемъ и тоже къ дѣламъ не опредѣлять; кликушъ высѣчь публично на мірскомъ сходѣ. Къ кликушамъ правительство относилось вообще строже, чѣмъ къ колдунамъ; въ первыхъ оно видѣло злонамѣренныхъ обманщицъ, а послѣднихъ считало только глупыми и сумасшедшими людьми и послѣ суда отпускало ихъ большею частію съ однимъ внушеніемъ, чтобы они не распространяли больше суевѣрій и сами не вѣрили въ невозможное.

Духовная власть съ своей стороны для искорененія суевѣрій запрещала духовенству совершать службы у невѣдомыхъ гробовъ и несвидѣтельствованныхъ чудотворныхъ иконъ, отчитывать бѣсноватыхъ, разглашать чудеса и проч. Благочинническая инструкція Платона почти дословно повторила о суевѣріяхъ пункты Д. Регламента. Предметы суевѣрнаго чествованія старались удалять съ глазъ народа. Старались также прекращать суевѣрные обряды, напоминавшіе языческую старину; такъ, св. Тихонъ своимъ вліяніемъ успѣлъ пресѣчь въ Воронежѣ празднованіе Ярилѣ. Церковная проповѣдь тоже постоянно ратовала противъ суевѣрій; изъ обличителей ихъ извѣстны: св. Тихонъ, Амвросій Подобѣдовъ, Дамаскинъ нижегородскій и м. Платонъ. Кромѣ суевѣрій въ тѣсномъ смыслѣ, они постоянно касались въ своихъ обличеніяхъ извѣстнаго обрядоваго склада народной религіозности, который тоже весьма близко граничилъ съ суевѣріемъ. — Главнымъ средствомъ противъ всѣхъ суевѣрій и расколовъ правительство и общество признавали мѣры просвѣтительныя, церковную проповѣдь, литературу, въ которой осмѣяніе суевѣрій сдѣлалось тогда самымъ любимымъ мотивомъ, и воспитаніе, долженствовавшее, по мысли вѣка, создать совершенно новую породу людей.

Распространеніе идей французской философіи. Но таковъ былъ вѣкъ, что, освобождаясь отъ одного зла, человѣкъ втягивался въ другое, освобождаясь отъ суевѣрій и обрядовой религіозности, заражался духомъ невѣрія, которымъ запечатлѣно было все тогдашнее просвѣщеніе. Явленіе это было не новое, замѣчалось и прежде, съ очень давняго времени, но теперь новы были размѣры, въ которыхъ оно стало обнаруживаться. Характеръ религіозности русскаго человѣка, степень ея разумности и нравственной

силы оставались почти тѣже, а между тѣмъ средства къ усвоенію новыхъ философскихъ идей усилились несравненно болѣе прежняго, потому что философіи стало покровительствовать само правительство.

Самымъ могущественнымъ изъ этихъ средствъ было *воспитаніе*, о которомъ такъ много тогда толковали и которое все построевалось въ новомъ философскомъ духѣ. Мы видѣли, что въ воспитатели самого наслѣдника престола Екатерина вызывала д'Аламбера; для воспитанія в. князей Александра и Константина выписанъ былъ *Лагарпъ*. Въ школахъ преподаваніе закона Божія было значительно стѣснено изъ опасенія, какъ бы не заразить учениковъ суевѣріемъ; законоучителю между прочимъ не рекомендовалось читать страшныхъ разсказовъ изъ в. Завѣта, говорить о чудесахъ, о страшномъ судѣ и о вѣчныхъ мукахъ. Въ современныхъ проектахъ и уставахъ учебныхъ заведеній предписывалось преимущественно внушать воспитанникамъ правила естественной религіи сердца и гуманной морали (въ духѣ Ж. Ж. Руссо), а не положительное вѣроученіе и нравоученіе православія, и слишкомъ настойчиво толковалось о развитіи духа терпимости, ничѣмъ тогда не отличавшейся отъ чистаго индефферентизма. Въ многочисленныхъ частныхъ пансіонахъ, заводившихся большею частію иностранцами, на изученіе закона Божія вовсе не обращали вниманія. Домашнее образованіе въ этомъ отношеніи бывало еще хуже, находясь въ рукахъ разныхъ французскихъ гувернеровъ; невѣжественные кучера, парикмахеры и т. п. люди, надъ которыми потѣшалась тогдашняя сатира, между ними были еще менѣе опасны для религіи, чѣмъ гувернеры изъ французскихъ дворянъ эмигрантовъ,—это были уже люди изъ такъ называемаго образованнаго класса, слѣдовательно непремѣнно философы, считали первымъ долгомъ внушать своимъ воспитанникамъ да кстати и ихъ родителямъ, что религія для образованнаго человѣка не нужна, что вѣра въ Бога и Христа есть признакъ невѣжества и проч. Нѣкоторые родители сами по принципу не давали религіознаго воспитанія дѣтямъ, запрещали въ своемъ домѣ даже говорить о вѣрѣ, а духовенство не пускали и на порогъ. Французское воспитаніе нерѣдко лишало русскаго человѣка самой возможности познакомиться съ православною вѣрою, съ дѣтства лишивъ его знанія роднаго русскаго языка, такъ что, если онъ потомъ вслѣд-

ствіе какой нибудь случайности и обращался къ религіи, то не могъ понимать ни церковной службы, ни русскихъ религіозныхъ книгъ, ни русскаго духовенства, а потому долженъ былъ прибѣгать для знакомства съ нѣрою къ книгамъ французскимъ или къ какому нибудь іезуиту и обращался не въ православіе, а въ католичество. Послѣ первоначальнаго обученія въ Россіи русскій юноша ѣхалъ обыкновенно за границу, гдѣ довершалъ свое атеистическое образованіе личнымъ знакомствомъ съ философами и съ модными безрелигіознымъ обществомъ. Многіе пріѣзжали домой круглыми невѣждами въ родѣ Ивана въ „Бригадирѣ“ Фонъ-Визина, но и такіе люди, если не осиливали дѣйствительнаго философскаго образованія, зато отлично усвоивали его направленіе, которое, какъ и всякое вообще направленіе, легко дается каждой, даже очень слабой головѣ. *Путешествіе за границу* при Екатеринѣ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ обязательной моды, причемъ путешественникъ считалъ непремѣннымъ долгомъ поклониться философамъ, особенно съѣздить въ Ферней—этотъ Римъ вольнодумства, чтобы принести поклоненіе тамошнему папѣ—Вольтеру. Это личное знакомство съ философами многіе изъ русскихъ вельможъ по примѣру Екатерины усердно поддерживали перепиской съ ними, наприм. Бецкій, Шуваловъ, Голицынъ, Дашковъ, Орловъ, Разумовскій.

Сильнымъ средствомъ къ распространенію религіознаго вольнодумства служила также *литтература*. Въ Россіи свободно продавали всякія сочиненія модныхъ французскихъ авторовъ. Чтеніе ихъ среди дворянства поощряла сама Екатерина. Для тѣхъ, которые не могли читать ихъ въ подлинникѣ, обильную философскую пищу предлагала литтература переводная, которая спеціально занялась пропагандой западныхъ философскихъ идей и заключала въ себѣ до 60 названій однихъ сочиненій Вольтера. При академіи наукъ въ 1762 г. учрежденъ даже особый переводный департаментъ, которому на переводы отпускалось по 5000 р. Цензуры до 1785 г. почти не было; книги разсматривались полиціей и до того небрежно, что на свѣтъ свободно являлись даже такія изъ нихъ, которыя не нравились самому правительству. Многочисленныя типографіи печатали книги иногда и безъ всякаго разрѣшенія; такъ прошла новымъ изданіемъ запрещенная еще при Елизаветѣ книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“. Если

сочиненіе уже вовсе нельзя было печатать въ русскомъ переводѣ, оно распространялось въ рукописяхъ и въ этомъ видѣ составляло еще болѣе заманчивое чтеніе.—Направленію иностранной литературы подражала и русская, проводя по возможности однѣ и тѣже идеи. Толковали о вѣротерпимости въ извѣстномъ смыслѣ индефферентизма; всѣ догматическія ученія и споры осуждались и осмѣивались, причемъ вся религія сводилась или на чистый деизмъ, или даже на одну мораль О христіанствѣ рѣдко упоминалось,—говорили только о религіи вообще или о „законѣ“, подъ которымъ одинаково разумѣли и православіе, и магометанство, и язычество. Атеистическихъ убѣжденій русскіе писатели не высказывали, но религіи тѣмъ не менѣе постоянно придавали одно историческое значеніе, какъ проявленію народнаго „умоначертанія“. Точно также литература избѣгала положеній чистаго матеріализма, которыхъ впрочемъ избѣгалъ и самъ Вольтеръ, но все-таки нерѣдко любила представлять картины безцѣльности и безсмысленности жизни, которыя обнаруживали невѣріе въ Промыслъ и въ христіанское ученіе о конечныхъ причинахъ; такова извѣстная картина, которую во дни молодости изобразилъ Фонъ-Визинъ въ „Посланіи къ слугамъ“. Встрѣчаемъ выходки противъ вѣры въ будущую жизнь, намеки на то, что человѣкъ есть такой же продуктъ природы, какъ и все живое на землѣ и т. п. Самая мораль, которою думали замѣнить религію, сводилась на правила одного естественнаго закона, и то не совсѣмъ чистыя и далеко не возвышенныя; отрицалась любовь ко врагамъ, какъ добродѣтель противоестественная и даже противонравственная, ведущая къ безнаказанности дурныхъ людей и къ умноженію пороковъ и зла, отрицалось умерщвленіе плоти и страстей; за недостаткомъ высшихъ цѣлей вся добродѣтель сводилась къ цѣлямъ утилитарнымъ, построевалась на представленіи ея пользы и вредныхъ результатовъ порока.

Не касаясь другихъ произведеній литературы, укажемъ на *труды историческіе*. Служители безпристрастной исторіи тоже невольно покланялись идоламъ вѣка. Первое мѣсто между тогдашними историками занимаютъ *Щербатовъ* и *Болтинъ*, люди разныхъ направленій, одинъ недовольный новыми порядками во имя допетровской старины, другой—поклонникъ Вольтера и Бэля, недовольный новымъ временемъ за то, что оно еще плохо усвоило новую фило-

софію. При всемъ различіи своихъ направленій они однако близко сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на религію и церковь, различаясь лишь степенью рѣзкости этихъ воззрѣній, цѣликомъ построенныхъ на извѣстной политической точкѣ зрѣнія. Щербатовъ нигдѣ не опускаетъ случая поговорить о томъ, какъ политики должны пользоваться народнымъ умоначертаніемъ, какъ хорошо поступали нѣкоторые наши князья, обуздывая властолюбіе духовенства и употребляя народную набожность орудіемъ для политическихъ цѣлей, какъ напротивъ другіе ко вреду государства сами предавались излишней набожности, какъ религія выручала народъ изъ бѣдъ, одушевляя его мужествомъ, и наоборотъ, какъ много приносила вреда, наводя на него малодушіе мыслью о гнѣвѣ Божіемъ въ бѣдахъ или слишкомъ много отклоняя его отъ попеченія о земныхъ благахъ. Болтинъ идетъ далѣе, наприм. упрекаетъ самого Щербатова въ суевѣріи за одно то, что этотъ, хотя и не вѣрилъ чудесамъ, о которыхъ говорится въ лѣтописяхъ, все-таки считалъ нужнымъ упоминать объ нихъ въ своей исторіи. Къ числу суевѣрій Болтинъ относитъ и такія проявленія благочестія, какъ напр. молитву предъ вкушеніемъ пищи и при входѣ въ домъ, частое крестное знаменіе, посты. Древнюю Русь онъ представляетъ временемъ невѣжества и религіозныхъ обмановъ; но въ тоже время, стараясь восхвалить нашихъ древнихъ князей и царей, приписываетъ имъ всѣ свойства людей XVIII в., вѣротерпимость, презрѣніе къ суевѣріямъ, стремленіе къ ослабленію духовенства и проч. Въ то время, какъ Щербатовъ нерѣдко хвалитъ представителей іерархіи за ихъ содѣйствіе князьямъ и считаетъ духовенство во всякомъ случаѣ важною государственною силою, которую совсѣмъ обезсиливать не слѣдуетъ, возстаетъ даже противъ отнятія у него имѣній безъ вознагражденія, Болтинъ смотритъ на іерархію исключительно, какъ на злую силу исторіи, причину невѣжества народа и слабости государства; чѣмъ духовенство, по его мнѣнію, сильнѣе и просвѣщеннѣе, тѣмъ хуже и для народа и для государства, и нужно благодарить Бога, что наше духовенство было всегда невѣжественно. Такія же мысли попадаются и въ др. историческихъ сочиненіяхъ того времени (Эмина, Елагина и самой Екатерины).

Вольнодумство въ жизни самою обществa проявлялось еще рѣзче, чѣмъ въ литературѣ, хотя, можетъ быть, и въ

менѣе солидной формѣ. Крайнее кощунство и задорныя выходки противъ предметовъ вѣры считались яснымъ признакомъ образованнаго человѣка. Не быть вольнодумцемъ значило быть отсталымъ суевѣромъ, фанатикомъ, почти сумасшедшимъ. Философы общества слыли обыкновенно вольтерьянцами, потому что Вольтеръ дѣйствительно былъ главнымъ ихъ учителемъ, но послѣдователями его въ строгомъ смыслѣ они не были. При всей легкости своей мысли знаменитый французъ былъ все-таки представителемъ извѣстной системы; нашъ русскій философъ этой системы обыкновенно не улавливалъ, увлекаясь одной острой и ядовитой манерой рѣчи своего учителя, учился у него кощунничать вообще, не разбирая самихъ предметовъ своего отрицанія; въ результатѣ выходило что-то необыкновенно пестрое, несвязное, но въ высшей степени задорное, раздражающее и умъ и сердце. Какъ и прежде, вольнодумство не было плодомъ серьезныхъ мыслей о религіи, было просто безсмысленнымъ цовѣтріемъ, но тѣмъ не менѣе было чрезвычайно сильно и распространенно. Оно увлекало даже такихъ людей, которые по своему характеру вовсе были къ нему неспособны, какъ это видимъ наприм. изъ автобіографій *Болотова*, *Лопухина* и *Елагина*, тѣмъ болѣе, что общество наше доселѣ отличалось крайнимъ религіознымъ невѣжествомъ и, какъ на рѣдкость, могло указать въ своей средѣ на человѣка, который бы способенъ былъ дать нѣсколько ясное понятіе, что значитъ слово Богъ. Фонъ-Визинъ разсказываетъ про какого-то графа, человѣка весьма ограниченнаго, но успѣвшаго своимъ кощунствомъ въ кружкахъ молодежи надѣлать не меньше зла въ Россіи, чѣмъ самъ Вольтеръ. Первое поколѣніе, при которомъ началось царствованіе Екатерины, было еще не совсѣмъ твердо въ своемъ вольнодумствѣ, помнило еще религіозныя преданія своего дѣтства и какъ легко переходило къ вольтерьянству, также легко могло снова возвращаться къ покинутымъ вѣрованіямъ, что нерѣдко и случалось съ его представителями, особенно если ихъ постигало несчастіе, болѣзнь, или въ старости, когда впереди начиналъ ясно виднѣться край гробоваго покрова. Но слѣдующія поколѣнія, воспитавшіяся уже среди философскаго движенія, почти вовсе не имѣли органа религіозности, такъ и умирали съ хулами на религію. При имп. Александрѣ I по барскимъ усадьбамъ во всѣхъ концахъ Россіи можно было во множествѣ встрѣчать этихъ баръ

Екатерининскаго времени, наводившихъ своимъ безбожіемъ истинный ужасъ на всѣхъ жителей своего околодка.—Изъ дворянскаго класса вольтерьянство проникало и въ низшіе классы чиновниковъ, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ и прислуги, потому что проповѣдь его была совершенно открытая. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, какъ два унтеръ-офицера спорили о томъ, что Бога нѣтъ; они слышали объ этомъ отъ синодальнаго оберъ-прокурора Чебышева, который толковалъ объ этомъ во всеуслышаніе на гостиномъ дворѣ.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, вольнодумство общества всего обычнѣе выражалось въ *нравственной распущенности*. Вѣкъ Екатерины оставилъ по себѣ память, какъ вѣкъ непрерывныхъ праздниковъ, пышныхъ баловъ, дорогихъ обѣдовъ, изумительной роскоши, на которую проматывались громадныя состоянія и передъ которой роскошь временъ Елизаветы совершенно стушевывалась. Жизнь образованнаго общества представляла изъ себя что-то въ родѣ пира Валтасара, гдѣ оно прокучивало всѣ свои и матеріальныя и нравственныя силы. И въ обществѣ и въ семьѣ царилъ жесткій эгоизмъ, который открыто проповѣдовала философія „здраваго смысла“. Семейныя узы были оборваны самымъ грубымъ образомъ. Какой нибудь Фонъ-Визиновскій Иванъ, наслушавшись современныхъ поклонниковъ натуры, толковалъ своему отцу, что не обязанъ его респектовать, потому что всѣ животныя не имѣютъ такого правила и щенокъ не респектуетъ того пса, который былъ его отцемъ, готовъ былъ даже вытянуть своего отца на барьеръ, потому что такой случай былъ разъ въ Парижѣ, а онъ развѣ скотъ, что не послѣдуетъ тому, что хотя разъ случилось въ Парижѣ? Супружеская вѣрность считалась явленіемъ чрезвычайно смѣшнымъ, смѣшнѣе котораго могла быть развѣ еще ревность. Развратъ являлся на свѣтъ безъ стыда, какъ требованіе природы, которая никогда не грѣшитъ и вѣрна своимъ законамъ. Любовь понималась исключительно въ чувственномъ смыслѣ и обожалась въ этомъ смыслѣ столько же, какъ нѣкогда въ средніе вѣка идеальная, поэтическая любовь рыцарей. Стыдиться разврата было нечего и потому, что въ образцовой странѣ, въ самой Франціи, въ лицѣ королевскихъ любовницъ онъ не только не возбуждалъ стыда, но былъ даже культомъ, предъ которымъ преклонялись всѣ другія дамы двора, всѣ представители знати, даже епископы и кардиналы При легкомъ взглядѣ на

бракъ размножились браки незаконные, при живыхъ супругахъ или въ близкихъ степеняхъ родства, жизнь супруговъ въ раздѣлѣ, похищенія женщинъ и разводы. Сатирическая литтература и Щербатовъ въ сочиненіи „О повреженіи нравовъ въ Россіи“ оставили намъ самыя мрачныя картины общественныхъ нравовъ.

Реакція вольнодумству со стороны общества. Такое крайнее направленіе общественной жизни не могло не вызвать противъ себя реакціи. Въ средѣ самихъ вольнодумцевъ было много людей, которые пристали къ ней единственно по увлеченію и при первомъ движеніи искренняго чувства снова обращались на путь истинный, какъ напр. Болотовъ, Елагинъ, Лопухинъ, Фонъ-Визинъ и др. Реакціи религіозной въ обществѣ много помогла реакція національно-патріотическая, возставшая противъ излишняго подражанія западу. Время Екатерины, время славы русскаго оружія и внѣшняго возвышенія Россіи, сопровождалось сильнымъ пробужденіемъ русскаго патріотизма. Каррикатурное перениманіе чужихъ нравовъ и обычаевъ, слѣпое поклоненіе Франціи, французское воспитаніе русскихъ юношей и дѣвицъ,—всѣ эти антинаціональныя явленія сдѣлались предметомъ рѣзкихъ обличеній и горькихъ сѣтованій, причемъ симпатіи обличителей естественно склонялись къ національной старинѣ и невольно ее идеализировали; патріоты стали восхвалять простоту и чистоту ея нравовъ, разныя добрыя качества старинныхъ людей и между прочимъ ихъ религіозность, потому что безъ этой черты русскую старину нельзя было и мыслить. Такъ, общество само старалось врачевать себя отъ французской заразы, найдя противъ нея сильное національное противоядіе

Масонство. Весьма сильное противодѣйствіе среди русскаго общества вольнодумство встрѣтило себѣ въ масонствѣ, которое развивалось у насъ совершенно въ параллель вольтерьянству. Масонскія ложи были у насъ еще въ царствованіе Елизаветы. При Екатеринѣ масоны насчитывали въ своихъ рядахъ множество именъ изъ круга лучшихъ представителей русскаго образованія и оказали большое вліяніе на жизнь общества, особенно благодаря дѣятельности извѣстнаго издателя журналовъ *Новикова* и профессора *Шварца*. Религіозное направленіе лекцій Шварца благотворно дѣйствовало на публику, предохраняя ее отъ моднаго невѣрія и возбуждая серьезныя думы о свящ. предметахъ. Нови-

ковъ, взявъ на откупъ университетскую типографію, распространялъ религіозныя идеи посредствомъ изданія книгъ и мистическихъ журналовъ (Утренній Свѣтъ, Вечерняя Заря, Покоющійся Трудолюбецъ), посредствомъ развитія книжной торговли и безплатной публичной библіотеки. Изъ близкихъ къ нимъ лицъ въ 1782 г. образовалось Дружеское ученое общество, преобразовавшееся потомъ въ Типографическую компанію, которая задалась обширной просвѣтительной и благотворительной программой. Въ короткое время компанія выпустила множество книгъ противъ вольнодумства по самой удешевленной цѣнѣ, въ разныя учебныя заведенія разсылала ихъ даже даромъ, кромѣ того заводила на свой счетъ школы и больницы, покровительствовала молодымъ талантамъ и занималась обширной благотворительной дѣятельностію. Къ сожалѣнію масонство само расходилось съ церковію, хотя сами франкмасоны не сознавали этого ясно. „Вольные каменщики“ (какъ они назывались порусски) строили новый храмъ Божеству на основахъ не христіанства, а деизма; это былъ храмъ мистическаго сліянія съ Божествомъ въ высшей мудрости и нравственности, чуждый всякихъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и государственныхъ ограниченій и различій, храмъ самой широкой терпимости и гуманности. Масоны горячо ратовали противъ французскаго атеизма и матеріализма, но они ничего существеннаго не имѣли противъ философовъ деистовъ и даже сами издавали ихъ сочиненія въ своей типографіи. Они были въ дружбѣ съ духовенствомъ, Платонъ былъ даже сдѣланъ покровителемъ Дружескаго общества, но церковь все-таки не могла признать ихъ своими, хотя противъ нихъ и не высказывалась. Главное противодѣйствіе масонству открылось не съ ея стороны, а со стороны господствовавшаго философскаго направленія. Сухая, отрицательная, чисто разсудочная философія XVIII в. сама по себѣ была уже врагомъ всякой мистики и фантастики, которыхъ такъ много было въ масонствѣ, а тутъ еще масонство прямо вступило съ ней въ борьбу, послѣ этого пощады съ ея стороны ждать было уже нечего. Масоны сами давали противъ себя оружіе своимъ презрѣніемъ къ положительнымъ знаніямъ, похвальбами какой-то особенной мудростію, наклонностью къ теософическимъ бреднямъ и алхиміи, потомъ своею таинственностію, множествомъ странныхъ церемоній, своеобразныхъ знаковъ, терминовъ, тѣлодвиженій и всякаго

рода кривлянья, отъ которыхъ тошно становилось болѣе серьезнымъ людямъ изъ ихъ собственной среды. Литература давно потѣшалась надъ ними. Сама императрица осмѣяла ихъ въ сочиненіяхъ: Тайна противонелѣпаго общества, Обманщикъ, Шаманъ, Обольщенный. Рѣшительно не понимая, для чего масоны такъ таятся, если ихъ ложи имѣютъ добрую цѣль, правительство заподозрило ихъ въ сектантствѣ и въ 1785 г. поручило Платону разсмотрѣть всѣ изданныя ими книги и испытать въ вѣрѣ самого Новикова. О Новиковѣ Платонъ далъ отзывъ, какъ о рѣдкомъ христіанинѣ; о книгахъ писалъ, что однѣ изъ нихъ обыкновенныя литературныя, другія — мистическія, которыхъ онъ не понимаетъ, а третьи—сочиненія энциклопедистовъ, самыя зловредныя для св. вѣры. Послѣ этого вышелъ указъ, запретившій продажу шести масонскихъ книгъ и печатаніе таковыхъ же впредь, но не помянувшій ни слова о книгахъ энциклопедистовъ. Чрезъ нѣсколько времени императрица узнала, что масоны сносятся съ своими собратіями въ Пруссіи, съ которой Россія была не въ ладахъ, что по случаю неурожая Новиковъ употребляетъ какія-то громадныя суммы въ пользу бѣдныхъ, очевидно не собственныя, а откуда-то полученныя, (правительству было неизвѣстно, что эти суммы жертвовалъ богачъ масонъ *Подходящинъ*, отъ этого даже раззорившійся), что наконецъ масоны пользуются расположеніемъ Павла Петровича; послѣ этого въ 1791 г. типографская компанія была закрыта, мистическія книги подверглись сожженію, а въ 1792 г. самъ Новиковъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Противодѣйствіе вольнодумству со стороны духовенства. Болѣе сильнаго и прямаго противодѣйствія вольнодумству всего естественнѣе было бы ожидать со стороны духовенства. Но оно было тогда крайне унижено, слабо и при томъ мало образовано. Смиренному проповѣднику слова Божія даже невсегда было и вразумлять съ своей каѳедры, потому что въ той средѣ, которая нуждалась въ его вразумленіи, не принято было ни ходить въ церковь, ни тѣмъ болѣе слушать какія нибудь проповѣди. Обличать вольнодумца-дворянина внѣ храма, какъ мы видѣли изъ примѣра св. Тихона, не безопасно было даже для личности самого архіерея. При такихъ обстоятельствахъ противодѣйствіе современному невѣрію и распущенности мы видимъ только изъ среды высшей іерархіи, изъ устъ знаменитыхъ

витій архіереевъ. Духовная литтература выставила противъ французской философіи довольно значительное количество сочиненій и переводовъ Такъ Амвросій московскій перевелъ Гроціево разсужденіе противъ атеистовъ и матеріалистовъ, *Анастасій Братановскій* „Средство противъ невѣрія“ съ французскаго. Сюда же относятся переводы и сочиненія: Безсмертіе души, Истина религіи, Гласъ вѣры, Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, Торжество вѣры надъ невѣрующими, Вольтеровы заблужденія аббе Нонота, Вольтеръ обнаженный, Вольтеръ изобличенный и др. Но большая часть этого рода книгъ по дубоватости языка и своему тяжелому и скучному характеру никакъ не могла соперничать съ бойкими, остроумными и увлекательными книгами противнаго лагеря Читали ихъ мало и пользу отъ нихъ получали большею частію лишь люди соблазнявшіеся, которые сами искали чего нибудь почитать такого, на чемъ бы можно было утвердиться среди современнаго шатанія умовъ. Противъ многаго притомъ же нельзя было и писать страха ради сильныхъ міра. Современный либерализмъ, такъ горячо стоявшій за свободу убѣжденій, оказывался очень фанатиченъ, когда эта свобода задѣвала его самого. Фонъ-Визинъ не могъ издать книги Клерка о бытіи Божіемъ, потому что оберъ-прокуроромъ Синода былъ Чебышевъ. Мы видѣли, что въ дѣлѣ о Новиковѣ, вопреки мнѣнію Платона, запрещенію подверглись книги мистическія, а не сочиненія энциклопедистовъ. Замѣчательно, что самыя сильныя опроверженія противъ Вольтера и энциклопедистовъ стали являться уже съ 1790 хъ гг., когда сама Екатерина вступила на путь реакціи.

Правительственная реакція противъ вольнодумства началась одновременно съ французской революціей. До сихъ поръ въ высшихъ сферахъ воображали, что религіозный либерализмъ можетъ оставаться безъ связи съ либерализмомъ политическимъ и въ этомъ изолированномъ видѣ служить безопасной для государства, а между тѣмъ занятной игрушкой для доморощенныхъ философовъ, какъ грозныя событія начала французской революціи обнаружили весь смыслъ этой рискованной игры. Судъ французскаго народа надъ правительствомъ, уничтоженіе во Франціи дворянства, казнь короля были такими страшными ударами грома, которые невольно заставили русскихъ либераловъ перекреститься. „Я ошиблась, сознавалась сама Екатерина... Закроемъ наши

высокоумныя книги и примемся за букварь". Послѣ этого всѣ Французы сомнительныхъ убѣжденій стали высылаться за границу; запрещенъ ввозъ французскихъ періодическихъ изданій; съ 1792 г. усилена цензура и наблюденіе за книжной торговлей; въ 1796 г. велѣно уничтожить вольныя типографіи. Русская литература наполнилась нападеніями на французское вольнодумство,—стали издаваться разные: Вольтеръ изобличенный, Вольтеръ обнаженный и т. п. Цензура была такъ строга, что и въ подобныхъ книгахъ выпускала тѣ мѣста, гдѣ приводились слова опровергаемаго Вольтера, наприм. въ изданіи упомянутой книги Нонота. Духовная власть тоже стала дѣйствовать смѣлѣе. Къ этому наприм. времени относятся представленія м. Гавріила петербургской полиціи объ уничтоженіи нѣкоторыхъ публичныхъ соблазновъ и письмо его къ министру Завадовскому о соблюденіи въ нормальныхъ училищахъ православныхъ постовъ, о чемъ либеральная педагогія доселѣ и не думала позаботиться. Въ 1795 г. профессоръ московскаго университета *Мельманъ* въ бесѣдѣ съ м. Платономъ высказалъ нѣсколько вольныхъ мыслей, клонившихся къ униженію христіанства предъ философіей. Узнавъ объ этомъ, университетская корпорація сочла нужнымъ отправить къ митрополиту депутатовъ съ объясненіемъ, что она не принимаетъ на себя вины вольнодумства одного изъ своихъ членовъ, потомъ сама подвергла Мельмана допросу и уволила его отъ должности въ 24 часа. Объ этомъ скоро узнало правительство и, подвергнувъ Мельмана новымъ допросамъ, велѣло признать его сумасшедшимъ и выслать за границу.

Въ царствованіе Павла Петровича реакція усилилась еще болѣе. Приведя въ исполненіе указъ Екатерины о закрытіи частныхъ типографій, государь установилъ самую строгую цензуру для печати, причемъ для книгъ, относящихся къ религіи, установлена особая духовная цензура; запрещеніе ввоза книгъ изъ-за границы простиралось даже на музыкальныя ноты; запрещено было отправлять за границу молодыхъ людей для образованія. Мы видѣли, что для противодѣйствія вольнымъ идеямъ государь благосклонно подалъ руку даже іезуитамъ. Другіе борцы противъ философіи XVIII в., масоны, получили при немъ большія милости; Новиковъ былъ освобожденъ изъ заключенія; нѣкоторые получили важныя должности и сдѣлались близкими ко двору. Вслѣдствіе горячаго характера государя пово-

ротъ къ строгостямъ показался такъ крутъ современникамъ, что повредилъ самому дѣлу реакціи и по смерти Павла Петровича на нѣкоторое время возбудилъ новыя вспышки вольнаго направленія умовъ при императорѣ Александрѣ.

Усиленіе средствъ къ народному образованію. Всѣ описанныя увлеченія вѣка и философіей, и масонствомъ, и затѣмъ самимъ духомъ реакціи одинаково обнаруживали еще крайнюю юность русскаго общества, его очевидную безпомощность предъ напоромъ наносныхъ идей, бывшую неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его недомыслія, скудости серьезнаго образованія и отсутствія прочныхъ опоръ въ убѣжденіяхъ. Сами просвѣтители общества временъ Екатерины говорили, что со временъ Петра Великаго оно до сихъ поръ только кое-чему училось, но не было воспитываемо, не имѣло развитія, и самой главной своей задачей считали именно то, чтобы дать ему это воспитаніе, развить въ немъ человѣческія мысли и убѣжденія, въ тѣло, созданное Петромъ, вложить душу. Съ этою цѣлію правительство стало заводить многочисленныя новыя школы и преобразовывать на новый ладъ старыя, выписывало изъ-за границы педагоговъ и новые методы обученія, завело главное нормальное училище для образованія народныхъ учителей и повсюду указало открывать народныя школы, отъ которыхъ всѣ ожидали величайшей пользы для народнаго развитія. Духовенство изъ своей среды сочувственно выставило въ эти школы законоучителей. Но мы уже видѣли, какъ нечистая примѣсь новаго просвѣщенія и здѣсь дала почувствовать свой вредъ въ новомодныхъ деистическихъ ограниченіяхъ преподаванія закона Божія и въ пренебреженіи къ уставамъ прав. церкви, допускавшемся даже въ нормальныхъ училищахъ. Кромѣ того, заведя свои казенныя школы, правительство само слишкомъ много увлеклось своими просвѣтительными планами, однѣ лишь эти школы и считало полезными, возревновало объ нихъ и принялось закрывать для народа старинный и привычный ему источникъ частнаго и свободнаго обученія дѣтей у членовъ церковныхъ причтовъ. Узнавъ, что, не смотря на безплатность обученія въ казенныхъ школахъ, отцы все таки продолжали отдавать своихъ дѣтей въ науку къ духовнымъ лицамъ, правительство распорядилось стѣснить эти частныя школы разными формальностями, требованіемъ отъ ихъ учителей свидѣтельствъ объ изученіи нормальнаго метода, и даже прямо требовало ихъ закрытія,

между тѣмъ какъ въ казенныя школы, не говоря уже о меньшемъ къ нимъ довѣріи православнаго люда, большая часть простолюдиновъ вовсе не могла помѣщать своихъ дѣтей по разнымъ житейскимъ для нихъ неудобствамъ казенной школьной дисциплины, наприм. по неудобству назначеннаго уставами времени для учебныхъ занятій и т. п.

Религіозное обученіе народа. Катихизическія и др. назидательныя произведенія дух. письменности Для усиленія средствъ къ религіозному образованію народа многіе изъ нашихъ архипастырей старались пользоваться извѣстнымъ обычаемъ сказыванія въ церквахъ по праздникамъ катихизическихъ поученій, для чего назначали у себя при соборахъ особыхъ катихизаторовъ. Толкованіе катихизиса попрежнему производилось еще при академіяхъ и семинаріяхъ. Для обученія вѣрѣ сельскихъ жителей приходскимъ священникамъ во многихъ епархіяхъ вмѣнялось въ обязанность читать по праздникамъ за обѣдней (вмѣсто проповѣди) символъ вѣры, молитву Господню и др. болѣе употребительныя молитвы съ посильными ихъ толкованіями и даже просто безъ толкованій, стараясь, чтобы со словъ священника всѣ прихожане могли эти молитвы выучить наизусть. Для грамотнаго люда нѣсколько катихизисовъ было издано въ печати (каковы катихизисы: архим. *Макарія Сусальникова*, Ѳеофана Прокоповича съ дополненіями Г. Конисскаго, протоіерея *І. Сидоровскаго*). Самыми лучшими изъ нихъ были три катихизиса м. Платона, бывшіе руководствами въ школахъ.—Во главѣ тогдашнихъ учителей вѣры и нравственности, какъ по глубинѣ христіанской мудрости, такъ и по необыкновенной жизненности и народности христіанскаго назиданія, стоитъ воронежскій святитель Тихонъ, такой же истинный св. отецъ русской церкви, какимъ до него былъ другой св. архипастырь XVIII в., Димитрій Ростовскій. Его сочиненіе „Объ истинномъ христіанствѣ“ навсегда останется образцомъ высокаго богословствованія въ самой общедоступной формѣ, дѣйствующаго на читателя не діалектическими фокусами, а явленіемъ духа и силы самаго слова Божія; всякая мысль, излагаемая имъ, не только глубоко обдумана, но также глубоко прочувствована и пережита и сама стремится сдѣлаться не сухимъ разсудочнымъ понятіемъ, а началомъ жизни. Таковы же его другія сочиненія: „Сокровище отъ міра собираемое“, проповѣди, письма, увѣщанія къ паствѣ и духо-

венству и творенія аскетическія. Св. Синодъ вполнѣ оцѣнилъ достоинство его нравственныхъ наставленій, составивъ изъ нихъ для чтенія въ церквахъ „Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ“ (1789 г.).— Заботясь объ умноженіи книгъ для назидательнаго чтенія, св. Синодъ въ 1767 г. указалъ Гавріилу тверскому пересмотрѣть и исправить для новаго изданія Прологъ; кромѣ того онъ усердно старался объ умноженіи русскихъ переводовъ отеческихъ твореній, объясненій правосл богослуженія, между которыми самое замѣчательное „О служеніи и чиноположеніяхъ церкви“ м. Гавріила (1792 г.), и толкованій на св. Писаніе.

Между *толкователями св. Писанія* замѣчательны: ректоръ московской академіи *Ѳеофилактъ Горскій*, написавшій „Соглашеніе“ св. Писанія (оставшееся въ рукописи), другой ректоръ той же академіи *Аполлосъ Байбаковъ*, издавшій толкованія на нѣсколько посланій ап. Павла (1785—1786), Симонъ Лаговъ, истолковавшій весь Н. Завѣтъ (рукоп.), м. Гавріилъ, издавшій толкованія на соборныя посланія (1794), Амвросій Подобѣдовъ, написавшій „Руководство къ чтенію св. Писанія“ (1799), Никифоръ Ѳеотоки, писавшій впрочемъ на греческомъ языкѣ, *Ириней Клементьевскій* псковскій и др. Явилась мысль о переводѣ св. Писанія на русскій языкъ. Самый народный изъ тогдашнихъ святителей, св. Тихонъ усердно взялся за осуществленіе ея и самъ переводилъ на русскій языкъ Псалтирь и Н. Завѣтъ, но не рѣшился издать своего труда изъ опасенія подать поводъ къ соблазну для привыкшихъ къ славянскому тексту Библіи. Переводомъ Псалтири занимался еще Амвросій Зертисъ-Каменскій вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ляцевскимъ; трудъ ихъ изданъ въ собраніи переложеній Псалтири въ 1804 г.

На поприщѣ *церковнаго проповѣдничества* самымъ знаменитымъ дѣятелемъ былъ Платонъ, болѣе полвѣка украшавшій собою церковную каѳедру, оставившій послѣ себя болѣе 600 словъ и рѣчей, кромѣ того часто говорившій проповѣди безъ приготовленія. Въ лицѣ его русская церковная проповѣдь, послѣ Прокоповича и Криковскаго, сдѣлала новый шагъ къ своему освобожденію отъ риторскихъ замашекъ, завѣщанныхъ кіевской школой, и къ своему

сближенію съ дѣйствительной жизнью (1). Въ первыхъ его проповѣдяхъ придворнаго періода еще довольно много риторскаго краснословія, но позднѣйшія слова московскаго періода отличаются замѣчательной простотой, жизненностію и духовной убѣдительностію; въ нихъ онъ весьма близко касался господствующихъ явленій современной ему жизни, такъ что по нимъ можно довольно полно изучить нравственно-религіозное состояніе тогдашняго общества. Въ искусствѣ произношенія проповѣдей, по свидѣтельству современниковъ, не было никого ему равнаго.—Въ западной Россіи славился своимъ блистательнымъ ораторскимъ талантомъ Георгій Конисскій; его знаменитыя рѣчи: на коронацію Екатерины, рѣчь 1765 г. къ Станиславу и рѣчь на встрѣчу императрицы въ Могилевѣ („Оставимъ астрономамъ доказывать"), получили классическое значеніе и общеевропейскую извѣстность. Одинъ изъ его преемниковъ въ Могилевѣ, *Анастасій Братановскій*, тоже былъ знаменитостью въ ораторскомъ родѣ; особенно замѣчательны его обличенія противъ современнаго вольнодумства. Изъ другихъ проповѣдниковъ замѣчательны: м. Гавріилъ, Иннокентій псковскій, Дамаскинъ Рудневъ нижегородскій, Самуилъ Миславскій, Симонъ Лаговъ, Амвросій Подобѣдовъ, Амвросій Серебрениковъ екатеринославскій, написавшій между прочимъ (во время учительства въ вятской семинаріи) „Руководство къ ораторіи россійской" (1778 г.). Въ Кіевѣ явился славный проповѣдникъ изъ бѣлаго духовенства, протоіерей *Іоаннъ Леванда* († 1814).—Для развитія церковнаго проповѣдничества среди бѣлаго духовенства во многихъ епархіяхъ заведено было очередное сказываніе проповѣдей въ соборѣ. Каждый изъ ученыхъ священнослужителей обязывался ежегодно представить извѣстное число проповѣдей подъ опасеніемъ штрафа. Для неученыхъ священнослужителей, которые не могли

(1) «О витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился, писалъ Платонъ. Таковый словами играющій и надменный слогъ, можетъ быть, для свѣтскихъ сочиненій и нуженъ: но на свящ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный излишенъ... Все вниманіе мое обращалъ я на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго». «Къ чему пышный и сладоточный словъ приборъ? Открой самую истину въ существенномъ ея видѣ. Она есть величественная жена: заставляетъ себя любить и почитать своею сановитостію, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренныя».

сочинять проповѣдей сами, св. Синодъ издалъ два сборника готовыхъ проповѣдей: „Поученія на воскресные и праздничные дни (1775)“ и „Краткія поученія на каждый день года (1781),“ составленные трудами Гавріила и Платона изъ твореній отцевъ и проповѣдей Гедеона, Иннокентія и др. Въ руководство духовенству при исполненіи имъ вообще пастырскихъ обязанностей изданы полезныя сочиненія: „О должностяхъ приходскихъ священниковъ“ Парфенія смоленскаго (1776) и „Катихизисъ для священно-церковнослужителей“ м. Платона.

Богословскія системы. Въ систематическихъ трудахъ по богословію въ описываемое время господствовало направленіе Ѳ. Прокоповича. Вмѣсто системъ католическихъ наши богословы вслѣдъ за Прокоповичемъ исключительно стали руководствоваться системами протестантскими (Квенштедта, Гергарда, Буддея, Шуберта и др.). Богословская наука стала оживляться и все болѣе и болѣе освобождалась отъ путъ мертвившей ее схоластики, но при этомъ подверглась другой опасности—подъ вліяніемъ протестантскихъ образцовъ потерять чистоту православія. Протестантскія мнѣнія нерѣдко довольно ясно проскальзывали подъ перомъ ученыхъ богослововъ. Такова особенно система Ѳеофилакта Горскаго, издававшаяся нѣсколько разъ въ полномъ и сокращенномъ видѣ на латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. При Екатеринѣ въ первый разъ изданы богословскіе трактаты самого Прокоповича; издателями были Дамаскинъ Рудневъ и Самуилъ Мисловскій. Послѣдній исправилъ ихъ и продолжилъ совершенно въ духѣ автора, даже съ удержаніемъ извѣстныхъ своеобразныхъ мнѣній его о началахъ богословія, о поврежденіи природы человѣка, оправданіи вѣрою и о таинствахъ. Лучшими богословскими системами были: система м. Гавріила, которой пользовался Ѳ. Горскій, но которая не была издана въ печати, и „Сокращенная богословія“ м. Платона, изданная (1765) на русскомъ языкѣ и вскорѣ переведенная на латинскій, греческій, армянскій, грузинскій, нѣмецкій, французскій, потомъ англійскій языки. Образцомъ своимъ Платонъ имѣлъ того же Прокоповича, но гораздо болѣе его успѣлъ отрѣшиться и отъ вліянія протестантскаго духа, и отъ остатковъ схоластики, которую никогда не жаловалъ. „Богословіе Христово, говаривалъ онъ, состоитъ не въ препретельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ“. Весьма важ-

нымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ къ развитію отечественнаго богословія, было то, что въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ стали задаваться богословскія сочиненія и вестись школьные диспуты, на немъ же появились богословскіе труды (св. Тихона, м. Платона) въ печати, что дѣлало съ одной стороны богословскую науку доступною для публики, а съ другой было очень полезно для самихъ богослововъ, способствовало къ развитію самостоятельной богословской мысли и русскаго богословскаго языка. Болѣе полное вытѣсненіе схоластики и латыни изъ богословскаго образованія принадлежитъ впрочемъ уже позднѣйшему времени, послѣ реформы духовныхъ школъ при Александрѣ I.

Труды церковно-историческіе. Съ оживленіемъ при Екатеринѣ занятій русской исторіей явилось нѣсколько важныхъ сочиненій въ церковно-историческомъ родѣ. Многіе изъ ученаго духовенства участвовали въ изданіи памятниковъ русской, преимущественно церковной старины, наприм. Дамаскинъ Рудневъ, составившій кромѣ того важное библіографическое сочиненіе о всѣхъ книгахъ, съ начала типографіи въ Россіи изданныхъ (рукоп.), Самуилъ Миславскій, занимавшійся древностями Кіева, *Антоній Зыбелинъ* (нижегородскій), напечатавшій въ „Вивліоѳикѣ“ Новикова Двинскій лѣтописецъ и свѣденія о Нижнемъ, *Веніаминъ Румовскій* (архангельскій, потомъ нижегородскій), собиравшій памятники для исторіи архангельской епархіи (въ „Любопытномъ мѣсяцословѣ“ Рубана); въ 1781 г. онъ распорядился, чтобы во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ архангельской епархіи велись церковныя лѣтописи. Явилось нѣсколько историческихъ сочиненій, относившихся къ описанію разныхъ епархій, наприм. казанской, вятской и астраханской *Платона Любарскаго*, и къ описанію монастырей и церквей, напр. Троицкой лавры *Павла Пономарева* и др. Георгій Конисскій написалъ „Историческое извѣстіе о бѣлорусской епархіи“, подробное изслѣдованіе о „Правахъ и вольностяхъ православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ“ и др. труды по исторіи уніи и западной Россіи. Московскій протоіерей И. Алексѣевъ составилъ „Краткое начертаніе исторіи грекороссійской церкви“ и „Словарь еретиковъ и раскольниковъ“. Наконецъ самый плодовитый изъ писателей того времени м. Платонъ составилъ и издалъ первый систематическій трудъ по русской церковной исторіи („Краткая россійская

церковная исторія"), который долгое время былъ единственнымъ руководствомъ по этому предмету какъ для духовныхъ школъ, такъ и для публики, трудъ рѣдкій по своей талантливости, полный обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики, преимущественно направленный противъ тенденціозныхъ взглядовъ на церковь историковъ XVIII в., хотя тоже въ свою очередь не чуждый нѣкоторыхъ современныхъ идей, наприм. относительно древнихъ чудесъ и суевѣрій.—Изъ *путешествій ко св. мѣстамъ* замѣчательно „Путешествіе въ Іерусалимъ" (1792) саровскаго іеромонаха *Мелетія*, въ которомъ между прочимъ провѣрены уважаемыя раскольниками показанія „Проскинитарія" Суханова. При Екатеринѣ же изданы были записки извѣстнаго пѣшеходца В. Барскаго.

Въ дополненіе этого обзора литературныхъ трудовъ описываемаго времени можно упомянуть о другомъ воспитанникѣ кіевской академіи, который, какъ и Барскій, отказался отъ всѣхъ выгодъ своего образованія и проводилъ бездомную, странническую жизнь, только не за границей, а по родной украйнѣ; это былъ извѣстный малороссійскій философъ *Григорій Сковорода*, избравшій себѣ поприще странствующаго народнаго учителя. Уроки его были большею частію устные, предлагались жителямъ помѣщичьихъ усадьбъ, хуторовъ и бѣдныхъ хатъ; но онъ оставилъ послѣ себя много и печатныхъ трудовъ въ стихахъ и прозѣ, оригинальныхъ и переводныхъ. Любимымъ содержаніемъ его уроковъ было побужденіе къ самопознанію и изображеніе тщеты всего земнаго передъ вѣчностію. Направленіе его было мистическое, доходившее до мистическаго пантеизма; мистицизмъ отразился на самомъ языкѣ его произведеній, очень вычурномъ и малопонятномъ; съ народомъ онъ впрочемъ бесѣдовалъ языкомъ яснымъ и народнымъ.

Духовныя школы. Какъ ни обширна стала духовная литература сравнительно съ прежнимъ временемъ, но въ ряду духовныхъ писателей мы попрежнему видимъ главнымъ образомъ лицъ изъ высшаго духовенства. Остальная масса духовенства все еще страдала скудостію образованія. Въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ императрица писала о дух. школахъ, что прошло 40 лѣтъ, какъ стали онѣ заводиться, а все еще до сихъ поръ плохи: „семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и

въ бѣдномъ содержаніи; семинаристы обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются греческому и латинскому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи большею частію неволею и содержатся безъ разбора,—а иные прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ". Вслѣдствіе этого тогда же предположено было преобразовать всѣ дух. школы и составить для нихъ штаты. Проектъ преобразованія поручено составить Иннокентію, Гавріилу и Платону; они изготовили его въ 1766 г. Предположено было: московскую академію преобразовать въ духовный университетъ съ высшимъ курсомъ; открыть кромѣ нея 4 большихъ семинаріи (въ Новгородѣ, Петербургѣ, Казани и Ярославлѣ) съ курсомъ, расширеннымъ противъ обычнаго семинарскаго курса введеніемъ французскаго, нѣмецкаго и еврейскаго языковъ, геометріи, тригонометріи, физики, метафизики, полемическаго богословія и толкованія св. Писанія; въ другихъ епархіяхъ открыть малыя семинаріи съ меньшимъ курсомъ для образованія кандидатовъ на церковныя должности; затѣмъ при монастыряхъ въ каждой епархіи завести по 2—3 малыя гимназіи съ первоначальнымъ образованіемъ для приготовленія учениковъ къ семинаріи и для обученія народа; кромѣ того открыть нештатныя школы грамотности при благочиніяхъ Во всѣхъ заведеніяхъ предполагалось, кромѣ обученія, обращать вниманіе на доброе воспитаніе учениковъ Въ педагогическихъ мѣрахъ замѣчательно ослабленіе старой системы суровыхъ наказаній; палки и лозы замѣнены наказаніями, основанными на чувствѣ стыда и чести (обуваніе въ лапти, подаваніе блюдъ за столомъ, угрозы исключеніемъ и пр.). При обученіи предположено ввести новый болѣе легкій и разумный методъ и усилить вмѣсто латини занятіе науками. На содержаніе заведеній проектированы были очень достаточныя суммы. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ его видѣ, но нѣкоторыя мысли его, бывшія выраженіемъ современныхъ понятій о духовномъ образованіи, не остались безъ приложенія къ практикѣ.

Число семинарій при Екатеринѣ увеличилось: учреждены семинаріи въ Астрахани, Сѣвскѣ, Полтавѣ, Иркутскѣ, Тамбовѣ, въ епархіи олонецкой, въ Слуцкѣ и Минскѣ; заводились и низшія школы (гимназіи). Не смотря на то, что неученому человѣку все хуже и хуже становилось жить на свѣтѣ, архіереямъ и теперь приходилось прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для привлеченія духовныхъ дѣтей въ школы, наказывать отцовъ за необученіе дѣтей въ семинаріи штрафами и запрещеніемъ священнослуженія. Многіе ученики постарому числились бѣглыми, другіе старались поскорѣе выключиться, чтобы попасть на какое нибудь церковное мѣсто, не теряя лишняго времени на школу; до конца курса доходило обыкновенно не болѣе $^1/_3$ всѣхъ учениковъ. При всемъ томъ *число учащихся* въ 1764—1784 гг. возрасло съ 6000 почти до 12000. Съ увеличеніемъ числа учащихся изъ духовенства во второй половинѣ XVIII столѣтія совсѣмъ прекратился пріемъ въ семинаріи постороннихъ учениковъ, за исключеніемъ семинарій малороссійскихъ, которыя все еще оставались заведеніями открытыми для всѣхъ, по крайней мѣрѣ до введенія въ Малороссіи дух. штатовъ. Кромѣ этого замкнутость семинарій естественно вызывалась умноженіемъ свѣтскихъ школъ и скудостію средствъ у духовныхъ училищъ послѣ отобранія церковныхъ вотчинъ. Духовная власть стремилась закрыть и выходъ изъ дух. школъ въ свѣтское званіе, чтобы не тратить церковныхъ средствъ на постороннія цѣли; но это стремленіе оказывалось малоуспѣшнымъ. При учрежденіи намѣстничествъ въ новыя канцеляріи ушло громадное число дух. воспитанниковъ, наприм. въ 1779 г. 155 человѣкъ изъ одной нижегородской семинаріи; потомъ очень много семинаристовъ требовали въ народныя школы, въ медицинскую науку, въ университетъ и проч. Семинарскія и епархіальныя начальства даже нарочно старались по этимъ требованіямъ отпускать учениковъ похуже и дошедшихъ не дальше риторическаго класса, а лучшихъ удерживали у себя, иногда даже противъ ихъ воли.

Въ *содержаніи дух. школъ* произошла важная перемѣна послѣ назначенія на нихъ штатныхъ окладовъ. Оклады эти впрочемъ далеко не оправдали тѣхъ ожиданій, какія возбуждены были въ духовенствѣ обѣщаніями правительства при отобраніи церковныхъ вотчинъ. На всѣ 28 учебныхъ заведеній съ 6000 учащихся въ 1765 г. ассигновано было

всего 38000 р. съ небольшимъ въ годъ, (вдвое менѣе, чѣмъ въ свое время опредѣлилъ выдавать на нихъ Петръ III), такъ что по развёрсткѣ этой суммы на семинаріи, по величинѣ каждой, нѣкоторыя изъ нихъ получали всего по 490 р., большинство по 800 и только 4 свыше 2000 р. Оклады эти съ небольшими отъ времени до времени прибавками продолжали выдаваться до 1784 г., не смотря на то, что число учениковъ въ это время успѣло удвоиться; съ 1784 г. назначено 77,431 р. въ годъ и большая часть семинарій стали получать по 2000. Замѣтимъ при этомъ, что въ свѣтскомъ вѣдомствѣ на одно главное народное училище въ тоже время выдавалось болѣе 14000 р. въ годъ. На нисшія дух. училища оклады вовсе не были назначены. Правда, штатные оклады были очень полезны для семинарій, потому что въ нихъ семинаріи въ первый разъ получили для себя постоянный источникъ содержанія, съ которымъ уже могли не подвергаться прежнимъ случайностямъ своего существованія, но жить на нихъ исключительно все-таки было нельзя. Поэтому для поддержанія своихъ школъ архіереямъ приходилось прибѣгать къ разнымъ другимъ источникамъ; такъ, они дѣлали для этого сборы съ духовенства и монастырей, приписывали къ школамъ доходы съ нѣкоторыхъ церковныхъ земель, угодій и строеній, жертвовали на нихъ изъ своего достоянія, обращали въ ихъ пользу штрафы съ духовенства, напр за неотдачу дѣтей въ школы, за держаніе бѣглыхъ учениковъ, за позднюю явку учениковъ съ ваката, опущеніе очередныхъ проповѣдей, нетрезвость и т. п., наконецъ зачисляли за бѣдными учениками церковныя мѣста съ правомъ пользоваться отъ этихъ мѣстъ извѣстной частью церковнаго дохода. Кромѣ обильныхъ пожертвованій со стороны архіереевъ, наприм. Арсенія Могилянскаго, Гавріила Кременецкаго, Платона, Иннокентія, Дамаскина, бывали на семинаріи пожертвованія и отъ свѣтскихъ лицъ, такъ что у нѣкоторыхъ семинарій отъ этихъ пожертвованій образовались довольно значительные капиталы. Монастыри давали многимъ семинаріямъ самыя помѣщенія.—Помѣщенія семинарскія были впрочемъ большею частію тѣсны, грязны и холодны; всѣ работы по уходу за ними лежали на самихъ ученикахъ или на штрафованныхъ причетникахъ. Содержаніе ученикамъ давалось самое нищенское, наприм. на казеннокоштныхъ философовъ и богослововъ московской академіи шло всего по 15, а на

учениковъ низшихъ классовъ по 8 р. въ годъ. Въ семинаріяхъ не доставало средствъ и на такое содержаніе, такъ что приходилось даже сокращать самое число учениковъ. Своекоштные ученики бѣдствовали еще больше, жили на дурныхъ квартирахъ у дурныхъ людей и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, ходили въ сермягахъ, лаптяхъ и валенкахъ, питались преимущественно чернымъ хлѣбомъ и квасомъ. Для поддержанія своего существованія они отыскивали себѣ такъ называемыя кондиціи, отнимавшія у нихъ очень много дорогаго времени, занимались перепиской и др. работами, какія знали, въ Рождество и Пасху добывали себѣ подачки славленьемъ или супликою съ обычными стихами и рацеями; начальства семинарій позволяли добывать этими средствами подспорье къ скудному прокормленію и казеннокоштнымъ ученикамъ, лучшихъ изъ нихъ даже сами рекомендовали на кондиціи. Въ Малороссіи ученики постарому продолжали нищенствовать по дворамъ съ пѣніемъ кантовъ и вертепами. Случалось, что голодный семинарскій людъ пускался даже на воровство, о которомъ среди духовенства сохранилось множество преданій даже доселѣ.—Сами учители содержались немного лучше учениковъ. Самый высшій окладъ въ семинаріяхъ (ректорскій) простирался всего до 300 р. Учители получали 150, 100 р. и меньше; имѣющіе постороннія должности (священники) вознаграждались обыкновенно рублями 30-ю въ годъ.

Вопросъ о расширеніи семинарскаго курса возбудилъ другой вопросъ *о приготовленіи семинарскихъ наставниковъ*. Въ 1765 г. по желанію императрицы св. Синодъ отправилъ для этого за границу 16 человѣкъ изъ лучшихъ воспитанниковъ: 6 въ Оксфордъ, 5 въ Геттингенъ и 5 въ Лейденъ. Въ 1772–1775 гг. они возвратились съ самыми лестными рекомендаціями заграничныхъ профессоровъ; между ними особенно отличился успѣхами *Дмитрій Рудневъ* (послѣ еписк. Дамаскинъ), избранный за свои труды по Русской исторіи въ члены геттингенскаго историческаго общества. Экзаменовавшая ихъ духовная комиссія представила императрицѣ мнѣніе о назначеніи ихъ профессорами проектированнаго тогда богословскаго факультета при московскомъ университетѣ, въ которомъ должны были учиться лучшіе ученики семинарій для приготовленія къ учительскимъ должностямъ. Проектъ этого факультета не былъ приведенъ въ исполненіе, и воротившіеся изъ-за границы ученые рас-

предѣлены были по разнымъ мѣстамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, преимущественно впрочемъ по учительскимъ при академіи и семинаріяхъ. По желанію императрицы (1787 г.) за границу посылались также студенты кіевской академіи; они учились въ Польшѣ, двое въ Слуцкѣ и двое въ Вильнѣ. Кромѣ того для приготовленія къ учительству лучшіе студенты изъ нѣкоторыхъ епархій по назначенію архіереевъ слушали лекціи въ московскомъ университетѣ и филологической семинаріи Дружескаго ученаго общества; нѣкоторые изъ нихъ имѣли потомъ важное значеніе въ исторіи духовнаго образованія и русской церкви, такъ наприм. студенты московской академіи *Стефанъ* (въ монаш. *Серафимъ*) *Глаголевскій* и *Евѳимій* (въ монаш. *Евгеній*) *Болховитиновъ*, но большая часть такихъ студентовъ переходили изъ духовнаго званія въ свѣтскую службу. Когда правительство открыло учительскую семинарію для образованія учителей въ народныя школы, м. Гавріилъ въ 1788 г. по образцу ея сталъ преобразовывать свою невскую семинарію для приготовленія учителей въ дух. школы; св. Синодъ указалъ для этого высылать въ нее человѣка по два воспитанниковъ изъ всѣхъ семинарій, кромѣ троицкой и малороссійскихъ, которыя могли получать учителей изъ своихъ академій. — Несмотря впрочемъ на всѣ эти заботы о приготовленіи лучшихъ наставниковъ для семинарій, составъ учителей въ большей части семинарій все еще былъ неудовлетворителенъ. Съ одной стороны онъ много зависѣлъ отъ случайностей, отъ большей или меньшей внимательности къ семинаріи мѣстнаго архіерея, отъ средствъ заведенія и т. п., а съ другой во всѣхъ заведеніяхъ, не исключая и академій, ему мѣшало отсутствіе спеціальности въ учительскихъ занятіяхъ; учитель въ теченіе своей службы постарому проходилъ одинъ за другимъ всѣ классы отъ фары до богословія, оставаясь въ каждомъ по году, по два, смотря по своимъ заслугамъ, кромѣ того по недостатку учителей, а иногда просто въ видахъ семинарской экономіи долженъ былъ въ одно время преподавать по 2-3 науки. Немало вредило дѣлу преподаванія пристрастіе архіереевъ къ наставникамъ монашествующимъ, которые смотрѣли на учительство, не какъ на свою спеціальность, а какъ на переходную степень къ высшимъ іерархическимъ должностямъ.

Перемѣны въ учебномъ курсѣ. При всей скудости матеріальныхъ средствъ и другихъ неудобствахъ духовныя школы довольно быстро улучшались въ учебномъ отношеніи, хотя и не всѣ равномѣрно. За неимѣніемъ опредѣленныхъ правилъ, кромѣ устарѣвшихъ правилъ Д. Регламента, ни въ составѣ семинарскихъ курсовъ, ни во времени, ни въ методѣ преподаванія не было никакого однообразія; все зависѣло здѣсь отъ усмотрѣнія архіереевъ, которые, какъ и прежде, оставались полными хозяевами своихъ семинарій. Всѣхъ выше по образованію и внутреннимъ порядкамъ стояли заведенія м. Платона. Кіевская академія должна была уступить свое первенство не только московской академіи, но даже лаврской семинаріи. Архіереи наперерывъ добивались согласія Платона, чтобы ихъ лучшіе студенты довершали свое образованіе въ его заведеніяхъ. Всегда внимательный къ дѣлу духовной науки, митрополитъ самъ лично подбиралъ у себя составъ академическихъ и семинарскихъ преподавателей, входилъ во всѣ мелочи ихъ службы и лучшими изъ нихъ чрезвычайно дорожилъ.—Полный семинарскій курсъ въ семинаріяхъ простирался 8—13 лѣтъ; время для прохожденія каждой науки назначалось тоже разное, смотря потому, насколько мѣстный архіерей проникнутъ былъ сознаніемъ ея важности. Разумѣется, всего болѣе времени приходилось на долю богословія (2—1 года) и латинскаго языка, отъ котораго никакъ не могли эмансипироваться и теперь. До Екатерины полный курсъ до богословія включительно, кромѣ академій, существовалъ только въ 8 дух. заведеніяхъ; къ концу ея царствованія богословіе введено было уже во всѣхъ семинаріяхъ. Прежнее схоластическое, разсудочно-отвлеченное образованіе дух. заведеній стало оживляться расширеніемъ въ ихъ курсѣ фактическихъ и реальныхъ знаній; сначала въ московской академіи, потомъ во многихъ семинаріяхъ, усилено преподаваніе географіи, исторіи, физики и отчасти математики. Изъ языковъ, кромѣ латинскаго, по указу 1784 г. вездѣ стали изучать еще греческій; вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстнаго греческаго проекта императрица предписала изучать этотъ языкъ даже предпочтительнѣе другихъ языковъ; св. Синодъ распорядился, чтобы ученики семинарій учились не только свободно переводить, но и говорить погречески. Въ московской академіи при Платонѣ, который самъ хорошо зналъ греческій языкъ, такихъ знатоковъ меж-

ду, студентами дѣйствительно было довольное число. Кромѣ классическихъ языковъ, въ семинаріяхъ стали обучать еще еврейскому и новымъ языкамъ, прежде мало извѣстнымъ духовенству, особенно языку французскому. Послѣдній впрочемъ подвергся подъ конецъ царствованія гоненію; въ 1784 г. обученіе ему велѣно было прекратить. Въ преподаваніи прежнихъ наукъ семинарскаго курса тоже видимъ значительный шагъ впередъ. Въ риторическомъ классѣ усилено изученіе русской риторики (по Ломоносову); латинская изучалась сначала по Бургію, потомъ по болѣе свѣжей риторикѣ Лежая. Въ философіи и богословіи оканчивалось царство Аристотеля и Ѳ. Аквината. Семинарскихъ философовъ уже не боялись знакомить съ новой нѣмецкой философіей; всего болѣе понравилась духовнымъ начальствамъ философія Вольфіанская; система одного изъ представителей ея Баумейстера была вездѣ принята въ качествѣ учебнаго руководства. Въ богословіи, какъ мы видѣли, преобладала система Ѳ. Прокоповича. Схоластика однако съ большимъ трудомъ уступала свое господство новому направленію науки. На схоластическое развитіе учениковъ все еще обращалось главное вниманіе и на семинарскихъ экзаменахъ, и въ разныхъ ученическихъ оккупаціяхъ, и на диспутахъ, которые по старой памяти господствовали во всѣхъ академіяхъ и семинаріяхъ и сообразно съ требованіями вѣка обдекались даже особенно торжественной обстановкой.

Въ 1785 г. вышелъ указъ о введеніи въ семинаріяхъ новаго метода въ преподаваніи, усвоеннаго въ народныхъ школахъ по образцу австрійскихъ нормальныхъ школъ. Московская академія и казанская семинарія поспѣшили исполнить это распоряженіе, но другія дух. школы встрѣтили его съ неудовольствіемъ и старались удержать у себя свой старый привычный методъ. Одинъ троицкій студентъ, посланный для изученія новаго метода въ московскую академію, въ своемъ отчетѣ не замѣтилъ въ немъ ничего существеннаго, кромѣ однихъ внѣшнихъ пріемовъ, совокупнаго чтенія урока всѣми учениками, крика ихъ въ одинъ голосъ, совокупныхъ отвѣтовъ на вопросы учителя чрезъ поднятіе рукъ, писанія урока на доскѣ, и представилъ все это въ каррикатурѣ, чѣмъ-то въ родѣ пустой игры. Начальство троицкой семинаріи въ своемъ представленіи Платону писало, что новый методъ будетъ даже вреденъ для семинарій, потому что по требованію его въ нижнихъ

классахъ нужно будетъ преподавать отечественный языкъ раньше латинскаго: это казалось тогда какой-то нелѣпостью. Платонъ и самъ, хотя одинъ изъ первыхъ заговорилъ объ изученіи въ семинаріяхъ русскаго языка, все-таки крѣпко стоялъ за латынь. Послѣ въ 1800 г., когда поднялся вопросъ о чтеніи на русскомъ языкѣ семинарскихъ лекцій, онъ просилъ Амвросія оставить эту вредную затѣю, потому что только латынь еще и поддерживаетъ ученую репутацію духовенства, съ потерей ея оно потеряетъ послѣднюю честь, да и книгъ классныхъ на русскомъ языкѣ еще мало. Русскій языкъ, по желанію правительства, все-таки понемногу вводился въ семинаріяхъ и пріобрѣталъ себѣ здѣсь право гражданства.

Претендовавшій на гуманность философскій вѣкъ внесъ важное измѣненіе и *въ педагогическіе пріемы*, господствовавшіе въ дух. школахъ. Прежняя грубая и огрубляющая система воспитанія, представителями которой были прежнія малороссійскія начальства, основанная на страхѣ наказаній, была осуждена, со всѣми ея кандалами, тюрьмами, сѣченіемъ въ три и четыре лозы на полу и на воздусѣхъ и т. п., еще въ проектѣ преобразованія дух. школъ 1766 г. Въ новыхъ архіерейскихъ инструкціяхъ семинаріямъ тѣлесныя наказанія вездѣ ослабляются, но крайней мѣрѣ предоставляются не всѣмъ лицамъ педагогическаго состава семинаріи, какъ въ Регламентѣ, а только ректору и префекту. По инструкціи м. Платона семинарское начальство должно было „стараться вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ". Говорилось также немало о смягченіи грубости бурсацкихъ нравовъ посредствомъ большаго развитія въ ученикахъ благородныхъ инстинктовъ, возвышенія эстетическаго образованія, ослабленія низкихъ и грязныхъ наклонностей къ пьянству и т. п. Практика семинарской жизни, разумѣется, стояла еще далеко ниже этихъ требованій и идей, но важно было и то, что онѣ были уже сознаны и высказаны.

Распоряженія о дух. школахъ при Павлѣ I. Императоръ Павелъ въ свое непродолжительное царствованіе проявилъ большое вниманіе къ духовнымъ школамъ. Считая лучшее устроеніе ихъ одной изъ первыхъ потребностей для блага народнаго, онъ прежде всего велѣлъ увеличить ихъ штатные оклады до 180,000 р. въ годъ, потомъ указомъ

1797 г., распорядился открыть, кромѣ существовавшихъ двухъ академій, двѣ новыя въ Петербургѣ и Казани, вслѣдствіе чего невская и казанская семинаріи переименованы были въ академіи. Разсмотрѣвъ проектъ новаго устройства дух. заведеній, составленный м. Гавріиломъ, св. Синодъ опредѣлилъ: для усовершенія въ наукахъ посылать въ означенныя четыре академіи лучшихъ учениковъ семинарій чрезъ каждые два года; курсъ академій расширить противъ семинарій введеніемъ пространнѣйшаго преподаванія полныхъ системъ философіи (2 года), богословія (3 года), высшаго краснорѣчія, физики, языковъ греческаго, латинскаго, еврейскаго, изъ новыхъ нѣмецкаго или французскаго (по выбору учениковъ); въ семинаріяхъ вновь ввести обученіе учениковъ сельской экономіи и врачеванію болѣзней; въ преподаваніи наукъ держаться того же способа, какой употребляется въ академіяхъ; академическимъ правленіямъ наблюдать за порядкомъ преподаванія въ семинаріяхъ; начальниковъ и учителей въ дух. заведенія избирать испытанныхъ не только въ наукахъ, но и въ добромъ поведеніи; имѣть крайнее попеченіе, чтобы кромѣ ученія въ юношествѣ насаждаемо было благонравіе, удалять отъ нихъ грубость, обманъ, пьянство, ябеду и проч. Благодаря большей щедрости училищныхъ окладовъ, число семинарій увеличилось открытіемъ новыхъ семинарій: подольской, волынской, виленской, калужской, пермской, пензенской, оренбургской и армейской въ Петербургѣ для образованія дѣтей военнаго духовенства. Съ 1800 г., кромѣ семинарій и училищъ, по епархіямъ стали заводиться еще русскія школы для малоспособныхъ учениковъ, которые не въ силахъ были изучать языковъ; воспитанники этихъ школъ приготовлялись главнымъ образомъ къ причетническимъ должностямъ. Ко времени новаго общаго преобразованія всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній въ царствованіе Александра I во всей Россіи считалось уже 4 академіи, 36 семинарій и до 115 низшихъ школъ, а число учащихся простиралось до 29,000 человѣкъ.